

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.А. Морозов

АЗИАТСКИЕ
ХРИСТЫ

история человеческой культуры
в естественнонаучном освещении

Н.А.Морозов

**Азиатские
христы**

Москва
2003

УДК 9(М)03,9М,1,293
ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33
М80

Scan By Vitautus

«Мироведение–XXI»
Совет по изучению научного наследия
Морозова Николая Александровича

Председатель – В.Б.Бирюков

Члены: С.И.Валянский, С.В.Виноградов, М.А.Кононов, А.Г.Макаров,
И.С.Недосекина

М80 Морозов Николай Александрович.

Азиатские христы. – М.: Издательство «Крафт+», 2003. – 580 с.

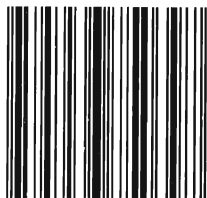
ISBN 5-93675-039-6

Перед вами девятый том сочинений Н.А. Морозова, публикующийся впервые на основе его архива. Книга посвящена вопросам истории и философии буддизма.

ISBN 5-93675-039-6

УДК 9(М)03,9М,1,293

ББК 63.3.(0)3,87,86.3,86.33

9 785936 750397

© Вступительная статья, С.И.Валянский, 2003

© Идея, составление, серия, оформление
ООО «Крафт+», 2003

Предисловие

Многомерная история, или почему история ничему не учит

Особенность поведения объектов, составляющих предмет исследования общественных наук, заключается в том, что они обмениваются информацией. То есть они обладают информацией, которая управляет образованием самой системы, процессами в них и взаимодействием с окружением.

Существующая теория информации развивалась для технических систем, для которых являются важными вопросы передачи информации, в том числе ее оптимизации. Поэтому в рамках этой теории проблемам создания и хранения информации не уделялось достаточно внимания. Но для биологических систем эти проблемы выходят на первое место, не говоря уже об объектах, составляющих предмет исследования общественных наук. Именно в биологии был поставлен вопрос: «Как осуществляется *выбор одного (или нескольких) вариантов из многих возможных*, и как *сделанный выбор запомнить*, учитывая, что они всегда функционируют в условиях достаточно больших флуктуаций?» А ведь это и есть процесс создания информации. («Запоминание случайного выбора» – это обычный способ возникновения информации.¹)

Таким образом, информационная система должна быть способной: а) создавать или получать информацию, б) запоминать ее и, наконец, в) выдавать ее при взаимодействии с другими системами. А это значит, что система, способная создавать новую информацию, должна быть с одной стороны мультистационарной, чтобы было из чего выбирать, а с другой стороны – диссипативной, что позволит осуществлять процесс запоминания. И, наконец, система неизбежно содержит неустойчивость, благодаря чему осуществляется выбор.

Может показаться, что такое определение информации не работает, когда мы говорим об информации, созданной человеком, так как она возникает не случайным образом, а в результате целенаправленной деятельности и на основе прошлого опыта. Если мы рассмотрим нечто, сотворенное человеком, то мы, конечно, отметим, что это яко-

¹ Г. Кастлер. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967. С. 30.

бы новое творение – простой результат перестройки чего-то, что уже ранее существовало, и притом перестройки, которая может подчиняться вполне определенным законам.

Но давайте обратимся к творчеству. Существует мнение, что задача художника состоит в том, чтобы «сделать непредсказуемое неизбежным». То есть если в произведении искусств действительно есть какой-то подлинно новый элемент, то предсказать его заранее, очевидно, совершенно невозможно, и здесь не помогут никакие имеющиеся данные. А если работа удалась, то этот непредсказуемый элемент должен стать совершенно неизбежным, он приобретает силу закона. Это можно понять, если рассмотреть аналогию с цифровым замком (примером простой информационной системы). Способ выбора комбинации цифр для его запираения не может быть очевиден, иначе он бы не был секретным. Но когда мы его выбрали, без него уже обойтись нельзя: замок не откроется. И этот выбор становится законом.

Может показаться, что есть принципиальные различия между созданием новой информации в результате случайного выбора и созданием информации в результате акта свободной воли (хотя оба способа должны вести к непредсказуемым результатам, чтобы действительно была создана новая информация). Ведь если мы имеем дело с процессом типа случайного выбора, например, с распадом радиоактивного атома в данный момент времени, то на такое событие никак не может повлиять предыстория этого атома. А в случае, если наш выбор определяется актом свободной воли, то мы руководствуемся какими-то рациональными соображениями, что подразумевает использование полезных сведений, извлеченных из предыдущего опыта.

Давайте попытаемся смоделировать процесс создания информации в результате акта свободной воли.

Можно сделать шахматный автомат, который в простейшем случае знает, как должна ходить та или иная фигура. Теперь предположим, что внутри него есть программа, которая может просчитывать возможные варианты на несколько ходов вперед и оценивать складывающуюся в результате этого ситуацию. При этом для такой оценки данное устройство может пользоваться своим прошлым опытом.

Если будут возникать близкие по последствиям решения, то можно вложить в него алгоритм выбора одного из них, например, с помощью генератора случайных чисел.

Поскольку задана отправная точка и включена программа поиска решений, в принципе, можно предсказать даже путь поиска или всю совокупность последовательных стратегий. Правда, если алгоритм,

используемый автоматом, очень сложен, то вполне возможно, что предсказать результат поисков подходящей стратегии будет чрезвычайно трудно, но это уже другой вопрос.

Наличие случайного элемента превращает этот автомат в информационную систему, так как в этом случае его решение нельзя будет предсказать заранее.

Такой автомат, безусловно, способен к непредвиденным действиям. Он может дать нечто совершенно неожиданное. Кроме того, он учится на опыте. Выбирая некую правильную стратегию, автомат создает информацию, выполняя это способами, которые нельзя предсказать заранее. Неким подобным образом идет процесс создания информации в результате акта свободной воли.

Возможность моделирования этого процесса позволяет утверждать, что для создания новой информации способом, весьма близким к тому, которым пользуется сознание человека, достаточно лишь одних физических средств, без привлечения каких-либо виталистических принципов. Иными словами, это лишает процесс создания новой информации того характера исключительности, которым его обычно наделяют.

Теперь разберем проблему соотношения между информацией и энтропией. Простейшим примером информационной системы может служить обычная рулетка. Изначально идет выбор некоторого состояния. Какого именно, заранее неизвестно. Но когда выбор произошел (шарик застрял в одной из лунок), то он фиксируется, то есть выбранное состояние «запоминается», что и является рождением информации.

Но, естественно, нельзя исключить ситуацию, при которой в результате некоторых случайных действий (например, стукнули по рулетке) произойдет перескок шарика в другую лунку. Это значит, что условие «запоминания» не может быть абсолютным, можно лишь говорить о запоминании с определенной вероятностью на определенное (не бесконечно большое) время. Иными словами, информационная система не может помнить вечно.

Количеством информации можно определить величину $I = \log_2(N/n)$, где N – полное число возможных вариантов, n – число выбранных вариантов. Величина I будет равна нулю, если $n = N$, т.е. ничего не известно. И эта величина максимальна при $n = 1$, т.е. когда реализовался (был выбран) один определенный вариант.

Число устойчивых стационарных состояний N определяет информационную емкость, т.е. то максимальное количество информации, которое система может иметь: $I_{\max} = \log_2 N$, где $N = \Gamma/\Gamma_{\text{inf}}$, а Γ_{inf} – размер одной информационной ячейки.

Это выражение внешне похоже на определение физической энтропии. Последняя пропорциональна логарифму фазового объема Γ , доступного для системы, измеренного в единицах Γ_0 , где Γ_0 – размер минимальной ячейки фазового пространства. Формально энтропия может быть представлена в виде $S = k \ln 2 \log_2 \Gamma / \Gamma_0$, где k – постоянная Больцмана.

Совпадение по виду формул для энтропии и информации послужило основанием для утверждения, что энтропия есть недостающая информация о состоянии системы. И было предложено использовать термин *негоэнтропия*, считая его тождественным информации.

Однако в общем случае это не так. Ведь что такое Γ_0 ? Это мера нашего незнания системы. Например, это может быть размерность точности измерения, или, иначе, определяемая соотношением неопределенности величина точности измерения не коммутирующих величин.

Это значит, что объем Γ_0 , как правило, много меньше информационной ячейки Γ_{inf} , так как последняя должна быть устойчивой к флуктуациям, а значит, занимать большой (по сравнению с элементарной ячейкой) объем. Из этого следует, что энтропия и информация будут сильно отличаться по величине. Например, в печатном тексте энтропия превышает информацию примерно в 10^{10} раз.

Итак, основой отличия физической энтропии и информации является условие запоминания и обусловленный этим *большой объем фазового пространства информационной ячейки по сравнению с элементарной*.

В принципе, наряду с физической энтропией можно ввести и понятие информационной энтропии, которую следует определить как $S^{\text{inf}} = \log_2 n$, где n – число стационарных устойчивых макросостояний, о которых известно, что система находится в одном из них (но неизвестно, в каком именно). Тогда мы получим связь этой энтропии с информацией соотношением $S^{\text{inf}} + I = I_{\text{max}}$.

Информация интересует нас не сама по себе, а для достижения какой-нибудь цели. Поэтому помимо количества информации нужно также ввести представление о ее ценности, которая, естественно, зависит от преследуемой цели.

Если считать, что «цель» четко сформулирована, тогда в качестве меры ценности информации можно выбрать величину $T = \log_2(p^a/p^n)$, где p^a и p^n – вероятности достижения цели до и после получения информации. Другими словами, *ценной считается информация, позволяющая выбрать оптимальный путь, ведущий к цели с наименьшими затратами*.

Ценность может быть положительной, отрицательной (в случае, если получена дезинформация) и нулевой. Нулевую информацию несут, например, сообщения, не имеющие отношения к поставленной цели, а также избыточная и повторная информация. Отметим, однако, что при наличии шумов, способных исказить ценную информацию, повторы ее также приобретают ценность, поскольку увеличивают вероятность ее сохранения и тем самым ведут к достижению цели.

Ценность информации также зависит от взаимодействия системы с другими объектами и, в первую очередь, от возможности передать эту информацию. Так, информация обладает нулевой ценностью, если передать ее невозможно.

Ценность информации, возникшей в системе, может повышаться (с практически нулевой до максимальной) с течением времени благодаря взаимодействию данной системы с другими. Например, в процессе взаимодействия людей идет передача и совершенствование информации в виде правила, устанавливающего связь между данным звуко-сочетанием (или знакосочетанием, если речь идет о письме) и определенным предметом (или его качеством, или действием).

Обсудим теперь вопрос о вероятности возникновения самой информационной системы. Естественно, что построение вполне определенной системы (например, устройства типа китайского бильярда с заданным расположением лунок и штырьков) требует наличия большого объема информации. Вероятность случайного возникновения такой системы будет очень мала.

Однако, если цель сформулировать иначе, — построить любую систему, способную генерировать и запоминать информацию, — то необходимая для этого информация резко уменьшается (практически до нуля). Так, например, любой неровный рельеф, возникший в результате термодинамически неравновесного процесса, содержит впадины, пики и водоразделы и обладает свойствами бильярда. Отсюда можно сделать вывод, пусть на первый взгляд и парадоксальный: *для построения информационной системы информация не нужна*. Информация, возникающая в такой системе, не является ценной, пока система одна и не выработаны условия передачи информации и использования ее для каких-либо целей. Однако ценность этой информации может возрастать, если случайно возникшая система сможет копироваться, и копии будут вступать во взаимодействие.

Можно рассмотреть процесс постепенного накопления ценной информации на примере образования алфавита. В современном обществе информация о соответствии между звуками и их символами —

буквами обладает большой условной ценностью. Вероятность ее случайного возникновения исчезающе мала. Угадать, что чему соответствует, не зная языка, невозможно. Однако эта информация возникла не сразу. Вначале письменность была иероглифической, каждый иероглиф содержал большую и ценную информацию. Вероятность случайного возникновения иероглифа, если человек не знал и никогда не видел предмета, им обозначаемого, крайне мала. Невозможно также угадать, что он изображает, тем более что значок дает упрощенное изображение. Однако вероятность приема информации об иероглифе из окружающей среды уже не мала; в интересующих нас масштабах она порядка единицы.

Затем по мере развития письменности иероглифы утратили первоначальное значение и приобрели новое – каждый соответствовал определенной букве алфавита и определенному звуку. При этом несколько изменилось написание: «алеф» превратился в греческую «альфу» (?) и затем латинское «а». Каждая буква сама по себе теперь уже ничего не означает, а предмету сопоставляется сочетание букв – слово.

Таким образом, появились алфавит и грамматика. Информация, заключенная в них, может иметь ценность (притом условную), только если имеется (или имелось) сообщество людей, использующих данный язык.

Процесс превращения иероглифической письменности в алфавитную неоднозначен и допускает много вариантов. Однако в каждом языке выбирается преимущественно один какой-либо вариант (альтернативные отсеиваются); в противном случае язык теряет коммуникативную функцию. Выбор варианта в значительной мере случаен, и поэтому вероятность того, что будет выбран какой-то (любой из возможных), не мала. Информация, возникшая при таком выборе, вначале не является ценной. Эта ценность возрастает по мере увеличения числа людей, использующих именно этот вариант (а не другой, возможный). Отсев альтернативных вариантов происходит в результате общения. (Общение здесь понимается в широком смысле, в частности, становление единого языка в обществе порою сопровождалось войнами.) Подчеркнем, что этот процесс динамический, вероятность, что нечто произойдет, в зависимости от характера общения равна либо единице, либо нулю (в последнем случае общий язык не возникнет и общество распадется). Из изложенного следует, что возможен процесс, в котором вероятность спонтанного возникновения условной ценной информации не мала (т.е. порядка единицы). Основные этапы этого процесса таковы.

1. Образование информационной системы, еще не содержащей ценной информации.

2. Совершенствование системы на основе элементов, способных к непосредственному восприятию информации (прямое узнавание, возникновение иероглифов).

3. Выбор одного из возможных вариантов и отсеивание альтернативных.

Итак, в процессе функционирования общества рождается большое количество различной информации. Теперь интересно разобрать вопрос: как информация передается?

В процессе взаимодействия между различными объектами и системами происходит обмен информацией. Естественно, передается не вся информация, содержащаяся в каком-либо объекте, а лишь некоторая ее часть, т.е. в данном взаимодействии участвует лишь какая-то часть ее, считающаяся ценной. Назовем эту часть «образом полной информации» или сокращенно просто «образом».

Человек может узнать знакомого по немногим характерным признакам. Какие именно признаки задаются – это определяется ситуацией (например, знакомый виден с большого расстояния или наблюдатель слышит его голос по телефону); кроме того, это зависит также и от привычного для наблюдателя порядка узнавания. Если только наблюдатель не прилагает специальных усилий, то обычно он вообще не замечает различия между объектом и его образом. Например, люди по большей части сильно преувеличивают количество информации, которое они используют в процессе узнавания. Известно, что карикатурист малым числом штрихов с легкостью изображает свою «жертву».

Развиваемая теория отражения информации допускает некоторое наглядное описание. Пусть U – некий объект с N различными признаками. U можно представить в виде вектора в N -мерном пространстве. Обозначим «образ» U через V , где V содержит некоторое, но не все количество информации, присутствующее в U . Это будет значить, что размерность V меньше U . То есть V может быть представлено в виде некоторой проекции вектора U на некую гиперплоскость с числом измерений, меньшим N . Кроме того, области изменений переменных, входящих в V , могут оказаться меньше этой области для U , т.е. некоторые изменения признаков не входят в «образ», хотя сами признаки входят в нее. Например, когда на картине передается реальное освещение, то интенсивность его, конечно же, не соответствует той, что есть в реальности.

Все, что мы здесь обсуждаем, имеет отношение к истории. Действительно, реальность протекает с генерацией большого количества информации. Для описания происходящего летописцами выбирается только та, которая считается ценной для данного описания. А мы по-

казали, что ценность информации зависит от поставленных целей. А сами эти цели у разных авторов разные и могут меняться со временем. То есть мы имеем набор, но далеко не полный, проекций реальной информационной системы. При составлении же истории мы пытаемся решить обратную задачу: восстановить по «образам» исходную информационную систему.

При формировании «образа» возможны два эффекта, которые в теории информации называются *неоднозначностью* и *двусмысленностью*. Что имеется в виду, можно проиллюстрировать на основе примера из лингвистики. Мы можем под разными словами подразумевать один и тот же предмет. Это пример неоднозначности. А может быть и обратная ситуация, одним словом называть разные предметы. Это пример двусмысленности.

Пусть у нас есть два «образа», А и В, некоторых исходных информационных систем. Тогда возможны четыре ситуации.

В случае, когда «образ» В полностью включается в «образ» А, то мы имеем неоднозначность и ограниченную двусмысленность.

В случае, когда «объем» «образов» А и В полностью совпадают, то в результате появляется неоднозначность, но отсутствует двусмысленность.

В случае, когда у «образов» А и В имеется общая часть, наблюдается как неоднозначность, так и двусмысленность.

В случае, когда «образ» А не имеет ничего общего с «образом» В, то нет ни неоднозначности, ни двусмысленности.

Неопределенность может приводить к путанице, а путаница, касающаяся причин и следствий, может оказаться весьма вредной. Следовательно, надежность действия системы отражения — это отсутствие двусмысленности и неоднозначности. Тогда меру надежности можно связать с мерой перекрывания совокупностей А и В.

«Образы» информации могут фиксироваться разными способами. *«Образ» информации, содержащейся в реальном событии, записанной при помощи некоего кода, может быть совершенно произвольным и называется символом.* Кроме того, должны существовать некие *носители символов, то есть некие материальные носители «образа».*

По разным причинам нам придется копировать эти носители, либо в силу прихода их в негодность, либо чтобы создавать копии. Ошибки, возникающие при последовательных актах копирования, будут накапливаться, и со временем информация и ее копии, разделенные друг от друга несколькими поколениями, окажутся столь различными, что это будет просто другая информация. Конечно, сделать величину ошибок

равной нулю трудно, но она должна быть достаточно малой. Кстати, в природе (например, в живых клетках) есть механизм отбраковки «плохой» информации. Его можно пояснить на таком примере. Пусть у нас есть замок и ключ к нему. Затем мы делаем копию ключа, затем копию с копии, и т.д. Проверка того, что ошибка в копировании еще не достигла критического значения, возможна через прямое соединение копии ключа с замком, подходит он к замку или нет. То есть мы следим за сохранностью не всей информации, содержащейся в носителе, а лишь ценной информации. Поэтому, если наши цели изменятся, то вполне может оказаться, что в результате такого копирования она исчезла полностью. Это может стать причиной возникновения неоднозначности, то есть потери носителем «индивидуальности».

Некоторым решением этой проблемы может быть добавка избыточной информации. В результате копирования она вовсе не будет излишней! Очень желательно при образовании «образов» делать так, чтобы они содержали некоторое минимальное количество избыточной информации, требуемого для преодоления описанной выше двузначности.

Существует еще один неприятный эффект, возникающий вследствие копирования, также хорошо известный в биологии. В ходе проверок, подходит ли ключ к замку, последний может сам измениться. В результате возникает новая «пара». Иначе говоря, возникла новая «мутантная» система. И мы продолжаем подгонять свои копии под другой «замок». В истории такие сбои могут приводить к образованию «фантомных» фрагментов.

При большом N (числе признаков, определяющих «образ») случайный выбор обеспечивает хорошее приближение к оптимальным условиям. Отсюда следует, что при достаточно большом N вероятность двусмысленности можно поддерживать пренебрежимо малой до тех пор, пока в системе останется хотя бы ничтожное количество излишней информации.

То есть вероятность возникающей неопределенности задается отношением функциональных потребностей к функциональной емкости данной системы. Это согласуется с нашим интуитивным представлением — чем ближе к пределам возможностей системы, тем больше опасность путаницы и ошибки.

Для сохранения социальной информации мы используем различные носители, если угодно, некоего социального алфавита (т.е. аппарата трансляции и кода), ибо смысловая часть могла возникнуть лишь на базе алфавита, но не раньше его. Но если «код» может быть присущ всей социосфере, то смысловые части информации, которые содержит

каждый индивидуум, вообще говоря, могут отличаться. Более того, эти отличия и определяют разницу между индивидуумами и сообществами разного типа социальных организаций. Ясно, что код (или алфавит) мог возникнуть лишь в результате взаимодействия многих индивидуумов. Информация, заложенная в первичных структурах, обладает условной ценностью, поскольку для ее приема необходим аппарат трансляции.

Время запоминания в социальных системах должно быть достаточно велико — порядка времени жизни социальной системы, т.е. во многих случаях много больше времени жизни отдельного индивидуума или структур, входящих в данную систему. Отсюда следует, что «запомнить» информацию означает не только сохранить ее в течение жизни, но и передать потомству. Это значит, что социальная информационная система должна быть способна к комплементарной авторепродукции. Для того чтобы процесс действительно был авторепродуктивным, необходимо, чтобы скорость его была много больше скорости ее изменений за счет мутаций и скорости деградации. Возникает вопрос: как может образоваться информационная система, не имеющая еще информацию о коде (условную), но содержащая большую и ценную (безусловно) информацию? Это возможно, если она не возникает случайно, а рецептируется извне, путем прямого узнавания подобно иероглифу.

Следует подчеркнуть, что возникновение информации из шума — это совсем не то, что обнаружение информации, замаскированной шумом. В последнем случае информация существовала, хотя и в замаскированном виде, тогда как в первом случае ее просто не было. (Одно дело искать шифр тайнописи, если текст записан плохим почерком, и другое — выбор этого шифра из некоего набора равноправных образов. Такая последовательность сама по себе не имеет никакого «смысла», т.е. не несет никакой информации, являясь лишь «шумом». Но она становится весьма осмысленной, как только возникает необходимость точно следовать ей.)

Разные этапы развития социальных систем генерируют разное количество информации. В критические периоды развития, когда общество вступает в фазу неустойчивости, любые малые внешние воздействия, которые можно рассматривать как шум, приводят к очень большим последствиям, предсказать которые заранее невозможно. То есть возникает новая информация. Аналогом этой ситуации будет поведение шарика, находящегося на вершине полусферы. Это явно неустойчивое положение. В какую сторону он скатится, зависит от любых случайных малых флуктуаций и в общем случае непредсказуемо.

Что есть причина того, что шарик скатился сюда, а не в другое место? Малая флуктуация, это вызвавшая? Нет. Причина – в неустойчивом состоянии шарика.

К сожалению, сегодня у историков нет понимания этого. Используя в основном детерминистский стиль мышления, причину последующих событий они видят в прошлом. А это неверно, когда социальные системы попадают в состояние неустойчивости. Вот та причина, по которой история ничему не учит. При «качественных скачках» возникает новая информация, которую очень сложно предсказать на основе прошлого опыта. Выбор произошел не из-за того, что та или иная «флуктуация» повлияла на ход истории, а из-за того, что система находилась в неустойчивом состоянии.

То есть в периоды между качественными скачками идет накопление повторов информации, которые в эти периоды не имеют никакого смысла. Не ведут к эволюционному преимуществу, хотя и не являются «вредными» признаками. Такая информация является нейтральной. Подобно тому, как если бы мы стали записывать на бумажки различные варианты кода для замка. Информация, однако, становится весьма «положительным» признаком при приспособлении к качественно новым условиям. Иными словами, накопление «нейтральной» информации является необходимым условием социального прогресса.

Рассмотрим теперь соотношение между ценной информацией I_c и «лишней» информацией I_0 , содержащейся в различных социальных системах. При этом надо учитывать, что выбрать, какая информация ценная, а какая нет, можно, только если известна цель.

Отношение количества ценной информации I_c , к полному ее количеству можно назвать коэффициентом эффективности η : $\eta = I_c / (I_c + I_0)$.

Этот коэффициент может быть полезным для понимания характера и смысла событий, происходивших в эволюции. Ведь в результате эволюции цели меняются. Тем самым меняется количество ценной информации и ее эффективность.

Понятно, что совершенно разные ситуации возникают, когда мы стараемся описать процесс, обеспечивающей жизнеспособность некоего социального института или государства (назовем ее целью № 1). Совсем другая будет ситуация, когда мы захотим понять процесс, когда система желает не просто сохраниться, а и развиваться (обозначим это как цель № 2). И, наконец, ситуация будет иной, когда система будет стремиться сохранить себя в условиях, включающих две предыдущие цели при дополнительном требовании – способности к выживанию в ходе «большого скачка», например революции (цель № 3). При этом,

однако, нужно иметь в виду, что значимость целей существенно различна на разных этапах эволюции. Так, на этапах между «большими скачками» цель № 3 не является главной. Если от нее отказаться, то увеличение эффективности может быть достигнуто за счет уменьшения количества исходной информации. При этом сохраняется «ценность» в рамках цели № 2, но уменьшается «ценность» в рамках цели № 3, т.е. в данном случае – потенциальная ценность. Это дает эволюционные преимущества при адаптации к стабильным условиям обитания.

Отсюда видно, что рассмотренные цели находятся в дуальном отношении, стремление к эффективности одной уменьшает вероятность достижения другой. Поэтому стремление к максимальной эффективности нельзя считать движущей силой на всех ее этапах. Следует полагать, что в среднем в ходе эволюции сохраняется некоторое оптимальное (не близкое к максимальному) значение эффективности.

Ясно, что современники не в состоянии сохранить всю сложную информацию, которая важна для понимания этих процессов. Это становится понятным лишь по прошествии определенного времени. И восстановить ее можно, занимаясь только теоретическим анализом исходной ситуации. И здесь нельзя обойтись только чисто историческими методами.

Открытость для естественных наук лишь обогатила бы историю.

Подведем итог. Любая история есть всего лишь проекция реальных событий, и как таковая, она слабо выражает реальность. Есть такая шуточная задачка: «Что изображают шесть кружочков, нарисованных на листке». Оказывается, это проекция слона – четыре ноги, хобот и хвост.

Более того, разные проекции могут давать и разную временную последовательность событий.

Надо помнить, что объекты изучения общественных наук развиваются в условиях ограниченных ресурсов и подчиняются закономерностям нелинейной динамики, что делает необходимым учет различных неоднозначностей в динамике развития под действием всевозможных флуктуаций. Причем последнее обстоятельство надо учитывать как при анализе прошлого, так и прогнозировании будущего.

Какое же это имеет отношение к работе Н.А. Морозова «История человечества в естественнонаучном освещении»?

Дело в том, что Морозов, опираясь практически на ту же фактическую базу, что и «традиционные историки», показал имеющуюся возможность создания другой проекции, среза исходной информационной системы, называемой реальной жизнью. И задача состоит не в абсолютизации той или иной «проекции» действительности, а в по-

лучении их в достаточно большом количестве, чтобы уже из их анализа создать объемное «изображение» прошлого.

Поэтому очень плохо, что не дали ему спокойно работать, хотя и в этом есть определенная закономерность. На пути различных новшеств всегда должен быть некий барьер. По воспоминаниям коллег С.П. Королева, у него был даже свой метод, называемый «разрушить дом и найти хозяина». Суть его была в следующем. Выслушав любое новое предложение, он говорил, что это несусветная чушь. Что при этом достигалось? Если идею высказывал не автор, а просто человек, имеющий доступ к генеральному конструктору, то он не будет сражаться за чужое и портить отношения с начальством. А какой смысл говорить не с автором. Если идею высказывал настоящий автор, но не слишком проработавший ее, он тоже не будет за нее сражаться: а вдруг и действительно это ерунда. Но если для автора эта идея действительно важна и выстрадана, он, несмотря ни на что, будет ее отстаивать.

Такой подход очень полезен. Он позволяет не тратить силы на не слишком продуманные идеи. А продуманные себе дорогу пробьют! Если Вы читаете это предисловие, значит, то, что не позволили Н.А. Морозову издать в свое время, все же дошло до читателей, несмотря на все противостояние идеям этого мыслителя планетарного, скажем прямо, масштаба.

Кстати, ситуацию с противостоянием «официальной истории» и ее «модернизаторов» описал Н.А. Морозов еще в 80-х годах XIX века, когда анализировал процесс образования новых политических партий. Пусть существует некоторая партия. Упорным трудом своих членов она добилась определенного авторитета и признания в обществе. Принадлежать к ней стало престижно. И большое количество конъюнктурщиков начинает заполнять ее ряды, но при этом это «большинство» требует, чтобы партия следовало уже оправдавшим себя курсом. Наряду с этим «большинством» в ней есть члены, которые примкнули к ней не потому, что это престижно, а искренне разделяя ее стремления. Они начинают выступать против мнения большинства. Становятся внутренней оппозицией, и в результате их изгоняют из партии. Но они организывают новую партию и своими искренними действиями добиваются ее признания и авторитета. В нее опять устремляются те, кто хотел бы быть при авторитетном деле, и чтобы это дело продолжало быть авторитетным, требуют ее «окаменения». Опять появляется внутренняя оппозиция. Их изгоняют и т.д.

Ровно то же самое можно наблюдать в истории. Огромная армия конъюнктурщиков требует канонизации того, что в ней достигнуто, и с жестокостью изгоняет всех, кто собирается что-то изменить.

Конечно же, потери из-за этого наука история понесла немалые. Если бы Н.А. Морозов имел возможность печатать свои труды, то он не стал бы заниматься вопросами теоретической геофизики, а продолжил бы работу над историей. А это, быть может, дало бы качественно другой результат. Он неоднократно говорил, что долго идет к какому-нибудь результату, но когда он получен, ему становится ясно, как его можно получить гораздо более простым образом. А это значит, что могла появиться работа с совершенно другим стилем изложения, делающая доступной и интересной всю его работу еще более большому кругу читателей. А это позволило бы привлечь к проблемам исторической хронологии достаточное количество последователей, способствовало бы более быстрому переходу истории из служанки идеологии. Конечно, такая функция у нее все равно бы осталась, но одновременно с этим стала бы развиваться история как наука, опирающаяся помимо всего прочего и на методы естествознания.

А вопрос появления единомышленников очень важен. Можно считать ошибкой Морозова (хотя в то время другого пути и не было) его попытку опереться в своих исследованиях на профессионалов в различных областях, особенно в астрономии. Он предлагал им работать с задачами, которые очень трудоемки и лежат вне магистрального направления их деятельности. Поэтому они и сопротивлялись проведению этой работе и саботировали ее. И уже к началу 20-х годов это стало для Н.А. Морозова абсолютно ясным:

«Как и всегда бывает в тех случаях, когда какой-либо исследователь идет против общих представлений, установившихся в продолжение нескольких веков, у меня в течение всего подготовительного периода этой работы не было ни одного помощника, и всю эту трудную задачу переработки древней и средневековой хронологии мне пришлось делать в одиночку. Даже и самый доброжелательный и математически подготовленный из моих сотрудников по астрономическому отделению Государственного научного института имени П.Ф. Лесгафта — М.А. Вильев, так рано умерший в самом начале своей астрономической деятельности, и тот уговаривал меня бросить дело, представлявшееся ему штурмом неприступно защищенной крепости. Дошло до того, что когда предложенное ему мною вычисление Атрибских египетских гороскопов не дало, как я и ожидал, никаких результатов от минус 484 года и до начала нашей эры, он долго не хотел продолжать его на более позднее время, как противоречащее установившейся хронологии, хотя именно для средних веков у меня и вышло уже тогда единственно удовлетворяющее решение. А некото-

рые другие сотрудники моего астрономического отделения прямо отказались участвовать в моем предприятии».

Так он говорил в предисловии к 4 тому «Христа».

Но постепенно стало формироваться вокруг него некоторое неформальное сообщество людей, разделявших его взгляды. Однако произошло это все же слишком поздно. Сам он отошел от активной работы в этом направлении. Так что полноценную научную школу создать не удалось, и это затормозило развитие его идей. А то, что они были жизнеспособными, видно из того, что уже после его смерти появились люди, продолжающие выдвинутое им направление работы: М.М. Постников, А.Т. Фоменко, А.К. Гуц, А.М. Жабинский, Д.В. Калюжный и многие другие.

Выходят в свет книги Н.А. Морозова, в том числе и те, что не были изданы при его жизни. Здесь нужно ответить на часто возникающий вопрос: почему печатаются далеко не полные копии неизданных томов Н.А. Морозова?

Дело в том, что сегодня фонд Н.А. Морозов в архиве РАН недоступен для работы, так как находится на копировании, а это дело не быстрое, ведь фонд Н.А. Морозова один из самых больших. Потом, когда допуск будет получен, предстоит большая работа с ним для реконструкции текстов. То есть основное содержание их будет еще долго скрыто от широкой публики.

Мы же вынуждены спешить, поскольку нет уверенности, что ситуация в стране не ухудшится настолько, что будет не до издания «Христа». Поэтому было принято решение издать то, что есть. Придет время, и будет осуществлено полное и выверенное издание трудов Н.А. Морозова – основоположника нового направления в науке, которое он сам так характеризовал во введении к своему 4 тому: «Главная цель моей работы – согласование между собою естественных и исторических наук, которые шли до сих пор по совершенно отдельным руслам». И повторил это во введении к 5 тому: «Моей задачей было согласование исторической науки, взятой во всей ее общности, с науками естественными, далеко обогнавшими ее в наше время».

В качестве основы для составления томов нынешнего издания были взяты документы из личного архива С.А. Стебакова. А потом они были дополнены на основе документов из архива В.Б. Бирюкова, родственника Н.А. Морозова и активного исследователя его творческого наследия. И, наконец, некоторые фрагменты сравнивались с теми документами, которые хранятся в архиве РАН, с которыми нам удалось в свое время ознакомиться.

Пользуемся случаем и выражаем искреннюю благодарность всем тем, кто помогал получить информацию, легшую в основу данных томов.

Особой благодарности заслуживает издательство «Крафт+» и его руководители А.А. Румынский и В.С. Белов, благодаря энтузиазму и подвижнической деятельности которых удалось частично переиздать, а частично издать впервые энциклопедический труд Н.А. Морозова, являющийся достойным элементом русской культуры.

С.И. Валянский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Азиатские будды

Глава I

НЕОБХОДИМЫЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Приступая к изучению религий Азии, невольно чувствуешь, как спускаешься в низины умственной человеческой культуры, где царит еще глубокий мрак.

В умственной жизни буддистов, браминов и даже исламитов не было Линнеев, открывших путем глубокого всестороннего изучения различного материала естественную классификацию животных, основу научной зоологии; у них не было Декандалей, сделавших то же самое для мира растений, давших начало научной ботанике и ее дальнейшей разработке; не было Дарвинов, давших на основе этих естественных классификаций эволюционную теорию возникновения жизни. У них не было своих Коперников, положивших начало правильным представлениям о движении небесных светил в непрерывном пространстве и о действительном состоянии земли в солнечной системе, не было Ньютонов, подведших все это под строгие законы небесной механики, давшие возможность для всегда сбывающихся научных предсказаний небесных явлений взамен обманчивых пророчеств древности; не было Лапласов, давших эволюционную теорию происхождения миров, не было Ляйелей, положивших начало эволюционным представлениям о последовательном развитии земного шара. У них не было своих Лавуазье и Менделеевых, положивших начало современной теоретической химии; у них не было Пастеров, открывших микробное происхождение всех заразных болезней и давших новые верные средства бороться с ними. У них не было ни Колумбов, ни Куков, открывших для их народов заморские неведомые земли, не было Ливингстонов и Пржевальских, сделавших то же на суше и давших возможность ученым Пекина, Калькутты, Тегерана и Самарканда знать о Западной Европе много более того, чем знали ее собственные ученые. У них не было своих Уаттов, изобретших паровые машины, не было Сантос-Дюмонов, положивших начало управляемому воздухоплаванию.

Хотя у них было не менее, чем в Европе, дыма и нагретого воздуха, поднимающегося вверх, но никому из них не приходило в голову упот-

ребить их на поднятие воздушных шаров и улететь с ними в высоту. У них не было Эдисонов, изобретших фонограф, и Яблочковых, открывших электрическое освещение. Их математика – простая арифметика, и даже алгебра на деле возникла не у них, а в Мавританской Испании. У них не возникло романтизма, вероятно, благодаря многоженству, а потому до сих пор нет и романа, и вся их литература стоит на том же сказочном уровне, как европейская в средние века. Их живопись была до европейских учителей лишь первичная без перспективы, их музыка первично однообразна, их театр – простой балаган, в сравнении с европейским.

И если мне скажут, что взамен того у их ученых высоко было развито искусство гипноза, то я отвечу, что и оно, подобно только что перечисленным мною здесь открытиям и изобретениям, вернее всего пришло туда из Европы, в которой было потом искоренено христианством в союзе со светскими правителями как приводившее на низком уровне средневековой психики к вредоносным и даже губительным последствиям. Ведь это же и была та «черная магия» с вызываемыми привидениями и галлюцинациями слуха и остальных органов чувств, которую христианские авторы относили к действию сатанинских сил, и самое слово культ имеет своим корнем созвучие КЛД, символизирующее всякое колдовство.

И это самое европейское колдовство, надолго истребленное в Европе, а теперь возобновляемое на научной основе, как психотерапевтическое средство, переселившись в Среднюю Азию и оттуда в Индию, осталось там на той же средней ступени своего развития, на которой оно было в средние века в Европе. Отсюда ясно, что не с Востока Старого света оно шло на его Запад, а, как и все новейшие открытия, совершенно наоборот.

Говорить о древней высокой культуре китайцев, индусов и тибетцев, после чего эти народы одряхлели и «впали в детство», есть простая игра слов. Это так же нелепо, как утверждать, что какой-нибудь человек, родившись взрослым и состарившись, снова стал уменьшаться ростом и наконец обратился в мальчика для того, чтобы начать снова расти и развиваться, как только теперь начинают азиатские народы, буддийской, браминской и даже исламской умственной культур.

Мы можем указать немало признаков европейского происхождения современных азиатских культов, т.е. колдовских учений. Вот, например, хоть лингвистические корни.

Индусская тройца браминов называется Тримурти, т.е. по-славянски Три-Морды. Это словопроизводство не шутка, а действительный

лингвистический корень индусской троицы, показывающий, что она пришла туда с Балканского полуострова, из Великой Ромеи, которая, как я показывал уже в VI томе, была в средние века еще полубалканским, полу-Анатолийским государством, с незначительным развитием греческой литературы, и слово морда тогда значило просто лицо.

Такими чисто славянскими словами переполнен весь санскрит, который поэтому и должен быть признан за перенесенный на Дальний Восток ромейскими провозвестниками христианства, тем более, что и сам индусский Кришна есть ни что иное, как ромейский Христос, но только в его дальнейшем развитии. И самое слово Кришна имеет смысл (помазанника на царство) только по-гречески, значит, пришло тоже из Великой Ромеи. И вот по европейской теологии Христос воскрес из мертвых только один раз, и потом улетел на «седьмое небо», где и остается до сих пор, сидя рядом с богом-отцом, под святым духом в виде голубя, на каком-то троне, невидимом в самые сильнейшие из наших телескопов. А по индийскому учению, этот самый богочеловек воскресал уже восемь раз и восемь раз погружался в нирвану, т.е. в блаженное небесное успокоение от житейских забот. Но ведь эти восемь раз, больше одного раза, являются его семи-повторным эхом и значит, произошли уже после первого раза, который мы имеем в евангельском учении. Вот почему хотя бы индусская фантазия, по обычаю всего средневекового и даже новейшего мифического творчества, и относила их в незапамятные времена, но само составление такого мифа мы не имеем права без самых веских доказательств отнести за пределы конца средних веков, когда первое и единственное воскресение стало основанием христианского учения.

Пойдем теперь и далее. Нирвана индусов переводится новейшими востоковедами не в смысле абсолютного ничто, как делали ранее, а в смысле успокоения после смерти. А в русском народном языке и, по-видимому, в других славянских, умерший называется покойником, т.е. успокоившимся от житейских дел. Но ведь это та же самая идеология посмертного состояния, уподобяемого сну без сновидений при освобождении сознания от оставленных им телесных уз, подвергающихся потом уничтожению. Значит, и представление о нирване как будто пришло на восток со славянского ромейского запада. Но можно сказать и более этого.

Подобно тому как ромейский Христос, прибыв в Калькутту, оказался там воскресшим вместо одного раза восемь, так и христианский бог — единый в трех лицах (три морды) — превратился на том же пути уже в многоликого, и появились изваяния со множеством голов, а с

ними и лиц на одном туловище. И это размножение лиц наглядно показывает, что представление о боге, едином в трех лицах, выработанное ромейской теологией путем частых умствований о боге-отце, боге-сыне и о святом духе, деградировало на пути в Индию в изображение трех человеческих лиц на одном туловище, вроде тельца с тремя головами. А затем уже в самой Индии число таких голов на одном божественном туловище доводилось и до сорока. Так слово личность в смысле персоны, по смешению смысла в славянских языках превратилось в простое лицо, а затем и в целую голову.

Таким же образом от корня чело произошло слово человек, первоначально челолик, т.е. обладающий челом.

Само собой понятно, что не ромейская религиозно-философская троица выработалась из этих первичных уродливых представлений, а деградировала в них, распространившись в народе, наиболее образованная часть которого еще не созрела до принесенных в нее с Запада философских представлений. И это обстоятельство наглядно показывает, что религия браминов (т.е. служителей бога-слова¹), пришла от западных богословов, а следовательно, тоже не за тысячи лет до христианства, а не ранее как в средние века.

Рассуждая таким образом, мы легко приходим к выводу, что и буддизм возник довольно поздно, как будто даже не ранее крестовых походов. Все его последователи считают, что он возник уже при полном развитии брамаизма, по таким же причинам, как и протестантизм в недрах католицизма, и с этим нельзя не согласиться.

Что такое значит буддист? И это слово идет от славянского корня — от глагола будить — и значит, пробужденный. Европейские ученые, стремясь придать восточным верованиям глубоко философский характер, толкуют это слово в смысле пробужденного к умственной жизни. Но это едва ли так. В тех же славянских языках, с которых так много взято азиатских религиозных терминов, называют умершего усопший, т.е. уснувший, а потому и слово пробужденный скорее всего здесь нужно понимать в смысле воскресшего из мертвых. И мы действительно видим, что в буддизме под этим словом понимается перевоплощение в новое тело после смерти, т.е. воскресение в новой личности после пребывания более или менее долго в нирване, т.е. царстве успокоения, царстве покойников. Первоначальная идея христианского верования о единственном чудесном воскресении одного человека, эволюционировала здесь уже в многократные воскресения многих лиц,

¹ Брама по-санскритски значит слово.

обладающих достаточной святостью, воскресший и сам (Будда), он же Кришна-Христос этой религии, воскресает и умирает без конца в виде тибетских далай-лам.

С этими необходимыми предупреждениями о низком уровне прошлых азиатских культур, не давших миру ни одного выдающегося ученого, вплоть до XIX века нашей эры, и о заимствовании ими от европейцев-христиан почти всех важнейших достижений даже и в области религиозной мысли, которую они только исказили, я перехожу к дальнейшему исследованию, в котором, к сожалению, мне снова приходится разойтись в своих выводах с уже сложившимися представлениями как наших теологов, так и идущих за ними ориенталистов.

Глава II

СТРАННЫЕ СОБЫТИЯ, СОВЕРШАЮЩИЕСЯ ТЕПЕРЬ НА НАШЕЙ ЗЕМЛЕ

Есть многое в природе, друг Горацио,
Что и не снилось нашим мудрецам!

Так поведал нам когда-то один из действующих лиц в драме Шекспира «Гамлет», но на его предупреждение до сих пор не было обращено должного внимания, хотя и следовало бы обратить не раз.

Вот, например, какому-нибудь из современных нам этнографов привиделось даже во сне, что среди людей, живущих теперь на нашей земле, не все настоящие люди, а есть и такие, которые только приняли вид людей, а при ближайшем рассмотрении оказываются спустившимися к нам небожителями совсем другой породы, чем мы? Правда, христианские теологи уже предупреждали нас, что таким существом был Христос, и что, хотя он и умер почти две тысячи лет назад, но снова возвратится в человеческом виде и будет царствовать на земле 1000 лет, хотя почему-то и медлит. И вот, оказывается, что такие именно возвращенцы с того света уже не малочисленны теперь среди земных людей, но посылаются они почему-то исключительно на малодоступных для наших ученых плоскогорьях внутренней Азии и исключительно в мужской форме. Их видят и слышат там все желающие, они учат нас тому же, чему учил, по словам евангелиста Матвея, и Христос в своей Нагорной проповеди и в беседах с учениками, и не имеют ни малейшего физического влечения к женщинам, как, если верить евангелиям, не имел их и учитель. Уж не сам ли это евангельский Христос, ставши единым, уже не в трех, а во множестве лиц?

Называют там этих отраженцев хубилханами¹, и они занимают в средней Азии высшие священнические должности. Их даже несколько степеней, главнейшею из которых являются Будители, по-тибетски Буды (или, по европейской транскрипции, Будды), такой же квалификации, как и евангельский Христос.

¹ От кубилган — у бэе — принятие на себя различных видов, как переводит это слово О. Ковалевский в своей «Буддийской Космологии» (1837).

Такого рода Будд (Христов) насчитывают очень много. Они, по великому милосердию ко всем одушевленным существам и благу, им доставляемому, уподобляются родителям, пекущимся о своих детях, — восходящему солнцу премудрости, всех озаряющему и т.д. Они всеведущи: все прошедшее и будущее знают наравне с настоящим. Нет ни одной сокровеннейшей мысли, которая могла бы быть неизвестною Воистину-Пришедшему (Будде-Христу); ибо он, посредством высочайшей мудрости, видит все во всех странах, как в зеркале. Зная все без исключения деяния существ, преимущественно деяния, соответствующие его мысли, он готов немедленно предстать в виде руководителя для избавления от Сансары. Воистину-Пришедший не чувствует ни малейшей радости при виде богатства или благосостояния тварей, ни печали при виде бедности; но коль скоро узрит дело правды, тотчас с беспредельной любовью поспешает пособить им.

Не стесняемые временем, Будды (Христы) не подлежат закону о переселении душ, но могут являться в нашем телесном мире (Сансаре), принимать на себя по собственному произволу различные обманчивые виды материи, под именем воплощенных (Мануши-Будда) действуют по непреложным законам бога-предупредителя для пользы органических существ, не имея другой цели, кроме освобождения их от уз телесного мира, в котором твари, среди волн страстей и приманок плоти, без руководителя часто погибают. Потому «одушевленные существа должны искать Воистину-Пришедшего (Будду-Христа) и, приобретя в нем надежного руководителя, не оставлять божественного намерения, творить бесчисленные добрые дела для скорейшего освобождения себя от уз телесного мира».

Отсюда видно, что по среднеазиатским представлениям евангельский бог-сын приходит в этот мир уже не раз, как у христиан, а много раз, и даже не в одном, а во многих индивидуальностях одновременно и цель его прихода всегда была та же самая, как и у евангельского Христа.

Так кто же у кого заимствовал всю эту идеологию? Буддисты ли у христиан, или наоборот?

Вопрос решить не трудно, если мы отрешимся от внушений и будем класть в основу законы здравого смысла.

Всякий миф с течением времени разрастается и усложняется, а не упрощается и сокращается, а потому и буддийская теология и связанная с нею космогония должна быть следующей стадией развития христианской, а не наоборот. А считать эти религии за развивающиеся самостоятельно и независимо друг от друга невозможно ввиду общности многих деталей, каков прежде всего противоположный целибат

духовенства, а затем и ряд других общих черт. Ведь и самое выражение «воистину пришедший» есть только перефразировка христианского пасхального приветствия: «воистину воскрес!». А идея о переселении душ находит свой зародыш в евангелии Иоанна, автор которого, как видно из его последних строк, считал себя перевоплощенцем души непосредственного «ученика Христова», каким он с современной точки зрения, никогда не был, потому что и сам его «Христос» в том виде, каким его изображает автор евангелия Иоанна, не мог никогда существовать.

Итак, учение буддизма по всей его видимости есть лишь позднейшая стадия развития апокалиптического и даже более позднего евангельского христианства, а следовательно, не спустилось, как воображают ориенталисты, с вершин Гималайских гор в дохристианский период времени, а пришло в Среднюю Азию из Европы с христианскими миссионерами, причем первоначальные детали были доведены до утрировки, особенно под влиянием индусских пандитов. Начавшись после приобщения Индии сначала к французской, потом к великобританской культуре, т.е. не ранее начала XVIII века нашей эры, этот процесс утрировки христианства среди невежественных масс и его приспособления к европейской философии среди более культурных слоев, по видимому, продолжается вплоть до последнего времени и сделал наконец индусскую философию как бы завершением классической европейской. Французский философ-эклектик первой половины XIX века Виктор Кузен имел полное право сказать:

«Индийская философия так обширна, что в ней перекрещиваются все философские (конечно, только идеалистические) системы, это целый философский мир, и можно сказать, что индийская философия — это резюме всей истории философии».

Отсюда можно видеть, что если на эволюцию среднеазиатского буддизма и влияла Индия, то лишь в самое последнее время, а никак не в глубокой древности, потому что, как мы увидим далее, и индусский Кришна — аналог тибетского Будды, и сама индусская троица Три-Мурти тоже пришла из Великой РOMEи в средние века нашей эры.

Конечно, люди, никогда не интересовавшиеся «историей истории», т.е. не исследовавшие ее первоисточники с хронологической точки зрения, опять мне скажут о каких-то «древних документах», которые имеются только в их воображении. Но разве можно серьезно спорить с продуктами воображения? А если обратиться к фактам, то всегда оказывается, что самые древние рукописи для истории Индии, Китая и Средней Азии не заходят за то время, когда в них уже появились европейцы.

Вот, например, самые старинные религиозно-космологические рукописи буддистов, приводимые проф. О. Ковалевским:

1) «Зерцало Вселенной» (Ииртынцу-Интоли), полученное Бергманом в 1802–1803 гг. от приволжских калмыков, т.е. вероятно, в Казани.

2) Затем в 1834 году проф. О. Ковалевский нашел в библиотеке Казанского университета под № 113 более обширную рукопись на монгольском языке под названием Чихула тэжэус утхату шастир, в которую «Зерцало Вселенной» вошло как основа.

3) Затем он же указывает тибетскую рукопись Шиджя рабду Шалва шиджя би ди ни кгэлунг Пакба Лодой Джялцпн Балдзан дзатба шусу. Она имеется только в каталоге библиотеки Казанского университета и впервые отмечена в каталоге ее, изданном в 1834 году (под № 116). Но и она, оказалось, не что иное, как пополненный тибетский перевод предшествующей монгольской рукописи (№115), сокращенно называемый Шастра вместо Шастор.

4) Он же цитирует «Монгольскую летопись», изданную в 1892 году Шмидтом в подлиннике с немецким переводом и комментариями.

Но и для этой книги первоисточником служило «Зерцало Вселенной» или та же «Шастра» (№ 15 библиотеки Казанского университета).

5) Тот же проф. Ковалевский упоминает о «Сокровище, насыщающем желания» (Эрили хангакчи эрдени). И о нем в своей книге «Буддийская Космология», изданной в 1837 году, он говорит лишь, что она находится в рукописи, хранящейся в его библиотеке.

6) Затем он указывает «Источник мудрецов» (по-тибетски Гайбиджу най и по-монгольски Мэргэт гарху-ин орон) – энциклопедический тибетско-монгольский словарь, находившийся в 1837 году в библиотеке Казанского университета под № 2.

7) И наконец, проф. Ковалевский упоминает о рукописи «Святой воскресенец Молон Тойн и оказанная благодарность его матери» (Хутукту Молон Тойн экэ дурен ачи Харигулуксан) тоже в библиотеке Казанского университета №№ 156, 157 и 158). Содержание ее в том, что отец Молона Тойна за добродетель переселился в царство Браммы, а мать за разврат была брошена в ад. Ее сын – один из приближенных учеников Шакья-Муни (Будды), идет по всей вселенной, чтоб отыскать ее и подать ей помощь. Попутно описывается и сама вселенная.

Первые три книги представляют пополнения «Зерцала Вселенной», найденного тоже, по-видимому, в Казани, и принадлежащего, вероятно, к концу XVIII века. Их нахождение в той же самой местности и только в одном экземпляре достаточно показывает и их недавность, и связь. В таком же положении, насколько мне известно, оказываются и

все остальные рукописи Азии. Если б они были давние, то, конечно, много раз были бы скопированы в разных местах Азиатского континента, как, например, были евангелия и библейские книги.

Но ничего подобного тут нет. А для того, чтобы правильно судить о пригодности собираемой современными европейскими учеными азиатской рукописной литературы, надо прежде всего представлять себе, как она собирается.

Вот, например, несколько лет тому назад мой старинный друг Ольга Эрастовна Озаровская была командирована на север Архангельской губернии собирать народные сказания. Она нашла там старую женщину — замечательную сказочницу и записала с ее слов, а также со слов других крестьян и крестьянок ряд интереснейших сказок и преданий, которые и издала недавно отдельной книжкой под своим именем.

Каково историческое значение этих сказок? Конечно, никакого, потому что не знаешь, что в них придумали сами рассказчики и что придумали их непосредственные предшественники. Но он имеет огромное этнографическое значение, невольно рисуя не только направление фантазии местного населения, но и его мировоззрение и даже самый быт.

Какова характеристическая особенность таких записей?

Та, что они локальны и будущий этнограф найдет их записанными в таком виде почти всегда только в одном экземпляре, или совсем не найдет рукописи, которую собиратель забросит как более не нужную, после того как ее истрепят наборщики. Даже и в том случае, если вместо одной записи окажутся и еще две-три копии, с неизвестного времени и места, ее древность и большая распространенность еще не гарантированы. А одиночность рукописи есть, безусловно, верный признак ее локальности, а не распространенности, и, во-вторых, ее этнографичности, а не историчности, хотя бы предметом ее и было повествование о событиях общенародного характера, совершившихся лишь в прадедовские времена, а не за сотни и даже тысячи лет назад.

Дело в том, что литературное творчество не есть индивидуально явление, как можно было бы заключить из стихотворения Пушкина:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира,
Душа вкушает сладкий сон,
И из людей ничтожных мира
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы.
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков, и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы.

Если тут он и правильно описывает индивидуальное самочувствие писателя-художника, то это еще не значит, что его пробудил к нему какой-то «божественный глагол». Глагол этот исходит несомненно изнутри его самого, а потому он и в заботах суетного света, когда его творческие силы как бы засыпают, не является ничтожеством. Писатель есть общественное явление, продукт сложных влияний и сил наследственных и социальных, а потому не может выскочить индивидуально, в одиночку, без того, чтобы те же общественные силы и влияние не вызвали и других писателей, поэтов и художников. Взятое в своей совокупности литературное творчество есть общественный процесс, неизбежно начинающийся с того момента, как успехи культуры настолько обеспечивают материальное благосостояние данного народа или хотя бы одного его класса, что у него остается свободное время, чтобы не исключительно погружаться «в заботах суетного света», а подумать и о его происхождении. Отсюда ясно, что и все повествования наших классиков и не классиков о Типпархах, Аристотелях, Конфуциях, Буддах, Христах, Магометах и Моисеях, выскочивших одиночно, есть ни что иное, как простые мифы. Да и сами эти сложные мифы не могли развиваться одиночно в глубокой древности по одному «божественному гласу Аполлона», и не могли быть продиктованы самим богом удостоившимся этого людям, как утверждают христианские и магометанские теологи, — а были продуктами сложного общественного процесса, который в ту же эпоху и в том же народе должен был создать и ряд других произведений близкого к ним уровня, так как эволюция литературного и художественного творчества шла хотя и порывами, но последовательно все вперед и вперед.

Все эти соображения, имеющие характер общего закона, должны быть нашими верными руководителями при исследовании имеющихся

в нашем распоряжении исторических первоисточников. Я только что показал, как русские северные сказки, собранные О.Э. Озаровской, имеют огромный этнографический интерес, но никак не исторический. А вот, например, те рукописи по «Буддийской космологии», которые находились в 1837 году в библиотеке Казанского университета и которые я перечислял в этой самой главе по проф. О. Ковалевскому, — какой интерес они имеют? Этнографический или исторический? Локальный или общий?

О них не сказано, как они попали под разные нумера каталога Казанского университетской библиотеки... Орфография их современная, имеются они в единичных экземплярах, а не так, чтобы то же самое сочинение было найдено еще где-нибудь в Монголии или Тибете или у индийских буддистов и занумеровано в какой-нибудь другой университетской или не университетской библиотеке.

Значит, это локальные произведения, и притом недавнего времени. Как же они возникли? Все говорит за то, что по способу Озаровской. Какой-нибудь калмык, получивший высшее образование по-русски в Казанском или Московском университете и вернувшийся на родину, стал записывать космологические и мифические устные сказания своих говорливых старцев, объединяя их на своем языке под названием «Зерцало Вселенной», «Источник мудрецов», «Сокровище, насыщающее желанья» и даже «Монгольская летопись» и потом при случае сам (или сын после его смерти) передал ее в Казанский университет или продал проф. Ковалевскому.

Значит, эти рукописи (как и все находимые таким же образом в Индии) имеют только этнографический локальный интерес, рисуют современные представления о разных космологических и религиозных предметах, но это еще не значит, что таков же был буддизм и до Чингиз-Хана (1155–1227), владения которого простирались от Пекина через всю область современного буддизма до Инда, через Тибет, на юго-восток и до Каспийского моря через Монголию на запад. Все эти неизмеримо обширные разьединенные пустынями и неудержимые в стратегическом отношении под одну насильственную власть страны могли быть объединены только теократически, и это тем более обязательно, если бы Чингиз-Хан начал свои «победы» (что совсем невероятно) из пустынной Монголии, редкие жители которой до сих пор являются самыми мирными кочевниками, разводящими верблюдов, лошадей и рогатый скот. Теократический характер власти Чингиз-Хана подтверждается и сказаниями, что он дал этим — теперь буддийским странам — их законы, на основании будто бы «старинных обычаев», и тем, что

его племянник Батый (довольно созвучно с Буддой) обоготворен монголами.

Припомним также, что и Далай-Ламы появились в Тибете только с XIV века, т.е. одновременно с другой буддийской знаменитостью — Тимуром (т.е. Железным, 1333–1463), власть которого простиралась над всей центральной Азией и даже над Индией и Персией, что опять немыслимо со стратегической точки зрения, но вполне возможно с теократической, вроде, например, власти римского папы над всеми католиками. В это же время появляются в Тибете Далай-Ламы, первые достоверные перевоплощенцы вечно воскресающего Будды.

Все эти обстоятельства, и в особенности единичность и локальность большинства наших первоисточников по азиатской литературе, как будто собранных по способу О.Э. Озаровской и приведенных потом во взаимную связь самими коллекторами, заставляют считать их больше этнографическим, чем историческим материалом и вынуждают серьезного историка пересмотреть заново всю историю азиатских стран.

Глава III

НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРИ КОТОРЫХ НАЙДЕНО БОЛЬШИНСТВО НАШИХ ВАЖНЕЙШИХ ДРЕВНЕАЗИАТСКИХ КНИГ

Когда культурные государства, стремясь к своему расширению, выходят из пределов своей основной национальности и захватывают иноязычные малокультурные народы, они всегда не только стремятся их ассимилировать, по внешности навязывая им свой язык и одежду, но и по внутреннему состоянию, т.е., как говорится, по духу, справедливо видя в этом, а не в военной силе, главный залог своей прочности.

В древности и в средние века, когда умственная культура и вся ее идеология были основаны на мистических религиозных началах, это проявлялось в стремлении навязать вновь присоединенным народностям свою религию, для чего в их странах основывались на государственных средствах правоверные, по мнению государственных правителей, храмы, одинокие развалины которых мы и видим, например, в Сирии и северной Африке, где благодаря отсутствию удобных путей сообщения ромейская культура не удержалась, и в средне-европейских и северных странах, где первоначальные ромейские храмы переродились в современные нам христианские церкви и соборы.

В новейшие же времена, когда теологическое мировоззрение заменилось естественно-научным, и церковь, отстав от жизни, отделилась от государства, это же стремление культурных народов внутренне и внешне ассимилировать к себе соседние некультурные естественно стало проявляться в построении в них или на границах с ними низших, средних и высших школ.

Таким образом, например, на границе с мусульманскими татарами и буддийскими калмыками был еще в 1804 году основан Казанский университет, со специальными кафедрами восточных языков: коранического, калмыцкого (причем нелишне отметить, что калмык по-турецки значит «отсталый») и турецко-татарских.

Таким же образом в своих ост-индских владениях англичане сначала построили ряд храмов, а потом (до 1900 года) там было уже пять университетов: в Калькутте (с обсерваторией), в Бомбее, в Мадрасе, в Алмагабаде и в Лагоре, и кроме них 156 высших и более 130 000 низших школ.

Посмотрим же теперь естественные последствия такого сочетания высшей культуры с иноязычною ей низшею. Для простоты наших соображений возьмем хотя бы ближайший к нам Казанский университет, где появился первый (из русских) профессор монгольского языка Осип Михайлович Ковалевский (1800–1873 гг.), «Буддийской Космологией» которого я достаточно пользовался здесь. Еще до поступления на эту кафедру он был прикомандирован 27 лет от роду в Иркутск для изучения монгольского языка, затем через три года в Пекин, и наконец, от 1836 по 1862 год был профессором в Казани. Что он делал в эти двадцать девять лет своей профессорской и преподавательской деятельности, — это можно сказать и не имея о нем никаких «свидетельств очевидцев», пользуясь лишь его собственными краткими указаниями, что в его личной библиотеке имелся, среди других книг, ряд интересных рукописей на монгольском языке по буддийской литературе. Как он их достал в Казани? Да так же, как сделали бы вы, если бы были там, на его месте. Среди казанских студентов, особенно по этой специальности, неизбежно оказались бы хоть трое-четверо калмыцких юношей, родители которых, живя между русскими, пожелали приобщить своих способных детей к европейскому знанию, чудеса которого они не могли не видеть даже и в начале XIX столетия. Если даже эти студенты и были не на факультете восточных языков, то все же попадали тотчас в ведение Ковалевского, как своего естественного покровителя, и он, как страстный ориенталист, не мог не поручать им, когда они уезжали на каникулы к своим родным, собирать в родных степях и записывать для него по-калмыцки все, что может служить образчиком их литературы, или представления об окружающем мире и о их прошлой истории. Усердные студенты, желая угодить своему патрону, действительно записывали сказания своих говорливых старцев, комбинировали их отдельные рассказы в более или менее связный ряд, подобно тому, как это мы имеем, например, в Илиаде или Одиссее, и, возвратясь, доставляли это своему учителю не как собственную компиляцию, которая в его глазах потеряла бы всякую ценность, а как целиком записанное ими со слов одного человека, а более лукавые (какими бывают обязательно все дети первобытных народов, среди которых мистификация считается похвальной ловкостью), могли выдать свою запись, изменив нарочно почерк, и за найденный у своих родителей документ, заметив, что это более понравится их учителю.

Таким процессом и объясняется тот поразительный факт, что вплоть до напечатания всех таких документов они оказываются уникальными, не находимыми более нигде, что не могло бы ни в каком случае

быть, если б мы имели в этих документах образчики настоящей национальной литературы, т.е. ходячих в этой форме народных или сословных представлений какой-нибудь области. Тогда однородные рукописи, хотя и с индивидуальными легкими вариациями, не выуживались бы то тут, то там современными европейскими востоко-искателями, как караси из озера, чего абсолютно нет. Есть даже нечто гораздо худшее.

Что бы вы сказали, например, если б какой-нибудь страстный удильщик рыбы стал вас уверять, что просидев целую ночь на берегу озера, он выудил последовательно 1 щуку, 1 карпа, 1 линя, 1 ерша, 1 карася, 1 плотичку, 1 лягушку и т.д., перечислив все десятка два существ, которые можно выудить в данном озере, и все по одному экземпляру? Вы рассмеялись бы, конечно, такому разнообразному однообразию, и сказали бы, что для правдоподобия следовало бы хоть кого-нибудь утроить или учетверить и сократить породы. А между тем в области литературы мы находим выуженными таким же образом по экземпляру не два десятка, а несколько сот документов из истории Востока, считаемых нами за основные. Все это, оказывается, рукописи, не имевшие распространения. Все они стоят на уровне вашего частного письма к своему знакомому, которого он никому не дал читать. И все они явно новые, так как хранить их, никому не давая, нет смысла. Особенно это «индивидуальное» творчество распространено в Индии, где 5 университетов (не считая 150 высших английских школ), занимались такого рода спортом много долее и усерднее, чем у нас О. Ковалевский в Казанском университете. Там даже платили премию за каждую новую находку. Так почему же мы до сих пор не смеемся над такого рода нелитературной литературой?

Но тут выходит нечто даже более удивительное. Несмотря на эту унитарность имеющихся документов, часто оказывается, что после напечатания какого-нибудь из них, т.е. когда он становится общеизвестным для всех интересующихся его предметом, вдруг кто-нибудь выуживает в том же азиатском океане сильно пополненную и усовершенствованную и опять единичную рукопись на том же языке или опять тоже единичный его перевод на другой азиатский язык, или даже оригинал на другом языке, если первая находка сочтена за перевод.

Все это заставляет серьезно и обстоятельно исследовать, в каком числе экземпляров найдены нашими европейскими учеными в отдаленных странах Азии документы по современной истории их народов (до их напечатания), и если окажется, что статистика дает для множества из них те же числовые результаты, как у меня здесь относительно выуженных любителем шук, линей и карасей, то и очистить от них навсегда историю Востока.

Глава IV

БУДДИЗМ В СИБИРИ

Приступая к исследованию буддизма с точки зрения свободно мыслящего человека, я прежде всего буду говорить о его состоянии в Сибири и пограничных с ней странах, так как тут я могу пользоваться нашей русской литературой, мало известной на Западе, а между тем очень оригинальной и представляющей первостепенный научный интерес.

В составе своего народонаселения Сибирь никогда не представляла единства. Там на огромном пространстве между Тоболом и Иртышом, Обью и Енисеем, вплоть до XIV века нашей эры развевалась Татария. За Обской губой, особенно в приленских местах тянулись широкой полосой кочевья якутов, татарских единоплеменников, на север от рек Витима, Вилюя и Олекмы до Ледовитого океана, к востоку от Енисея до Охотского моря. На Камчатском полуострове считались Крашенинниковым в 1738 году три народа – камчадалы, коряки и курильцы. Коряки были смежны с чукчами, юкагирами и ламтуамамми, курильцы с камчадалами и японцами.

Все эти разнообразныя племена принадлежали и принадлежат теперь исключительно Северной полосе. На Юге же Сибири разноплеменность почти исчезает.

Обстоятельные исследования синологов не позволяют сомневаться, что в странах, лежащих на северо-восток от Великой Китайской стены, по степям, сопредельным с северным Китаем, с самых древних времен обитали лишь Тунгусские и Монгольские племена. Эти племена, и только они одни, жили на юге Сибири и при ее покорении русскими царями.

Отечеством тунгусов была нынешняя Манчжурия. Там и теперь разные племена, под общим именем манчжуров, составляют господствующее народонаселение. Границами которого служат: на юге Китай, на севере – река Амур, на востоке Японское море и на западе Великая Монголия, начинающаяся несколько выше слияния Шилки с Аргунью.

Но тунгус давно перешагнул за пределы своей страны. Он раскидывает свой шатер на Даурских равнинах, пасет стада оленей на берегах Енисея и Лены, Колымы и Алдана; является с колчаном в руже

среди непроходимых гор и лесов, на всем протяжении от Амура до Анадыря. Они были долго независимы и стали платить подать русским не ранее 1657 года. Бродячие тунгусы, почти дикари, любят горы и леса, они переходят с места на место небольшими партиями и носят различные ее местные названия, с разными оттенками в языке. Они кочуют в Нерчинском крае от верховьев Нерчи до Аргуни, по Онону, Инде, Турге, Ачинге и по другим рекам этого бассейна.

Все они носили издавна общее название Хамниганов и в XIX веке составляли наследственный удел князя Гантимура. Большинство их склонилось в XVIII веке к буддизму, а остальные еще держатся шаманства или колеблются между обоими верованиями.

Второе монгольское племя известно в Восточной Сибири под именем бурятов. Они многочисленнее всех других инородцев и состоят под непосредственным ведением своих наследственных князей. В Давурии, за Яблоновым хребтом, их числится шестнадцать племен, и все они буддийского вероисповедания.

А по эту сторону Яблонового хребта, в Верхнеудинском округе, по рекам Уде и Хилке тянутся кочевья харинцев. В начале XIX века это племя составляло одну семью с Нерчинскими монголами и ему перво-му усвоено было наименование Хариата, измененного потом в Бурята.

Буряты Селенгинцы кочуют по реке Селенге, Ворге, Джиде (от дзедэ — мель) и Темнику. Они прежде всех других подверглись обаянию буддизма и очень преданы ему.

Тункинские и Окинские буряты обитают к северо-западу от Байкала в ложбинах и долинах между Байкальскими и Саянскими горами. Прибрежья реки Иркутка наиболее покрыты их кочевьями.

Идинские буряты и 27 родов Балаганских размещены ниже иркутска на степях, прилегающих к Ангаре.

Кудинские ближе всех других к Иркутску. Их земли тянулись до Байкала и граничат с уделом Верхоленских Бурят, которых улусы рассыпаны от восточных высот Байкала до Верхоленского отрога, и здесь замыкается длинная цепь бурятского населения.

Архиепископ Ярославский Нил, прошедший в этих странах миссионером 16 лет и хорошо изучивший язык местного населения, так характеризует его быт в своей книге «Буддизм» (1838 г.).

«Хотя от присоединения Сибири к державе Российской протекло уже около 250 лет (с 1736 года), но быт сибирских инородцев не представляет и теперь ощутимых перемен. Где искони водворялись племена, там и ныне их видим, и видим во всей простоте века Авраамова. Домо-обзаведение их ограничено убогою палаткою, потребности в пище

и одежде не простираются далее того, что получает он от стад; деятельность и житейские развлечения сосредоточены в передвижении из дебри в дебрь, из степи в степь. Исключение делают собою лишь те из инородцев, которые, постоянно находясь под влиянием русского народонаселения, невольно свыкаются с его образом жизни и начинают постигать, что не скитальческая беззаботность, а труд, подъемлемый в поте лица, составляет прямое назначение человека».

«Вера, — говорит он далее в своей интересной, но неудобочитаемой книге, которую я много пользуюсь здесь, — старинных обитателей Сибири имела один общий характер, следы которого видимы еще в остатках шаманства. Но единство это давно рушилось, быв потрясено силою обстоятельств.

По раздроблении огромной Монгольской монархии сперва приволжские татары, входившие в связь с турецкими поколениями, а потом и Азийские, стали изменяться из идолопоклонников в магометан.

Религиозный переворот начался в Западной Сибири при Кучуме. Кучум взялся за меч, и к тому же расположил он и отца своего Муртазу, Бухарского властителя. От последнего прислано было войско под начальством старшего его сына Ахмет-Гирея и вместе с ним целый легион мулл. Тогда одно оставалось для народа — покориться необходимости. Лишь жившие в отдаленности от ханской столицы могли еще сохранять прежнюю свою веру»¹.

«Но магометанство, вторгшись в северную Азию с запада, не проникло на Восток далее Енисея. Там осталось старинное язычество, которое известно под именем шаманства. Но взамен магометанства туда стал проникать буддизм и более столетий господствует там от Амура до Лены над значительнейшею частью монголо-бурятского и тунгусского племени». Так оканчивает автор свое изложение, основанное на официальных актах русских архивов, показывающих совсем недавнее проникновение буддизма на побережье реки Амура, тоже одновременно с магометанством, и продолжает еще так:

«Буддизм, порожденный во времена Гомерические, признает законоположителем своим Шигемунья-Сакья-Муни, и от него ведет связанную свою эру, по которой еще (в 1857 году) считается ему 2894-й год.

Делится он на две секты — фоистов и лам. Первая удержалась в Китае, а последняя в Индии, Тибете и Монголии. Существенное между сектами различие в том заключается, что одна из них имеет иерархию, у другой, напротив, ее нет»².

¹ Нил Архиепископ Ярославский: Буддизм. С. 12.

² Там же. С. 17.

Но в этой хронологии мы уже не будем верить ему на слово, а попытаемся исследовать дело самостоятельно, в остальном же на его наблюдательность положиться можно.

Буря, поднятая исламом, отозвалась страшным потрясением среди турецкого и татарского племени, от Кавказа до Урала. Бедные шаманы всюду принуждены были уступать место неумолимым муллам. И конечно, не многие бы из них, особенно в Сибири, пережили XVII столетие, если б северные области Азии не отошли к христианской России.

Но еще большее поражение испытали шаманы от буддистов в конце XVIII и начале XIX века.

В отделе о древней истории Китая я покажу, что нельзя придавать серьезного значения сообщению о южных гуннах под 336 годом нашей эры (т.е. во время возникновения христианства в Европе), причем говорится, что тогда в царствование государей Ши-лэ, Ши-ху и Цзун-чжина двор, а с ним и аристократия, были преданы буддизму.

Но даже и без специальной критики этого указания мы могли бы доказать неправильность представления о его большой древности.

Мы можем доказать, что буддизм слишком недавняя религия на сибирской почве, потому трудно объяснить, как мог он оставаться чуждым для Сибири, если бы он проник в среднюю Азию, да и в самую Монголию, за много веков пред этим. Ведь ламизм вплоть до XVIII века нашей эры не находил себе приюта даже и в Даурии, сопредельной с Китайской Монголией и сопряженной с резиденцией Ургинского патриарха.

Первым его принял Цонгольский род в 1741 году, когда Пунцук добился старейшинства над ламами, со званием протоирея (Ширета).

Русское правительство с удивлением увидело, что за Байкалом, как из недр земли, вдруг возникли 11 храмов с 150-ю ламами. Воспрещено было всякое дальнейшее размножение ламизма, но несмотря на это, лет через 15 в 1756 году, там оказалось уже 324 ламы. Но и это были только цветочки, а ягодки оставались впереди.

Преемник Пунцука Зайяга начал домогаться достоинства епископа (Бандиды), которое и успел получить в 1764 году. Это было допущено с целью прекратить отношения здешних буддистов к чужеземному патриарху (Хутукте). Но результат получился тот, что чрез десять лет насчитывалось уже 617 лам.

Потом начался временный раскол. Галдан, второй из лам по старшинству, объявил себя независимым от Зайяги и основал отдельное управление.

Обе соперничающие стороны – Цонгольская и Гусиноозерская, для поддержания своего авторитета наперерыв старались увеличить массу

своих приверженцев и только в 1808 году, вместе со смертью Цонгольского епископа Кеторкоя, борьба партий прекратилась и власть сосредоточилась в лице Гусино-Фаерского хамбо-ламы. Шаманисты всюду были преследуемы: ни леса, ни горы не укрывали их от гипноза лам, рыскавших по всему Забайкалью и даже в окрестностях Иркутска. Само христианство ощутило тяжесть их влияния. Из язычников никто почти не решался принимать его.

В 1822 году оказалось уже более 2530 лам при 19 храмах-монастырях и пробужденство охватило две трети инородческого населения Восточной Сибири. Христианское духовенство перепугалось, и вот в 1825 году управление Сибири положило принять за предельное число 20 буддийских храмов и 293 лам; остальные же ламы обращались в сверхштатные, но в этом же году составлен был новый штат, по которому...

Вслед за тем, вопросом об ограничении числа лам и храмов и об изыскании средств к пресечению дальнейшего распространения буддизма занимался Сибирский комитет, и с этой же целью послан был, по распоряжению генерал-губернатора Руперта, в Сибирь чиновник особых поручений.

В 1842 году озабочивалось этим делом Иркутское общее губернское правление и составило штат в 34 храма с 580-ю ламами. При подсчете оказалось, что в этом году в Восточной Сибири было 120 035 одних мужчин, исповедующих шигемунянскую веру и 5 545 лам, т.е. в то самое двадцатилетие, когда деятельно изыскиваемы были средства к их ограничению, буддисты более чем удвоились.

В русском христианском духовенстве опять возникли тревожные вопросы: как организуется это сонмище лам, где способы к их существованию, каково их умственное и нравственное состояние.

Буддийский канон и гражданские законы, заключающиеся в известном монгольском уложении, требуя от лам безбрачной жизни, назначая им пребывание в монастырях, вместе с тем предписывали, чтобы они принимались в духовное звание не иначе, как с ведома и дозволения русского начальства, по его выбору и действительной надобности, и под непременною условием собственного желания со стороны приемлемого. Каким же образом такой поразительный успех?

Конечно, мы теперь можем на это ответить: действовали те гипнотические методы, о которых я вам уже говорил при описании таинства Джанан, но в то время о гипнозе еще не было научных представлений, а в чертей уже мало кто верил. И вот при виде такого успеха ламаизма, сравнительно с успехами христианства, ничего не оставалось делать, как восклицать: «Ламизм вербует, где хочет. Умножает свои легионы,

и в то же время обеспечивает себя отовсюду. Чем больше семейств, связуемых с ними узами родства, тем выгоднее для них. В них находят ламы тайных своих агентов, чрез них склоняют общее мнение в свою пользу и становятся грозными для своих противников (т.е. христианских миссионеров).

Таблица 1

№	Наим. дацанов	Храмы	Сумэ	Число прихожан	Хамба (митрополит)	Ширетуй (епископ)	Ламы	Данди
1	Гусиноозерский	1	17	4136	1	1	7	1
2	Цонгольский	1	11	6625	-	1	12	1
3	Джидинский	1	16	5113	-	1	9	1
4	Ацайский	1	9	921	-	1	2	1
5	Соргольский	1	3	2279	-	1	3	1
6	Гнгетуевский	1	4	1690	-	1	2	1
7	Учотоевский	1	6	1170	-	1	2	1
8	Бултумурский	1	17	2473	-	1	4	1
9	Аракиретуевский	1	2	2554	-	1	4	1
10	Чогагуетаевский	1	11	3035	-	1	5	1
11	Кударинский	1	2	3666	-	1	6	1
12	Иройский	1	10	2505	-	1	3	1
13	Янгасинский	1	4	3705	-	1	6	1
14	Ходонский	1	3	6400	-	1	12	1
15	Анинский	1	4	5813	-	1	11	1
16	Тутгальгатаевский	1	4	4864	-	1	9	1
17	Агинский	1	-	10622	-	1	19	1
18	Ацагатский	1	1	3305	-	1	5	1
19	Яицановский	1	9	3089	-	1	5	1
20	Хохюртаевский	1	-	3698	-	1	6	1
21	Эгитуевский	1	4	5250	-	1	9	1
22	Цугилинский	1	1	5410	-	1	13	1
23	Цулгинский	1	1	2105	-	1	3	1
24	Гуинский	1	-	1067	-	1	2	1
25	Токчинский	1	-	919	-	1	2	1
26	Хожиртаевский	1	1	896	-	1	2	1
27	Тарбатараевский	1	1	898	-	1	2	1
28	Бырцуйский	1	1	1240	-	1	2	1
29	Ольхонский	1	-	1710	-	1	2	1
30	Баргузинский	1	2	3428	-	1	8	1
31	Кыренский	1	-	2695	-	1	4	1
32	Болакский	1	-	7957	-	1	14	1
33	Боргальтаевский	1	-	2709	-	1	5	1
34	Аларский	1	2	7972	-	1	15	1

Надлежит только явиться ламе в какой-нибудь улус, и лучшая сикера, тучнейшие яства, со всеми угождями, будут к его услугам».

И вот начались правительственные ограничения:

1) Ламам поставлено в непременную обязанность иметь жительство только при монастырях, не иначе отлучаться из них, как по делам службы и притом всегда с ведома их епископа (Ширета).

2) Им дарованы земли: хамбо-ламе пятьсот десятин, а прочим членам в меньших количествах, сообразных с их званием.

3) В отвращение старых злоупотреблений, строжайше запрещено им привлекать в свою веру не только христиан, но и шаманистов, и, наконец

4) Положен твердый штат для их духовенства, который я и привожу на табл. 1.

Но нам здесь более всего интересен не этот штат, а то, что в единственной области, относительно которой были собраны точные официальные записи, буддизм начался только в половине XVIII века и с молниеносной скоростью стал распространяться среди первичного шаманского населения только в первой половине XIX века. Но эта область никакими непреодолимыми преградами не была отделена от остальных мест господства буддизма, относительно которых нет никаких статистических сведений и надежных исторических указаний.

Так, какое же право мы имеем думать, что он в них возник еще две тысячи лет назад, но не захотел проникнуть в Забайкалье и Амурскую область? Ведь это же просто нелепо.

Глава V

ШАМАНСТВО И БУДДИЗМ

Поговорим теперь немного и о смешанных с буддистами территориально шаманах.

Если верить буддийской книге Улигерундалин, то шаманство до последнего из пятисот уже бывших перерождений Будды было всеобщей религией и имело свой писанный закон и много магических книг; а представители этой веры шаманы, держа в руках своих ключ к тайнам природы – дивили свет метаморфозами и всякого рода чудесностями.

Не будем говорить ничего о предполагаемых шаманских волшебных книгах, а отметим лишь то, что и по буддийским первоисточникам религия пробужденцев сменила шаманство и что чудотворство на гипнотических основах характеризует и буддийское духовенство.

Буддийские святые, которым удалось соблюсти «Тарнин санвар», по сказанию книги Даг-Ик (гл. 8, л. 19), обладают даром восьми великих чудес. Они могут:

1. Исцелять все недуги.
 2. Летать по воздуху.
 3. Становиться невидимыми, если захотят.
 4. Делать проходимыми для себя все места на земле и под землей.
 5. Производить без малейших последствий резанье тела у себя и у других.
 6. Все видеть и предвидеть.
 7. Производить Пылден, т.е. белое тяжеловесное семечко, обладающее притягательной силой.
 8. Производить зелено-желтые изумительных свойств пилюли (Ринчин кралу). Они зарождаются в волосах у пустынножителей или в их священных книгах, или падают свыше в виде манны. Чаще же всего они добываются руками праведников из пещеры <...>, где проводил дни своей невинности Шара бычин, пока его не соблазнила Ранчиса.
- Крупинки этого Пылдена и Ринчина влагают в уста умирающему, чтоб избавить его от влияния демонов и открыть ему путь к счастливой будущности. Буддисты считают, что все это тайна, недоступная для шаманов, а в другие мистерии (числом 81) они входят наравне с ламами, посвятившими себя исключительно богу ада – Чойжилу.

Первым местопребыванием его избранных сил была прекрасная область божественного хана, в лесах которой летает птица Галиндига. Хан этой области, по имени Об-гамби, принадлежал к числу ревностнейших последователей Шигемуни и царски покровительствовал Буддизму. Но младший брат его представлял собой жалкую жертву ослепления. Шаманы окружали его, морочили и делали из него, что хотели.

Об-гамби, источник всех средств к вразумлению брата, решился наконец показать ничтожество шаманов в сравнении с Годомою (так назывался Шигемуни в период последнего своего перерождения). И пригласил на пир и его и их. Но пиршеством распоряжался ханский брат, и потому шаманам доставлена была большая честь явиться прежде других и занять почетнейшие места. Но вот пришел Шигемуни, не видя для себя места в первых рядах, гневно взглянул на шаманов — и что же? Вдруг все они заколебались, как былинки, и мгновенно очутились за дальнейшими рядами, отброшенные туда невидимою силою. Такая катастрофа, совершившаяся над шестьюстами человек, изумила всех, но только не самих шаманов. Им казалось, что Шигемуни произвел только потешный фокус. Оградив от него себя заклинаниями — былга, тулгу, керчи, дзарик, они ринулись вперед сквозь ряды для занятия прежних мест. Но тотчас же были отбрасываемы на прежние места.

Все осталось как было, и гости начали умывать руки, как требовал того обычай. Шаманы тоже успели к сосудам. Но вода в них окаменела, как только шаман прикасался к ней. При всех усилиях, им нельзя было добыть ни капли и к довершению позора, им среди такого великолепного пиршества пришлось еще и голодать. Подносимые им блюда улетали от них так быстро, что им не удавалось даже коснуться лакомств, коими пресыщались шигемунисты. Такие мистификации довели несчастных до уныния. Они сидели окаменелые и недвижимые. Так что все вельможи презрели черную веру и обратились к желтой. Шаманам ничего более не оставалось, как бежать от общего посмеяния и втайне придумывать средства к поправлению дела.

И вот, когда они сидели, убитые горем, к ним явился легион лукавых духов (Шимнусов) с предложением услуг, в случае обещания им покорности. Шаманы обещали. И тут же из среды их избраны были шесть представителей, которые, кроме личных достоинств, еще принадлежали к знаменитым родам, искони хранившим шесть господствующих в мире зол.

Вожди эти, приняв в свое распоряжение полчища лукавых духов и сопутствуемые ими, пробрались в местопребывание Тойна Годомы и

напали на него. Произошло ужасное зрелище. Земля затряслась под ногами Годомы, стихии забушевали вокруг него; град и молнии сыпались на его главу. Все было напрасно! Годома стоял твердо и только посмеивался. Но его сторонники испугались. Это обстоятельство дало смелость врагам Будды обратиться к Об-гамби с просьбою предписать Шигемуни, чтоб он вступил в публичное состязание с представителем черной веры, и Шигемуни согласился.

Начались приготовления, и все были уверены, что шаманству готовится роковой удар, под тяжестью которого должно оно исчезнуть навсегда. Но каково же было общее изумление, когда пронеслась весть, что Шигемуни и его 1200 священников бежали, не дождавшись дня, назначенного для состязаний, и скрываются в области Вайсали. Шаманы мчались за беглецами, оглашая путь победными криками. Туда же отправился и сам Об-гамби, чтобы узнать причину странного поступка перевоплотившегося Будды. А он повторил ту же историю и в Вайсали. Сперва он показал готовность вступить с шаманами в состязание, а потом изменил своему слову и за день до срока ушел в область Гоосамбир. Оттуда таким же образом он переправился в Баранзу, а потом в Тигисари, в Варкасон, в Габалик и далее, — в такие же таинственные страны, которые впоследствии стали усердно, но мало успешно разыскиваться буддологами. Переходя из страны в страну, от одного народа к другому, он достиг страны, где владычествовал Добрапобедный, и здесь решился приступить к развязке.

В первой четверти Белого месяца, после сытного обеда и находясь в наилучшем расположении духа, он воткнул в землю свою зубочистку, и она, как когда-то жезл Арона, к общему удивлению, мгновенно расцвела и представила огромное ветвистое дерево, обремененное множеством разных плодов, и все, кроме шаманов, наслаждались ими. Потом в той же стране он произвел две горы, из которых одна наполнилась бесчисленными сокровищами, а другая — цветами и травами, врачующими все недуги.

В изъявление благодарности одному хану, он пополоскал свой рот и выплюнул из него столько воды, что произвел огромное озеро, обогатившее всю страну. Одним мановением своей руки он произвел восемь больших рек. Гостя у одного хана, он испустил изо рта такой свет, который озарил весь мир и уврачевал все недуги. В области Лизей-ори он наделил всех обитателей способностью узнавать, что мыслят другие. А после поражения шаманов волоса его сделались светозарными, и отразился его образ на тверди небесной, в 38 тысячах повторений (Улиг. Далай, гл. 3).

Слава его загредела повсюду и всех приводила в восторг и удивление. Ханы и народ спешили на поклонение к великому учителю и сопровождали его до самой области Бурхан-хана.

Но шаманы ни на что не обращали внимания. Увлекаемые злым роком, они настаивали на том, чтоб сразиться с Шигемунием, и выступили против него, в числе шести сот человек.

Шигемуни в это время возлежал на львином седалище, со своими последователями Асури и Хогмузду. Остальные лица, в том числе и ханы, заняли места в почтительном отдалении от них, и все, от первого до последнего, хранили глубокое молчание, надеясь видеть небывалое в мире состязание.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Шигемуни, не удостоив шаманов ни словом, ни взглядом, решил участь их одним мановением руки. Земля затряслась, раздался оглушительный звук, похожий на рев слона; из земли вышел огонь и выскочили гении, которые, в виде грозных богатырей, ринулись на шаманов и стали поражать их. Несчастные искали спасения в бегстве. Но река преградила им путь и гибель их сделалась почти всеобщей. Из шести сот тысяч уцелело всего двести шаманов. И они-то, рассеявшись по свету, послужили средством к сохранению «черной веры», которая и до сих пор удерживается ее последователями.

Легенда эта достаточно показывает, что на севере Азии буддизм, откуда бы он ни пришел, сопровождался жестокой борьбой с шаманами. Но по мере того, как властелины подчинялись влиянию нового вероучения, положение шаманистов становилось затруднительным. Одни из них принуждены были уступить силе, другие рассеялись по менее культурным местам.

Известно, что область этой веры некогда была очень обширна. И до сих пор последователи шаманизма находятся между манчжурами, монголами, тунгусами, калмыками, якутами, чукчами, татарами, остяками, чувашами, черемисами, вотяками, киргизами и разными другими мелкими племенами, не исключая островитян Тихого океана. Их догматы и обряды, предания и поверья различаются лишь условиями жизни каждого народа. Допуская во вселенной действие двух начал – доброго и злого, шаманизм признает необходимым служить и тому и другому. У монголов эта догматика выражается в таких положениях:

Между их божествами первое место занимает Тенгери, как источник жизни и всякого добра, а его дети Тенгеринины представляют собой олицетворение сил природы, стихий и даже человеческих страстей. Таковы, например, 1) Багатор тенгери, гений храбрости; 2) Дайсун Тенгери – покровитель войны и девяноста девяти гениев, господству-

ющих над горами, реками, лесами, пустынями, зверями, как это видно из следующего напева:

Девяносто девять Тенгеринов!
Внимайте словам нашим!
Алтай хан, Кунтей хан...
Вы, владычествующие повсюду,
Поспешите к нам!

Духи, входившие в эту категорию, делятся на благодетельных и злых. Первые из них не возбуждают опасения. Они и являются лишь там, где нужна их помощь и услуга, а последние питают всегдашнюю вражду не только к людям, но и к самому небу. Их-то шаманизм боится и вменяет в главнейшую обязанность укрощать их злобу жертвами и молитвами. Они, однако, те же, что и в буддийской духологии. Из них Элье является в виде коршуна, который, сидя на диком коне и впустивши когти в его гриву, стрелюю мчится по горам и степям. Албин, шатаясь по дебрям и распутиям, делает оклики, зажигает ложные огни, представляет фантастические виды и заставляет путников блуждать. А Вук принадлежит к числу домовых и, поселившись в юрте, не дает покою.

Среднее место между добрыми и злыми духами занимают Онгоны, т.е. души людей, которые, прославившись в жизни злыми или добрыми деяниями, не прервали и по смерти своих прежних отношений к миру и продолжают действовать то во вред, то в пользу живых. Первые из них наносят поветрия, причиняют тяжкие болезни, губят детей, изнуряют скот и являются бичом того племени, среди которого водворились.

Обрядовая часть шаманства имеет много сходства с Докшитским отделом буддизма.

Рождение дитяти и наречение ему имени сопровождается домашним праздником. Но если опасаются за жизнь ребенка, то призывают шамана. И он, совершивши заклятия и возлияние, ставит на почетное место свою уродливую маску, составляющую принадлежность служебного шаманского наряда, и долг шамана наведываться о здоровье ребенка и исправлять при нем обязанности жреца, магика и врача.

При совершении брачных союзов поклоняются огню, совершенно так, как и буддисты. Но заплатив калым, жених вступает тут в права мужа часто без всяких формальностей. В свою очередь и жена, по возвращении калыма, считается независимою или муж передает ее другому за былык, т.е. дар. Здесь допускаются всевозможные перемены, без малейшего внимания к условиям семейного счастья.

Не веселы и похороны, потому что все убеждены, что умирающий идет в царство тьмы, и он при мертвенном безмолвии, или же при завывании шамана или шаманки, так как к этому допускаются и женщины, кладется в могилу, чаще всего в сидячем положении. Многие придерживаются и старинного порядка. Они делают особой формы ящики и, положив труп, ставят их на подмостках в лесах и дебрях.

Шаманы же во всяком случае погребаются. Им делают пещеры, или гроты, складывая их из валежного камня. Усадив его труп, оставляют лишь малый просвет, куда глядит фигура шамана во всех его доспехах. Затем тут же протягивают веревку, от одного дерева к другому, и развешивают на ней бубен, лук, котел и всякий хлам, бывший в употреблении у покойника. После этого обводят вокруг могилы девять раз принадлежавшего шаману коня и убивают его или отпускают на волю.

Шаманисты утверждают, что человек, берущийся за шаманское ремесло, должен иметь к нему внутреннее призвание и особое душевное настроение, признаком которого считаются: частые обмороки и состояние иступления. Заметив такие свойства в ребенке, родители приглашают наиболее известных по своей опытности шамана или шаманку, а иногда и несколько таких лиц и при посредстве их стараются проверить свои предположения.

Если признаки благоприятны, то адепт обязуется теоретически и практически изучать не только служебный чин, но также терапию и всякого рода фокусы. Потом выбирают в лесу такое место, где бы березы представляли собою правильную аллею, или же насаждают ее нарочно не в дальнем расстоянии от улуса. На каждой стороне ее должно быть по девяти берез, в том числе две, оканчивающие собою аллею, должны быть значительной высоты. Все они украшаются девятью породами лесных животных, начиная от белки до собаки.

Шаман, облекшись в полный служебный наряд и надев такой же на своего ученика, берет его за руку и начинает бегать с ним вокруг дерева, делая прыжки и напевы. Потом он вспрыгивает на вершину высокой березы и становится там в нарочно приготовляемом уступе, похожем на гнездо, и в той позиции еще увеличивает свои метания и крики, чему должен подражать и ученик, стоя на вершине второй высокой березы.

Сцена эта повторяется три дня, в каждый из 9 учебных годов. Если ученик пригоден, то он мало-помалу принимается за ремесло своего наставника, а в противном случае делается заключение, что духи чем-либо недовольны, и потому родители отказываются от дальнейших хлопот. Тогда последний раз после должной подготовки совершается

последний акт: учитель и пригодный ученик взлезают на заповедные березы, и первый, вращаясь во все стороны на верхушке дерева, вещает языком оракула, что определенные к изучению таинств шаманизма годы истекли, жертвенные обряды исполнены, и при помощи их такой-то оказался вполне способным к прохождению многотрудного шаманского служения. Юный шаман произносит якобы импровизированный гимн в честь своего наставника, благодарит его и клятвенно обещается пребыть до конца жизни в сыновнем к нему послушании. А в заключение раздаются всеобщие крики, соединяемые с гулом бубнов, и сопровождаются играми и пиршеством.

Глава VI

ЖИТЕЙСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБРЯДЫ ПРОБУЖДЕНЦЕВ

Общеупотребительные из них следующие: крещение, брачный обряд, призыв души обратно в тело, выкуп жизни опасно больного, проводы души умершего.

Разберем по очереди каждое из них.

Крещение

В третий день по рождении ребенка сзываются родственники и приглашается лама. Священник, принеши обычные молитвы, раскрывает книгу, названную Джурхейлите, и по ней определяет <...> 1) восьми-стишные начала мира и находящихся в стихийной связи с ними стихийных духов. 2) Девятицветные знаки – служащие символами разных предметов духовного мира, знаки Зодиака, определяющие собою значение данного года, месяца, суток и даже часа. 3) День недели, обыкновенно начинающейся с субботы и служащей ближайшим указателем дней, благоприятных для младенца и злосчастных. 4) Суточный отдел, заключающий в себе 360 ступеней (градусов). 5) Господствующие созвездия, особенно 25-звездное созвездие, и другие, могущие иметь влияние на судьбу нового человека.

Определив все эти условия, священник торжественно возвещает, что по верному указанию его книги рождение дитяти последовало, например, «в стихии огня, под красным знаком, в год тигра, месяц Овна, в день вепря, в час дракона, в сороковом отделе суток, под влиянием десятой звезды»; и потому новорожденному усвоится соответствующее имя. В этом же тоне составляется и письменный акт, для справок в последующей жизни. Затем происходит и крещение: родственники омывают дитя освященной водой, причем священник читает молитвы и заклипания по книге пяти богов (т.е. ангелов-хранителей).

Крещение это – несомненно того же корня, как и христианское, – оканчивается домашним праздником, носящим исключительное название праздника крещения (Милангора).

Брачный обряд

При заключении брачных союзов сначала обращают внимание и на родство, причем по мужской линии не должно быть родства до десято-

го колена, а по женской — до шестого, но так как никто не знает такого количества предков (126 по женской и 510 по мужской линии), то знатные лица избегают всех однофамильцев, а незнатные принимают во внимание лишь слухи, да и действительное отдаленное родство по разрешению лам может быть устранено. Затем принимаются к рассмотрению стихии и созвездия, под влиянием которых родились жених и невеста. И если окажется, что условия рождения взаимно противоположны, если, например, в роковой момент на одно лицо действовал огонь, а на другое вода, то такие лица признаются не могущими иметь друг к другу сродства, а потому и брак между ними не допускается, пока священники не найдут возможность умиловить враждебных духов и примирить враждебные между собою стихии, путем серьезных пожертвований в их пользу.

Устранив религиозные затруднения, приступают к формальному сватовству, совершенно как в старинной Руси. Родители будущих супругов сперва действуют через сватов, потом сами непосредственно, и вообще без согласия невесты, которая признается не имеющею никакого права располагать собою. Ей даже не позволяют видеть при этом жениха, и никого из принадлежащих к его стороне. Главный разговор при этом всегда идет о размерах платы за невесту, т.е. калыма, который служит краеугольным камнем всех буддийских брачных сделок. Условившись об этом, приглашают священника и вместе с ним молятся о благоуспешии предпринятого брака, чем и заканчивается помолвка. В назначенный после этого день вторично являются к родителям невесты посланцы, или сам отец жениха, вместе с ламою. Войдя в юрту, делают коленапреклонение и приносят домашним божествам жертву. Она обычно состоит из кирпичного чая, который вместе с другими дарами кладется перед буддийскими иконами — бурханами. Все радушно друг друга приветствуют, с соблюдением правил этикета. При близком знакомстве, при равенстве лет и состояния обнимают друг друга, при дальности отношений — ограничиваются взаимным простертием рук и легким склонением головы; старший кладет руки на плечи младшего, а младший имеет право коснуться только ребер старика.

Излив таким образом чувства своей радости и благожеланий, все садятся вокруг огня и принимаются за трубку, мандзу, кумыс и другие сласти кочевого быта. Задача о калыме получает тут окончательную развязку, но это все еще лишь помолвка и исполнением условий не спешат, особенно в тех случаях, когда плательщик не богат стадами, или когда жених и невеста не созрели для брака. Только к окончательному бракосочетанию никогда не приступают прежде платы калыма

во всей условленной полноте, и прежде присылки гостинцев, известных под именем Сагал, дающих повод к брачному собранию и веселью. Бывают случаи, что помолвленную невесту до брака отдают другому, а иногда и жених, проживши с невестой годы и не получив детей, отказывается от нее и отправляет ее домой.

Свадебный обряд совершается в юрте, принадлежащей отцу жениха. Невеста приводится туда под покрывалом и, переступив через порог, становится вместе с двумя подругами на колени перед огнем. Священник прерывает молчание молитвенными воззваниями, на которые невеста отвечает земными поклонами. Сперва кланяется она трижды иконам и приносит им через старосту разные вещицы. Потом кланяется огню и бросает в него кусок жареного бараньего жира; староста украшает лентами треножник, воздавая честь священной стихии огня. Далее следует длинный ряд поклонов родственникам и знакомым, старшим и младшим, ближним и дальним. И на долю каждого из них невеста бросает по куску жира, а староста раздает подарки. А те в свою очередь отблагодаривают невесту подарками. В продолжение всей этой сцены лама, сидя на почетном месте, дает своим чтением религиозный характер этому обряду.

Подруги отводят наконец невесту в палатку жениха. Там снимается с ее глаз повязка, чтобы воззреть на своего суженого, которого, впрочем, она большею частью уже видала не раз.

Обряд призыва души вернуться в тело

Буддийская психология признает в человеке две души: материальную, т.е. дышащую душу, и духовную, которая у христиан называется духом. Одной из них подчиняется физическая жизнь человека, другой умственная и нравственная; одну ставят в неразлучной связи с телом, другую, наоборот, лишь обитающею в теле.

Эта главная душа может быть похищена у человека демонами, чем объясняется сумасшествие, и может оставлять тело самостоятельно при сильных потрясениях. Но как бы ни случилось это несчастье, последствия его всегда бывают ужасны. Человек, потерявший эту свою душу, быстро слабеет умом и памятью. Врачебная помощь ему не в пользу, и лишь священные заклинания подают луч надежды на выздоровление.

Это и есть обряд призыва души обратно в тело. Когда не остается более сомнения, что душа кого-либо похищена у больного одним из демонов, то первым долгом надо умилостивить адского царя Чойджила, дабы при помощи его вызвать похитителя и отобрать у него эту

душу. С этой целью делают изображение девяти Иргачинов, с надписями их имен. Дождавшись полночи, кладут их в мешок из сырой пестрой кожи и завязывают пестрым арканом в девять оборотов. Избранные из общества девять смельчаков, окружив заключенных сюда иргачинов, с оружием в руках, слушают заклинания, произносимые ламою по таинственной книге Сидил. По окончании их, один из этих смельчаков, схватив аркан и перекинув его через плечо, вытаскивает мешок из юрты и трижды бежит вокруг нее в сопровождении толпы, старающейся как можно более встревожить духов ночи своим диким воплем, стуком оружия, звуками труб и бубнов. А когда мешок с иргачинами снова появляется в преддверии юрты, его встречают стрельбой и поспешно выбрасывают истуканов на землю, замечая, как они падают — на спину или вниз лицом. Упавших вниз лицом раздробляют тут же молотом; а лежащие на спине признаются требующими еще жертв. Их опять кладут в мешок и подвергают новым усиленным заклинаниям, повторяя вместе с тем и беготню. И эта репетиция с дополнительными в ней обетами, определяемыми книгою Сидил, повторяется до тех пор, пока все иргачины попадут под сокрушительный молот.

Осколки их снова забираются в мешок и более не выходят из него. Их влекут в пустыню, зарывают и кладут над ними черный камень с надписью, что хитрые духи удовлетворены и не станут впредь причинять вреда семейству, для которого совершился обряд.

Все обещанное при этом иргачинам, в том числе и бывшие в деле орудия, отдаются совершителям этого таинства.

Но и этим не всегда кончается дело. Очень часто случается, что больной не чувствует никакого облегчения. Тогда приступают к новым предположениям о причине гнездящегося в нем зла. Прежний совершитель обряда, очевидно, не имел достаточной опытности и не соблюл всех предписанных правил. Семейство больного вторично обрекается на совершение заклинаний, пока тайноведы не скажут, что душа больного, хотя и освобождена из-под власти иргачинов, но не может возвратиться в тело, не найдя к нему дороги; или даже не хочет, пренебрегая его недостатками.

Чтобы помочь последнему горю, раскладывают вокруг больного его лучшую одежду и все то, чем наиболее он дорожит, и сам он отмывается, окуривается и вообще приводится в возможно хорошее и успокоительное положение. Тут же должны находиться и ближайшие родственники, друзья и приятели больного. И все эти лица три раза важно обходят юрту и умиленно зовут по имени бедную скиталицу, высшую душу, умоляя ее возвратиться в тело.

Для удобства ее возвращения в забытое ею или потерянное жилище проводится как путеводитель пятицветный шнурок, на протяжении девяти аршин, от головы больного за дверь юрты.

Священник, облаченный в свою священную одежду, читает во всеуслышание об ужасах ада и об опасностях, каким подвергается душа, самовольно отделившаяся от тела. Он обращается к присутствующим и к самому больному с вопросом: пришла ли? И все в один голос отвечают: пришла, пришла, пришла! Все спешат с приветом к возвратившейся страннице и в знак радости бросают на больного семена. А шнурок, послуживший проводником для души, свивают в моток и надевают больному на шею, с тем, чтобы он семеро суток носил его не скидая. Все члены семейства обязуются не ругать больного в это время и не пугать его какой-либо нечаянностью, но и всячески угождать ему. Иначе душа, не привыкшая еще к телу, вторично расторгнет с ним свою связь и подвергнет жизнь и здоровье пациента новой и горшей опасности. Так еще в XIX веке лечили буддийские священники-доктора от горячки и всех болезней, сопровождавшихся бредовыми явлениями. Аналогичным способом лечились вплоть до настоящего времени и все опасные болезни.

Обряд выкупа жизни

Когда все средства, принятые к исцелению обычного больного, оказываются не действительными, приступают к совершению обряда, называемого выкупом души, — нечто вроде православного соборования.

Совершителями этого обряда по преимуществу были ламы Докшитского чина. Под их руководством делают из травы чучелу, одевают ее в лучшее платье пациента и дают ей по возможности приличную позу. Вокруг чучелы расставляют лепные изображения всех тех духов, которые любят тешиться горем и бедою человека. Изображения эти украшаются атрибутами каждого такого духа. Вместо же жертв им кладут волосы разных животных, приносимых в выкуп за душу. Тут же должен находиться в полной сбруе лучший конь больного или его вол, чтобы изгоняемый дух мог беспрепятственно уехать в пустыню.

Сделав такие приготовления и дождавшись глубокой ночи, священники приступают к обряду. Сначала чтение идет тихо, духи умаливаются оставить больного и переселиться в сделанную чучелу, взяв в придаток и предложенные жертвы. Но, мало-помалу, тон начинают изменять, изменяя и положение чучелы: она делает поворот и становится лицом к священнику. Чтецы постепенно доходят до неистового козлогласия и ему аккомпанирует такая же музыка. Искуснейший из

лам выходит в Докшитском всеоружии на арену, пляшет под такт бубнов и других музыкальных инструментов и, достигнув апогея своего исступления, яростно мчится по всем направлениям юрты, пророчествуя что-то бессвязное, режет себя, а иногда и больного своим ножом, бросая на очаг какие-то химические составы, производит пламя, треск, дым и удушающее зловоние, чтобы принудить духов оставить в покое больного и переселиться в чучелу или уехать куда-нибудь. И действительно, хозяин не видит уже более своего любимого коня или вола. Какой-то дух уехал на нем, а куда? — про то знает лишь совершитель таинства. Тогда сожигают чучелу вместе с изображением чертей в некотором отдалении от жилища. А их одежда и все животные, обреченные в жертву, достаются ламам.

Подобные обряды совершаются и при общественных бедствиях, с целью умиловления злых богов. Близ места, осененного деревьями, делается деревянная статуя, представляющая собою одного из враждебных миру духов. Ей дается грозный вид, и она облачается во все воинские доспехи. А самое место и осеняющие его деревья украшают разными мелочными вещицами.

Следуя общему правилу заклинания, сначала упрашивают богов, особенно Ормузду, а потом сыплют проклятия на Асури и на все мятежное царство, находящееся, как известно, под священной горой Сумбером. Провозглашается победа над враждебными духами; представитель их — Линга — расстреливается и погребается на том же самом месте, где был выставлен для позора. А вся орда продолжает пировать и веселиться. Иногда же, вместо расправы с Лингою, укрощают местных духов и заклинают их в одном из находящихся при каждом храме малых часовен. В них духи-заклученцы содержатся безвыходно круглый год, потом, вынеся их, чествуют жертвами, и опять на год заключают, пока время не наложит на них свою руку.

К обрядам, избавляющим от бед, относятся и гадания. За это дело берутся ламы красного ордена. Авгур-гипнотизер прежде всего оглушает своих адептов сотнями вопросов, как бы не относящихся к делу, но нужных в гадании. Он намекает на разные мистерии, касающиеся демонологии и тех способов, которыми мудрецы всегда умели пользоваться для узнания сокровенных таинств. Затем он раскрывает книгу судеб, и она дает искомый ответ.

Но в некоторых случаях считают нужным прибегать и к высшим степеням гипноза. Гадатель, сев на землю, держит в одной руке книгу, а другую кладет на миниатюрный столик, к которому привязана длинная веревка. И вот все видят, как после более или менее продолжительного

чтения столик подчиняется движению его руки. Гадатель сначала выносит его из юрты, потом следует за его самостоятельным движением. Столик вырывается наконец из-под его руки и мечется в ту и другую сторону, он взлетает на воздух и несется, волоча веревку. И зрителям кажется, что гадатель хватается за нее и скачет на коне вслед летуна, тщательно наблюдая, куда и как он разворачивается и как упадет.

Но если указания столика не определительны, пользуются еще стрелой. Священник ставит ее острием на ладонь и слегка придерживает, а его помощники монотонно начинают читать. Стрелка начинает двигаться на ладони все быстрее и силится вырваться из рук. И вот ее заставляют писать на песке, подобно тому, как пишут и теперь карандаши в руках наших европейских сомнамбул. Но это уже не относится к обряду «выкупа жизни», о котором мы начали говорить.

Обряд проводов души умерших

Надо одеть тело покойника прилично, закрыть ему лицо хадаком и положить на правый бок, чтобы одна рука могла находиться под головою, а другая на бедре. Левая нога должна быть несколько согнута. Эта поза называется львиною. Перед изображениями святых зажигаются свечи, берутся за чтение «молитвенной книги», которое продолжается до ближайшего из счастливых для данного человека дней. Тогда приводят к его юрте оседланного коня и ставят против двери с левой стороны, а человек, держащий его, садится внутри юрты на цыпочки.

По окончании отпевания старший священник восклицает: хек! хек! хек! И вслед за этим нарочно избранный человек дотрагивается до покойника рукой, а иногда стрелой или другим оружием. Все выходят из юрты и садятся на коней, а покойника кладут на телегу или сани.

Пришедшие в безмолвии, под предводительством священника, на место погребения бросают белый войлок, длиной около сажени; вколачивают по его углам четыре палки. Покупают это место обыкновенно очень дорогой ценой, судя по которой устраивается и весь церемониал службы, с большею или меньшею торжественностью.

После выкупа земли под войлоком каждый из священников, обходя три раза войлок, проводит борозду по земле. Четыре малые сосудца, с монетами и всякими блестящими безделицами, зарывают по четырем углам купленной земли.

Начинают рыть могилу. Заупокойное пение и чтение лам оживляется только звоном колокольчика: другим музыкальным инструментам не дают места.

Изготовивши могилу, зарывают посреди нее такой же сосудец, как и по углам. В нее кладется покойник, обращенный лицом на запад.

Погребение кончается. Все бывшие при нем, возвратясь, совершают очищение, т.е., остановившись перед огнем очага, умывают руки теплою водою, над раскаленными камнями совершается каждение, выслушивается очистительная молитва, а юрта еще до прихода гостей уже перенесена на другое место.

Поминки по умершему у зажиточных людей справляются в течение 48 дней, поутру, в полдень и вечером. А люди бедные обязаны исполнить это по крайней мере четыре раза: в 3, 7 и 49 день. Жертвенное животное делится на многие части, и одна из них поступает на долю души покойника и сжигается. Остальными же частями пользуются священники, которые еще получают по животному за каждый совершенный ими обряд и общую благодарность за все свои труды при поминках.

Подобно символу веры христиан и буддисты имеют такой же, называемый ключом закона. Вот некоторые из его членов:

1) Я верую, что все в мире имеет свое начало, все твари живые разделены на шесть великих степеней. Сонм хубилганов, священный сонм, красит собой все страны света, все времена.

2) Я верую и в лам, верую в Бога, верую в закон.

3) Верую в Идамов, Докшитов и в грозных богинь.

4) В четыре начала божественных натур.

5) В бодисадов и Хутукт, Праванов и Брадигабут, со всеми прочими отделами богов и гениев благих: я верую и поклоняюсь им.

Следующие за сим два члена содержат молитву о избавлении от бед и даровании всем и каждому счастья в жизни настоящей и будущей, и этим дело ограничивается.

Но так как все это писано на языке, чуждом для монгола, то закон делает к их плебейам снисхождение, позволяя им зазубрить лишь второй член, который по-монгольски так читается: Ламадор итегеймой, Бурхан-дор итегеймой, Ном-дор итегеймой (верую в лам, верую в бога, верую в закон).

Но кроме этого символа веры, в устах и в сердце истинного ревнителя благочестия не должна умолкать молитва, заключающаяся в шести словах: Ом, ма, ни, бад, ме, хом.

Таинственность этих слов наделала немало хлопот ученым-ориенталистам. О них написаны целые диссертации и сочинен ряд гипотез. Но весь этот труд в глазах буддистов напрасен. Это, — говорят они, — символ шести классов живых существ, воззвание ко всем живущим, а тем более к богам, заведывающим ими.

Но и они не приводят для этого никаких доказательств. Так до сих пор это и остается неразъясненным.

Не менее остроумна в этом культе и так называемая «молитвенная машина» курду. Это шестисторонний цилиндр, расписанный по наружности шестью священными цветами – белым, зеленым, желтым, черным, красным и синим, – вращающийся на своей оси. Ось эта до последней возможности обвивается бумажными свитками, тысячекратно повторяющими только что приведенную молитву вместе с другой, коротенькой к сонму богов. Внутри же цилиндра дается место богу милосердия – Ариабодю. А иногда помещаются и книги молитвенного содержания.

Шесть сторон цилиндра, – говорят нам, – указывают на шесть классов мировых существ. Но «душа всего» сосредоточена около оси, как представительницы священной горы Сумбера.

Кто с благоговением вращает этот цилиндр, тот ставит себя в такое близкое соотношение ко всем существам, что они как бы трудятся с ним и для него. Каждый оборот курды равен тысячам молитв. А если вращаются тут еще и священные книги, то каждый кругооборот заменит собою весь труд прочтения всех священных книг.

Кроме цилиндрической, есть и ветряная курда (салкин). Это разноцветный лоскут, исписанный молитвою и поставленный в виде флюгера на юртах, могилах и других местах, имеющих почетное значение. Каждое их колыхание есть совершение написанной повесившим молитвы.

Кроме таких молитв и пост занимает почетное место между средствами к нравственному усовершенствованию пробужденцев. Хотя времена постов у них и не установлены, но все (кроме малых и старых) обязуются поститься по крайней мере единожды в год, соблюдая при том постнические правила, изложенные в особой книге.

Все постники поступают в распоряжение избираемого на сонме лам духовного отца, пред которым позволительно каждому раскрывать свою совесть, хотя и нет закона, положительно обязывающего к исповеди.

В первый день постники могут раз вкушать пищу, почему день этот и считается полупостным. Но на другой день, в собственном смысле постный, не дозволяется ни есть, ни говорить, ни даже глотать слюну. Должно лишь терпеливо выслушивать три раза в день длинные поучения и повторять клятву воздержания от грехов. Ночь же надо проводить в бодрствовании и молитве. На третий день дозволяется снова принять пищу, по примеру первого дня, но не прежде, как по прочтении ламою молитвы на разрешение пищи и самых уст.

Такой подвиг, с переходом от поста к полупосту и обратно, требует для совершенства своего 16 дней. И кто совершил его, тот получает полное разрешение от грехов.

Что же касается до слабых и не могущих почему-либо выдержать 16-дневное затворничество со всеми условиями аскетизма, то закон позволяет им сокращать это до одного дня или подкреплять себя в полупостные дни питьем мандзы (род чая). К тому постящимся дают чрез каждые двое суток по чашке настоя из имбиря, корицы, шафрана и других ароматических трав и корней, и напиток этот для постников кажется нектаром бессмертных обитателей Олимпа.

Интересно, что все расходы, коих требует содержание постников, часто приходящих огромными толпами, относятся на счет самих храмов или частных благотворителей.

Глава VII

ГИПНОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА БУДДИЙСКИХ УЧИТЕЛЕЙ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ АСКЕТИЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ

Буддизм, возложивши на адептов своих ярмо подвижничества, не мог достигнуть этого без гипнотических средств, и они им применяются и теперь. И мы должны предvarить читателя, что эти мистерии в сфере буддизма почти то же, что у каббалистов врата ведения – с откровенным чрез них Сефиротическим небом. Буддисты верят, что их мистериями человек вводится в мир чудес и в общение с богами.

Вот почему они считают нетерпимым всякое присутствие стороннего лица, особенно же иноверца, при своих тайнодействиях и строго возбраняют открывать профанам что-либо касающееся до таинств.

Адепта сначала готовят чтением мистических книг, затем над ними производится джанан, причем внушается, что у адепта происходит сближение с богами, простирающееся до того, что душа его рада бы навсегда покинуть земную свою оболочку и вознестись к родному ей лону вечности.

К участию в этом таинстве допускаются оба пола, не моложе 15 лет. Собравшись в указанном месте, все усаживаются рядами на земле, подражая, по возможности, в позах тому богу, которого избрали своим патроном. Священник облачается во все свои одеяния и садится на возвышенной кафедре. По правую его руку ставят жертвенник со всеми его принадлежностями, а впереди столик с чашею, жезлом, колокольцем и другими атрибутами Будды.

Готовящиеся к таинству делают поклонение и подносят жрецу мандал, т.е. вогнутый металлический кружок величиною с чайное блюдце, с приложением к нему монет и разных вещиц.

Мандал устраивается так, что за ним тянутся лоскуты шелковой ткани (хадаки), привязанные один к другому как длинная веревка. Это нужно для того, чтобы все участники таинства могли касаться ближайшего шелкового куска в то самое время, когда мандал будет в руке священника-гипнотизера.

Прикоснувшиеся становятся духовными его детьми, а он их духовным отцом.

Пока все это происходит, чтение и монотонное пение не умолкают. В песнях прославляется Будда и тот бог, для которого совершается таинство. Не забываются и другие боги, да и сам совершитель обряда, в честь которого поются гимны.

По окончании песнопения Ачиту Лама, не изменяя своей неподвижности и являясь вдохновенным, обращается к присутствующим со специальной речью, приблизительно такого смысла:

«Внимайте словам премудрости! Счастье, которым боги наделяют вас, есть удел немногих. Недостигаемо царство Суковади, а вы теперь близки к преддверию его. Тесно соединена душа ваша с телом; но под могучим влиянием таинства, она готова выйти из тела на три шага, чтобы сблизиться с существами горного мира, чтобы насладиться лицезрением даже верховных Будд. Умейте же воспользоваться этим. Обратитесь делом, словом и мыслью к священному таинству. Сосуд вашего тела и души, нечистый, сокрушенный, опроверженный, обратите в сосуд, достойный вмещать в себе сокровища богов. Пребывайте в том убеждении, что жизнь наша – сон, а смерть – путеводительница к счастливым перерождениям. Все чувства ваши да погрузятся в эту бездну судеб».

Этим оканчивается первый акт таинственного обряда. Переходом ко второму служит приношение жертвы, состоящей из плодов и семян, сопровождаемое гимном. Удаляют всех лишних людей от шатра на такое расстояние, чтоб ни одно слово, ни один звук не могли быть слышны ими. Адептов приводят в стройный ряд, требуют от них благоговейного молчания и неподвижности, простирающейся до того, что самые глаза их должны быть все время обращены к собственному носу.

Когда все собрание представит из себя недвижимые изваяния, главный Лама унылым гробовым голосом запекает песни на исход души. Один за другим к нему пристают и прочие ламы. Составляется хор, мертвящий все чувства.

По мере приближения конца возрастает сила плачевного тона и наконец переходит в припев, многократно повторяющийся в смысле: слава смертному уметь умирать.

Вдруг все смолкает и раздаются слова главного:

«Хек, хек, хек» – сила этих слов после всех приготовлений обаятельна. Под ее таинственным влиянием все адепты, и только они одни, засыпают. Они могли бы и совсем не проснуться, если бы не была им подана скорая помощь. Заранее приготовленные ламы, не теряя ни минуты, принимают вытаскивать людей из шатра, брызжут водою в лица и обливают водою головы; и чуть проявится жизнь, заставляют загип-

нотизированного произнести: га-га-га, т.е. говорят ему это слово сами. И если это удалось, опасность заснуть навеки считается минувшею.

Скорое возвращение к самосознанию при этом обряде принимается за добрый знак, а медлительное и трудное восстановление сил приводит к заключению о недостойности человека идти далее по ступеням священства и об отчуждении его от дара совершать таинства. Такому не дозволяется участвовать даже в подобных действиях.

Бывают также и крепкие натуры, на которых первое хек главного ламы не действует и он не засыпает. В таком случае повторяются усыпляющие припевы вместе с хеком и человек наконец подчиняется таинству.

Вера в непобедимую силу хека господствует над всяким буддистом. Все убеждены, что слово «хек!», произнесенное их патриархом (Хутукту) и подобными ему священниками, может всякого умертвить, как и слово «га» в его устах – воскрешать умерших.

После этого адепту внушается, что ему отпущены все прежние грехи; что он признан умершим для настоящей жизни и перешагнувшим в область бессмертных богов, что он свободен от страха смерти, где бы ни был застигнут ею, боги защищают его или немедленно принимают в свои обители.

Таким образом, все буддийское духовенство состоит из пожизненно загипнотизированных людей, и в то же время из гипнотизеров: одно не только не мешает другому, но даже как будто содействует.

Этим, собственно говоря, и оканчиваются основные ритуальные таинства, но время от времени у пробужденцев происходили и экстренные всенародные моления, на которые стекались верующие со всех сторон. Они называются у монголов ванами и я здесь расскажу только о двух из них: Абиагарин-ване и Мидор-дзогин-ване.

Чтобы понять разницу между ними, необходимо знать, что как в Тибетском, так и в Монгольском священном кодексе одни места писаны на обыкновенном книжном языке, другие же на языках, известных под общим именем: тарнин-келе. Писанное на последних считается в высшей степени таинственным, но для буддистов оба языка то же, что были иероглифы для европейцев в старое время.

Когда избранным слушателям, с соблюдением установленных правил, прочитываются лишь те места закона, которые писаны на обыкновенном книжном языке, тогда действие получает название Абиагарин-вана, и на совершение его требуется сорок дней. А если к ним присоединяется и остальное все, то обряд называется Мидор-дзоргин-ван и требует для себя уже не сорок, а шестьдесят дней.

В этом случае значительная подготовка требуется от совершителя. Он должен уже совмещать в себе благочестие с духовной опытностью и с основательным знанием священных языков.

Он должен быть уже в сане патриарха (Хутукту) или по крайней мере в сане митрополита (Хубилгана), с неоспоримыми правами на совершение таинств и с самыми положительными доказательствами по крайней мере трех своих перерождений.

А как люди, которым внушена память о нескольких прежних жизнях, редко встречаются даже и там, где качается колыбель буддизма, то легко себе представить, как редки были мистерии такого рода. В северной Монголии даже и предания не сохранилось о бывших в ней когда-нибудь Ванах. И по всей вероятности ни один из них не был там совершен до 1842 года, когда из Срединной империи явился, как бы из другого мира, таинственный пришлец, называвшийся Лу-дуп. Он вскоре обратил на себя внимание своими религиозными, врачебными и другими познаниями. Но не легко было решить – кто он? Ученейшие из лам взвешивали, определяли все обстоятельства и наконец признали: Лу-дуп прошел ряд славных перерождений, а в настоящем периоде жизни своей подвизается по воле судеб, для восстановления буддизма во всей его чистоте.

Вслед за астрологическими вычислениями, так благоприятствовавшими пришлецу, не замедлили явиться и фактические доводы. Нашлись люди, трубившие повсюду, что Лу-дуп перешагнул реку Селенгу, пока спутники его заботились о переправе; что страшные высоты Цохолды и другие горы посещаются им среди глубокой ночи, для развлечения после дневных занятий; что самые мощные и злейшие духи бессильны против Лу-дупа.

Обаянию его не было предела. Оно до того возросло, что невзирая на февральские морозы, решились приступить к совершению сорокадневного Абиагарин-вана.

Местом действия был избран Цукгольский храм, находящийся в Нерчинском округе при реке Ононе. Там Лу-дуп, в качестве патриарха, торжественно явился на сцене.

Дальнейший рассказ я беру из слов миссионера Николая Нилова-Доржеева, родом из монголов, принявшего потом христианство. Он был очевидцем этого вана во все его сорок дней и ему мы обязаны наибольшею частью тех сведений, которые так скрывают ламы.

Отец его кочевал в первой половине XIX века в степях, прилегающих к реке Онону и находящихся между Нерчинском и Акшинской пограничной крепостью. А Нагмат – так назывался его сын – еще с

самого юного возраста стал проявлять особенную любовь к чтению и уединению. Отцу не оставалось ничего как предназначить его в Ламское звание. После домашнего обучения он был записан в школу Гуджиртайского храма-монастыря и находился в ней под опекою лам до 18-летнего возраста, когда уже диаконом-гецулом отправился он за 500 километров для слушания уроков Дандарапа, управлявшего Цуголским храмом и считавшегося за ученейшего человека между монголами. Несмотря на свою молодость (21 год), он удостоился священнического (Гелунского) сана.

В степном быту бурят такое возвышение составляло тогда чуть не предел всех желаний. Но для Нагмата новый сан служил лишь переходом в новую область духовных подвигов. Он принял обет пустынножителя и сделался строгим аскетом, и трехлетний период его странствования представлял ряд необычных приключений всякого рода.

Он узнал многое и о буддизме и о христианстве, взвешивал достоинства обоих, и вдруг с ним случилась галлюцинация. Он с необычной ясностью увидел во сне крест, который озарен был чудесным светом, между тем как глубокий мрак покрывал буддийскую Даурию.

И в тот же день с ним встретился будущий Ярославский архиепископ Нил, из книги которого «Буддизм», вышедшей в 1858 году, я почерпнул главную часть своих сведений. Под его влиянием Нагмат, освободившись от своего профессионального гипноза, обратился в христианство и в конце 60-х годов переводил Библию на монголо-бурятский язык. По его-то сообщениям и составлено то, что говорится далее.

Приготовляясь к Абиагарин-вану в 1842 году, более всего заботились об устройстве посреди храма большого (не менее кубической сажени) жертвенника. Его покрыли шелковыми тканями четырех священных цветов, исписанными 360-ю именами «богов четырех корней». На них находились жертвенные принадлежности во всей полноте и стройности; а возле колоссальные кресла для Лу-дупа и стол для вещей, которыми пользуются боги, как отличительными знаками своего достоинства.

После этого, избрав благоприятнейшее положение созвездий, священники в своих профессиональных одеждах отправились толпой к жилищу своего патриарха. Это был смиренный шатер, не в дальнем расстоянии от храма. Легион жрецов приближался к нему тихо и безмолвно, безмолвствовал и народ.

Но вот завеса поднялась, и все пришло в восторженное движение. Все музыкальные инструменты, сливаясь с голосом многих сотен лам и тысяч народа, громовым эхом отзывались на пространстве Цуголь-

ской пустыни и возвестили о торжественном шествии патриарха на великий подвиг Абиагарин-вана.

Он явился в полном облачении, сделал, придя в храм, обычные поклонения богам, трижды (по течению солнца) обошел алтарь и сел на приготовленном для него месте. Священники спешили принять его благословение и поднесли ему от всего собрания просительную жертву, с благоговейным подъятием рук и всенародным коленопреклонением.

Сорокадневные беседы Лу-дуп начал речью о важности действия, к которому приступают теперь слушатели. Торжественные поучения и собрания для этой цели происходили каждый день три раза. Только при вечерней службе допускались к нему почетные лица, обращавшиеся с просьбою об избавлении их от злых духов и других злополучий, и ночь посвящалась на совершение разного рода заклинаний.

Пусть же читатель мысленно перенесется на утесистые берега Онона: перед ним одинокий храм-монастырь и необозримая пустыня. И вот среди мрака зимней ночи является таинственное существо, озаряемое лишь блуждающими огнями. В руке его красное копьевидное оружие Докджур; его одежды блещут серебром и бряцают тысячей навешанных на него звонков; его унылая песня потрясает душу, и кажется, духи гор и долин внимают ей, выглядывая из пещер исполинскими тенями.

Но никто не смеет приблизиться к дивному магу: от всех отделен он заветною чертою. Целая орда людей, слившись в одну массу и сомкнувшая в кольцо, стоит перед ним цепenea и покоряется всякому его внушению, особенно когда, произнося свои заклинания, он выполняет под звуки музыки священную пляску. Потом он входит внутрь горящего шатра и там борется с явившимися демонами и прогоняет их своим копьем.

Восторг народа доходит до иступления. Пустыня оглашается криками:

— Эне-ину бурхану ике агога куцун мун. (Это великая сила божия.)

И вот на подвижных, довольно высоких устоях построили квадратный амвон около 6 метров в поперечнике, с 4 ступенями, из которых каждая имела с лишком два с половиною метра в ширину. По углам нижнего яруса и в центре верхнего поставили столбы высотой до 6 метров и скрепили их между собою, вверху, тремя рядами перекладин, оканчивающихся звездчатыми фигурами. Такую же фигуру поставили и на вершине центрального столба.

Этот остов оснастили наподобие корабля. И как снасти, так и столбы обвешивали шелковыми материями четырех священных цветов, стараясь при этом, чтоб под этими флагами исчезли из виду все дру-

гие части здания. На пирамидальном основании из четырех ступеней сделали лепные изображения всяких видов живых существ, начиная от человека. Тут же положили и жертвенные вещи, посвященные богам.

Это здание по имени Гандой было символом и как бы представителем горы Сумбера и четырех главных ступеней мира. Оно же было ручательством, что боги не попустят враждебным духам причинить народу бедствия на целых пятьсот лет!

Под влиянием таких представлений о Гандое, буряты и тунгусы отовсюду неслись к Цугольскому дацану и в сороковой день, долженствовавший положить конец Абиагарин-вану, венчая его всесожжением, рев труб не умолкал, жрецы суетились, а народ не сводил глаз с Гандоя. Около трех часов пополудни началась служба.

Шествие из капища открывали грозные духи Докшиты, изображения которых в числе десяти несли на длинных шестах. За шестами следовали ламы всех рангов, со всеми атрибутами их звания, и наконец сам Лу-дуп.

Приняв от всех приветствие и поклонение, он начал с высоты седалища своего великую жертвенную службу перечислением по именам всех существ горного мира. Все они приглашались к жертве и посредничеству. Обряд продлился до ночи; и несмотря на то, что был чужд кликов, произвел глубокое впечатление, так как патриарх казался таким набожным, что у зрителей при его молитвенных воззваниях текли слезы.

И вот было вызвано огромное число людей для перенесения Гандоя, — устроили шеренги оруженосцев и стрелков, зажгли костры, факелы и китайские огни и Лу-дуп переменял свою одежду на докшитскую.

Теперь все отзывалось тревогой: ибо надлежало иметь дело уже не с мирными, а со злыми духами. Сам патриарх не скрывал своего смущения. Голос его дрожал, глаза сверкали; во всех движениях его обнаруживалась таинственная борьба. К довершению всего забушевавшая ночная буря заставляла думать, что даже стихии принимают участие в деле и вместе с патриархом стараются извлекать духов тьмы из их глубоких жилищ.

Так начался «черный обряд». За исступленными заклинаниями стали раздаваться свисты и громы музыкальных орудий, неслись отовсюду клики и вопли, стрельба и все, что только может служить к увеличению ужаса. Духи, — кричали ламы, — стремглав неслись к Гандою, хотя и знали, что их ожидает тут не честь и не радость.

Лу-дуп, отбросив первое смущение, обличил многих из них за проступки против буддизма, напомнив всему их сонму о преградах, кото-

рые издавна постановлены для пользы человечества между могущественными богами и членами темного царства; указал им на предстоящее сожжение, как на великую жертву, долженствующую служить достаточным выкупом, и требовал от духов честного слова, что они, до истечения определенного срока, не станут ничего затевать на общую беду тех стран и лиц, от имени которых приносится в жертву Гандой.

Бедные духи должны были покориться необходимости и принять Гандой в качестве искупления. Был дан сигнал, и толпы народа, как бурный поток, устремились к сооружению, подняли его и потянулись с ним в пустыню на запад от храма.

Там он представил из себя во мраке пылающий столб, и искры с дымом полетели вдаль, как духи. Все зрители были уверены, что теперь для них открыты врата мудрости.

С наступлением летних месяцев сцена, подобная Цугольской, повторена была в Гусиноозерском храме тем же Лу-дупом. Многочисленность присутствовавших при этих «ванах» уже мешала применению массового гипноза.

Глава VIII

ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ ПРОБУЖДЕНЦЕВ

Шигемунианская церковь в общем своем составе представляет нечто похожее на римско-католические духовные ордена. Как эти ордена различаются между собою не только цветом и формой одежд, но и частностями своего устава, так и в буддизме духовенство, обязанное вообще к безбрачию, делится на четыре ордена: желтый, красный, белый и черный. И каждый из них имеет свои отличительные признаки, как внешние, так и внутренние.

Так, ламы желтого ордена в своих нарядах дают более места желтому цвету и главнейшею своею обязанностью считают благотворительность. Это орден будды Шигемунья, как наивысшего образца милосердия и любви.

Второй орден – красный – отличается от первого преимуществом красного цвета и его члены находятся в постоянных сношениях с Докшитами, грозными духами, у которых просят помощи против враждебных сил, и деятельными помощниками признаются: Ямандага, имеющий 36 рук, 16 ног и звериную с рогами голову; Гомбо, оказавший величайшие услуги буддизму; Сендуме и Лхамо, прославившиеся превращениями и чародеяниями.

Остальные два ордена, т.е. белый и черный, – сходны с красным и своею целию, и условиями обрядовых действий. Покровителями их признаются те же грозные духи, только не красные, а белые и черные.

И все эти ордена имеют оккультный характер и входят в одну и ту же иерархию, похожую на папскую или на русскую патриархальную. Мы с первого же взгляда отмечаем ее такие же степени посвящения. Вся разница только с названиями чужого нам языка. Вот приблизительное сопоставление:

Русские

- 1) Причетчик
- 2) Дьячок
- 3) Дьякон
- 4) Священник
- 5) Протоиерей

Буддийские

- Убашь
- Ховарак
- Гецул
- Гелун
- Ширеету

6) Епископ	Бандида-Хамбо
7) И возрожденцы архиепископы	Шаваран и Хубилган-перевоплощенец
9) Патриарх	Хутукгу
10) Наместники Будды	Далай-Лама
11) – Христа	Баньчень-Богда

Как у нас причетники и причетницы, так и у них Убаши и убасаницы являются лицами, срединными между клиром и мирянами. Принимая малое посвящение и даже иногда как монахи новое имя, они не обязуются ни к какому служению в храме. Давая восемь благочестивых обетов, они не отторгаются ни от семейных уз, ни от житейских попечений. Отличительными признаками их звания служит желтый или красный пояс, трижды охватывающий своего адепта; затем четки, состоящие из 109 бусинок, и чаша, которою они должны пользоваться только для себя (признак того, что от общих церковных сосудов были уже и здесь заразные болезни). Кроме того к ним приставлялся еще неотлучный наставник – бакши, из пожилых и набожных лам. Это же относится и к женам причта; только вместо пояса они носят перевязку через левое плечо. Соответствующие русским дячкам буддийские Ховараки или Баньди занимают в храмах должность не только прислужников, но и музыкантов. При своем посвящении они получают четки, чашу и пояс – шире и длиннее, чем у причетника. Им дается также, судя по их ордену, желтый, красный или черный особого покроя кафтан, составляющий их служебную и частную одежду. Они уже принимают на себя 14 обетов, в том числе и обет целомудрия.

Гецулы или Унзаты соответствуют православным диаконам. Посвящаемому в этот чин даются между прочим два лоскута красной и желтой материи и пояс в 7 аршин длиною. При каждом из них находится еще помощник. В старину ими бывали и женщины, как и при средневековых храмах дякониссы, но теперь это не допускается.

Священники – Гелуны – получают желтый камзол с красными обшлагами и ряд других принадлежностей костюма, в том числе желто-красные шапки, похожие на петуший гребень, и другие шапки с длинными наушниками, упдающими на грудь, или увешанные кистями, прикрывающими собою затылок. Они одеваются в мантии желтого или красного цвета с коротким семизубным воротником, лежащим на плечах. Эти мантии накидываются поверх других одежд и ими пользуются при разных церемониях. Непременной принадлежностью священников является разноцветный коврик с разными нашивками, длиною в три локтя, служащий защитой против враждебных сил.

Все эти атрибуты священнического чина принадлежат, с малыми изменениями, всему высшему духовенству так называемого желтого ордена. А если служба совершается по красному обряду или в честь «девяти духов» (Докшитов), то священник является в особой форме, вроде хитона, надеваемого поверх обыкновенных одежд. Он тоже бывает разных цветов, судя по рангу Докшитов, которым приносится жертва.

Другими признаками священнического сана являются длинный красный кафтан, похожий на русский подризник, на котором сверху донизу нашиты эмблематические изображения гениев, привешены кисти, позвонки, побрякушки и все то, что может служить для произведения звука и пестроты, металлические поручи, украшенные моржанами и всякими блестящими мелочами, остроконечная черная каска. Ее всегда увенчивают литыми изваяниями пяти будд и стольких же мертвых голов. От макушки этого шлема висят черные волосы, закрывающие лицо. Кисти и длинные наушники его падают на грудь и плечи.

Отметим, что для служения по обряду трех последних орденов мало еще обыкновенного посвящения в священники, требуются еще особые таинства. И кто удостоился этой чести, тот, будучи даже мирянином, имеет право служить по обряду Докшитскому, хотя на деле и не бывает этого.

Протоиереями – Ширету – называются, как и у православных, священники, управляющие храмом. Право на это достоинство приобретает долговременною службою в священническом звании, принятием четырех таинств, а более всего знанием веры. При каждом Ширете, на случай болезни или смерти, находятся два кандидата, старший и младший; а для почета и в помощь при богослужении он имеет двух прислужников. В русской Монголии половины XIX века огромной известностью пользовался Цугольский Ширет, для монголов это был истинный оракул, и буряты говорили, что все глубины мудрости ему доступны.

Епископы «пробужденцы» (Бандида-хамбо) считаются посланцами от Далай-Ламы и его соперника Баньчень-эрдени. В середине XIX века у русских бурятов был только один – у Гусинского озера, которое буряты называют Кулун-нур, в угрюмой степи, прилегающей в Забайкальи к Новому Селенгинску.

Соответствующие нашим митрополитам Шавараны, Хубилганы и Биширелту начинают собою ряд священников-перерожденцев, приходящих к нам из другого мира. Из них хубилганы принадлежат к низшему разряду перерожденцев, для того чтобы быть таковым, довольно сознавать в себе три перерождения. Они, – говорят нам, – обладают

способностью мгновенно переноситься с места на место; являться, где их не ожидают, и помогать бедствующим, когда считают это нужным.

Шавараны сознают в себе несколько перерождений и проявляют светлость ума, чистоту воли и пламенную привязанность к пробужденству. И, наконец, Биширелты, сверх упомянутых совершенств, имеют еще силу делать чудеса.

Патриархи (Хутукту) – считаются ламистами за святых, которые, прошедши длинный ряд перерождений, стяжали себе высокие духовные совершенства. Сановников этого класса в Китае находится четыре: Ургинский, Уамдомский, Цзяря кутукту и Пекинский.

И вот, наконец, поднимаясь все выше и выше по этой иерархии, мы добрались до самих Далай-Ламы и Баньчень-богды – заместников Христа, что-то вроде римских пап.

Стоя во главе Буддийской иерархии, Далай-лама и Баньчень-богда живут один в северо-западном Тибете, а другой в юго-восточной его части, и оба кажутся обреченными на то, чтоб быть во взаимном столкновении. Коренным местопребыванием Баньченья была Индия. А для доступа к нему были необходимы трехмесячные очистительные подвиги и еще благоприятное положение светил, без чего никакие очищения не помогут. Счастливцев, введенный в чертоги Баньченья, восходил еще в середине XIX века через многие отделения все выше и выше. Затем он достигал некоего таинственного храма, изумляющего великолепными и дивными гиероглифами. Там ему являлся сам светозарный Баньчень-богда.

Совершенства Далай-ламы при всей высоте его уступали Баньченевым. Но тот и другой, хотя и живут в мире, но к миру не принадлежат, ибо их души свободны от всех влияний зла и от всех ощущений, привязующих человека к земле. Они и теперь исполняют лишь предопределение высших судеб и живут среди людей единственно для их общей пользы.

Буддисты, допуская существенное различие между своими митрополитами и обыкновенными людьми, смотрят на первых как на освященных самую природою, а для освящения низших степеней своего священства считают нужными разные обрядовые действия.

Действие поставления на низшие степени совершается не в храме, а в юрте. Причетники и причетницы становятся простыми священниками; даваемые ими обеты могут быть по произволу возобновляемы, с повторением самого обряда.

Но посвящение в дьячки (Ховараки) и в Шимнанцы может совершать только епископ (ширет), с одним или двумя священниками, при-

чем епископ, перекинув через плечо нечто вроде римской тоги (оркимджи), садится и вслух прочитывает род символа веры, по окончании чтения которого посвящаемый подносит епископу умиловительную жертву, от которой тот берет несколько зерен и бросает на воздух богам. Ставленник же, сделав по три земных поклона, становится на колени. Ему подают деревянную чашу, четки и пояс. Совершитель обряда прикрывает его руку краем своей тоги и выслушивает обет поставляемого. Тут возлагается на него священный пояс: и если это дьячок — то остригаются последние его волосы, нарочно оставляемые для этого действия на макушке головы при сплошном обритии ее в ходе приготовления к принятию нового звания, а если он еще причетник, то лишь укорачивается, но не совсем обрезается его коса.

Подобным же образом совершается посвящение в дьяконы. Но действие происходит уже в храме, при участии по крайней мере пяти священников и епископа, причем дается обещание чистоты, бесстрастия, бдительности и милосердия на все, имеющее жизнь. И кто верен своей клятве, тот не может ступить, не уверившись наперед, что какое-нибудь насекомое не потерпит от него вреда.

А удостоиваемые священнического сана обязаны сначала исповедать грехи свои духовному отцу. Совершителем обряда над ними бывает архиепископ с сонмом лам. Они в полных облачениях усаживаются на своих местах, перед первенствующим из них кладут с одной стороны колокольчик, чашу, жезл и бубенчик, а с другой священные одежды для готовящихся к принятию священства.

Все посвящаемые разом выводятся на арену храма, хотя бы их было и несколько десятков. Там, сделав обычные поклонения и выслушав учение веры, приносят они умиловительную жертву, а потом снимают с себя всю одежду донага и делают по три поклона пред «буддами» и первенствующим священником. Приняв первую облачальную принадлежность — опять начинают кланяться. И это повторяется столько раз, сколько дается им вещей. В заключение же всего, посвящаемые дают 255 обета, изложенные в IV томе Кейба Джумнейн, и приносят благодарную жертву и по выходе из храма, ставши рядом, с книгами в руках, благословляют каждого подходящего к ним.

Производство в дальнейшие чины, в том числе и объявление переорожденцами ограничивается как в России, так и в Китае *пожаловани-ем от правительства*.

А чтоб читатель не подумал, что я шучу или издеваюсь над буддистами, вот выписка из уложения Китайской палаты внешних сношений, изданного в 1826 году Липовцовым.

«Да будет известно всем монголам и прочим народам, исповедующим ламскую веру, чтоб те, которым предоставлено право доносить по принадлежности о смерти какого-либо патриарха-перерожденца (Хутукты), или Ламы высшей степени, и объявлять места их возрождения, отнюдь не указывали на тех детей мужеского пола, кои соединены родством с самим Далай-ламою и с Баньчень-эрдени, а также и на детей и внуков всех монгольских ханов, разностепенных князей и Тайцзиев, главноначальствующих над дивизиями, иначе подвергнутся они строжайшей ответственности. Но они могут указывать на детей Тайцзиев, которые не отправляют никаких общественных должностей, равно на малолетних сыновей простых монголов и тангутов, и могут возвестить, что умерший переродился, или сделался перерожденцем в том, или другом семействе».

«Ни под каким предлогом не должно открывать новых перерожденцев, особенно по смерти Лам, начальствовавших в незнатных монастырях, в которых прежде не являлось перерожденцев.

Никакой перерожденец не может быть признан таковым, если не будет утвержден в сем звании законным порядком от установления властей... Избрание же и утверждение "перерожденцев" должно производиться следующим образом: писать в жребиях, нарочито для сего приготовленных, имена младенчествующих кандидатов на достоинство перерожденцев; жребий класть в чашу, находящуюся в большом золотом духовном сосуде, состоящемся в Тибетском храме Чжоо, или в Пекинском жуля-сун-хуля-кигурун. Вынимать же оные жребии надлежит в Тибете Далай-ламе, вместе с тамошним генералом, а в Пекине членами Палаты с главным Пекинским патриархом; счастливый жребий должен решить сие дело, которое приводится в исполнение вышеозначенными властями».

«Что же касается до возрождения (Синеозерского) Номун-хагана, то избрание его не должно подводиться под общие правила. Но по уважению к тому, что с высоким его духовным саном соединена светская власть – управление целым княжеством, надлежит смотреть при сем случае не столько на род и происхождение избираемого, сколько на расположение и преданность к нему того народа, который имеет поступить в его управление. Таким образом народное желание должно сопроводить жребий избираемого в золотой сосуд-бумба, и извлечь его из оногo к общему удовольствию» (т. 11, стр. 203-207).

От таких ограничений не изъяты ни Далай-Лама в Тибете, ни его соперник Баньчень-эрдени в Китае. И при их перерождениях, Нирва-

на не может поступить, не испросив предварительно согласия земных властей.

Буддийские храмы известны в Сибири под именем дацанов, они построены в пустынных местах, по образцам, заимствованным от Тибета и Китая.

Сонм лам в предшествии протоиерея (ширета) и сопровождаемый многолюдною толпою, отправляется к избранному пункту и там, принеся молитвы духам, господствующим над стихиями, и определив размеры будущего здания, роют в намеченных углах его и на середине ямки фута в три глубиною. В них зарывают по сосуду, наполненному разными семенами, с приложением к ним монет и других вещиц, более или менее ценных и составляющих посильную жертву каждого из прихожан. Над ними вколачивают небольшие палочки из акации, исписанные молитвами, и протягивают между ними пятицветный шелковый шнурок, а площадь внутри устилают белыми войлоками.

Тогда начинается третий и последний акт. Толпа, выстроившись в одну линию, приступает к черте, обозначенной шнурком, и принимается рыть борозду, употребляя все домашние орудия от стрелы до сохи. Тут же должен участвовать и род единорога. Все это походит на вакхический хоровод, повторяется трижды, и столько же раз поливают прорытую борозду молоком верблюдиц, коров, овец и других доящихся животных, исключительно белых.

Само собою разумеется, что и ламы в это время не остаются праздными зрителями. Их пение и бряцание в гонги и дамары сопутствует каждому акту.

С большею торжественностию совершается освящение храма, с оглушительною музыкою и пением, и он посвящается какому-нибудь святому. В окончательном виде строится монастырь, представляющий группы зданий, имеющих название частью религиозное, частью хозяйственное.

Средину храмового двора всегда занимает главная кумирня, отличающаяся от других зданий как размером своим, так и пестротою кровли, с несколькими коническими возвышениями, увенчанными замысловатою фигурою, которую составляют резные изображения – солнца, луны, бубенчики и т.д.

Окна допускаются с двух сторон – восточной и западной. Над окнами широкий навес, осеняющий собою круговой балкон так, что в храм проникает лишь полусвет. Да и он значительно уменьшается, заслоненный связками тканей во множестве развешиваемых на перекладинах между колоннами.

Седалищем для лам служат низкие скамьи. Они тянутся и по середине, и по сторонам. Во главе седалищных рядов заметны постепенные возвышения и наконец почетные кресла, причем изображения богов остаются у них за спинами на северной стороне храма.

Первое место между ними занимают «боги венца» и сам Шигемуни, т.е. Сакья-Муни, с неразлучными его спутниками, ламами Чодбо и Зунхаба, соответствующими Петру и Иоанну. Они на пьедесталах, за жертвенниками, а иногда и на самих жертвенниках, которые служат для буддистов предметом глубокого благоговения.

На одном из них, кроме мандала и толи – символов неба и земли, постоянно находятся следующие приношения: вода трех сортов, как жертва морей, семена – от земли, благовония – от воздуха, лампада – от огня, опресноки – от человека и музыкальное орудие – от всего мира.

Жертвы эти каждый день должны переменяться, но есть и такие предметы, которые считаются неприкосновенными. В эту категорию входят:

1) Пирамидка, сложенная из шариков, приосененных как бы зонтом. В ней видят образ далекой горы Сумбера и всех таинственных сил природы, которые предполагаются и в самих шариках. Кто пользуется ими с умением, тот легко становится чудотворцем, могущим поспорить со всеми магами древних и новых времен.

2) Две золотые рыбки – представительницы трех исполинских рыб, которые, охватывая землю, не позволяют ей уклоняться от равновесия.

3) Сосуд с сладкою и ароматною водою, служащею символом той сладости, какую вкушают небожители.

4) Таинственный цветок, как эмблема царства Сукавади.

5) Раковина, принимаемая по буддийской символике за глашатая, возвещающего славу богов.

6) Сетчатый платок овальной формы, которым выражается готовность человека принести в жертву тело.

7) Четырехцветная хоругвь, напоминающая о четырех обрядах.

8) Курду – обыкновенная молитвенная принадлежность, являющаяся в разных видах и формах, судя по месту и назначению.

9) Священное колесо, изображающее собою вселенную и все прератности судьбы. Оно называется первым из «семи сокровищ».

10) Сановник, которого принимают за идеал благотворительности, – второе из семи сокровищ.

11) Дивная жена – олицетворение благ жизни – третье сокровище.

12) Слон-великан, на спину которого мифология возлагает тысячи священных книг и заставляет его переходить из края в край, из стра-

ны в страну, для повсюдного распространения света веры – четвертое сокровище.

13) Огненный талисман, напоминающий, что душа человека тогда только просветляется, когда горит небесным огнем.

14) Волшебный конь, который имеет то же значение, как и Пегас древних греков.

15) Доблестный витязь, который со всеми борется за славу буддизма. И горе тому, противу кого обнажит он пламенный свой меч. Это седьмое и последнее сокровище храма.

А за семью сокровищами стоят пять небесных дев, при посредстве которых возносятся к небу приносимые жертвы, молен я и обеты. Их принимают за символ пяти чувств, которыми одарен человек и которыми он должен работать богу, но может быть, это пять планет.

Жертвенник осеняется балдахином, опоясанным бахромою с позвонками и массивными кистями по углам. По правую и левую сторону его находятся два небольших балдахина, всегда пустые и неприкосновенные. Но при религиозных процессиях они торжественно выносятся из храма и почетные «будды» шествуют под их прикрытием.

В размещении второстепенных кумиров не соблюдается никакого порядка и они мало замечательны. Из 34-х храмов, находившихся в середине XIX века в Восточной Сибири, только о Цонгольском и Анинском можно было сказать, что они пестреют замечательным разнообразием кумиров.

В Цонгольском храме были колоссальные истуканы Аюли и Оточи и Махаранзы – разноцветные стражи неба. У одного из них в руках меч и рог, у другого развевающаяся змея, у третьего жезл и белая мышь, четвертый играет на лютне. За ними следуют адское божество когистый Чойжил, шестирукий Гун-гар, трехголовый Дзукдер, богиня Сендуме и мощный защитник буддизма Гомбо. Он весь обвит змеями и украшен венцом из мертвых голов; а так как у него шесть рук, он держит в одной трезубец с изображением смерти, в другой крюк и петлю, в третьей бубен из двух сложенных друг с другом чашек, в четвертой четки, в пятой чашу из черепа, в шестой секиру.

В Анинском храме, кроме таких же или подобных им украшений, пестреют по наружности каменного здания фигуры, имеющие отношение к буддийскому двенадцатизначию: тигр, змея, дракон, заяц, конь, овен, человек, петух, собака, свинья, мышь, корова.

Второстепенные «будды» разрисовываются обыкновенно разноцветными красками на тканях и бумаге. Но бывают и резные, и лепные. В последнем случае массивность и уродство составляют их главное дос-

тоинство. При каждом храме-монастыре имеются девять главных должностных лиц: настоятель, благочинный, товарищ благочинного, распорядитель, уставщик, экзаменатор, блюститель кумирного порядка, начальник службы, казначей. И если к этому читатель присоединит десятки и сотни музыкантов, певцов, чтецов и всякого рода прислужников с множеством лам, то он получит верное понятие о буддийском храме.

Первую драгоценность буддийских храмов составляет собрание священных книг (Ганджур-данджур), число которых считается до 360, по числу градусов небесной окружности.

Но книг канонической важности только 108. Все они приписываются частью самому Шигемуню, частью его ближайшим ученикам Ананде, Собади и другим. Остальные 252 носят название Данджура, и их признают индийскими комментариями на первичное учение. Но большинства их как будто никто не видел. Их авторы по числу $9 \times 9 = 81$ причислены к разряду гениев с почетным титулом Индийских чудотворцев.

На эти книги смотрят, как на закон жизни. Верят, что в них все измерено, исчислено «от кедра до иссопа, от человека до червя, от глубин тартара до превыспренного царства». Принимается за аксиому, что писаны они на санскритском и тибетском языках. А потом одновременно переведены, с большею или меньшею полнотою, и на другие языки, особенно китайский и монгольский, по появлению китайских императоров.

Но это все известно не по наличности данных книг, а по разговорам о их существовании где-то далеко-далеко.

По канону индийских и сибирских буддистов допущено в основных книгах (Ганджура) всего три части: Основные правила веры (Сутры), Уставы (вина) и Космогония (абидармы). Вот почему и весь кодекс называется трисоставным сосудом.

Но знатоки этих книг – редкое явление в буддийском мире. Знание лам не простирается далее тех из них, без которых нельзя обойтись при отправлении богослужения. Да и вообще общеупотребительные у среднеазиатских буддистов лишь 53 сочинения. Это:

1) Книга Юм, которая соответствует Браманским Ведам и служит основанием буддийской догматики и морали.

2) Брандза-барамида, в которой говорится по преимуществу о деяниях Будды, прославляется его учение и счастье тех, которые ему верны.

3) Джидамба – панегирик всему сонму богов, написанный стихами.

4) Доди дзамлун – рассказ о борьбе Будды с последователями черной веры, в особенности о его чудесах.

5) Шигемуни намтар – полная биография Пробужденного.

б) Чихула Кереглекчи считается лучшим руководством к познанию основных начал буддийской космологии.

7) Санан-сецень пытается решить великие космологические задачи, касающиеся начала мира и тех переворотов, какие уже испытаны им или еще грозят ему.

8) Саин-цак дает понятие о первобытном состоянии мира и в особенности о происхождении богов-мироправителей.

9) Арапсал – служебник желтого ордена. В его 72-х отделах содержатся службы целого года, примененные: а) к трем богослужебным временам: утру, полудню, вечеру; б) к трем отделениям богов-мироправителей, т.е. богам настоящего, прошедшего и будущего; в) к трем классам существ божеской природы, в числе которых не забыты и перерожденцы, особенно Банчин-богдо, Далай-лама и Ургинский Хутукту, известный под именем Дзибдзаг дамбеин геген.

10) Докшит – содержит службы красного, белого и черного орденов. В нем прежде всего чествуют девять грозных духов, Докшитов; а за ними и других страшилищ.

11) Гурумун-ном – содержит обряды, которые служат сближению с добрыми духами и избавляют от злых.

12) Сундой – дает заклинания, которые заставляют враждебные силы искать для себя новых убежищ.

Остальные 41 книга чужды делу веры и служат как бы энциклопедией, от грамматики до метафизики и от фантастической геологии до астрологии. Но их никто не читает. Одна медицина составляет некоторое изъятие, потому что с званием священника соединено звание врача. Да и она – одно простое знахарство в смеси с шарлатанством.

Каково же богослужение?

Встав на рассвете, все богослужители, облекшись в свои ритуальные одежды, идут к храму, останавливаются на крыльце, а Гебгой спешит отворить двери. Жрецы снимают с голов их уборы и делают три поклона. Но дверь пред ними затворяется. Не сходя с места, они начинают монотонно – многомилостивый господи, отверзи нам двери сии!

Молитва пропеваается трижды. Дверь открывается. Ламы входят в сени и начинают один за другим вертеть курду, а священник делает поклоны пред жертвенниками, касаясь их лицом. Он одевается в полный наряд и усаживается в почетных креслах, причем ему обыкновенно прислуживают два помощника. Ламы, перестав вертеть Курду, обращаются к нему с знаками глубокого уважения и принимают его благословение, которое преподается им возложением на голову каждого «книги трех сокровищ».

Ламы садятся на своих местах и пропевают «ключ закона». Одни из них отправляются в верхнюю часть храма или в боковые для отправления служб духам; другие остаются на местах и продолжают утреннюю службу.

Этот обряд уже не повторяется при полуденном и вечернем богослужениях. Это — введение к службам целого дня.

При них все священники сидят с поджатыми ногами. Молитвы поются всем сонмом служащих, с большим или меньшим повышением голоса, но вообще монотонно. Одни докшитские службы допускают всякого рода экстазы.

Каждое патетическое место требует своих жестов: быстрое вращение руками или захватывание чего-то, а потом ударение в ладони напоминают о непрестанной борьбе с злыми духами и об отражении их силою молитв. Ладонь, приложенная к ладони, указывает на десять грехов и на готовность человека воздерживаться от них, а поднятие сложенных рук выражает чувство умиления.

В молитвах, на утренней службе, поименно призываются на помощь все боги. На полуденной службе прославляются деяния богов-миро-правителей и тех, в честь которых совершается служба. На вечерних — благодарят богов и приносят молитвы за живых и умерших.

После молитв и хвалебных песнопений берутся за догматическую книгу Юм, историко-религиозную Мани гамбум, или за другую подобную книгу, соображаясь частью с уставом, частью с обстоятельствами и заказами, какие делаются иногда от набожных прихожан. Цель у них одна — прочитать как можно скорее, для чего первенствующий священник берет на свою долю несколько листов из книжного свитка, а прочие распределяет по рукам всех присутствующих лам, и все разом начинают читать доставшиеся им фрагменты. Слова чтецов бьют только воздух, ничего не разберешь, но все знают, что звуки, невнятные людям, понятны богам; и чем больше слияние голосов, тем скорее достигают они небесных высот и низводят оттуда благословение.

По окончании обычных молитвословий один или двое из младших лам отходят к жертвенному месту и там готовят пучки сушеного вереска с разными другими травами и воду с примесью молока, называемую Аршиан. Они подносятся на блюдах участвовавшим в священнодействии, и они, начиная от последних до первого, освящают воду с молоком и траву своим дуновением, да и сами на себя дуют, при пении и музыке. Затем и воду, и траву употребляют, как врачевство против осквернения и ознобов, претерпеваемых от злых духов.

Жертва, приносимая за живых и умерших, бывает утренняя и вечерняя. По прочтении шести предварительных молитв долг жертвователей сделать обычные поклонения, разлить мандзу и поднести ее в освященных чашках каждому ламе. А служитель храма является тогда на сцену с монологом следующего содержания:

«Светозарные воскресенцы, прошедшие море житейской суеты и поприще великого мира, служащие спасительным орудием противу трех роковых зол! И вы, достопочтенные ламы! Воззрите на предстоящих перед вами. Это благодетели. Принося сию жертву (питие, деньги и пр.), они испрашивают ваших молитв: да будут они избавлены от бед настоящей жизни и сподобятся достигнуть совершенства в грядущем веке».

Выслушав речь, священники поют молитву, держа в руках чашки и показывая движением рук, что они приносят жертву богам. Потом мандза выпивается, а жертвователи, поклонившись трижды до земли, становятся на колени подле ламских седалищ. В это время епископ читает молитву и препосылает благословение всем, участвовавшим в приношении жертвы.

От вводных сих действий возвращаются к общему чину службы. Диакон начинает свое пение, а ламский хор на каждый пропетый им стих отвечает припевом: тунжур! Прочитывается, наконец, благодарственная молитва, и служба кончается. Ламы выходят в предшествии своего епископа, и если благоприятствует погода или случай, совершают обход вокруг храма, а потом отправляются восвояси.

Пышнее бывает в дни великих праздников. Тогда буддийский мир дает себя видеть со всею религиозною помпою. Пустынные окрестности храмов-монастырей кипят диким, шумным народом, дающим разгул всем своим религиозным страстям: пылают костры, льется кровь жертвенных животных. Далеко несется эхо, — там гремят барабаны и множество других музыкальных орудий пронзают слух. Звенят хонхо — колокольчики, на поверхности которых изображаются облачальные принадлежности докшитского чина и начертывается молитва, известная под именем Мани, а вместо рукояти служит изображение <...>, со скипетром, как эмблемою власти, какую имеют «боги венца». Ему помогает дамара — бубенчик, составленный из двух сосудцев, для выражения той мысли, что совершаемое на земле отзывается на небесах и обратно. Гремит Кенреппе — большой, плоский барабан и дударма — малый барабан. Селнины и цаны, вроде тимпанов, производят свои звуки, особые, при их потрясении и взаимных ударах. Мычит Укырь-буре.

Глава IX

ПЕРВОБЫТНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ЧУВСТВО ЧЕЛОВЕКА И ДЕТСКИЕ СКАЗАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СИБИРСКИХ БУДДИСТОВ

Принимаясь за научное исследование чуждых нам азиатских аскетических религий с оттенком пантеизма, мы прежде всего не должны подходить к их учителям с предвзятой враждебностью. Справедливее всего относиться к ним как к детям, еще играющим в свои игрушки, считая это за серьезное дело и воображая, что деревянные предметы понимают.

Что такое религиозное чувство?

Современный нам интеллигентный европейский теист, уже отрешившийся от рабства всем существующим культам, как эволюционно развившимся ответвлениям первичного колдовства¹, обыкновенно ответит: «Религиозное чувство — это чувство восторженного благоговения перед чем-то таким, что мы считаем бесконечно и недостижимо

¹ Еще раз напомину читателю, что корень слова культ тот же самый, как и слова колдовство (КЛД = КЛТ). Точно так же и церковнославянское слово бог и греческое Бахус — одинакового друг с другом происхождения, и это легко доказать, потому что оно только по-славянски имеет реальный смысл: богатый, богатырь, как и маг значит просто — могучий. Слово Бахус первоначально бохос <...> только прибавило к богу обычное окончание имен мужского пола — «ос», а затем благодаря тому, что греческий звук <...> ести придумное Б, как бы среднее между Б и В, а славянский звук Г, более похожий на немецкий h, неупотребителен в середине слов <...> транскрипция слова Бог <...> перешла в транскрипцию Вахх <...>. Таким образом Ваххический культ в переводе на русский язык значит просто божественное колдовство. И это вполне соответствует уже сделанным мною выводам, что славянское влияние в средневековой Великой Ромее (Византии) преобладало над греческим и латинским, вплоть до Кирилла и Мефодия, когда славянские ученые Балканского полуострова, а с ним и Царьграда, не довольствуясь тем, что сами говорили друг с другом по-славянски, захотели и писать на своем родном языке. Но гонение на славянский язык началось уже не с Царьграда, который поощрял, а из усилившегося тогда союзом с Западной Европой папского Рима после 871 года, когда Мефодий был заточен Зальцбургским католическим архиепископом в Швабии.

лучше нас самих, что нам кажется совершенством. Это похоже на чувство влюбленного, готового на все для своего предмета. Его испытывает христианская девушка, стоя на коленях перед изображением Христа, его испытывает католический мальчик перед статуей Мадонны, и это же испытывает современный пантеист, глядя звездной ночью в бесконечную глубину небесного пространства, полного таинственной силы, по воле которой существуем и мы, хотя и не знаем, для чего мы ей нужны. Наверное, для чего-нибудь хорошего.

В христианской теологии это чувство впервые выразил евангелист Иоанн, говоря: «бог есть любовь».

Если говорящий таким образом теист уже освободился от чар всякого обрядового религиозного колдовства, то здесь для нас остается решить лишь вопрос: откуда у теиста явилось это чувство благоговения не только перед бесконечностью вселенной и вечностью ее творческой жизни, но и вообще перед чем-то высшим, чем он?

Прирожденное ли оно для всех людей, как, например, пение для жаворонка, или привито воспитанием, т.е. является условным рефлексом, который можно и культивировать далее упражнением, и подавлять, вплоть до уничтожения, не допуская ему проявляться в действии?

Уже одно то обстоятельство, что религиозное чувство пробуждается не у всех (как, например, половое влечение, в известном возрасте), достаточно показывает нам, что оно еще не перешло в область бессознательных инстинктов, т.е. не является очень давним и потому окрепшим в организме человека, а может быть и культивируемо, и подавляемо. И кроме того, оно и вообще нисколько не срослось с какой-либо из современных нам религий, так что действует совершенно независимо от них. Оно и выражается даже не столько в каких-либо современных верованиях, сколько в художественной музыке и поэзии, живописи и скульптуре высококультурных народов, а низкокультурные народы и огромные слои всех культурных все еще играют в своих богов, как дети в куклы. Вот почему и религиозные верования того или иного народа или его слоя нельзя изучать без связи с его поэзией, музыкой и искусством, которые служат фоном. И поразительная картина получается перед нами, когда сопоставляем наше современное европейское искусство с азиатским.

Я не буду говорить здесь о торжественной музыке, которая прямо введена в католическое и православное богослужение, как возбудитель религиозного чувства, или о пении торжественных гимнов, вроде католического «<...>», — для этого мне пришлось бы переполнить эту часть моей книги нотами. Но если у вас есть музыкальный слух и вы

бывали в китайском театре или слышали хоть на граммофоне тот шум и гам, которые сопровождают азиатские богослужения, то вы и без меня уже знаете, что разница между ними в художественности так же велика, как у сонат Бетховена в сравнении с «Чижик, чижик, где ты был», играемым детьми на рояле одним пальцем.

Точно то же и о живописи и о ваянии европейцев сравнительно с азиатами.

Сравните, например, картины прерафаэлитов – вроде Ангелов Творения или «Золотой лестницы» Берн Джонса с произведениями лучших азиатских художников, лишенных даже перспективы. Но ведь это, несмотря даже на необычное трудолюбие в исполнении деталей у японцев, так сказать, *лишено души*:

И лед блестит, и этот блеск теплом
Не наделит зимы холодной стужу!

Все это ремесло, а не живопись. Это хорошенькие куклы и погремушки, которыми художественно образованный европеец может увлекаться только лишь в такой же степени, как хорошеньким столиком или шкафчиком с инкрустациями. А о скульптуре я уже и не говорю. Она совсем отсутствует в магометанских странах, а в буддийских и браминских проявляется лишь в нарочно придуманных чудовищно-уродливых формах, но и в Европе, впрочем, скульптура еще не достигла последней степени своего развития вследствие воздержания от употребления красок, и стоит на уровне гравюры.

Перейдем теперь и к литературе. Слыхали ли вы о чем-нибудь подобном европейскому роману? Есть ли там свои Диккенсы, Теккереи, Викторы Гюго, Шиллеры, Гете, Шпильгагены, Тургеневы, Достоевские, Львы Толстые? Вам смешно даже и подумать? – И мне смешно.

Казалось бы, что лирическая поэзия, как самый древний род литературы, способный существовать и до изобретения азбуки, могла бы достигнуть в Азии такой же высоты, как и наша. Но где там хоть одно стихотворение на уровне наших современных?

Вот, например, хоть стихотворение о цветах монгольского автора, записанное А.Д. Рудневым¹:

На макушке высокой большой горы
И с юга и с севера сплошь
Растут всякие деревья, листья и цветы,
И все они приятны на взгляд.
Когда на прекрасных качающихся деревьях

¹ А. Д. Руднев. Материалы по говорам Восточной Монголии, 1911.

В осенние месяцы года
Из листвы раздается пение птиц
Это прекрасное наслаждение.
В летнее время на выросшей траве
Расцветают всевозможные цветы,
Когда видишь их красу и жизнестойкость,
Это прекрасно для глаз.
И мы все, живые существа,
Во время совместной с ними жизни
Прославим и воспоем здесь
Все мирные и прекрасные цветы.

Оно из лучших, но мы не видим тут еще рифмы¹, а размер плохо походит на наш речитатив.

А вот и еще разговор с перелетными птицами:

– В засушливые месяцы радостного лета,
Крылатые птицы с звенящими звуками,
Зачем прилетели вы с дикими криками
С берега внешнего моря?

– При сменах четырех времен года
В засушливые месяцы жаркого лета,
Гонимые надоблачным ветром,
Возвратились мы на свое чистое озеро.

– Прилетев на свое желанное озеро,
К которому так вы стремились,
Зачем же прохладною осенью
Улетаете вы вереницами?

– Когда на вершинах высоких гор
Облака ложатся, и снег упал,
И уже наступает холод,
Возвращаемся мы в свою теплую страну.

Это монотонно певучее стихотворение – как и вся первобытная речитативная поэзия. Но разве можно его сравнить, например, со стихотворением Лермонтова:

¹ Вот начало:

Ундор ба йсхе олян оргильдо
Обор ба аро дурен модосни
Унге бурын набчи чичек дельгерен
Уджехойе сяхан бяхо чагдаган.

На севере дальнем стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета как ризой она.

И чудится ей, что на юге далеко
В равнинах, где солнце стоит,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма стоит.

Или, например, из наших новейших писательниц:

Я чувствую себя как странник на земле,
И тянет вечно вдаль, и нет нигде покоя.
Волшебная страна мне грезится во мгле
И слышится мне там шум прибоя.
Так поздней осенью в стремление отлетать
Томятся птицы здесь, не находя покоя.
Скорее в дальний путь! Им хочется опять
Услышать под собой певучий шум прибоя.
И, верно, потому тоска сжимает грудь
И мысли тяжкие мне не дают покоя,
Что скоро я пущусь в иной далекий путь,
Где мне не услышать певучий шум прибоя¹.

Тот символизм, который составляет всю прелесть истинно художественной поэзии, еще совершенно отсутствует на востоке и душа тамошнего автора обрисовывается как еще стоящая на уровне нашего ребенка.

Перейдем теперь и к прозаической сказке.

Возьмем для примера из собрания того же А.Д. Руднева рассказ «Молодец с железными ногтями».

Жили были некогда два брата; у старшего были простые ногти, а у младшего — железные. Они забирались в ханский амбар и крали оттуда разные вещи. Раз ночью они оба взобрались на амбар, и старший сказал:

«Ты, как младший, залезай вперед».

Младший ответил:

«Нет, ты, как старший, входи первым».

Старший брат влез первым и плюхнулся в бочку с растительным маслом. А младший брат убежал домой.

¹ Ксения Морозова. «Вестник Европы»...

Наутро ханские служащие, сняв голову старшего брата и привязав ее к хвосту коня, пустили коня бегать между многочисленным народом, чтобы узнать, кто будет ее жалеть. Жену его начал разбирать плач. Кто-то ей говорит:

«Если ты собираешься плакать, то снеси лучшие своей еды на черную каменную плиту и заплачь, разбив вдребезги посуду с едой, чтобы все думали, что тебе стало жаль своей еды».

Она снесла лучшей своей еды на черную каменную плиту и, разбив посудину с едой, заплакала. Ее не стали подозревать.

На следующую ночь его брат, человек с железными ногтями пошел один, чтобы красть в ханском амбаре. А хан, одевшись в плохие одежды, стоит у угла амбара. Вор спросил:

«Это вы зачем тут?»

Хан ответил:

«Сходи и посмотри через окошко, что мои сановники делают?»

Человек с железными ногтями запропал, затем пришел и говорит:

«Ваши сановники на печи расставляют что-то в склянках и сговариваются, что завтра, когда хан придет, заставим его выпить».

Хан сказал:

«Отправляйся со мной, а когда мне нальют того, что в склянке, я, раз хлебнув, выброшу на северную стену, а ты отруби головы всем сановникам».

И дал хан тому молодцу золотой свой меч.

Наутро сановники посадили хана на золотую повозку и, отвезя в его дом, подали ему что-то из склянки. Хан раз хлебнул и выбросил на северную стенку, а молодец отрубил тем сановникам головы.

После того хан спрашивает:

«Что же ты возьмешь у меня?»

Молодец отвечает:

«Ничего я с вас не возьму, а буду жить по-прежнему ворами».

Хан сказал ему:

«Коли ты такой великий вор, то сходи и укради золотую душу у Шолмос-хана».

Молодец сел на лодку и поплыл. Плыл он, плыл, и вот видит дворец. Пошел к нему. А там железная дверь. Он вошел в железную дверь. Дальше серебряная дверь; он и в серебряную дверь вошел; дальше золотая дверь; он и в золотую дверь вошел. Сидит там Шолмос-хан с рогами в семь сажень, с тремя глазами, золотую свою душу он спрятал в правую стену, и говорит:

«В мой дом ни мошка, ни муха не залетала, а как же ты вошел?»

«С лекарством на большом пальце, со снадобьем на указательном пальце».

Шолмос-хан испугался и стал чай варить, а молодец взял его золотую душу и вышел. А Шолмос-хан остался, взывая:

«Ах! Золотая душа моя!»

Молодец сел на лодку и поплыл. Видит опять дворец. Пошел к тому дворцу, вошел в железную дверь, вошел в серебряную дверь, а когда в золотую дверь вошел, сидит там сын Шолмос-хана, с рогами в шесть сажень, с тремя глазами, и говорит:

«В мой дом не залетали ни мошка, ни муха, а ты как вошел?»

Молодец отвечает:

«У меня на руках лекарство и снадобье».

«А почему это у тебя только два глаза? Сделай, чтобы и у меня было два».

Тот растопил свинца полный семимерный котел, положил сына хана лицом вверх, вылил котел на все его три глаза, а сам побежал прочь; вышел через золотые двери, вышел через серебряные двери, а как хотел выйти через железные двери, железная дверь не открывается. Войдя в восточное помещение, подлез он под холощеного козла, привязался за его бороду и видит; ослепший сын Шолмос-хана говорит:

«Верно, ты в козлином помещении, я убью тебя».

Он похватал козлов и повышвырнул их вон; да и холощеного козла тоже вышвырнул прочь, а с ним и молодца. Тогда молодец, дразня его, запел: «Что, взял? Что, взял? Вот так ты! Привязавшись за козла, ушел я, что, взял, что, взял, вот так ты!»

Сын Шолмос-хана говорит:

«Теперь уж ни один из нас другого не победит, я тебе дам этот золотой меч».

Молодец отвечает:

«Брось мне его!»

«Когда что-нибудь дают, то разве не из рук берут?»

Молодец подошел, схватился за меч и прилип. Но он отрезал себе руку, отбежал и дразнит Шолмоса:

«Что, взял, что, взял, вот так ты!»

Отсек я руку, ушел,

что, взял, что, взял, вот так ты!»

Молодец сел на свою лодку и поплыл к дому. Опять видит дворец; пошел к тому дворцу, вошел через железные двери, вошел через серебряные двери, вошел через золотые двери, и сидит там дочь Шолмос-хана, с рогами в пять сажень, с тремя глазами, и говорит ему:

«Стань скорее моим мужем!»

Он сделался ее мужем. Жена его каждый день ходила есть людей. И вот она родила мальчика с рогом в две сажени, с тремя глазами. Мальчик тот был плакса. Всякий раз, как уйдет жена есть людей, молодец взойдет на дом и смотрит, а ребенок заплачет и заставляет его в дом возвращаться. Раз, когда жена ушла и взошел он на дом, посмотреть, ребенок не заплакал. Он сел в лодку и быстро поплыл.

Жена, вернувшись домой, перерубила мальчика по середине, и нижнюю часть его тела бросила вдогонку за своим мужем. Мальчик догнал и прикрепился к лодке. А молодец перерубил поперек лодку, сел на одну половину, быстро приплыл к своему хану и отдал ему душу Шолмос-хана».

Таково же и большинство из 23 рассказов, записанных со слов самих рассказчиков А. Д. Рудневым во втором и третьем выпуске его книги «Хори-бурятский говор» 1913 г. И не имел я права сказать, что переходя к азиатским мировоззрениям, мы спускаемся к самым началам человеческой культуры?

Чтобы несколько приободрить удрученного этой бессмыслицей читателя, я приведу теперь еще самый лучший из них:

Царевич Шим-Бепиральту.

«Жил был в прежние времена в бенгальской стране хан Банга. У хана пребывал непорочный знаменитый лама, подлинный перевоплощение самого бога-отца (Абила бурхана). Это была бездетная семья. Раз, пригласив его к себе, просят у него сына. Беспорочный знаменитый лама сказал:

«Ладно», — и уехал.

В ту же ночь жена его видела сон:

«Явился, — говорит, — бог Арьябало и возложил мне на голову цветы, потом также является бог Очирвани и бросает в меня серебряным мечом, который с блеском входит мне в живот».

Хану тоже приснилось:

«Явился мне, — говорит, — бог Шанджурши, и дал мне дышащий пламенем золотой меч, а я взял и спрятал его».

И говорят они между собой:

«Это, верно, лама наш дает нам сына».

Немного спустя жена забеременела. Появились различные знамения и, когда родила она, пошел с неба дождь цветов. Молодец был преисполнен способностями и, не учась ни у кого, был очень знающ.

Немного спустя он стал взрослым; была там на южной стороне гора и росло дерево жизни матери и дерево жизни отца. Хан послал людей посмотреть:

«Каковы, — говорит, — все цветы и листья на тех деревьях, в хорошем ли они виде?»

Посланные сходили и сказали, что на дереве жизни матери цветы и листья в полном порядке, но только по обе стороны его есть логовища больших хищных зверей, и корни дерева немного вышли наружу.

Тогда мальчик и сказал:

«Пусть побольше людей пойдут туда, постреляют из луков, застрелят зверей и бьют в кимвалы и барабаны».

Они пошли и увидели, как с обеих сторон дерева жизни матери убежали: желто-пестрая и черно-пестрая свиньи. Эти люди погнались за ними, ударяя в кимвалы и барабаны и стреляя из луков.

А царевич взобрался на лестницу и говорит:

«Если есть тут злые враги, то приходите сюда».

В лук способностей вставил он стрелу знания, взвел ее тетиной милосердия, и сидит там, произнося молитву о подавлении внешних врагов.

И вот с южной стороны бегут к нему стремглав, кидаясь из стороны в сторону, спереди черно-пестрая свинья, а за ней следом желто-пестрая свинья. Он выстрелил и прострелил черно-пеструю свинью, а желто-пестрая бросилась в сторону и убежала к востоку. Царевич собрался было выстрелить и в нее, да пожалел и остановился; тогда с неба вошло, как вата, белое облако; непорочный знаменитый лама, показав свою голову в облаках, сказал царевичу:

«Упустил ты из-за своей искренности зловреднейшего врага, это повредит жизни матери твоей», — и исчез.

Немного спустя мать его заболела и умерла после этого. Царевич взобрался на гору жизни и ищет ту желто-пеструю свинью. И вот на юго-восточной стороне горы сидит красавица-девица в пятицветных шелковых одеждах, излучающая из правой щеки свет рубина, а из левой щеки — свет все исполняющего волшебного камня зендамани. Он подошел к ней поближе:

«Чья, — спрашивает, — ты дочь?»

«Я небесная дева; увидев, что идет такой красавец, перевоплощение бога, я подумала, не заблудился ли он в безлюдной местности, и не свести ли мне его в населенные места».

Царевич подумал – не та ли это самая желто-пестрая свинья, и собрался было выстрелить, как только она побежит. Но, так как она сидела, он подумал:

«Не стану стрелять, пока сидит», – и сказал:

«Я у тебя дорогу не намерен спрашивать», – и ушел прочь.

Девушка пошла к северным дверям ханского дворца и показала сановникам. Когда царевич пришел домой, ханские сановники доложили ему:

«Тут такая девушка-красавица ходит! А что, если бы мы ее предложили вашему батюшке-хану во вторые жены, а вам в мачехи?»

«Нельзя, – говорит царевич, – вы моему батюшке не смейте даже говорить». – И вошел во дворец.

«Наш царевич, видно, не хочет себе мачехи», – сановники порешили, и за свой страх доложили хану. А хан приказал: «Эту девушку, если она как-нибудь опять тут появится, приведите ко мне показать».

И вот, когда сановники были на улице, девушка прошла мимо задних дверей, так, чтобы царевич не заметил. Хан в нее влюбился и взял себе в жены. Царевич вошел к хану. Хан батюшка говорит ему: «Я взял себе жену, а если она потом не подойдет, то спровадим ее».

«Ну, хорошо, значит, у меня теперь есть мачеха», – говорит царевич.

Тем временем новая ханская жена заложила за правый угол рта красную нитку, а за левый угол – синюю, и лежит, все отплевывая то красно-пеструю, то сине-красную слюну, и говорит: «Больна я».

«Что же мне сделать, чтобы ты выздоровела?» – отвечает хан.

«Я человек из небесных стран, – говорит она, – а люди всегда вылечиваются лекарствами, каждый из собственной страны; если бы ваш сын привез мне от десятиголового хана аракишасов цветок «медокушана», то я бы выздоровела».

Хан говорит сыну:

«Поезжай», а сын отвечает:

«Я не могу ехать: этот ваш хан десятиголовых аракишасов бедный – он меня съест».

«У меня ведь войска много, – говорит хан-батюшка, – возьми себе людей и отправляйся».

Отвечает сын: «Я войска с собой не возьму; если уж так, пойду один».

Он стал собираться один, хан пожалел его, но, так как он больше всего жалел свою новую жену, то и отпустил сына.

Идет царевич по безлюдной ровной белой степи, и вот на самом краю ее показалась гора. Около горы, когда он к ней подь-

хал, оказалось большое становище, а около становища большая река и между ними маленькая тропинка, где прежде ходили люди. Миновав эту тропинку, он поехал дальше, а там небольшое ущелье. Посмотрел он наверх в этом ущелье, а там сидит великан ужасно страшный, с бородой до колен, с железным посохом в левой руке и с золотым мечом, пылушим пламенем, в правой.

И вот зовет тот великан царевича: «Иди сюда!»

И пошел царевич к нему в большом страхе. Великан спросил его: «Откуда ты пришел? Ты, верно, чей-нибудь перевоплощенец; если бы ты был простым человеком, то не след бы тебе сюда приходить».

«Я пришел из бенгальской страны; я сын Банга хана».

Старик еще спросил его:

«По какой надобности идешь ты?»

«Мать моя заболела, послала меня – принеси, дескать, из страны десятиголовых аракшасов цветков медок-гушана».

Человек ответил:

«Ты уже пришел в страну хана аракшасов; я старик аракшас, представленный, чтобы смотреть за пограничной дорогой; тебе отсюда нельзя идти дальше, ты попадешь на съеденье аракшасам; возвращайся-ка домой; мы питаемся людьми и только три раза в месяц, в молитвенные дни, приказано нам не есть человечины. Это бог Будда заставил нас поститься три раза в месяц, в молитвенные дни. Ты удачливый человек, пришел ко мне 8-го числа, когда у меня пост; возвращайся, у меня сегодня очень добрые чувства, и я тебя не съем, это очень любопытно: сколько лет здесь ни один человек не проходил».

Царевич отвечает:

«Я пойду туда, куда шел: все равно уж лучше дамся на съедение аракшасам, чем не послушаюсь слов моего отца».

Аракшас говорит:

«Если ты все-таки думаешь идти, то оставь этого коня; твой конь не дойдет; я тебе дам моего могучего коня-слона: он всю вселенную в один день обходит. На нем – доедешь, куда бы ты ни захотел. К восточным дверям хана аракшасов ты доедешь либо 15-го, либо 30-го числа. Дом – с дверями с четырех сторон, аракшасы куда страшнее меня. Заставишь их открыть двери и войдешь. И будет там семиэтажный дом; как в шестой этаж войдешь, будет там смоляной город, а там будет хан аракшасов; от того хана аракшасов поднимешься ты по лестнице наверх; на доме будет золотое озеро; выше этого озера ты поднимешься по 399 ступе-

ням; там на высоте 2000 ступеней будет семь разных домов из семи драгоценностей; у каждой двери будет по девушке привратнице; заставишь их открыть двери и войдешь, и вот в самом среднем помещении будет девица медок-гушана с сорока девятью девицами; но среди них не найти тебе цветка медок-гушаны. Мать тебе соврала: у хана аракишасов нет цветка медок-гушаны: медок-гушана, дочь хана аракишасов, подлинное перевоплощение зеленой Дары эхе. Мать твоя послала тебя, чтобы аракишасы тебя убили».

Царевич отпустил своего коня, а как стал собираться ехать дальше на могучем коне-слоне, старый аракишас сказал ему:

«Если ты вернешься живым, заезжай ко мне».

Царевич поехал дальше. Впереди поперек его дороги дерутся черная и белая змея. Царевич взял кол и разнял их. Змеи расплзлись в разные стороны. Царевич едет себе дальше.

Его встречает хан белых драконов, на белом коне, в шубе белого шелка и приглашает мальчика к себе. Царевич спрашивает:

«Почему вы меня приглашаете?»

Хан белых драконов отвечает:

«Давеча, как мы дрались с ханом черных драконов, вы нам обоим спасли жизнь. Я владыка лесов — хан белых драконов, а тот — владыка водяных драконов, хан черных драконов, и вот мы, хвастаясь друг перед другом — он водами и я лесами — мы подрались, а вы нас розняли».

Царевич отправился к хану белых драконов, где был очень хорошо принят, поел чая и плодов и собрался уходить. Хан белых драконов дал ему четыре круглых белых камушка бирюзы и сказал:

«В дороге понадобятся. Будете возвращаться, заезжайте к нам чайку попить». Царевич отправился дальше.

На пути встречает его, преграждая ему дорогу, какой-то человек на черном как сажа коне, в шубе черного шелка. Царевич подъехал к нему, а тот пригласил его к себе.

«Зачем вы меня приглашаете?»

«Давеча, как мы дрались с ханом белых драконов, вы спасли нам обоим жизнь и развели нас на обе стороны».

Царевич заехал. Напившись у него чая и будучи очень хорошо принят, он стал собираться уезжать. Хан черных драконов дал ему три круглых черных камушка бирюзы и сказал:

«На дороге пригодятся. Когда назад будете ехать, заезжайте к нам, откушать чаю». Царевич поехал дальше.

15-го числа подъехал он к восточным дверям дворца аракишасского хана, там стоит ужасно страшный аракишас с золотым

мечом в правой руке и с железным посохом в левой. Царевич сказал аракишасу:

«Открывай дверь».

Тот открыл. Царевич въехал на коне в дом, а там живому существу не проехать: по всему полу натыканы шила. Но могучий конь-слон все шел и вошел в смоляной город, а там множество детей и женщин с маленькими ребятишками. У них он спросил:

«Где хан аракишасов?»

Те наперерыв стали говорить:

«Здесь».

И вошел он к хану: сидит нечто о десяти головах, на львином престоле, с подостланным ковром из человечесьей кожи, со спинкой из человечесьей кожи и перебирает четки из человечесьих голов. Хан указал царевичу на скамейку без спинки, и каждая из десяти голов его задала по вопросу.

Царевич отвечал без запинки на все вопросы и затем сказал хану аракишасов: «Я пришел за твоей девицей Медок-гушана; если ты силен, то и я силен», — и щелкнул пальцем. От этого щелчка вдруг спустилась с неба молния и разбила все горы. Но хан аракишасов даже не почувял этого. Царевич еще раз щелкнул пальцем и заставил молнию спуститься на дом. Только когда смоляной город начал растопляться и качаться, хан аракишасов спустился с львиного престола, поклонился в ноги царевичу и сказал:

«Смилуйтесь надо мной».

После этого он совершенно перестал есть человечину и сделался монахом, соблюдающим обеты учителя Будды.

Он сжег и коврик из человечесьей кожи, спинку из человечесьей кожи и сделал вместо них шелковый коврик и шелковую спинку.

Царевич взошел по лестнице на верх дома в верхний этаж, а там — золотое озеро; когда он поднялся выше него по 399 лестницам, то там оказались на высоте 2000 ступеней семь разных домов из семи драгоценностей.

На самом краю бирюзовый дом: у дверей бирюзового дома бирюзовая девица сидит и сучит бирюзовую нить. Царевич говорит: «Открой дверь».

Девица сказала: «Что это такое? Кто это хочет войти сюда, скавав мне будто собаке, лежащей у входа — прочь».

Царевич ответил:

«Неужели, пройдя благополучно мимо многих аракишасов и их хана, стану я задерживаться из-за какой-то одной голубой девицы».

Тогда девица открыла дверь. Царевич дал ей один камушек бирюзы и вошел.

Внутри оказался серебряный дом; у дверей серебряного дома серебряная девица сучит серебряную нитку. Эта девица, смотря левым глазом на нитку, а правым на царевича, сделала ему правой рукой знак благоговения и сказала:

«Как хорошо было бы наедине провести ночь с эдаким красавцем перерожденцем бога», — и открыла дверь.

Царевич опять отдал один камушек бирюзы и вошел.

А там золотой дом, и сидит у дверей золотого дома золотая девица и сучит золотую нить. Эта девица, сказав то же, что говорила серебряная, открыла дверь. Царевич опять отдал один камушек бирюзы и вошел.

А там хрустальный дом, и сидит у дверей хрустальная девица и сучит хрустальную нить. Поступив как прежние, и эта открыла дверь. Царевич отдал ей один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из рубина. У двери рубинового дома сидит рубиновая девица и сучит рубиновую нить. Она, сделав как предыдущие, тоже открыла дверь. Царевич отдал еще один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из лазурика; у двери дома из лазурика сидит лазуриковая девица и сучит лазуриковую нить; и эта девица, сделав как прежние, открыла дверь. Царевич отдал еще один камушек бирюзы и вошел.

А там дом из исполняющего все желания камня зендамани; у двери сидит зендамани-девица и сучит нить зендамани. И эта девица, поступив как прежние, открыла дверь. Царевич отдал ей круглый камушек бирюзы и вошел.

А дальше — сорок девять девиц, всё по семи. Семь держат жертвы, семь — кадильницу, еще семь распевают сладкозвучные священные напевы. Они, играя, хором повели его.

Посмотрел царевич и видит: от семи драгоценностей протянулись по дому лучи, а самый дом изнутри весь разукрашен зонтами, подвесками и шарами с душистыми травами. Но сам царевич, излучая из себя тысячу солнечных лучей, чуть ли не превзошел все это своим величием и прошел дальше.

Его отвели и посадили на золотой престол. Сорок девять девиц, стоя перед ним, затянули священную песнь. Во главе их была девица повыше; находясь на первом месте, она запедала священные песни, а остальные вторили ей. Украшения и наряды сорока девяти девиц были все с божественными признаками. Царевич подумал про главную девицу, что была повыше:

«Вероятно, это и есть моя девица Медок-гушана», — приветствовал ее.

«Дочь десятиголового хана аракшасов Медок-гушана, подлинное воплощение Дары эхе, как вы здравствуете?» — сказал он.

«Хорошо, а вы, царевич бенгальской страны — подлинное воплощение Хоншим бодисати, благополучно ли прибыли?»

«Хорошо», — ответил он. Они много угощали царевича и уложили спать.

Вечером, перед сном, девица Медок-гушана сказала:

«Пойду-ка я да послушаю, как наши аракшасы хотят с тобой поступить».

Наутро она пришла и сказала:

«Они говорят, что сегодня вас отведут на кладбище Сенгель¹, а там вас съедят». Она дала ему золотое зеркало и говорит: «Если нападет на вас страх, то покажите это». Царевич взял золотое зеркало и ждет, что будет. Снизу пришло письмо:

«Пожалуйте сюда».

Царевич отправился, а аракшасы сказали:

«Идите на наше кладбище». Царевич говорит:

«Можно».

А вот один аракшас, не доведя его до самого места, указал:

«Вот, — говорит, — по этой дороге пойдете», и вернулся назад. Царевич пошел на кладбище. Там бегут мертвые лошади, обратившись в одни белые кости, и ржут:

«Съем, съем».

За ними мертвые тигры, львы и всяких родов звери и мертвецы бегом подступают к нему, крича: «Съем, съем». Целая куча. Взглянул он наверх, а там осталась дырка величиной в дымовое отверстие юрты. Струхнув, он вынул зеркало и показал. Вдруг все исчезло.

Походив там немного, он вернулся обратно. Аракшасы спрашивают его:

«Царевич, хорошо ли прогулялись?»

«Хорошо», — говорит он. Когда он снова подошел к хану, тот ему указал опять идти вверх. Когда же он поднялся в верхний этаж, сорок девять девиц снова встретили его у дверей лазурикового дома и с музыкой проводили его оттуда. Девица Медок-гушана спрашивает:

«Хорошо ли вы прогулялись?»

«Хорошо», — ответил он.

¹ Рассказчик сам не понимал этого слова: очевидно, что Сингаля — т.е. Цейлон, местожительство аракшасов.

Затем он поел, а как стали укладываться спать, девица Медок-гушана опять пошла подслушивать, — «что аракишасы говорят».

В полночь пришла она, разбудила царевича и говорит:

«Завтра аракишасы собираются послать вас в стокопнатный дом». Она дала ему ключи от ста комнат и еще какой-то пухлый белый предмет, похожий на лягушку, и говорит:

«Когда будете в сотом помещении, то покажите его, если струхнете, а если можно будет, то постарайтесь совсем не входить в сотое помещение». Наутро пришло письмо:

«Прогуляйтесь по нашему стокопнатному дому».

Он отправился. Один аракишас пошел проводить его. Царевич, открыв одним ключом первое помещение, вошел в него. А там вода и в ней всякие скверные неведомые существа, — это в воде-то! Перейдя вброд через нее, выбрался он на другую сторону и вошел во второе помещение. Там опять вода и еще худшие существа; и так дальше. Насмотревшись на все эти скверные существа, подошел он к двери сотого помещения и хотел было вернуться, но бывший при нем аракишас стал упрашивать его:

«В нашем сотом помещении есть интересные вещи, уж вы войдите в него».

Царевич, открыв его своим ключом, вошел. А там кровавое море, в кровавом море существа, вроде пауков, только величиной с дом — вот какие большие существа прибежали, чтобы съесть его. Царевич струхнул и показал им свой предмет, похожий на лягушку. Все они, испугавшись, удалились.

Когда царевич вернулся, аракишасы спрашивают его:

«Благополучно ли вы прогулялись?»

Он ответил: «Хорошо!» — и взошел наверх. Сорок девять девиц снова встречают его у дверей бирюзового дома и повели оттуда с музыкою. Девица Медок-гушана спрашивает его:

«Хорошо ли вы прогулялись?»

Царевич сказал: «Хорошо».

Затем он снова поел, и собрался спать.

А девица Медок-гушана опять отправилась подслушивать. В полночь она пришла назад и говорит:

«Завтра вас хотят силой взять, — сговариваются они. Но мы с вами вдвоем встанем рано и поедем на могучем коне-слопе: вы, читая заговор разума, а я буду читать заговор мудрости. Тогда нам обоим никто не причинит зла; вы завтра пойдете к моему отцу и скажете о нашем отъезде; если он вам на это скажет — дам

приданое, — то скажите ему, что возьмете только, если дадите драгоценный волшебный сосуд». Наутро девица отправилась спроситься у батюшки. Хан ответил:

«Поезжайте, а когда я буду подавать знак, ты каждый раз приезжай: вы мне оба будете указывать путь в нынешней и в будущей жизни. Что бы ни случилось, я буду держаться вас».

Девица поднялась наверх, а царевич тоже пошел спрашиваться. Хан ответил: «Поезжайте. И в этой, и в будущей жизни вы оба будете охранять мою жизнь и, когда я буду подавать знак, вы каждый раз приезжайте. А что же вы возьмете в приданое?»

Царевич говорит: «Приданого нам не надо».

Хан ответил:

«Мне непременно следует дать зятю с дочерью приданое. Я полагаю, что в этом мире нет никого богаче меня, так что мне не дать приданого зятю с дочерью стыдно».

Царевич говорит:

«Если дадите ваш волшебный сосуд, то мы возьмем; ничего другого нам не надо».

Хан ответил:

«Во всем этом мире ни у кого такой штуки нет; чего бы вы ни захотели — все будет выходить из этого сосуда» — и он отдал ему сосуд.

Девица и царевич сели на могучего коня-слона, и при отправлении сказали семи девицам, семи драгоценностей семи привратницам:

«Когда мы будем давать знак, вы всякий раз приходите».

По пути хотели их побить горами. А они, читая заговор разума и заговор мудрости и передав поводья Четырем Неизмеримым Совершенствам, — едут себе дальше. И никто не смел им устроить препоны.

Как они ехали дальше, встречает их хан черных драконов с большим войском и приглашает к себе. Они оба заехали. Он их усиленно попотчевал, беседовал с ними, а как настало время им ехать, и — после того, как хан черных драконов вышел в другую комнату готовить подарки, — пришла прекрасная красавица девица и, схватив царевича за правую руку, сказала:

«Что, кабы я поехала с вами в качестве вашей младшей жены?»

Царевич спросил у жены:

«Понадобится ли она нам, если мы ее увезем с собой?»

Медок-гушана ответила:

«Очень понадобится».

Царевич сказал девице:

«Можно», — и добавил: «Ты спроси у батюшки твоего».

Она спросила, а батюшка ответил:

«На что ты будешь ему нужна? Человек везет с собой подлинное воплощение зеленой Дары эхе, дочь хана аракиасов Медок-гушану! Что станет с тобой делать, с волосатым желтым червяком?»

«Будет ему и от меня прок, они сами сказали – увезем тебя». Батюшка сказал:

«Ладно».

Дочь ему еще говорит:

«Ты поднеси меня этому царевичу – даю, мол, ее вам в подарок».

А потом пришла к нему и говорит ему:

«Мой батюшка согласился; если он при отправлении нашем в путь захочет дать приданое, вы скажите, что приданого не надо, а если он непременно захочет дать, то скажите: дайте вон ту подвешенную черную козью шкуру и палку, что лежит рядом».

Тогда хан черных драконов отдал дочь со словами: «Дарю вам эту мою дочь», – и царевич принял ее с большой благодарностью. Как пришло им время ехать, хан говорит: «Я дам приданое», а царевич говорит: «Не надо приданого». «Нет», – говорит хан, – мне следует вам дать приданое: в этом мире, я полагаю, нет человека богаче меня; мне следует дать приданое». Царевич отвечает: «Дайте вон ту подвешенную черную козью шкуру с палкой, что около нее», – хан дает и говорит: «В этом мире кроме меня ни у кого такой штуки не бывает. Если вы, ударив по ней, скажете – появись, какая угодно, вода, – то появится вам всякая вода, какую вы только задумаете».

Забрав с собой это, они поехали дальше.

На их пути хан белых драконов с большим войском встречает их, подносит им угощение и приглашает:

«Заезжайте к нам, откушайте чаю».

Они заехали; были хорошо приняты, а как стали собираться ехать, – едва хан белых драконов ушел в другую комнату готовить подарки – пришла прекрасная красавица девица и, взяв царевича за правую руку, спросила его:

«А что, кабы и я поехала с вами в качестве вашей жены?»

Он спросил у своих обеих жен. Они обе сказали:

«Нужно взять ее с собой».

Царевич сказал ей:

«Сходи спроси у батюшки».

Девица спросила у хана белых драконов; он ответил: «На что ты ему нужна? От такого, как ты, волосатого желтого червяка

какой будет прок для человека, который везет с собой дочь десятиголового хана аракшасов и дочь хана черных драконов?»

Дочь ответила ему:

«Нет, я им понадоблюсь, и сам царевич сказал: дайте меня им и скажите: подношу в дар, и они тогда возьмут».

Хан белых драконов говорит:

«Ладно».

Девушка пришла к царевичу и говорит: «Мой отец согласился; если он при нашем отправлении захочет дать приданое, то скажите, что приданого не надо; а если он скажет — дам непременно, — то скажите: дайте подвешенный вон там деревянный ковш». Царевич ответил: «Ладно». Вошел хан белых драконов и говорит: «Дарю вам мою дочь». Царевич принял ее со словами:

«Как это хорошо!» Когда настало время ехать, хан говорит: «Мне следует дать зятю с дочерью приданое».

Царевич говорит: «Приданого не надо».

Хан белых драконов отвечает:

«Мне следует вам дать приданое; я полагаю, что в этом мире я самый богатый человек».

Царевич тогда просит:

«Дайте ваш деревянный ковш, что висит вон там».

Хан сказал:

«Ладно», — отдал и говорит: «В этом мире ни у кого кроме меня такой штуки нет. Если раз ударить его о землю, сказав про какое угодно дерево — появись, — то появится дерево, какое бы вы ни пожелали».

Когда они, забрав это, поехали все верхом на могучем коньслоне, то им было и вчетвером свободно.

Когда они стали приближаться к старому аракшасу, царевич сказал своим трем женам:

«Так как я еду на чужом коне, то не годится, посадив на него верхом троих, еще и самому с ними ехать».

Он слез с коня, и повел его под уздцы, направляясь к старику. Старик кланяется им до колен и приветствует их. А Медок-гушана, когда они подъехали близко к старику, сказала:

«Зачем ты пропустил этого молодца? Мы ведь поручили тебе стеречь дорогу. Зачем ты пропустил? Из-за того, что ты пропустил, вот он и увозит меня с собой!»

Старик ответил ей:

«Человек, который увозит вас с собой, подлинное воплощение земной Дары-эхе. Он уж пройдет, только надавав пощечин, мимо такого дряхлого, ободранного старика, как я».

Медок-гушана ответила:

«Это ты справедливо сказал. Какой ты хороший человек: не будем больше говорить о том, что ты его пропустил».

Они помолились волшебному сосуду, и он выстроил для старика трехэтажный замок и достал ему с неба все пять родов скота по сотне каждого рода; с неба же дали ему пастухов, надсмотрщиков за скотом, слуг, поваров и всякого добра вдоволь; запретили ему совсем есть человечину и сделали его причетником. Старик аракиас был очень рад, царевич стал просить у него могучего коня-слона. Старик с большой радостью отдал его ему и, когда они поехали на нем вчетвером дальше, он остался чрезвычайно доволен.

Так царевич со своими тремя женами доехал до Банга-ханских владений, оставил своих трех жен в собственном дворце, а сам вошел к хану батюшке и сказал:

«Я привез цветок медок-гушану: в каком положении болезнь нашей матушки, в состоянии ли она принять цветок?»

Мать ответила:

«Прежняя болезнь моя за это время прошла, а теперь меня посетила другая. Если поем цветка медок-гушана, то это теперь не поможет».

Сын пошел к отцу и говорит ему: «Спросите у нее — какие же, мол, нам средства употребить, чтобы вы выздоровели».

Царица ответила:

«Постройте такой семиэтажный дом, чтобы в него поместился весь народ бенгальской страны, чтобы на крыше этих семи этажей было золотое озеро, чтобы выше золотого озера было 299 лестниц, а выше них семь разных домов из семи драгоценностей с тысячью вышек, по четырем сторонам дома чтобы было четыре больших озера, по восьми промежуточным странам света; чтобы было четыре маленьких озера, чтобы были вокруг этих восьми озер всяких родов плоды и прекрасные деревья, чтобы были лесные птицы, а в воде водяные птицы: павлины, лебеди и даже птицы всяких сортов с прекрасными сладкозвучными голосами. Вот, если такой дом построите, и я поселюсь в том доме, то я выздоровею».

Хан сказал своему сыну:

«Мать говорит, что если такой дом построите, то, мол, выздоровею».

Тогда старшая жена, дав знак семи привратницам-девицам, заставила этих девиц играть со своим мужем. Все три жены достали те драгоценности, которые каждой из них дали их отцы.

Медок-гушана, помолившись волшебному сосуду, выполнила постройку дома согласно сказанному той женщиной; а затем сказала дочери хана черных драконов:

«Покажите ваше дарование».

Дочь хана черных драконов как ударила восемь раз по козьей шкуре, то по четырем сторонам дома образовались большие четыре озера, а по восьми промежуточным сторонам четыре маленьких озера. Медок-гушана сказала дочери хана белых драконов:

«Покажите ваше дарование».

Та ударила о землю два раза деревянным ковшом. И выросли деревья совсем, как говорила та женщина. Она помолилась на волшебный сосуд, и запели в лесах лесные птицы, в воде водяные и все, как говорила та женщина. Тогда три жены вошли к царевичу и доложили ему; он вернул семь девиц по домам и, войдя к хану батюшке, сказал:

«Я исполнил».

Хан вошел к жене и сказал ей. Жена вошла в тот большой дом и, когда, войдя в озера, мылась, хан спросил:

«Как твоя болезнь?»

Она ответила: «Две трети осталось».

«Что же мне сделать, чтобы ты выздоровела?»

Жена ответила:

«Вот этот южный горный хребет сделать величиною в скорлупу яйца, на вершине его заставить расти большое дерево галварбарас; по четырем сторонам его устроить четыре источника, чтобы из тех источников во все стороны текла вода по золотым канавам. Чтобы были на берегах четырех озер такие же четыре дерева, чтобы были вокруг четырех озер деревья, преисполненные прекрасных плодов и цветов; чтобы на горе сплошь были деревья; чтобы вокруг четырех озер пели в водах водяные птицы, в лесах — лесные птицы; чтобы на вершине дерева галварбарас, что на макушке горы, полубоги читали священные книги. Если вы мне сделаете вот такое сооружение, то я выздоровею».

Хан передал сыну:

«Сделайте вот такое сооружение».

Сын ответил: «Ладно». Он вошел в свой дворец и передал своим трем женам. Медок-гушана, помолившись на свой сосуд, обратила гору в величину яичной скорлупы. Дочь хана черных драконов, ударив четыре раза по своей козьей шкуре, устроила по четырем сторонам горы четыре источника, и вода потекла из них по золотым кана-

вам. Дочь хана белых драконов ударила несколько раз своим деревянным ковшом о землю, и выросло на вершине горы золотое дерево галварбарас, и появились все деревья согласно сказанному той женщиной. Дочь хана аракшасов помолилась на свой волшебный сосуд, посадила на вершину дерева галварбарас, что на макушке горы, полубогов бодисатв, и заставила их читать священные книги. Произвела в лесах — лесных, в воде водяных птиц, словом, все исполнила так, как говорила та женщина, и сказала царевичу. Он отправил семерых девиц обратно домой, вошел к своему хану-бабушке и сообщил им это. Тот сказал своей супруге:

«Все исполнили».

А она ответила: «Еще одна часть моей болезни осталась».

Тогда все три жены царевича вместе с ханом вошли к ней и сказали:

«Мы пришли вас лечить; два средства ведь мы уже сделали; как вы теперь себя чувствуете?»

Она ответила:

«Две трети моей болезни прошли, а одна осталась».

Тогда Медок-гушана спросила:

«Чья вы дочь?»

«Я дочь небожителя».

Медок-гушана сказала:

«В наших небесных странах такой девицы не бывает; я дочь хана аракшасов и такой девицы не видала».

«Я небесная дева из ведомства хана черных драконов».

Тогда дочь хана черных драконов сказала:

«Нет, я дочь хана черных драконов, в нашей стране такой девицы не бывало».

«Я небесная дева из ведомства хана белых драконов».

Тогда дочь хана белых драконов сказала:

«Я сама дочь хана белых драконов, и в стране его такой девицы не видала».

Тогда хан сказал:

«Что это ты говорила, что ты человек из небесных стран? С чего ты путаешь? Чья же ты, наконец, дочь?»

Женщина смутилась. Медок-гушана сказала:

«В небесных странах она, может быть, была, а откуда я могу все знать». И вот все три сказали ей:

«Вам пользоваться собственными средствами пришел конец, нельзя ли теперь нам самим для вас устроить лекарство?»

«Можно».

Те три вышли и стали советоваться. Медок-гушана сказала дочери хана черных драконов:

«Устройте волшебством золотой источник; а затем, подав знак вашему отцу, попробуем убить эту ведьму».

Девушка сказала: «ладно»; устроила золотой источник и дала знак отцу. Отец ответил: «приду». Эти три девушки принесли ханшу в золотое озеро и говорят:

«Если вы в это наше озеро войдете, то верно выздоровеете».

Она разделась, вошла в озеро и моется. И вот из самой середины озера вышло существо с одним рогом на голове и, только было она собралась выйти на берег, как оно подцепило ее на рог и увлекло в воду.

Тогда Медок-гушана, превратившись в образ жены хана, вошла к нему и, сев рядом с ним, сказала:

«Я ведьма; твоего сына, воплощенца божия я не смогла убить. Ложно прикинувшись больной, я послала его к хану аракиасов и хотела, чтобы он был съеден аракиасами. Он пришел цел и невредим. Потом, когда я сказала – построй большой дом и прочее – я думала, что он не сможет и что, верно, в смущении уйдет прочь, а он все, что я говорила, исполнял. Я больше уж не могу съесть твоего сына, а тебя съем».

Она отошла к двери, перекувырнулась на спину, а когда стала вставать, обернулась остро-копытной черно-пестрой свиньей и ринулась к хану. Хан закричал и позвал сына. Свинья выбежала прочь и, выйдя за дом, обратилась в Медок-гушану и вошла в дом.

Сын подошел к хану. Хан, рыдая, сказал сыну:

«Отныне я больше не буду брать себе жен; сделаюсь монахом; пригласите моего непорочного знаменитого ламу». Сын пошел и сказал Медок-гушане:

«Не та ли это самая ведьма пугает нашего батюшку?» Жена ответила:

«Нет, это я сделала, чтобы освободить хана батюшку от страстей».

«Хорошо! А пригласить ли нам к нему непорочного знаменитого ламу, или нет?»

Медок-гушана сказала: «Нет спеха».

Она превратила свой безумный палец в женщину несравненно красивее его прежней жены-ведьмы и заставила прислуживать хану. И она оставила при нем ту женщину почти месяц. Но хан совершенно не выказывал страсти. Тогда, удалив женщину, привела Медок-гушана к нему непорочного знаменитого ламу и сделали батюшку монахом.

Три жены его сына вошли к нему и сказали:

«Я дочь хана Аракшасов,

Я дочь хана черных драконов,

Я дочь хана белых драконов», — каждая назвала своего отца; хан батюшка очень обрадовался этому и, уйдя в уединенное место, поселился отшельником.

Тогда царевич, оказавшись с тремя прекрасными женами, стал жить очень весело. Старшая из жен — воплощение зеленой Дары-эхе — дочь хана аракшасов; средняя из жен — воплощение Дулма Тониржани — дочь хана черных драконов; младшая из жен — воплощение...¹ — дочь хана белых драконов, а сам царевич был воплощением Хоншим-бонисатвы».

Возможно ли даже и эту сказку поставить в параллель, например, с художественными сказками Андерсена? Или вот, например, хоть сказке Ксении Морозовой «Звезды»:

«Была тихая рождественская ночь. Небо искрилось и сверкало бесчисленными мириадами ярко сияющих звезд, нежно струивших свой золотистый свет. Казалось, каждая звезда хотела гореть как можно ярче и выказать себя во всем своем блеске и красоте.

— Право, еще, кажется, никогда не было такой чудной ночи, — говорили люди, глядя на небо, — а звезды-то! Так и горят! Можно подумать, что они сегодня облеклись в свои самые блестящие одежды и вместе с нами празднуют рождественскую ночь.

Так говорили люди, смотревшие на небо. Но таких людей было немного.

Уже давно прошли те времена, когда все дети земли искали разрешения своих жизненных судеб в высотах небесного мира, когда они с тоскливой мольбой обращали свои взоры к сверкающим ночным небесам, стараясь прочесть утешение и ответ в той чудесной таинственной книге звездного мира, прекраснее которой никогда еще не читало человечество.

Большинство людей перестало понимать эту книгу, — небо сделалось для них непонятным и безмолвным. Но если бы они сумели вернуть себе веру и любовь прежних веков и сумели бы прочитать в эту ночь то, что говорили им звезды, — их сердца наполнились бы бесконечной радостью и ожиданием. И эта радость была бы так велика и ожидание так могуче, что они захотели бы перелить их в сердца грядущих поколений.

А на небе, как и всегда, шла своя особая вселенская жизнь...

¹ Рассказчик забыл имя.

— Все ли вы здесь, сестры-звезды? — обратилась блистающая Вега к бесчисленному множеству своих небесных подруг. — Все ли вы открыли свои сияющие лица, и все ли вы знаете, почему мы так особенно торжественно празднуем сегодняшнюю ночь?

— Мы все здесь. Мы знаем, мы давно ждали этого часа! — ответили ей звезды своим мерцанием.

— Вот прошли уже биллионы и биллионы веков нашей жизни, — снова заговорила Вега. — Но что значит время для нас, небесных светил? Века и тысячелетия — наши мгновения, но даже и нам, звездам, ожидание показалось долгим. Наконец сегодня настала та великая и торжественная ночь, когда по чудесному обещанию свыше должна появиться на небе наша младшая сестра, которая называется Звездой Грядущего Счастья Земли. Сегодня выйдет она из сияющего хаоса Плеяд и загорится таким ярким блеском, пред которым померкнет свет остальных светил.

— Только люди еще не скоро увидят ее, — проговорила своими многоцветными переливами прекрасная Капелла. — Пройдет еще целая тысяча лет, прежде чем ее дошедшие до Земли лучи возвестят людям об ее появлении. Они только еще мечтают об этой звезде и не знают, насколько близко или далеко их грядущее счастье.

— Нам одним открыто будущее детей земли, — зашептали снова своим мерцанием менее блестящие сестры ослепительно ярких Капеллы и Веге. — Мы так давно по ночам проливаем свой свет на Землю, нашу милую маленькую подругу, что давно полюбили ее и живущих на ней людей. Мы знаем и видим, скольких тяжелых жертв, лишений, крови стоит им их жизнь. Мы все сегодня живем жизнью Земли и потому все празднуем эту ночь. Пошлем же новорожденной сестре — покровительнице Земли — наш звездный привет и пропоем ей симфонию миров, полную трепетания наших светоносных сердец.

— Привет тебе, новая сестра! — запел хор бесчисленных звезд.

— Привет тебе, прекрасная Звезда Грядущего Счастья Земли! Мы все теперь хотели бы быть с тобой, мы все ждем тебя. Открой же свой светлый взор, блесни нам своим сверкающим лучом!

И новорожденная звезда широко открыла на божий мир свои яркие изумленные глаза; она заблестала нежным голубоватым сиянием, и в ее приветливом мерцании посылался ответный радостный шепот.

— Мне грезилось в блистающем хаосе Плеяд, что я призвана для счастья земных людей. Итак, значит, мечта моя сбылась. Я

буду освещать путь счастливых. Хвала Вселенной! Хвала светлому туману, давшему мне жизнь!

И ее ликующий голос слился с торжествующим гимном звезд...

И вот, хотя яркие лучи новорожденной Звезды Грядущего Счастья Земли должны были дойти до нашей планеты только через тысячу лет, но их таинственное влияние уже и теперь сказалось на людях. Некоторые из них, глядя на небо в эту ночь, почувствовали в своей душе не одну так легко убегающую надежду, но и непреодолимую уверенность в наступлении счастливых грядущих времен.

А сильнее и неотразимее других почувствовал это темноокий бледный ребенок, жадно припавший лицом к окну небольшой комнаты далекого городка.

Он весь день ждал, когда покажется первая звезда. Он выпросил у матери позволение поститься целый день, но и сейчас, хотя все небо горело в звездах, его нельзя было отогнать от окна.

Что это? Гирлянды света, небесные звуки! Все небо искрится и горит!.. Звездные лучи скрещиваются, переплетаются, тянутся и вьются. Всюду гимны торжества и хороводы звезд!

— Мама, милая мама, это не сон, нет, не сон! Сегодня родилась маленькая, счастливая звезда. Люди будут счастливы, они должны в это верить и это знать! Я подслушал сегодня разговор звезд.

Задыхаясь от волнения, подбежал он к матери, прижался головой к ее коленям и, захлебываясь от радости, рассказал ей все, о чем в этот вечер говорили звезды. Глаза его горели, бледное личико было покрыто яркими пятнами румянца.

— Дорогой мой мальчик, ты, верно, вздремнул, — нежно говорила мать, ласково перебирая его шелковистые волосы. — Да, мой милый мальчик устал ждать первую звезду и увидел такой хороший сон... А может быть, он будет поэт? Он будет, как и другие поэты, рассказывать людям о песнях звезд и радовать их сердца светлыми далями грядущего.

— Нет, мама, милая, — убежденно говорил ребенок, — я вовсе не спал. Я ни на минуту не закрывал глаз. Я сидел так тихо, как мышка, и мне только хотелось узнать, чувствуют ли и думают ли звезды так, как и мы, и почему они сегодня необыкновенно ярко сияют. И вот я услышал, так ясно услышал их нежные голоса! Они сплетались с их золотистым светом, и казалось, слились в одно, яркое и вместе нежное сияние. И вот какой гимн я слышал новой маленькой звездой: «Привет, привет тебе, младшая счастливая сестра». Он и сейчас звучит в моих ушах.

И он начал повторять слышавшуюся ему в небесах звездную мелодию трогательным, детским голоском.

— Ну, значит, ты у меня будешь музыкант, — говорила, улыбаясь, мать. Она задумчиво поглядела в окно.

— Да, мой милый мальчик! Ты, как великий Бетховен, сумеешь подслушать и передать музыку лунных и звездных лучей.

И она не сдавалась на горячие уверения своего сына, будто он действительно слышал разговор и гимн звезд.

Ее глаза с нежной материнской заботливостью смотрели на его разгоряченное и взволнованное лицо. Всю жизнь она ждала лучших, но никогда не наступавших для нее времен. Ее рассудок уже отказывался им верить, но в ее измученном жизнью сердце, помимо собственной воли, рождалась смутная, как первый весенний мотылек, трепещущая надежда, что, может быть, мальчик ее все же окажется прав, и люди увидят хоть когда-нибудь, хоть через сотни веков, — яркий свет новой звезды, обещающий им грядущее счастье».

Мне нет никакой возможности переписывать здесь для сопоставления с азиатскими сказками более длинных европейских художественных сказок, которыми можно переполнить сотню томов, тем более невозможно переписывать и европейские романы или наши курсы астрономии, механики, химии и т.д. Для выяснения контраста современной художественной европейской науки с чисто первобытными азиатскими произведениями, вроде только что приведенных мною, совершенно достаточно того, что я здесь привел.

Нам остается только удивляться, каким образом могут даже и теперь быть люди, считающие себя обще образованными, но верящие тому, что где-то в центре Азии, в Тибете, у Далай-ламы или в неведомых еще отрогах Гималайских гор существуют мудрецы, знание которых превосходит наше европейское? Каким образом могут быть люди, способные верить, что в незапамятные времена в азиатских странах была уже высокая умственная культура, но погибшая и забытая теперь?

Ведь свет знания, как и физический свет, распространяется во все стороны, и лишь непреодолимые физические преграды могут его заслонить от той или другой местности, и никаких таких преград, которых нельзя было бы обогнуть, мы не находим ни между различными странами Азии, ни между Азией и Европой.

Совершенно понятно, что при крупных физических катастрофах, вроде, например, столкновения Земли с кометою, может погибнуть целое полушарие Земли, но никаких признаков такого столкновения на азиатском континенте. Эндемические болезни, вроде чумы или оспы, истреб-

ляли по временам значительную часть населения Европы, но и они не приводили ее к одичанию; революции в окончательном результате сопровождались только улучшением общественного строя, и новым подъемом науки, техники и даже изящного искусства, которое казалось всегда особенно пострадавшим в первые годы общественных потрясений.

Так каким же образом в огромной Азии, где столько простора для убежищ, могло прежнее высокое и великое превратиться в то наивное, что мы здесь читаем? Мы много читаем удивительно в современных историях азиатского Востока. Собственно говоря, все там полно чудес. Возьмем хотя бы появление отсюда, как из табакерки с фокусом, великих учителей: Спасителя Христа с берегов Мертвого моря, распространившего свое учение по всей Европе, а затем и Америке, и Австралии, и достославного пророка Магомета, написавшего среди пустырей Аравии свой Коран и распространившего свое учение по всему северу Африки и по всей юго-западной Азии. А вот из этой же табакерки с фокусом явился и Будитель-Буда, в какой-то неведомой теперь Капелле Басту, лежавшей, говорят, где-то в глубине Гималаев. И странное дело! В то время как в европейских культурных городах — Париже, Риме, Лондоне, Берлине, Вене, Петербурге — выдающиеся ученые, раз возникнув, уже не переводились до настоящего времени и, вероятно, будут продолжаться и впредь, в этих глухих городках возникал всегда на всем протяжении существующей истории только один величайший, превосходивший всю сумму парижских или берлинских ученых гениальный человек, который, сверкнув на весь мир ослепительным светом, пропал затем неизвестно куда, а породивший его городок вновь погружался в темноту жалкого неведения в то время, как вышедшие из него волны могуче неслись по остальному миру.

Но ведь это же так нелепо!

Глава X

БУДДИЗМ ПРИШЕЛ В АЗИЮ НЕ С ГИМАЛАЙСКИХ, А С КАРПАТСКИХ ГОР

Да! Современная историческая наука, если она хочет сделаться действительно наукой, должна раз навсегда порвать с такими представлениями. Если гениальные люди и родились нередко в глухой провинции, то они все развились в культурных центрах своего времени. Иначе не могло быть. И если бы нам сказали, что Христос, родившись на берегах Мертвого моря, получил свое образование в Константинополе, а Магомет хотя бы и в Каире, а Буда в древнем культурном городе Буда на правом берегу Дуная, в Венгрии, который вместе с городом Печью на левом берегу той же реки получил теперь двойное имя Буда-Пешт (первоначально Буди-Печь, по-немецки до сих пор его и называют Ofen), – то мы ничего не могли бы возразить против этого. Совершенно напротив.

Ведь историки Венгрии все говорят нам даже, что Буда-Пешт, он же «Буди-Печь», был основан Будой, которого считают братом Аттилы, объединившем под своей властью, а следовательно, и религией все гуннские племена от Дуная до Волги. И даже то обстоятельство, что этого Буды-Будителя позднейшие христианские авторы сделали, по созвучию, Блуду (или Бляду) <...>, показывает, что он был основателем какого-то своего культа. И вот является вопрос: не распространился ли буддизм не из неведомого городка в Гималаях, а из Венгрии на восток в V веке нашей эры?

В последнем случае я мог бы напомнить читателю то, что говорил уже во второй книге «Христа» в главе «Дамаск или Дарметк?». В то время, как Дамаск по-еврейски имеет нелепый смысл «Мешок Крови», слово Дарметк, наоборот, имеет очень подходящий для культурного центра смысл: город Наследственного Правления. И вот во всех случаях, где в библейской книге Царей или в «Пророках» он по-еврейски пишется Дамаск <...>, он же в книге Забытые Дела (Паралипомон) оказывается Дарметком. Отсюда ясно, что это имя нарицательное, смысл которого просто «Столичный город», не обозначающий его собственного имени, а все признаки его местоположения именно указывают не на Палестину, а на Венгрию, но само собой понятно, что

когда Великая Ромея была сослана средневековыми теологами в Палестину, а Царьград попал в Эль-Кудс (псевдо-Иерусалим), в окрестности Мертвого моря, то и находившийся к северу от Дарметка-Будапешта город Наследственного Правления перекочевал в такое же положение относительно Эль-Кудса, а потом начались всякие ассимиляции его к новой воображаемой местности, и между прочим переселение туда знаменитейшего христианского теолога средних веков Иоанна Дамаскина (т.е. Иоанна Наследственного Правления, 676–777), жившего на один век ранее Карла Великого, которому я приписываю между прочим и евангелие Иоанна, написанное уже на греческом языке. В нем впервые бог приравнивается к Слову, внушающему представление о предмете, и там же впервые мы видим ясный намек на переселение душ, так как автор явно воображает себя возрожденцем непосредственного ученика Христа. Вот это интересное место:

«Обернувшись назад, Петр видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечера, преклонившись к груди его, сказал: «Господь, кто предаст тебя?» Увидев его, Петр говорит (уходящему навсегда) Иисусу: «А он что?»

– Если я хочу, чтобы он существовал, когда я приду (вторично на землю), что тебе до того?

И пронеслось слово между братьями (во Христе), что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему: «не умрет», а только «если я хочу, чтобы он существовал, когда я приду вторично на землю, то что тебе до того».

Этот ученик и свидетельствует, и написал все это (глава 21, 20-24)».

Такое окончание ясно показывает, что автор, который, судя по слогу и идеологии данной книги, мог быть только Иоанн Дамаскин, действительно считал себя возрожденцем воображаемого им любимого ученика Иисуса, т.е. пришел к убеждению о переселении душ.

Одним словом, в Буда-Пеште VIII века Иоанн Дамаскин, каким нам его рисуют наши первоисточники, вполне уместен, а в сирийском Дарметке он оказался бы выскочившим как из табакерки с фокусом.

Припомним теперь и общую историю Венгрии в средние века.

Нам говорят, что первоначально она была заселена славянами, но во время «Великого переселения народов» ее заняли монгольские народы гунны, а в IX веке мадьяры или угры, иначе венгры, будто бы перешедшие из Азии через Волгу, вместе с хазарами и овладели этой страной.

Я не буду здесь возражать против возможности такой перетасовки народов при кочевом быте, а только скажу, что если кочевые народы монгольского происхождения и пришли в Венгрию из Средней Азии, то

явились они сюда не как по системе какой-либо высшей культуры, а наоборот, сами поддались ей здесь и смешивались со славянским населением и, сохранив еще лингвистическую связь со своей родиной, как, например, англичане и испанцы при переселении в Америку, сами понесли на свою прежнюю родину ту религию и культуру, которую они заимствовали от Великой РOMEи и от соприкасавшихся с нею и с ними германских и североитальянских народов. Но первое, что они могли усвоить здесь, это религиозные верования, т.е. учение о воплощении бога, о его смерти, воскресении, отлете на небо и о его предстоящем возвращении для воцарения на земле.

Христианские авторы относят первые народы-переселенцы еще ко временам Диоклетиана, в конце IV века, что совпадает, с нашей точки зрения, с арианским движением и объясняется резким пробуждением сейсмической деятельности Везувия, отразившимся в Библии в бегстве божия (т.е. по-гречески Зевсова) народа из Миц-Рима, который теологи тенденциозно переносят в глубину веков и кроме того переселяют это прозвище, значащее Высокомерный Рим, с берега Тибра на берега Нила. Самое имя этих переселенцев, вандалы, показывает, что первые вожди их вышли из Вандеи, т.е. из западной Франции, причем к ним присоединились, сделавшись активными, франкские и германские племена вплоть до реки Одера в современной Восточной Германии до границ с поляками и другими славянскими народами.

Но как же это могло быть?

Ввиду того, что в древности и даже в начале средних веков не существовало еще в средней Европе никаких проторенных постоянно колесною практикою дорог, все отдаленные путешествия могли совершаться в ней только по течению рек, и мы, таким образом, можем считать за факт, что из Вандеи в Италию могли пробиться только по течению Луары, перебросившись в бассейн Роны и распространившись по ее притокам, перебраться в бассейн древнего Эридана-Иордана в Ломбардии, а затем уже по берегам моря от устья одной поперечной речки, служившей удобной гаванью, до устья другой, добраться и до чудесных стран Неаполитанского залива, после того как более культурная жизнь населения южной Италии потерпела страшный удар от начавшихся в ней местных тектонических потрясений верхнего слоя земного шара, окончившихся наконец страшным извержением давно уснувшего к тому времени Везувия.

Убежавшие на север по тем же водным путям в спокойные страны служители культа вместе с толпами сопровождающего их народа сначала подчинили эти страны своему оккультному влиянию, а потом,

когда все успокоилось и их дети захотели вернуться на чудесную родину своих отцов, они же сами, сделавшись вождями этих полудиких стран, и повлекли их с собою. И замечательно, что и до сих пор близ устьев Луары (?) есть город Святой Назарет <...>, имя, с которым связывается евангельской легендой место рождения ее «Великого царя». Да и древнее название современной реки По, лишь в новейшее время утратившей в Ломбардии свое прежнее имя Иордан, и самое имя Галлии (того же лингвистического корня, как и евангельская Галилея) и имя города Канны <...> Галилейской близ Ниццы, центра виноделия, отразившегося, как в зеркале, в евангельской Кане Галльской (Галилейской), где Христос претворил воду в вино; все эти лингвистические следы, оставшиеся в языках западноевропейских народов, ведут нас к происхождению христианской религии из Вандеи, от возвратившихся оттуда на родину детей первоначальных властелинов срединной Италии. И с этой точки зрения исторические предания о нашествии на Италию вандалов, т.е. вандейцев, будто бы разрушивших господствующую до тех пор в ней классическую культуру (по коренному первичному значению классическое колдовство), отождествляют первое «переселение народов» с распространением из Галлии — Франции первичного еще архаического христианства.

Потом в IV веке, как нам говорят, — эти «вандалы» завладели (не столько конечно, массой перекочевавшего населения, сколько своим теократическим влиянием) Силезией и Моравией и даже Паннонией (т.е. землей панов — Польшей), а на западе Европы Испанией и, перебравшись через Гибралтарский пролив, прилегающей к нему частью северо-африканского берега, хотя и следует очень и очень сомневаться, что «Вандальское королевство» Гензериха, относимое в 439 году нашей эры, имело своим центром будто бы неизвестно зачем разрушенный в VII веке арабами мифический Карфаген. Помещаемый на краю Тунисской пустыни и отдаленный от Италии морем и от Испании пустынями, он мог бы быть в указываемом нам для него пункте только убежищем отшельников от мира, или одной из приморских факторий средневековой ромейской торговли, где жили как в ссылке, а не столицей могучего государства, для которой он совершенно не подходит в стратегическом отношении.

Если король вандалов Гензерих и действительно завоевал (тоже, конечно, теократически) в половине V века Корсику, Сардинию и Сицилию и даже разорил Рим в 455 году, то он мог сделать это только из так называемого Нового Карфагена классиков¹, называемого теперь

¹ Хотя и самое имя Картаген значит Новый Город.

просто Картагеной, и до сих пор процветающего как военная гавань и место значительной торговли на южном берегу испанского полуострова. Только отсюда и можно допустить его римскую экспедицию и все прочее, что ему приписывают. И мы видим, что лингвистические следы прямо приводят нас к тому заключению, что вторжение вандализма из северной и западной Европы в Италию было только обратно отхлынувшей волной панического бегства туда итальянских теократов и их слуг из окрестностей их потрясенной земными содроганиями и засыпанной вулканическим пеплом родной страны.

Перейдем теперь и к другой фазе того же псевдо-переселения целых народов. И тут лингвистические следы приводят нас к обратным выводам, чем то, что нам внушают перешедшие в мифы предания наших отдаленных предков.

Первая вандейская волна переселения народов прошла, как мы только что видели, в Италию, Испанию и Африку из Вандей с крайнего французского запада Европы, а следующая за ней вторая – гуннская или ханская – волна нахлынула на Великую Ромею с Востока в конце IV и начале V века, когда появился по нашим вычислениям Апокалипсис, и причиной ее опять могли быть только предшествовавшие сейсмические потрясения, в самих единственно культурных тогда ромейских странах.

Аммиан Марцеллин, считаемый за историка конца IV века, и Кротонский епископ Иордан-Иорнанд, относимый к VI веку, описывают их внешность по образцу монгольских. Но дело в том, что оба эти автора апокрифичны, их книги, судя по их слогу и идеологии, принадлежат уже эпохе Возрождения, да и астрономически я показал уже¹ не- существование солнечного затмения, якобы виденного Марцеллином в 360 году нашей эры, что сразу компрометирует и весь остальной рассказ, в том числе монголоподобность гуннов. Наш историк Д.И. Иловайский считал их за славян, что много более правдоподобно, а некоторые новейшие исследователи пытались их признать за предков современных венгерцев. Однако все эти гадания были чисто субъективные предположения, так как имя гуннов, в последний раз возникнув в конце IV века, исчезает уже в наших первоисточниках в VI, когда они упоминаются в числе других народностей в войске ромейского полководца Нарзеса, сражавшегося с готами в 554 году.

Наиболее вероятными считают их тождественными с Хун-Ну некоторых летописей, найденных в Китае и написанных идеографическим

¹ Христос. Кн. IV. С. 354–356.

рисуночным письмом, так что точное произношение установить еще нельзя. И если уже руководствоваться лингвистическими следами, то здесь мы приходим опять к довольно неожиданным выводам: слово Гунны <...>, Хун-Ну и Ханы, очевидно, одного и того же корня, но h постоянно переходит в й, как это мы видим в испанских словах Хуан вместо Иоанн, Хосе вместо Иосиф и т.д. Но ведь от Хуана до Хана не больше расстояния, чем от Карла до Короля. И если от имени Карла произошел титул Короля, то почему же и от Хуана (т.е. первосвященника Иоанна, вернее Иоана) не произойти на востоке звания Хана¹? Притом же Иоанн (по еврейской транскрипции ЙУН, а при обычном переходе Й в придыхание – ХУН) значило просто Иониец, т.е. грек, и с этой точки зрения гуннами пришлось бы считать греков, между которыми к тому времени должно было распространиться апокалиптическое христианство, возвещавшее скорый приход на землю воскресшего Христа и гибель всех земных царей.

Не будет большой натяжкой, если и имя Иоанн перевести Божий Князь, считая, как и всегда, в именах еврейского происхождения первый слог ИО за сокращение имени Иеговы, остаток АН за потерявшего свое придыхание в средние века слово ХАН (так и Магомет по-гречески пишется Маамет, без придыхания). Тогда и имя греков *ионийцы* может происходить от иоаннитов, а не от летающих там горлинок.

С такой точки зрения гунны (или ханы, или яны, или ионы) явились бы только местным прозвищем иоаннитов-апокалиптиков, и все гуннское движение в Европе приняло бы характер распространения апокалиптического христианства, которое, потерпев отпор в Великой Ромее, которая в это время не была обессилена никакими сейсмическими катастрофами, направилось на европейский запад, а потом и за Урал на азиатский восток. С этой точки зрения брат Аттилы – Будда, может быть действительным, и был изобретателем доменной печи для массовой выплавки чугуна, вследствие чего и город, где он действовал, получил название Буда-Печь, по-славянски Буда-Пещь, превратившееся потом (благодаря тому, что звук щ есть шьч) в Будапешт, а по-немецки просто в Печь (Ofen), под каким именем он и известен до сих пор у немцев.

Каков же был тогда этнографический состав населения этой страны?

Теперь она на местном своем языке называется <...> – страна мадьяр, по-славянски Угрия, и население ее состоит около 42% из мадьяр,

¹ Аналогично этому и имя Анна первоначально было Ханна, т.е. Княгиня, жена Хана.

15% сербов и хорватов, 11% словаков, 2% русин, 4% евреев, 13% румын, 12% немцев, а остальные – около 1% – падают на болгар, албанцев, греков, итальянцев, цыган и т.д. А в религиозном отношении в ней около 51 % римско-католиков, главным образом, мадьяр, а из остальных вероисповеданий около 15% православных, около 10% – унит, около 13% – протестантов, около 4% евреев.

Все это разнообразие народностей и вероисповеданий показывает на бывшую сложность и неустойчивость ее религиозной жизни, благодаря разнообразию ее племенного состава, представляющего смесь различных языков, из которых главный, мадьярский, принадлежит к отделу венгро-урало-алтайских языков, по-видимому, представлявших в то время более распространения по Европе, чем теперь. Главная из его групп – венгерско-финская (финно-угорская). Важнейшим из всех ее языков, по своей культурности и по своей литературе и является венгерский, к которому особенно близко примыкают наречия остяков и вогулов, распространенных по северному Уралу и за ним в Тобольской и Томской губерниях, хотя и отделено от Венгрии обширными пространствами русского языка, распространившегося не иначе как от балканских славян и вытеснившего существовавший тут ранее венгерский язык. Точно также отрезаны русским языком от своего венгерского центра и более уклонившиеся от него финляндский – суоми – который, по-видимому, напрасно считают древнейшим и даже исходным в этой группе; эстонский в Эстии, лифляндский, лапландский и быстро исчезающие в русском море островки черемисского между Казанию и Нижним Новгородом, мордовского между средним течением Волги и Южным Уралом, зырянского, вотякского и пермякского, на северо-востоке Европейской России.

Вторая группа венгро-урало-алтайских языков – самоедская, – распространена в числе четырех наречий по побережьям Северного океана от Белого моря до Енисея принадлежит, как и предшествовавшие, к христианам, находится еще на самой низшей степени культуры, благодаря свойствам своей страны.

Третья группа венгро-урало-алтайских языков – тюркско-татарская, особенно многочисленная, простирается от Балканского полуострова с незначительными перерывами до озера Байкал и реки Лены. Самое развитое и распространенное наречие ее османли, или турецкое, охватывало до конца XIX века, как господствующий язык, всю европейскую Турцию и Малую Азию, а очень родственное с ним чувашское наречие, как островок, сохранилось между Нижней Волгой и рекой Уралом. Ногайское наречие употребляется у татар в Крыму и по север-

ному побережью Черного моря, кумыкское на северо-восточном Кавказе, туркменско-джадатайское и узбекское – в Туркестане, киргизское – в Кашгарии и Южной Сибири, и якутское – по течению Лены.

Четвертая группа этих языков – монгольская, состоит из собственно монгольского наречия, господствующего в северной части Китая и обладающего своим силлабическим письмом, содержащим псевдо-переводы тибетских буддийских сочинений, и нескольких источников маньчжурского наречия, являющегося вместе с предшествовавшим виднейшим представителем этой группы, так как тоже обладает с 1599 года самостоятельным алфавитом и некоторыми литературными памятниками, бурятского наречия по Байкалу, калмыцкого, обладающего звуковым алфавитом, к западу от него, и из разных тунгусских наречий, охватывающих северо-восток Азии от Енисея до Тихого Океана, и от Ледовитого океана до Центрального Китая.

Эти четыре главные группы этих языков имеют мало созвучных слов, и их сходство проявляется главным образом в общности грамматического строя, но наречия внутри каждой группы, за исключением первой – венгерско-финской, – настолько мало разнятся друг от друга, что не мешают взаимному пониманию; это то же, что, например, верхненемецкий и нижненемецкий, русский и украинский.

Обыкновенно думают, что каждая родственная группа языков распространилась из той страны, в которой господствует самое простое его наречие, но нет ничего ошибочнее такого допущения. Большинство шансов за то, что широко распространяющийся язык зародился именно в той местности, где он успел достигнуть наибольшей сложности. Пример этого мы видим, например, во Французской Канаде, где почти консервировался французский говор XVIII века, или в Исландии, в которой сохранились скандинавские саги, уже забытые в своей родной стране. Так и во всех других отношениях.

Что же касается до умственной культуры, то распространение ее из более культурных в менее культурные страны, а не наоборот, казалось бы, не требовало совершенно никаких доказательств, и если мне в подтверждение такого естественного закона пришлось здесь написать восемь томов, то исключительно потому, что прежние авторы как бы загнипотизировали нас, и потому невозможное стало казаться нам не подлежащим никакому сомнению или возражению, которое только раздражает, а не убеждает.

Вот, например, хотя бы и в настоящем случае. Мы видим, что всякая религия развивалась вначале лишь в определенном лингвистическом бассейне. Так, католицизм, начавшись в Риме, как в культурном цент-

ре, охватил сначала страны с романскими языками: Италию, Францию, Испанию. А когда он перебросился в чуждые лингвистические бассейны, то вслед за тем, как развилась в достаточной мере их национальная культура, он был отброшен, дав начало новым, более совершенным культурам протестантского характера. Так и восточное православие распространилось сначала преимущественно среди народов славянского лингвистического бассейна, и тоже из своего центра — Великой РOMEи, которая в средние века имела полуславянское население, захватив вместе с тем и сравнительно ничтожную территорию греческого языка.

Но вот явилось магометанство со своим Кораном... Казалось бы, и оно, как охватившее весь тюркско-татарский лингвистический бассейн, культурным центром которого была Малая Азия, должен был оттуда получить первичный импульс своего распространения и по линии наименьшего сопротивления устремиться на восток, а нам говорят, что дело было наоборот, и он пришел в Малую Азию и завладел из нее самим Царьградом, начавшись в Аравийской пустыне, и мы верим этой нелепости.

Возьмем теперь и буддизм. Ничем не подтверждающиеся сказания, стоящие на уровне мифов, постоянно переносящих место действия своих героев если не прямо в заоблачные страны, то всегда за тридевять земель в тридесятое царство, говорят, что он явился из засыпанных снегами ущелий поднебесных Гималайских гор и возвещен там, по образчику евангельских сказаний, воплотившимся богом со славянским именем Будителя (Буды). Ученые европейские теологи, приезжая в Индию, давно искали этой местности, но не нашли до сих пор и ограничились субъективными предположениями. Не нашли ее и современные географы и этнографы. Очевидно, что там и не было родины основателя буддизма, и ее приходится искать где угодно на земном шаре, даже и очень далеко от главных областей современного буддизма, так как на своей первоначальной родине он мог давно смениться другою высшею религиозною формою, чем был при своем начале. Ведь даже и в отдаленных странах — Монголии и Тибете — он мог сильно усовершенствоваться с тех пор, как туда впервые пришел.

Мы ищем по всей земной поверхности какой-нибудь культурный городок, который сохранил бы такое имя для своего основателя, и вдруг находим только одно: в Венгрии, и притом с прибавкой еще знаменательного прилагательного: Пещь по-славянски и Ofen по-немецки с тем же значением.

Для всякого ясно, что такое исключительное название города не могло появиться без особо важных причин, и потому оно может быть

более надежным руководителем наших размышлений, чем всякие «свидетельства древних», большею частью служащие доказательством их собственного неведения и необразованности. А в данном случае мы можем смело сказать, что «Пещь Будителя (Буды¹)», брата гунна Аттилы, вокруг которой образовался крупный промышленный город этого же имени, была не какая-нибудь доменная обыкновенная печка, а нечто грандиозное и небывалое до тех пор, вроде той «Огненной печи», в которую по библейской книге Даниил был брошен этот пророк вместе с тремя товарищами, но все же не сгорел.

Все эти признаки «доменной печи» для массовой выплавки чугуна из руд, какие действительно возникали в этих местностях в средние века. Хронологическая связь этого события с пиром Вальтасара, бывшим уже в следующем поколении, и с появлением во время него на небе кометы «Огненная рука», написавшей на небе грозные слова: «Мен-Мене, текел у Парсин», т.е. Измеритель измерил: Весы и Персей, — позволяет установить даже и приблизительно дату этого события — по летописям, найденным в Китае и приведенным в VI томе моего исследования кометы с необычным путем от Змиедержца-Измерителя, к Весам и Персею — были только два раза в 568 и 837 годах, и первый случай был действительно во втором поколении после библейского рассказа. Возможно ли подумать, что «Огненная печь» Навуходоносора и была не в Месопотамии, а в Буда-Пеште?

В таком случае и истолкование, которое дал автор пророчества пути этой кометы: от Весов к Персею «твое царство по небесному суду перейдет к мидянам и персам» — приходится перевести: «к мадьярам и франкам», так как старинное название французов было парисы, откуда и их главный город Парис. Так и русские когда-то назывались московитами, одноименно со своим главным городом², а интереснее всего то, что в самой Азии, куда теперь относят «персов» и «мидян», нет и следа таких стран, а известны только Иран и Ирак, как жители назы-

¹ Европейские ученые, пользуясь своей однобокой латинской азбукой, пишут это же, но уже овосточившееся славянское слово начертанием <...>. Но тут совсем не слышится двойное Д, а только надеялись этим способом приблизиться к гортанному восточному произношению звука А в конце этого слова, которое хорошо помнят те жители Москвы и Петербурга, когда старьевщики и татары ходили по дворам покупать поношенное платье, причем кричали: «халат, халат!» Это произношение «а» вы легко установите, если будете выкрикивать этот звук не раскрыв широко рот, одним горлом.

² Слово «парисы» употребляется и в Библии (ПАРИДЗИ), но переделано в русском переводе в Ферезеев, а мидийцы (МДИ) того же корня, как и Мадьяры.

вают ту страну, в которую теологи Эпохи Возрождения сослали действительную тогдашнюю Персию – Францию, а себя наши азиатские псевдо-персы между Каспийским морем и Аравийским заливом называют только <...>.

Таким образом лингвистические следы, а также и мифы, которые не будут никогда понятны, пока мы не приведем их в связь с лингвистическими корнями имен их действующих лиц, указывают нам на Буда-Пешт, как на первый металлургический центр, благодаря постройке на этом месте первой доменной печи. Руда для нее могла обильно готовиться из венгерских Рудных гор и из других мест, так как вся эта страна славилась в средние века своими рудами. Это же обстоятельство должно было в свое время сделать Венгрию центром промышленной культуры, пока усовершенствование методов выплавки, открытие новых богатых рудников в Богемии и Эльзасе и истощение собственных не отодвинули ее на второй план. Но с развитием промышленных центров неразрывно связан и подъем умственной культуры, которая в средние века, благодаря еще зачаточному состоянию естествознания, была еще неразрывно связана с мистикой, а потому было бы даже странным подумать, что Огненная Печь Буды-будителя не пробудила действительно всю эту местность к умственной жизни, основное свойство которой, как и ее носителя «Слова», есть стремление распространяться во все стороны, огибая непреодолимые преграды.

Мы видели уже, что население этой страны и до сих пор очень смешанное, с преобладанием мадьяр, говорящих на венгерском языке, принадлежащем к семейству венгеро-урало-алтайских языков. Поэтому вполне естественно, что и умственный подъем, начавшийся в этой местности, должен был распространиться на Восток, по побережьям Черного моря, где тогда было преобладающее татарское население, и оттуда через Кавказ, киргизские степи в Монголию.

Но для того, чтобы эта гипотеза обратилась в теорию, необходимо показать, что и по основной своей идеологии буддизм выводится из апокалиптического христианства, нисколько не отвергая при этом его дальнейшего самостоятельного развития, и даже его приспособления к существовавшим до него в тех странах местным культам. Уже один переход какой-либо религии в бассейн другого наречия вызывает ее апперцепционное восприятие местным населением.

Глава XI

СУД НАД БУДДИЙСКОЙ ДУШОЙ. БУДДИСТСКИЕ ДЕМОНЫ ЧОЙЖИЛ И ЭРЛИК-ХАН. БУДДИСТСКИЙ АД

Представления буддистов о состоянии души после ее разлуки с телом являются, в сущности, лишь вариантным усложнением христианских. Не надо только смущаться разностью названий, неизбежно при переходе тех же представлений в чужие лингвистические бассейны.

Душу окружают два ряда духов, аналогичных христианским ангелам и демонам. Одни имеют суровый вид, другие – прельстительный; одни сыплют ласки и обещания, а другие едва достаивают взглядом. Но горе душе, которая поддается лести, искусители совращают ее с верного пути и заставляют платиться столетним страданием.

А если душа умела победить их искушение, то мнимо суровые, но по существу добрые духи (номун сакигулсан) берут ее под свое покровительство и препровождают к богу милосердия Ариаболо, который в свою очередь представляет особому роду сатаны, Чойжилу, иначе говоря, Эрлик-номун-хану, для суда.

Чойжил стоял когда-то во главе падших ангелов Тенгеринов и был самым могущественным из них. Для укрощения его бог послал много Докшитов, но ни один из них не мог его одолеть. Наконец дело поручено было Уранманджу-ширу. У него было 36 рук и 16 ног, он разом загородил ими двери и окна Чойжильского железного дворца. Плененный Чойжил дал клятву покорности и обещал быть правосудным, а в память этого своего обязательства должен был принять новое имя Номун-хана и атрибуты – зеркало и весы. Но при всем полномочии взвешивать дела каждого и затем отправлять его в царство света или в преисподнюю, служит для всех буддистов предметом ужаса.

Суд над душой продолжается у него сорок дней, при защите доброго бога Ариаболо и всех богов, которым душа в жизни угодила. Но все же решение ее участи зависит от одного Номун-хана. Он тщательно рассматривает дела души и наконец ставит ее перед зеркалом, способным отражать в себе не только внешние формы, но и самые сокровенные свойства. Познанная всеми таким образом, сама себя познавшая,

душа выслушивает его приговор, и вслед за тем увлекается невидимой силою на один из путей, идущих из дворца Номун-хана. Один приводит в ад, другой к мытарствам, третий к перерождениям и четвертый в царство Сукавади.

Ад – тамо, делится на две части, в одной из которых горит вечный огонь, а другой царствует цепящийся холод и тьма. В одной от жара даже горы тают, как воск, а в другой они растрескиваются от холода.

Благодаря отсутствию печатного станка и канонизированных описаний, подробности его разнообразны в разных описаниях.

Так, по сказанию Мени-Гамбума, в нем есть 16 отделений: в 1-м отделении грешник предается в жертву разных чудовищ, в том числе и птицы Гаруды. Во 2-м отделении орудием наказания служат две черные горы, непрестанно то сближающиеся, то расходящиеся, снова и снова захватывая грешника и сокрушая кости его. Сами же горы имеют сходство с бараньей головою. 3-е отделение походит на огромную железную наковальню, и на ней осужденные раздробляются молотом по частям. В 4-м хищные птицы и всякие гадины с ненасытной алчностью нападают на пришельца и объедают его тело до костей. В 5-м отделении распиливают грешника. В 6-м отделении все женщины тысячекратно перевариваются в кипятке. В 7-м растянутые и пригвожденные по рукам и по ногам грешники, особенно злоязычники, подвергаются обжиганию со всех сторон. В 8-м отделении огромный ястреб прежде всего выклеывает у несчастной жертвы глаза, а потом рвет ее когтями по частям. В 9-м его колют железными иглами. В 10-м железная птица – Угули терзает его когтями и потом пожирает и тело, и кости. В 11-м орудием казни служит камень, похожий на корову, которым грешнику на раскаленной плите размозжают голову.

В 12-м являются чудовища, в добычу которым достаются человеконенавистники. В 13-м не перестают действовать плиты и наковальни, камни и молоты для кары проливавших человеческую кровь. В 14-м казнь совершается чрез переваривание в запертом котле. В 15-м отделении господствует невыносимый холод, от которого тело покрывается пузырями и расседается. В 16-м так плохо, что скрежет зубов, соединенный с воплями, не могут заглушить один другого.

Читатель видит, что описание это просто мозаично и явно случайно в своих деталях, показывая еще детскую фантазию. Но не такие ли слыхали и мы от наших «учителей закона божия»?

Другие описания, не касаясь этих 16 отделений, говорят, что весь ад состоит из главного ада Аюстамо, т.е. геенны, предназначенного для виновных в смертных грехах; за геенною следует пять узилищ, где

томятся виновные в грехах, близких к смертным, а остальные отделы занимаются учинившими черные грехи.

Аюстамо, – говорят, – содержит восемьдесят тысяч квадратных миль. Огражденный железными стенами, он наполнен массой расплавленного чугуна, в котором плавают грешники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. При каждом погружении тела сгорают до костей, а с каждым всплытием возрождаются, чтобы опять гореть и опять возрождаться для новых мучений! А продолжительность таких мучений определяется 8 кубическими саженьями мелких зерен, которые вынимаются из огромного сосуда, по одному чрез сто лет.

Случается, что несчастные, завидев изнутри открытое наружу горло ада, мчатся к нему толпами в надежде убежать. Но ад, надсмеявшись над узниками, с ревом и клокотом сжимает над ними свою пасть, присоединяя к ужасам мук еще и ужасы отчаяния.

Сказанное относится и к прочим 15-ти отделам ада, с тем лишь ограничением, что мучения в пяти ближайших к Аюстамо – вдвое, а в остальных десяти отделах – втрое легче и короче. И все это находится прямо под нашими ногами в средоточии земли.

Другая дорога из дворца Эрлик-номун-хана ведет к предназначенным для очищения тех грехов, которые входят в категорию слабостей. А так как человеческих слабостей 48 тысяч, то и мытарства разделены на такое же число частей.

Одни из них расположены в ярусах земли, на пространстве между адом и миром перерождений, почему и называются переходными и составляют поистине скорбный и тесный путь для души. Бедная странница не только подвергается здесь разным злоключениям, но даже иногда принуждена бывает вытягиваться в нитку, чтобы пройти сквозь какие-либо расщелины.

Другие мытарства проходят, где все по внешности изумляет, все располагает к покою и радостям. Душа видит здесь пред собою те самые предметы, которые некогда льстили ее самолюбию или питали в ней чувственность, она встречается со старыми своими друзьями, готовыми ко всяким услугам. Она уже думает забыть свое тысячелетнее горе и освежиться с ними у тихо журчащего ручейка. Но вдруг оттуда вместо ручья, видит, выходит гнездо шипящих змей; протягивает руку обнять любимого человека, – и обнимает чудовище; хочет усестись под тенью дерева – и садится на горячие угли.

Все это придумывают ей стихийные духи в качестве карателей за злоупотребление ею внешними чувствами. Они лукаво проводят душу из одного мытарства в другое, то манят, то пугают, то тешат, то делают

ее жертвою всякого своего коварства, пока, наконец, обессиленная потрясениями, но вместе с тем и очищенная, душа погружается в бесчувствие, чтобы снова пойти за пределы своих мытарств, в мир перерождений.

А каково же перерождение и переселение душ?

По буддийской психологии, души разделяются на вещественные и духовные. Вещественные зарождаются вместе с телом под влиянием теплоты и влаги и действуют механически по власти тела, и с разрушением его уничтожаются.

А высшие души не имеют ничего общего с материею, они вселяются в тела из внешнего мира и, руководясь законами своего ума, совершают вековечный кругооборот перерождений.

Но это не потому, однако же, чтоб такова была первоначальная воля судеб, но благодаря своим злоупотреблениям, которые сделали первичную душу принужденною терпеть перерождения в сфере человеческого рода, и даже переселения в сферу низших существ.

Так, гордым готовится уничтожение после перерождения среди людей. Корыстолюбцы станут томиться голодом и жаждою. Ленивых и нерассудительных ожидает переселение в тела бессловесных тварей. Изуверы и все развращенные сердцем не могут избежать участи демонов Ирчагинов и подобных им существ. То же должны испытать на себе и шаманы.

А если человек сумел обессилить в своем сердце корни зла и насадить в нем семена добра, в таком случае он поднимается путем счастливых перерождений все выше и выше к нравственному совершенству. Ступени этого восхождения многочисленны: но вот важнейшие из них.

- 1) Возрождение в правой вере после рождения в области неверия.
- 2) Возрождение без прежних недостатков душевных и телесных.
- 3) Возрождение, сближающее с мудрыми наставниками.
- 4) Возрождение, дающее возможность слушать уроки закона.
- 5) Возрождение способным к изучению закона и к внедрению его в своем сердце.
- 6) Возрождение способным к исполнению законов веры.
- 7) Возрождение на ступени вождя и учителя истины.
- 8) Возрождение, дающее человеку возможность пребыть до конца своей жизни свободным от всякого греха.

Счастлив тот, кто взошел на эту высоту: он перейдет потом прямо в царство Сукавади.

Это царство очень далеко от земли. Расстояние его определяется тремя тысячами великих тысяч за-мирового пространства. Но несмот-

ря на такое расстояние, оно очень похоже на христианский рай, как он описан в Апокалипсисе под именем «Нового Иерусалима». Его украшает священное дерево. Он освещается огнем божественной премудрости, согревается теплотою праведности. В нем вкушают только духовную пищу, пьют из источников, исполняющих всякое желание, там не стареют и не умирают, и не знают иных путей, кроме пути правды. Там жилище духов-богов покоя и владычество того, кто обитает в бесконечном свете и совмещает в себе десять сил мира, четыре естества и восемьдесят доброт, никогда не насыщающих собою зрение¹.

Но несмотря на такое отдаление, земной мир не перестает быть видимым оттуда. Но какое это зрелище! Наши жилища похожи оттуда на змеиное гнездо. Вся земля похожа на геенну, дым и пламя которой, усиливаемые непрестанно испарениями человеческих дел, поднимаются до неба и нисходят до последних глубин земли.

В преддверии царства Сукавади приветствует душу живой благоуханный цветок — бадма линхова, такой прелестный, что при одном взгляде на него забыты все житейские испытания. И если душа принесла с собою в райский мир хотя бы тень какой-либо слабости, то цветок разворачивает перед нею свои дивные листья и, приняв ее в них, дает ей возможность, очистившись, облагодухаться, как он.

Обновленную душу встречают в раю служебные духи — ангелы христиан и, приняв ее с радостными кликами, провожают к подножию престола, поддерживаемого восемью львами.

Восседающий на престоле Абида, — соответствующий христианскому богу-отцу, — увидев переселенку, ниспосылает ей слова утешения и назначает место, сообразное с ее достоинством.

Там она и остается навеки. И лишь некоторые, особенно «великодушные души» для общего блага не останавливаются долго на указанной им степени блаженства и, возвращаясь на землю, начинают новый ряд перерождений в лице таких особ, как Далай-лама, Баньчень-богдо и все митрополиты-Хутукты. Души таких перерожденцев не принадлежат уже земному миру, но служат для него указателями божьей воли.

Таково общедоступное учение «культы пробужденных», а что из него сделала новейшая фантазия индийских толкователей, вспомоществуемая европейскими философами, увидим далее.

¹ См. Мани Гамб. Т. 1. Л. 1 и д.

Глава XII

БУДДИЙСКИЕ БОГИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ ДРУГ К ДРУГУ И К ЛЮДЯМ

Буддийское богословие различает богов и богинь, полубогов и гениев и делит их не только по личному значению, но и по их отношению к классам других существ.

Но в общем в разных книгах нет согласованности.

Христианская троица обратилась в некоторых книгах уже в пятерицу наивысших небожителей, в богов Венца, размещающихся таким образом: посередине этого небесного венца сидит Бирюзана, вроде святого духа, перед ним на восточной стороне – бог-отец Аб-Ида, но уже, по-видимому, вочеловечившийся наполовину; на западной – Очир; на двух остальных странах света – Радна и Амога. Они, – говорят нам, – все начинают и все совершают, они образовали мир и родили человека¹.

Как свет огня тысячекратно отражается в кристаллах, так существо Аб-Иды, при единичности его божеской природы, проявляет себя в бесконечном множестве своих епископов-первоплощенцев, не изменяя тождеству, а тем более не нарушая своего покоя, невозмущаемость которого составляет неотъемлемый и вечный удел божества.

В слове Аб-Иды – бога-отца – заключается источник жизни; чрез него божественные повеления распространяются по всему миру, переходят из рода в род и из века в век.

Мысль Аб-Иды всемогуща. К чему он ни обратится, все ей покорствуется. Ум Аб-Иды всеобъемлющий. Отец богов, он все видит, все знает, в настоящем, прошедшем и будущем. И, направляя ход мировых событий к высоким своим целям, дает всюду чувствовать безмерную силу своей премудрости.

О совершенствах бога-отца Аб-Иды дают понятие приписываемые ему буддийскими книгами эпитеты: безначальный, всевышний бог, зиждитель всех миров, вмещающий в себе бесчисленные века, всевидящий и вседействующий, насадитель добра и виновник всякого бытия, все содержащий и все объемлющий своей властью.

¹ Санан цецен зокиаксан Ном; Чихула кереглечи, стр. 3, стр. 48. Космос Будды в книге Ковалевского, § 43.

Книга Манин намтар говорит о нем: «Легче исчислить небесные звезды, чем определить свойства божии. Удобнее поэтому разложить всю землю, чем постигнуть премудрость Божию. Легче пересчитать капли 12-летнего дождя, чем определить меру благотворительности хотя бы одного из его шести священных слов»¹.

Все это мы встречаем и при определении бога-отца у европейских теологов эпохи Возрождения и новейшего времени, например у Абельяра, и мы знаем из всего хода развития европейской теологии, что они выработались на Западе Европы самостоятельно и перешли на Восток. Отсюда ясно, что и далее они могли проникнуть только через Византию.

Во внимание к таковым достоинствам бога-отца Аб-Иды и того, что все обители блаженства находятся в его непосредственном расприжении, буддисты, несмотря на множество своих богов, как и христиане, несмотря на множество своих святых и ангелов, в важнейших обстоятельствах жизни обращаются к нему. Так, при похоронах у них уныло поется стих: «Божественный Аб-Ида! По милости своей наставь на путь усопшего: ибо у тебя одного место упокоения»².

В храмах изображения его занимают почетнейшее место, но его представляют уже, как и у христиан, воплотившимся в человеческий образ. Огневидный Будда Аон восседает на престоле, полуприкрытый багряною хламидою. На голове у него черная скуфья, а в руках чаша, служащая эмблемой блаженства, которое вкушает он и которого удостоиваются все приходящие к нему. Это отражение причастной чаши восточных христиан.

После пятерицы богов венца следуют семь мироправителей, аналогично семи ангельским чинам христиан. Как у христиан имеются ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, господства, власти и силы, так и у буддистов, но они уже персонифицированы в виде отдельных лиц: Шиги, Бисваво, Диван-гара, Пана-гамони, Гарга-сонди, Гашиба и Шинг-муни. Последнему из них – Сакья-Муни индусов – поется между прочим:

«Поклоняемся богу Шигемуни, который, пришедши в мир, одержав над врагами своими решительную победу и низложив их, достиг истинного совершенства»³.

¹ Мани Гам и Манин намтар.

² Згерелун орон босот-тор угей болай нигулакуй-бер удоридун соирха, лама Абида!

³ Иладжу тегус нукчиксен,
Тегунчилен ирексен,
Дании дароксан,
Унен тегус тогулаксан
Бурхан Шинемуни-дор <...>

Однако сказания о Шигемуни, т.е. о главном «будителе» (Будде) полны противоречий и нелепых вымыслов.

Современные европейские ориенталисты думают, что он не чисто мифическое лицо, и существовал лет за тысячу до рождества Христова, так как начало буддийского летосчисления, ведомого от Шигемуни, падает на этот период времени.

Считают, что он был, как и Христос христиан, царского рода, что род этот был весь истреблен буддийским царем Иродом-Вирулдаком и одному Сиддарту (так звали Будду) удалось найти спасение (как Христу) в бегстве, но не на берега Нила, а на берега реки Пираджаны. Его скитальческая жизнь, — говорят нам, — не могла не расположить его к созерцанию и даже к аскетизму. И общество, основанное им, вначале было ни что иное, как братство шестнадцати нищенствующих людей, решившихся быть вечными странниками апостолами и лишь потом, с течением времени, внешний и внутренний характер этой компании стал изменяться и самая теория буддизма, сделавшись отвлеченнее, дала повод к возникновению различных толков и разделению поклонников Будды на секты.

В лице Будды первого периода — Ханаяны — виден, — говорят нам, — человек, умевший освободить себя от уз житейской суеты; но человек этот еще не властитель мира и не делается таким по смерти. Будда второго периода — Махаяны — уже в общении со всеми мирами; он и по смерти удерживает свою личность и свой авторитет; только начало жизни его не простирается вдаль, и это обстоятельство еще сближает его с обыкновенными смертными. И наконец, Будда последнего — мистического — периода является существующим уже с незапамятных времен и от начала времени удерживает за собой божеские права и атрибуты¹.

Но это же мы видим и в развитии христианства, начиная с IV века нашей эры. Однако есть еще и другой параллелизм.

Первый период, — говорят нам, — ограничиваемый почти одним столетием, представлял просто патриархат. Другой период был время спора. Тут предпринимались, как у христиан, соборы, разбирались противоречия и старались о сближении враждующих партий. В третьем периоде каждая из 18 школ, удерживая свои отличительные черты, продолжала существовать вплоть до соединения в две главные ветви Байбашиков и Саутрантиков, вроде восточной и западной церкви, из которых впоследствии образовалась новая система, известная под именем шахаяны или нового реформированного буддизма².

¹ Васильев. Ч. 1. С. 12.

² Васильев. Ханаяна, или первоначальный буддизм. Ч. 1. С. 9—32.

Шигемуни, – говорят нам, – умер 80-летним стариком и тело его было сожжено.

Подобно тому, как Христос разными народами изображался по их образу и одеянию, так и Шигемуни изображается монголами желтым и в желтом жреческом одеянии, но все же с чашею в руке. При нем находятся, в качестве ассистентов, двое из ближайших его учеников Ананда и Собади, соответствующие Петру и Иоанну. Они держат по жезлу и считаются один глашатаем его, а другой скорописцем.

К этому же разряду покровителей человеческого рода причисляются Бодисады, нечто вроде архангелов, которые, хотя и не достигли еще достоинства Будды, но как богорожденные расположены ко всякому добру и всегда готовы оказывать людям помощь и услугу.

Затем идут такие боги, которые могучи, но не близки к человеку; и более грозны, чем благотворны. Это Ормузда, Бимала, Шакджин, Октаггойн и Эрлик-хан.

Первый из них правит духами-тенгериными, вроде гениев, а второй духами асуринами, вроде гномов. Ормузда, с 33 почетными тенгериными, обитает на вершине великой горы Сумберы. Бимала в пещерах под этой горою. Шакджин господствует вообще над бессловесными тварями. Октаггойн над биритами, а Эрлик-номун-хан, иначе Чойжил, распоряжается в аду.

Этот Плутон всегда имеет пред собой зеркало, отражающее все тайности человеческой души, и весы правды, показывающие истинную цену каждого дела, слова и человека. Ничто не может от него укрыться, не может быть забытым. Все содеянное человеком записывается у него с величайшей точностью. Когда душа предстанет перед ним, Чойжил смотрит, где большинство ее дел – на белой или черной стороне его скипетра. И по этому решает ее жребий. И когда он это сделает, тогда сила неотвратимого рока несет душу, как пылинку, в определенную ей сферу; и там начинается она ощущать последствия прежней своей жизни и вступает в очередь новых превращений. Одна лишь чистая добродетель не подвластна такому влиянию судьбы. Тогда душа минует царство Чойжила.

Многочисленны духи всех миров, стран и мест, духи всякого вида и рода. Из них тенгерины бывают и добрые, и злые. Они обитают на великой средиземной горе Сумбере и вообще в горах, лесах и в воздухе. Между ними бывают и архиепископы.

Хубилгары – понимаются вообще в смысле перерожденцев и патриархи, Хутукты, Брадигабуты и Бутхалисы – души святых, прославившихся добрыми делами и подвижничеством, и Шанараны – такие

существа, которые удостоились слышать глаголы премудрости из уст самого Будды и которые потом исполняли или исполняют на земле должность посланников и проповедников. Ими на том свете чаще всего делаются буддийские жрецы; но первенство остается за 18 учениками Шигемуни.

В мире духов летают Бодисады и Махасады, считающиеся как бы полубогами, и Будды или Бурханы – верховные и блаженнейшие существа.

Что касается до происхождения этих существ, то за исключением высших, все прочие рождены белыми и зелеными сотворенными первично богом женскими духами Дарами, которых считается 42, и они составляют что-то среднее между богом и людьми как существа телесно-духовные.

Следует отметить, что все главные духи при своем сотворении клятвенно клялись перед Абидою быть верными исполнителями его воли. Ормузд дал обет погашать в тенгеринах всякий нечистый помысел. Рахули обещался удерживать асуринов в указанных им пределах и споспешествовать им на пути перерождений. Шигемуни принял на себя заботу о человеческом роде во всех обстоятельствах жизни каждого – от колыбели до гроба. То же сделали и прочие боги.

О горе Сумбере (Сумэру, мэру) часто упоминается в буддийской мифологии. Ее называют царицею гор и средиземною горою. Но никто ее не видал. Книга Кайба джумнейн-даг-ик (гл. III) сообщает, что она в мире стихийном имеет в высоту 100 тысяч беров и на 80 тысяч погружена в бездну вод. Она четырехсторонняя из четырех ярусов и около нее совершают свое течение солнце и луна. В первом ярусе Сумбера обитают якчисы, держащие в своих руках какие-то сосуды с вином; во втором якчисы с четками, в третьем якчисы, вечно пьяные, в последнем четыре Махаранзы; – наконец, на самой вершине живет Ормузда с 33 избранными тенгеринами. По всему этому описанию как будто нельзя даже и сомневаться, что буддийский Олимп существует лишь в воображении. Однако и тут нашлись верующие. Так Паулинус считает гору Сумбер за Гималаи и в подтверждение своей мысли говорит:

...

А ламы нового времени уже догадались, что тут «разумеется вся наша планета».

Прибавлю еще о падших тенгеринах. Сюда относятся: якчисы-сто-рожевые. Рачисы, составившие собою души женской половины человеческого рода. Асори – племя буйное и, наконец, гандаги, гинари,

махараки, манюки и амоноки – глубоко падшие, из которых произошли бессловесные твари и адские злополучнейшие существа.

Верный своему назначению тенгерин получает по мере своих заслуг высшие совершенства, может возродиться человеком и открыть себе путь во все блаженные страны. В противном случае он выпадает из эфирной сферы, теряет свой блеск и силу и становится жертвою уничтожительных перерождений и переселений, например, в асурина.

Асурины эти входят в категорию злых духов и считаются виновниками многих несчастий, случающихся на земле. Самые тенгерини не имеют от них покоя, так как асурины ни о чем столько не хлопочут, как о похищении у них нектара. С этою целью они ведут с ними непрестанную войну, вынуждающую иногда самого Ормузду принимать лично в ней участие. И это не простая догадка: наши бури и громы служат для нас ее вестниками. А окончательная победа добрых гениев над злыми будет лишь тогда, когда в нашем мире нравственное зло окончательно сменится добродетелью.

Шмидт справедливо выводит буддийское учение об Ормузде, с его 33 ассистентами, из Зороастрова учения. А в Ормузде он видит персидского Ормузда, а в сопернике его Рахуле – Аримана. Что же касается до войны асуринов с тенгеринами и с царями драконов, то желающий получить о ней понятие может прочесть отрывок из Чухула каленлекчи, содержащийся в Буддийском Космосе Ковалевского 8. 21.

Теперь мы дошли, наконец, и до людей. Люди относятся к третьему классу существ. В жилище им предоставлены обширнейшие страны, обнимающие собой Юг, Восток и Север. Южные страны представляют круг, окружность которого равняется шести с половиною тысячам миль, и рост тамошних людей всего 4 локтя, а век их не подчинен определенному закону. Восточный отдел треугольный и занимает пространство на 6350 миль. Люди там вдвое больше ростом, чем жители южных стран, и живут по 250 лет. Северный, худоголосый отдел есть квадрат в 8 тысяч миль и люди живут в нем по тысяче лет, а ростом они в 32 локтя! Да и природа каждой из этих стран света необычайна. Так, дерево Дзамбудаши – достояние Юга, и произрастая на море, называемом Мапама, производит дивные плоды. Когда его плод падает в море, то слышен звук «дзambu», от чего и самая страна получила название «Дзambu тибa». Цар драконов Ногон-риджа употребляет часть этих плодов в пищу, а остальные превращаются в золото реки Дзambu.

Другое дерево Галбарбарас растет между Северной и Восточной страной света. Оно высится на 100 миль и своими ветвями покрывает

площадь в 50 миль. Ему свойствен дар слова. Но, к сожалению, это дерево только тогда начинает говорить, когда нужно предсказать человеку его близкую кончину. Кроме этих деревьев, в мире нашем есть много и других диковин. Есть в нем алмазные дворцы, есть поля, униженные как бисером, горами золота, есть озера, вечно покойные и произрастающие царя цветов Линхову.

Бессловесные духи причислены к низшему отделу одушевленных существ. Наибольшая и самая почетная часть их обитает в морях. Во множестве водятся они на западе земли, где имеет пребывание свое и верховный их властитель. Остальные рассеяны в разных частях света и поставлены в большей или меньшей зависимости от человека. Очень несчастны из них бириты, влачащие свою жизнь в преддверии ада и представляющие собой жалких тварей. У них желудок с гору, а рот и горло с игольные уши, и при такой чудовищной несоразмерности частей своего тела, им нельзя утолить ни голода, ни жажды. Да и проглоченные ими капли внутрь их превращаются в смолу и огонь. А по другим достоверным сведениям их положение еще хуже.

В Буддийском Космосе, переведенном профессором Ковалевским (§ 33) о биритах мы находим между прочим следующее: «За пятьсот миль под городом Раджагриха находится город биритов Кабали, в котором имеет свое пребывание верховный их повелитель Номун Эрлик, с 36-ю сподвижниками. Там одни не могут ни есть, ни пить, у других, если захотят принять пищу, рот делается так мал, как игольные уши, а горло как волос; если же они все-таки успеют принять пищу, то чрево их, сделавшись подобным горе, ничем не может быть насыщено, а если наполнится, то их ноги делаются тонкими, как спичка, или как трава (ковыль) и они не могут поддерживать всей его тяжести. Обыкновенную же пищу биритов составляют искры раскаленного чугуна, от которых у них горят все члены. Рассеянные в жилищах людей, они часто принимают на себя вид каких-нибудь чудовищ. Жизнь их продолжается до 500 лет, считая каждый наш день за месяц. В них переходят души завистливых людей, не подающих милостыни.

Соседнее с биритами адское царство состоит из разнороднейших существ, главными местопребываниями которых служат ад, земные пропасти, пустыни, горы, леса, воды и даже жилища людей. И чем они ближе к человеку, тем более они стараются наблюдать за его действиями и направлять их, по возможности, к дурным своим целям».

Таковы понятия священных книг буддизма о живых духовных существах. Но ведь это только разноименные вариации тех же русалок, домовых, леших, чертей, бесов, ангелов-хранителей в славянской ми-

фологии, и их аналогов в классической мифологии. Кто же у кого заимствовал?

Посмотрим теперь, какую представляется в буддийском мировоззрении и природа.

Вот, для примера, отрывок о небесных телах и о явлениях, происходящих в нашем мире.

Солнце, — говорят нам они, — состоит из огненного хрусталя, и в поперечнике оно имеет 31 милю, в окружности 133, в толщине с лишком 6 миль. Движение его зависит от воздуха, гонимое которым, оно обходит страны света. Оно предоставлено в жилище тем из духов-тенгеринов (ангелов), которые известны под именем сынов солнца, и блаженствуют там в великолепных дворцах, на севере — в золотом, на востоке — в серебряном, на юге — в лазоревом, на западе — в хрустальном.

Луна в себе никаких огненных элементов не содержит и состоит из хрусталя. Толщиною она равняется с солнцем, а в поперечнике меньше его на одну милю. Во всех же других отношениях она даже превосходит солнце; изобилует чистейшими водами и дивными растениями.

Звезды похожи на луну, но по величине не могут идти в сравнение с нею. Их 285 миллионов, самые большие из них величиною в три тысячи, а меньшие в пятьсот луков. И как ни велико их число, но все они заселены сыновьями и дочерьми небожителей.

Весь мир наш представляется в виде плоскости, разбитой на многие части и окруженной непрерывной цепью гор и даже железными стенами. Сверху же этого оплота, в расстоянии 10 тысяч миль налегают на земную атмосферу массы других миров, следующих один за другим в расстояниях, пропорционально возрастающих по мере отдаления от земли.

А почему же происходят солнечные и лунные затмения? Очень просто. У волшебника скипетродержца Очирвани сберегалась некогда живая вода.

Узнавши о такой драгоценности, злой дух Арахола стал искать удобного случая, чтобы воспользоваться ею. И это удалось ему. В отсутствие Очирвани прокрался он в его жилище и, выпив воду до капли, наполнил сосуд смертоносной жидкостью.

Затем, чтобы избежать заслуженного наказания, этот демон устремился в отдаленные миры. И где ни пролетал, грозил небесным светилам вечною враждою, если они как-либо укажут его таинственный путь гневному Очирвани.

Но солнце и луна пренебрегли его угрозами и сказали правду. Арахола был достигнут и потерпел строгое наказание. Очирвани рассек

ему чрево своим мечом, но не мог умертвить его, как приобретшего чрез живую воду свойство бессмертия.

С тех пор для Арахолы одна цель и одно желание – мстить солнцу и луне. Но хотя и может он при случае поглотить то или другое, но удерживать в своем желудке никак не в состоянии. Они выскакивают вон, и потому всякий поступит хорошо, если, заметив исчезновение луны или солнца, начнет потрясать воздух криками и стуком. Это приводит в смущение Арахола, а поглощенному им светилу дается возможность к скорейшему избавлению.

Подобными же причинами объясняются дождь, гром, землетрясения и т.д.

В книге Лумбум-гарбо пишется, что одно из четырех божеств, господствующих над царствами природы, – Лусунжан – господствует над гениями, известными под общим именем Лу.

Каждый Лу обладает способностью 73-х превращений. Зиму проводит он в бездействии, погрузившись в пучины; а летом носится в воздушной сфере, окруженный 9-ю слоями облаков и держит при себе водокристалльное сокровище, вроде радуги, могущее притягивать воду из рек и морей. Снабженный таким снарядам, Лу, по манию Лусунхана, поднимает воду на высоту небес и проливает ее дождем.

Когда гром отзывается глухим и отдаленным эхом, то следует заключить, что Лу занят своим делом и собирает дождь, а когда сверкает зарница, это верный знак, что он находится в добром расположении.

Сокрушительные громы и молнии, а также град и каменные дожди чаще всего находятся в связи с войною, которую ведут гномы асурины против гениев тенгерингов. Каменно-метные стрелы их, с громами и молниями, несутся во все стороны света и дают чувствовать, как могучи противники и как жестока их война. Последствия ее могли бы быть ужасны и для людей. Но губительные стрелы молний могут поражать лишь виновных перед богами. И потому человек, убитый громом, признается отверженным и не заслуживающим погребения. А виною землетрясения бывает всегда золотая лягушка, Алтан-Мелекей, на животе которой лежит средоточие вселенной – величественная гора Сумбер, а в лапах четыре части света. И потому всякое движение животного естественно отзывается потрясением земли. Иначе, конечно, и быть не может.

Вот каковы буддийская религиозная астрономия и метеорология, а другой науки не было у ее самостоятельных ученых. Отсюда сам читатель видит, на что годны рассказы некоторых из наших «достоверных свидетелей» о чудесах среднеазиатских магов.

Перейдем теперь к ним.

Глава XIII

МОНГОЛЬСКО-БУРЯТСКАЯ «КНИГА БЫТИЯ» (ГАНДЖУР-ДАНДЖУР) И ЕЕ КОСМОГОНИЯ

Буддийская космогония была предметом исследования многих ученых. Многие старались привести к началу единства рассеянные по буддийским книгам сказания о вселенной и ее создателе.

В литературе буддизма находят все красоты древней религиозной поэзии и на его философию смотрят как на представительницу всех наших философских систем. Историю индийской философии считают как бы сокращением полной истории философии. Уже Паллас имел причины думать, что между буддизмом и некоторыми христианскими сектами есть большое сходство. Вот его слова: «Удивления достойно, что калмыцкая вера во всех наружных обрядах, также и во мнениях о переменах света и во многих других вещах, великое имеет сходство с некоторыми христианскими, развратно толкующими сектами. Браминская и ламайская вера весьма сходственна с Несторианским расколом»¹.

Но неясность выражений книги Ганджур-Данджур сделала то, что исследователи терялись в догадках и составляли системы, чуждые понятиям, под влиянием которых живет и умирает буддист.

В этом сознаются и сами составители систем. Вот слова одного из них: «Спросите любого бурята или тунгуса, — говорит Паллас, — о предвечной причине всего видимого, и вы получите в ответ, что это Бурхан, т.е. Будда»². Иначе говоря, Будда, как Христос, считается воплотившимся богом, которого священный буддийский кодекс стократно называет безначальным и вечным, творцом всего видимого и невидимого³, источником жизни и начальной причиной всякого бытия⁴. Такова же и молитва их:

¹ Путешествие Палласа. Ч. 1. С. 491 в Ученых записках Казанского Университета, 1835. Кн. II. С. 385—387.

² Ученые записки Казанского Университета. 1835. Кн. II. С. 389.

³ По-монголо-бурятски — Теригулеши угей Мунку.

⁴ Амини заягакчи — анхан, теригутен.

«Богу, который сотворил гору Сумбер и весь мир, который даровал земле изобилие плодов, а небо украсил солнцем и луною, должны мы приносить хвалу и благодарение¹.

Всевышний – бог Аб-Ида, – говорят нам, – первоначально проявил силу свою в сотворении бесчисленного множества верхних неведественных миров, известных под именем Нирваны, т.е. Успокоения, с тем же самым смыслом, как и небесный Иерусалим, т.е. Рай².

Там – вечный свет, покой и радость, там не знают суеты и забот, не стареются и не умирают; там текут источники живой воды и благоухает священная диана, там все облечено в чистейшую одежду, все озаряется премудростью верховного Владыки (Мани Гамбун I). Святые боги наслаждаются там счастьем, и он достойны его. Но для существ менее совершенных требуются иные условия бытия. И потому оказался необходим и мир стихийный.

Началом его послужил райский цветок Бадма Линхова. Сердцевиною этого растения воспользовался Творец Аб-Ида для произведения воздуха.

Положив затем основание миру и утвердив их своею всемогущей силой, Аб-Ида признал за благо остаться в покое. И дело дальнейшего устройства вселенной предоставил другим таким образом: из света правого глаза Аб-Иды родились два бога – Манджушири и Ариаболо. Вот собственные слова книги Мани Гамбум: «Божественный Абида, по великому милосердию своему, обращая мысль свою к благу существ, испустил из правого глаза своего белый свет, и таким образом произвел мудрого Манджушири и многомилостивого Ариаболо»³.

По воле первого в пустоте над воздушной сферой образовалось облако, и пролившийся из него дождь произвел водную сферу, бездонное море, носящееся на воздухе и поддерживаемое только им. Сперва оно бушевало и пенилось, но поверхность его мало-помалу отвердевала, образовав «золотой материк».

¹ Гадзар делекей болон, Сумбер-агула
Теригутени бутуген,
Куджись-ер Сурчиджу,
Октаргой-ги наган сарань-эр чимексен
Бурхандор ачи мандал ургуйе.

² И увидел я...

³ Абийа бурхаг, урущиенгуй-бер амитану туса уилетку, камеку диана текши ороцахой, барагун нидун-еце ниген-цаган герыл цацораксан-еце уран аргату Манджушири, ике нукулесекчи Ариаболо хоири хобилгагат.

Это была златосердечная земля первой эпохи мира, земля золотого века. Она имела форму сердца, но далеко не соответствовала целям творения. Покрывавшие ее бесчисленные горы зияли пропастями. Все ее части походили на опрокинутый котел. Лишенная влаги, она не могла быть удобною для жизни органических существ. Она была безобразна и пуста, но вот пролился новый дождь из драгоценного облака, изобиловавшего всеми дарами природы, и дунул бурный воздух чувственного мира (Сансары). Под влиянием этих могучих двигателей получило начало Поверхностное Соленое море и появилась гора Сумбер — вместилище четырех драгоценностей — золота, серебра, яхонта и лазури, с окружающими ее семью золотыми горами и семью веселыми морями, предназначенными для Лусун-хана, царя вод.

К тому же времени относится и разделение земли по странам света, ограждение ее железными стенами и производство на ней растительности.

Первыми обитателями земли были добрые духи, называвшие себя тенгеринами, вроде ангелов. Остатки их и теперь стоят под управлением славного Ормузды и живут одни на горе Сумбере, другие на солнце, луне и звездах, а некоторые на земле и в разных пространствах воздушной сферы. Хотя они и способны принимать разные виды, однако же не могут назваться чисто духовными. Существо их связано с материей, которая делает для них необходимою пищу, состоящую в нектаре (аршиаке) и между ними существует и различие пола, как у людей.

Но вот со временем некоторые из них по неосторожной прихоти стали пить сок белоцветного растения, походивший вкусом на мед. Другие стали есть земное масло и плоды и такое поведение их естественно повлекло за собою и пагубные последствия.

По мере питания земными яствами эфирность их тела огрубевала, блеск исчезал, капризы брали верх над их силами ума и воли, и женская часть их стала превращаться в нечто вроде русалок и нимф.

Как раз в это время верховный Будда приказал своему сыну Ариаболо посмотреть, что делается на земле. И когда сердобольный этот бог взглянул на нас с вершины Сумбера, то ему представилось плачевнейшее зрелище: духи начали падать с высоты, как снег, влекомые вниз какою-то силою. Ариаболо не знал, что ему делать при таком бедствии. Он плакал и терзался до того, что голова его рассеялась на десять частей. Пораженный этим бог Аб-Ида решил произвести величайшие реформы.

Но прежде всего нового дела он возвратил сокрушенной голове своего сына прежнюю целость. Он наделил его затем одиннадцатью ли-

цами и дал ему тысячу рук с таким же числом глаз, и вооружил его шестью таинственными словами: ом, ма, ни, бад, ме, хом, чем-то вроде шести тонов музыкальной гаммы.

Затем он испустил, но уже не из глаз, а из своего тела шесть светов, чем произвел шесть сильных духов-наставников. Это были: Ормузда, Бималазедери, Шигемуни (т.е. Сакья-Муни) и Номун-хан. Все они должны были отправиться в назначенные им места и принять бразды правления над тем или другим классом существ, вступивших на путь перерождений и переселений.

В это же время были созданы Солнце, Луна и звезды, так как потемневшая натура падших существ не могла уже обойтись без внешнего света.

Устроив таким образом порядок мировых дел, бог-отец Аб-Ида признал за благо произвести новое существо из света своей левой ладони. Это был первый человек по имени Мандза¹, по-еврейски Адам.

Бог спросил его, согласен ли он отправиться в Северные страны и там в качестве пустынноика совершить испытательный подвиг, чтобы впоследствии сделаться споспешником богов в деле умножения человеческого рода?

И когда первый человек изъявил на это согласие, то Бог-отец даровал ему нужные силы, указал путь и начертал правила жизни.

Благоуханный сад, где водворился Мандза-Адам, встретил пришельца с таинственным безмолвием и представил его взору все величие горных стран, все красоты природы. И пустынноик наш вознадеялся доказать, что ему принадлежит право быть представителем мудрости богов на земле.

Но увы! Ему готовилась иная доля. Среди глубоких созерцаний, в часы молитвенного излияния чувств, неведомо откуда и куда предстала перед ним буддийская Ева – нимфа Ракчиса или Дара (фея), представления о которой расходятся благодаря двойному ее названию. В одних местах на Дару смотрят, как христиане на Деву Марию, равную по своему достоинству с Ариаболо. Он и произошла в одно время с ним, но только не из белого, а из голубого света правого глаза богатоца². А по другим сведениям, где она просто называется Ракчисой, она повторяет сказание о Еве. Эта русалка предложила первому человеку быть ее мужем. Мандза-Адам, – говорят нам, – только изумился этому и не удостоил Ракчису-Еву ни словом, ни взглядом, хотя она и

¹ Мани Гамбун. Гл. 33, лист 68.

² Дзергун нидун-еце куку герыл цацарула-кса-еце укин тенгерин дурибер ногон цаган Дара экей-ги хубилган.

рассыпала ему ласки, переменяла не раз свой вид на еще более соблазнительный и наконец стала грозить, что если он не исполнит ее желания, то она принуждена будет вступить в брачный союз с подобным себе духом. И тогда горе живущим тварям! Все они сделаются жертвою племени, которое произойдет от этого. Под гнетом таких испытаний, Мандза-Адам отправился к верховному богу и излил пред ним все свои чувства. Будда ответил, что домогательство Ракчисы не повлечет за собою дурных последствий, и благословил их брачный союз, обещав Мандзе главенство над всеми племенами, имеющими от него произойти.

Мандза сделался супругом Ракчисы, а потом и отцом шестерых ее детей. Но счастье его, мелькнув, как призрак, мгновенно исчезло. По мере того, как дети приходили в возраст, росло и его горе. Каждый день открывал он в них новые недостатки, испытывал от них новые огорчения. Его дети имели красный цвет лица, головы плешивые, тело мохнатое, были кровожадны. И отличались от зверей тем лишь, что могли говорить (Мани Гамбун, гл. 33).

Первый из сынов его предавался лени и беспечности. Второй искал только вражды и крамол. Третий не был постоянен ни в добре, ни в зле и лишь корыстолюбие никогда не оставляло его. Четвертый не отличался умом от бессловесных тварей. Пятый был обжора, всегда алкал и жаждал. Шестой совмещал в себе упорство и болезненность (Мани Гамбун, гл. 33).

Но как ни дурны были они, а жена его Ракчиса сделалась с возрастом еще хуже их. Ссорливость этой фурии не имела границ и потому Мандза решился бежать от нее. Взявши с собой детей, он пошел в правую сторону от их жилища и поселился в степи. Она избавила Мандзу от Ракчисы, но не от тревог и терзаний. Особенно тяжким сделалось его положение, когда его семейство, размножившись до четырех сот человек, уже не нашло в степи средств к пропитанию и должно было умереть голодною смертью.

В этой крайности Мандза явился снова пред богом-творцом Аб-Идою и повергся ниц. «Я несчастен! — говорил он. — Узы брачного союза влекут меня, как жертву неведения, к неизбежной гибели. Но ты сам разрешил мой союз. Будь же теперь моим избавителем!»

Внявши воплю несчастного мужа и отца, Аб-Ида убеждал его не сомневаться в непреложной верности данных ему обещаний и ожидать с терпением того времени, когда потомки его переменят свое подобие зверей на образ, достойный человека, и станут заботиться о нравственном своем усовершенствовании. Наделив Мандзу-Адама се-

мью родами семян, он велел возделывать землю и питаться от ее плодов. И сам вдобавок принял на себя труд засеять снежные страны золотом, серебром и всякого рода драгоценными камнями. А в довершение своих благодеяний, он возвестил, что в тех странах, где будут жить потомки Мандзы, никогда не оскудеют мудрые вожди и наставники.

Мандза, возвратившись к детям, избрал удобнейшие места для посева. И с тех пор плоды земные обратились в пищу для человека.

А дети его, после многих жизненных уроков, должны были от хищничества перейти к мирным занятиям. С переменою образа жизни, стали постепенно смягчаться и их нравы, исчезло их прежнее безобразие, пробудилось сознание человеческого достоинства и, наконец, упрочился порядок, послуживший началом золотого века.

Верный своим обещаниям бог-отец наградил землю новыми милостями. Образовавши из света своей правой руки прекраснейшего епископа, он послал его в качестве наставника. Неуклюжие потомки первого человека смотрели на него, как на чудо, и старались лишь узнать причину необычайной его красоты. «Я воздерживался от десяти черных грехов, я стяжал десять доблестей, исполнил шесть барамитов и теперь стараюсь о распространении законов» — отвечал он им.

Тогда люди пожелали иметь царя. И жребий избрания, падший на достойнейшего из них, упрочил общее счастье. Первые пять царствований служили лишь введением в золотой век, начавшийся в династию Загарвадонов. Он отличался высотой своего ума и сердца; все четыре страны света благоденствовали под его мудрым скипетром.

Жены этого Соломона, — а их было более тысячи, — жили в отдельных дворцах, среди утех, никогда не уклонялись от правил строгой нравственности, и особенно отличались они добродетелью гостеприимства. Каждый пришлец, особенно же странствующий брамин, находил пристанище под их кровом. А царь первый служил им примером, внушая, что не слава и богатство, но добродетель делает человека счастливым.

Но он не имел наследника. И это обстоятельство погружало в мрачную думу все его царство и отравляло горестию веселие и радость его жен. Но сам он, веря в правосудие неба, не терял надежды и всегда успокаивался той мыслию, что боги вспомнят о нем и положат конец его тяжкому испытанию.

И вот однажды заходит в царский дворец бедный старик в образе низшего храмового прислужника. Царицы приняли его радушно, успокоили и наделили щедро милостыней. И вдруг старец сказал:

— Не могу ли я быть чем-либо полезен для своих благодетельниц и чего бы желали они?

Тысяча жен в один голос отвечали:

– Мы бездетны и горим желанием иметь сына наследника.

Старец спокойно сказал:

– Ваше желание исполнится. Через год у каждой из вас будет сын, но не без моего условия. – Он плюнул на землю и окончил: Вы, желающие иметь детей, смешайте это брение с землею и, прибавив к нему масла, сделайте опресноки и съешьте по одному.

Как ни странно было такое предложение, но царицы, за исключением трех, не участвовавших в приеме этого жалкого странника, не поколебавшись ни на минуту, поспешили исполнить совет. И вот через год весь двор Загарвадона торжествовал рождение у него тысячи сыновей.

А что же чувствовали три царицы, пренебравшие предложением старца? Желая исправить свою ошибку, всюду искали они его, всюду спрашивали о нем. Но напрасны были их поиски! Убитые горем, они прибегли к последнему средству. Сделавшись скромнее овечек, они побежали на то место, где плюнул прохожий, и оросили эту землю горячими слезами, сделали из нее похлебку и съели. И вот через год и эти три царицы имели по сыну божественной красоты.

Последовало откровение, что старик, посетивший царский двор в образе низшего служителя храма, был не кто другой, как сам бог-отец Аб-Ида. И радость царя возрастала по мере того, как его дети приходили в возраст. От первого до последнего были они наделены необыкновенными способностями. Они пламенели любовью к богу и к ближним, и были всегда готовы на всякий доблестный подвиг.

Почувствовав, наконец, что он близок к общему для всех смертных пределу, он призвал своих сыновей и сказал им:

– Дети, течение моей жизни совершилось. Но прежде нежели отойду в царство Сукавади¹, я должен исполнить волю отца богов. Не наделяю вас сокровищами: все земное ниже вашего назначения. Вот стоят тут таинственные золотые урны. Возьмите по одной; но не касайтесь печатей, которыми они запечатаны. Лишь моя смерть даст вам право проникнуть в их тайну. Тогда прославьте бога-отца и идите неуклонно его путем.

По смерти Загарвадона дети, волнуясь страхом и надеждой, открыли запечатленные урны. И что ж оказалось? Каждая урна содержала предопределение Аб-Иды, относящееся к тому лицу, которому она досталась. А в общем все тысяча три сына Загарвадон-хана возводятся на

¹ Сукавади, царство Аб-Иды (бога-отца), где он восседает на троне на «трехтысячной великой тысяче» мирового пространства от земли.

степень богов-мироправителей и каждый из них должен был править определенное число тысячелетий и в определенные эпохи, по семи мироправлений каждый особого характера, с преобладанием добра или зла.

Дети принесли хвалу и благодарение богу-отцу и вступили в свою черду мироуправления.

Первый из них, по праву старшинства, был Шиги. Время его правления было самое блаженное: люди жили по десяткам тысяч лет среди покоя и радости, не возмущаемые ничем, самые стихии находились тогда в постоянной гармонии друг с другом и умножали счастье обитателей земли.

При последующих пяти правителях, мир мало-помалу начал клониться к упадку, так что при воцарении седьмого – современного нам, – Шигемуни люди стали жить не более ста лет и сделались игралищем своих страстей. А когда этому богу придется оставить свой скипетр, по истечении пятидесяти тысяч лет, то время жизни человека уменьшится до десяти годов. И они не будут отличаться от бессловесных животных.

Но во примет бразды правления отец новой полубожественной династии Майдари и начнет новую седмицу преобразованием всеобщим человеческого рода, и оно пойдет к совершенству, в течение следующих семи правлений. Затем весь мир опять придет к упадку. И это мировой круговорот будет повторяться до последнего из тысячи трех царей богов – до Очирвани.

В его роковое правление ужасы безнравственности и страшные знамения будут возрастать с каждым годом, предвещая кончину мира. На небе появятся два солнца, потом четыре, и в конце концов шестнадцать. От их невыносимого жара растения и животные иссохнут и земля представит из себя, как написано в книге «Санан Бурхан Судер», раскаленную печь, и все горы будут дышать пламенем. Даже золотая лягушка, это знаменитое существо, живущее под великой горой Сумбером, заметив оскудение потребной для него влаги, принуждено будет оставить теперешнее свое положение и повернуться, отчего – увь! – весь мир пойдет вверх дном.

Но эти представления о ходе мировых дел не во всех буддийских книгах одинаковы. По другим их сведениям, существование нашего мира будет ограничено шестью периодами. Первый из них – период основания, – обнимает время от появления воздушной стихии до образования адских существ. Второй период является периодом землетрясения: получив свое начало, когда люди жили бесчисленные годы, век этот продолжается и теперь и окончится, когда они станут жить не более десяти лет. Третий период будет промежуточный с обратными

свойствами. Люди от десятилетней жизни перейдут постепенно к восьмидесятитысячной. Четвертый период будет периодом разрушения, от опустошения земли мечом он перейдет к опустошению ее огнем и водою. Пятый период будет периодом пустоты и продолжится от времени разрушения мира огнем и водою до восстановления его в прежнем виде воздуха. Шестой период будет великий период, от восстановления воздуха до окончания периода пустоты. В нем будет сто малых периодов и каждый из них, продолжаясь 500 лет, будет сопровождаться чувствительными для мира потрясениями.

Глава XIV

КОСМОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО НАМ ТУНГУССКОГО, БУРЯТСКОГО И КАЛМЫЦКОГО БУДДИЗМА

Космологические рукописи от имени разных говорливых старцев-священников Индии, Цейлона, Тибета, Монголии и Китая сильно различаются между собой.

«Спросите любого бурята или тунгуса буддийского вероисповедания, – говорит проф. О. Ковалевский¹, – о предвечной причине всего видимого и вы получите ответ, что творческим началом является бурхан (бог)». И этот бурхан отождествляется с Буддой, так же, как и Иисус-Спаситель у христиан со своим богом-отцом, причем считается, что он тоже существовал предвечно и чрез него бог-отец все сотворил, так что он только вочеловечился через Морскую деву².

Но бог-сын у христиан воплотился только раз, а в буддийской теологии много. Впервые он явился в виде Шакья-Муния, потом в виде его ученика Бодисатвы (иначе Арияпалу, одноименно с Арием). Потом этот Арий воплощался последовательно, как браминский сын Крэйксэн.

Царевич Торху Укгэй

Царевич Хамукга-Баяхуланк

Царевич Тэгри Турулкиту

Царевич Эрдэни Харалик

Царевич Чинк Битралту

Царь Оайн Цокту

Царевич Маши Чингк Бишкрэлту

Царевич Арбин Ойоту

Баяхуланг-барикчи

Тойна Убаши

Магинадра

Саран Кубэжгун

Ратна гар и кубекчун

¹ О. Ковалевский. «Буддийская космология».

² Дева Мария или Дева Марина значит Морская дева, но тенденциозно производится с еврейского (МРИМ) — горькая.

Падма кубекгун
Крэгэл кубакгун
Царевич Дэжгэду джиргаланкг
Царь Дава-раджа
Царевич Бурсанг-Хувараги арбитхакчи
Кпэс эр хан
Хубилган Таолай
Найман насути Наган
Сурукчи
Брамин Дэжгэду Эрдени
Сайн Диян Кгелункгра
Укэнгерун Иокгачари
Царь малого двипа
Птица Битун ябокчи сролонки
Царь Абураг уккеукчи
Царь Найман саба барикчи
Царь Буяну Вокту

И в ряд других в Индии. А потом, переселившись в Тибет, Будда-Христос воплощался так:

Царь Куцукэун сандалиту

Царь Сронгдзам Кгамбо, как разные лам и вельможи, и наконец, как современный Далай-Лама.

В этих Далай-Ламах воплощается Будда-бог и теперь до прихода последнего Будды Майтрея (или Майдари).

Вселенная состоит из трех миров:

Верхний мир

Это царство совершенного покоя (Нирвана), там обитает чистейший дух (т.е. ум), невидимый и неосязаемый, первобытная верховная премудрость. Достижшие его называются «переправившимися на противоположный берег премудрости», сливаются с божеством, напоминая верхний мир. Там 4 области: 1. область самых дальних пределов мысли, 2. область невещественного бытия, 3. область беспредельного всезнания и 4. область беспредельного эфира. Этот мир простирается до бесконечности.

Средний мир

Это место появления Будды-Христа в полном блеске и величии его духовно-видимого состояния. Здесь обитает божественная премудрость, разделившаяся на бесчисленность отдельных духовных индивидуумов, одаренных жизнью. Эти-то индивидуумы духа и ниспадают

в наш нижний мир для оживления его существ. Это мир нематериальных форм, и в него прилетают души людей, достигших совершенства. Его 4 отдела называются Дьяны, т.е. божественные созерцания.

А. Самый верхний отдел Дьяна (т.е. среднего мира) 4-й при счете снизу вверх, состоит из девяти этажей. Самый верхний из них есть область пребывания уподобившихся Будде-Христу и бодисат. Вверху ее, в шестом ярусе, живут только сделавшиеся буддами-христами. В ней не слышно никаких слов, нет деревьев, кроме Древа разума (Боды), нет рек и морей, кроме божественного фонтана, разделяющегося на 8 рек. Там нет ночи и дня, солнца и луны, а только яркий свет премудрости воскресенцев (хутуна), нет царей и царедворцев, нет моего и твоего, нет яств, кроме животворящего божественного созерцания, нет напитков, кроме божественного нектара (рашианы), удовлетворяющего всем желаниям, нет одежд, кроме покрыва духовного обета, нет ни старости, ни болезней¹.

В следующих пяти этажах среднего мира живут перевоплощенцы (хутухты). Из них в пятом ярусе (считая от земли) рост обитателей = 16 000 буддийских миль² и живут они 16 000 мировых эпох³.

В четвертом ярусе рост обитателей 8000 миль и живут они 8000 мировых эпох. В третьем ярусе рост равняется 4000 миль, а продолжительность жизни 4000 мировых эпох. Во втором ярусе рост жителей 2000 миль, а продолжительность жизни 2000 мировых эпох. В первом ярусе рост небожителей 1000 миль и продолжительность жизни 1000 мировых периодов. Ниже их находятся три яруса-этажа, назначенные для «заслуженных». Из них третий (от земли) – область величайшей заслуги, и попавшие в него получают рост в 500 миль и время жизни 500 мировых периодов.

Второй ярус – область стяжавших своими добродетелями. Рост попавших туда равен 250 милям, а время жизни 250 мировым периодам. Первый ярус называется безоблачным, и попавшие туда получают рост в 125 миль и время жизни 125 мировых периодов.

¹ Маги Кгамбо, лист 2. Некоторые другие рукописи над этой седьмой областью указывают еще восьмую — область великого Владыки, браминского бога Шивы.

² По-монгольски БЭРЭ, по-санскритски ИОДЖЯНА, По мнению Джонса (<...>, IV, 157; VI, 168) она равна 4 немецких миль, около 32 километра, по мнению Самберса она от 9 до 12 географических миль. Абель-Ремюза (в <...>, 1831, с. 602) различает три иоджяны: большая около 40, средняя около 30 и малая около 20 километров, а Шлегель назначает для иоджяны 8 километров.

³ Каждая мировая эпоха = 4 320 000 000 лет.

Б. Третий, считая от земли, небесный отдел среднего мира (III Дьяна) назначен для благодетельных и состоит из трех ярусов. В верхнем ярусе помещаются «наслаждающиеся совершенным блаженством», и им дан рост в 64 мили и время жизни в столько же мировых периодов. В среднем этаже живут «беспредельно блаженные» и имеют рост в 32 мили и продолжительность жизни в столько же мировых периодов, а в нижнем этаже живут просто «блаженные», получающие рост в 16 миль и время жизни 16 мировых периодов.

В. Второй ярус (по счету снизу вверх) небесного среднего мира (II Дьяна) заключает в себе три светлых яруса. Верхний – светлейший, средний очень светлый и нижний – малосветлый. Попавшие в верхний получают рост в 8 миль, попавшие в средний – в 4 мили, и в нижний – 2 мили, а живут там такое же число мировых периодов.

Г. Первая по счету снизу вверх небесная область среднего мира (I Дьяна) населена ангелами (тегриями), прежде всех возобновляющимися после смерти, в ней тоже три яруса. Верхний ярус – это, так сказать, этаж великого Брами (бога-отца, в чем видна связь с брамаизмом Индии), обитатели которой получают рост в 1,5 мили и такое число мировых периодов для пребывания. Средний ярус – этаж министров Брами, и обитатели ее получают рост в 1 милю и 1 мировой период для жизни, и нижний ярус, этаж детей Брами, с ростом в 0,5 милю и жизнью в 0,5 мирового периода. Интересно здесь то, что Брами (т.е. Бог Слово) считается истинным миротворцем и у христиан и у индусов и у буддистов, это он создал телесный нижний мир.

Нижний мир

Это мир явления живого духа в веществе. В нем органические существа беспрестанно размножаются под различными видами. Высшие органические существа – это тегрии, средние – люди и низшие – животные. В нем шесть ярусов, вроде этажей.

А. В первом ярусе (считая сверху) находится жилище «способствующих перерождениям» – шимнусов с их царем Шимнусун-ханом, врагом успокоения (нирваны), владыкой чувственного мира (сансары). Он очень похож на христианского сатану, ставит препятствия к распространению учения Будды, вовлекает в греховные действия, принимает вид и мужчин, и женщин, и зверей, устраивает гонения, заразные болезни. Сам Будда неоднократно подвергался от него искушениям.

По-санскритски он называется Смерть (Мара, созвучно с Марс), а по-монгольски Могушественнейший. Жена его называется «Четконосницей» и из головы ее выходят пять стрел: гордости, ослепления, бесчувственности, помрачения и искажения ума, от поражения ими и

происходят эти недостатки. У нее четыре подруги: одна подстрекает у ссоре, вторая к убийству, третья к сладострастию, четвертая к злым помыслам.

Под властью царя шимнусов находятся тиртики (русские чертики), но и они служат не только к вовлечению в грех, но и к пробуждению самосознания. Вот, например, рассказ, приведенный О. Ковалевским в его «Буддийской Космологии».

«Двое юношей приготовились к поступлению в духовный сан. Шимнус, предвидя, что они (сделавшись учениками Годама, т.е. Шакамуния), будут противостоять влиянию его, и через это опустеет царство Шимнусов, вознамерился, приняв на себя другой вид, воспрепятствовать им и ввести в греховные дела. В одно мгновение из палат своих, превратившись в советодателя Асвачи, перелетел на путь, которым шествовали благоговейные юноши. «Напрасно, – говорил он, – прежде я вам советовал искать Годама. Помощь его вам бесполезна. За добрые и худые деяния везде можете найти возмездие. Наслаждайтесь ныне жизненными удовольствиями, не обращая внимания на мучения, сопровождающие рождение, недуги, старость и кончину человек». В сих словах один из юношей, приметив хитрость Шимнуса, желающего устранить его от принятия звания Тойна, употребил все средства к убеждению товарища своего, дабы он не оставлял первого намерения приобрести духовную степень, а потом возразил Шимнусу, уверяя его, что никакая сила не возможет ослабить в них духа, устремленного к получению звания Тойна и одержанию победы над всеми плотскими приманками: «Голос твой, подобно голосу лисицы в львиной шкуре, не искусит нас!» Небесные Тегрии тотчас восхвалили непоколебимость юношей, прибавив, что на таком пути успеют смирить все мучения в мире, преимущественно потому, что они избрали для себя за образец поведения Воистину-шествоющих, одобренное всеми совершеннейшими Буддами. Потом Шимнус еще превращался в ужаснейший утес, драгоценную, на тысячу миль простирающуюся гору, издавая на оной гневный голос, подобный реву тысячи львов; но, по влиянию Всесовершеннейшего Будды, благоговейные юноши не заметили ни утеса, ни горы, не слышали львиного реву и наконец, удостоились звания Тойна¹.

Б. Во втором, считая сверху, ярусе, помещаются существа, которые по собственной воле могут принимать всякий вид, или воплощаться в избранное ими существо.

¹ Молон Тойн, л. 6, 7, 8.

В. В третьем (считая сверху) ярусе нижнего мира – всерадостном – Будды проповедуют свое учение гениям. Там Будда нашего мирового периода Шака-Муни просвещал духов, раньше прихода к людям. Там живет теперь и Ожидаемый Будда по имени Хутукту-Майтрей (Майдари).

Г. Четвертый (считая сверху) ярус нижнего мира называется мирным, потому что там нет враждебных действий.

Д. Пятый ярус нижнего мира находится уже в земной атмосфере. В нем живут 33 гения, называемые по-монгольски тегриями, по-санскритски траястринсами. Живут они вместе со своим властелином Хормусдой (Ормузд), покровителем земли на великой средиземной горе Сумбере. 8 из этих гениев начальники, одиннадцать – гневные, двенадцать – сыны солнца и двое – юноши. Они вечно борются со злыми духами асуриями, живущими у подножия той же великой горы и желающими выпить их божественного напитка.

Вот как описывает это книга «Чихула Кэрэкчлэгчи»¹:

«За 81 тыс. миль, под водою, у подошвы горы Сумэру, находится столичный город Бахули царя Асуриев. Под ним, за 11 тыс. миль, в Одон эрикэту городе имеет пребывание царь таких же Асуриев, и еще ниже, за 11 тысяч миль, в городе Чингк бату обитает царь Маши дарукчи, и еще ниже за 11 тысяч миль, в городе Кгун, столице Асуриев, живет Сайн аймакту. У Асуриев, равно как в области Хормусды, находятся города, деревья, камни. Асурии бывают обоего пола. Во время борьбы за священный напиток с Тегриями они надевают панцири из золота, серебра, лазурита, хрусталя и, взяв луки со стрелами и другими доспехами, выступают в поход четырьмя армиями, под предводительством вышеприведенных своих царей. Навстречу им являются цари драконов (Нага-раджа); и если не имеют успеха в сражении, то, отступив в область Гар Тегриев, вместе с ними делают нападение на Асуриев; в случае неудачи они переходят в другую область Тегриев и там вместе с ними снова вступают в сражение с общим врагом. Если же и тут не смогут преодолеть его, то, призвав в помощь других гениев, возобновляют нападение, а если и теперь их битва остается безуспешной, они идут в область четырех великих царей (Махараджа) и, надев панцири, осыпанные драгоценными камнями, и вооружившись мечами, делают решительное нападение на Асуриев и большею частью возвращаются победителями. Если и в это время испытают неудачу, то Махараджа, идя в область тридцати трех Тегриев, обращается к царю их Хормусде со следующими словами:

¹ О. Ковалевский. «Буддийская Космология». С. 71

«Повелитель, внимли нашей просьбе! Пять отрядов нашего охранного войска не могли преодолеть враждебных Асуриев. Пришла пора положить конец их могуществу».

Осведомившись об этом, Хормусда садится на своего слона и повелевает 33 гениям выступить в поле.

«Сподвижники мои! – говорит он, – Небезызвестно вам, что враги наши Асурии от подошвы горы Сумэру проникли до наших жилищ. Надевайте прочные панцири, восстаньте против врагов!»

Тогда Тегрии, немедленно возложив на себя драгоценные панцири, в полном вооружении отправляются в рощу, и как неустрашимые воины нападают на Асуриев из города Сударасун. Если Асурии и тут одержат верх над добрыми гениями, то последние отступают до города Сурасун; если же Тегрии преодолеют врагов, то преследуют их до моря. Во время сражения раненые в голову Тегрии или Асурии лишаются жизни; но остальные члены их целы, хотя бы и изрублены были в куски, опять вылечиваются. Когда в мире находился Всесовершеннейший Будда-Христос и всемирный царь, Асурии не имели желания бороться с Тегриями, а если когда-либо и дерзали поднять оружие, всегда вынуждены были смириться пред победоносными своими противниками. Да и теперь, если много добродетельных существ населяет землю, Тегрии одерживают верх; а если число грешников слишком усилится, победа остается на стороне Асуриев. По этой причине Тегрии и охраняют людей, блюстителей добродетели».

Борьба тегриев с асуриями, по мнению поклонников Будды, обнаруживается на земле, преимущественно во время бури. Гром, поражающий какое-либо одушевленное существо, считается следствием ее; и громом пораженное существо, по словам бурят, не должно оставаться на поверхности земли. Созвав духовенство для чтения приличных молитв, среди крика многочисленной толпы народа, невинную жертву молнии поднимают они на устроенные нарочно бревна на высоких столбах. Такого рода зрелища посетители Забайкальского края могут видеть у Селенгинских бурят, на долине, известной под именем Тамчи-Тала.

Е. Шестой (считая сверху) ярус нижнего мира оказывается уже на самой нашей земной поверхности. Он называется область «четырех великих царей» (Чатур-Мага-раджа). Первый из царей живет на северной стороне Великой горы Сумбера и повелевает гениями, питающимися человеческим мясом, второй царь живет на восточном склоне и управляет небесными музыкантами; третий живет на южном склоне и повелевает махорагами, а четвертый царь живет на западном склоне и повелевает духами-драконами.

Все гении добрые, покровители земли, морей, гор, рек, солнца, луны, звезд, подчиняются этим четырем Махараджам, которые, в свою очередь, признают над собой владычество Хормусда.

Эти многочисленные гении находятся в нижнем мире под различными видами: добрым предоставлена форма благовидная, злым – ужасная. В Шастре Чихула, как сборнике космологических сведений, приведены многие подробности о различиях и свойствах Тегриев в сравнении с жителями прочих частей мира. Чтобы не обременять внимания читателя, повторим здесь некоторые важнейшие замечания: 1) гении, обитающие в шести рассматриваемых нами областях, питаются только благовониями и рашияном (божественным нектаром), между тем как существа в высших над ними мирах не принимают никакой пищи; 2) они не знают боязни; у них известно уже различие пола, которое не существует в первых двух высших мирах. Есть мужчины и девы, но их любовь заключается только в объятии, пожатии рук, улыбке или одном взгляде. Они могут быть под видом человека, но из них только высшие пользуются правом воплощения в существа нам подобные. Люди не могут их видеть, если сами Тегрии не пожелают представиться им в своей форме. Одни Бодисатвы и все твари, удостоившиеся состояния Нирваны, одарены способностью узнать каждого гения, в какой бы он ни был оболочке.

Я приведу одну легенду об этих существах.

«Однажды слышал я, – говорит анонимный повествователь, – что, когда Всесовершеннейший Будда находился в обители одного милостынедавателя, где беспомощные получали пищу, пятьсот купцов, предпринимая путешествие для приискания драгоценных камней, согласились избрать из своей среды надежного путеводителя, одного Убати¹. Когда они плыли с ним в открытом море, местный Тегри, взяв на себя вид страшного чудовища, с черными ужасными клыками и огнедышащей головой. Явился пред ними и, потребовав себе их корабль, говорит:

– Есть ли у вас столь страшные люди, как я?

– Есть у нас, – отвечал Убати, – люди гораздо страшнее тебя. Это те, которые по безумию и бессмысленности ведут преступную жизнь, умерщвляют другие существа, отнимают чужую собственность, следуют порочным желаниям, произносят ложь и неправду, употребляют обман, причиняют жестокости, предаются гневу и чувственным удо-

¹ Убаши или Обуши, название мирянина, принявшего на себя духовные обязанности, но еще не посвященного.

вольствиям, и идут дурным путем: они-то в будущей жизни низвергаются в Ад, в руки адских стражей, Эрликов. Там некоторых из них рассекают мечами; некоторых привязывают к колесницам, разрывают на куски, или, бросив в ступы, толкут, или измалывают в жерновах; иных заставляют проходить между двух гор, усеянных мечами, сожигают на огненных кострах, втискивают в лед, варят в медных котлах, бросают в смрадную и нечистую воду. Там они в течение ста тысяч лет томятся под нестерпимым наказанием. Такие люди несравненно страшнее тебя!

Услышав это, морской гений немедленно скрылся в свою бездну. Потом, превратившись в человека изможденного худобой, у которого жилы присохли к костям, снова приблизился к мореплавателям с вопросом:

— О, люди! Отдайте мне ваш корабль и скажите: есть ли у вас столь иссохшие существа?

— Есть, — возразил путеводитель Убаши, — есть много таких, которые более иссохли.

— Кто они? — спросил Тенгри.

— Те, — отвечал Убаши, — которые по безумию и бессмысленности своей завистливы, корыстолюбивы, не подают милостыни, и за это после смерти, возродившись биритами, принимают тело величиною в большую гору, а горло как игольное ушко; у них волосы всклокоченные; они, иссыхая совершенно, изнемогают и в течение многих сот лет не слышат даже названия воды. Такие гораздо страшнее тебя!

После этих слов гений опять скрылся в морскую пучину, а спустя несколько времени, приняв на себя вид прелестнейшего юноши, снова явился пред мореплавателями, и, потребовав от них по-прежнему корабля, говоря:

— Есть ли у вас такие красивые люди?

— Есть, — возразил Убаши, — во сто тысяч раз красивее тебя!

— Кто же они?

— Премудрые, строгие исполнители добродетелей телесных, устных и душевных, по своим поступкам совершенно чистые и благоговеющие к трем сокровищам, приносящие жертву из своего имени. Они-то, окончив поприще нынешней жизни, переселяются в царство блаженных Тегриев и получают наружность во сто тысяч раз красивее твоей, так, что ты в сравнении с ним будешь не что иное, как обезьяна перед львом.

Тогда морской гений, почерпнув в горсть воды, спросил Убаши:

— В горсти или в море содержится более воды?

— В горсти, — отвечал Убаши, — более, чем в море!

– По-моему, это несправедливо, – сказал Тегри.

– Нет, – возразил Убаши. – Слова мои совершенно справедливы. Со вниманием послушай мои доказательства! Судя по видимому, действительно в море больше воды; но придет время, когда она совершенно высохнет. При разрушении мира, кроме настоящего солнца явится другое, которое иссушит все ручьи и малые воды; третье солнце высушит средние, а четвертое все большие реки, пятое лишит части воды морской, а когда взойдет шестое и седьмое солнце, тогда иссякнут не только великие моря, но и Сумеру-гора будет истреблена пламенем и все, что ни находится ниже первой Дияны. А кто из людей от искреннего усердия своего поднесет в жертву Будде горсть воды, кто подаст милостыню духовенству, кто душевно почитает своих родителей, кто вспомоществует бедным и нищим, и плотоядным животным, – того добродетели пребудут до скончания мирового периода. Таким образом, морские воды умалятся, а горсть воды возвеличится.

Обрадованный этими ответами Тегрин поднес в дар Убаши множество драгоценных камней и самые лучшие послал для Будды и духовенства. Убаши с купцами, довольствуясь полученными сокровищами, спокойно и мирно возвращается восвояси. Потом, прибыв в обиталище Всесовершеннейшего Будды, и поклонившись к стопам его и духовенства, подносит жертвы, как от себя, так и от имени морского Тегрия, и стоя на коленях, произносит усердную молитву:

– О, Будда! Сподоби нас духовного сана по своему закону!

Будда успел едва похвалить их усердие, как тотчас волосы с головы их сами собою спали¹, и усердные поклонники, надев священные ризы, сделались Галунгами² и, выслушав поучения священного писания и очистив свои прегрешения, удостоились святости Победителя вражьей силы (т.е. Архаша). Присутствующие толпы народа, радостно восхваляя слова Всесовершеннейшего Будды, усугубили свое к нему благоговение.

Тегрии составляют первый главнейший из числа шести разрядов одушевленных существ нашего земного яруса. Вот эти разряды: 1) тегрии, добрые гении; 2) асурии, злые духи; 3) люди; 4) бессмысленные животные; 5) бириты; 6) прета, т.е. жители области голода и жажды, преддверия адского и 6) адские существа.

Иногда буддисты вместо шести разрядов считают только пять, помещая в первом всех гениев, превосходнее человека. Фоисты, т.е. ки-

¹ Буддийское духовенство бреет головы.

² Третья степень священства буддийского.

тайские буддисты, называют их способами переселения душ: 1) небесным, 2) человеческим, 3) земным, 4) адским, 5) демонским (скотским). Из них добрые духи (или оболочки переселенной души) населяют светлую область над земной поверхностью, а злые – темную под ней. Добрые гении, будучи более или менее ограниченными материей, в которую они облечены, подвергаются разным переменам наравне с обитаемым ими миром и пользуются многими преимуществами перед людьми, в красоте, могуществе, продолжительности жизни и удовольствиях. По мере дел своих, они переходят в высшие или низшие состояния и области.

Ко второму разряду одушевленных существ принадлежат злые, жестокие гении, из которых важнейшие асурии, занимают четыре области под землей, управляемые особыми царями, о которых было уже сказано при описании великой горы Сумбер. К ним причисляют и многих других злых духов, которые имеют свое пребывание на поверхности и внутри земли, не смешиваясь, однако, с жителями ада; но вместе с ними считаются виновниками всякого бедствия в мире.

Третий разряд существ нашего земного яруса многоэтажной вселенной – это люди. Они – среднее звено в цепи, соединяющей высшие твари с низшими. Они должны с помощью самосознания возвышаться духом к верхнему отвлеченному началу, плотью же прилеплены к материальной сансаре. Несмотря на непрерывное искушение, человек действует свободно, ожидая возмездия за свои личные деяния. Для него открыт путь к возрождению и в кругу людей, и в кругу высших или низших существ.

За заслуги, стяжанные в нынешней жизни, после смерти переселяется он в царство Тегриев; оттуда за новые добродетели переходит в верхние страны блаженства; а если предается одним лишь удовольствиям в жизни, то после своей кончины низвергается в адские области.

Четвертый разряд существ надземного яруса вселенной – это бессмысленные животные, страждущие от мрака или огня. Здесь слабое существо или гибнет от сильного, или терпит разные страдания. Так, рогатый скот или томится под тяжестью работ, или убивается для употребления в пищу или для кожи и т.п. Жизнь их продолжается иногда целый период мироздания (т.е. 4 320 000 000 лет), а иногда слишком скоро заканчивается.

Четвертый разряд земного яруса вселенной – это бириты (по-санскритски прета), томимые вечным голодом и жаждой. «За пятьсот миль, – говорит книга Чихула кэркглэчки, – под городом Раджа-гриха, находится город биритов, Кабали, в котором имеет свое пребывание

верховный их повелитель Мамун-эрлик с 36 сподвижниками. Там бириты не могут ни есть, ни пить. Когда они захотят принять пищу, рот их делается так мал, как игольное ушко, а горло, как колос; если же успеют принять пищу, то чрево их, сделавшись подобно горе, ничем не может быть насыщено, а если оно и наполнится, то ноги их делаются тонкими, как спички или как трава ковыль, так что они не могут поддерживать тяжесть их тела. Обыкновенную пищу биритов составляют искры раскаленного чугуна, от которых у них горят все члены. Появляясь в жилищах людей, они часто принимают на себя вид каких-нибудь чудовищ. Жизнь их продолжается до пятисот лет, считая каждый день за наш месяц. В них возрождаются души завистливых людей, не подающих милостыни, грабителей и прелюбодеев».

Последний разряд одушевленных существ земного яруса вселенной состоит из жителей ада в преисподней. Монгольское название этого узилища тварей, таму, явно происходит от нашего слова тьма и оно часто заменяется другим именем наказания, т.е. мрак. Уже одно это словопроизводство указывает на исход этих представлений, если не от русских, то от славян. Да и само описание его очень близко к народным русским представлениям.

Так, буддийские писатели единогласно утверждают, что ад разделяется на четыре части, в числе которых первое место занимает горячий ад, состоящий из восьми областей.

В первой области прислужники ада беспрестанно перебрасывают грешников с ножа на нож, и потом, оживив полумертвых, снова мучат по-прежнему. Такого рода наказание продолжается пятьсот лет, в которых каждый день составляет 50 наших обыкновенных лет.

Во второй области блюстители ада, демоны эрлики, распиливают несчастных огненной пилой, растянувши их на огненной плите. Это мучение продолжается тысячу лет, в которых каждый день равняется сотне наших лет.

Низвергнутые в третью область попадают между двух железных гор, которыми и сжимаются до толщины переносья у овцы. Потом демоны, приведя грешников в прежнее положение, опять возобновляют мучение. Такого рода наказание продолжается две тысячи лет, у которых один день состоит из 200 наших лет.

В четвертой плачевной области виновные, избегая раскаленного железа, прячутся в дремучем лесу, где и горят в течение четырех тысяч лет, каждый день которой состоит из четырехсот наших лет.

Существа пятой области подвергаются ужасным мучениям в железном доме, имеющем двойную ограду, из которой они не могут осво-

бодиться прежде окончания 8 000 лет, который каждый день заключает в себе всю жизнь одного рода Тегриев.

Осужденные в шестую область на огненных железных вилах горят в огромных чанах, наполненных растопленным чугуном. Мучение их продолжается не менее 16 000 лет, в которых один день составляет целую жизнь другого рода Тегриев.

В седьмой области демоны Эрлики, пронзив виновных трезубцем и завернув потом в раскаленный железный лист, варят в кипящем чугуне. Такое страдание продолжается здесь вдвое более предшествовавшего.

Восьмая же область есть неугасимый огонь, в котором горят грешники без малейшей отрады в течение 32 000 лет, где каждый день продолжается половину мирового периода.

Описанные здесь области ада имеют вид четырехугольника, которого каждая сторона простирается на 2000 миль. Перед воротами в стенах вырыты глубокие огненные рвы, препятствующие грешникам самовольно оставлять места, определенные им по мере преступлений, сделанных ими в продолжение жизни.

Второе отделение ада – леденящее, которое является уже дальнейшим развитием христианского, а потому и должно возникнуть позднее, – составлено также из восьми областей, расположенных на снежной равнине и окруженных снежными горами.

В первой области вся кожа виновных от холодного ветра покрывается пузырями. Мучения здесь продолжаются столько времени, сколько нужно для очищения мешка, заключающего в себе двадцать мер кунжутного семени, вынимая через столетие по одному зерну.

Во второй области пузыри эти прорываются по всему телу страдальцев от усиленного холода. В третьей стискиваются зубы, в четвертой холод ожесточается до такой степени, что причиняет ужасные мучения, достигающие своей высшей степени в следующей, пятой области, названной мучительной. Шестая область заключает в себе преступников, тело которых растрескивается наподобие цветка махровой астры, в седьмой растрескивается наподобие листков тысячелистника, а в восьмой еще более.

Но этого еще мало.

С четырех сторон горячего ада имеются:

1) Огненный ров, в котором тело грешника сгорает до костей; но вышедшие из него принимают свой прежний вид.

2) Поганое болото, в котором черви съедают виновного также до костей.

3) Лес мечей, где вместо ветвей и листьев на деревьях прикреплены мечи, которые приходят в движение от малейшего дуновения ветра и в кусочки разрезают осужденных туда. А собаки с железными зубами бросаются на остатки несчастных, хотя ищут спасения на зловещем дереве Шилмали, не зная, что там ожидают их новые страдания от 16-вершковых иголок и от птиц с железными клювами.

И, наконец, там есть непроходимая река, наполненная раскаленным песком, которая обтекает три области «ада с мечами». Низверженные в нее существа плавают там, наподобие сарачинского пшена в кипящем котле.

Различные буддийские писатели упоминают и еще о некоторых областях ада, где преступников различными способами истязают Эрлики. Но так как это только вариации христианских сказаний на ту же тему, то лучше не будем тратить на них время, и перейдем из ада снова на земную поверхность, опишем ее чудный вид, руководясь главным образом (как и во всем этом чудесном описании ада) книгою О. Ковалевского «Буддийская космология».

Жизнь на земле

Земля у буддистов считается не шарообразной, но обширной плоскостью, имеющей посредине высочайшую гору Сумбер, окруженную четырьмя большими и восемью малыми частями света (шаиб), со всеми своими морями и водами, простирающимися горизонтально. К этой системе мира принадлежит солнце, луна и все звезды, как прозрачные жилища богов. И зародыш такого представления мы видим у Косьмы Индикоплевиста, греческого автора, относимого к IV веку (рис. из т. 1, стр. 20). Я представляю об этом в переводе один отрывок из Шастры Чихул.

При образовании мира возникла первая из гор Сумэру, которая, во время мироразрушения, после всех исчезнет. Ей дают название Царя гор (агусалун жаган). «Она произошла из взволнованного океана, из верхних волн, а из средних образовались семь золотистых гор, одна железная, а из смешанных волн четыре части света (швиб).

«Сумэру состоит из четырех драгоценностей: восточная сторона ее из серебра, южная из лазурика, западная из яхонта, северная из золота. Семь золотых гор состоят из одного золота, а части света из земли и других веществ и обведены железом. Часть горы Сумэру, скрытая в море, углубляется на 80 000 миль, и другая возвышается над поверхностью воды также на 80 000 миль.

Одна из семи золотых гор сходна с хомутом и имеет в высоту 40 000 миль. Вторая сходна с сошником и имеет в высоту 20 000 миль. Тре-

тья сходна с цветком айвы и имеет в высоту 10 000 миль. Четвертая отличается красотой и имеет в высоту 5 000 миль. Пятая сходна с лошадиным ухом и имеет в высоту 2 500 миль. Шестая наклонена своей вершиной к Сумэру и возвышается на 1 250 миль. Седьмая сходна с ободом колеса и имеет в высоту 625 миль.

Среди этих золотых гор находятся места забавы и увеселения царей драконов и семь морей, известных под именем увеселительных. Первое из них, близ горы Сумэру, имеет 80 000 буддийских миль в ширину. Второе – 40 000 миль, третье – на 20 000; четвертое – на 5 000; шестое – на 2500, и седьмое – 1 250 миль. Вода в них холодна, сладка, легка, прозрачна, благовонона, целебна и безвредна. Сумэру и семь золотых гор и семь морей расположены четырехугольником. Вне их находится соленое море. От разноцветных лучей, идущих от четырех сторон горы Сумэру, вода в соленом море на восточной стороне кажется белой, на южной голубую, на западной красною и на севере желтою. Потому эти четыре моря и получили наименования: белого, голубого, красного и желтого. Граница их заключается 3 600 750, а извне окружающая их железная гора тянется на 3 600 625 буддийских миль.

От горы Сумэру тянутся четыре большие части света и близ них острова (двиды). Вот они по книге Чихул кэрэкглэчки:

«На восточной стороне внешнего моря лежит остров в виде треугольника¹, сторона которого, обращенная к Сумэру, простирается на 350 миль, остальные на 6000, а вся периферия составляет 6 350 миль. С севера прилегает к нему один, а с юга – два малых острова (земля прекрасных и рослых лиц²)».

«На северной стороне внешнего мира четырехугольный остров, каждая сторона которого простирается на 2 000, а периферия составляет 8 000 миль. С востока при нем находятся еще два других малых острова. Богатство здешних жителей заключается в дереве Калбарис, которое своим зловещим голосом предрекает людям о их смерти за семь суток вперед. От того и мир это получил название зловещего.

На западной стороне внешнего моря лежит остров Абарagodания, земля Укэрту двив – привольный для рогатого скота. Это круглая земля, имеющая в поперечнике 2 500, а в окружности 7 500 миль.

Около него расположены два малых острова, один с юга, другой с севера. Название же его произошло от того, что здешние жители большею частью занимаются скотоводством»³.

¹ По иртыңцуй толи у Бергманна, 1926.

² Абель-Ремюза.

³ А.-Ремюза.

На южной стороне внешнего моря есть остров, в виде телеги, под названием Остров Дерева-Джамбу¹, у которого одна небольшая, обращенная к железной горе, сторона, а остальные имеют в длину по 200 миль. Вся периферия его составляет 600 372 мили и 4 голоса. Около него находятся два малых острова. А в самой середине его находится царство Макгада, в котором Будды трех времен (прошедшего, настоящего и будущего) преподают учение о вере. Джонс из книг Пурана извлек даже 81 царя этой мифической Макгады. Начальные двадцать исчислены без хронологических указаний. Остальные же разделены на пять династий, из которых в первой, от Прадиоты до Нанды, считается 16 царей (2100—1502 гг. до Р.Х.), царствовавших в среднем по 37 лет. Во второй Мунья, десять лиц, царствовавших по 1365 год до Р.Х., царствовавших в среднем по 14 лет; в третьей Сунга, также десять лиц по 1253 год, царствовавших в среднем по 11 лет; в четвертой Канна, четыре царя по 908 год до Р.Х., царствовавших в среднем по 86 лет; в пятой Андра, двадцать один царь по 456 год, со средним царствованием 21 год, а далее, по словам Пандиты, более не упоминается о самостоятельном царстве Макгада.

Так давно оно исчезло с лица земли. Но все же и теперь к северу от него за девятью черными горами находится гора Гандеша, которую санскриты считают за Гималаи, хотя это имя и более созвучно с Гиндекушем в Афганистане, а еще далее гора Благовония.

Между этих двух гор находится жилище Царя драконов, по имени Арога (в других списках Мадой, созвучно с Мидией) и четырехугольное озеро Мапама, каждая сторона которого простирается на 50, а вся окружность составляет 200 миль. Вода его холодна, сладка, легка, прозрачна, благовонна, целебна и безвредна.

На этом же острове древа-Джамбу и на южной стороне земли, находятся, как в библейском земном раю, четыре большие реки, вытекающие из скал, которые находятся на берегу чудного озера Мапама и имеют вид какого-либо животного. С восточной стороны этого райского озера, из скалы, подобной слоновому хоботу, вытекает серебряная река Ганга, которая, соединившись с пятьюстами речек, впадает в это море. Вода ее вкусна, но густа, как молоко. Из скалы, подобной носу мифической птицы Гагудия, вытекает река Синду (Инд?), которая вместе с пятьюстами других речек вливается с южной стороны в море Мапама. Из скалы, подобно лошадиному рылу, вытекает

¹ Джамбудвип, в санскритском означает собственно остров, на котором растет дерево Джамбу. Вильсон объясняет это таким образом...

хрусталеносная река Бакчу (Оксур), которая, соединившись с пятьюстами других, впадает в море с западной стороны. Наконец, из скалы, подобной львиному рылу, вытекает златоносная река Сата (Систа), которая, слившись с пятьюстами других, впадает в море с северной стороны. И каждая из этих рек, окружив семь раз свое чудесное озеро Мапаму, течет далее и наконец впадает во внешнее море¹. В шастре под названием Нэрэйдуксэн сказано, что река Ганга, Синду, Бакчу и Сиша очень бурны и освежают прилегающие к ним страны.

Само собой понятно, что искать тут что-нибудь действительно географическое смешно, здесь только чувствуются отголоски слышанных авторами мифа некоторых действительных названий, которые они предполагали по собственным своим фантастическим представлениям.

Но интересна здесь бросающаяся в глаза аналогия с четырьмя реками библейской книги Бытие.

Ведь остров Джамбу то же самое, что и библейский земной рай, в середине которого росло Древо познания добра и зла.

«Из Эдема, – говорит книга Бытия (2, 10), – выходила река для орошения рая и распадалась на четыре реки: имя одной Фисон, она обтекает всю землю Жавила, где золото и камень оникс. Имя второй Тихон, она обтекает землю Кучи; имя третьей Хиддекель, она протекает по земле Ашур, и имя четвертой Евфрат».

Кто же от кого заимствовал?

Это не трудно видеть. В только что изложенном буддийском сказании сделан логический скачок: начало четырех рек отнесено на какой-то южный остров старого света, вроде Цейлона, а потом, как во сне, эти же реки оказываются текущими и по всему азиатскому континенту... Библейское сказание, помещающее земной рай посередине земли и проще и логичнее, а потому и буддийский остров Древа Джамбу, есть его дальнейшее развитие и притом еще и искажение.

Рассмотрим же эту буддийскую географию и далее.

На том же острове Древа, в двадцати милях, на севере Благовонной горы, находится четырехугольная Золотая скала, принадлежащая Асуриям, имеющая 30 миль в длину, а в ширину 300 миль и 4 голоса.

Далее, к северу, в двадцати милях находится Царь деревьев, Сала, корни которого в земле простираются на 40, а пень имеет высоту в 80 сажен. Малые деревья, в семь рядов вьются вокруг него наподобие четок.

¹ По мнению Д. Буханана, мифическое озеро или море Анудаши должно быть источником Китайской Желтой реки, Окса, впадающего в Китайское море, Иртыша в Сибири и известного Ганга.

Там же, на востоке, в двадцати милях находится круглое озеро, имеющее в ширину 50 миль, а в окрестностях его 100 000 малых озер, вода которых славится восемью ценными свойствами. На них растут цветы Лилхоа, ствол которых подобен сохе, а сами цветы, толщиной в воловью кожу, подобны колесам. Вкус их медовый.

«На чудном озере Мапама произрастают деревья, под названием Джамбудаши, хотя плоды не так вкусны, как у Линхоа. Когда зрелый плод их упадет в воду, слышен звук Джамбу, который дал начало названию острова Джамбу-двипа. Часть этих плодов служит пищей царю драконов (Магараджа), превращенному в рыбу, а остальные превращаются в золото реки Джамбу.

На том же Джамбудвипе, с западной стороны, в царстве Удияна (что просто значит роща, парк, сад), находится огромный алмазный дворец, обитаемый особыми существами Дакиями, от которых узнали большую часть таинственных знаний, служащих к спасению людей от враждебных сил.

На южной стороне острова Древа находится гора по имени <...> (поддержка корабля или ковчега), на уступе которой имеет пребывание Хэнгшим Бодисатва, воплощающийся в Далай-Ламах, а у подошвы живет Дара-экэ, супруга тибетского царя. На востоке возвышается пятивершинная гора, обиталище Манджушрия. И вот Абель-Ремюза, руководствуясь китайскими авторами, сообщает нам, что в древности страна Джамбудвип (начавшись чем-то вроде острова Цейлона, как во сне превратившись уже во всю земную поверхность), разделялась на четыре государства, управляемые разными царями, из которых 1) на севере жил царь людей; 2) на юге – царь слонов; 3) на западе – тоже царь слонов (в стране, прилегающей к морю, обитатели которой, не зная ни обрядов веры, ни общественных отношений, занимались единственно сокровищами); и 4) на востоке – царь коней, в стране холодной и неплодной. И оказывается даже, что под именем первого царя надобно подразумевать Китайского императора; второй царь – это великий Индийский Раджа; третий – Шах Персидский, а последний – царь северных номадов, скифов, гуннов, турков, монголов и пр.

«Близ острова Древа Джамбу лежит остров Сингала-йн, несомненно отголосок Цейлона, жители которого и теперь называются сингалезцами, затем еще острова: Золотой (Алтан двип), Лунный (Саран двип) и многие малые, как бы подвластные первому главному».

К этой системе нижнего мира принадлежит и солнце, и луна, и звезды. «В атмосфере, простирающейся вверх на 40 000, виднеются солн-

це, луна и звезды, совершающие круг около горы Сумэру. Там же имеют пребывание и воздушные Тегрии».

«Солнце состоит из огненного хрусталя. Оно в поперечнике имеет 51 милю, в окружности 153 (отношение окружности к диаметру взято равным 3, вместо 3,14169), в толщину 6 с лишком миль. На нем находится высокая стена из золота; на восточной стороне дворец серебряный; на юге лазуриковый; на западе хрустальный; на севере золотой. В тронной живет Тегрия Наран со своими товарищами. Солнце, двигаясь по направлению воздуха, в течение суток окружает четыре главных острова земли. Когда оно на севере, дни бывают долгие, и время летнее; когда перейдет на юг, дни уменьшаются и время бывает зимнее; а когда находится на середине между севером и югом, тогда равноденствие. От действия солнечных лучей происходит жар и холод, зима и лето и все прочие времена года. Солнце шесть месяцев идет к югу, и столько же к северу».

«Луна состоит из водянистого хрусталя и имеет в поперечнике 50, в окружности 150 и в толщину 6 с лишком миль. На ней четыре дворца: золотой, серебряный, лазуриковый и хрустальный, обитаемые сыном Тегрия, по имени Саран, с его товарищами. Когда луна приближается к солнцу, тогда она, покрывшись тенью в защиту от солнечных лучей, делается невидимой. Пятнадцатого числа каждого месяца солнце от луны бывает далеко, и потому луна вся ясно представляется нашим глазам. А что же означают пятна на луне? Очень просто. Некогда Шалямуну Будда принял на себя вид зайца, а Хормусда поместил его на луне, чтоб показать людям. Там, среди ограды, простирающейся на 12 миль, находятся свои царства, озера, чистые воды, цветы различного рода и дерево Калбаравас».

«Звезды состоят тоже из водянистого хрусталя, и все кругообразны. Большие из них простираются на 3 000, средние на 1 000, малые на 500 полетов стрелы. Числом они доходят до 185 миллионов. На звездах находятся жилища сыновей и дочерей Тегриев, которые подчинены четырем великим царям (Махараджа)».

Но наш третий – нижний мир – мир явления духа в материи, мир органический состоит не из одного нашего старого континента, с прикрывающим его небесным сводом, а из множества континентов, устроенных наподобие теперь описанного (явный отголосок открытия Колумбом «Нового Света», значит, это составлено после 1504 года), каждый имеет свою гору Сумэру, свои четыре больших и восемь малых островов, обиталища божеств, свое солнце, луну и звезды. Все эти миры называются тысячею трехтысячий миров. Из этого числа –

малый хилиокосм (т.е. малая тысяча континентов) состоит из тысячи отдельных, но совершенно сходных с нашим континентов. А как наш «старый свет» представляется в виде плоскости, прикрытой небом, то и вся тысяча континентов расположены на пространной плоскости, в порядке один за другим и большие горы служат их границей. Над этим-то малым хилиокосмом, во всем его пространстве, возвышается самый низший ярус среднего мира, т.е. малосветный.

Вне пределов этого малого хилиокосма, но в той же плоскости и окружая его со всех сторон, лежит средний хилиокосм, состоящий из миллиона миров и окруженный также горным хребтом, а сверху покрытый уже средним ярусом (очень светлым), второй Дияны, и область «блаженных», принадлежащую уже к третьей Дияне.

За пределами среднего хилиокосма, в той же плоскости, но вокруг него, расположен большой хилиокосм, который вместе с предыдущими составляет тысячу миллионов миров, и пространством своим достигает крайних пределов вселенной. Лежат на нем: верхний ярус второй Дияны, т.е. светлейший, вторая область третьей Дияны (т.е. беспредельно блаженных) и область явления Будд из четвертой Дияны. Все исчисленные миры образовались, населялись и разрушаются в одно время с нашим миром, и тогда во всем пространстве, им занимаемом, будет иметь место действительная пустота, до нового мирообразования через один мировой период.

Что же мы здесь видим, читатель?

Мы видим один и тот же процесс мультипликации всех средневековых и даже более поздних «открытий» европейской философии.

У христиан Христос только один, а тут уже множество христов-будителей (Будд), у христиан Христос воплотился, умер и воскрес только один раз, а тут в виде Будд он и умирал и воскресал уже множество раз.

У евреев имелся только один небесный свод над землею, состоящей из трех частей — Европы, Азии и Африки. Христианские астрологи мультиплицировали его до семи небес, а здесь имеем мы уже целых 19, не считая 6 ярусов земного мира¹.

Христианский бог является только в трех лицах (т.е. персонах), а на азиатском востоке, смешав личность с лицом, стали изображать «творца миров» чуть не с 40 головами. Еврейская теология довела время жизни самого долголетнего человека Мафусаила до 969 лет, а тут мы видим счет уже «мировыми периодами».

¹ В Верхнем мире 4 яруса; в Среднем мире 4 отдела; из них в четвертом снизу 6 ярусов; в третьем 3 яруса; во втором снизу отделе 3 яруса; в первом снизу 3 яруса. В нижнем мире 6 ярусов.

В Европе Колумб около 1500 года нашей эры открыл только один «Новый свет», по своему устройству сходный с нашим, а тут азиатская фантазия довела число этих «новых светил» уже до трех миллионов.

Мы видим во всем этом настолько однообразную эволюцию религиозных и философских представлений по мере нашего движения от запада «старого света» к его востоку, что нет никакой возможности поверить, будто дело шло наоборот. А то обстоятельство, что тут утысчакратилось даже и открытие Колумбом Нового Света около 1500 года нашей эры, достаточно показывает, что и излагаемая нами «буддийская космология» явилась в таком виде не ранее XVI столетия нашей эры, а по всей вероятности значительно позже.

Посмотрим теперь и вообще на буддийскую мифологию.

В народных христианских представлениях мы имеем кроме бога-отца, его воплощения и вочеловечения посредством девицы Марии и его проявления в виде святого духа, также и множество добрых и злых духов: архангелов, ангелов, херувимов, серафимов, сатаны, демонов, чертей, а также всяких домовых, ведьм, русалок, нимф, гномов, святых, монахов и монахинь, целых разрядов освященных лиц. В такой же мере, но только под другими национальными костюмами мы имеем их и во внутренней Азии и буддистов. Евангелия нам говорят о лицах, в которых вселялись такие духи, один раз будто бы Христос изгнал их целый легион из одного человека, переселив их в стадо свиней, которые вслед за тем побросались в море. Мы видим тут зародыш представления о переселении душ, так сильно разившийся в буддийском учении. Идеи, что в этом ли, другом человеке возродилась душа кого-либо из его предков, хотя и не входит в канон христианского учения, но время от времени появлялась и у христианских учителей. Особенно интересен в этом отношении конец евангелия Иоанна, где прямо намекается, что его ученик будет жить, когда Христос снова придет на землю, хотя это и не значит еще, что он не умрет¹.

Таким образом, даже и учение о переселении душ имеется в христианской теологии, а тем более существовало как бы в союзе с нею в

¹ См. Евангелие Иоанна (21, 22—23): «Петр говорит Иисусу (об Иоанне): — А он что?

— Если я захочу, чтобы он пребывал (на земле), когда я приду, то что тебе до этого?

И пронеслось слово между братией, что человек тот не умрет. Но Иисус не сказал: не умрет, а только: если я хочу, чтобы он пребывал (на земле), когда я приду, то что тебе до этого? Это ученик и написал сие (Евангелие).

народных представлениях средних веков, и только приняла у буддистов дальнейшую разработку, причем они значительно обработали и усовершенствовали христианский рай (нирвану) и христианский ад.

Посмотри теперь и на самого буддийского верховного судью всех смертных.

«Не повторяю здесь, – говорит О. Ковалевский в своем «Буддийском космосе» (стр. 140), – мнения, которые считают Будду творцом мира и главным судьей деяний всех одушевленных существ», и мотивирует это тем, что такое мнение разделяется не всеми современными буддийскими теологами, от которых мы имеем все наши сведения. Часть из них считает Будду-будителя (как и некоторые послесредневековые христианские секты своего Христа) только олицетворением всепрощающей любви, а не строгости, почему они и предоставляют определение более логично, чем мы видим даже и теперь у ортодоксальных христианских теологов. И это снова показывает, что буддизм, каким мы его видим теперь, есть дальнейшая ступень развития какой-то из восточных христианских сект.

Если руководиться греческими первоисточниками, то можно допустить, что это были первоначально несториане, так как и самое имя их значит «возвращенцы» (очевидно, с того света), а это совершенно однозначаще с «возрожденцами» буддизма. В соответствии с этим, историки христианской церкви нам рассказывают, что они первоначально распространились из Константинополя в 498 году нашей эры по Персии, из нее по Индии и Китаю, а следовательно, не могли не захватить и Тибет, а в Монголию могли проникнуть через северную Персию, если не через побережья Черного моря, и это как раз был разгар апокалиптических пророчеств о близком возвращении Иисуса с того света.

Первым возвестил это учение, – говорят нам, – константинопольский патриарх Несторий (т.е. Возвращенец), умерший в 440 году и осужденный на Эфесском соборе 431 года за то, что признавал божескую природу только за бессмертным духом Иисуса, а тело его считал, как и современные буддисты у своего многовоплощавшегося Будды, только временной материальной обителью его бессмертного духа, оболочкой. Не имеющей в себе ничего божественного, а такой же, как у остальных людей. И очень интересно, что как раз во время Эфесского собора, осудившего патриарха-Возвращенца, брат Аттилы Буда основал город Буда-Пещь, очевидно, в виде изобретенной им доменной печи для выплавки железа, что дало возможность его брату и соправителю Аттиле объединить под своей теократической властью все ма-

дьярские и славянские племена Балканского полуострова, южной России от Дуная до Волги и киргизских степей на восток. А на запад его власть доходила даже до Франции и Италии. Все это очень сближает Буду-Пробужденца с Несторием-Возвращенцем и с Будую-Будителем монголов и тибетцев. И кроме того, имя Буда, т.е. будитель, очень сближает его носителя, кто бы он ни был, с современным гипнотизером, так как основное действие гипноза именно и есть усыпление подверженных этому людей утомляющими манипуляциями и звуками и потом пробуждение их по повелению «будителя» к новой жизни, и при этом даже нередко с совершенно новым поведением, как будто прежняя «душа» подменена другой. Это «будительство» и внушение во время сна и было основным приемом распространенной в средние века по Южной Европе черной магии, которая отделилась в Европе от обычных приемов распространения благочестия уже в средние века, но и до сих пор применяется буддийскими и браминскими клерикалами в широких размерах для удержания населения в пределах своего культа и мировоззрения, о чем мне подробно придется говорить далее в главе «Культы и колдовство».

Но возвратимся к нашему предмету. Мы видели сейчас, как ряд сопоставлений показывает нам, что местом первого появления легенды о Будде, который в том виде, как его рисуют теперь, есть, конечно, лицо мифическое, приходится считать не снежные вершины Гималаев в Индии, а современный Буда-Пешт, т.е. Буда-Пещь, как это ни кажется поразительным с первого взгляда, и что миф о Буде есть только ответвление византийского мифа о Христе.

– Видел я, – говорит он, воплотившись в Шакия-Муни, – все страдания одушевленных существ и, желая освободить их от столь несчастного положения, указывал им путь ко спасению из любви к ним, старался я снискать достоинство Будды (будителя) посредством добрых дел. Творите добро, обогащайтесь заслугами для блага собственного и своих ближних! Страшась зла и неминуемого наказания, творите добро! Горе грешникам!»

При таком настроении ему, конечно, не пристало быть строгим судьей грешников и осуждать их на только что описанные жестокие мучения в аду. И вот буддийская теология улучшила евангельскую, передал суд Сатане – царю демонов Эрлик-хану.

Сидя на львином престоле, рассматривает Эрлик-хан деяния существ и назначает своим подсудимым место возрождения. Его представляют, среди пламени, с жезлом в руке, на верхушке которого прикреплен головной череп, а в левой руке – аркан. В лице его виден гнев,

как у бога-отца Иеговы в его библейских описаниях. Около шеи и на груди привешена цепь также из черепов.

Ему подчинены бесчисленные демоны. Эрлики, которых представляют также в ужасном виде. Голова у них покрыта темно-русыми волосами; глаза сверкают на все стороны; оскаленные клыки и страшные мечи в руках служат орудием для терзания несчастных жертв, низверженных в подземельное судилище.

«Один благоговейный юноша, по совету Будды, вочеловечившегося в виде Шакия-Муни, отправившись в адские области, встретил там грешного брамина, окруженного полчищами яростных бесов, которые тащили его на аркане. Позади осужденного бесы производили ужасную пляску; а другие бесы, идя впереди его в виде лисиц, оглашали воздух пронзительным криком. Из тела брамина кровь лилась ручьями, изо рта и глаз клубился дым. Толпа неистовых бесов нестерпимо ужасными голосами повторяла:

– Влеките преступника, который в продолжение своей жизни предан был одним лишь злодеяниям! Это был заклятый враг всех одушевленных существ!

Среди этих страшных восклицаний едва был слышен плач брамина:

– Увы! – говорил он, – нет мне теперь помощи ни от прежнего богатства, ни от друзей и родных!

На вопрос юноши о причине такого наказания, один из бесов отвечал:

– Он ястребами убивал птиц, собаками умерщвлял зверей, преследовал духовных, обижал нищих, предавался пьянству. На земном поприще окружали его жена, дети, родные: при последнем издыхании не было у него ни товарища, ни друга, а теперь одни только страдания сопровождают грешника».

Скажите сами, читатель, не списано ли все это с христианских сказаний о чертях? Совсем как в русских народных сказаниях!

Нам остается теперь только изложить сотворение мира по современным нам буддийским авторам.

«В начале, – говорят они, – была пустота. Из пустого пространства произошла масса, в 1 600 000 миль протяжения, масса чрезвычайно крепкая, тонкая, голубоватого цвета. Это была стихия воздуха, от сильного движения которого явилось так называемое золотое облако. Из него полился продолжительный дождь, давший начало нижнему морю, глубиной в 1 120 000, шириной на 1 203 450, а в окружности в 3 610 350 миль. На этом взволнованном море образовалась золотая поверхность земли, как пенка на молоке, покрывающая пространство на 320 000 миль; остальные же 800 000 миль были покрыты водою.

На этом море поднялась буря; из верхних волн произошла гора Сумэру, из средних семь золотых гор, из последних одна железная и из разных волн — четыре острова света. А по Космогонии Ману, наш мир находился в непроницаемом мраке, как бы во сне. Но самосушный и неосязаемый чувствами Владыка, желая сделать его видимым, явился и рассеял тьму. Потом создал он воды, и в них положил зародыш, из которого образовалось яйцо, блестящее как золото, светлое как лучезарная звезда. В этом виде зачался сам Брама, праотец всех существ. По прошествии года, владыка единою мыслью своей разделил яйцо на две части, и из них образовал небо и землю, воздух, восемь царств небесных и постоянно водоохранилище.

Брама имеет свои дни и ночи, расположенные периодически. Наш солнечный год составляет только одни сутки у божества. Двенадцать тысяч божеских лет образуют один век богов; тысяча таких веков ни что иное, как один день Браммы. Потому (по словам Ману) тот совершенно понимает значение дня и ночи, кому известно, что тысяча веков составляет лишь святой день Браммы.

Не правда ли, читатель, как это похоже на попытки современных христианских теологов согласовать семь дней библейского творения с геологическими периодами?

Один добрый дух спустился с неба для возрождения на земле. Потомство его, мало-помалу увеличиваясь, наполнило наконец семнадцать видимых царств, четыре невидимые области и двадцать областей в мире вожделения и составило шесть родов существ. В числе этих существ имел преимущество человек как перерожденец тегрия и жил бессмертным. А хотя люди обитали на поверхности земли, но они не ходили, а летали по воздуху; не употребляли никаких земных нечистых плодов, и питались только чистою самадией. Тогда не было еще различия пола, и люди не родились, а размножались посредством переселения душ. Тело их было лучезарное, и потому никто не чувствовал надобности ни в солнце, ни в луне. Тогда не было слова человек, и все назывались одушевленными существами.

Но одно из них, найдя земное масло, не только отведало его, но и других побудило к тому же. Оттого самади исчезла. Люди лишились способности летать по воздуху, потеряли свой природный блеск, ниспали на землю и принуждены были ходить в темноте. Тогда и произошло солнце, луна и звезды, рассылающие свои лучи на землю, населенную живыми существами.

В другое время один человек открыл еще новую еду Ногогану и начал употреблять ее. Другие то же сделали и тогда произошло разде-

ление полов мужского и женского; появилась любовь; родились сыновья и дочери.

Потом люди, для обеспечения своего содержания, стали сеять салу, произошли укоризны, а спор о возделанной ниве довел до гнева и смертоубийства. Некоторые, приобретая в большом количестве плоды земледелия, начали скрывать от тех, которые гораздо менее их имели. Открылся источник скупости.

Наконец, явился один красивый, правосудный и умный человек, который, обеспечив собственность каждого, принудил возвратить все неправильно приобретенное. Поля были разделены на равные участки. Весь народ, избрав его своим начальником, единогласно восклицал:

— Мы тебе вручаем полную власть и будем беспрекословно повиноваться твоему повелению.

Этот первый монарх прославился в четырех частях света под именем Всемирного хана.

Тогда же началась и история народов... А какова же будет дальнейшая судьба мира?

Она тоже уже сложнее, чем по христианским представлениям. Вся природа одушевлена. Существа, населяющие мир материальный, непрерывно возрождаются. Души, переменяя вещественную оболочку, переходят из одного творения в другое, пока не очистятся до степени совершенства, и в высшем мире не сольются в безмятежную единицу. Таким образом, при содействии воплощающихся Будд, мало-помалу мир органический лишается своих обитателей, жители нижайшей области ада, по истечении определенного времени мучения, переселяются на четыре острова вокруг горы Сумэру, а те, которым назначено еще претерпевать страдания, переходят в другие места, не столь мучительные, как прежде, до совершенного освобождения оттуда. То же самое происходит в царстве биритов и бессмысленных животных, пока все существа удостоятся спасения и обиталища их опустеют. Люди мало-помалу будут возрождаться в странах первого небесного яруса, за ними туда же следуют и все духи. А когда в целой системе мира не останется ни одного одушевленного существа, и все высшие гении исчезнут из него, тогда начинается в нем большой беспорядок. От бездождия и солнечного зноя завянут все растения и деревья. Потом явится второе солнце и иссушит все источники, ручьи и речки. Третье солнце иссушит все большие реки, а от четвертого иссякнет озеро Мапама, от пятого и шестого исчезнет океан, от седьмого вспыхнет гора Сумэру, четыре острова и все области гениев; наконец, сгорит и первый ярус неба, и все пространство от него до самого низшего отделения

ада подвергнется разрушению и заменится пустотою. Природа, лишенная оживлявшего ее духа, сама собою уничтожится. Разрушение всей вселенной требует двенадцати средних мировых периодов.

Но период пустоты, заменившей природу, продолжится также двадцать средних периодов. После этого частицы духовности во второй дияне, которые до сих пор были облечены в материю, но еще не успели удовлетворить всем условиям судьбы, сделаются зародышем для развития нового мироздания, в котором и будут продолжать прежде начатую борьбу с вещественностью. Как смерть считается началом другой жизни, так светопреставление скрывает в себе семена будущего возобновления вселенной.

Таким образом совершается весь кругооборот мирозданий, причем в каждом для блага живых существ являются тысяча Будд. Каждый из них, воплотившись в человека, возобновляет забытое людьми учение о вере и, пробуждая в них самосознание, возводит на степень нового совершенства. Четыре уже Будды нисходили в современный мир для распространения веры: Каракуччанда, Канакамуни, Кашяпа и Шакаямуни. За ним последует Майтрея (Майдари) и прочие по определенной очередности так, что после тысячного Роча-Будды совершится разрушение мира. Все они царской крови или из браминской касты и появляются в священных местах средней Индии, и если находится между ними какое-либо различие, то разве в их деятельности и продолжительности их учения на земле: Шакаямуниевое учение продлится 5000 лет.

Буддийские книги утверждают, что после семи разрушений мира от огня восьмое случится от воды. Потом опять семь мироразрушений совершится от действия огня, и восьмое от воды. После семикратного повторения этого вселенная истребится огнем, и потом воздухом в виде неукротимой бури. Таким образом, после 56 разрушений от огня, семи от воды и одного от воздуха, шестьдесят четвертое мироразрушение будет последним, и тогда иссякнет даже источник будущего образования мира, а с уничтожением материальной природы вся духовность переселится в высшие области, которые считаются вечными.

И вот, в то время, как верующие христиане ожидают теперь только второго пришествия Христа, буддисты ежегодно совершают торжественный ход с молитвословием в честь уже пятого его прихода под именем Будды-Майтреи, но и он по их представлениям не будет последним, останутся еще 995 приходов до конца нашего мира. Мы видим, что в срединной Азии средневековая христианская идеология гораздо дальше подвинулась вперед, чем в Европе. А почему?

Ответ на это совершенно ясен: европейская мысль перешла от фантазии и мистицизма к реализму, и теология не только перестала развиваться, но даже стала отмирать, не сумев приспособиться к опытному и наблюдательному естествознанию и к натуральной философии европейских народов, слабое эхо которой мы видим и в изложенных здесь буддийских представлениях, имеющих для нас ни в каком случае не историческое, а только этнографическое значение.

Изложенная нами (главным образом по проф. О. Ковалевскому) буддийская космография достаточно показывает нам безотрадное состояние науки в буддийской Азии. Когда же свет естествознания, так ярко сияющий теперь в европейских странах, проникнет и в эти темные еще области азиатского континента? Мы можем прямо сказать, что это будет скоро, и также предсказать, что борьба истинной науки с таким отсталым мировоззрением, как только что очерченное здесь, не обойдется для азиатов без страшных социальных потрясений.

Глава XV

НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ ПО ПОВОДУ КЛАССИЧЕСКОГО ИДЕИЗМА, МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕХАНИЗАЦИИ ПРИРОДЫ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Для того, чтобы понять те перемены, которые претерпело за исторический период времени представление, связанное со словами «душа», «дух», необходимо прежде всего выяснить себе общую эволюцию человеческого мировоззрения.

Современное естествознание учит нас, что все бесконечное пространство вселенной наполнено физической энергией, которая проявляется по закону, математически сформулированному произведением массы M на квадрат ее скорости C , различном каждый момент времени T , где $T = T_0$ и сокращается в абсолютную единицу времени, в каждом кубическом сантиметре трехмерного мирового пространства.

<...>

Справедливость ее безусловна, так как на ней основаны все дальнейшие формулы механики, оправдывающиеся на практике так же точно, как формулы теоретической астрономии на вычислении солнечных и лунных затмений. В механике это то же, что дважды два четыре в арифметике. Гельмгольцем введен коэффициент S потому, что всякое действие в природе равно противодействию. Значит, каждое одностороннее проявление физической энергии соответствует такому же проявлению ее в обратном направлении. При векториальном сложении мы получаем ноль, но не в смысле самоуничтожения, а в смысле покоя, т.е. отсутствия всякого действия в данный момент времени в данном объеме трехмерного мирового пространства. Эта вездесущая энергия, не творимая и не уничтожаемая, т.е. в сумме своей вечно неизменная, как поверхность океана, несмотря на все изменения ее волнениями, может при переходе от одного момента времени к другому или изменять свои проявления, или известное время сохранять прежнее состояние.

В первом случае, в каждом данном объеме ее масса M , т.е. величина инертности, или величина сопротивления перемещению, иногда остается закрепленною в данном объеме и форме, и он производит на

нас физиологическое ощущение твердого и более или менее трудно передвигимого тела, а квадрат ее внутренней скорости производит физиологическое ощущение температуры. Это приводит к выводу, что такое твердое тело состоит из отдельных индивидуумов инертности, называемых молекулами физической энергии, каждая пара которых тоже проявляется внутри тела, а в сумме составляет единицу покоя, что-то вроде буддистской нирваны. Кроме того, все эти молекулы физической энергии сцепились там между собою во что-то вроде сетей или паутины по каждому из трех измерений пространства, при кристаллических формах, и беспорядочных в аморфных твердых телах, а плотность таких тел зависит от числа первичных атомов той же физической энергии, сосредоточенных в каждой его молекуле, что вместе с тем объясняет и различие их удельного веса.

Но внутренние дрожания в молекулярных паутинах твердых тел пропорциональны их абсолютной температуре, считаемой около -273 градусов Цельсия в нашей солнечной системе на расстоянии земной орбиты. Когда абсолютная температура достаточно повысится, кинетическая энергия этих сближений и расхождений разрывает эти сети и каждая молекула становится самостоятельным тельцем и весь их рой называется жидкостью, которая может удерживаться в виде капель или в сосудах лишь давлением какой-то среды, вроде зодиакальной атмосферы нашей солнечной системы, притискивающей их друг к другу¹. Потом, когда еще более увеличившиеся от повышения температуры размахи молекул преодолеют и эту среду (на что приходится потратить немало калорий теплоты), жидкость превращается в газ, который тоже стремится уравновесить свою плотность расширением во все стороны, чему теперь уже ничто не мешает. В таком состоянии находится наша атмосфера, более значительная плотность которой в нижних слоях обусловлена лишь тяготением составляющих ее молекул азота, кислорода, аргона, неона, криптона и других примесей к земному шару, от различия удельного веса которых происходит выдавливание более легких из смесей этих газов в более высокие слои, чем обуславливается и ее неясно выражающаяся вследствие взаимной диффузии газов, но в общем совершенно правильная слоистость нашей атмосферы.

Вследствие раздвижимости молекул жидкостей и газов, они уже не оказывают полного сопротивления давящим на них твердым телам, а являются для них проницаемою средою, так как, раздвигаясь впереди, молекулы ее замыкаются за твердым телом сзади, струйчато огибая его.

¹ См. об этом в мою статью «Почему мы не рассыпаемся?» в книжке «На границах неведомого».

Таковы три важнейшие телесные состояния физической энергии. Мы видели теперь их метаморфоз: друг в друга вследствие повышения и понижения температуры, т.е. квадрата их скорости, который, конечно, не может изменяться иначе, как на счет ее уменьшения где-нибудь в другом месте, подобно тому, как и вершина волны на морской поверхности не может произойти иначе, как на счет ее впадины. И вот перед физикою встал вопрос о полном изучении всех возможных проявлений вечного метаморфоза физической энергии в каждом отдельном объеме мирового пространства, в каждом отдельном физическом теле. Понятие о веществе, о материи как о чем-то самостоятельном исчезло. Вот, например, этот стол. Что он такое? Простая материя (т.е. материал для чего-то¹), или энергия? Бросьте его, разломав, в топку паровоза, и он, метаморфуясь от ее высокой температуры, с пламенем в газ, совершит соответственную работу передвижения поезда на определенное расстояние. Значит, это скрытая заснувшая сила природы, а не «мертвая масса». Так нет и ничего другого мертвого в природе.

Вот, например, еще кусок железа или меди. Они не будут метаморфизироваться в топке паровоза от одной его температуры. Но бросьте их в азотную кислоту. Они сразу проснутся от своего сна, начнут с силою вытеснять ее водород, становясь на его место, а его молекулы помчатся оттуда вон, как стая испуганных воробьев.

Точно то же можно сказать и о всяком камне, и о всяком живом существе. Все процессы так называемой растительной жизни нашего тела суть химические процессы, и проявлениями этой же вечной и физической энергии вселенной является и все остальное. Химическое сродство предметов превращается в их теплоту, теплота в свет, звук и электричество, электричество в процесс тяготения и в человеческое мышление, а человеческое мышление обратно переходит в свет, теплоту, электричество, химическое сродство и так далее. Даже сама разделенность индивидуумов есть только их субъективное ощущение, а на деле все существо постоянно переливается в другие, так что и все частицы тела, а с ними и сознания, которыми мы обладали несколько лет тому назад, находятся уже в других существах. Всякий индивидуум в природе то же, что фонтан: он сохранил свою форму, но вода в нем с каждою секундою уже другая.

С этой точки зрения никакого разделения живого существа на душу и тело нет и не может быть. И наше сознание, и наше тело только местные проявления бесконечной в пространстве и вечной во време-

¹ От латинского <...> — мать, т.е. мать природы.

ни физической энергии¹, всеобщая формула действия которой означает равновесие покоя.

Люди, чуждые физической математике, легко смешивают энергию с силой, но это два совершенно разные представления. Сила есть работа энергии на данном протяжении, и основная формула ее – формула $(MV^2)/2$ – показывает с первого взгляда, что это фактор, производный от энергии, как чего-то самодовлеющего, и от длины пути, на котором проявилось действие этого фактора.

Таковы выводы современного нам естествознания, но путь человеческого мышления к этим выводам был очень труден.

Возьмем, прежде всего, библию.

«Человек, – говорит Старый завет, – много раз был вылеплен богом как статуя из земной глины»², а евангелия ни разу не говорят об этой скульптуре. Но статуя-человека не была еще живою, пока бог не вдунул в его лице дыхание жизни и он стал живою душою³.

А что же такое душа по библии и евангелию? В еврейской библии она называется Нефеш, но не считается бессмертною или не материальною. Она находится в крови и вместе с нею может быть выпита – говорит Второзаконие (12.23). Она и сама может пить и есть⁴. Она может прикасаться к земным предметам, ее можно изловить и убить⁵. Она умирает и попадает в могилу. Она тожественна с волей⁶ и имеет свои похоти⁷ и свое дыхание⁸ и запах, откуда и русское слово душистый, и часто смешивается с духом⁹.

¹ Эти идеи были подробно развиты мною в прежних трудах по физике и химии. Особенно в книгах: 1) «Основы качественного физико-математического анализа и новые физические факторы, обнаруживаемые им в различных явлениях природы», 402 стр. 22 табл. и 89 рис. 1908 года. 2) Периодические системы строения вещества. Теория возникновения современных химических элементов 483 стр. и 55 таблиц. 1907 г. 3) На границах Неведомого. — Научные полужанты. 1910 г. И в других книгах и статьях.

² Бытие 2,7; 3,19; 18,47. Иов 10,9; 34,15, Псалмы 102,14. Экклесиаст Царствник 3,20; 12,7. Исайя 64,8. I Кориенфянам 15,47. И ни разу в евангелиях.

³ Бытие 2,7; 7,15-22; Иов 12,10; 27,3; 33,4; И у мессиянцев и пророков: Исайя 2,22; 42,5; Иезекиил 37,5-10; Деяния апостолов 17,25; послание Иакова 2,26.

⁴ Числа 11,6; 21,5; Притчи 6,30; 27,7; Исайя 55,2.

⁵ Числа 19,22; Псалмы: 55,7; 123,6; Иезекиил 13,20; Иов 7,15; Второзаконие 19,6-11; Судей 9,17.

⁶ Числа 23,10; Числа 16,30; I Царей 17,4; 20,31; Иов 13,14. Псалмы 32,19; 55,14; 114,8; 118,178; Иона 4,8; Псалмы 93,17.

⁷ Второзаконие 23,24. Псалмы 26,12; 40,3; Иезекиил 16,27; 25,15; II Самуила 17,8; II Царей 9,15; Исход 15, 9.

⁸ Псалмы 9,24. Михей 7,3; Аввакум 2,10.

⁹ Иов 41,13. Плач Иеремии 2,12; Псалмы 104,22.

Точно так же и в Новом завете, где она по-гречески называется Психэ, откуда и имя психологии. А обращаясь к слову дух, мы находим для него совершенно те же признаки, как и для души, хотя оно по-еврейски и имеет два названия – пешама и рух. Первое слово переводится как дыхание¹, а второе – рух – как ветер множество раз, но также и как дыхание², и как ум³, а в Новом завете постоянно как дыхание (по-гречески Пневма, откуда и пневматическая машина).

В Ветхом завете слово «душа» встречается в Библии 858 раз, а слово «дух» – 466 раз. В Новом завете душа – 105 раз и дух – 385, так что в сумме мы имеем 1709 случаев применения этих слов и ни единого раза со значением бессмертия. Выражения «бессмертная душа» и «бессмертный дух» в священном писании никогда не встречается. Это новейшая теология, а потому и буддизм со своим переселением душ и окончательным погружением их в состояние блаженного покоя есть только переходная ступень от библейско-евангельских представлений к самовольным философствованиям современных христианских theologов. А относительно терминологии никак нельзя определить, чем «дух» отличается от «души». В основе представлений о душе лежало несомненное представление о дыхании, а в основе представления о духе – ветер, невидимый, но ощутимый, откуда и слова евангелия Иоанна: дух дышит, где хочет, присутствие его ощущаешь, но не знаешь, откуда он приходит и куда идет.

А с тех пор, как составилось представление о непрерывной атмосфере, и дыхание и ветер обратились для нас в одно и то же: в движение непрерывной атмосферы, наполняющей все обитаемые живыми существами пространства.

От представления о человеческой душе, как об отдельном существе, тождественном с дыханием, недалеко было до вывода, что ее можно и переселять из одного существа в другое. Если бог оживил вылепленное из глины тело Адама, вдунув в него «дыхание жизни», отчего он стал живою душою, то почему же не передунуть тот же самый выдох в другого человека, или выдохнуть себе из него? Возможно, что с этой целью возник и поцелуй, как средство втянуть в себя часть души любимого человека.

Для учения о переселении душ могли легко служить, например, слова от имени Иисуса в евангелии Марка 12,26: «Разве вы не читали в

¹ Бытие 2,7; 7,22. Второзаконие 20,16; Псалмы 150,6. Исаия 2,22; 30,33; 42,5; 57,16.

² Бытие 6,17; Иов 10,12; 15,30; 17,1; 33,18; Исаия 11,4; 26,18; 30,28 и т.д.

³ I Паралипоменон 28,12. Псалмы 33,19 и т.д.

книге Моисея, как бог сказал ему: Я бог Авраама, Исаака и Иакова? Бог не есть бог мертвых, но бог живых». При отсутствии представлений о вечной душе, о чем мы говорим <...> Точно так же и разговор Иисуса с фарисеем:

– Ты видел Авраама?

Истинно, истинно говорю

Вам: раньше, чем был

Авраам, я был...

Разве не должны были эти слова навести на мысль, что сын божий еще раньше, чем родился от девы Марии «в 31 году царствования Октавиана Августа», рожден был еще и ранее Авраама, т.е. по еврейской хронологии в 2008 году до начала нашей эры?

То, что идея переселения душ существовала в евангельские времена у евреев, несомненно доказывается и словами фарисеев, что в Христе возродился пророк Илия, живший по средневековым христианским представлениям за 900 или 1000 лет до «Рождества Христова» (Евангелие <...>). А затем мы находим и в конце евангелия Иоанна, что через апокалиптическую тысячу лет, когда ожидалось второе пришествие Христа, будет снова в живых также и любимый его ученик Иоанн.

И если из-за такой нелепости, как слова евангелия Матвея о скопцах <...>, могла возникнуть и даже долго существовать секта скопцов, несмотря на ее принципиальное свойство – отсутствие потомства и возмутительность обряда принятия в нее, то как бы не образоваться в христианском мире также и секте верящих в переселение душ (т.е. выдыханий) людей и животных, и в неоднократные возрождения самого Христа, то в виде современника Авраама, то в виде пророка Илии, то в виде евангельского Иисуса, то в виде тибетского Далай-ламы? Ведь весь буддизм с этой точки зрения есть только дальнейшее развитие идей, зародыши которых положены в евангелиях.

В Европе же, как быстро захваченной естествознанием, развитие дуалистического учения о «теле» и «душе» пошло помимо религиозных представлений. И по-французски <...> первоначально – душа, того же корня, как немецкое <...> – дыхание¹ только отголосок греческого <...>, а французское <...> и английское <...> есть только отголосок итальянского <...>, означавшего первоначально дыхание, как свидетельствует и глагол <...> – дышать. И даже по-немецки <...> одинаково значит и дух, и спирт.

¹ Например, в выражении <...>.

Все это показывает на первоначальное отсутствие понятия об атмосфере и на мистическое представление о газах и ветрах.

Когда-то, еще в Шлиссельбурге, я изобразил все это в стихотворении В беседке.

<...>

В соответствии с этим, и в христианских представлениях «духи» населяют главным образом то же самое «пустое пространство» между земной поверхностью и прикрывающим ее куполом неба, как и летающие птицы.

А о «душах» умерших людей, т.е. об их улетевших в эту же область между небом и землей невидимых, но помнящих свое прошлое дыханий, говорится во всех христианских и языческих сказаниях, и за воплощение их в других телах с изгнанием из них прежней души достаточно говорили те случаи психоза, когда человек после мозговой болезни терял память о своем прошлом, переменял сразу свой характер и поведение. А о возможности изгнаний прежней души из человека и ее замене новою достаточно припомнить, что внушение, как способ колдовства, практиковалось в Европе и в средние века колдунами.

Потом со времени введения в употребление печатного станка (откуда только и можно начинать историю действительной науки и культуры) многие мистические духи были разжалованы в бессознательные газы, но мистика все же сохранилась в понятии об особой душе у мистического человека, способной летать по воздуху вне всякого тела. Это представление, поддерживаемое пережитками средневековой мистической теологии, причудливым образом уживалось во многих даже просвещенных головах с их естественнонаучными познаниями. И на этой почве началась идеистическая философия, которую неправильно называли идеалистической потому, что идея и идеал не одно и то же.

Началась она, собственно говоря, с евангелия Иоанна, которое я приписываю Иоанну Дамаскину, где он определяет бога как Слово, очевидно в том же смысле, как я это изобразил в своем стихотворении о городской беседке. По звуку этого слова произошло все на свете, т.е. имя произошло раньше предмета, которым оно называется. Отсюда в XI веке и произошел номинализм Компьенского каноника Иоанна Росцеллина. Но автор евангелия Иоанна, как бывает и со всеми знающими только свой язык, наивно не догадался, что имена предметов различны на разных языках, и потому учение о логосе (а также и номинализм) вскоре заменилось учением не о развитии предмета, а об идее о нем, вызвавшей его к жизни. Таковы были представления того, кого историки называют Обширным философом (Платоном по-гречески),

хотя, как я показал уже в третьем томе Христа, его произведения принадлежат нескольким авторам XV века, собранным в 1481 году Марчеллино Фичино и изданных Лаврентием Бенетом¹.

Потом епископ Берклин (1684–1753), родившийся в Англии как раз через три года после выхода Фичинова «Обширного Философа» (Платона по-гречески) повел это учение далее и пришел к заключению, что все материальные немыслящие вещи находятся лишь в представлении <...> душ, которые одни только реальны, и кроме них да бога, как всеохватывающей бесконечной мировой души, ничего нет. Все не мыслящее лишь признаки душ или духов, летающих в виде ангелов или демонов в пустых пространствах между землей и небом или под землю.

Потом появился так называемый критический идеализм Канта (1724–1804), развившийся в Германии, в Кенигсберге, и уже отрешившийся, благодаря развитию опытной науки, от христианского символа веры и от летающих повсюду в атмосфере духов, которых стало уже невозможно отождествлять с сознательными газами, от которых возникла и самая идея о их существовании, оставшаяся теперь без всякой внешней опоры, исключительно в мире субъективных идей. При дальнейшем логическом развитии идеизма, и сама наша жизнь с этой точки зрения стала представляться ничем не отличающейся от сновидения, кроме большей связности и систематизации ее образов и субъективных впечатлений. И вот Кант провозгласил «непознаваемость самих по себе» причин, порождающих в нашем сознании явления и предметы внешнего мира, к которому относится и само наше тело вместе со всеми его органами чувств. Для достоверного знания, – говорил Кант, а за ним и его последователи, – доступны лишь явления в нашем сознании, которое по существу тоже непостижимо. Само пространство и время лишь наши субъективные представления и сами в себе не существуют, а потому и все, что вмещается в них, тоже не существует вне нас и является лишь представлениями нашего сознания. Все познаваемое нашим умом создается им же самим по присущим ему законам в бодрствующем состоянии и беспорядочно во сне или при помешательстве. Наша сознательная жизнь есть только наш систематический сон, а кто спящий – мы никогда не узнаем.

Но если весь внешний мир есть сон, то и все окружающие нас люди, как принадлежащие к нему, только наши же представления, а не суще-

¹ Христос. Кн. III. С. 138.

ствуют в действительности. Существует только одно сознательное я – ничто иное, как сам я, единственный центр мира, хотя мне и грезится вокруг огромное количество совершенно таких же Я, и даже двух полов – мужского и женского. Но это – мираж.

К каким выводам обязательно приводит идеистическая философия в своем окончательном развитии; например, у Ницше:

– Скажи, философ новый,

В чем будущность бытия?

– Проста его основа:

Есть в мире только я.

Один я есмь и буду,

Один я есть и был.

– А мать твоя откуда?

– Я сам ее родил!

Вполне понятно, что такого рода философия, которая и сама приравнивает себя к простому сну, – могла развиваться только в пессимистическом сознании, и потому связана с пессимизмом, получившим окончательную обработку у Шопенгауэра (1788–1860), который человеческое сознание отождествил с волей, под представление о которой подвел не только сознательное желание, но и бессознательное влечение, включая сюда и все силы неорганической природы.

Во всех этих системах главным камнем преткновения служила явная множественность однородных сознаний, на которое я и пытался указать в только что приведенном стихотворении, написанном еще в середине шлиссельбургского заточения, где пожизненность изоляции от внешнего мира делала некоторых естественно очень склонными к подобного рода представлениям.

Некоторое время после того, как (благодаря помешательству многих из нас) нам были разрешены прогулки вдвоем, мне пришлось сильно страдать от этой философии. Моим спутником был назначен один из моих товарищей по заточению Сергей Иванов, как раз после того, как он прочел книгу Гертмана или Шопенгауэра, или Ницше, данную нам для переплета, и так увлекся субъективным идеализмом, что не мог говорить ни о чем другом. Это был настоящий психоз, и он продолжал бесконечно повторять те же самые доводы, пока наконец я не сказал ему однажды с тоном глубокого убеждения:

«Я совершенно не понимаю, Сергей, как можешь ты спорить со мною! Ведь тебя же нет, ты существуешь только в моем представлении».

Он рассердился и заявил с раздражением, что со мной не стоит говорить о философских вопросах.

Но это было справедливо не только по отношению ко мне, но и вообще. Всякий спор предполагает наличие двух равноправных спорящих, а что же тут выходит? Один говорит другому:

«Тебя нет! Ты существуешь только в моем воображении».

А другой ему отвечает:

«Врешь! Ты сам существуешь только в моем воображении!»

Как тут решить, кто прав? А раз мы допускаем совместное обсуждение хотя бы двумя лицами этого вопроса, то тем самым уже признаем, что не одно Я существует в мире, хотя каждому «Я» и кажется, что оно, несмотря на все свои передвижения, все время остается центром вселенной, что может быть только в случае ее бесконечности (где всякая точка пространства есть ее центр, подобно тому, как мы видим это на поверхности шара).

С этой точки зрения вполне правильно сказать, что с каждым нарождающимся человеком возрождается вся вселенная, и с каждым умирающим она умирает, чтобы вновь и вновь возрождаться в живых существах, обладающих органами чувств. Понятно, что эти отражения общего макрокосма в бесчисленности микрокосмов, какими являемся мы, чрезвычайно разнообразны. У мистически настроенных они принимают чудесную окраску, а у вкусивших естествознания принимают реалистический вид. Но мы можем прямо сказать, что естественнонаучное мировоззрение правильно, так как только одно оно позволяет нам безошибочно предсказывать будущие результаты тех или иных процессов в окружающем нас микрокосме.

Для этой моей книги, — где мне приходится излагать и разбирать философию современных восточных религий, — которым без достаточных доказательств придана глубокая древность, небезынтересно отметить, что пессимизм Шопенгауэра (1880–1860), рассматривающий бытие как страдание, а не бытие как избавление от него, выразился ярко и в буддийской религии, начало которой относят за 2000 лет до этого философа, хотя все документы о таком мировоззрении буддистов, насколько мне известно, обнаружены европейскими учеными в Индии в тот же период времени, и рукописи не несут признаков глубокой древности.

Я не буду, конечно, настаивать на том, что буддистские философы взяли это у европейских философов-идеалистов, а скорее на том, что и те и другие лишь завершили этим еще средневековые христианские представления, что земная жизнь есть юдоль страданий, а смерть лишь переселение души туда, где нет «ни болезни ни воздыхания», как поется и в похоронных гимнах.

Как антитезис идеизму в Европе возник с половины XVII века механический материализм, а потому и считать, что провозгласил его еще Демокрит и его учитель Белый Конь (Левкипп по-гречески), как называлась планета Юпитер, вместе с атомистической теорией, за полтысячи лет до начала нашей эры, — значит, просто не считаться ни с какими эволюционными законами.

Первые достоверные представления и об атомности вещества мы находим только у Гассенди (1592–1655), откуда ясно, что и почтенный милый Лукреций писал свою поэму «О Натуре Вещества» (<...>) не ранее XVI века. Во все средние века об атомистической теории не было и помину. А пышно развилась эта теория в связи с физикой и химией только в XIX веке, одновременно с механистическим материализмом.

Механистические идеи находим мы впервые в сочинениях Ламетри (1709–1750), одни названия которых: «Естественная История Души» (1745), «Человек-Машина» (1748), «Человек-Растение» (тоже 1748 год) достаточно показывают его взгляды.

Затем в 1770 году вышла в свет «Система Природы» Поля Гольбаха, являющаяся как бы евангелием материализма, где показывается, что человеческая мысль сводится на движение, а нравственность происходит от стремления к самосохранению, и опровергается существование божества в какой бы то ни было форме.

Завершителями этого мировоззрения в XIX веке был Фейербах (1804–1872) со своими «основами философии будущего», вышедшими в 1843 году, и другими книгами в том же направлении. А затем разработка этого мировоззрения перешла от чистых философов к естествоиспытателям. Первым из них был физиолог Молешотт (1822–1895), написавший «Кругооборот жизни» в 1852 году. Затем Бюхнер (1824–1900) выпустил в свет в 1855 году свою знаменитую книгу «Материя и Сила» и целый ряд других выдержавших множество изданий.

Главнейшим недочетом механистического материализма было примирить понятия о якобы инертном и бесчувственном атоме вещества с проявлениями чувствительности и сознания своего существования в состоящих только из таких атомов высших биологических организмах. А ведь эти чувствительность и самосознание обнаруживаются в психике всех людей, хотя бы вас самих, читатель, если не говорить о всех животных, без допущения чувствительности уже в самих составляющих вас первичных атомах, хотя бы, например, к прикосновению с ним других столкнувшихся с ним атомов¹, чем объяснить это ваше

¹ Попытка такого объяснения была сделана мною еще в Шлиссельбургской крепости в виде Научной полуфантазии <...> напечатанной в книжке «На

свойство? Современное представление о первичном атоме, как об электро-троне, на котором отзывается всякое малейшее движение других атомов-электронов и составляемых ими молекул, и каждое движение которого отзывается на них даже и без столкновения, стильно облегчит научное объяснение нашей психики и всех ее свойств, но для окончательного подведения ее под математические формулы с возможностью точных вычислений потребуется еще немало времени и напряжения человеческой мысли.

Само собою понятно, что все наши представления о собственном теле и о его непосредственном продолжении – всей бесконечной вселенной, кажущейся нам чем-то посторонним только потому, что в нее не проникает наша нервная система, носят своеобразную окраску от устройства наших органов чувств, приспособившихся только к части сил природы.

Кто мы? Подобья людей,
Только для зренья обычного
В свете различных лучей
Все мы – строенья различного.
В самом сознании своем
Словно мельканья мгновенные,
Мы как миражи плывем,
Только на миг неизменные.
Все мы в катодных лучах
Кажемся легкими дымками,
В электронных волнах
Движемся мы невидимками.
В мире свободных идей
Мы точно сны нереальные,
К цели предвечной своей
Гонят нас силы фатальные.
Все мы – микробов конгресс,
Временной плазмы сплетения.
Кто мы? Мы только процесс,
Жизни стихийной явление.

границе неведомого» в 1910 году, где я для простоты допускал, что так называемую душу составляет только один первичный атом нашего мозга, на котором сосредоточивается все действие нашей нервной системы. При допущении, что он ощущает прикосновение соприкасающихся с ним атомов, это выходит даже и без отождествления атома с электроном.

Однако же от этого представления о нас самих, как о местных процессах бесконечной и вечной вселенской жизни еще целая бездна до нищезанятия или крайнего субъективизма. Если ни один из наших органов чувств и не показывает нам природу в ее наготе, а только в надеваемой им же на нее своеобразной одежде, то это еще не значит, что наш ум не мог установить уже по одним ее переменам при разных условиях какова и без нее. Так вы сами, читая эту мою книгу, не видите в ней ничего, кроме черных фигурок на белых листках бумаги, а между тем ваш ум повторяет последовательно все мои мысли и даже не как простой фейерверк чужого ума, а критически, соглашаясь с одним и отвергая другое, если находите более правильным заменить его чем-нибудь простым.

Ведь современный естествоиспытатель знает и об обманах своих органов чувств, из которых всякому известны галлюцинации слуха, когда вы, «ослышавшись», принимаете какое-либо слово за похожее на него, и вам кажется, что вы ясно слышали, как его произнесли. Хотя небо и кажется вам голубым куполом, а звезды искорками на нем, обходящими землю каждые сутки, но ум образованного человека уже давно отрешился от этих представлений о вселенной. А в деле изучения прошлого я в этой моей работе уже не раз делал поправки буквального смысла старинных документов на основании законов психологической апперцепции при передаче содержания их от одного лица к другому, и устанавливая их первоначальный смысл и время посредством ряда вспомогательных методов.

Отсюда ясно, что наша мысль, хотя и работает не иначе, как при помощи наших органов чувств, но они только опора для ее общих выводов.

В настоящей главке мне нет возможности говорить о соотношениях новейшего диалектического материализма с его тезисами и антитезисами, к изложенному здесь энергетическому мировоззрению натуралистов. В общем своем виде диалектический материализм был впервые приложен к естествознанию в прекрасной книжке Фридриха Энгельса, имеющейся на русском языке, «От классического идеализма (т.е., по нашей терминологии, идеизма) к диалектическому материализму»¹. И по моим представлениям как о нем, так и об электронной энергетике современных физиков и химиков, они только дополняют друг друга, освещая предмет с двух разных сторон.

¹ По-немецки она озаглавлена несколько иначе: <...>.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Христы в Индии и на Цейлоне

Глава I

ЧУДЕСА ВОСТОКА

Изучая сырой материал, собранный западноевропейскими коллекторами по древней истории Малой Азии, Сирии, Персии, Месопотамии, Ирана, Индии и Китая, невольно поражаешься огромным количеством заключающихся в нем умышленных и неумышленных мистификаций. Беспристрастному исследователю кажется, как будто он читает историю святых мощей какого-либо монастыря в одной из клерикальных монографий, где атмосфера чудес всегда носится вокруг мощей святого, как запах падали вокруг гниющего трупа.

И все эти монастырские чудеса, главным образом исцеления тяжело больных, подтверждены точными показаниями присутствующих лично свидетелей, с указанием их имен, места жительства и прошлой жизни и с обозначением точного времени чуда и обстоятельств, при которых оно произошло. Кажется, что никакого сомнения в правдивости рассказов тут быть не может, особенно, когда их приведено, как в некоторых «описаниях мощей», целые сотни. И однако же при освидетельствовании таких мощей (какое было, например, у нас в первые годы революции) всегда оказывалось, что они простые засохшие от жары и сухости трупы неизвестных людей, которые никого не могли исцелить.

Как могли произойти такие грандиозные мистификации? Возможно ли это объяснить одним своеобразным экономическим материализмом монахов и монахинь из монастыря, измысливших все это с целью добывания средств для своего пропитания? Конечно, во многих случаях это несомненно. Главари монастыря, в котором из засохших трупов образовались уже настоящие страшилища, не могли этого не видеть при их приемках после смерти своего предшественника и сознательно скрывали настоящее положение дела. Но «истории» отдельных мощей с описаниями многочисленных выздоровлений от них часто носят характер полной убедительности. Неужели, — спрашиваете вы, — все приходящие сюда поклонники и поклонницы тоже были сознательными обманщиками? Ответ на это очень прост. Из тысяч тяжело больных, привозимых сюда родственниками для исцеления, ведь не все же умирали при самом выходе из монастыря, а некоторый процент и выздоравли-

вал, и особенно были эффектны случаи с истерическими больными, которые на время действительно чувствовали себя поправившимися моментально, что и протоколировалось с жадностью монахами. А о том, что через какой-нибудь месяц истерия во многих случаях возобновлялась по отъезде или уже дома далеко от монастыря, и о том, что огромное большинство тяжело больных уезжали не поправившимися, об этом умалчивалось. И вот, прилагая такую поправку и приняв во внимание сотни тысяч искавших исцеления, приходится удивляться не числу чудес, описанных в таких монографиях, а наоборот, их малочисленности.

Но такую же поправку мы должны делать и относительно «исторических мощей», найденных до сих пор в азиатских странах западноевропейскими искателями-специалистами. Не все из них были мистификаторы, а в огромном большинстве самыми честными и добросовестными археологами. Но такое большинство большею частью возвращалось ни с чем, или с неэффективным материалом. И только меньшинство из авантюристов, способных на мистификацию, или, наоборот, из слишком простодушных ученых, способных поверить местным мистификаторам, естественно, налетающим со всех сторон на таких искателей, как мухи на мед, привозило с собой в Европу настоящие «чудеса Востока». Во многих случаях они, при ближайшем рассмотрении, оказываются не хуже носившихся недавно около святых мощей и поднимают историю восточных народов выше всяких естественных эволюционных законов природы, ставя первичную культуру этих народов совершенно на сверхнатуральные основы. Вот почему эту область и следует особенно внимательно рассмотреть и, если тут действительно окажется много шарлатанства, то не ставить этого в укор историкам-мыслителям.

Мы должны всегда помнить, что не всякий коллектор имеет право на звание ученого. Вот, например, я сам, еще будучи гимназистом первых классов, сколлектировал и рассадил в ящиках на булавках, вероятно, почти все виды и разновидности насекомых Ярославской губернии, где проводил лето. Они потом пропали во время превратностей моей последующей жизни, но были бы несомненно довольно ценным материалом для энтомолога, особенно интересующегося распределением насекомых. Но сам был ли я тогда энтомологом? Нет, я был просто гимназистом.

Вот, например, нечто и побольше — корреспондент американской газеты Стенли. По поручению этой газеты и на ее средства он был отправлен в 1877 году разыскивать затерявшегося в Африке Ливингстона и описал ряд восточно-африканских стран и народов, а более всего свои

занимательные приключения. Затем по поручению той же газеты в 1874 — 1877 году он проехал по рекам и прошел по лесам поперек всей Африки, что и описал, и наконец, в третий раз он был послан для отыскания Эмина-Паши, т.е. немецкого путешественника Эдуарда Шнитцера, отрезанного от цивилизованного мира восстанием египетских магдистов, и нашел его в Верхнем Египте, открыв и описав по пути истоки Конго около 1889 года. Я буду последний из способных отвергать его заслуги в качестве коллектора географического материала, но на вопрос о том, был ли он ученым географом, т.е. способным к обобщению этого материала и к установлению общих географических основ, я прямо отвечаю: нет! Он был замечательным путешественником-авантюристом, но не ученым-географом.

Возьмем, наконец, и еще нечто побольше даже Стенли — замечательного коллектора египетских древностей Генриха Бругша. Он был послан из Берлина консулом и дипломатом в Каир и в Персию, поступил на службу египетского хедива под именем Бругаш-паша, сколлектировал и скопировал множество иероглифических и демотических антиков и опубликовал их. И вот, хотя потом, возвратившись в Германию, он и стал профессором Берлинского университета и написал много ценных вещей по египтологии, я прямо должен сказать, что разделяю его жизнь на два периода. В молодости он был просто авантюрист и коллектор и только во вторую половину стал ученым. В первой половине своей жизни он, как коллектор и авантюрист, был очень крупная величина, хотя подобно им и бесцеремонен, что покажут нам в следующих же главах этого тома его «Четыре египетские таблечки времен дедушки астронома Гиппарха», сводящиеся к предумышленному подлогу. А как ученый он был, конечно, хотя очень сведущ в фактическом материале, но без всяких обещающих способностей, благодаря чему и создал ту нелепую хронологию древнего Египта, опровергать которую нам пришлось во второй половине VI тома «Христа».

Все это я сказал здесь для того, чтобы у читателя не возникло недоумение при чтении последующих страниц. Обнаруживая многочисленные подлоги в древней истории азиатских народов (не известной, кстати, им самим, но созданной для них европейскими учеными и по привозимым от них же и неведомым для них самих документам) я ни в коем случае не хочу бросить тень на добросовестность наших ученых востоковедов. Я резко отделяю ученого историка от простого искателя древних и редких исторических документов, особенно сенсационных и в отдаленных странах, мало известных общеобразованной публике на его родине. Первый похож на охотника за редкой дичью, а второй на

ученого зоолога, препарирующего ее, а разница между ними большая: ведь все знают, что называется «охотничьими рассказами».

С психологической точки зрения вполне понятно, что искателю редких документов, совершившему за ними отдаленнейшее путешествие с огромными затратами собственного времени и нередко чужих средств, почти немислимо, если он не герой добродетели, вернуться домой ни с чем, особенно когда головы соотечественников, как и его самого при начале путешествия, были переполнены фантазиями насчет груд древних обломков и всяких клинописных надписей, валяющихся там чуть ли не на каждом шагу. Да и кто поверит, если возвратившись, он объявит, что там их еще меньше, чем у него на родине, где тоже можно копать землю в разных местах целую жизнь и все-таки не найти ничего особенно сенсационного? Соблазн подделать с отчаянья что-нибудь тут почти непреодолим. Вот почему и надо строго отличать ученого историка от коллектора сырых исторических материалов. Это две совершенно разные категории людей и каждая категория совершенно различной психической закалки. Коллекторы всегда склонны к авантюризму, и при случае не прочь мистифицировать, а вторые, особенно очень узкие специалисты, которым трудно сделать широкие обобщения, часто слишком доверчивы, тем более, что история, как серьезная наука, ищущая в кажущемся хаосе исторических явлений естественной причинности и эволюционной закономерности, возникла лишь со времени выхода в 1858 году гениальной книги Томаса Бокля «История цивилизации в Англии». Правда, что первые попытки этого рода были сделаны еще Вольтером в половине XIX века и отчасти Огюстом Контом в первой половине XIX века. Но Бокль впервые стал на естественно-научную и фактическую почву, а потому и реальную «историческую науку» приходится начинать только с него, и это мое исследование только надстройка заложенного Боклем фундамента.

Научная история начинается только с Бокля, а все, что было до него под названием «Всемирных историй», только рассортированный по векам (да и то с грубыми ошибками) материал для научной истории человечества.

Глава II

НЕСКОЛЬКО ОБЩИХ ЗАМЕЧАНИЙ

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том.
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом.
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса, там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит.
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей.
Там лес и дол видений полны.
Там на заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой —
И тридцать витязей прекрасных
Тотчас из волн выходят ясных
И с ними дядька их морской...
И там я был, и мед я пил,
У моря видел дуб зеленый,
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил...

Это предисловие Пушкина к его поэме «Руслан и Людмила» давно следовало бы поставить эпиграфом ко всей нашей древней истории, так как при систематических поисках первоисточников ее действительно старинных сообщений мы в окончательном результате всегда добираемся до «ученого кота», и тут наши поиски приостанавливаются. А содержание первичного кошачьего рассказа всегда бывает, как и в поэме Пушкина, и с русалками на ветвях, и с тридцатью морскими богатырями, которых насильно приходится отлуплять от остальной более правдоподобной части сообщения. Но ведь и из «Руслана и Людмилы» Пушкина можно сделать исторических личностей, выбросив из нее все

куплеты с неправдоподобными сообщениями и оставив лишь одно правдоподобное. Чем, например, не исторично самое начало этой поэмы?

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой:
С друзьями в гряднице высокой
Владимир Солнце пировал.
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана,
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.

Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Чем же это не исторично? Тут даже есть и описание быта очень правдоподобное, и не менее правдоподобны все описываемые события, как только мы исключим из них чудесные эпизоды и допустим, что похититель Людмилы Черномор только по легковерию автора принят за волшебника, а в действительности был печенегским царем с берегов Черного моря. Даже и время описываемых событий мы легко определим: они были между 938 и 1015 годами нашей эры. Ошибки тут быть не может, даже и на несколько лет: так хорошо считается известным время пребывания Владимира в Киеве.

Совершенно таковы же и все остальные наши исторические первоисточники, время появления которых мы имеем право считать раньше книгопечатной эпохи. Возьмем, например, рассказы о царях Сауле, Давиде, Соломоне, и даже о последующих за ними царях народа божия, вроде, например, грешного царя Ахава с гремящим перед ним пророком Илией. Чем эти повествования — взятые целиком, историчнее сказки Пушкина о Руслане и Людмиле, хотя о них и говорят, что они написаны не самим «Ученым котом» под зеленым дубом у Лукоморья, а продиктованы коту «святым духом».

Я здесь нарочно подчеркнул, что говорю это только о книгах, время составления которых до начала книгопечатной эры, т.е. ранее 1450 года нашей эры мы можем считать доказанным. Чудесный или мистический

ингредиент является всегда их отличительным признаком, и он вполне соответствует первой и даже средней стадии литературного творчества, когда реалистическое представление и изображение событий человеческой жизни и природы еще не выработалось диалектическим путем внутри самого окончательно созревшего мистического миропонимания.

Уже одно это обстоятельство должно бы заставить современных, чуждых мистики авторов, особенно марксистов-диалектиков, признать за апокрифы все обширные произведения реалистического естественного и жизнеописательного характера, приписываемого глубокой древности, вроде, например, Геродота, Фукидида, Плиния и других «классиков». Не говоря уже об астрономе Птолеме, обнаруживающем уже механистическое представление о Вселенной. Ведь признать, что человеческая мысль, поднявшись во втором веке нашей эры при астрономе и географе Птолеме до чисто материалистических представлений, опять в средние века возвратилась к мистике, это с точки зрения диалектического эволюционизма то же самое, как объявить, что некий уже родившийся ребенок, вместо того чтобы, достигши зрелости, самому стать отцом других детей, каким-то образом обратно возвратился уже взрослым в чрево своей матери, чтобы возродиться в какую-то «Эпоху возрождения».

Но для того, чтобы отличить действительно древние документы от возникших в Эпоху Возрождения или даже от умышленных подлогов нашего времени, которые, к сожалению, не прекратились и до сих пор, нам нет нужды ссылаться на Маркса и Энгельса и доказывать, что всякий ученый марксист, не ставший на нашу точку зрения, будет только биться, как карась на сковороде, в деле приведения древних историй (потому что их несколько совершенно разрозненных) в диалектическую связь со средневековой и с новейшей историей человечества.

Есть несколько очень простых признаков для отличия действительно старинного литературного произведения от недавнего. Прежде всего мы здесь можем опереться на закон размножения рукописей в допечатное время в геометрической прогрессии с каждым новым десятилетием существования языка, на котором они написаны.

Я уже обосновывал этот закон в шестом томе моего исследования, говоря о подложных биографиях Магомета, опубликованных в IX веке нашей эры д-ром Шпренгером, по которым обычно и пишутся биографии мифического завоевателя Ислама, но для связности изложения повторю и здесь, пояснив на наглядном примере из недавней русской жизни.

Когда около 1840 года Лермонтов написал свою поэму «Демон», печатанье ее было запрещено церковною цензурою, но она все же быст-

ро распространялась в читающей публике. Человека четыре (допустим, что не более) списали ее у самого автора в первый же год. У каждого из них списали в следующий год тоже, например, четыре знакомых и таким образом во второй год имелось уже не менее $16+4$, т.е. 20 экземпляров. С каждого из этих экземпляров в следующем году было списано (положим) тоже по 4 экземпляра, и значит, ходило уже $80+20$, т.е. около ста экземпляров и т.д., с каждым годом увеличиваясь, положим, только вчетверо, а не более.

Что же выходило? Мало знакомый с математикой читатель даже и не подозревает, какой поистине чудотворный множитель геометрическая прогрессия, ее действие прекращается только с полным насыщением всех интересующихся данной книгой. Так и «Демон» Лермонтова через несколько лет был уже в каждой помещицкой домашней библиотеке в многих сотнях. Переписывание его прекратилось только тогда, когда было разрешено напечатанье этой поэмы в полном издании сочинений Лермонтова и рукописные экземпляры, как более не нужные, стали выбрасываться вон. Однажды я нашел такой экземпляр, изящно переплетенный и с разрисованным заглавным листком, заброшенным в нижнем отделении книжного шкафа своего отца, и он мне рассказал, как ранее появления этой поэмы в печатном виде все переписывали ее.

И само собой понятно, что если бы печатный станок, сразу размноживший сочинения Лермонтова, не отгиснул с ними и эту поэму сразу в тысячах экземпляров, то процесс ее рукописного воспроизведения продолжался бы и теперь. Она была бы во всяком случае настолько распространена в России, что желающему напечатать ее стоило бы только выпустить объявление в газетах с обещанием приличного гонорара, для того чтобы получить десятки списков, а не найти единственный на земном шаре экземпляр ее у какого-нибудь гидальго в отдаленной от центров испанской культуры усадьбе в Пиренейских горах, куда трудно добраться.

И если бы какой-нибудь современный русский писатель, съездив в Испанию, вдруг объявил, что он нашел там в развалинах одного дома в Пиренеях еще неизвестный в России рассказ Лермонтова и предлагает редакторам наших журналов купить его у себя за крупную сумму денег, то кто над этим не рассмеялся бы и не сказал, что написал рассказ он сам — путешественник?

Но вот, как я уже показывал в шестом томе, были открыты по такому именно шаблону д-ром Шпрингером в XIX веке, в недоступном для проверки местечке внутренней Индии уники биографий Магомета, ко-

торами и пользуются теперь ученые жизнеописатели пророка. Почему эти биографии, как чрезвычайно интересные всякому образованному магометанину, не распространились за тысячу лет их существования по закону геометрической прогрессии в тысячах экземпляров, как распространились рукописи Библии, бывшие в каждом монастыре перед их напечатанием Гуттенбергом? Почему их единственные на нашем свете экземпляры оказались найденными арабистом Шпенглером за тридевять земель в тридесятом царстве от места, около которого происходило действие, подобно тому, как я предположил относительно Лермонтова.

Отсюда ясен такой вывод.

Всякое общеинтересное литературное произведение древности, найденное до сих пор (или еще вернее: до своего напечатания) только в одном экземпляре априорно должно считаться подложным. И это сторицею относится к тем случаям, когда оно найдено не на территории того народа, на языке которого писал автор, а в чужих для него странах.

Но ведь в таком случае, — уже говорили мне, — придется признать подложными все лучшие произведения классической древности! Не лучше ли допустить, что их истребили последующие иноверцы?

Но какие же иноверцы владели, например, магометанскими странами? Да и относительно истребления классических произведений христианами монахами у нас нет никаких указаний. Ведь для этого надо было делать поголовные обыски всех грамотных граждан, о чем ничто нам не сообщает. И, кроме того, у нас имеются даже документы, вроде латинских кодексов запрещенных книг, совершенно опровергающие такое допущение: в них нет ни одной классической книги.

О псевдо-древних «униках», лежащих в основе современной нам древней истории, часто говорят: «Очевидно, они хранились в каком-нибудь одном роде, бережно передаваясь от отца к сыну, в тайне от посторонних».

Но ведь это объяснение, во-первых, сразу уничтожает всю ценность документа: оно рисует его как никогда никому не известное, кроме одного человека, как индивидуальное случайное произведение, чуждое всему остальному миру.

Во-вторых, такое оберегание не свойственно человеческой природе. Пряталось от всех глаз только золото скрягами, которые скрывали его даже и от старшего сына, по совершенно другим причинам. Да и передача рукописи от отца к старшему сыну не могла совершаться много поколений подряд, так как очень часто случается, что в том или ином семействе получают только одни дочери. Все такого рода объяснения

существования общеинтересных литературных рукописных произведений в продолжение сотен лет в одном экземпляре, без их естественного разноможения в геометрической прогрессии, способны удовлетворить только детей.

Рассматривая общеинтересные литературные произведения, приписываемые буддизму, мы тоже, как и в открытиях Шпринглера, прежде всего наталкиваемся на указанные нами признаки их недавнего возникновения, или их умышленной подложности.

Завершением буддизма во внутренней Азии является ламаизм, возникший только в конце XIV века нашей эры под влиянием Изонканы (1357—1417), а ламаизм представляет собой лишь простое ответвление религии «пробужденцев», во главе которого стоит нечто вроде римского папы — Далай-Лама в городе Лассе — властитель Тибета, первосвященник всего Китая и соседних с ним стран, в котором, — говорят нам, — воплощается первичный «пробужденец» (Будда).

Раньше 1357 года никакого Далай-Ламы, т.е. воплощения Будды, не было, и следовательно, казалось бы, и Первопробужденец жил уже не так задолго до первого своего воплощения в конце XIV века. А между тем нам говорят обратное.

Одни нам повествуют, что основатель Пробужденства жил еще между минус 560 и минус 480 годами, а другие утверждают, что это было за минус 1037 лет, откуда буддисты ведут свою «священную Эру».

А когда обращаешься к первоисточникам, то в конце концов и тут доходишь до «ученого кота» из «Руслана и Людмилы».

Астрономических указаний у меня для этого случая еще нет, но и оставаясь на чисто рационалистической точке зрения, нетрудно видеть, что возникновение буддизма-пробужденства с исключительно монашеским духовенством не могло быть одновременно с развитием монашества и в Европе, потому что для такого противоестественного учреждения не могло быть в человеческой истории двух самостоятельных и одновременных причин.

Причиной развития его могло быть только сильное распространение венерических болезней, благодаря вакхическому культу, как результату открытия виноделия, пережитком чего является таинство причащения в христианской восточной церкви. А это обряд со времени Василия Великого, современника, если не варианта императора Юлиана (361—363) нашей эры.

Значит, и легенда о «пробужденном» скорее всего относится к концу IV века и занесена в Тибет не из Индии, а из Великой Ромеи, а оттуда попала в Индию и Цейлон, едва ли ранее, как в период распространения

ислама, тогда как брамаизм с его Троицей был занесен туда же вместе с виноделием из той же Великой Ромеи, еще в средние века.

Нам остается только посмотреть, насколько имеющиеся у нас — и все очень позднего времени — сказания оправдывают такое предварительное предположение.

Глава III

БУДДИЙСКИЕ КУЛЬТЫ В ИНДИИ, НА ЦЕЙЛОНЕ И В ИНДОКИТАЕ

Два раза в месяц, во время новолуния и полнолуния, когда происходят затмения солнца и луны, — говорит нам книга «Терагата» (стр. 1062), — сходились монахи, живущие в округе, чтобы держать пост. Буддизм есть религия без молитв. Самым значительным проявлением этого культа были покаянные собрания монахов во время поста, нечто вроде проверки, насколько строго братия исполняла обязанности духовной жизни.

Старший из монахов каждого округа назначал место собрания, и вечером в день поста собирались в выбранном монастыре или в другом каком месте, доме или норной пещере, все монахи, жившие в округе.

В месте собрания, освещенном факелами, монахи занимали приготовленные для них места на низеньких скамейках. Миряне, послушники и монахини не имели права присутствовать, потому что правила, которые излагались в этом собрании в форме исповедного требника, считались тайной монахов. Но несмотря на эту тайну Ольденберг так излагает буддийскую литургию.

Старший из братьев или какой-нибудь другой монах, — говорит он (стр. 339), — громко читал этот исповедный требник, литургию «отпущения».

«Пусть община, достопочтенные, выслушает меня, — говорил он. — Ныне пост, пятнадцатое число месяца. Если община готова, то будет поститься... Я буду читать исповедный требник».

Присутствующие отвечали:

«Все мы, присутствующие здесь, слушаем и памятуем».

«Пусть тот, кто совершил проступок, — продолжает читающий, — признается в нем. А кто не совершил никакого проступка, может молчать. Монах, не сознавшийся после троекратного вопроса о проступке, который он совершил, и о котором помнит, виновен в сознательной лжи. А сознательная ложь, достопочтенные, приносит погибель — так сказал Возвышенный. Потому монах, совершивший какой-либо проступок и вспомнивший о нем, должен сознаться в нем, если он захочет очиститься. Когда он сознается, ему будет легко».

Потом начиналось перечисление проступков. Сначала идут самые тяжкие проступки. «Если монах, — провозглашал чтец, — имел половое сношение с каким-либо существом, даже с каким-либо животным, то он изгоняется и исключается из общины». В таких же словах говорится о других трех тяжких грехах: о воровстве, убийстве и ложных притязаниях на духовные совершенства. Затем чтец обращался к присутствующим с троекратным вопросом:

«Спрашиваю я вас, достопочтенные, чисты ли вы от этих преступлений? И во второй раз спрашиваю вас: чисты ли вы? И в третий раз спрашиваю: чисты ли вы?»

И если все молчат¹, то чтец возглашает: «Достопочтенные, присутствующие здесь, чисты, потому они и молчат — так я понимаю их молчание».

Далее перечисляются менее важные преступления и проступки, ведущие за собой временное понижение по степени святости или такие, за которые не полагается никакого наказания и дело ограничивается этим простым признанием перед всей общиной. Так, например:

«Тот монах, который унижится до того, что прикоснется к телу женщины с греховными мыслями, который возьмет ее за руку или за волосы или дотронется до той или другой части ее тела, подлежит временному понижению в степени».

«Если один монах в гневе и по вражде выгнал или велит выгнать другого из дома, принадлежащего общине, то он подлежит покаянию». И т.д.

Таким образом более, чем в двухстах довольно несистематично составленных параграфах излагаются воспрещения относительно ежедневной жизни монахов, их жилищ, пищи и питья, платья, их сношений друг с другом и с мирянами и послушниками. Дело часто идет о самых незначительных и мелких вещах.

¹ В позднейших текстах есть указание, что на празднике покаяния не должен присутствовать монах, не искупивший свой грех. Он должен признаться и понести должное наказание раньше. Если же он вспомнит о каком-нибудь проступке во время праздника, то не должен отвечать на вопросы чтеца, а должен освободиться временно от своего греха на время праздника тем, что говорит соседу: «Брат, я совершил такой-то и такой-то проступок: я очишусь от него, когда уйду отсюда». Кто знает о проступке другого, тот должен убедить виновного очиститься до праздника покаяния, или, если тот не подвергает себя покаянию, должен воспретить ему присутствовать на празднике. В положении: «никто, на ком лежит проступок, не может держать праздника поста», ясно видно различие позднейших понятий от древних учреждений, создавших праздник покаяния именно для тех монахов, которые совершили какой-нибудь проступок.

Кроме полумесячного праздника покаяния нужно упомянуть еще об ежегодном празднике, называемом «Приглашением». По окончании трехмесячного дождливого времени до начала странствования собрались монахи каждой диоцезы; все, от старшего монаха до самого молодого, сажались в почтительной позе на пол и, подняв сложенные руки, просили братьев назвать ту ошибку против них, в которой они провинились за это время. Вся забота в этих церемониях культа направлена только на приличное поведение и правильность поступков членов общины. Все же выходящее из этих пределов — поучение и благочестивое самоуглубление — предоставляется свободной деятельности отдельных членов общины или отдельным кружкам.

А каковы же были отношения к женщинам? Даже и теперь гражданское право индусов держит женщину в зависимости в течение всей ее жизни. «В детстве, — гласит известное изречение законов Ману, — она должна подчиняться воле отца, в молодости воле мужа, а когда умрет ее супруг, воле сына; женщина не должна никогда пользоваться независимостью». Правила, установленные буддийским общинным регламентом для духовной жизни монахинь, могут служить дополнением к этому положению Ману. Как супруга подчиняется опеке мужа, а мать сына, так и орден монахинь подчинен опеке ордена монахов.

Основным законом общины монахинь служили «восемь высоких правил», данных от имени Будды первым монахиням при их посвящении.

«Всякая монахиня, хотя бы она получила посвящение сто лет тому назад, должна почтительно приветствовать всякого монаха, хотя бы он только что получил посвящение, должна вставать перед ним, поднимать к нему сложенные руки и чествовать его, как это приличествует. Это правило она должна уважать, свято сохранять, чтить и не нарушать всю жизнь».

«Монахиня не должна проводить дождливого времени года в том округе, где нет монахов».

«Дважды в месяц монахини должны обращаться к общине монахов: они должны спрашивать их о празднике покаяния и слушать, как монахи проповедуют (священное слово)».

«После дождливого времени монахини должны обращаться к обоюдной общине с троекратным приглашением обличить их в грехах, не заметили ли чего за ними, не слышали ли о них чего-нибудь, не подозревают ли их в чем-нибудь».

«Монахиня, совершившая тяжкий проступок, должна подчиниться полумесячному покаянию, налагаемому на нее обоюдной общиной».

«Обоюдная община только тогда даст посвящение желающей, когда та прожила два года, исполняя шесть правил».

«Монахиня ни в коем случае не должна смеяться или бранить монаха».

«Заграждается рот монахиням против монахов, но монахам не заграждается рот против монахинь».

Каждые две недели монахини отправляются к монаху, назначенному для этого решением братии, чтобы получить от него духовное поучение и увещание. Этот монах в присутствии другого ожидает монахинь сидя и, когда они явятся и отдадут ему земной поклон, то он начинает говорить им о восьми высоких правилах, излагает их в проповеди или в форме вопросов и ответов.

Понятно, что монахи были строго отделены от монахинь. Даже тот монах, который был обязан говорить монахиням проповеди, не может входить в женский монастырь, за исключением только того случая, когда одна из сестер была больна и нуждалась в поучении. Монахам строго воспрещалось идти в путь вместе с монахиней, ехать с ней на одном корабле и быть с ней вместе без свидетелей. Ежедневная жизнь и религиозные упражнения монахинь не отличались ничем существенным от жизни и упражнений монахов. Разница была только в том, что уединение было для монахинь если не воспрещено, то во всяком случае ограничено: им воспрещалось жить одиноко в лесу, а только в стенах деревни или города, в хижинах или монастырских кельях, вдвоем или более, а не в одиночестве. Из монастырей они выходили на сбор милостыни и отправлялись в долгие странствования, считавшиеся у них, так же как и у монахов, необходимым условием аскетической жизни. Считают, что и число их было гораздо меньше, чем монахов¹.

Но без мирян немислим орден нищенствующих монахов, а потому он и не претендовал на всеобщее присоединение к себе, а только чтоб его чтители, и для поступления в число их «почитателей» не требовалось никаких условий, а только проповедовалось, что для своего же спасения им необходимо содержать нищенствующую братию. Община монахов даже могла предписать «не подставлять такому-то мирянину чашу (т.е. не принимать от него милостыню) и отказываться от общей трапезы»², а если он раскаивался, то составлялось обратное решение: «подставлять ему чашу и разделять с ним трапезу».

¹ Об этом дают представление, например, указания о числе монахов и монахинь, присутствовавших на большом празднике, устроенном Асокой. Там было 800 миллионов монахов и только 96 000 монахинь.

² Это отлучение не применялось в случае дурной жизни, а как наказание за оскорбление. Приводится восемь случаев, когда на мирян налагается такое наказание: «Когда мирянин старается, чтобы монахи не получали даров; когда он старается, чтобы монахи терпели вред; когда он старается, чтобы у мона-

Для мирян не устраивалось никаких правильных духовных собраний и им не разрешалось даже присутствовать при торжественных актах общины. Только ежедневные сборы милостыни поддерживали постоянные отношения между монахами и мирянами, причем последние получали благословение. Миряне с своей стороны приходили в сады общины, находившиеся обыкновенно за городом, с дарами разного рода, с припасами и лекарствами, с венками и благоуханиями; там они воздавали монахам подобающие почести и слушали чтение святых речей и изречений. Верующие какого-нибудь деревенского округа требовали иногда, чтобы монахи провели дождливое время близ их деревни; они устраивали для своих гостей жилища и давали им ежедневно при их обходах пищу. Когда по окончании дождливого времени монахи собирались отправляться в путь, миряне обыкновенно давали им прощальный обед, причем обыкновенно уходящим духовным странникам раздавали одежды или ткани для приготовления их. Часто миряне соглашались устраивать для общины обеды поочередно; а во времена голодовок, когда угощение всех братьев было бы не под силу одному мирянину, происходили «обеда по назначению», «обеда по приглашению», «обеда на рынках», «обеда полумесячные». Обязывались или навсегда, или на известное время доставлять монахам лекарства, какие им будут нужны; а иногда благотворительные женщины приходили в монастырский сад и в каждом доме спрашивали: «Нет ли больных у вас, достопочтенные? Кому и что нужно принести?» Понятно, что и монахи не скупились на обещания всякого рода небесных наград. «Будда хвалил, как прекраснейший дар, — говорится в одном из текстов, — подарки общине, дома, места убежищ и радости, где можно предаться самоуглублению и святому созерцанию. Потому пусть мудрый человек, понимающий свое собственное благо, строит хорошие дома и принимает в них знатоков учения. Пусть он с радостным сердцем даст им, справедливым, пищу и питье, одежду и ложе. А они пусть проповедуют ему учение, уничтожающее всякое страдание; и если он познает учение, то он без греха войдет в Нирвану». Совершенно естественно, что иногда доброхотные датели, чересчур поддающиеся обещаниям небесной награды, сильно эксплуатировались особенно назойливыми и бессовестными из этих нищенствующих раздавателей небесных благ. Рассказывается история о благочестивом горшечнике, у которого монахи потребовали такого огромного количества чаш, что он совершенно разорился.

хов не было жилищ; когда он смеется и бранит монахов; когда он сеет между них раздоры; когда дурно говорит о Будде, когда дурно говорит об общине».

Миряне считались только союзниками и не больше. Им было отказано в сознании, что и они принимают участие в царстве Будды — их отличие от монахов было еще больше, чем в браминском жертвенном культе отличие от браминов мирян, которые все-таки, хотя бы и при посредстве браминов, могли также приближаться к богу, как и сами жрецы. Верующий буддист, не имеющий силы отречься от мира, мог утешаться лишь надеждой, что в будущей жизни ему суждено надеть монашеское одеяние и вкусить блаженство искупления.

Но если все это так, читатель, то кто же написал все эти философские трактаты, находимые «униками» в лесах Индии современными европейскими учеными? Неужели эти нищие — лентяи и бродяги-отшельники? Или те миряне, которых они не допускали даже на свои собрания?

Здесь наши премудрые исследователи индийско-буддийской философии доводят нас до крайних пределов несообразности, далее которых идти невозможно. У этих индийских столпников едва ли было больше литературы и философии, чем у индийских петухов.

Глава IV

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ БУДДИЗМА В ИНДИИ

По словам Рис-Дэвидса при посвящении в члены буддийского духовенства не производится ничего мистического. Мирянин, желающий вступить в орден, должен быть, по крайней мере, восьми лет для принятия в число послушников и не менее двадцати для полного посвящения. В назначенный день собирается капитул, состоящий по крайней мере из десяти монахов; председатель должен быть из числа монахов, принадлежащих к ордену не менее десяти лет. Монахи, составляющие капитул, сидят на циночках в два ряда друг против друга; председатель сидит во главе одного ряда. Кандидат, в светской одежде, но имея в руках три желтых монашеских платья, вводится тем, кто его предлагает (лицо это должно быть из числа монахов), учиняет «салам» перед председателем и предлагает ему маленький подарок в знак уважения. Затем он трижды просит о принятии его в число послушников. «Будь милосерд, Господи, возьми эти облачения и разреши мне быть посвященным, чтобы я избег скорби и испытал Нирвану». Тогда председатель берет связку платьев и обвязывает их вокруг шеи кандидата, произнося формулу, заключающую в себе размышление о преходящей природе человеческого тела. Затем кандидат удаляется и переменяет одежду, повторяя формулу, содержащую мысль о том, что, хотя он и носит одежду, но делает это только из скромности и в защиту от жары, холода и т.п. Когда он вновь появляется, одетый нищенствующим, он становится на колени перед председателем и трижды повторяет за ним две хорошо известные буддийские формулы. Первая из них называется «Тремя убежищами».

«Я ишу убежища у Будды,
Я ишу убежища у Закона,
Я ишу убежища у Ордена».

Вторая носит название «Десяти Предписаний», заключающихся в следующем:

1. Я даю обет не разрушать жизнь.
2. Я даю обет не красть.
3. Я даю обет воздерживаться от нечистоты.
4. Я даю обет не лгать.

5. Я даю обет воздерживаться от опьяняющих напитков, препятствующих успеху и добродетели.

6. Я даю обет не есть в запрещенное время.

7. Я даю обет воздерживаться от пляски, пения, музыки и театральных представлений.

8. Я даю обет не употреблять венков, благоухающих веществ или украшений.

9. Я даю обет не пользоваться высокою или широкою постелью.

10. Я даю обет не принимать золота и серебра.

Затем кандидат встает, выражает свое почтение председателю и удаляется послушником. На этом и кончается церемония принятия в число послушников.

А послушник, добивающийся полного посвящения, должен снять платья и, в качестве мирянина, вновь подвергнуться вышеуказанным формальностям. Затем кандидат возвращается, вновь учиняет «салам» председателю, отдает свой подарок и трижды почтительно просит его стать его «начальником». Когда на это (значение чего мы сейчас объясним) последует согласие, кандидат удаляется в конец зала, где к его шее привешивают чашу для подаяний. Затем лицо, предложившее его, идет за председателем, в то время как другой монах из капитула встает и становится рядом с кандидатом, который, таким образом, находится между двумя монахами. Последние играют роль как бы экзаменаторов. Отведенный в сторону, он объявляет им свое имя и имя своего начальника; далее, что он снабжен чашею для подаяний и платьями; что он не страдает ни одной из опорочивающих болезней, что он мужского пола, достиг двадцати лет и самостоятелен, и что он заручился согласием своих родителей. Тогда экзаменаторы сообщают капитулу об удовлетворительном результате их расспросов и, по данному разрешению, кандидат снова выступает вперед и, став на колени, трижды просит о посвящении. «Нищенствующие, я прошу капитул о допущении; имейте милосердие ко мне и поднимите меня». После этого экзаменаторы повторяют свои вопросы в присутствии капитула и трижды спрашивают капитул, имеет ли кто-либо возразить против принятия кандидата. Если возражений не последует, они кланяются председателю и говорят: «...принят Обществом, его начальник... Капитул согласен с этим и потому хранит молчание. Так мы понимаем».

В настоящее время в буддийских странах церковь так же богата, как и в Англии¹, монахи часто ленивы и нередко скупы. Но, на Цейлоне или

¹ Рис-Дэвидс. С. 159 русского перевода.

в Бирме, по крайней мере, они, как корпорация, не запятнаны обжорством и пьянством и никогда не проявляли тщеславия в одежде или в величии и торжественности обрядов. В буддийской системе нет места для церквей; приношение цветов перед священным деревом или изображением Будды заменяет религиозное служение.

Благодаря недостатку письменности развитие буддизма в Индии не закончено и теперь.

«В настоящее время, — говорит Рис-Дэвидс¹, — как в Сиаме, так и на Цейлоне, возникают его новые секты и появляются реформаторы».

Так почему же, — спрошу я, — думать, что таких сект и реформаторов не возникало и в XIX и XVIII и в предшествующих веках, когда буддизм был еще моложе?

Совершенно ясно, что молодая, еще только что образующаяся религия всегда много гибче, чем старая, окостеневшая в «освященных древностью» формах.

Значит, это и теперь не такая уже древняя окостеневшая религия, какой ее читают современные европейские теологи, а еще растущая, по крайней мере до тех пор, пока ее рост не будет сразу прерван быстро распространяющимся естествознанием и успехами техники, подобно тому, как, например, бакинское огнепоклонство, с алтарями перед его вечными огнями, существовавшее еще и в XIX веке, само собой ликвидировалось при вторжении туда нефтяной промышленности.

Рассмотрим же основные идеи буддизма в том виде, в каком они выработаны теперь не столько самими буддистами, сколько от их имени самими европейскими исследователями.

По мере того как дитя растет, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 85), — его самосознание отражает подобно тусклому зеркалу картину окружающего мира, и фактически, хотя и бессознательно, оно смотрит на себя, как на центр, вокруг которого движется вселенная. Мало-помалу его кругозор несколько расширяется, но и взрослый человек никогда не освобождается от заблуждений «самоличности».

Эти учения о панпсихизме не присущи исключительно буддизму и индийским философским системам. Они встречаются также и в других системах, совершенно различных по времени и по месту. Став носителем истины, заключающейся в этих идеях, буддизм, — догадывается автор, представляя буддистов по своему образу и подобию, — придал бы ей более решительное и более продолжительное распространение, если бы он не воспринял также любопытной веры в переселение душ —

¹ Буддизм. С. 76.

учение, которое возникло, по-видимому, независимо и почти одновременно в долине Ганга и в долине Нила.

После этого вступления, в котором особенно интересно сопоставление Индии с Египтом, Рис-Дэвидс, руководясь апокрифами современных индусских пандитов, тоже освещающих свои национальные сказания сверх европейской естественной философии, перечисляет пять родов качеств живых существ:

I. Материальные качества, числом двадцать восемь:

4 элемента: земля, вода, огонь, воздух, причем, по Колбруку, буддисты будто бы думают, что элементы вещей состоят из атомов и что составные вещи суть соединение первичных атомов.

5 органов чувств: глаз, ухо, нос, язык, тело.

5 свойств материи: форма, звук, запах, вкус, вещество. В некоторых рукописях это пропущено, и позднее прибавлено «пища».

2 различных пола: мужской и женский.

3 основных условия существования: мысль, жизненная сила, пространство.

2 способа общения: телодвижения, речь.

7 качеств живых тел: легкость, упругость, приспособляемость, сила сцепления, продолжительность, разрушимость, изменчивость.

II. Ощущения. Они распадаются на шесть разрядов, смотря по тому, воспринимаются ли они непосредственно каждым из пяти чувств или умом (через посредство памяти); и далее на восемнадцать подразделений, так как каждый из этих шести разрядов может быть приятным, неприятным или безразличным.

III. Отвлеченные понятия. Они делятся на шесть разрядов соответственно с шестью разрядами ощущений; например, понятия «голубой», «дерево» относятся к зрению, понятие «сладость» — к вкусу, и т.д.

IV. Наклонности или способности (буквально, созидание). Они имеют пятьдесят два деления, некоторые из которых содержат понятия, входящие в предшествовавшие разряды, и, чтобы не перебивать основного изложения, я даю их особо на табл. I.

V. Мысль, разум (органом мысли предполагается сердце¹). Она делится с точки зрения заслуги или вины на восемьдесят девять разрядов, которые я не привожу, чтоб не удручать читателя, еще имеющего представление о таких делениях из табл. I.

Нельзя предположить, чтобы это все составили сами апокрифисты-пандиты, чтобы удовлетворить в студенческие годы настоятельным

¹ Годжери, 1867. С. 122.

просьбам своих калькуттских, бомбейских, мадрасских и других британских профессоров международной теологии. Искренне верившие, что индусские теологи скрывают от них какую-то огромную, таинственную литературу, перед которой вся европейская наука — одно ничтожество, эти приезжие профессора, конечно, первым делом уговаривали своих индусских студентов раздобывать или копировать для них у родителей и знакомых всякие имеющиеся там рукописи. Ведь если бы они не делали этого, они не были бы профессорами ост-индской литературы, и им незачем было бы ездить в эту страну, значит, такого рода уговоры была не одна моя догадка, а реальная атмосфера тамошней жизни. А в такой атмосфере рукописи, доставляемые студентами своим профессора, должны были так же неизбежно появляться, как грибы осенью в северных странах.

Главная часть их, конечно, состояла в записях местных рассказов, отчасти точных и отчасти переработанных студентами с их обевропеившейся точки зрения, а другая часть могла быть и настоящими апокрифами, где местный фольклор служил только канвою для собственной фантазии авторов.

Только таким образом и могли туда проникнуть, например, атомистическая теория строения вещества и ряд других таких же неожиданностей для современных естествоиспытателей. Во всяком случае, это современный нам народный эпос, и его настоящее значение, как я уже говорил, только этнографическое, а никак не историческое. И, сравнивая это мистическое мировоззрение, невольно сравниваешь восточные народы с детьми, еще играющими в куклы и искренне верящими, что они их слышат и понимают... Да разве не куклы и все европейские мадонны и всякие чудотворные и не чудотворные иконы?

Наблюдая огромную разницу между современными естественными науками и теологическими пережитками прошлого в нашем настоящем, еще охватывающими массы населения, особенно на азиатском континенте, невольно вспоминаешь стихотворение Добролюбова:

Солнце озарило гор вершины,
А внизу царит густая тень.
Тихо спят глубокие долины,
А вверху сияет яркий день.

Спустимся же снова в эти глубокие долины и проследим и далее их мировоззрение.

«Приведенное выше перечисление включает в себе все телесные и духовные части и силы человека, но ни одна из них в отдельности не обладает постоянством. Первая группа, — говорит от имени индусов

Спенс Гарди, — материальные качества, подобна пене, которая то образуется, то расходится. Вторая группа, ощущения, подобна пузырьку, качающемуся на водной поверхности.

Третья группа, понятия, подобна неопределенному отражению, появляющемуся в солнечном свете. Четвертая группа, умственные и духовные наклонности, подобна банановому стеблю, без твердости и устойчивости. А последняя группа, мысли, подобна привидению или призраку».

В Питаках, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 89), — неоднократно выражено, что ни одно из этих качеств одаренного чувством существа не есть душа. Само тело постоянно меняется, и так же каждое из остальных делений, являющихся лишь функциями живого тела, вызванными соприкосновением внешних предметов с органами чувств тела. В два последовательных момента человек никогда не бывает одним и тем же и в нем нет ни одного постоянного принципа. Но ведь эти выводы, читатель, сделаны только новейшими европейскими физиологами! Как могли они попасть к людям, не имевшим еще никакого представления о физиологии! А вот еще страничка и из современного спора между идеалистами и материалистами.

«Апостолы мои! — говорит Гаутами-Христос, — с какой бы стороны ученые ни смотрели на душу, они полагают, что ее составляют пять свойств или одно из пяти. Необращенный человек считает душу или тождественною с материальными качествами, или содержащую их в себе, или содержащуюся в них; или же тождественною с ощущениями, или содержащую их в себе, или содержащуюся в них». «Рассматривая душу, он доходит до мысли «я есмь». Из ощущений (вызываемых прикосновениями) чувственный невежественный человек выводит понятия: «я есмь», «это я существую», «я буду», «я не буду», «я буду иметь материальные свойства или не буду иметь таковых», «я буду или не буду иметь понятия». И просвещенный ученик обращенного, обладая теми же самыми пятью органами чувств, освободился от невежества и приобрел мудрость; и поэтому мысли «я есмь» не приходят ему в голову.

Одним словом, даже представление о своем существовании есть обман чувств и наше «я» тождественно со всей вселенной.

Но ведь это же, читатель, уже взято из Шопенгауэра (1788—1860), а потому и не могло быть написано ранее половины прошлого столетия! Чтоб не ходить далеко за его сочинениями, посмотрите хотя в Малом Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона и там под словом Шопенгауэр вы найдете: «Высшая степень нравственности у Шопенгауэра есть умерщвление не жизни, а воли к жизни. Доктрина Шопенгауэ-

ра близко соприкасается с буддийским учением о Нирване, т.е. о блаженном состоянии святых, очищенных подвижничеством от всяких житейских влечений».

Но для Шопенгауэра такое мировоззрение есть естественный результат предшествовавшего ему знакомства с сочинениями Гегеля и Канта, а откуда же оно у индусских буддистов? Выходит, что они уже знакомы с идеями Шопенгауэра, развившимися лишь к концу первой половины XIX века, когда они действительно стали очень модными у философов. И во всяком случае чрезвычайно знаменательно то, что они были открыты в Индии как раз при распространении в европейских, а с ними и в индийско-европейских университетах шопенгауэровской философии.

А интереснее всего то, что учение об отсутствии индивидуальной души состоит уже в контрасте с основным положением обычного теперь брамаизма о переселении душ.

Идея о переселении душ не требует для себя особого провозвестника. Она возникла в том интересном состоянии памяти, когда мы иногда очень ясно сознали, что испытываемые нами ощущения уже испытывались нами ранее, но мы не знаем, каким образом и когда именно¹.

И эта вера была удержана буддизмом. По этому учению, как только одаренное чувствами существо (человек, животное или ангел) умирает, возникает новое существо, в более или менее материальном состоянии бытия, смотря по вине или заслуге умершего существа. Но эти перерождения не бесчисленны, если существо вполне усовершенствовалось, оно получает бесконечный блаженный покой, как в христианском раю.

«Тому, чьи чувства успокоились, подобно хорошо вышколенной лошади; тому, кто освободился от гордыни и плотских желаний, и страсти к существованию, и грязи невежества, — завидуют даже боги. Тот, кто ведет праведный образ жизни, остается неуязвим, подобно земле, незыблем, подобно городским вратам, невозмутим, подобно прозрачному озеру. Для него не существует более рождения. Спокоен дух, спокойны слова и деяния того, кто таким образом успокоился и освободился путем познания»².

«Что же такое Нирвана, — спрашивает Рис-Дэвидс (стр. 106), — означающая просто покой? Ясно, что здесь не может быть речи о погашении души. Это есть погашение того греховного состояния духа и сердца, которое иначе явилось бы причиной возобновления индивиду-

¹ Несколько интересных примеров этого приводится современными психологами. Таковы, например, случаи, приведенные доктором Карпентером и Б. Броди.

² Дхаммапада (94—96).

ального существования. Нирвана то же самое, что безгрешное, спокойное состояние духа и, если вообще переводить это слово, то может быть, лучше всего передать его словом «святость» — святость в смысле совершенства в мире, доброте и мудрости.

Перейдем теперь к представлениям о жизненном процессе.

Одна буддийская притча говорит, что жизнь человека подобна пламени лампы, в которую положен бумажный фитиль. Одна жизнь производится от другой, подобно тому, как один огонь зажигается от другого; это не то же самое пламя, но без другого его не существовало бы. Как пламя не может существовать без масла, так и индивидуальная жизнь зависит от привязанности к низким земным предметам, от греховности сердца. Когда выйдет пламя в лампе, она погаснет, и тогда новое пламя не может быть получено от нее. Подобным же образом истощатся составные части достигшего совершенства человека, и не народится от него на страданье новое существо¹.

Но это все же не будет уничтожение.

«Если разобрать в Дхаммападе каждое предложение, в котором упоминается Нирвана, — говорит Макс Мюллер², — то не окажется ни одного, в котором этому слову необходимо было бы придать значение уничтожения, в то время как большая часть их, если не все, стали бы непонятны, если бы мы признали за Нирваною такое значение».

¹ Мана Сутта. С. 14.

² Притчи Будда-Кгоши. С. 51.

Глава V

КНИГА ДАРАНАТЫ

Возьмем для примера «Историю буддизма в древней Индии», приписываемую Даранате, в русском переводе В. П. Васильева.

В тибетском тексте озаглавлено так:

«Источник счастья или ясное изложение, каким образом драгоценная верховная религия распространилась в Индии, удовлетворяющее всем желаниям и нуждам, сочиненный по просьбе некоторых, находивших в нем нужду и по собственному убеждению автора, что оно будет полезно другим.

Даранатой из победоносного Хама, на его 34 году от роду, во дворце веры (монастыре) Враг-Дод.

Да распространится и располдится драгоценная вера во всех странах и да пребывает там во веки!

Мангалам!»

Скажем сначала несколько слов о самом Даранате. Это имя не очень громко в ламайском мире; оно известно нам более с тех пор, как существует Ургинский Хутукта, перерождение Даранаты. Однако же, несмотря на его близость к нам, о самом оригинале ургинских хутукт мы имеем очень мало сведений. Как мы видим, здесь Дараната показывает, сколько ему было лет от рождения, когда он сочинил свою книгу. Год этот — год земли и обезьяны по хронологическим таблицам Сумба Хутукты, в его истории буддизма соответствует нашему 1608 году, а год рождения показан в год дерева и свиньи. И мы узнаем тут, по этим же таблицам, что собственное имя Даранаты было Гунь-Ньюинг. «Вот все, что мы знаем, — говорит В. Васильев, — о Даранате. Мы не знаем, существует ли его отдельная биография, но верно то, что существует биография ургинского хутукты Чжебацунь Дамбы, в которой непременно должно рассказываться о Даранате. Однако же, несмотря на все наши старания, мы не могли ее приобрести».

Очевидно, прибавим мы, она еще не написана от духа святого, как и сама исследуемая книга, в которой мы имеем целых 270 страниц убористой печати большого формата.

Ее историческая ценность определяется уже тем, что она написана, — говорят нам, — в 1608 году нашей эры, а трактует о событиях,

которые были почти за 2000 лет до нее. Правда, она показывает знакомство автора с Лалитой Вистарой и некоторыми другими книгами, но и противоречит им во многом и еще более добавляет своего.

Да и точно ли «34 год победоносного Хама» есть 1608 год нашей эры, как определяется по хронологическим таблицам «Сумба Хутукты» в его истории буддизма? Ведь даже самое место, где писана эта книга, ликвидировано.

А как же тогда добыли эту рукопись? Совершенно так же и тогда же, как и все ей подобные.

Вот рассказ самого В. Васильева:

«Мы, можно сказать, почти неожиданно удостоиваемся редкой чести познакомить ученый мир с Даранатой. В то время, когда мы только что еще начинали заниматься восточными языками в Казани, приехал туда в 1835 году из Забайкалья Лама Никитуев, который первый сообщил нашему многоуважаемому наставнику и известному во всем ученом мире профессору О.М. Ковалевскому о существовании такой истории, и самая рукопись ее была вскоре добыта из калмыцких степей.

Так как г. профессор Ковалевский не был силен в тибетском языке, то Никитуев, с которым мы жили для практики в монгольском языке, на моих глазах перевел всего Даранату на монгольский язык для почтенного профессора».

Вот, читатель, как быстро появляются и перевод с тибетского на монгольский, который без этого пояснения В. Васильева мог быть признан произведенным в глубокой древности и подтверждающим достоверность подлинника.

«На монгольском языке, — продолжает тибетист В. Васильев, — почти совсем нет заслуживающих внимания памятников, что грешно было бы вырывать из-под руки профессора этот материал».

«Но, — спросим мы, — почему же «грешно», если монгольский перевод был сделан на глазах В. Васильева вкусившим университетского образования ламой Никитуевым и потому имеет не больше самостоятельной ценности, чем и сделанный с него русский или немецкий перевод? Ведь это «на наших глазах» как будто (и даже не будто, а прямо) намек на то, что монголист В. Ковалевский хотел скрыть недавность монгольского перевода и к этому же заключению приводят и последние строки «было бы грешно вырвать из-под руки профессора этот (не имеющий никакого самостоятельного значения и сделанный на глазах В. Васильева!) материал». Но тут мы имеем и еще один повод к недоумению. Почему, когда «тибетский подлинник» был уже в руках, за ним

через 5 лет пришлось еще ехать В.П. Васильеву в Пекин? Он совершенно не объясняет этого, а просто говорит: «По приезде в Пекин в 1840 году, мы легко достали тибетский экземпляр Даранаты и указали на него отцу Аввакуму, вывезшему копию с него для Азиатского департамента» (стр. XII предисловия).

Мы видим, что приведен почему-то даже и свидетель отец Аввакум, и находка почему-то послана не в Казанский университет, а в министерство внутренних дел в Петербург.

Но еще более поражает нас сделанное к этому месту коротенькое примечание В. П. Васильева. «Вот что значит обращать внимание людей на искомый вами предмет! — как бы наивно восклицает он в примечании к стр. XII своего предисловия. — Можно ходить мимо редких книг и не знать их цены! Г. Ковалевский тоже был в Пекине; ему, по знакомству его с Ман Чжун Хутуктой, которого мы уже не застали в живых, легче было заpastись всякого рода историями, если бы он знал хоть их тибетское название».

Но точно ли, читатель, это примечание действительно только наивно? Зачем вдруг, ни с того ни с сего делать вылазку против своего профессора, об уважении к которому В. П. Васильев только что расписался? Ведь это примечание явно было неприятно О. Ковалевскому. И вот, подобно зоологу, который по одному зубу определяет животное, мы по этому зубу Васильева против Ковалевского можем определить и его причину. Очевидно, проф. Ковалевский с самого начала не доверял рукописи, представленной ему Никитуевым, а потому не спешил и публиковать ее. Еще меньше доверял он и второму тибетскому экземпляру, открытому Васильевым в 1840 году, и говорил ему, что сам он был там у Ман Чжун Хутукты, у которого не было никаких рукописей. И вот, чтоб сразу прекратить возможность появления в печати его возражений, В. Васильев первый и напал на него. Иначе это была бы ничем не объяснимая задирка.

Мы явно чувствуем тут скрытую конкуренцию тибетиста и монголиста в деле открытия Даранаты. Тибетист утверждает, что впервые обнаруженный монголистом монгольский манускрипт сделан «на его глазах» ламой Никитуевым, а монголист подвергает сомнению подлинность вывезенного тибетистом тибетского экземпляра, и последний чувствует это подозрение и заблаговременно призывает свидетелем подлинности своей пекинской находки отца Аввакума и посылает ее не в университетскую или академическую библиотеку, а в министерство внутренних дел, как бы заблаговременно становясь под его защиту от своих коллег.

Но все же он не спешит публиковать и переводить свою находку. «Только в последний год пребывания в Пекине мы (т.е. В. Васильев, везде называющий себя во множественном числе) принялись за полный перевод Даранаты, все еще не думая его издавать (что, прибавим мы, совершенно неправдоподобно, раз сам В. Васильев читал хорошо и по-тибетски)».

Так было, — говорит он, — до 1866 года, когда он обратился к академику Шифнеру с письмом, напечатанным в Санкт-Петербургских Ведомостях 26 мая 1866 года (№ 141), результатом которого был доклад на заседании Академии Наук¹.

В это время, — продолжает автор, стр. XIII, — уже нечего было надеяться на то, что г. Ковалевский издаст свой перевод с монгольского (т.е. будто бы сделанного на глазах В. П. Васильева с тибетского языка для самого же Ковалевского ламою Никитуевым, и потому могущий быть изданным только для смеха тибетистов). Этот ученый уже почти 15 лет оставил свою кафедру².

Академик Шифнер прежде всего приступил к изданию тибетского текста по нескольким, имевшимся у В. Васильева, рукописям, «так что перевод Даранаты мог быть сделан только в одном нашем Петербурге», — говорит сам Васильев (стр. XV).

Таким образом, и здесь мы видим характеристическую особенность всех обширных азиатских произведений. Хотя открытый текст оказывается здесь и не в одном экземпляре, а даже на двух языках, но все они открыты почти одновременно одною и тою же группою лиц, а больше никем, что опять вызывает заслуженные подозрения.

Посмотрим теперь и на оценку этого открытия самим В. Васильевым.

«Главное историческое достоинство сочинения Даранаты, — говорит В. Васильев, — неоспоримо заключается в том, что оно в первый раз

¹ Заседание 19 апреля 1866 г. (записки имп. Академии Наук. Т. X. Кн. 1. С. 42).

² Отметим, что Осип Михайлович Ковалевский (1800—1879) был родом поляк. В 1827 году он был отправлен в Иркутск, где изучил монгольский язык. В 1830 был командирован в Пекин, в 1833 году стал первым профессором монгольского языка в Казанском университете, а с 1862 года перешел профессором в Варшавский университет. А сам Василий Павлович Васильев, открывший эту рукопись, родился в 1818 году и с 1840 по 1850 год работал в Пекине, с 1851 по 1854 он был профессором китайской и тибетской словесности в Казанском университете, но быстро перешел в Петербургский, с 1855 года профессором, а затем стал академиком, и написал много серьезных исследований по китайской и тибетской письменности. Заподозрить того или другого из этих ученых в предумышленных подлогах невозможно, а в увлечении, наивной доверчивости, даже зависти, можно.

знакомит ученый мир с совершенно неизвестными до сих пор личностями такой эпохи, которая может быть безошибочно названа исторической. Продолжительность времени, занимаемой этой эпохой до полного исчезновения буддизма из внутренней Индии, должно полагать свыше тысячи лет, и до сих пор мы не знали почти ни слова об этом времени, особенно о том, что происходило после путешествия знаменитого китайца Сюань-цзэна, который сообщает лишь кое-какие намеки на счет различных личностей.

Сравнение их с историей Даранаты облегчит изучение этой эпохи. Мы в первый раз у Даранаты узнаем последовательно шаг за шагом, какие деятели выступали в буддизме, какие являлись у него покровители и враги, какое направление принимает его богословская деятельность. Нам нечего подсказывать ученому миру, что если выставляемых нашим автором чародеев со всей смешной для нас легендарной обстановкой разоблачить, то они окажутся тоже тружениками, писателями, хотя пошедшими по совершенно новой дороге, которую они расчистили из тропы, проложенной буддистами. Мы говорим о мистицизме, проявившем в чудовищном размере так называемые «начала созерцания».

«Известия, сообщаемые Даранатой о сказанной эпохе, имеют за собой всю видимость достоверности. Ему известен уже ученый прием для определения времени жизни того или другого лица, — из его трудов и из ссылок на него других. Вероятно, в этом случае те историки, которыми он пользовался, со своей стороны имели под руками отдельные биографии. История Даранаты становится еще драгоценнее тем, что подает надежду на открытие историй еще более аутентичных. Уже из Сюань-цзэна мы знаем, что Индии были не чужды ни история, ни описания страны; Дараната указывает нам теперь положительно на три неизвестных доселе исторических сочинения, составленных в самой Индии, отыскание которых не подлежит сомнению¹, потому что, если автор имел их под рукой в начале XVII века, то они не могли исчезнуть с того времени и отыщутся не только в Тибете, но и в Непале. Жаль, что до сих пор наши ученые не знали, чего искать».

Сбылось ли пророчество? Как будто и его постигла та судьба, которая не пожалела и библейских пророков.

Конечно, В. Васильев, может быть, и искренне верил в подлинность публикуемой им истории буддизма, т.е. что она написана Даранатой — буддистом XVII века в Тибете, а не оевропеившимся ламой Никитуге-

¹ Т.е. сочинений Кшемендрабадды, Индрадатты и Батагаты, о которых будет в конце этого обзора.

вым, собравшим около середины XIX века большой запас своих народных сказаний и перечитавшим все собранные до него европейцами книги по буддизму. Ведь я и сам не отвергаю этнографической ценности этой книги, хотя и отрицаю за ней историческое значение. У Васильева есть много и правильных рассуждений.

«Мы вовсе не хотим сказать, — говорит он, например, — что легенды, передаваемые Даранатой, дошли до нас без всяких прибавлений; напротив, на них надобно смотреть сквозь несколько очков. Не забудем, что наша история писана в Тибете, который перевел к себе буддизм в самом крайнем его развитии — в мистицизме. В ней есть стремление все вознести в древность, т.е. перенести факты с близкого на более отдаленное время». В. Васильев правильно отмечает, что история буддизма часто уходила в не принадлежащую ей древность, благодаря склонности авторов ставить рассказы, не уместяющиеся в уже занятую рассказами средину исторического времени, в свободные доисторические времена.

И мое различие от В. Васильева заключается лишь в том, что я иду далее по пути этого умозаключения и склонен думать, что и пророчество современного фольклора, т.е. народных сказаний и былин, возникающих в наше время, переносится в доисторические времена лишь потому, что их содержание не укладывается в реальную жизнь достоверно известных нам недавних веков. Так и эта Дараната, хотя бы даже она и была написана по-монгольски Никитуевым для своего профессора монголиста Ковалевского, а ее воображаемый тибетский подлинник был на самом деле переводом Никитуевской рукописи, чтоб удовлетворить страстным исканиям В. Васильева, не допуская мысли, чтобы на монгольском языке могла существовать такая книга, — все равно!

Она не вышла из головы своего автора, как богиня Афина из головы Зевса во всеоружии. Хронология ее, конечно, фикция, и вся канва, на которой вышиты различные сказания — тоже фикция, но самые сказания, взятые в отдельности, не измышления самого автора, а буддийский фольклор, и он может дать ценные материалы даже и для истории, а потому я дам здесь характеристику и их.

Вот начало книги.

«Ом, благо тварям! Объяснение распространения в Индии благодатного, богом украшенного, блага источника, верховной драгоценной веры, называемое сокровище погребных желаний. Поклоняюсь Будде с его учениками и последователями.

Поклоняюсь властителю могущества, повелителю облаков,
Изливающему благодетельный дождь нектара судеб,

Пришедшему из недр бытия небесным путем,
Украшенному радугою признаков и примет,
Здесь и самые сведущие в летописях и историях,
Когда обратятся к согласованию индийских сказаний,
Встречают неудачу всех усилий,
Подобно бедняку пред расставленными товарами.
Поэтому, видя весьма много важных ошибок
В преподавании истории веры некоторыми мудрецами,
Я написал здесь вкратце для пользы других
Согласование сказаний, рассеивающее заблуждения».

Затем идет, как и в книге Бытия, или скорее в «Паралипоменоне», список всех якобы последовательно царствовавших царей, браминов и патриархов, а затем приводятся на этой сухой канве рассказы о них, явно заимствованные из местного фольклора, например, в главе о происшествиях во время царя Аджаташатру (Ардамира?).

Когда прошло около 15 лет, как Ария Ананду (любимый ученик Будды) управлял учением, пришел в Магаду брамин, весьма искусный в магических заклинаниях, и стал состязаться со всеми в силе магической. Он в присутствии царя и всех собравшихся граждан произвел посредством магии четыре горы: золотую, серебряную, хрустальную и лазуриковую, и в каждой горе было по четыре сада из драгоценностей, в каждом саду по четыре пруда, покрытых ненюфарами и наполненных различными птицами. Ария Ананда (в ответ ему) произвел множество свирепых слонов, которые пожрали все ненюфары и возмутили воду в прудах; потом Ананда послал сильный ветер, который поломал все деревья, а ниспавший алмазный дождь истребил дотла все ограды и горы. После того ария Ананда явился в 500 различных формах тела: одни из них испускали свет, из других шел дождь, одни являлись в четырех различных видах на воздухе, в других из верхней части выходил огонь, а из нижней била ключом вода; явивши такие превращения, он собрал их потом в своем теле. Когда изумленный брамин и другие собравшиеся изъявили вследствие этого великое благословение, Ананда много проповедывал и в продолжение семи дней привел к истине и мага, и брамина, и других 500 браминов, и сверх того 80 000 жителей.

После Аджаташатару царствовал сын его Субаху (Хорошерукий), который в продолжение 10 лет своего царствования оказывал почтение религии.

Еще при жизни его отца были два человека из касты браминов, не знавшие веры, свирепые и жестокие, евшие всякую нечистоту, убивав-

шие различных животных. Им обоим за воровство были отсечены царем руки и они, рассерженные этим, произнесли желание сделаться (в следующем перерождении) якшами, чтобы отомстить царю и всем магадийцам. После того они оба умерли один за другим и родились якшами, и на седьмом или восьмом году царствования царя Субаху наслали на его царство сильную эпидемию; от этого умерло много людей и скота, но болезнь не прекращалась. Когда гадатели увидели причину, тогда все магадийцы пригласили арию Шанавасу и молили его укротить этих двух якш. Он пришел на обитаемую гору и сел в их пещере; но в то время якши уходили к другим, и, извещенные товарищами, пришли в сильный гнев, завалили пещеру утесами, но тогда вдруг являлась другая пещера, в которой сидел Шанаваса, и это повторялось три раза. Тогда два якши испустили огонь, но архан испустил огонь гораздо сильнейший, который распространился во все десять стран; испуганные якши убежали, но так как повсюду был огонь, то не могли найти убежища; они прибегли к Шанавасе с просьбой о помиловании и огонь погас. После того он преподавал им учение и, когда они вполне возблаговели, поместил их в недра учения и эпидемия немедленно прекратилась, и это чудо видели сотни тысяч браминов и граждан.

По смерти этого царя царствовал сын его Судану (т.е. хороший лук) в то самое время, как Мадьянтика перенесся сверхъестественной силой в Кашемир и сел на берегу озера, обитаемого драконами. Они произвели сильную бурю, но не могли пошевелить и края его платья, ниспустили дождь стрел, но они превратились в цветы; тогда дракон, явившись лично, спросил арию, что ему угодно? Дай земли столько, сколько можно занять сидя с крестообразно сложенными ногами. Дракон согласился, а Мадьянтика одним присестом занял под собой землю девяти кашмирских областей. Мадьянтика, призвав с горы Ушира 500 полуденников и из Бенареса несколько сот тысяч браминов и граждан, поселился вместе с ними в Кашемире и еще при своей жизни украсил царство девятью большими городами, множеством горных селений, царским дворцом и 12 храмами со множеством духовных. Затем, взяв с собой всех жителей Кашемира, перенесся с ними магической силой на гору Гандамана и, произведенным чудесной силой огнем, укротил драконов; они обещались дать ему шафрану столько, сколько покроеет тень от духовного платья. А архан превратил свое духовное платье в весьма великое, и его народ взял шафран, на который пала тень, и в одно мгновение они снова возвратились в Кашемир. Так Мадьянтика распространил обрабатывание шафрана по всему Кашемиру, говоря, что это составит его исключительное богатство, и приведя всех живущих в этой области

к буддийской вере, скончался. Говорят, что он проповедовал в Кашемире около двадцати лет.

Я перескакиваю теперь через несколько царствований (с такими же сказками) к патриархату ария Нагаджуны в царствование царя Уданы, чтобы показать читателю, что и далее содержание этой книги носит тот же фольклорный характер, а здесь отмечу снова, что название патриархов ариями ясно говорит об арианском происхождении этого культа.

Так как арий Нагарджуна, — говорит автор, — знал жизненный эликсир, цвет его кожи сделался подобным цвету драгоценности; а занимаясь созерцанием на горе Шрипарвата, он достиг первой небесной области (первого неба европейских средневековых теологов) и тело его украсилось 32 признаками.

Младшая жена тогдашнего царя знала немножко санскритскую грамматику, а царь Удана не знал. В одно время, когда она играла в воде в увеселительном саду, он плеснул в нее водой и она сказала: мамодака синча (т.е. не плещи на меня водой), а царь понял по наречию южных стран: дай пирожок, сваренный в кунжутном масле, — и подал его ей. Тогда она подумала, что лучше умереть, чем жить с таким царем, похожим на быка, и решила удавиться, но была удержана царем, который обещался учиться санскритскому языку и со тщанием занялся под руководством брамина Вараручи. А брамин Вараручи, не находя никакого учителя, который бы мог вполне знать Папиньеву грамматику и узнав, что только дракон Нагааджа Шеша знает ее вполне, вызвал его силой заклинаний. Дракон стал излагать пространное толкование на Папини, которое заключало бы до ста тысяч шлок, а Вараручи записывал с его слов. Обоих их разделяла занавеска. И вот, когда было написано 25 000 шлок, то учитель, желая посмотреть, каково тело дракона, отдернул занавеску и увидел изгибающегося большого дракона, который убежал со стыда. После того он стал писать толкование и покончил его, написав не более 12 000 шлок. Эти два сочинения вместе сделались известными под именем грамматики, преподанной драконом. Здесь много говорится не только о филологии, но и других науках.

А история Калидасы следующая. В то время брамин Вараручи пользовался почестями Варанасинского царя Бимакшулы, этот царь хотел выдать за него свою дочь Васанти, но она, по гордости считая себя умнее Вараручи, отвечала, что не будет его служанкой. Тогда Вараручи, желая ввести ее в обман, чтобы отплатить и отомстить, сказал царю: «У меня есть мудрый учитель, который умнее меня во сто раз, призовите его и выдайте за него Васанти». Получив на это согласие, Вараручи увидел магадийского пастуха Калидаса, красивой наружности, который,

влезши на дерево, рубил под собой ветви, и, заключив из этого об его чрезмерной глупости, позвал его к себе и после нескольких дней тщательного омовения и натирания мазями, одев его в платье браминского пандита и научив его произносить слово ом свати, велел ему, когда он явится пред царем, окруженным свитой, бросив в него цветком, сказать это слово ом свати, а кроме того не отвечать ни на чьи вопросы. Когда пастух, исполняя это, произнес вместо ом свати ушатара, Васанти стала спрашивать о смысле его слов, но пастух ничего не отвечал, а брамин Вараручи сказал: «Такой мудрый учитель к чему станет отвечать на вопросы женщины?». Она вышла за него замуж, Вараручи убежал после свадьбы на юг. После того стали водить Калидасу по всем храмам, но он ничего не говорил; наконец, когда на наружной стене одного храма, на которой нарисованы были фигуры различных животных, увидел он изображение быка, то обрадовался и принял вид пасущего стадо. Тогда Васанти воскликнула: «Увы! Это пастух!» и поняла, что была обманута. Но, сказала она, если он умен, то я выучу его санскритскому языку; оказалось, однако, что он весьма глуп. Раздосадованная Васанти отправляла своего мужа каждый день собирать цветы. А в одном месте Магады был кумир богини Кали, сделанный небесным архитектором. Калидаса приносил ему в жертву каждый день множество цветов и, с благоговением поклонясь, молился. Однажды, когда для жертвоприношения Васанти Калидаса отправился с раннего утра собирать цветы, служанка Васанти скрылась ради шутки, жуя лепешки, позади кумира богини Кали. В то время, как пастух по обыкновению молился, она сунула ему в руку оглодок лепешки и он проглотил его, думая, что подала его сама богиня. Но в ту же минуту он получил светлый ум и стал великим знатоком диалектики, грамматики и поэзии. Держа в правой руке цветок ненюфары, а в левой цветок утпалу, он сказал ей стихами:

«В мое правой руке цветок ненюфар,
А в левой руке цветок утпала;
Один с нежным, другой с жестким стебельком,
Какой хочешь, выбирай».

Жена, поняв, что он сделался мудрым, стала весьма почитать его. А так как он сделался таким чрез чрезвычайное благоговение к богине Кали, то его прозвали Калидаса, то есть рабом Кали. В то же время он стал первой драгоценностью между всеми поэтами. Он сочинил «Облако-вестник» и многие другие поэтические шастры. Калидаса принадлежал к неправославным.

Такова история буддизма в изложении среднеазиатского историка Даранаты в начале ее средней части. Раскроем теперь эту книгу наудачу и в конце средней части. Попадаем на 23 главу «О происшествиях во время учителя Дигнага», где читаем:

«Царю Шубасаран привиделось во сне, что если он пригласит в свое царство Ария Авалокитэшвара, то в Джамбудвипе прекратится голод и эпидемия и настанет благоденствие, и чтобы для этого он отправил Упасака, живущего в лесу. Царь позвал Упасака и дал ему жемчужное ожерелье и пригласительное письмо к Авалокитэшвару, да на дорогу денег. Упасака подумал: дорога трудная и далекая и может случиться опасность для жизни; но так как меня посылают в жилище божества, то нельзя не послушаться. И так, взяв путевник на Потала, он отправился в путь и наконец прибыл к монументу превосходного накопления плодов. Отсюда путь на Потала шел несколько времени под землей и снова выходил на поверхность; но говорят, что ныне это место занято морем и путь для людей прекращен. Но в то время еще существовал путь и по нему-то отправился Упасака. Здесь преградила ему путь большая река, но он, как было сказано в дорожнике, помолился Таре и явилась одна старуха, которая и перевезла его на лодке. Снова прегражден был путь озером, но по молитве Байкути, одна девица перевезла его на плоту; далее он встретился с горящим лесом, но по молитве Хаягриве, пошел дождь и огонь потух, а гром указал дорогу. Еще пресекла путь пропасть, простирающаяся в глубину на несколько миль, но по молитве Зкаджати, огромный змей образовал из себя мост, по которому перешел Упасака. Затем преградили путь множество обезьян, ростом со слона, но по молитве Амогапаша, эти огромные обезьяны открыли дорогу и снабдили лучшей пищей. Когда потом он прибыл к подошве горы Потала, то путь прегражден был утесом, но по молитве Ария Авалокитэшваре, ниспустилась веревочная лестница, по которой он влез на утес; здесь все было покрыто мглой, отчего он не мог найти дороги, но по продолжительной молитве, туман рассеялся и, отправившись вверх, он встретил на третьей части горы кумир Тара, а на середине кумир Брикути; когда он достиг вершины горы, то нашел пустой дворец, в котором никого не было, кроме там и здесь цветов. Здесь прожил он в одном месте в молитве целый месяц; однажды явилась какая-то женщина, которая сказала ему: пришел Ария, поди сюда за мной, и повела чрез тысячу растворявшихся одни за другими ворот дворца, и всякий раз, как растворялись одни ворота, в нем рождалось по одной Самади. Явившись пред лицо пяти святых богов, он бросил на них цветы и подал письмо царя и подарок, умоляя прибыть на Джамбудвипу, на что было

явлено согласие; после чего дано на дорогу множество пана и сказано: пропитываясь с помощью этого, ты можешь воротиться на родину, а когда выйдут паны (золотые деньги), там и явимся. Ему указали дорогу, и кумиры, стоявшие на середине третьей части города, явились ему в собственном теле живых богинь. На возвратном пути, когда он прошел четырнадцать дней из числа пятнадцати, в которые он мог прибыть на свое жительство, увидев издали горы Пундавардана, он пришел в чрезвычайный восторг и на остальные деньги купил лучшей пищи и лучшего питья, так что, не доходя еще до царского города, но находясь неподалеку от того места, в котором он занимался совершением, он истратил все деньги. Сидя на том месте, подумал он на закате дня, придет ли Ария, но он не приходил; в полночь склонил его сон, из которого пробудили его звуки музыки и он увидел, что в небе боги приносят жертву; на вопрос его, кого они чествуют, ему сказали: глупый дитя Джамбудвипа! На дерево, которое за твоей спиной, прибыл со свитой Ария. Посмотрев, он увидел сидящих на вершине дерева пятых богов, и, учинив поклонение и молитву, просил их прийти в царство царя, но они сказали: это случилось бы, если бы не истрачены были деньги, но теперь мы останемся только здесь. Тогда он известил об этом царя и говорят, что тот, недовольный этим, не дал Упасаке никакой награды. После этого он построил там в лесу храм, который стал известен под именем висары Касарпана. Слово Касарпана значит «ходящий по небу», потому что Авалокитэшвара прибыл сюда по воздуху, или же это значит «истрата денег», потому что были истрачены деньги. Но гораздо лучше переводить «ходящий по небу», потому что слово Касара означает плату за пищу, а пана есть серебряная или золотая монета, известная теперь под именем Тангка (деньга) и следовательно все слово Касарапана имеет значение монеты, заплаченной за пищу.

Скажите сами, читатель, что тут вас более поражает: чудесность рассказа или то, что автору этой книги известна уже монета, называемая монголами и тибетцами по-русски «деньга»? Ведь слово тангка и есть только монгольское произношение русского слова деньги, как это объясняет и сам В. Васильев (стр. 149, строка 26), да и в тексте сказано, что прежняя монета пана стала называться при нем деньга? Не подтверждает ли это мое мнение, что книга Даранаты собрана из былин XIX века, специально для профессоров Ковалевского и В.П. Васильева, их усердных учеников?

Но я опять повторяю, что в этом сочинении, как и вообще в сборниках современных нам народных сказаний, можно почерпнуть богатый материал и для истории, особенно при филологическом исследовании.

Вот только что мы встретили здесь русское слово «деньги», и притом тоже как название монет. Но не менее интересно и то, что буддийские священнослужители называются здесь арианами. Это прозвище мы читаем у Даранаты более 70 раз в названиях ария-Бодисатва, ария-Вимуктасена, ария-Дева, ария-Деша, — везде в смысле святого, и кроме того множество раз и просто ария в смысле святого.

Отсюда ясно, что и весь буддизм этой местности есть только развитие принесенного сюда арианства, причем и само название арийцы первоначально значило ариане.

Я не буду здесь проследивать происхождения и других собственных имен, предоставляя это специалистам, а только, чтобы закончить характеристику всей книги, раскрою еще хоть одну страницу в конце. Попадаю на 33 главу, о происшествии во время царя Чанака (стр. 227).

«Учитель Вагишваракирти (т.е. Знаменитый Властелин Слова) родился в царстве Варанаси и происходил из кшатриев. Сделавшись пандитом, превосходно знавшим логику, филологию и многие сочинения, он бросил в реку Ганг красный цветок дерева Каравира, который пред наступлением успеха испускал звук и цвет, и он в одно мгновение был унесен течением на несколько миль и снова возвратился вверх по течению. Съев его вместе с водой, он приобрел такие умственные способности, что мог каждый день заучивать вполне текст и смысл сочинения в тысячу шлок. От этого он и был назван «знаменитым властелином слова». Сделавшись совершенным мудрецом в Сутрах, Тантрах и во всех науках, он не встречал никакого затруднения в преподавании, состязании и сочинении книг; и не встречал ни в чем недоумения, потому что постоянно видел в лице ария Тару. О нем пронеслась большая слава и царь назначил стражем западных ворот в Наланда. Наготовив множество жизненного эликсира, он роздал его другим, и тогда старики, которым было уже 150 лет, и подобные стали молодыми. Этим и тому подобным он оказал пользу 500 духовным и набожным светским. Ему стоило только устремить внимание на воду, как она закипала; если он устремлял свой ум на кумир, тот поднимался или приходил в движение. Таких и других чудесных явлений от него было множество. Однажды он рассуждал о вере с бикшу Авадути, который привел при этом текст из сочинений Васубанду, а он в шутку отпустил несколько колкостей на счет сочинений Васубанду. В тот же вечер распух у него язык, так что он не смог преподавать. Пробыв таким образом нездоров несколько месяцев, он спросил объяснения у Тары, и та сказала, что это за то, что он насмеялся над Васубанду, и чтобы он сочинил похвальный гимн этому учителю. Действительно, как только он сочинил оду, болезнь его

прошла. Трудясь таким образом в продолжение многих лет на пользу существу, он под конец жизни пришел в Непал, где особенно предавался чародейским занятиям и только немного преподавал учение таинственной Яны, а другому вовсе ничему не учил. Так как при нем находилось множество жен, то большая часть людей думала, что он пришел сюда не будучи в состоянии исполнять предписания нравственности. Однажды царь, построив храм, пожелал при освящении его составить большое собрание и, собрав вне храма множество занимавшихся чарами людей, отправил посланца к учителю с приглашением быть главой собрания. Но посланный встретил на пороге его хижины разряженную женщину и свирепую черную девицу, которые сказали, что учитель дома. Вошедши туда, он просил его прийти сделаться главой составленного царем собрания, а учитель сказал: «Ты ступай скорее, а я сейчас приду», хотя тот и скоро ехал, но на одном перекрестке встретился с учителем, который опередил его и которого сопровождали две женщины, и учитель сказал ему: «Я долго ждал тебя, пока ты пришел». По благополучном окончании обширного колеса собрания, при самом освящении, учитель удалился внутрь храма с двумя женами, взяв с собой запасов более чем для 60 человек. Царь подумал: в храме не больше трех человек, почему же понадобилось столько припасов, и, посмотрев сквозь дверную скважину, увидел, что 62 бога сидят лично в круге и наслаждаются припасами. А сам учитель превратился в радужное тело и сел с ними. Говорят, что он и теперь тут сидит».

Этим сиденьем, читатель, я мог бы и закончить характеристику «Истории буддизма в Индии», составленной тибетцем Даранатой. Но не могу не остановиться на его послесловии, где он сам дает характеристику своего сборника.

«Некоторые тибетцы, пользующиеся славой великих мудрецов, полагают вслед за семью преемниками Будды появление других; они думают, что едва ли не тотчас по смерти Ашоки вступила династия царей Чандра. Они говорят, что при семи царях из рода Чандр и семи царях из рода Пала явились все без исключения буддийские учителя, начиная от Сараха до Абалкара и в продолжение этого времени, весьма короткого, помещают без хронологического порядка учителей, которые для избежания недоумений дают весьма долгую жизнь. Все эти неосновательные ошибки, в которых являются длинные промежутки, исчезнут, как скоро ты хорошо узнаешь это историческое сочинение. Что же касается до того, на чем основан мой рассказ, то, хотя в Тибете и сочинено множество отрывистых историй веры и рассказов, но я, не видя в них цельной системы, не извлекал из них ничего, кроме немного заслуживающе-

го вероятия. Встретив сочинение магадийского пандиты Кгемандрабандра, заключающееся в 2000 шлок, в которых рассказывается история до царя Рамапала, я взял его за основание, пополнив слышанным от некоторых моих пандит-учителей; к этому я сделал дополнение из двух сочинений: из Буддашураны в 1200 шлоках, сочиненной Индрадаттой, в которой вполне рассказывается о происшествиях до 4 царей Сена, и из существующих древних рассказов о преемстве учителей, составленных брамином пандитой Багагати».

О предстоящей находке этих сочинений и пророчествовал в своем предисловии В. П. Васильев, но — увы! — насколько мне известно, они и до сих пор не найдены, хотя их ищут повсюду уже более 60 лет после опубликования этой книги в 1866 году.

«Касательно же назначения порядка времени, то, исключая мелочей, все эти три сочинения согласны большею частью. Краткие же рассказы о позднейших происшествиях, хотя и не встречаются в прежних описаниях, но дошли до меня и заслуживают вероятия. Сверх того я поместил все то, что встретил в преданиях Пушпамалы.

Итак, драгоценности удивительных рассказов
Нанизывая на нить удобопонятных слов,
Я составил приличное ожерелье
Для украшения шеи людей, одаренных светлым умом.
Потребность этого заключалась в том, чтоб дать понятие
Об основательных и неосновательных сочинениях
И чтоб увеличить благоговение к возвышенным существам,
Которые оказали услуги победоносному учению.
Еще предстояла надобность доказать достоверность тех
Добрых деяний и влияний, которые творили
Искусные приверженцы чар,
Распространившие благоговение к верховному учению.
Целью изложения было,
Чтобы другие, возблагодарив к этим лицам и их пути,
Занимаясь тем или другим учением,
Сделались всевысочайшими Буддами.
Да, в силу этого моего доброго дела, все одушевленные существа,
Вступив на путь доброй нравственности
И сделавшись самими несравненными Буддами,
Да украсятся всеми достоинствами!»

Но... читатель уже видел, насколько соответствует фантастическое содержание этой книги такому выводу о ней ее автора. Это не история, а сборник народных сказаний, собранных разными лицами и скомпо-

нованных новейшим собирателем не по имевшимся у него будто бы, а потом исчезнувших с земной поверхности первоисточникам, а им самим по собственному произволу. Такова же цена и всем остальным нашим первоисточникам о прежней истории азиатских государств.

Никакой государственной истории до прихода европейцев у них не было.

Глава VI

ИНДУССКАЯ ТЕОСОФИЯ. БРАМАИЗМ И БУДДИЗМ В СРАВНЕНИИ С ХРИСТИАНСТВОМ

В шестом томе этого моего исследования я показал, что современные магометане узнали впервые биографию своего пророка Магомета из Лондона, от наследников мистера Пококка, которые впервые нашли Ибн-Гишомову биографию пророка в оставленной им библиотеке, и более нигде никто не открыл ее второго экземпляра. А вот теперь мне вновь приходится сказать, что и современное индусское учение познакомилось с основами своей собственной философии тоже от приехавших к ним английских профессоров.

Однако в данном случае я буду пользоваться более всего книгой немецкого санскритолога проф. Германа Ольденберга.

История буддийской религии, — говорит он, — начинается мифом об общине нищенствующих монахов. Это были странствующий учитель и его странствующие ученики, несколько подобные тем людям, которые пронесли по Галилее благовестие, что близко царствие небесное.

Арийское население Индии, как известно, пришло на полуостров с северо-запада.

Волны великого переселения привели толпы арийцев, множество союзных племен, которые, духовно более развитые, чем их индусские собратья, создали древнейшие замечательнейшие памятники индусского духа, известные под названием Вед. Эти племена в эпоху, изображаемую в гимнах Ригведы, мы встречаем при входе на Индийский полуостров: на Инде и в стране пяти рек, позднее они проникли далее к юго-востоку и основали в стране верхнего течения Ганга и на Ямуни государства, которые в законодательном сборнике Ману названы страной брамы Мудрого, местом и образцом праведной жизни¹.

В ведийском произведении «Брамане Ста путей» сохранилась легенда, в которой ясно отразился ход распространения ведийского культа и культуры. Пламенеющий бог Агни² Вайсварана странствует от реки

¹ Ольденберг. С. 24, русский перевод.

² Соединение славянских слов Агнец и Огонь, из созвучия которых и про-

Саравати, из древнего отечества ведийского культа, к востоку. На пути ему встречаются реки, но Агни перелетает их все и за ним идут князь Матгава и Брамин Готама. Так дошли они до неведомой до сих пор реки Саданиры, исток которой находится в снежных горах севера: чрез нее Агни не перебрался. «Ее не перешли» брамины, так как чрез нее не перелетел Агни Вайсванара. Но теперь живут к востоку от нее многие брамины¹.

Мы не можем определить, — говорит автор далее, — годами или даже столетиями события победоносной борьбы, в которой арийская (т.е. арианская) и ведийская культуры завоевали страну Ганга. Мы можем только прибавить к этому, что из арийских миссионеров и выросла каста служителей бога Слова (по-санскритски) браминов, и по многим <...> можно видеть, что это было связано с тем великим переселением народов, которое шло из Юго-Восточной Европы не только на запад, как думают, но и на восток, хотя и не в виде массовых передвижений, а в виде приобщения восточных народов к более высокой ромейской культуре, что не могло быть ранее основания Великим Царем (Василием Великим Четьи-Миней) христианского мистического богослужения с его оргиями, пережитком которых является до сих пор обряд причащения в Восточной церкви. Значит, начало ведийской культуры в Индии не могло быть ранее V века нашей эры, а прийти она могла естественнее всего с «гуннами» из города Будда (теперь Буда-Пешт), т.е. Пещь Буды, как впервые называлась Доменная Печь, построенная тут братом Аттилы Будую.

Как в Европе умственное творчество впервые началось в духовенстве, так было и в Индии.

Начатки индийского религиозно-философского мышления, очень сходного с еврейско-христианским, хорошо отражаются в поэтических гимнах Ригведы. В ней среди молитв Агни — Агнцу и Индре, богу-отцу, о защите, процветании и победе, мы встречаем попытку разрешить загадки бытия. И это в том же духе, как и в библейской поэзии.

Тогда не существовало ни бытия, ни небытия,

Не было ни земли, ни неба над ней.

Двигалось ли что? Где? И по чьему велению?

Существовала ли вода и глубокая бездна?

Тогда не было ни смерти, ни бессмертия:

изошел обычай жертвоприношения Агнцев, т.е. Огнецов и созвездие Овна, так что этот обычай должен быть славянского происхождения, а не еврейского.

¹ Ольденберг. С. 25.

День не разделен был от ночи.
Только Один жил сам по себе:
Выше его не существовало ничего.
И вот в Нем в первый раз возбудилось стремление.
Это было первое семя духа.
Связь бытия открыли в небытии
Мудрецы, заглянув в свое сердце.
Кто знает? Кто может сказать нам,
Откуда началось, откуда появилось создание?
И были ли созданы после него боги?
Кто знает, откуда они появились?
Откуда пришло такое создание?
Создано оно или не создано?
Это знает только тот, глаз которого смотрит на него
С высоты неба, — или и Он этого не знает?¹

Сравнить с вопросами какой-то библейской книги: кто скажет, как изменить морской песок и т.д.

В другом гимне поэт ищет бога, «всего движущегося» и говорит:

Кто дает нам жизнь? Кто дает нам силу?
Чьего веленья слушаются все боги?
Чья тень есть бессмертие и смерть?
Кто есть бог, которого мы чтим жертвами?
Тот, чье величие эти снежные горы,
Соединяющий море с далекими потоками,
Чьи руки суть страны света?
Кто есть Бог, Которого мы чтим жертвами?
Он, создавший небо ясным, землю твердой,
Он, измеривший свет и высшее небо,
Он, бросающий свет в эфирное пространство,
Кто есть Бог, Которого мы чтим жертвами?
Он пребывающий выше облаков,
Он дающий силу и производящий огонь,
Он единый Бог над всеми богами, —
Кто есть Бог, Которого мы чтим жертвами?

И этот гимн непознаваемому богу... имеется в библейских псалмах... целая пропасть отделяет такой гимн от доверчивой веры древних времен, которая хорошо знала богов, которым нужно было приносить жертву.

¹ Ригведа, 129, пер. Гельднера и Кэти.

Последовательное развитие мышления или, вернее сказать, выделение его из мира призраков начинается в эту эпоху.

Древность индусских сочинений, — говорит и далее Ольденберг (стр. 32), — мы можем определить только гадательно, но едва ли однако существенно ошибемся, если будем считать появление их принадлежащими в IX или VII векам до христианской веры.

И вот на основании одного «едва ли ошибемся» таким-то путем и установилась индусская хронология. Но почему бы нам не сказать также «мы едва ли ошибемся, если будем эту поэзию считать принадлежащею к IX веку нашей эры»?

Сама сложность индусской религиозной философии показывает на ее новое время. В ней фигурируют те силы, которые видят, слышат и чувствуют и пространство — «страны света» и время, со своей создающей и разрушающей силой, и времена года и месяцы, и дни и ночи, землю и воздух и солнце, и ветер, который там веет, и силы дыхания, проходящие «по человеческому телу», и мысли, и слова. Тут часто уже не индивидуальные боги, а сплетение и действие этих таинственных сил управляют миром и приносят ему счастье и страдание.

Образуется атмосфера, богатая мистериями и символами. Во всем, окружающем брамина на жертвенном месте, должны присутствовать теперь не только бог Агни, т.е. апокалиптический Агнец (созвездие Овна) и бог Саватар (т.е. Спаситель), но и все скрытые силы мирового целого: «Ибо порядок жертвы производит все это». То что появляется глазу во время жертвы, есть не только то, что есть или что кажется, но еще и нечто другое — а именно то, что оно обозначает. Слово и дело имеет двоякий смысл: открытый и сокровенный, и если человеческое знание стремится к открытому, то боги любят сокровенное и ненавидят все открытое.

Числа здесь, как и у средневековых европейских ученых, имеют тайную силу, слова и слоги, и рифмы тоже. Между фантастическими силами движутся фантастические явления, не связанные никакими законами человеческого понимания. Каждое время года подает свой голос.

Бытие и значение предметов сливаются друг с другом. «Праджапати (по-видимому, смешение славянского — прежний, т.е. Создатель) создал жертву Агни-Агница, по созвучию перешедшего в жертвенный Огонь, как свой образ». Лучи солнца — это поводья, которыми запряжены в жизнь все создания. Оно привлекает ими к себе и возносит вверх жизнь всякого, кого захочет. И он тогда умирает. Но мудрец знает жертвенный Огонь, поднимающий его над царством катящихся дней и ночей, где солнце управляет жизнью и смертью.

Он спасает Огнем свою жизнь от смерти: «В сожжении Агни-Агнца заключается искупление от смерти». А эта игра слов Огня и Агнца показывает на приход жертвоприношений Овна от балканских славян.

Куда ни обращается мысль автора «Браманы Ста Путей», везде перед ней восстают новые боги и новые чарующие силы, и над всем выдается бог, существовавший прежде всех богов и всего сущего, Создатель миров Праджа-пати (Прежний Отец), который в начале был один, но сказал «я хотел быть множеством» и тотчас произвел из себя мир богов и людей, пространство и время, мышление и слово. Но мы нигде в индусских книгах не замечаем какой-нибудь борьбы могучей мысли, стремящейся к уяснению великих задач жизни. Суеверие, всезнающее и всеобъясняющее, самодовольно царит среди своих безумных образов. И под этой властью запутанных идей вырастает и теперь одно поколение за другим, и одно за другим неумоимо присоединяет к идеям прошлых поколений свои идеи.

Трудно осмотреться в этом полусвете, в котором двигаются бесформенные фантастические картины. Но и тут открывается некоторого рода психический естественный закон.

Силы, на деятельности которых, по мнению индусских мыслителей, покоится мировое целое, таковы не сами по себе: чем далее проникает мышление, тем яснее эти силы представляются зависимыми от великих основных сил, из которых исходит их жизнь, и к которым они возвращаются, достигнув целей своего бытия.

Ни в одном из индийских текстов нельзя с такой ясностью проследить шаг за шагом генезис слабых признаков мысли до ее полной ясности, как в сочинении «Браманы Сто путей», заслуживающем названия самого значительного во всей индийской литературе.

«Брамана ста путей» показывает прежде всего, как при этой запутанной массе представлений выделяется представление об Я. На языке индусов Атман (греческое Атмос, откуда слово атмосфера) — есть субъект, в котором находятся корни всех жизненных сил и жизненных функций человека. Силы дыхания проникают человеческое тело, властелин над всеми силами дыхания есть сущность Атмана — атмосферы, центральная сила дыхания, из которой черпают свое бытие другие отдельные силы дыхания.

Как человеческий глаз похож на глаз мира — солнце, так и воздух, будучи центральной сущностью Я, выходит за пределы человеческой личности и делается создающей силой, движущей великое тело мирового целого. Сущность атмосфера есть вместе с тем и властелин богов, создатель всего сущего, вызвавший из своего собственного Я все миры,

и есть Перво-Отец Праджа-Пати. Множество отдельных фигур отвлекают внимание людей от него, который есть все. Но он ждет только времени, когда о нем опять вспомнят.

А из другой сферы представлений выделяется вторая сила — слово, признаваемая тоже космической великой силой.

По-санскритски Слово называется Брама (откуда путем перестановки звуков и русское слово бормот — бормотание) и им держится небо и земля.

Но это уже звучит знанием евангелия Иоанна, начинающегося словами: «В начале было слово и слово было у бога (отца) и слово было бог». Таким образом, у браминов «Брама есть перворожденный в этой вселенной»; он первый рожденный перво-отцом миров, т.е. Атмосом (атмосферой).

Как ни различны образы, связываемые с этими обоими представлениями, но, как и у христиан, в процессе развития идеи об Атмане и Бrame — о перво-отце и его сыне Слове — все более и более отождествлялись. Говорили, что «перворожденный во вселенной есть Брама»; но и об Атмане говорили: «Из всего сущего существовал сперва Атман». Брама назывался лицом вселенной, а Атман есть «первенец вселенной». Определенное содержание, свойственное прежде представлениям об Атмане и о Бrame, расширяется до беспредельности и вместе с ним все более и более исчезает различие подобных представлений. Фантазия, стремящаяся к единству, не имеет уже силы воспринимать отдельные образы в их особности. Совершенно так же, как и в современной христианской теософии.

Повторяя слова Апокалипсиса, брамин, — по словам Ольденберга (стр. 41), — говорит: «Я чту того, кто был, и кто будет: Великого Брам, Единого вечного». «Будем чтить Атмана, духа, тело которого — дыхание, форма — свет, сущность — эфир, который prepares себе формы, какие хочет, быстрого, как мысль, полного праведной воли, полного праведного бытия, начало всего благоухающего, всего как сок, проникающего во все части света, сущего во всем. Этот дух малый, как зерно риса, или ячменя, или пшеницы, пребывает в Я и он же больше неба, больше эфира, больше земли и больше всего сущего; он есть Я, дыхание, он есть мое Я. С ним соединюсь я, когда уйду отсюда. Истинно, истинно, что кто так думает, в том нет сомнения. Так говорит Чандилия».

О сущности, как о всесозидающей атмосфере, у браминов в целой массе их мыслей проявлялись самые различные течения, причем совсем не замечалось их внутреннего противоречия.

«Атман, — говорится в «Брамане Ста Путей», — оформился в начале подобный человеку. Он осмотрелся кругом и не увидел кругом ничего, кроме себя самого; он сказал первое слово «я есмь», откуда происходит имя «Я»; потому и теперь еще тот, кого зовут другие, прежде всего говорит: «Это я», а потом называет свое имя... Ему стало страшно, что он один, но он подумал: «Так как нет ничего, кроме меня, то чего же я боюсь?» Тогда страх исчез. Кого ему было бояться? Боятся другого. Он почувствовал себя недовольным, потому что тот, кто один, чувствует себя недовольным. Он желал второго. В нем переплетались сущности женщины и мужчины. Он разделил эту сущность на две части, из них создались супруг и супруга; потому каждый из нас, — говорит Яджнавалькия, — только половина; этот недостаток (природа мужчины) дополняется женщиной. Он соединяется с нею; и так были произведены люди».

Далее рассматривается, как обе половины создателя Атмана, как супруг и супруга, после человеческого образа, приманили образы всех животных и произвели животный мир, как потом Атман создал из себя огонь и влажность или богов Агни и Сому. «Он создал высших богов, чем он сам; он, смертный, создал бессмертных».

Насколько этот текст похож с внешней стороны на космогонии прежнего времени, гласящие: «В начале был бог-отец (Праджа-пати)», настолько же и с внутренней стороны это наивное понимание высшей сущности не отличается от того, что думали в предшествующий век о создателе и властелине миров Праджа-пати. Атман здесь похож более на первобытного человека, чем на бога, в котором пребывает всякое другое бытие. Это Атман боится в своем уединении, как человек, он чувствует желания, как человек, он производит и рождает, как люди. Правда, он создает богов, но эти создания выше своего создателя.

Ольденбург сопоставляет с этой космогонией другой отрывок из того же текста, который по времени не позднее, чем приведенный выше.

Знаменитый брамин Яджнавалькия хочет уходить из дому и сделаться нищим, и прощаясь, говорит одной из своих жен об Атмане: «Как кусок соли, бросаемый в воду, растворяется в воде и ее нельзя вычерпать, но зато вода сделалась соленой, так и эта великая сущность, бесконечная, беспредельная полнота познания: из земных сущностей выступает она в явлениях и с ними исчезает она. Истинно, истинно говорю тебе: после смерти нет сознания».

«Горе мне, возвышенный, — воскликнула Майтрейя, — не пойму я слов: после смерти нет сознания».

«Не горе возвещаю я тебе, — отвечал Яджнавалькия, — а благо, если поймешь это. Где существует двойственность сущности, там один может видеть другого, один может говорить с другим, один может слушать другого. Но там, где все сделалось Я (Атман), кого оно тогда может видеть? С кем оно может тогда говорить? Кого оно может слушать, представить, признать? Через кого оно может познать познающего?»

Единосущее ни велико, ни мало, ни длинно, ни коротко, ни скрыто, ни открыто, ни внутреннее, ни внешнее. Имя его «Нет», потому что его нельзя определить никакими определениями, и, однако, его изображение есть слово утверждения.

Но чем же эта философия отличается от европейского христианского пантеизма? Подобно христианскому выражению о боге «иже везде сый и все наполняй», так и у браминов бог-отец есть бессмертный «пребывающий в воде, пребывающий в огне, пребывающий в эфире, пребывающий в ветре, пребывающий в солнце, луне и звездах, пребывающий в пространстве, пребывающий в громе и молнии, пребывающий во всех мирах, пребывающий во всех водах, во всех жертвах, во всех существах, различный от всех существ, которого все существа не знают, но тело которого они суть и который руководит всеми ими — таков Атман-Атмосфера, внутренний руководитель, бессмертный». «Он вошел сюда (в тело) до самых когтей, как бритва, лежащая в футляре, или скорпион в гнезде». А в другом месте того же текста, из которого взяты эти цитаты, говорится: «По велению этой неизменной сущности твердо стоят земля и небо, твердо стоят солнце и луна, утверждены дни и ночи, полумесяцы, месяцы, времена года и годы. По велению этой неизменной сущности одни реки со снежных гор бегут к востоку, другие к западу, и во все страны света».

Но когда чтут Атмана, «который выше голода и жажды, выше заботы и горя, выше радости и смерти», то этим невольно обращают внимание и на чувственный мир, в котором свирепствуют голод и жажда, забота и горе, в котором старятся и умирают. Уж то было несчастьем, что Единый, блаженный Атман решил создать мир разнообразия, мир созидания и разрушения. Было бы лучше, если бы не было никакого «множества». Этого индусские мыслители не высказывают, потому что боятся мысли приписывать мировое страдание своему Единому Блаженному существу и даже винить в нем его; но эта мысль являлась неизбежной, и потому явилась мысль и о своеволии созданных атмосферой из себя творениях, о наградах и наказаниях и о злых силах-соблазнителях.

В Ригведе уже говорится о жилище блаженных, где в царстве Ямы наслаждаются вечной радостью.

Где пребывают блаженство и радость,
И счастье, и веселье, где желания
Получают исполнение.

Говорят также о местах мрака и об ужасах, ожидающих злодеев в загробной жизни. Но при этом предполагается, как и у христиан, что с уходом в мир блаженных или в мир вечного мрака жребий людей решен навсегда.

А эпоха, последовавшая за Ригведой, создала еще новую картину мира: везде борются друг с другом и угрожают опасностями человеческой судьбе страшные бесформенные силы, видимые или скрытые в таинственных символах. Власть смерти над человеком не кончается одним нанесенным ему ударом. Ее сила над не умеющим искупить себя праведным словом и праведной жертвой простирается и на загробную жизнь, появляются представления о множестве сил смерти, из которых одна властвует над человеком в загробном мире, а другие в земной жизни. «Кто уходит в тот мир, не освободившись от смерти, тот и на том свете всегда будет достойной добычей смерти; как в этом мире, так и в том пощады смерть не знает и убивает, когда хочет».

Но раз смерть убивает много раз, то существо столько же раз и возрождается, и это приводит к идее о переселении душ. Души умерших всюду летают вокруг нас, и как только увидят где зачатие нового существа, так и поселяются в нем, соблюдая предначертанные правом, согрешившие вселяются в худшие зародыши, чем те, в которых были, а совершившие хорошую жизнь — наоборот. Этим восток опередил запад в осложнении психологических представлений.

Также странствование души из тела в тело есть результат ее неединения с Брамой, словом — результат лжи. Но, победив свои дурные желания, дух, освободившись от господства смерти, возвращается в отечество всякой жизни — к Бrame. «Как швея, — гласит «Брамана Ста Путей», — берет из пестрой ткани кусок и дает ему другую, более прекрасную форму, так и дух бросает и оставляет в неведении это тело и prepares себе другую новую форму и делается Божественным, человеческим или каким-либо другим существом. Кто делал добро, делается еще более добрым существом, кто делал зло, делается злым; чистым делается он благодаря чистой деятельности и злым благодаря злomu делу... Так бывает с теми, кто погряз в желаниях; но что делается с тем, кто желает только Атмана? Он — Брама и идет к Бrame. Об этом говорит стих:

Смертный, освободившись от всякого желания своего сердца,
Входит бессмертным в Браму.

По-христиански соединяется с Христом.

На что же похоже соединение с Брамой? Оказывается, на сон без сновидений. «Если спящий во сне не чувствует никакого желания и не видит никаких сновидений, то это и есть состояние, когда он достиг своего желания, когда он без желания»¹, как Атман.

Но часто решающим последнюю судьбу человека моментом считают вместо отсутствия желания — познание. «Для познающего, для кого все существа сделались собственным Я, для того, кто созерцает единство, — как возможны для него заблуждения, как возможно горе?» «Кто открыл и познал Атмана, присущего во мраке телесного мира, тот всесозидающий, ибо он творец всего. Мир принадлежит ему и он сам есть мир».

Очевидно, — продолжает Ольденберг, связывая брамаизм с буддизмом (стр. 58), — что это совершенно тот же круг идей, который проповедует учение Будды. Вопрос, на котором основаны буддийские идеи об искуплении, здесь ставится таким же образом, как и в этом учении, и на него дается тот же двойной ответ. Что держит душу в круговороте рождения, смерти и возрождения? Буддизм отвечает совершенно то же: «желание и незнание». Глубочайшее зло из них двух есть незнание; оно есть первое звено в долгой цепи причин и следствий, в которых совершается приносящая страдание судьба мира. Раз достигнуто знание, всякое страдание побеждено. Под деревом познания, достигнув искупляющего познания, Будда говорит следующие слова:

Когда открывается вечный порядок
Жгучему чувству брамана,
Войска искуителя он побеждает,
Подобно солнцу, льющему свет в мировое пространство.

Но знание, т.е. продукт науки, обучения, бывает первичное, мистическое и окончательное, естественнонаучное. Европа пошла с конца средних веков по последнему направлению и отделилась, как антитеза от тезиса, а в Азии, за исключением школ, перенесенных европейцами в доступные для них местности, она и до сих пор продолжает развивать далее принесенные в нее из Европы же первичные метафизические учения.

Браманская метафизика и буддизм одинаковы, как в идеях, так и в словах. Еще и теперь она начинает употреблять те же самые обороты речи, которые служат общине Будды для выражения ее религиозных верований, служат и браминам. В «Брамане Ста Путей» искупленным называется тот, который «познал» в нем Атмана, для выражения поня-

¹ Ольденберг. С. 57.

тия «познать» употреблено слово <...>, значащее также и пробужденный, слово, употребляемое буддистами, когда они говорят о том, как Будда в торжественный час под деревом Асваттха познал искупляющую истину, т.е. пробудился для искупляющей истины; самое имя Будды значит «познавший и пробудившийся».

Ольденберг, стоящий на точке зрения, что буддизму предшествовал брамаизм, говорит: «Буддизм получил в наследство от брамаизма не только ряд важнейших из своих догм, но — и это для историка не менее важно, — и настроение религиозного мышления и чувства, которые легче воспринимаются, чем выражаются в слова».

А мы, стоящие на обратной точке зрения, что буддизм есть только дальнейшее локальное развитие библейского мессианства, а брамаизм такое же локальное развитие троичного христианства, ставили эту же фразу только с обратной перестановкой подлежащих, оставляя самое сказуемое, которое вполне правильно. Но и в буддизм до настоящего времени проникло, как и в Библию, многое из евангельского христианства.

Мне не известно, найдено ли в Индии индийское стихотворение Катака — Упанишад только в одном экземпляре, что по установленному мною закону размножения общеинтересных рукописей в геометрической прогрессии служило бы доказательством его новейшего происхождения, но в нем мы видим ясно дальнейшее развитие легенды об искушении Иисуса Сатаной, а также и его буддийского варианта.

Здесь мы находим Сатану буддийского мира, Мару, демонического врага «искупителя», в форме Мритиу, бога смерти (русское Ори). Тождественность концепции просвечивает здесь довольно ясно, несмотря на разнообразные формы, и притом ведийское стихотворение сохранило общее ему с буддийскими легендами представление, очевидно, в его первоначальной форме.

Мальчик Начикетас, соответствующий евангельскому Христу, сказал своему отцу: «Отец, кому ты отдашь меня?» И во второй и в третий раз он спросил его то же самое. Тогда отец отвечал ему: «Я отдаю тебя смерти». Начикетас снисходит в царство смерти, но бог смерти Яма не видит его и он, как Христос, пребывает в царстве смерти незамеченным три дня. Потом его узнали слуги Бога смерти и сказали тому:

Яма, дай воды гостю, чтобы потушить
Пламя, ибо брамин отнимает надежду и дружбу,
Радость детей и благословение стад у того,
Кто не признает его гостем.

Яма (бог смерти):

Ты незамеченным жил в моем доме три ночи,
Достойный гость, Брамин.
Привет тебе и исполненье трех желаний
Даю тебе, Брамин, лишь выбирай.

Начикетас выбирает, как первое желание, чтобы отец, когда возвратится из царства мертвых, принял его без гнева. Потом он просит, чтобы бог смерти обучил его тайному знанию о жертвенном огне, при посредстве которого достигается небесное царство. Смерть сообщает ему это учение и говорит, что он будет называться людьми огнем Начикетаса. Тогда Начикетас высказывает ему и свое третье желание.

Начикетас:

Неизвестна судьба мертвых:

Они существуют, — говорит один, — их нет, — говорит другой.
Вот что хочу я знать, вот что открой мне,
Вот третье желание, которое я выбираю.

Бог смерти:

Самые боги издревле не знают о том:
Темна эта тайна, ее трудно понять.
Другое желанье скажи. Начикетас,
Не настаивай на этом, освободи меня от слова.

Начикетас:

Самим богам это скрыто —
И трудно понять, говоришь ты, о смерти.
Один ты мне можешь это открыть
И только это желание я выбираю.

Бог смерти:

Выбирай долголетних детей и внуков,
Деньги, стада, слонов и коней;
Выбирай на земле огромное царство;
Пусть жизнь твоя будет долга, как ты желаешь.
Если заменишь желанье твое, выбирай
Хоть богатство, хоть долгую жизнь;
Будь царем над землей, Начикетас,
Всех наслаждений участником будь.
Все, что смертным с трудом достается,
Всякую радость возьми, к которой сердце стремится.
Дам я тебе прекрасных девиц,

Что краше всех дев на земле;
Дам их тебе — пусть будут твоими;
Только не спрашивай о смерти, Начикетас.

Начикетас:

Все то пригодно лишь ненадолго.
Сила чувств у людей исчезает,
В жизни все скоро проходит;
Песни и танцы, кони, стадо, — все это — твое.
Людям довольства богатство не даст.
Что для нас деньги, когда мы увидим тебя?
Все мы живем, пока лишь велишь ты —
Это желанье одно потому выбираю.
О чем, полны сомненья, думают люди,
О том скажи мне; о смерти, о будущем царстве.

Соппротивление бога смерти побеждено. Они исполняет волю Начикетаса. Далеко, — говорит он, — расходятся два пути: путь знания и путь незнания. Те, которые идут по пути незнания, бесцельно бродят по земле, как слепцы, руководимые слепыми. Мудрец, познающий единое, вечное, древнего бога, пребывающего в глубине всего сущего, оставляет радость и страдание, освобождается от всего справедливого и от несправедливого, делается свободным от настоящего и от будущего. Таков ответ Ямы на вопросы Начикетаса. Такова браманская легенда, в которой нисшествие Христа в ад уже соединено в единое целое с его искуплением и всему придан более философский, чем фантастический характер, ее евангельского первоисточника.

Посмотрим теперь, какова же буддийская легенда. Избранный к достоинству Будды стремится к познанию, которое искупило бы его от смерти и возрождения. Враг его — Мара. Как бог Мритиу обещает Начикетасу господство над землей, если только он откажется от познания будущей жизни, так и Будде Мара предлагает неземных красавиц, так и Будду искушают дочери Мары, по имени Желание, Страстность и Похоть. Начикетас и Будда сопротивляются всем искушениям и достигают знания, избавляющего от могущества смерти. Имя Мара то же самое, что и Мритиу, Бог смерти есть вместе с тем и князь сего мира, властелин всех наслаждений, враг познания; для браманской или буддийской метафизики всякое наслаждение составляет узы, привязывающие к царству смерти, а познание есть сила, разрешающая эти узы. Эта сторона бога смерти, как искусителя к власти и наслаждению, выступает в личности Мары буддийской легенды на первый план, а браман-

ское стихотворение Упанишад уже принимает более философский характер, чем и показывается позднейшее происхождение брамаизма. То обстоятельство, что Бог Слова Брама рисуется как бесцветный, бесформенный Абсолют во многих индусских рукописях, указывает на то огромное влияние, которое имели в Индии европейские новейшие метафизические размышления. Но для менее мудрствующих браминов такой бог был уж чересчур неконкретным богом и из Браны сделался бог Браман, «предок всех миров», первожденный из всех существ.

И едва ли какое-нибудь божество так знакомо не только браманам, но даже и современным буддистам, как Брама Сагампати. Во все важные моменты в жизни Будды и его верующих Брама оставляет свое небо и является на земле, по заповеди Христа — последние да будут первыми, покорным и послушным слугой святых людей. И из этого главного Брамана фантазия создала целые ряды богов Брам, пребывающих в различных небесах.

Глава VII

МОНАШЕСКИЕ ОРДЕНА БУДДИСТОВ И ИХ ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ СХОДСТВО С КАТОЛИЧЕСКИМИ

Подобно тому, как в Европе в средние века была мания аскетизма и отшельников монахов, а затем и высшее духовенство стало обязательно монашеским, так было и в Азии. И как в Европе началась наконец реакция против этого, так и буддийские монахи стали заменяться семейными браминами. Но брамаизм там не был протестантизмом, как в Европе после Лютера и Кальвина, так как существовал там уже до приезда англичан, а потому мы можем считать его влиянием восточной церкви, допускающей к церковному служению и даже требующей по апостолу Павлу, чтобы «епископ был мужем одной жены». А сходство современного буддийского ламаистского безбрачия и аскетизма с прежним европейским и особенно с католическим настолько поразительно, что не оставляет никакой возможности сомневаться в их общем происхождении.

Как жития святых — произведение не позднее XVII века — полны аскетическими подвигами святых, так и современные буддийские сказания. -

В Индии существует такое же общественное состояние, как в Риме в тяжелейшие времена католицизма, богатые и знатные, еще более, чем бедняки и простой народ; юноши и старики, которым уже нечего ждать от жизни; женщины и девушки оставляют мир и надевают монашеское платье. Рассказываются подвиги непобедимой силы людей, умевших, несмотря на всякое сопротивление, разрывать свои связи с мирской жизнью.

Под защитой абсолютнейшей веротерпимости, которая когда-либо существовала, образовывались секты за сектами и среди них. Чем объяснить такую противоестественность? Конечно, тем же самым, чем я объяснял уже и европейское монашество: огромным распространением какой-то венерической болезни вроде перелоя, с его бубонами и гонококками, как следствия покровительствовавшейся тогдашней церковью храмовой проституцией «во славу божью», пережитком чего и теперь остались баядерки при браманских храмах.

Как и у христиан, здесь были аскеты, жившие в самоистязаниях, принимавшие пищу только через долгие промежутки времени, не мывшиеся, никогда не садившиеся, спавшие на терновом ложе; были приверженцы веры в очистительную силу воды, думавшие освободиться от всякого греха постоянными омовениями; иные стремились к состоянию духовного самоуглубления и старались отделиться от всякого восприятия чувственных реальностей и проникнуться чувством «бесконечности пространства» или «бесконечности разума» и т.д. Между разными такими святыми людьми, естественно, появлялись и диковинные святые; так рассказывают, например, о святом «петухе», обет которого состоял в том, что он клевал свою пищу, как петух, да и вообще во всем подражал этой птице. Другой святой того же рода жил как «коровий святой». Буддийские отчеты доставляют нам вообще немало описаний различного рода святых того времени, из которых очень немногие были настолько счастливы, чтобы не сделать свою святость смешной.

Могла ли возникнуть какая-нибудь культура при таком образе жизни?

Глава VIII

нет.

Глава IX

БУДДИЙСКАЯ МОРАЛЬ

Заповедь «справедливости» буддистов выражается в пяти отрицательных определениях:

- 1) Не убивать ни одного живого существа.
- 2) Не покушаться на чужую собственность.
- 3) Не касаться чужой супруги.
- 4) Не говорить неправды.
- 5) Не пить горячительных напитков.

А для монахов вместо третьего из этих положений предписывается абсолютное целомудрие; кроме того, они обязываются к воздержанию от всех светских удобств и роскоши, от всяких деловых занятий и увеселений. Но здесь только последнее запрещение не христианское, а агарянское, и может быть, является запрещением восточного причащения вином, отождествляющегося с оргиями.

Уже и без меня старались буддизм сблизить с христианством и считали ядром благочестивой нравственности буддистов любовь и милосердие к всему существу. Совершенно таким же образом, как блаженство Нирваны — блаженство в бесконечном созерцании божества в раю, — приближается к христианской идее. «Гнев побеждают миролюбием, зло побеждают добром, скупого дарами, а истиной побеждают лжеца». «Вражда не успокаивается на земле посредством вражды: она успокаивается посредством мира — таков вечный порядок». Так, христианская мысль, что страха нет в любви, что полная любовь прогоняет страх, выражается и в буддийской морали. Но тут же мы находим, как и у христиан, идею о благодеянии, как о самом выгодном помещении капитала. Речь обыкновенно идет о святом, которого спрашивают, за какое доброе дело в прошлом существовании он получил в награду небесное блаженство. На это он обыкновенно отвечает, что за дар, принесенный святому человеку или церкви.

Я приведу здесь несколько рассказов, которыми фантазия верующих украшала представление о прошлых существованиях Будды. В священном каноне есть следующий короткий рассказ.

«Я жил, — говорит Будда, — в лесу на горном хребте, как черный бык, которого создал Сакка (бог Индра). Я привлекал к себе силой благо-

воления львов и тигров. Окруженный львами, тиграми, пантерами, медведями и буйволами, антилопами, газелями и кабанами, жил я в лесу. Ни одно существо не боялось меня и я тоже не боялся ни одного существа. Сила благоволения была моей защитой — и так я пребывал на горном хребте».

В предпоследнем из земных существований Будда жил как царский сын, не признанный народом и несправедливо изгнанный из своего царства. Он отдал просящим свои последние сокровища, даже лошадей и повозку, на которой он ехал, и пошел дальше пешком во время жгучего зноя, сопровождаемый женой и детьми. «Когда дети увидели в лесу деревья, покрытые плодами, им хотелось плодов, и они плакали. И высокие, могучие деревья, видя плачущих детей, сами склонялись к ним». Наконец, они пришли к горе Ванка. Там они жили, как пустынники, в лесу, в хижине из ветвей и листьев.

«И жили мы там в пустыне, я и принцесса Мадди и двое детей, Джали и Канхаджина, прогоняя грусть друг друга. Я оставался в хижине ухаживать за детьми, а Мадди собирала лесные плоды и приносила на пищу. Когда я жил в лесу на горе, пришел нищий и попросил у меня моих детей. Я улыбнулся, взял обоих своих детей и отдал их браману. И когда я отдал детей браману Джуджаке, то задрожала земля, украшенная как венком лесом Меру. Потом случилось, что сошел с неба бог Сакка в виде брамана; и он попросил у меня мою Мадди, добродетельную и верную принцессу. И взял я Мадди за руки, зачерпнул в руки воды и с радостью отдал ему свою Мадди. И когда я отдал Мадди, то боги на небе возрадовались и опять задрожала земля, украшенная как венком лесом Меру. Я отдал детей и верную свою княгиню Мадди и не горевал об этом, лишь бы мне достигнуть достоинства Будды».

А другой из таких рассказов о прошлых существованиях Будды есть «История о мудром зайце».

«И был я в другой жизни зайчиком и жил в лесу на горе; ел я траву и корни, листья и плоды и никому не делал зла. Обезьяна, шакал, молодая выдра и я — жили в одном месте и с утра до ночи всегда были вместе. Я поучал их обязанностям и учил их распознавать добро от зла: удерживайтесь от дурного и склоняйтесь к доброму. В праздник, во время полнолуния, я говорил им: сегодня праздник, давайте дары по достоинству и почтите праздник постом. И они отвечали мне: «Пусть будет так» и по возможности приготавливали дары и соображали, кто достоин получить их. А я сел и искал в уме своем, какой дар могу дать я: «Если я найду достойного, что я дам ему? У меня нет ни кунжутного семени, ни бобов, ни рису, ни масла. Сам я живу травую; нельзя же дать

ему травы. Если придет ко мне достойный человек и будет просить у меня поесть, то я отдам ему сам себя; не должен уйти голодным». И угадал Сакка (царь богов) мысли мои и пришел к моей норе в виде брамана, чтобы испытать меня. Когда я увидел его, я радостно сказал ему: «Это хорошо, что ты пришел искать у меня пищи. Сегодня я дам тебе благороднейший дар, какого никто никогда не делал тебе. Ты справедливый человек — тебе не приходится приносить кому-нибудь страдание. Иди, собери веток и разложи костер: я сам себя изжарю, и изжаренного ты можешь съесть меня».

И он сказал: «Пусть будет так» и начал весело собирать ветки и сложил их в большую кучу. В середину костра положил он горячие угли, и скоро костер запылал, потом отряхнул он пыль, покрывающую его могучие члены, и сел у костра. Когда костер разгорелся, я прыгнул вверх и бросился в пламя. Как свежая вода охлаждает мучения зноя, как она дает освежение и радость, так и пламя, в которое я бросился, освежало, точно холодная вода, все мои мучения. И так отдал я браману и кожу, и мех, и мясо, и связки, и кости, и сердце, и мускулы — все мое тело, со всеми его членами».

Вот этот документ, читатель, носит уж признаки историчности, не то что индусская теософия, наполовину списанная с Шопенгауэра! Но и тут, читатель, навязывается курьезное сближение. В 1852 году Дарвин выпустил в свет свое гениальное творение «Происхождение видов посредством естественного отбора», которое в публике резюмировалось в форме: «Человек произошел от обезьяны», а обезьяна от других низших животных. И вот интересно сопоставить, были ли «открыты» эти рассказы о прежнем существовании Будды в виде слона и в виде зайца до выхода книги Дарвина, или вслед за ее появлением? Ведь, в сущности говоря, все учение о переселении духа из тела в тело со стремлением уллучшиться — только своеобразное отражение дарвинизма в мистически настроенных умах.

Для простодушного буддиста (как и для христиан сатана) соблазнитель Мара есть личное существо, — говорит Ольденберг (стр. 287), настолько же реальная, ограниченная пространством и временем личность, как и Будда, как и все люди и все боги. Но философское мышление естественно старалось оттеснить на задний план понятие о Маре или, по крайней мере, переменить его личную сущность во всеобщую. Мару (как и у христиан сатану) продолжали считать личностью, но пределы его существования расширились до того, что они охватили содержание всего пространства мира, подверженного страданию. Везде, где существует глаз и воспринимаемые им формы, везде, где существует ухо и

воспринимаемые им звуки, везде, где существует мышлением мысль, — там и Мара. Радха говорит Будде: «Господи, в чем состоит могущество Мары?» — «Везде, где существует телесность, Радха, там и Мара (смерть), там и убийца, там и тот, кто умирает. Потому смотри на телесность как на Мару».

Однако в проповедях и легендах, в которых говорится о Маре-искусителе, не имеется того трагизма, каким христиане привыкли окружать врага всего доброго. Она рассказывает маленькие, по-детски выдуманные истории о нападении Мары на Будду и на его последователей, рассказывает о том, как он появляется то брамином, то земледельцем, то царем слонов и в разных других видах, чтобы смутить их святость разными искушениями, а их веру и их познание ложью.

«Во время оно, — говорится в тексте, — пребывал Возвышенный в стране Козала в Гималаях, в хижине в лесу. И в уме его появилась мысль:

«Поистине можно управлять миром справедливо, чтобы не убивали и не приказывали убивать, чтобы не угнетали и не приказывали угнетать, чтобы не терпели страданий и не наносили страданий другим».

И познал злой Мара мысли Возвышенного, пошел к нему и сказал:

«Пусть Возвышенный управляет, как царь, пусть Совершенный управляет, как царь, справедливо, чтобы не убивали и не приказывали убивать, чтобы не угнетали и не приказывали угнетать, чтобы не терпели страданий и не наносили страданий другим».

Будда отвечал ему:

«Что ты думаешь обо мне, злой, зачем ты так говоришь со мной?»

Мара сказал:

«Возвышенный имеет четверную чудотворную силу — если бы Возвышенный захотел, он мог бы повелеть, чтобы Гималаи сделались золотыми, и они сделались бы золотыми».

«Какая польза мудрому иметь целые горы серебра или золота? Кто знает, что земное существование есть цепь, привязывающая к этому миру, тот старается освободиться от него».

И понял тогда злой Мара:

«Возвышенный узнал меня» — и огорченный и недовольный ушел от него».

Таково постоянное окончание всех этих рассказов. Будда проникает намерение злого и этим разрушает его замыслы. Совершенно как Христос в Евангелиях или святые в «Житиях».

Несомненно, что разнообразные и методические старания достигнуть состояния самоуглубленности играли особенно выдающуюся роль в жизни буддийских монахов. В произведениях монахов-поэтов часто

высказывается любовь к лесному уединению, полному святого самоуглубления. «Как прекрасно жить одному в лесу, когда глаз мой не видит никого ни передо мной, ни сзади меня. Пойду я в пустыню, в лес, восхваляемый Буддой; хорошо там одинокому монаху, стремящемуся к совершенству. Один, уверенный в своей цели, вступлю я в прекрасный лес, приносящий радость благочестивому борцу, в это жилище могучих слонов. В богатом цветами лесу Сита, в прохладной горной пещере, вымою я тело свое и буду странствовать там одинокий. Один, без товарищей, в обширном, прелестном лесу — когда достигну я цели? Когда освобожусь я от грехов?»

Подробные описания такого душевного состояния не оставляют никакого сомнения в том, что в этом состоянии, кроме аффектов, возможных и для здорового ума, дело не обходилось и без явлений патологических. В священных текстах часто упоминается о галлюцинациях слуха и зрения, о «небесных формах» и «небесных звуках».

Обычный тип самоуглубления очень похож на средневековое столпничество христиан. Монах садится «с скрещенными ногами, с выпрямленным туловищем, окружая лицо свое бдительным мышлением». Нам говорят, что пред христианами в минуту экстаза открывались тайны творения мира; а буддисты в такие минуты созерцали прошлое своего я в бесчисленные периоды переселений душ, признавали существа, странствующие по мирам, видели, как они умирают и возрождаются, проникали мысли других.

Но верно ли это, если что-нибудь подобное и рассказывали о себе «столпники»?

Во многих сказаниях о Будде он является не сыном божим, а только усыновленным человеком, как было и у некоторых христианских сект. И потому могли быть и другие усыновленные.

Из этого, конечно, не следует, что личность Будды не перешла наконец границ земной и человеческой реальности, что догматика не окружала его блестящим венцом величия, озарявшим всю вселенную.

Первичная фигура одного Будды должна была в восточной догматике превратиться в бесчисленное количество Будд, живших в прошлые века и имеющих появиться в будущем. Христианская вера, которая измеряла прошедшее существование этого мира тысячелетиями, а будущее его только годами, или днями, могла удовольствоваться признанием одного Спасителя, появление которого предсказывалось в прошлом, и второе пришествие которого обозначало конец мира. Но для индуса в период творчества им своей религии горизонты мировой жизни стали уже беспредельными. В бесконечной дали прежних веков и в бесконеч-

ной дали будущего — говорила им какая-то новая философия — вечно повторяется один и тот же процесс происхождения, уничтожения и появления.

При появлении и исчезновении всех мировых эпох, во всем мрачном по природе бытии непрерывно проявляется стремление к свету искупления, и потому в известные определенные эпохи¹ известные личности должны были достигать искупления; такие личности делались Буддами и совершали предопределенное от века поприще. Все они родились в восточной части Средней Индии, все происходили из родов браманов и кшатриев; все достигли искупительного познания под деревом. Жили они на земле неодинаковое время, смотря по той эпохе, в которую они появлялись, и возвещенное ими учение продержалось тоже различное время. «Пятьсот лет, Ананда, будет существовать истинное учение, — сказал Будда своему любимому ученику. — Потом вера исчезает до тех пор, пока не появится новый Будда и не приведет в движение колесо закона».

Буддисты полагают, — говорит за них Ольденберг (стр. 202), — что как и в неизменные по времени мировые периоды является целый ряд Будд, так и неизмеримые пространства вселенной имеют своих Будд. В мирах, отделенных от нас бесконечно большим пространством, идет такая же борьба ради искупления, как и на земном шаре. «Не может случиться, ученики, — говорит Будда, — чтобы в одной и той же мировой системе одновременно, не раньше и не позже, появились два святые всемирные Будды». И вот Ольденбург заключает, что в этих словах мы имеем право видеть указание на то, что в других мировых системах, независимо от того, что происходит в нашем мире, одерживаются такие же победы света над мраком, какую одержал на земле под деревом при Урвеле Будда. Но в этой философии сказывается уже европейское учение о бесчисленности обитаемых миров!

Наступит ли когда конец их появлений? Будет ли когда-нибудь победа настолько полной, что все существа достигнут искупления?

В рассказе о смерти Будды приводится изречение, сказанное богом Брамой, когда святой взошел в нирвану:

¹ Появление Будд в различные мировые периоды не было однообразно по времени. В одной из Палийских сутр имеются указания, что последние из Будд появлялись в такие промежутки времени: один в 91 мировом веке до времени Будды, два в 31 веке, настоящий мировой век есть «благословенный», в нем было пять Будд, из которых четвертый есть Готама и ожидается появление пятого, Метейя. Едва ли нужно говорить о том, что все эти трое Будд совершенно фантастические фигуры.

«В мире все существа тело свое оставляют —
Так и Будда теперь, победоносный учитель миров,
Совершенный, могучий, в Нирвану вошел».

Стало быть, — заключает Ольденберг (стр. 304), — все существа достигнут когда-нибудь Нирваны.

Останется ли навеки, даже и тогда, когда все одушевленные, способные к страданиям существа исчезнут из царства бытия, поток происхождения и уничтожения миров? Или, после уничтожения всякого сознания, в котором отражается мир явлений, чувственный мир уничтожится? Будет ли только Нирвана, в глубине которой погрузятся все царства видимого мира, Единым и Сущим?

«Для буддизма, — отвечает за него Ольденберг, — эти вопросы излишни. Возвышенный не открыл этого; ибо это не нужно для спасения, не нужно для благочестивой жизни, для отрешения от всего земного, для уничтожения желаний, для покоя, познания, просвещения, Нирваны».

Как это похоже на слова христианского вероучения: «Это непостижимо для человеческого ума!..»

По мнению буддистов, законодательное право принадлежит только Будде. Все заповеди и воспрещения имеют силу только потому, что, по твердому убеждению верующих, так повелел Будда. Община должна только применять и объяснять правила Будды, точно так же, как она обязана хранить открытое Буддой учение, но она и не призвана и не способна улучшать или развивать эти правила далее. Как и у христиан, принимаемые разделялись на послушников и монахов. И так же, как в Евангелиях, кто говорит «я вспомнил мать» или «я вспомнил отца» или «жены забыть не могу», пусть лучше вернется в мир.

Глава X

ФИЛОСОФИЯ ИНДИЙСКОГО БУДДИЗМА, РАССМАТРИВАЕМАЯ В СВЯЗИ С ПОЗДНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ФИЛОСОФИЕЙ

Большая часть положений, встречающихся в буддийском учении, может считаться не характерными для этой веры, а просто общим владением всех религиозных людей. Таковы учения о переселении душ, об экстазах, понятие святости. Но так называемые «четыре святые истины» составляют то, что отличает буддистов от небуддистов и составляет зерно и основу их закона.

В ночь под святым деревом, близ Урувелы, ему открываются эти четыре истины и он делается Буддой. Эти положения повторяются и обсуждаются в канонических текстах бесчисленное количество раз. Об их важности там говорится в чрезмерно гиперболических выражениях.

Вот они:

1. «Святая истина о страдании, монахи, такова: рождение есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, соединение с немилым есть страдание, разлука с милым есть страдание, недостижение желаемого есть страдание, — короче говоря, пятерная привязанность к земному есть страдание».

2. «Святая истина о происхождении страдания, монахи, такова: жажда к бытию и наслаждению и к желанию, находящему свое наслаждение на земле, жажда к наслаждению, жажда к созиданию, жажда власти ведут от возрождения к возрождению».

3. «Святая истина об уничтожении страдания, монахи, такова: уничтожение этой жажды через полное уничтожение желания, через устранение от него, через отчуждение от него, через лишение его всякой опоры».

4. «Святая истина о пути к уничтожению страдания, монахи, это святой осмерной путь — а именно: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание и праведное самоуглубление».

Эти положения хорошо выражают однобокий пессимизм автора, совершенно тот же, как и в библейской книге «Иов многострадальный». Они наглядно показывают, что автор их был ослабевший, уже пресы-

тившийся жизнью, мудрствующий, дряхлый старец, какими несомненно были и авторы всех мудрствующих библейских книг. Эта жалобная ария, монотонно распеваемая и во всех христианских церквях, настолько гипнотизировала их прихожан, что они стали уже неспособны отметить ее явной однобокости.

Ведь если бы наша жизнь действительно была только переходы от страдания к страданию, то разве большинство боялось ее потерять? И если авторы таких книг вместо того, чтобы их писать, не покончили свою жизнь самоубийством, то этим бы только доказали, что и сами не поняли, о чем они так жалобно поют.

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Всякий человек в здравом уме понимает, что жизнь есть счастье, которым дорожит все живое. Даже и для мистически настроенной души это ясно, как видим из стихотворения Лермонтова:

Когда волнуется желтеющая нива,
И темный лес шумит,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка.
Тогда смиряется души моей тревога,
И... морщины на челе,
Я вижу счастье на земле,
А в небесах я вижу бога.

Единственная правильная точка зрения состоит в том, что моменты счастья преобладают во всей органической жизни над моментами горя, да и сами моменты усталости и страдания служат только подготовкой к более интенсивному восприятию счастья. А наша смерть? Она существует только для других, а собственной своей смерти еще никто не испытал, и если есть что-нибудь действительно, что существует лишь в воображении отдельного человеческого «Я», а не в реальности, то это представление о его собственной смерти.

Обыкновенно центральные идеи буддийского пессимизма европейцы находят в той мысли, что истинная сущность всего существующего есть небытие.

Но такое понимание буддизма представляет странную ошибку: всякий, кого интересуют не метафизические размышления позднейших веков, а то, что признается проповедью Будды и верованием его общины, не найдет и мысли о небытии. Положение о священных истинах ясно указывает нам, что если буддисты взвесили и нашли слишком легким

этот мир, то основание этого было совсем не в том, что он есть обманчивое, кажущееся нечто, или вернее говоря, простое ничто, а только о том, что этот мир, как и у христиан, есть страдание и скрывает в себе только страдание.

Возвышенный, — так рассказывает традиция, — сказал пяти монахам следующее¹:

«Телесность не есть Я. Если бы телесность была Я, то она не была бы подвержена болезни и можно было бы сказать: мое тело должно быть таким; мое тело не должно быть таким».

«Чувства не суть Я» — затем говорится и относительно чувств то же, что сказано относительно тела². Потом такие же рассуждения повторяются относительно остальных трех элементов, составляющих, по мнению буддистов, физическое и духовное бытие человека, т.е. относительно представлений, форм существования и сознания. Далее Будда продолжает:

— Как вы полагаете, постоянна или непостоянна телесность?

— Непостоянна, господа.

— А все непостоянное есть ли страдание или радость?

— Да, господа, все непостоянное есть страдание.

— Можно ли сказать о непостоянном, о страдании, подверженном изменению, что это я сам?

— Так сказать нельзя, господа.

Далее следуют те же рассуждения относительно чувств представления, форм существования и сознания. Потом Будда продолжает:

«Поэтому телесность, чувства, представления и проч., все равно, существуют ли они в нас или во внешнем мире, будут ли они сильны или слабы, далеки или близки не Я, не Я сам. Так поистине должен думать всякий, обладающий праведным познанием. Мудрый, благородный слушатель слова, думающий таким образом, отвращается от телесности, отвращается от чувств и представлений, от форм и познания. Отвернувшись от них, он освобождается от желания, унич-

¹ Эту речь обыкновенно называют Суттой о признаках внешнего мира («Не-Я»).

² Чувства не суть Я. Кто, например, видит Я в чувстве наслаждения, тот должен бы был после того, как ушло это чувство, сказать: мое Я ушло. То же самое можно сказать и относительно чувства страдания, и относительно чувств индифферентных: «Таким образом, человек, говорящий, что его чувства суть Я, считает свое Я существующим уже в этом видимом бытии, чем-то непостоянным, переполненным наслаждением и страданием, подверженным появлению и уничтожению. Потому, Ананда, и несправедливо рассматривать чувства, как Я».

тожением же желания он получает искупление. В искупленном появляется знание об его искуплении, уничтожено возрождение, довершена святая жизнь, исполнена обязанность; нет более возвращения к этому миру».

В этой речи, приписываемой Будде, очевидно повторяются характеристические основные воззрения и браманского мышления, главной идеей которого было представление о существовании в мире дуализма. С одной стороны, вечно неизменное, имеющее все предикаты высшего блаженства. Это слово (Брама) не что иное, как свойственное человеку истинное Я (Атман). С другой стороны, мир созидания и уничтожения, мир рожденья, старости и смерти, одним словом, мир страдания. Именно из этого-то дуализма и вытекает основная аксиома, вытекает положение, что спасение может быть только там, где нет ни созидания, ни уничтожения. Вытекает, наконец, убеждение, что Я человека (Атта, то же самое, что по-санскритски Атман) не может принадлежать к миру явлений.

Но что же такое это я? Есть ли оно что-то высшее, чем мир явлений, или его совсем не существует? И что такое искупление? Есть ли оно возврат Я, заключенного в мире явлений, к самому себе, освобождение этого Я, или после исчезновения скоропреходящего не останется ничего, что бы оказалось существенным и постоянным? Мы видим, что апокрифическая речь Будды в Бенаресе оставляет этот вопрос совершенно открытым.

Будду делает Буддой его знание четырех священных истин. Формула каузальной связи, открывшаяся ему еще до достижения им достоинства Будды, занимает его ум, когда он сидит под деревом познания, «наслаждаясь блаженством искупления».

Средневековое учение европейской схоластики о номенах и феноменах проникло и в Индию.

Диалог, в котором Будда объясняет своему любимому ученику Ананде большую часть формулы причинности, дает нам очень конкретное истолкование этого псевдо-философского положения, верно передающее первоначальный его смысл. «Если бы сознание, Ананда, не вошло в тело матери, то образовались бы в ней имя и телесность?» «Нет, господи».

«А если сознание, Ананда, после того, как оно вошло в тело матери, опять оставит его, то появится ли «имя и телесность» при рождении?» — «Нет, господи». — «А если сознание у мальчика или у девочки, когда они еще малы, потеряется опять, — будут ли ими достигнуты тогда имя и телесность, рост, увеличение и процветание?» — «Нет, господи».

Таким образом, положение: «Из сознания происходят имя и телесность» приводится к моменту зачатия. По буддийским представлениям, при смерти все остальные элементы, составляющие физическое и духовное существование человека, уничтожаются; тело, восприятие и представление исчезают, но не исчезает сознание. Как человеческое тело образовано из вещественных элементов, точно так же сознание представляется состоящим из соответственного духовного элемента. «Существует шесть стихий, ученики, — говорит Будда, — стихия земли, стихия воды, стихия огня, стихия воздуха, стихия эфира и стихия сознания». Вещество, из которого состоит сознание, выше всех других стихий, оно как бы обитает в своем собственном мире. «Сознание, — говорится в одном из текстов, — неуказуемое, бесконечное, все просвещающее; оно там, где нет ни воды, ни огня, ни земли, ни воздуха; оно там, где совершенно уничтожается великое и малое, ничтожное и могущественное, прекрасное и безобразное, там, где совершенно уничтожается имя и телесность».

Пока существо подвергается переселению душ, до тех пор сознание составляет звено, соединяющее различные существования. Только когда достигнута цель искупления — Нирвана, исчезает в ней и сознание совершенного умирающего.

То, что образуется в человеке из стихии сознания — в ту самую минуту, когда умирает старое существо, делается зародышем нового; этот духовный зародыш ищет и находит в теле матери тот материал, из которого он образует новое бытие, запечатленное именем и телесностью. Как имя и телесность основаны на сознании, так и сознание в свою очередь основано на них. «Ананда, имя и телесность суть базис познания».

«Чтобы существовали имя и телесность, должно было существовать познание. А чтобы существовало познание, должны были существовать имя и телесность; от них происходит познание».

В другом месте Сарипутте, самому замечательному из учеников Будды, приписывается следующее сравнение: «Как два снопа стоят, опершись друг на друга, так, друг, познание происходит из имени и телесности, а телесность из познания».

Но каким образом происходит, что существо, появляющееся на свет, облекается именно в это, определенное тело, а не в какое-нибудь другое? «Это тело, ученики, не ваше тело, и не тело других, его нужно считать делом прошлого, получившим известную форму, воплотившимся и сделавшимся чувствительным посредством мышления».

Сами мы представляем результат того, что мы делаем. В одном из браманских текстов мы встречали такое положение: «Какое дело чело-

век делает, к такому существованию он и приходит». А буддизм учит: «Мое дело есть мое наследство, оно есть рождающее меня чрево матери, дело мое есть род, к которому я принадлежу, оно есть мое прибежище».

Закон причинности принимает здесь форму нравственной мировой потенции. От его действия никто не может уйти. «Ни в воздушном царстве, — говорится в Дхаммападе, — ни среди моря, ни в горных пещерах, нигде на земле не найдешь ты убежища, куда бы мог убежать от твоего злого дела».

И наоборот: «Как приветствие родственников, друзей и товарищей встречает путешественника, издалека возвращающегося домой, — точно так же и того, кто делал добро, когда он переходит из этой жизни в загробную, встречают его добрые дела, как родственники своего возвратившегося друга». Сила наших дел проводит нас по пяти царствам переселения душ, через божественное и человеческое существование, через царство призраков, через животный мир и через ад. Доброго ожидает величие неба. Злого же адские стражи ведут к трону царя Ямы. Тот спрашивает его — не видал ли он, когда жил на земле, пятерых божеских посланников, посылаемых для предупреждения людей, не видал ли он пять явлений человеческих слабостей и человеческого страдания, а именно: ребенка, старика, больного, преступника, выдерживающего наказание за свое преступление, и мертвого.

— Да, — скажет злой человек, — я видел их.

— И как же ты, человек, когда ты был в зрелых годах и когда ты состарился, не подумал про себя: ведь и я тоже не изъят от старости, рождения и вымирания. И потому буду творить добро в мыслях, словах и делах?

Человек отвечает:

— Я не мог сделать так, господи; по своему легкомыслию я не думал так.

И тогда царь Яма сказал ему:

— Эти твои злые дела сделали не мать твоя, не отец твой, не брат твой, не сестра, не твои друзья и советники, не твои родственники, не аскеты, не браманы, не боги. Ты один сделал это и один ты должен пожинать плод их.

И адские стражи увлекают его в место мучения. Его кладут на раскаленную наковальню, бросают в кипящее море крови, мучат на кучах горячих углей и он не умирает до тех пор, пока не будет искуплен последний остаток его вины.

В диалоге Милиндапанха круг все возобновляющихся существований сравнивается с вращающимся около оси колесом или с попеременным происхождением дерева из семени, а семени из плода дерева, курицы из яйца, а яйца из курицы.

Когда дух нашел свое тело, а тело свой дух, тогда это духовно-телесное существо созидает себе органы, чтобы вступить посредством них в отношения с внешним миром. «Из имени и телесности происходит шесть органов субъекта: глаз, ухо, нос, язык, тело (как орган осязания) и мышление».

Органы субъектов вступают в определенные отношения к объективному миру. «Происходит их соприкосновение с внешним миром, а из соприкосновения происходит восприятие». «Из восприятия происходит жажда, ведущая от возрождения к возрождению». Мы существуем потому, что жаждем бытия, мы страдаем потому, что жаждем радости. «Кого побеждает презренная жажда, привязывающая к миру, того страдание растет, как растет трава. Кто побеждает презренную жажду, от которой трудно уйти в мире, от того отпадает страдание, как капли росы отпадают от цветка лотоса». «Когда корень не испорчен, срубленное дерево снова растет. Точно так же все снова и снова появляется страдание, если не убита жажда». «Дары истины выше всяких даров, сладость истины выше всяких сладостей, уничтожение жажды побеждает всякое страдание». «Из жажды, — гласит формула, — происходит привязанность».

Бытие каждого существа похоже на пламя; как пламя, так и наше бытие есть в некотором роде непрерывный процесс горения. Искупление есть угасание пламени (Нирвана). Но пламя не угасает до тех пор, покуда у него есть горючий материал, к которому оно «привязано». И как пламя, привязанное к ветру, проникает в даль, так и пламя нашего бытия не остается на одном месте, а совершает при переселении душ определенные странствования от неба к аду, от ада к небу.

Что называется формами в учении, приписываемом нашими европейскими учеными буддийским и браманским учителям?

Философия позднейших браманских школ, — говорит Ольденберг, особенно развивший буддийскую философию (стр. 223), — следующим образом говорит о Майне (Майе), которая представляет Единому Несозданному обманчивую картину мира, имеющего быть созданным: «Когда Он, Знающий, погрузился в сон, приготовленный Майей, он увидел сновидения, имеющие множество форм: это я, это мой отец, это моя мать, это мое поле, это мое богатство». И уже сравнивали учение буддизма с этим сном браманской теософии.

В тексте «О совершенстве знания», которое буддисты считают особенно святым, мы читаем¹:

¹ Это место сообщено Бюрнуфом.

«Будда сказал Сарипутге:

— Вещи, Сарипутга, существуют не так, как полагают.

— Как же существуют оне, господи? — спросил Сарипутга.

— Оне существуют, о Сарипутга, — отвечал Будда, — только так, что оне поистине не существуют. К ним крепко привязаны обыкновенные, не получившие поучения. Они представляют себе существующими все вещи, из которых поистине ни одна не существует.

Потом Будда спросил святого ученика Субхути:

— Как ты полагаешь, Субхути, есть ли телесность не обман и восприятия, представления, формы и познание не обман?

— Нет, господи, — отвечал Субхути, — нет. Они обман. И телесность, и восприятия, и формы, и представления обман.

— Обман делает существа теми, что они суть».

Таким образом, рассуждение, изложенное в сочинении «О совершенстве знания», делает незнание конечной причиной появления мира и вместе с тем существенным свойством его бытия, которое в действительности есть небытие.

Однако сам Ольденберг доказывает, что этой философии не могло быть в первичном буддизме или брамаизме.

Для браманского ведийского мыслителя незнание есть незнание тождества собственного Я с тем великим Я, которое составляет источник и сумму всех Я. А у буддистов незнание есть источник форм существования¹. Причем форма существования тела состоит в дыхании и выдыхании, форма существования речи в рассуждениях и взвешивании, а форма состояния духа состоит в впечатлении и восприятии.

Однако это общее учение о формах существования в других документах является в более простом виде: «Случилось, — говорится в Санкгарупатти Суттанта², — что монах, одаренный верой, справедливостью, знанием, самоотречением и мудростью, подумал про себя: «Хотел бы я возродиться после смерти в могущественном царском роде». Эти внутренние состояния и привели его в такое существование. Таков, ученики, путь, ведущий к возрождению в данном существовании».

Верующий и справедливый монах, направивший при жизни свои мысли и желания на какие-либо формы существования, возрождается в них до самого высшего класса богов, отделенных от Нирваны совершенно незначительным остатком земного. В конце концов Сутра говорит и о монахе, подумавшем про себя: «Хотел бы я через уничтожение гре-

¹ Ольденберг. С. 228.

² Ольденберг. С. 230.

ховного существа в этой жизни познать и узреть свободное от грехов искупление в стремлениях и мудрости и в ней найти свое прибежище». Такой монах через уничтожение греховного существа еще в этой жизни познает и узрит свободное от грехов искупление в стремлениях и мудрости и в ней найдет свое прибежище. Этот монах, ученики, не возродится нигде».

А вот мы встречаем и совет не думать о начале мира: «Ученики! Не думайте, как другие: мир вечен или мир не вечен, мир конечен или мир бесконечен... а думайте лучше так: «Мир есть страдание», и еще думайте: «Каков путь к уничтожению страдания».

Нам говорили часто, будто буддизм, как его излагают европейские ученые, отрицает существование души, но это в том же смысле, как и существование тела. «Тело, — говорит Ольденберг (стр. 236), — точно так же, как и душа, существует не как замкнутая, самоопределяющаяся сущность, а только как сумма разнообразно перемежающихся процессов происхождения и уничтожения. Восприятия, представления и все те явления, которые составляют внутреннюю жизнь человека, перекрещиваются. В центре этого разнообразия находится познание; когда тело сравнивается с городом, то познание сравнивается с властелином этого города¹. Но познание не имеет родовых отличий от представлений и от ощущений, над появлением и исчезновением которых оно господствует. Познание тоже изменчиво и не представляется сущностью. Буддийское учение признает, что происходят явления зрения, слуха, самосознания и прежде всего страдания, но оно не признает сущности, которая была бы видящей, слышащей и страдающей».

Оставим на время священные тексты и займемся очень ясными рассуждениями об этих вопросах, которые мы находим в «вопросах Милинды», т.е. ионийского князя Менандра.

Царь Милинда говорит великому святому Нагасене:

— Как зовут тебя, достопочтенный, как имя твое, господи?

Святой отвечает:

— Я называюсь Нагасена, великий царь.

И сказал тогда царь Милинда:

¹ Сравните еще следующее, часто повторяющееся в Священных текстах место: это мое тело вещественное, составленное из четырех элементов, произведенное отцом и матерью, а то есть мое познание, прикрепленное к телу, привязанное к нему. Оно — как драгоценный камень, прекрасный, восьмигранный, хорошо обработанный, ясный и чистый, украшенный всяким совершенством, укреплен на ленте голубой или темной, красной или белой, или желтоватой.

— Хорошо, пусть пятьсот Явана (греков) и восемьдесят тысяч монахов слушают. Нагасена говорит: субъекта здесь нет. Можно ли похвалить его за это?

И царь Милинда сказал достопочтенному Нагасене:

— Составляют ли Нагасену волосы?

— Нет, великий царь.

— Ногти или зубы, кожа или мясо или кости составляют ли Нагасену?

— Нет, великий царь.

— Составляет ли Нагасену телесность?

— Нет, великий царь.

— Составляет ли Нагасену восприятие?

— Нет, великий царь.

— Составляет ли Нагасену представление формы и познание?

— Нет, великий царь.

— Или этот Нагасена есть соединение телесных восприятий, представлений, форм и познаний?

— Нет, великий царь.

— Таким образом, где я ни спрашиваю, нигде не нахожу Нагасены. Нагасена, господи, простое слово. Что же такое Нагасена? Ты говоришь неправду и лжешь. Никакого Нагасены нет.

И сказал тогда достопочтенный Нагасена царю Милинде:

— Пришел ли ты пешком или приехал на повозке?

— Я не хожу пешком, я приехал на повозке.

— Если ты приехал на повозке, великий царь, то объясни мне повозку: составляет ли ось повозку, великий царь?

И святой обращает против царя его собственную аргументацию. Повозка не есть ни ось, ни колесо, ни кузов, ни ярмо. Она точно так же не соединение всех этих составных частей и не что-либо другое, кроме их.

— Где я ни спрашиваю, великий царь, нигде не нахожу я повозки; эта повозка есть простое слово. Что же такое есть повозка? Неправду говоришь ты, царь, и лжешь: нет никакой повозки. Ты, великий царь, глава всей Индии. Кого же ты боишься, что говоришь неправду? Пусть слышат это пятьсот Явана и восемьдесят тысяч монахов: это царь Милинда сказал: «Я приехал на повозке» и спросил я его: «Если ты, великий царь, приехал на повозке, то объясни мне повозку». А он не мог указать мне повозку. Можно ли похвалить его за это?»

И когда достопочтенный Нагасена сказал так, то пятьсот Явана похвалили его и обратились к царю Милинде с такими словами: «Теперь, великий царь, говори, если можешь!»...

И царь Милинда сказал достопочтенному Нагасене:

— Я не говорил неправды, достопочтенный Нагасена, относительно совокупности осей и колес, кузова и дышла употребляется слово: «повозка».

— Поистине, великий царь, ты знаешь повозку. И точно так же относительно моих волос, моей кожи и костей, относительно телесности, восприятия, представлений, форм и познания употребляется слово: «Нагасена», но субъекта в строгом смысле этого слова здесь нет. Точно так же, великий царь, говорила перед Возвышенным Буддой монахиня Ваджира таким образом: «Как в том случае, когда соединяются части повозки, тогда употребляют ее имя, так и в том случае, когда существуют пять групп элементов, составляющих бытие человека (телесность, восприятия, представления, формы существования и познание), употребляют слово личность — таково обыкновенное мнение».

— Прекрасно, достопочтенный Нагасена! Удивительно, достопочтенный Нагасена! Много разных вопросов приходило мне в голову, и ты разрешил их. Если бы жил Будда, он бы похвалил тебя.

Это место из «вопросов Милинды» полемизирует против представления об субстанциональности души гораздо яснее, чем канонические тексты. Но в сущности говоря, и они стоят на той почве. И диалог только цитирует их. Хотя очевидно, что Милинда-Панха написана на северо-западе индийского полуострова, а священные тексты в той форме, в которой они сохраняются (!) в цейлонских монастырях, однако в этих текстах встречаются цитированные в этом диалоге слова монахини Ваджиры. И обстоятельства, при которых они были произнесены, не оставляют нам никакого сомнения в том, что этот разговор святого Нагасены и греческого царя совершенно верно передает древнее церковное учение о личности. Мара, искуситель, всегда желающий запутывать людей в заблуждениях и ереси, является перед монахиней и говорит ей: «Кем создана личность? Где находилась рождающаяся личность? Где личность, которая уничтожается?» Она отвечала ему: «Учение твое ложное — личность есть только сумма изменяющихся форм существования, личности нет. Как в том случае, когда соединяются части повозки, тогда употребляют слово повозка, точно так же и в том случае, когда существует пять групп, то это и есть личность — таково обыкновенное мнение. Происходит одно только страдание, существует и уничтожается одно только страдание. Не происходит ничего другого, кроме страдания; кроме страдания не уничтожается ничего другого».

Если страдание создается непрерывным изменением всего существа, то уже нельзя сказать, что страдаю я, что страдаешь ты; остается

только сознание, что страдание существует, или, вернее сказать, что страдание находится в постоянном процессе происхождения и уничтожения. Существуют только призраки Я и Ты, и этим призракам заблуждающаяся толпа дает имя личности.

Но ведь это, читатель, только дальнейшее развитие приписываемого Гераклиту изречения: «Все течет», «Все горит, как вечно живой огонь». И язык буддизма точно так же употребляет образы потока и пламени, как символы непрерывного движения всего бытия.

«Все, ученики, находится в пламени. И что же, ученики, это все, что находится в пламени? Оно зажигается огнем любви, огнем ненависти, огнем заблуждения; оно зажигается рождением, старостью и смертью, горем и печалью, заботой, страданием и отчаянием, — так говорю я. — Весь мир находится в пламени, весь мир покрыт дымом, весь мир пожирается огнем, весь мир трепещет».

А куда ведет все это?

«Если ты проплыл все страшное, бурное море,
Полное волн, и глубин, и чудовищ различных —
Мудрость и святость тебе достаются на долю,
Берега ты достигаешь — цели всего бытия».

Так отвечает нам Самиутта Никайя. Жажда бытия несет душу от одного существования к другому так же, как ветер уносит пламя.

В «Вопросах Милинды» разговор заходит также о тождестве или нетождестве человека в его различных существованиях. Святой Нагасена говорит, что в ряду существований заменяют друг друга не одни и те же люди, но, однако, и не различные.

«— Объясни это сравнением, — говорит царь Милинда.

— Если человек, великий царь, зажжет свечку, то прогорит ли она целую ночь?

— Да, господи, она прогорит целую ночь.

— Но тождественно ли, великий царь, пламя в первую ночную стражу с пламенем в среднюю ночную стражу?

— Нет, господи.

— А тождественно ли пламя в среднюю ночную стражу с пламенем последней ночной стражи?

— Нет, господи.

— Стало быть, великий царь, свеча в первую ночную стражу была одна, в среднюю ночную стражу была другая, а в последнюю третья?

— Нет, господи, она прогорела всю ночь, так как пламя было привязано к одному и тому же веществу.

— Точно так же, великий царь, — заключил Нагасена, — смыкается цепь элементов человека. Один появляется, другой исчезает, потому что это и не есть один и тот же человек, но и не другой человек».

Мы видим, что тут буддизм предвосхитил уже и учение современных европейских физиологов о постоянном обмене веществ в живом организме. И неужели еще за 2000 лет назад, и даже не имея ни малейшего понятия об органической химии?

Познающий из пламени созидания, уничтожения и страдания уходит в место успокоения (Нирвану), — говорит о понимании Нирваны как места, отождествляя ее с пространством, не созданным, вечным и бесконечным. «Я не знаю конца страданий, — говорит Будда, — если не достигнут конец мира. Но я возвещаю вам, что в этом одушевленном теле, которое величиной меньше сажени, пребывает целый мир, в нем пребывает и происхождение, и уничтожение мира, в нем же и путь к уничтожению его». Но буддийские поэтические изречения постоянно приписывают святому, живущему еще на земле, обладание Нирваной.

«Ученик, богатый мудростью, отрешившийся от наслаждения и желания, достигает здесь на земле искупления от смерти, достигает покоя, Нирваны, вечного прибежища».

Того, кто, углубившись в себя, без колебаний и сомнений достиг берега, того, кто, отрешившись от земного, достиг Нирваны, того я называю истинным браманом¹. Когда Нирваной называют не только загробную жизнь, ожидающую искупленного святого, но и то совершенство, которого он достигает в земной жизни, — то это не есть простая преднамеренная ошибка, а абсолютно точное выражение догматической мысли.

Когда считают буддизм религией небытия и стараются с этой точки зрения объяснить самую сущность его, то в действительности достигают этим только того, что совершенно упускают из виду те идеи, которые в нем самые существенные, — говорит Ольденберг (стр. 248).

Но составляет ли конец земного бытия конец бытия вообще? Принимает ли умирающего Совершенного во власть свою небытие?

Полагали, что ответ находится в самом слове «Нирвана», т.е. угадание. Самым естественным объяснением этого слова казалось пред-

¹ Берлинский манускрипт, 414.

В прозаических текстах встречается очень много подобных же замечаний. Так, например, один браманский аскет спрашивает Сарипутту: «Говорят, Нирвана, Нирвана, а что такое эта Нирвана, друг Сарипутта?» — «Уничтожение наслаждений, уничтожение ненависти, уничтожение заблуждения — вот что, друг, называется Нирваной».

положение, что угасание есть угасание бытия в небытии. Но против подобного ответа очень скоро поднялись совершенно справедливые возражения. Ведь можно говорить об угасании и в том случае — и индусы действительно говорили о нем в таком смысле — когда бытие совсем не уничтожено. Об угасании можно говорить и тогда, когда, освободясь от пламени страдания, люди находят путь к покою блаженства. Макс Мюллер с особенной горячностью защищает мнение, что Нирвана есть совершенство бытия, а совсем не его уничтожение¹. Это переход духа к блаженному покою, столь же далекому от радостей мира, как и от его страданий. Была ли бы религией, — спрашивает Макс Мюллер, — та религия, которая в конце концов доходит до небытия? Она не была бы уже тем переходом от конечного к бесконечному, каким должна быть всякая религия. Она была бы внезапно исчезающей, обманчивой тропинкой, идя по которой, человека сталкивают в пропасть небытия в ту самую минуту, когда он думает достигнуть цели вечного существования.

Но вот последующие европейские индиологи Джемс Д'Альви и, в особенности, Чайльдерс и Тренкнер «открыли» вдруг материалы о Нирване. По этим материалам Ольденберг и выяснил самим индусам, что их учение, для которого за преходящим бытием находится будущее вечное совершенство, не может считать царства Вечности начинающимся только там, где кончается мир скоропреходящего, и не может создать его непосредственно из небытия. Он показал индийским ученым, что в самом царстве скоропреходящего, хотя и, может быть, в зачаточной только форме, должен быть присущ элемент, который, не будучи подвержен закону происхождения и уничтожения, носит в себе зародыш вечного бытия.

Для буддийской догматики, — доказал он буддистам, — конечный мир представляется существующим сам по себе. Все, что мы видим, все, что мы слышим, наши чувства, точно так же, как и представляющиеся нам объекты, — все это включается в круговорот происхождения и уничтожения. Но откуда происходит этот круговорот? Все равно, откуда бы он ни происходил, — он существует искони. Условное тут признается, как факт, мышление не решается привести его к безусловному.

Посмотрим, — продолжает он далее, но не приводит, так ли смотрят на этот вопрос буддийские тексты.

«И пришел странствующий монах, Ваххаготта, в то место, где преbывал Возвышенный».

¹ Введение к сочин. Рожерса.

— Как полагать надо, Готама, существует ли Я?

Возвышенный молчал.

— Может быть, досточтимый Готама, Я не существует?

И опять Возвышенный не отвечал ничего. Тогда странствующий монах Ваххаготта встал со своего места и ушел.

Когда он удалился, достопочтенный Ананда спросил Возвышенного:

— Почему, господи, Возвышенный не отвечал на вопросы?

— Если бы я, Ананда, на вопрос «существует ли Я?» отвечал ему: «Я существует», то это бы, Ананда, подтвердило учение саманов и браманов, верящих в вечность¹. А если бы я, Ананда, на второй вопрос отвечал: «Я не существует», то это бы, Ананда, подтвердило бы учение саманов и браманов, верящих в уничтожение».

Таким образом, — говорит Ольденберг (стр. 256), — официальное церковное учение признает, что Возвышенный Будда не учил ничего относительно вопроса «существует ли Я?» и относительно того, продолжает ли жить после смерти совершенный святой, указавший уклонение от ответа на вопрос о загробной жизни.

Из других текстов, в которых находится такое уклонение от вопроса о последней цели, приведем еще в извлечении следующий диалог.

К учителю приходит достопочтенный Малункиапутта и высказывает свое удивление о том, что проповедь его оставляет без ответа ряд самых важных и самых глубоких вопросов. Вечен ли мир или ограничен во времени? Бесконечен ли мир или он имеет конец? Будет ли жить совершенный Будда после смерти? «Мне не нравится, что все эти вопросы остаются без ответа, — говорит монах, — и это кажется мне несправедливым. Пусть Будда ответит мне, если он может». «Прямой человек, если он чего-нибудь не знает, если чего-нибудь не понимает, то так прямо и говорит: «Я этого не знаю, я этого не понимаю».

Мы видим, что вопрос о Нирване ставится Будде этим монахом очень прямо. Что же отвечает Будда? Он отвечает:

«— Говорил ли я тебе, Малункиапутта, будь моим учеником? Говорили ли, что я буду учить тебя, вечен ли мир или не вечен, ограничен ли он или бесконечен? Тожественна ли с телом жизненная сила или различна от него? Живет ли после смерти Совершенный, или нет? Или Совершенный после смерти живет и вместе с тем не живет?

— Ты мне не говорил этого, господи.

— Или, может быть, — продолжает Будда, — ты сам мне говорил: я хочу быть твоим учеником, открой мне, вечен ли мир или не вечен?

¹ Некоторые саманы и браманы, верящие в вечное бытие, учат, что «Я и мир непреходящи».

Потому, Малункиапутта, пусть останется не открытым то, что я не открыл, и пусть будет открыто то, что я открыл».

Но уклонение от ответа на вопрос, который постоянно должен ставиться религиозным сознанием, не могло искоренить из умов учеников Будды потребности в каком-нибудь ответе — положительном или отрицательном.

И вот один из текстов рассказывает, что царь Козалы встретил на дороге между двумя своими столицами знаменитую по своей мудрости ученицу Будды, монахиню Кхему.

Царь принес ей почтение и стал ее спрашивать о священном учении.

«— Существует ли, достопочтенная, — спрашивал царь, — Совершенный после смерти?»

— Возвышенный не открыл, великий царь, чтобы Совершенный существовал после смерти.

— Стало быть, Совершенный не существует после смерти, достопочтенная?»

— И этого, великий царь, не открыл Возвышенный, чтобы Совершенный не существовал после смерти.

— Стало быть, достопочтенная, Совершенный существует после смерти и вместе с тем не существует?»

Ответ всегда один и тот же:

— Возвышенный не открыл этого.

Царь удивлен.

— Что же за причина, достопочтенная, что за основание, ради которого Возвышенный этого не открыл?»

— Позволь, великий царь, мне спросить у тебя самого, — отвечает монахиня, — нет ли у тебя счетчика, который мог бы сосчитать песок Ганга, который мог сказать: здесь столько-то песчинок или столько-то сотен, или тысяч, или сотен тысяч песчинок?»

— Такого счетчика у меня нет, достопочтенная.

— Или у тебя, может быть, есть счетчик, который мог бы вымерить воду в великом океане и сказать: в нем столько-то ведер воды?»

— Такого у меня нет, достопочтенная.

— А почему нет? Великий океан глубок — бездонен, неизмерим. Точно так же, великий царь, и сущность Совершенного не может быть исчисляема числами телесного мира; она глубока, бездонна, неизмерима, как великий океан. Нельзя сказать, что Совершенный существует после смерти, но также нельзя сказать, что Совершенный не существует после смерти; нельзя сказать, что Совершенный существует после смерти и в то же время не существует.

Тогда царь Козалы принял с одобрением речь монахини, встал со своего места, с почтением преклонился перед нею и уехал».

И Ольденберг формулирует индусам сущность ответа их монахини так: «Тот, кто применяет к безусловному такие предикаты, как бытие и небытие, пригодные только для определения конечного условного, похож на человека, который попробовал бы сосчитать песок в Ганге или капли в море. Но он не одинок:

«Никакой мерой нельзя измерить того, кто ушел из жизни; нет слов, какими можно говорить о нем. Как все формы бытия отняты у него, так и у речи не хватает выражений для его определения».

Отметим еще один текст, в котором высказывается отношение к этому вопросу.

«Некоторый монах, по имени Ямака, высказывал еретическое мнение:

«Я понимаю возвешенное Возвышенным учение таким образом, что монах, освободившийся от грехов, когда распадается его тело, подлежит уничтожению, что он исчезает, что он не существует после смерти».

Ученые, полагающие, что буддийское верование признает целью жизни Совершенного небытие, могут из этого места увидеть, что монах Ямака именно за это мнение назван еретиком.

Достопочтенный Сарипутта берет на себя его обращение.

«— Как ты думаешь, друг Ямака, представляет ли тело Будды его истинное Я? Думаешь ли ты таким образом?

— Нет, друг, я так не думаю.

— А тождествен ли Совершенный с его восприятиями? Тождествен ли он с представлениями, формами существования, познанием? Думаешь ли ты таким образом?

— Нет, друг, я так не думаю.

— Полагаешь ли ты, друг Ямака, что Совершенный содержится в телесности, в восприятиях и т.д.?

— Нет, друг, я так не думаю.

— Думаешь ли ты, что Совершенный отделен от телесности?.. и т.д.

— Нет, друг, я так не думаю.

— Полагаешь ли ты, друг Ямака, что Совершенный отличен от телесности, восприятий, представлений, форм и познания?

— Нет, друг, я так не думаю.

— Итак, друг Ямака, ты поистине не можешь понять Совершенного даже в этом мире. Какое же право ты имеешь сказать: «Я понимаю возвешенное Возвышенным учение таким образом, что монах, освободившийся от грехов, когда распадается его тело, подлежит уничтожению, что он исчезает, что он не существует после смерти?»

— Друг Сарипутти, — отвечает ему тогда посрамленный монах, — это (об уничтожении после смерти) я составил по своему невежеству. Но теперь, когда я услышал учение достопочтенного Сарипутты, я оставил свое еретическое мнение и познал его учение.

Существует, ученики, не рожденное, не созданное, не сделанное, не имеющее формы. И если бы это не рожденное, не созданное, не сделанное, не имеющее формы не существовало, то для рожденного, созданного, сделанного, имеющего форму не было бы исхода, — говорит рукопись Удана».

По-видимому, эти слова напоминают нам речи браманских философов о Бrame, не рожденном, не преходящем, который ни велик, ни мал, имя которого «не то, не то», так как ни одно слово не может исчерпать его сущности. И, однако, эти выражения в связи со всем буддийским мышлением имеют совершенно другое значение. Для брамана реальность несозданного настолько велика, что перед ней бледнеет реальность созданного. Бытие и жизнь созданного происходят только из созданного. Для буддиста же слова «существует несозданное» значат только то, что не созданное может быть искуплено от страдания созиданий, что существует путь из мира созданного в бесконечную неизвестность. Но ведет ли этот путь к новому бытию или он ведет к небытию? Буддийское верование колеблется между обоими этими решениями. Мысль о бесконечном, о вечном ни в одной религии не уходит в такую беспредельную даль, как в буддизме. Для буддиста эта мысль — легкое дыхание, угрожающее каждую минуту исчезнуть, погрузиться в небытие.

Все эти выводы Ольденберга о сложной буддийской религиозной философии очень интересны, и потому было бы очень хорошо, если бы буддийские мудрецы и возрожденцы Индии, Тибета, Китая и Монголии прочли их хоть в этом моем совращенном и популяризированном изложении.

Нельзя же в самом деле, чтоб мы, европейцы, знали о них много-много больше того, что знают они сами!

Глава XI

ПЕРВИЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ БУДДИСТОВ

Апокрифизм высокофилософских буддийских книг лучше всего доказывается огромным количеством сказаний совершенно справедливого тона.

От имени Будды никогда не пишут на санскрите, а только на наречии восточного Индостана. Впрочем, его слово не связано ни с каким диалектом и традиция приписывает ему следующее повеление: «Я приказываю, ученики, чтобы каждый учил на своем языке».

Мышление его в правдоподобных документах так близко к европейской метафизике средних веков, что сам Ольденберг (стр. 172) говорит:

«Рассматривая буддизм с этой точки зрения, мы должны поставить Будду рядом не с Основателем христианства, а с каким-нибудь из его позднейших теологических представителей, вроде Оригена».

Синтаксическое строение его фраз имеет торжественный гиратический характер и размеренность речи скоро переходит в тяжеловатую важность. В словах его благовестия не звучит никакой внутренней духовной работы, в них нет той силы, какую имеют речи выдающегося человека, нет и суровости, неотделимой от этой силы. Не заметно никакого бурного стремления к верованию, никакой горечи против неверия. В его речах одно положение однообразно укладывается рядом с другим, — все равно, говорится ли о ничтожных вещах или о значительных. Каждая мысль имеет одинаковое право быть высказанной на известном определенном месте, отчего и происходили бесконечные повторения.

Вот хотя бы замечательная речь от имени Будды, что у человека столько же страданий, сколько и любви:

«Кто имеет стократную любовь, тот имеет стократное страданье; у кого девяностократная любовь — у того девяностократное страданье». И так далее, пока не перебрали весь ряд чисел без всяких выпусков, и в конце следующее заключение: у кого одна любовь, у того и одно страдание, а кто не имеет любви, тот не имеет и страдания». И большая часть поучительных речей похожа на эту. Такова же, например, одна из знаменитейших речей, выражающая мысль, что все чувства человека

и весь мир охватываются и пожираются, как огнем, приносящими страдание силами земного и скоропреходящего существования.

И сказал Возвышенный ученикам своим:

«Все, ученики, находится в пламени. И что же это все, что находится в пламени? Все видимое находится в пламени, познание видимого находится в пламени, чувство, происходящее от соприкосновения с видимым, — будет ли это радость или страдание, будет ли это ни радость, ни страдание — тоже находится в пламени.

Каким же огнем воспламеняется все это? Воспламеняется это огнем желания, огнем ненависти, огнем ослепления, воспламеняется рождением, старостью, смертью, грустью, печалью, страданием, заботой и отчаянием — так говорю я.

Ухо находится в пламени, все слышанное находится в пламени, отношение к слышимому находится в пламени, чувство, происходящее от отношения к слышимому, — будет ли это радость или страдание, будет ли это ни страдание, ни радость — тоже находится в пламени.

Каким же огнем воспламеняется все это? Воспламеняется это огнем желания, огнем ненависти, огнем ослепления, воспламеняется рождением, старостью, смертью, грустью, печалью, страданием, заботой и отчаянием — так говорю я.

Обоняние находится в пламени, язык находится в пламени, тело находится в пламени и ум находится в пламени» и так далее и затем каждый раз целиком повторяется тот же припев. Затем речь продолжается таким образом:

«Познав это, ученики, мудрый, благородный слушатель слова делается недовольным всем видимым, познанием видимого, соприкосновением с видимым, делается он недоволен чувством, происходящим от соприкосновения с видимым, — будут ли это радость или страдание, будет ли это ни радость, ни страдание. Он делается недовольным слухом», — и опять идут те же самые ряды понятий, как и прежде, и Будда таким образом кончает свою речь:

«Когда он делается недовольным всем этим, то он освобождается от делания, он делается искупленным, в искупленном же появляется познание: я искуплен, возрождение уничтожено, долг совершен, для меня нет более возвращения к земной жизни — так познает искупленный».

Конечно, и в Библии мы видим, как часто повторяются те же самые фразы, но здесь это уже доведено до крайнего предела. И это же не апокриф нашего времени, а действительно записанный кем-то образчик буддийского мудрствования. А вот еще пример, тоже взятый из книги Ольденберга (стр. 176).

«И пошли восемьдесят тысяч деревенских старейшин к достопочтенному Сагате. Придя к нему, они сказали:

— Пришли восемьдесят тысяч деревенских старейшин видеть Возвышенного. Позволь нам лицезреть его.

— Подождите немного, друзья, пока я извещу Возвышенного.

И исчез Сагата с крыльца при входе в монастырский дом, из глаз восьмидесяти тысяч деревенских старейшин. Он появился перед лицом Возвышенного, сказал ему:

— Господи, восемьдесят тысяч деревенских старейшин пришли видеть Возвышенного. Что захочет Возвышенный сделать теперь, на то да будет воля его.

— Приготовь же мне место, Сагата, в тени монастырского дома.

— Да будет так, господи, — отвечал Возвышенному достопочтенный Сагата, взял стул, исчез из глаз Возвышенного и появился на крыльце перед лицом восьмидесяти тысяч деревенских старейшин и приготовил место в тени монастырского дома. И вышел тогда Возвышенный из монастырского дома и сел на место, приготовленное в тени.

И пошли к Возвышенному восемьдесят тысяч деревенских старейшин; придя к нему, преклонились перед ним и сели рядом друг с другом. Но мысли свои восемьдесят тысяч деревенских старейшин направляли только на достопочтенного Сагату, а не на Возвышенного. И познал Возвышенный в духе своем мысли восьмидесяти тысяч деревенских старейшин и сказал достопочтенному Сагате:

— Соверши же, Сагата, перед ними великое чудо нечеловеческой силы.

— Да будет так, господи, — отвечал Возвышенному достопочтенный Сагата.

Он поднялся в воздух, и в высоте, в воздушном пространстве, ходил, стоял, опускался, садился, выпускал дым и пламя, и потом исчез.

И когда достопочтенный Сагата в высоте, в воздушном пространстве совершал такие чудеса, то преклонил он главу свою к ногам Возвышенного и сказал ему:

— Господи, учитель мой — Возвышенный, а я его ученик.

И подумали тогда восемьдесят тысяч деревенских старейшин:

«Поистине, это величественно, поистине это чудесно; если ученик столь велик и могуществен, то каков же должен быть учитель?»

И направили они мысли свои на Возвышенного, а не на достопочтенного Сагату. И познал Возвышенный в уме своем мысли восьмидесяти тысяч деревенских старейшин и проповедовал им слово свое по порядку: о милостыне, о справедливости, о небе, о губительности и тщете наслаждений, о награде освобождения от наслаждений.

Когда Возвышенный познал, что мысли их освобождены от всяких препятствий, возвышенны и склонны к нему, тогда проповедовал он им главнейшее благовестие Будды: о страдании, о появлении страдания, об уничтожении страдания и о пути к уничтожению страдания.

Как чистое платье после мытья получает надлежащий цвет, так и у этих восьмидесяти тысяч деревенских старейшин получилось чистое, незапятнанное познание истины, что все, подчиненное закону происхождения, подчинено и закону уничтожения. И познав учение, проникнутые им, зная учение, погрузившись в него, победив сомнения, освободившись от колебаний, поверив в слова учителя, сказали они Возвышенному:

— Воистину так, господи, как поднимают согбенное, как открывают скрытое, или показывают путь заблудившемуся, или как водружают в мраке светоч, чтобы всякий мог видеть окружающее, так и Возвышенный в речи своей возвестил нам учение. Прибегаем, господи, к Возвышенному, к Закону и к Общине учеников. Пусть Возвышенный считает нас своими мирскими учениками, ибо отныне и на всю нашу жизнь мы прибегаем к нему».

Этот рассказ о посещении Будды, — говорит Ольденберг, — старейшинами может служить типическим: в священных текстах при всех подобных случаях без конца повторяются те же самые подробности.

Время от времени внешняя форма этих рассказов изменяется, вместо проповеди появляется диалог, Будда спрашивает, или его кто-нибудь спрашивает. Авторы священных текстов, несмотря на искусственную, выдуманную ими теорию о различных родах вопросов, решительно не умеют нарисовать живую картину. У них не имеется никаких признаков драматического таланта. Люди, разговаривающие с Буддой, говорят только «да» или, если злые противники его, то со срамом умолкают и в конце концов принимают его учение.

Забавный пример того, как священные тексты обращаются с художественными требованиями, представляет история о разговоре Будды с невесткой Анатапиндики.

Будда подходит к дому своего богатого и щедрого почитателя, купца Анатапиндики, он слышит там громкий разговор и спрашивает:

«О чем кричат люди в этом доме? Можно подумать, что у рыбаков рыбу украли».

Анатапиндика рассказывает Будде о своем горе: в его дом вошла невестка из богатого семейства и не хочет слушаться ни своего мужа, ни его родителей и отказывается воздать надлежащие почести Будде. Будда говорит ей:

«— Иди, Суджата, сюда.

— Иду, господи, — отвечает она и подходит к Будде, а он говорит ей:

— Суджата, существует семь родов супругов, которые могут достаться мужчинам. Одна похожа на убийцу, другая на грабительницу, третья на госпожу, четвертая на мать, пятая на сестру, шестая на подругу, седьмая на служанку. Таковы, Суджата, семь родов супругов, которые могут достаться мужчине. К какому роду супруг принадлежишь ты?

Суджата забывает все свое упорство и надменность и скромно говорит:

— Не понимаю, господи, смысла того, что сказал Возвышенный. Возвести мне учение свое, чтобы я могла понять то, что сказал ты вкратце.

— Слушай же, Суджата, и прими к сердцу то, что я скажу тебе.

— Слушаю, господи, — отвечала Суджата».

Будда описывает ей семь родов женщин, от худших, привязывающихся к другим мужчинам, презирающих своего мужа и покушающихся на его жизнь, до лучших, преданных воле супруга, как служанки, и выносящих без ропота все, что он ни скажет и ни сделает.

«— Таковы, Суджата, семь родов супругов, которые могут достаться мужчине. К какому роду супруг принадлежишь ты?

— Отныне, господи, пусть Возвышенный считает меня женщиной, которая подобна служанке своего супруга».

Но почти в таком же роде читаем мы в житиях святых, как посрамляли они своих противников.

В другом разговоре между Буддой и браманом дело идет об отношениях между четырьмя кастами и о притязаниях. В этом разговоре Будда придает своей критике форму вопросов и ответов.

«Если спросить кшатрию (благородного) таким образом: кому будешь ты служить: тому ли, у которого за твою службу тебе будет не лучше, а хуже, или тому, у кого тебе будет не хуже, а лучше? Кшатрия, если захочет ответить, ответит так: «Я не буду служить тому, у которого за свою службу мне будет не лучше, а хуже, а я буду служить тому, у которого за мою службу мне будет не хуже, а лучше». Потом индукция идет дальше:

«Если спросишь брамана, — если спросишь вайсию, если спросишь судру».

Естественно, что ответ каждый раз получается один и тот же, и вот Будда приходит окончательно к следующему результату.

«Я говорю, что служить надо тогда, когда, благодаря службе другому, растет вера, растет добродетель, растет знание и познание».

Евангельским аллегориям соответствуют и буддийские. Так проповедь Будды об искуплении сравнивается с деятельностью врача, извле-

кающего из раны отравленную стрелу и целительными травами побеждающего силу яда. Община его учеников уподобляется морю, в глубине которого лежат перлы и кристаллы, в котором живут исполинские чудища, в которое притекают реки, где они теряют свое имя и делаются морем. Как земледелец обрабатывает свое поле, засеивает семя и проводит к нему воду, но не имеет при этом возможности сказать: «Сегодня начнет расти растение, и завтра оно созреет», а должен ждать надлежащего времени, когда вырастет и созреет его хлеб, — так бывает и с учеником, стремящимся к искуплению: он не может сказать: «Сегодня или завтра дух мой будет искуплен от всего нечистого», а должен ждать, пока не придет его время и пока он не получит искупления.

«В лесу, на горной возвышенности, — говорит он, — большая низменность, наполненная водой; живет тут большое стадо диких животных. И приходит сюда человек, желающий причинить диким животным вред, мучения и несчастье. Он скрывает верный путь, по которому ходить полезно, и открывает ложный болотистый путь, болотистую тропинку. И тогда большое стадо диких животных страдает от вреда и опасности и уменьшается. А потом приходит человек, желающий блага и процветания этому стаду животных; он открывает верный путь, по которому полезно ходить, закрывает ложный болотистый путь, болотную тропинку. Тогда большое стадо диких животных будет процветать, расти, множиться. Смысл этого сравнения, ученики, таков: большая низменность и вода суть наслаждения, большое стадо диких животных — люди; человек, стремящийся к вреду, мучению и несчастью — Мара, злой; ложный путь, ученики, есть восьмичленный путь, а именно: ложная вера, ложное решение, ложное слово, ложное дело, ложная жизнь, ложное стремление, ложное воспоминание и ложное самоуглубление; болотистый путь есть похоть и желания; болотистая тропинка есть незнание. Человек, стремящийся к благу, процветанию, счастью, — это человек, ученики, есть совершенный Святой, Высочайший Будда. Верный, безопасный путь, по которому полезно идти — это святой восьмичленный путь, а именно: праведная вера, праведное решение, праведное слово, праведное дело, праведная жизнь, праведное стремление, праведное воспоминание и праведное самоуглубление. Таким образом я, ученики, открыл верный безопасный путь, по которому полезно идти. Ложный путь закрыт, болотистый путь, болотистая тропинка уничтожены. Все, что должен делать учитель, стремящийся к спасению своих учеников, имеющий к ним милосердие, — все это я сделал для вас, ученики мои».

Все это напоминает уже влияние Евангелий, но есть к ним и дополнения, вроде позднейших гимнов христианской церкви, вроде Иже Херувимского.

Я приведу только одно из Ольденберга (стр. 184).

«Долга для бессонного ночь,
И путь для усталого странника длинен, —
Долга возрождения мука,
Доколе не узрел он истины света.
Как глубокое море спокойно,
Как зеркально ясны глубокие воды —
Так, слушая истины слово,
Находит покой у сердца мудрого.
Поток бытия подавляй ты насильно,
Наслаждения из сердца ты все изгони.
Сознающий конец мироздания —
Вечное тот созерцает.
В бесконечном пути возрождений
Творца бытия все искал я.
Печален рожденного жребий.
Строитель, тебя наконец я нашел.
Опять не построишь ты дом мой.
Разрушена стройка твоя,
Разрушены дома основы.
От мира ушедшее сердце
Достигло желаний предела».

Как Христос предсказал свою смерть ученикам, так и Будда. Возвышенный сказал монахам: «истинно, истинно говорю вам, монахи — все земное подвержено погибели, молитесь непрестанно; вскоре наступит для Совершенного Нирвана, через три месяца войдет Совершенный в Нирвану».

Так сказал Возвышенный, и потом учитель продолжал говорить так: «Плод мой созрел, близка цель моей жизни,
Я ухожу — вы остаетесь, готово для меня место прибежища.
Будьте постоянно бдительны, живите всегда в святости.
Сохраняйте, ученики, дух ваш постоянно решительным и готовым.
Кто живет без колебаний, верный слову истины,
Тот отрешается от рождения и смерти и достигает конца всякого страдания».

Наконец Будда пришел в Кузинару, там на берегу реки Гирианиавати (Хота — Кондак) находился густой лес. «Иди, Ананда, — говорит Буд-

да, — приготовь мне ложе между двумя деревьями головой к северу. Я утомлен, Ананда, и хочу лечь».

Это время не было временем цветения деревьев, но эти два дерева сверху донизу были покрыты цветами. Будда лег под цветущими деревьями, и цветы начали падать на него. С деревьев падал целый дождь цветов, и мудрецы на небе в честь умирающего святого пели торжественные песни.

При наступлении ночи пришли в лес из Кузины благородные жители этого города с женщинами и детьми, чтобы в последний раз поклониться умирающему учителю.

Перед самой своей смертью Будда сказал Ананде: «Может быть, вы, Ананда, подумаете: слово потеряло своего учителя; у нас нет больше учителя. Так вы не должны думать, Ананда: учение, которое я возвестил вам, и правила, которым я учил, — вот ваш учитель, когда я уйду от вас».

И обратившись к ученикам, он произнес: «Истинно, истинно говорю вам, ученики мои, все созданное скоропреходящее, боритесь непрестанно» — таковы были его последние слова.

И поднялся дух его от одного экстаза к другому по всем степеням восхищения; и потом пошел он в Нирвану. И вот Брами произнес следующее изречение:

«В мире все существа тело свое оставляют —

Так и теперь Будда победоносный, мира великий учитель,
Всесовершенный, могучий, в Нирвану вошел».

Мы видим, что эпизод о распятии Христа совершенно исключен из буддийской легенды, как не имеется его и в других вариантах того же происхождения в мифе о пророке Илии, который возносится на небо перед своим учеником Елисеем — Анандой буддийского мифа, как нет его и в мифе об Иисусе Навине и о Великом царе-мессии, да и в легенде Четырех-Миней о Великом царе (Василии Великом). Следует ли из этого, что и весь рассказ Евангелия о столбовании Христа и о лунном затмении при этом есть миф? О том, что самое затмение 21 марта 368 года при Василии Великом было реальное, в этом нет сомнения, мне кажется, и в том, что оно было в момент какого-то издевательства над попавшим в руки своего соперника основателем христианского богослужения, которое и выручило его, и после него он, обратившись в ходячего учителя, жил еще не один год, как и Великий царь в Житиях Святых. Евангелие же только поторопилось отправить его на небо.

Глава XII

ХАРАКТЕРИСТИКА НАШИХ СВЕДЕНИЙ О БУДДЕ

Открытые в Непале тексты: Лалита Вистара, Дивиа Авадана и Магавасту, найдены, насколько мне известно, до сих пор только в одном экземпляре, а следовательно, имеют распространение вплоть до нахождения, что указывает безусловно на их подложность. Такими же должны считаться и замечательные открытия Мюллера и Якоби текстов секты Джайна.

Биографий Будды из эпохи палийских священных текстов не сохранилось, и мы можем с уверенностью сказать, что ее и не существовало¹.

Но если б это было так, то вместо трех корзин мы имели бы уже столько переписанных с них экземпляров, что их было бы возможно найти в каждом буддийском храме. А так ли это?

Но почему же сказания о жизни Будды появились лишь через несколько столетий после его предполагаемой жизни? Совершенно то же явление замечается и в древних христианских общинах, — отвечает нам Ольденберг (стр. 87). — Еще задолго до того времени, когда начали изображать жизнь Иисуса в наших Евангелиях, в христианских общинах было уже распространено собрание речей и изречений Иисуса.

Это собрание речей Иисуса не имеет ни малейших притязаний на какой-нибудь исторический прагматизм или на хронологическую верность; то же самое можно сказать и о воспоминаниях Ксенофона о Сократе: в них способ деятельности Сократа выясняется отдельными его разговорами. Но жизнь Сократа нам не рассказал ни Ксенофон, ни кто-либо другой из древних сократиков, — да и что могло заставить их заняться этим предметом? Для сократиков фигура Сократа была замечательна по словам мудрости, изрекаемым великим философом, а не по однообразным внешним происшествиям его жизни.

¹ Доказательства в пользу такого предположения находим в присутствии некоторых свидетельств в текстах палийской литературы; а равно и в отсутствии в ней известного рода данных. В памятниках этой литературы мы не находим ни малейшего намека на существование биографии Будды, и это уже само по себе весьма значительно. Утрата текстов, некогда существовавших, и утрата всякого воспоминания об их существовании дело неслыханное в истории.

Совершенно таким же образом шло развитие преданий о Будде. Очень рано начали запоминать и передавать в общине речи великого учителя, или, по крайней мере, манеру его речей. Отмечали также, где и когда он говорил или должен был говорить каждое слово; это нужно было для конкретного определения положения и для того, чтобы подлинность слов Будды была выше всяких сомнений; но когда говорил Будда то-то и то-то, об этом не спрашивали. Рассказ об этом начинался обыкновенно таким образом: «Во время оно» или: «В это время возвышенный Будда пребывал в таком-то и в таком-то месте». В Индии вообще никогда не существовало природного чутья.

И вот по свидетельству самого Ольденберга историческое чутье появилось только у европейских историков, приехавших в Индию в наше время, и оно быстро произвело там чудеса. Вся история этой страны восстала перед ее изумленными обитателями, как по волшебству. И в этом волшебном свете жизнь учителя вырисовывалась, как при вспышке бенгальского огня. Даже в момент его зачатия неизмеримо яркий свет наполнил весь мир, миры задрожали, четыре бога, стражи четырех стран света пришли бодрствовать над беременной матерью.

Но где же он родился и жил? Даже на индийской почве было бы немислимо, чтобы община, назвавшаяся по имени сына Сакиев, не сохранила, как выходит уже через сто лет после его смерти, хотя бы и в легендарной форме, правильных воспоминаний о важнейших личностях, имевших отношение к Будде, и об известнейших внешних фактах его жизни.

Или, — говорит Ольденберг (стр. 98), — права та критика, которая видит здесь простой обман? Или даже название родного города Будды, Капилаватту, возбуждает подозрения? Может быть, это просто мифическая Капила, место первобытного существа Капила, основателя учения Санкхиа¹ (одинакового с Будда-Сакия)? Не нужно искать в таких именах мифологических, исторических и литературных тайн? Особенно если держаться мнения Сенара, что мы не имеем достаточных доказательств существования такого города и что самое имя его значит Воздушный Город.

Нам говорят, что китайские пилигримы, объезжавшие Индию в V и VII столетии до Рождества Христова, видели развалины Капилаватты. Но, — возражает Сенар, — по развалинам нельзя видеть, назывался ли разрушенный город Капилаватту.

¹ Во многих исследованиях происхождение буддизма от философии Санкхиа играет немаловажную роль.

Видеть этого, конечно, нельзя, — отвечает ему Ольденберг (стр. 99), — но с другой стороны, нельзя не придавать значения традициям, сохранившимся об этом городе, и монументам, еще сохранившимся там во время путешествия китайцев. Но самое лучшее подтверждение показаний китайских пилигримов состоит в том, что, с одной стороны, прямые и не прямые указания палийских священных книг о положении города, а, с другой стороны, маршруты посетивших его индусских пилигримов, если их проследить по карте Индии, совершенно совпадают; а кроме того, там, где, по этим показаниям, находилось отечество Будды, и теперь находится речка, носящая то же название (Рогини), как та речка в стране Сакиев, о которой упоминают буддийские традиции. Я полагаю, что невозможно ожидать более сильных доказательств прежнего существования этого рано погибшего города.

Однако, как бы ни казались убедительными проф. Ольденбергу эти его доводы, они никак не объясняют, почему же такое замечательное место было потом забыто, тогда как какая-то черная речонка еще сохранила свое имя? Почему ни археолог Кунигем, ни Карлейль в поисках на ней развалин не нашли ни их, ни воспоминаний об этом городе у туземцев.

Мать Будды, Майя, тоже, благодаря своему выразительному имени, сделалась значительной для критики. По мнению Сенара, Майя, умирающая через несколько минут после рождения своего сына, есть утренний туман, исчезающий под лучами утреннего солнца.

А не проще ли думать, что это евангельская Мария?

Самое слово Сакья — значит могучий, другими словами, маг, и тогда Сакья-Муни будет значить Мудрый Маг¹, а относительно города Капилавату, где он родился, можно еще сказать, что он совершенно неизвестен в браманской литературе, хотя в одном древнем буддийском диалоге о нем и говорится, как о богатом населенном месте, в узких улицах которого теснились слоны, повозки, лошади и люди. Его имя пробовали переводить как «Красное место» и вот, делает из этого вывод Ольденберг (стр. 105) — совершенно достаточно для объяснения имени Капилавату, если принять во внимание, что наводнения производили изменения земной поверхности в течение периода, большего 2000 лет.

Что может быть убедительнее такого доказательства?

«Тут были, — фантазирует далее автор, — и тенистые сады с прудами, на плавающих цветниках которых цветки лотоса блестели в солнечном свете и вечером далеко распространяли свое благоухание. Тут были

¹ Ольденберг. С. 101.

и загородные парки, куда отправлялись кавалькады на слонах, где вдали от шума городского в тени высоких густолиственных манго и тамаринда царили покой и уединение (стр. 106)».

«Нам известно, — продолжает он далее, — что будущий Будда был женат, неизвестно только, на одной или на нескольких женщинах, и что у него был сын Рагула, который позже сделался членом его духовного ордена. Эти указания мы можем считать тем более верными, что тенденция творцов предания состояла бы скорее в том, чтобы скрыть брак будущего Будды, чем в том, чтобы выдумать несуществующий брак. Очевидно, что тут мы имеем дело с фактами, а не с выдумкой.

Но кто может знать о том, в какой форме пришло к нему направление той эпохи, заставлявшее тогда и мужчин, и женщин оставлять свои дома и вести монашескую жизнь?

Священные тексты в замечательно простых образах указывают нам это, — говорит Ольденберг, верящий в историческое существование Будды. Вот слова его самого:

«Каким богатством, ученики, был я одарен и в какой величии жил я. И вот пробудилась во мне такая мысль: невежественный обыкновенный человек, подверженный старости и не свободный от силы ее, чувствует недовольство, ужас и отвращение, когда он видит другого в старости. Я тоже подвержен старости и не свободен от силы ее. Должен ли я, человек, подверженный старости и не свободный от силы ее, чувствовать недовольство, ужас и отвращение, когда я вижу другого в старости? Это мне не нравилось, и когда я так думал про себя, о ученики мои, то у меня пропадали все радость и веселье, свойственные юности. Невежественный, обыкновенный человек, хотя он и сам подвержен болезни и не свободен от силы ее», — и так далее — то же самое, что говорилось относительно старости и молодости, повторяется относительно болезни и здоровья, и потом относительно смерти и жизни. «Когда я, о ученики, — таким образом кончается это место, — так думал про себя, пропала у меня вся жизненная радость, присущая жизни». И вот он бросил все в 26-летнем возрасте. Но почему же не делают того же самого и все богатые и знатные юноши, несмотря на все буддийские и евангельские призывы?

Все это бесплодные фантазии и мы никогда ничего не поймем в развитии монашества до тех пор, пока не признаем, что это бегство одного пола от другого могла вызвать только повальная венерическая болезнь, от беспорядочного конкубината женщин с духовенством на религиозных торжествах. В обычной жизни ему мешало естественно развившееся чувство ревности мужа к жене и жены к мужу, тоже развив-

шееся не без причин, а как средство сохранения человеческого рода, противодействующее распространению венерических болезней. Возникшее затем при первом начале христианства, т.е. священства, представление о святости помазанного на духовную власть духовенства и внушенное им этим населению представления, что [...] для жен и дочерей, то же самое, как при обряде причащения у христиан, восприятие в себя самой божественной сущности, нарушило действие естественного чувства собственности жены на мужа и мужа на жену, и, как и следовало ожидать, привело к губительным для человеческого рода последствиям. Только этим и может быть объяснен тот факт, что в обоих посвященческих религиях обет безбрачия обязателен для всякого посвящаемого, а говорится смягченно, «что епископ должен быть мужем только одной жены» (Апостол Павел).

Но население заметило, наконец, что скверные болезни распространяются, главным образом, у него после служения их жен «почитаемой богине» (Венере по-латыни), по-видимому, первично отождествляемой с самой яркой звездой, всегда сопровождающей солнце, хотя потом представление о ней, как во сне, на который похоже все мифическое творчество, богиня эта стала отождествляться то с созвездием Девы, то с девой Марией, имя которой ни в каком случае нельзя переводить «горькая», как делают с еврейского, оно должно происходить от итальянского слова «Марина» — морская, так как Венера и считалась вышедшею утром из пены морских волн, что между прочим указывает на то, что культ ее первоначально возник в Мессине или в Сиракузах, где Венера, а также созвездие Девы, действительно выходят всегда из моря. Значит, заключило население, этот культ ненавистен богоматери.

Как антитезис его первоначального разврата, от него начали требовать монашеской жизни, почему автор Апокалипсиса и называет первичную византийско-ромейскую церковь матерью блудников. Само духовенство, видя, что его заболевания происходят от отдающихся им, начало считать всех женщин сосудами всякой скверны. И убегать от них, как от сатаны-искусителя. Историки-протоколисты, которых не мало и теперь, конечно, меня спросят: в каком старинном документе вы вычитали все это? А я отвечу на это, даже не ссылаясь на Апокалипсис: история народов, не освещенных соображениями общего характера о причинности ее явлений, похожа на человека без головы. Необходимо не только протоколировать, но и обдумывать все события, совершающиеся и совершавшиеся в истории человечества, как естествоиспытатель обдумывает все явления происходящие и считает свое дело закончившимся лишь тогда, когда ясно понял их причинность.

А с этой точки зрения и на будущее нельзя смотреть иначе, как на восточный отпрыск византийско-ромейского апокалиптического христианства. Знаменитое дерево Будды, где получил он свое откровение, пересажено туда с Балканского полуострова и дало там только новые ветви.

Картины, сохранившиеся в священных текстах, о переходах Будды и его учеников с целью проповеди, много более разнообразны, чем переходы Христа в Евангелиях. Мы читаем о встречах его в вольных городах с господствующими там дворянскими родами. Из Кузинары навстречу Будде выходят Малла, царствующее семейство этого города, и издают приказание: «Кто не выйдет навстречу Возвышенному, платит штраф». Из богатого Везали, самого блестящего из индийских вольных городов, навстречу Будде в великолепных упряжках выезжает знатная молодежь из дома Ликхави – одни в белых одеяниях с белыми украшениями, а другие – в желтых, черных и красных одеяниях. Увидав издали Ликхави, Будда сказал своим ученикам: «Кто из вас, ученики, не видал божественной толпы тридцати трех богов, тот пусть созерцает толпу Ликхави». Кроме благородных юношей и с неменьшею роскошью выехала навстречу Будде и другая знаменитость города, куртизанка Амбапали; она пригласила Будду и его учеников на обед в свой парк и по окончании обеда подарила этот парк Будде и общине. Опять черта, сближающая его с Христом, не чуждавшимся куртизанок.

Для пополнения картины публики, собиравшейся около Будды, нужно упомянуть еще о диалектиках и о теологах разного рода, напоминающих евангельских фарисеев. Спорщики-софисты, люди как духовного, так и светского сословия, которые, услышав, что Саман Готама живет недалеко, приготовлялись задавать ему двусмысленные вопросы и, каков бы ни был ответ, запутать его в противоречиях.

И в конце этих разговоров и почитатели и побежденные противники Будды приглашали его вместе с учениками на обед: «Пусть Возвышенный и его ученики пожалуют ко мне на обед».

Будда дает свое молчаливое согласие, и когда на другой день к полудню обед готов, хозяин посылает к нему сказать: «Пришло время, господа, обед готов».

Будда берет верхнюю одежду и чашу и идет с своими учениками в город или в деревню в дом хозяина. После обеда, при котором хозяин старался предложить самое лучшее и при котором сам хозяин и его семейство служат гостям, и после омовения рук, хозяин и домочадцы садятся рядом с Буддой и Будда говорит им слово поучения.

Если не имеется никаких приглашений, то Будда по монашескому правилу отправляется в деревню или в город собирать милостыню.

По возвращении из обхода и после обеда наступало время если не сна, то уединенного отдыха. В тихой комнате или, еще лучше, в прохладном сумраке густого леса, Будда проводил тихие, душевные послеобеденные часы — в уединенных размышлениях, пока не наступал вечер и после «святого молчания» начинались опять шумные посещения друзей и врагов — говорят его биографы (в европейской литературе).

Внешними знаками отречения от мира было у буддистов желтое монашеское платье и тонзура; отрешение от семейных связей, отказ от всякой собственности, строгое целомудрие были естественными обязанностями аскетов, следующих за сыном Сакиев.

Подобно тому, как у христиан постригшиеся в монахи теряют свое прежнее сословие, так и у буддистов.

В одной из речей, приписываемой Будде, сохранявшейся в священных текстах, говорится: «Как великие реки, сколько бы их ни было: Ганг, Ямуна, Ачиравати, Сарабгу, Маги, когда они достигают великого океана, теряют свое старое имя и свой старый род и носят только имя великого океана; так, ученики, и с этими четырьмя кастами — кшатриями и браманами, вайсиями и судра: если они, согласно учению и закону, возведенному Совершенным, отрекутся от отечества и пойдут на чужбину, то теряют свое старое имя и старый род и носят только имя аскетов, следующих за сыном Сакиев».

Один из учеников Будды походил на Иуду Искариота. Разница только в том, что он его не предал, а подослал убийц, но когда посланные подошли к Будде, на них напал ужас и трепет; он кротко поговорил с ними, и они обратились к его учению; кусок скалы, который должен был раздавить Будду, упал на две склонившиеся друг на друга вершины, так что Будда только слегка ушиб себе ногу; дикий слон, пущенный против Будды в узкой улице, пораженный чарующей силой его «дружелюбного мышления», остановился перед ним и потом покорно возвратился назад. Наконец его соперник — ученик Девадатта пытался другим путем достигнуть высшего положения в общине. Он выставил пять положений, в которых требовал, чтобы монах всю свою жизнь жил непременно в лесу, тогда как Будда и сам обыкновенно жил и позволял жить вблизи деревень и городов; чтобы монах жил только дарами, получаемыми им во время сбора милостыни, и не принимать ни одного приглашения благочестивых мирян на обед; одеваться он должен только в платья, сшитые из собранных лохмотьев, и т.д. Девадатта выставил эти правила, как основание истинной строгой духовной жизни, тог-

да как правила Будды он считал уступкой человеческим слабостям; он старался привлечь к себе привязанных к Будде монахов, и, как утверждает традиция, сначала с некоторым успехом, хотя и кончившимся после полнейшей неудачей. Конец Девадатты был печальный.

По новейшим и очень распространенным рассказам вдруг появился адский дракон и проглотил его живого.

Такой трагический конец ученика, желавшего довести аскетизм до абсурда, был, конечно, неизбежен. Само собой понятно, что с тех пор, как появились нищенствующие монахи, должны были существовать и благочестивые богатые люди, дававшие им милостыню от своих избытков, и очень скоро должна была развиться хотя бы и не имеющая определенной формы связь между монашескими орденами и богатыми мирянами, получавшими от монахов духовные поучения.

Кажется, — говорит Ольденберг (стр. 156), — что богатых и высокопоставленных сначала было больше среди исповедников буддизма, чем бедных?

Так действительно и рисуется в легендах о первом распространении буддизма, да ведь и христианство распространялось по Европе ее князьями, нередко насильно крестившими своих подчиненных. Припомним только Владимира Святого.

Понятия о женщинах в учении буддистов кажутся как будто выписанными прямо из Четьи-Миней. И для буддиста, как и для христианских монахов, женщина представляет самую опаснейшую из засад, которую ставит искуститель людям; в женщине воплощаются все неразумно-чарующие силы, привязывающие дух к этому миру. Книги буддистов полны рассказов и размышлений о неисправимых хитростях женщин: «Скрытны пути женщин, как путь рыбы в воде, — гласит одна из них, — для них ложь все равно, что истина, а истина все равно, что ложь».

«— Как нам, господи, — спрашивает ученик Ананда Будду, — вести себя относительно женщины?»

— Избегайте вида ее.

— Но если мы увидим ее, господи, что тогда нам нужно делать?

— Не разговаривайте с ней.

— Но если, господи, мы с ней уже заговорили, тогда что?

— Тогда, Ананда, будьте осторожны».

Традиция говорит нам, что сначала в буддийские монахи, как и в христианские, допускались только мужчины, и что Будда с большой неохотой уступил желанию своей родной матери, чтобы женщины принимались тоже в монахи. «Если на рисовом поле, Ананда, которое уже созревает, начинается болезнь, именуемая ржавчиной, то не долго

будет продолжаться процветание этого рисового поля; точно так же, если в учение и в орден допускаются женщины, отрекшиеся от мира, то не долго процветет святая жизнь».

Но женщины и в Индии старались помогать монашеским общинам и служили им.

В буддийских священных текстах описывается Висакха, богатая гражданка. Она, как Олимпиада в сказаниях об Иоанне Златоусте, устроила первые большие благотворительные заведения, снабжавшие приходящих в Саввати учеников Будды необходимыми жизненными средствами.

Однажды Будда со своими учениками обедал в ее доме. После обеда Висакха присаживается к нему и говорит:

«— Исполни, господи, восемь моих желаний.

— Совершенные, Висакха, слишком возвышены, чтобы исполнять всякое желание.

— Но мои желания, о господи, позволительны и похвальны.

— Если так — то говори, Висакха.

— Я желала бы, господи, всю свою жизнь давать общине дождевые платья, давать пищу чужим приходящим монахам, кормить проезжающих монахов, кормить больных братьев, кормить ухаживающих за больными, давать больным лекарства, раздавать ежедневно рис и подарить общине монахинь купальные платья. Вот мои восемь желаний.

— Почему, Висакха, ты обращаешься к Совершенному с восьмым желанием?

— Раз случилось, что монахини обнаженные купались в реке Ачиравати на одном месте с публичными девицами, которые говорили: зачем вам, достопочтенные, ведете вы святую жизнь, пока вы молоды? Не лучше ли предаваться наслаждению? Когда состаритесь, то можете начать святую жизнь, и тогда земная жизнь и загробная — обе будут ваши. И монахини рассердились на них. Не чиста, господи, обнаженность женщины, постыдна и зловредна. Таково, господи, мое желание, а потому желаю я всю свою жизнь давать общине монахинь купальные платья.

И Будда сказал:

— Прекрасно, Висакха. Хорошо ты делаешь, что высказываешь Совершенному эти восемь желаний. Я согласен, Висакха, на твои восемь желаний.

И похвалил святой Висакху, мать Мигары, таким изречением:

Полная благородной радости, раздает пищу и питье

Ученица святого, богатая добродетелями.

Приносящая дары, ради небесной награды,

Утешающая горе, приносящая радость,

Получает жребий небесной жизни.

По легкому, похвальному пути идет она.

Свободная от горестей, радостная, будет долго наслаждаться она

Наградой доброго дела в блаженном царстве небесном».

Но точно ли такие богатые женщины-патронессы могли быть в Индии, где равноправности обоих полов не было до последнего времени? Опять как будто заимствовано из Европы...

«О буддизме обыкновенно говорят, как о противнике браминизма, и притом о таком противнике, каким было лютеранство относительно папизма. Но подобная параллель будет совершенно неудачна, если бы мы вздумали представить себе какую-нибудь единую браманскую церковь, враждебную начинаниям Будды и противившуюся ему, как обыкновенно противятся всякой новизне. В эпоху Будды, в тех местах, где он действовал, не существовало браманской иерархии». Так говорит один из самых главнейших основателей истории буддизма — профессор Ольденберг (стр. 162), и это только дополняется нашими выводами о том, что буддизм предшествовал брамаизму, а потому и все выпады его против браминов и их кастового устройства являются уже подписанными задним числом и такими же бессильными, как и евангельские призывы к социальному равенству, подобно евангельскому Христу, порицающему книжников, и Будда с иронией говорит о ведийской книжной учености, как о пустой глупости.

Кто обожает песни и изречения древних мудрых поэтов и потому считает и себя мудрецом, — говорит он, — тот похож на человека из низшего сословия или на раба, который, ставши на его место, где говорил царь, и произнося те же слова, вообразит себя царем. Ученик верит тому, чему верит учитель, а учитель тому, что он принял от прежних учителей. «И думаю я, что речь браманов похожа на ряд слепых и тот, кто впереди, ничего не видит, и тот, кто в середине, ничего не видит, и тот, кто сзади, ничего не видит. А если так, то не напрасна ли вера браманов».

Буддизм, как и христианство, обладал многими сектами.

«Мы не можем составить себе ясного представления о том тоне, который господствовал у монахов соперничающих общин, — говорит Ольденберг (стр. 167). — Вообще, кажется, что не существовало открытой вражды. Было обыкновенным делом, что посещали друг друга в монастырях, обменивались вежливостями и покойно и дружелюбно разговаривали о догматических положениях, хотя, само собой разумеется, что при этом дело не обходилось без интриг; для приобретения покровительства влиятельных личностей прибегали ко всяким средствам. Из

духовных соперников Будды и буддистов Маккали-Гозале особенно достается. В одной из речей, приписываемых Будде, даже говорится: «Из всех существующих тканей волосная самая худшая – она холодна во время холода, тепла во время жары, она грязного цвета, дурно пахнет и груба на ощупь, — так и из всех учений аскетов и монахов самое худшее учение Маккали».

Но как монахи-отшельники в Европе превратились в монахов-сибаритов, так и в буддизме первоначальный аскетизм заменялся более мягкой формой. Праведная духовная жизнь сравнивается с лютней, которая издает настоящий звук только тогда, когда ее струны не слишком натянуты и не слишком расслаблены. От имени Будды рекомендуется стремление только к равновесию, к внутреннему довольству. Совершенно естественно, что подобные воззрения буддийской общины навлекли на нее со стороны прежних монашеских общин упреки в склонности к комфорту.

Как это говорится в джайском стихотворении, опубликованном Лецманом¹:

«Ночью спать на мягком ложе,
Утром выпить хорошо,
В полдень есть, и к ночи выпить,
С сладеньким во рту уснуть –
В заключенье искупление
Ловко выдумал Сакие».

Одним словом, одежда разная, а внутреннее содержание то же, что и в Европе.

¹ Ольденберг. С. 169.

Глава XIII

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА О ПЕРЕВОПЛОЩЕНЦЕ БУДИТЕЛЕ

Дадим прежде всего краткую схему предстоящего предмета изложения, которое послужит нам как бы географической картой для предстоящего путешествия по почти непроходимым зарослям человеческих фантазий, в которые мы здесь тоже попадем, как и в предшествовавших наших исследованиях.

Прежде всего отметим, что буддизм распространился исключительно по внутренней и восточной Азии и граничит с магометанскими странами. К нему причисляло себя в начале века около 40% верующих лиц, как об этом свидетельствуют статистические данные, собранные около 1900 года¹.

Слово «буддист» значит просто «пробужденец» или «прозревший», в смысле просвещения. И оно одно еще ничего не говорит об имени основателя буддизма, т.е. пробужденства. Но, конечно, никакая сложная религия или даже просто ее обрядность не упала прямо с неба, а возникла эволюционно, ведя свое начало от какого-нибудь выдающегося человека, который в действительности проповедовал почти всегда совсем не то, что выросло потом с течением веков на его могиле и распространилось далеко от места его жительства. Конечно, и он имел какое-нибудь прозвище, но оно давно сменилось совсем другим, как это мы видели и у христиан, имя которых по-гречески значит «помазанники», т.е. посвященные в тайны божественных знаний, и у магометан, имя которых значит «достославные».

«Помазанники» объявили своим первоучителем некоего «Помазанника», по-гречески Христа, прибавив к нему это прозвище «Спаситель» — по-еврейски Иисус; «достославные» объявили своим первоучителем некоего «Достолавного», прибавив к нему прозвище Отец Мироздания — Абул Козем по-греко-сирийски², а «пробужденцы» повели свое происхождение от некоего пробужденца, по-санскритски Будды (от корня будить, одинаково как и корни множества других санскритских слов со славянскими словами того же значения).

¹ Рис-Дэвидс. Буддизм. Гл. 1.

² Козем или Касим — есть только вариация греческого слова Космос, т.е. Мироздание.

Как в двух предшествовавших религиях, они дали своему пробужденцу также и другие прозвища, например, Гаутама-Будда и Могучий Мудрец – Сакья-Муни — в поэзии пробужденцев. Но это же слово Сакья — Могучий, послужило и для определения его рода: он, — вывели отсюда толкователи, — был из рода «Могучих», а отцом его был не иначе как Судходана. Матерью его была «Чудесная Сила» (Майя по-санскритски, но очень созвучно с матерью Христа — Марьей), а город, где он родился, называется «Воздушный город» (Капила Васту), и потому понятно, что, несмотря на все поиски археологов, его до сих пор не могли найти на земле, хотя и сочли возможным читать это имя Капила-вагга и переводить, «красное место», и хотя «китайские пилигримы» и видели хорошо его развалины, как раз около времени, когда должен был жить Могучий Пробужденный (около V—VII века до Рождества Христова)¹.

В конце концов признали, что этот город должен находиться не иначе, как на север от реки Ганга, что прирожденное прозвище основателя «пробужденцев», данное ему матерью, было «Достигший своей цели» (Сидхарта), а потом его начали называть: Блаженным, Учителем, Покорителем, Благословенным, Владыкой Мира, Всеведущим, Царем Справедливости и т.д.²

Мы видим, что с точки зрения точной положительной науки личность основателя буддизма настолько же мифична, как и жизнь «евангельского Христа». И подобно тому, как миф о «Христе» в течение средних веков отодвинул сцену своего рассказа в другую сторону и отнес, сказав до неузнаваемости, все события вспять на триста с лишком лет до действительного возникновения христианства при римском императоре Юлиане Философе (361—363 гг.), так и миф о просветленном — основателе буддизма мог сильно дислоцировать сцену первичного возникновения этой религии и, заменив почти вполне реальность фантазией, перенести все вспять на много столетий до того времени, когда действительно возникла эта религия.

С этой точки зрения интересно пересмотреть все наши первоисточники.

Главным из них считается санскритская Лалита Вистара³, т.е. доводящая жизнь «Могучего Мудреца» лишь до того времени, когда он

¹ Ольденберг. Будда. С. 98 (русский перевод), 1897 г.

² Оставляя для ослепления самих себя, а также и читателя, ортодоксальные историки постоянно оставляют их без перевода и потому пишут вместо нашего, в том же порядке: Сугата, Сатха, Джина, Багава, Локо-Натха, Сарваджия, Дхарма-Раджа и т.д.

³ Рис-Дэвидс. С. 14.

выступил, по другим рассказам, в роли публичного проповедника. Написана она частью прозой, частью стихами и полна вычурных измышлений о рождении и искушении «пробужденного». Но время ее возникновения определить невозможно, и даже можно заподозрить, что она написана была сначала по-тибетски, и потом уже ее санскритский перевод, который Фуко относит без серьезных доказательств к VI веку нашей эры, был выдан за оригинал, а тибетский подлинник — за перевод.

Вторым основным документом является китайская «Книга Великого Отречения»¹, излагающая отказ «Пробужденного» от своего дома и семьи. Она тоже без всяких веских причин отнесена историками к VI веку нашей эры.

А третьим и четвертым основными документами являются «Заметки о жизни Сакья» из «Тибетских авторитетов» Александра Чома и «Тибетская биография Сакья Муни», найденная Антоном Шифнером и написанная буддийским ученым монахом Ратна-Дхарма-Раджа в 1734 году нашей эры. Первый документ весь основан на Лалите Вистаре, а конец второго повторяет, кроме того, и часть «Книги Великого Отречения».

Таким образом и сама «Лалита», и «Книга Великого Отречения» оказываются фактически тесно связанными с произведением Ратна-Дхарма-Раджи, написанным в 1743 году нашей эры. А промежуточных заимствованных документов на протяжении от VI века, куда относят «Лалиту» и «Книгу Великого Отречения», нет... Но не следует ли из этого, что и обе они писаны не ранее XVI века? Ведь иначе по уже изложенному мною закону размножения общеинтересных и в особенности религиозных рукописей с каждым годом в геометрической прогрессии до полного насыщения читающих «Лалита Вистара», если она действительно принадлежала VI веку нашей эры, обнаружилась бы теперь по крайней мере в сотнях рукописей, как это было, например, с Библией перед ее напечатанием.

Но кроме этих, найденных еще в XIX веке, тибетско-китайских документов, нашлись к началу XX века несколько других. Так, в Индокитае, в Бирмане был найден Бигандетом манускрипт на бирманском языке 1773 года, т.е. лишь на 39 лет позднее вышеописанного, найденного Антоном Шефнером в Тибете. Бигандет назвал его Маллалинкара Вутту и счел не за подлинник, а за перевод неизвестного в подлиннике сочинения на палийском языке, и издал в 1858 году по-английски. Оно совпадает во многих местах слово в слово с «комментарием к Джатаке», относимым без особых доказательств к V веку нашей эры, что

¹ Рис-Дэвидс. С. 15.

при отсутствии промежуточных рукописей тоже невозможно по закону размножения общеинтересных манускриптов с каждым годом в геометрической прогрессии. Таким образом и сам «Комментарий к Джатаке» не может считаться написанным ранее XVII века и скорей всего подложен.

Палийский текст этого «Комментария к Джатаке» был «открыт» на Цейлоне, как и постоянно происходит при подлогах древних документов уже позднее его перевода, и первая часть его была опубликована на английском языке Рис-Дэвидсом под названием «Буддийские Рождественские рассказы».

Он включает в себя дословно почти всю жизнь Гаутамы, как таковая передана Торнером.

Следующий пример прекрасно иллюстрирует ценность этих источников. По сингалезским рукописям, он делает чудеса луком, который тысяча человек не могли натянуть, причем жужжание тетивы было слышно на семь тысяч миль. Он в совершенстве владел восемнадцатью искусствами, хотя никогда не имел учителя, и был одинаково хорошо знаком со многими другими науками. А рассказы «Лалиты Вистары» в переводе Фуко еще вычурнее и чудеснее.

Палийский рассказ о смерти Гаутамы, «из второй Питаки». Он называется «Махапариниббана Сутта»¹.

Этот источник относят ко времени той эпохи, когда Патна стала важным городом, а почитание мощей в буддийской церкви стало всеобщим. Он преувеличивает события, будто бы случившиеся после смерти, и большинство длинных проповедей, которые он влагает в уста Гаутамы перед его смертью, явно является сочинением автора рассказа.

Основную литературу по индийскому буддизму являются так называемые «Собрания» (Питаки). Из них Никая Питаки (Собрание Постановлений) издана по-палийски профессором Ольденбергом.

«Сутта-Питака» (проповеди для мирян) издана в одной части профессором Рис-Дэвидсом и Д. Эстлин Карпендером, а в другой части Тренкнером и Чалмерсом. Затем идут смешанные рассуждения. Сборник стихов, изданный в 1855 году проф. Фаусбеллем в Копенгагене, переведенный Максом Мюллером в 1881 году.

«Песни восторга» — восемьдесят два коротких лирических стихотворения, сто десять извлечений, начинающихся словами: «Так сказал Благословенный». Сборник семидесяти дидактических стихотворений, переведенных в 1881 году Фаусбеллем в его «Сутте-Питаке».

¹ Полное издание его опубликовано профессором Чайлдерсом.

О небесных жилищах. О бестелесных духах. Стихотворения монахов. Стихотворения монахинь (№№ 8 и 9 изданы Обществом палийских текстов).

Джатака. — Пятьсот пятьдесят рассказов, сказок и басен, важнейшее собрание сохранившегося теперь фольклора. Английский перевод издан Рис-Дэвидсом. О силах и знания и разумения, которыми обладают буддийские Арахаты. — Ападана. Рассказы о буддийских Арахатах. Будда-ванса. — Краткие жизнеописания двадцати четырех предшествовавших Будд и Гаутамы. — О качествах духа. — О спорных вопросах. — О взаимодействиях характера. Издана для Общества палийских текстов. И, наконец, «Книга происхождений». — О причинах бытия.

«Существует, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 24), — ошибочное представление относительно громадного объема перечисленных сочинений. Так, Спенс Гарди говорит: «по объему Питаки превосходят все западные писания», а сэр Кумара Свами говорит об «обширной массе оригинальных сочинений, в которых, независимо от комментариев, включены учения буддизма». Но это сильно преувеличено.

Сосчитав слова на девяти страницах нашей Библии, я нашел, что, за исключением апокрифов, она содержит до 950 000 слов. Число слов в первых 221 стихе Дхамма-пады, составляющих хороший пример для остального, равняется 3 001. Поэтому 431 стих этой книги должен содержать менее 6 000 слов. По Перечню Торнера, Дхамма-пада написана на пятнадцати листах, а все три Питаки на 4 382 листах приблизительно того же формата. Это составит для всего текста 1 752 800 слов. Таким образом, буддийские писания, со включением всех многочисленных повторений и всех книг, заключают в себе не более двойного количества слов нашей Библии, а без повторений даже менее ее.

С этим вычислением Рис-Дэвидса, сделанным в 1900 году, и должен примириться читатель, ожидающий грандиозной, но никому не ведомой браминской литературы...

Как иллюстрацию при этом прибавим, что вплоть до начала XVI века нашей эры, когда прибыли туда европейцы, единственным материалом для письменности могли там быть только древесные листья, высушенные как в наших гербариях. Но сам читатель понимает, что ломкость этого материала не могла способствовать их долгому сохранению и потому и никаких подлинных письменных документов ранее европейской эпохи (т.е. до XVI века) там нет. Из буддийских построек монолитные «Столбы Асоки», распространителя буддизма в Индии, не дают пока возможности определить их время, так же, как и Руанвельская топа в 30 сажен высотой на о. Цейлоне, и пещерные храмы в разных местах Ин-

дии. А все постройки браминского периода, сменившего буддийский (как и в Европе по нашим исследованиям тримуртное христианство предшествовало апокалиптическому, к которому относятся и библейские мессианские пророки — Исайя, Иеремия, и др.), призваны уже индиологами за более поздние средневековые, например, знаменитая Чагонатская, построенная в 1198 году, да и другие, относительно которых есть точные сведения, оказываются не ранее XI—XII века.

1. Верую во единого бога отца Вседержителя, творца неба и земли, видимых же всех и невидимых.

2. И во единого господина нашего Спасителя Христа, сына божия, едиnorodного, иже от отца рожденного прежде всех в век, света от света, бога истинна, рожденного, не сотворенного, единосущного отцу и через него все произошло, нас ради людей и нашего ради спасения сошедшего с небес и воплотившегося от духа святого, от Марии девы, вочеловечившегося, и снова грядущего со славою судить живых и мертвых, его же царству не будет конца.

Таковы два первые параграфа христианского символа веры, единственные, которые могли быть установлены на Царьградском Соборе 381 года, так как Никейский собор 325 года не мог ввести параграфа о Спасителе-Христе, легенда о котором создалась лишь после ромейского императора Клавдия Юлиана Философа (331—363), так сильно напоминающего и Александра Македонского поздних греческих сказаний, и Миц-Римского Великого царя Мессию (Рэ-Мессу-Миамуна) египетских иероглифов, и даже библейского Спасителя-Пророка (Иисуса Навина), особенно если соединить сказания о нем с евангельским мифом о спасителе Христе и с повествованием в Житиях святых о Великом царе (Василии Великом) как основателе христианского богослужения. Об одинаковом происхождении последних мифов я уже говорил, а об отождествлении Великого Царя (Василия) с Юлианом и с Александром Македонским я долго стеснялся даже и намекать читателям, считая, что почва к этому еще не достаточно была подготовлена мною. Теперь же я могу указать, что Клавдий Юлиан очень похож на мифического основателя астрономии Клавдия Птолемея. Первые прозвища обоих, имеющиеся в нашем распоряжении — латинские, и значат: хромые; а из вторых прозвищ Юлиан значит Солнечный и при нем, как я уже показывал, был установлен официально (а не при мифическом Юлии Цезаре) солнечный (юлианский) календарь с длиною года в 12 месяцев, соответствующих прохождению солнца по 12 птолемеевым созвездиям Зодиака. С евангельским же Христом сближают его и 12 посланников последнего, аналогичные 12 созвездиям Зодиака, из которых один — Иуда-

Скорпион стал отступником, т.е. основателем иудейства, не признающего Христа за бога. Как Христу приписывается в Евангелиях 33 года жизни, так и Юлиану (от 331 до 363 г. включительно), причем как евангельский Спаситель проповедовал 3 года, так и Солнечному царю (Юлиану) дают три года царствования (361—363). Как евангельский Христос был прободен будто бы копьём римского воина во время распятия, так и Юлиан был, — говорят нам, — поражен копьём невидимого духа (а по более благоразумным сказаниям собственного воина) в походе в Южную Азию, когда он был уже в Месопотамии за рекою Тигром, т.е. по направлению в Индию, что в богатом воображении его последующих жизнеописателей легко могло превратиться в тот невозможный по условиям местности поход Александра Македонского, карту которого я повторяю здесь¹, отметив, что азиатские границы, приписываемые этой картой его империи, тождественны уже с границами Оттоманской империи в XV веке, так что и походы Македонского «Храброго Воина» (что значит имя Александр) географически вычерчены не ранее XV века, когда названия некоторых местечек внутренней Азии стали уже известны в Европе. Как Александр Великий был учеником мифического отца всех наук Аристотеля, так и Юлиан — в одно время был и Храбрый воин (т.е. Александр по-гречески), так и ученый-философ. А в биографии Христа, считая этот термин просто за «помазанника божия», эти две специальности мы видим сначала разделенными, как у двуликого Януса, по двум Иисусам-пророкам. Военная доблесть полностью передана Иисусу Навину — полководцу Моисея, а ученая Иисусу Христу, божественному философу.

Мне скажут, конечно, что «Великий Храбрый Воин» не ходил в Галлию как Юлиан, но это возражение устраняется легко: галльский поход Юлиана апокрифирован его двойнику Юлию Цезарю, наполовину списанному и с Констанция Хлора, а в биографии Александра поход на латинские народы остался, как война с «греками», нелепая уже по одному тому, что сам он называется затем предводителем греков в борьбе с персами.

А если меня спросят, каким же образом отношу я здесь убийство Юлиана к 363 году, когда по моим же астрономическим вычислениям столбование евангельского Христа было 21 марта 368 года, то и на это ответ чрезвычайно прост: я дал здесь (как и в моих предшествовавших таблицах) традиционную хронологию событий IV века нашей эры, которая не могла быть мною проверена астрономически. Представьте себе

¹ См. Христос. Кн. VI. С. 578.

только, что времена царствований первой половины IV века сдвинуты вспять на пять лет, и вы получите полное согласие всей биографии Юлиана с моими астрономическими вычислениями. А что значит для старинного хронолога сдвиг на 5 лет, когда он с полной готовностью сдвигал годы не только на сотни, но даже и на тысячи лет?

Все эти соображения, начиная от цитирования первых двух параграфов символа веры и кончая отождествлением основателя христианского богослужения с императором Юлианом, превращенным из основателя христианского богослужения и отступника от арианства в отступника от бывшего, будто бы, уже за триста лет до его времени христианства (хотя сами теологи признают, что христианская литургия была установлена впервые именно в его царствование), имеют прямое отношение к предмету этого отдела моего исследования.

Мы видели сейчас, что второй параграф символа христианской веры нам гласит: «Верую в спасителя-Христа, рожденного прежде всех веков, единосущного творцу миров, сошедшего с небес и воплотившегося (т.е. получившего тело) посредством святого духа (т.е. дуновения) и вочеловечившегося от девицы Марии. И снова грядущего (в человеческом же теле) со славою судить живых и мертвых». А в апокалипсисе сказано сложнее, чем тут, и обещан еще вторичный приход Христа на земное царство за тысячу лет до конца мира:

«Увидел я, — говорит Иоанн (Апок. 20, 4—18) престолы и сидящих на них, чтобы судить, и души обезглавленных за проповедь Иисуса и божьего слова, которые не поклонялись изображению Зверя (империи) и не приняли клейма его на свою руку. Они ожили и царствовали с Христом тысячу лет. Это первое воскресенье. Блажен и свят имеющий участие в первом воскресении, над ним не имеет места вторая смерть...» «Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из своей темницы и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли Гога и Магога (вероятно, гуннов и монголов), и собирать их на войну, число их как песок морской...» «Но ниспал огонь с неба и пожрал их». «И море, и ад, и смерть отдали мертвых, которые были в них, и судим был каждый по своим делам».

Что же мы здесь видим? Христос, — говорят нам, — воплотился в девице Марии, она же по-русски Марья, а в греческой классической мифологии Майя, олицетворенная звездой в созвездии Плеяд. Она была, — говорят, — дочь Атланта, поддерживающего на своих плечах всю землю, т.е. державного царя, как и изображались древние монархи на рисунках с жезлом в одной руке и земным шаром в другой. Она, по греческим источникам, родила девицею от бога богов Зевса сына Гермеса,

первоначально ходившего среди пастушек хорошеньким аркадским пастушком со свирелью, а потом ставшего богом изобретений и открытий. А по греко-египетским источникам он стал Гермием, трижды величайшим, олицетворявшимся, как и евангельский Христос, в виде месяца, изобретателем письмен, искусств и наук, особенно же теософского учения и герметической философии (т.е. будто бы смысл средневековых суеверий), которые были открыты в XV веке в виде 14 латинских трактатов, под общим названием Пэмандра¹.

Мы видим отсюда, что и миф о Гермии, Трижды величайшем, есть только один из мифов о Христе, и потом не удивляемся, что мать его Мария (первоначальное имя которой, вероятно, было Марина — морская дева, т.е. наяда, символ созвездия Девы, выходящего в Сицилии из волн Средиземного моря) попала снова на небеса в виде звезды Майи в Плеядах, и так же стала богиней весны, превратившись в месяц май. Но вот другое несравненно более замечательное для современного историка-исследователя совпадение, родившееся будто бы в ущелье Малайских гор и проповедовавшего в Средней Азии «воплощенца» Будды (т.е. будителя) Гаутамы, волшебная сказка о котором носит все черты дальнейшего развития евангельского мифа о воплотившемся Иисусе. Приписать ей независимое происхождение совершенно невозможно, даже и в том случае, если вы не согласитесь с изложенным мною в предшествующей главе законом возникновения всех распространенных сложных философий и сложных мифов в одном пункте земного шара и в одной человеческой голове, откуда они несутся на крыльях человеческого слова повсюду, где их могут воспринять по направлениям наименьшего сопротивления.

Подробности этой волшебной сказки о Будде-будителе я дам далее в сравнении с евангельской легендой, а теперь только отмечу, что ее происхождение из Царь-Града в Тибет и даже в Индокитай и во все другие места, где существует буддизм, вполне согласуется и с историческими документами, как только мы отбросим представления о глубокой древности азиатских религий.

Стремление на восток Азии и особенно в Индию, о богатствах которой в средние века рассказывались чудеса, было вообще присуще средневековым ромейцам-византийцам. Сама легенда об Александре Маке-

¹ Первое греческое издание было только в 1854 году, а латинский псевдоперевод (на деле же оригинал) был издан Марсимом Фицином в 1471 году. Как и всегда, вслед за находкой латинского произведенного, выданного за перевод с утраченного греческого оригинала, был «открываем» другим лицом и сам оригинал, а в этом случае даже на безграмотном греческом языке.

донском (действительно ли она миф об императоре Юстиниане с его походом за пределы Месопотамии или легенда о ком-нибудь другом) показывает, что воображение ромейцев было устремлено в Индию и приведенная мною в III томе легенда об обращении в христианство индийского царевича Иоасафа, сыном Ламы (Бар-ламом по-еврейски) заслуживает особого внимания.

А относительно того, что учение ламаизма и буддизма, не говоря уже о брамаизме, не является у индусов с незапамятных времен, не стоит даже приводить доказательств. Ведь их распространили в Индии только англичане, сделав общеизвестным путем печатного станка такие сложные мифы, о которых до тех пор не знал ни один индийский ученый, и которые могли быть написаны лишь в недавнее время, когда европейская теология-теософия уже широко распространилась по Деканскому полуострову.

Комбинируя между собою разрозненные сведения о первом проникновении буддизма в Среднюю Азию, нам проще всего приходится руководиться сначала географическими, а потом филологическими данными.

Географические данные прекрасно обнаруживают нам древние дороги походов и караванов, в виде и до сих пор текущих рек, русла которых показывают нам ясно, что почти таковы же они были и с незапамятных времен, лишь очень медленно подмывая, благодаря вращению земли, свой правый берег и потому слегка передвигаясь в этом направлении. «Умершие реки», от которых теперь остались лишь одни сухие русла, настолько редки и незначительны, да и мало годны для объяснения каких-либо отживших путей сообщения на земной поверхности, что о них не стоит и говорить при наших соображениях о путях культуры в исторические времена. И как теперь по линиям железных дорог мы знаем основные пути экономической жизни и культуры, так и в древности мы можем определить их по течению рек.

Ведь было бы детски наивно думать, что целые армии, хотя бы и состояли они лишь из нескольких сот человек, могли без географических карт проходить целые страны, особенно с неизвестными языками. Раз в сильную метель и осенью, когда все прежние, летние дороги засыпаны в средней России снегом, а новых еще не проторено, один крестьянин, хорошо знавший с детства всю окружающую местность, вез меня на станцию железной дороги. Как было узнать, в каком направлении мы едем? Я говорю ему, что едем в обратную сторону, потому что ветер, который дул мне в правый бок, теперь дует в левый. А он не обратил сначала внимания на направление ветра и, попав на какую-то дорогу, привез меня обратно, откуда мы выехали.

Но в еще худшем положении находились древние армии, которые, не имея географических карт, не знали даже и направления тех стран, куда они шли. Но если бы они и шли даже по компасу, то как они могли заранее знать, не встретят ли на пути непроходимых гор или безродных степей, где умрут от жажды и голода? Идя по руслу рек, они по крайней мере могли быть уверены, что всегда найдут воду и очень вероятно, человеческие поселки, у которых могут захватить силою оружия съестные припасы. Так географические данные показывают нам, что первая умственная культура, как и первые торговые караваны и первые отряды завоевателей должны были проникнуть из Великой РOMEи через Антиохию, которой недаром приписывалось огромное значение, как столице Селевкидов, со времени поселения в ней Селевка Победителя, начальника конницы у Александра Македонского, будто бы еще около 220 года начала нашей эры, по традиционному счету.

Но если мы отождествим Александра с Юлианом, то, приняв по той же традиции, что династия Селевкидов царствовала в Антиохии около 259 лет (от -323 до -64 года) и что Юлиан, по той традиции, умер в 363 году, приходим к выводу, что они окончили свое существование в 622 году, т.е. как раз в год Геджры, когда отклики метеоритной катастрофы в Красном море отделили агарян от европейской части Великой РOMEи, и тогда вместо покорения Антиохийского царства Селевкидов Римом выйдет их завоевание Миц-Римом, как называется у средневековых евреев Египет.

Происходит сдвиг хронологии на 686 лет, и все эти Селевки и Антиохи, якобы царствовавшие до начала нашей эры, окажутся там вассалами Великой РOMEи, так что Антиох Сотер (405—425) придется на царствование Феодосия II (408—450), Антиох Великий (464—499) на царствование Льва Великого (457—474) и Антиох Эпифан (511—523) на время Юстина I (518—527), и бывшее при нем восстание мессианцев Молотов (Маккавеев по-европейски, 519 г.) на второй год царствования Юстина (и интересно, что молотами (мартеллами) назывались и франкские каролинги, из которых наиболее известен Карл Мартелл (638—741).

Но настаивать на правильности только что приведенной хронологии селевкидов, как основанной на ничем не подтвержденной исторической традиции на недостаточно обоснованном предположении, невозможно, даже и допустив, что правильна моя догадка о том, что миф о Александре Македонском относится к царю-философу и полководцу Юлиану. Да и моя цель в настоящее время совсем другая: показать, какими путями арианское и евангельское христианство по географическим сообра-

жениям могло проникнуть в южную и внутреннюю Азию и принять там формы буддизма. Ответ на это получается: таким же путем, как походы, приписываемые Юлиану и в мифах Александру Македонскому.

А на вопрос о том, когда мог брамаизм прийти в Индию с его санскритской литературой, может быть только один ответ: пришел он безусловно с Балканского полуострова, так как санскритский язык, как я уже показывал в III томе, есть смесь славянских слов индийских окружающих наречий, как видно при простом просмотре его словаря. Такая смесь трех европейских языков могла произойти только на Балканском полуострове, где она существует и до сих пор, а временем распространения вероятнее всего приходится признать IX век, когда Кирилл и Мефодий переводили Евангелия на славянский язык. И началась и в западной и северной Европе христианская миссионерская горячка.

Так слово Будда, вернее Буда, тоже несомненно славянское и значит: Будитель и лишь с натяжкой Пробужденный. Но будят людей только от сна, а потому и профессионал такого занятия должен так же уметь и усыплять людей по произволу, то есть быть гипнотизером. Считать такое имя (в его начальном происхождении) за фигуральное, в смысле умственного пробуждения, значило бы уж слишком осложнять первобытную символику, тем более, что для этого нет совершенно никаких причин. Ведь все мы знаем, что гипнотические внушения составляют неотъемлемую принадлежность индусских и тибетских религий, без ясного понятия о которых нельзя даже и приступать к их изучению.

Они же были принадлежностью и первичного мессианского культа в Великой Ромее, как не трудно видеть из описания чудес Моисея перед целым нападением Миц-Рима, и даже из описания евангельских чудес царя Иудейского. Но эти грубые приемы гипнотических усыплений и пробуждений с нагрузкой головы усыпленного всякими галлюцинациями были истреблены в конце средних веков в христианских странах самую церковь и светской властью. Их подвели, наконец, под сношения с врагом человеческого рода – сатаной, так как монополизация их в руках «посвященных» приводила к губительным последствиям для всего общества и даже для собственного существования церкви. Ведь каждый ее вожак мог употреблять такие средства против других, и в результате подобных и, конечно, основанных на фактах соображений черная магия (то есть черное могущество гипноза) было объявлено колдовством, ненавистным для бога и всех его святых, и настолько уничтожено к эпохе возрождения, что долгое время нельзя было даже приступить к его научному исследованию с психологической точки зрения. Но вот теперь реальная наука осветила для нас эту темную сторону

человеческой психики и низвела явления гипнотического внушения к галлюцинациям того же порядка, как и сновидения во время сна, но только без привычных для нас сонных симптомов, то есть неподвижности тела и бесчувственности его к событиям внешнего мира, и вместе с этим мы получили возможность рационально исследовать и те религии Азии, где гипнотические приемы практикуются и теперь, давая нам возможность установить по сохранившимся отрывкам старинных европейских сказаний и то, что происходило в первичном арианстве и христианстве в странах средиземноморского этнического бассейна.

Посмотрим же на то, что и теперь совершается в Азии, чтобы легче выяснить затем и происходившее когда-то в Европе.

Глава XIV

СОВРЕМЕННЫЙ БУДДИЙСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Вот некоторые отрывки из современной нам буддийской морально-религиозной поэзии, соответствующей библейским псалмам:

Дева:

Много богов и людей
Разные вещи считали блаженством.
В поисках счастья
Высшее ты нам добро укажи.

Гаутама:

Счастье — глупцам не служит,
А служит мудрецам,
Оказывать почести честь заслужившим:
Высшее в этом блаженство.
Жить в стране благодатной, но
Прежнюю жизнь прожив благотворно,
В сердце питать лишь благия желанья:
Высшее в этом блаженство.
Много познания и воспитания,
В словах благородства печать неизменного:
Высшее в этом блаженство.
Поддержкой быть отца и матери,
Жены опорой и детей,
Призвание мирное в удел свой получить:
Высшее в этом блаженство.
Творить милостыню и жизнь праведную вести
И родственникам в нужде помогать,
В деяниях безупречным быть:
Высшее в этом блаженство.
Грех ненавидеть и прекратить,
От крепких воздерживаться напитков,
В добрых делах не уставать:
Высшее в этом блаженство.
Благоговенье и смиренность,

Довольствие и благодарность,

Внимать закону в свое время:

Высшее в этом блаженство.

Долготерпенье и кротость,

С миролюбивыми общенье,

Духовная беседа в свое время:

Высшее в этом блаженство.

Самоограничение и чистота,

Познание благородных истин,

Осуществление Нирваны:

Высшее в этом блаженство.

Дух непоколебимый

Среди ударов жизни сей превратной,

Покой обретший от страстей и горя:

Высшее в этом блаженство.

Со всех сторон неуязвимы

Так поступающие все,

Их путь повсюду безопасен,

И высшее блаженство их удел».

Из поучительных изречений Дхамма-Пады.

К чему здесь смех? К чему здесь радость?

Горит огонь страстей, невежества, ненависти;

Что ж вы, окруженные тьмой,

Света не ищите?

Пусть человек сам становится тем, чем советует быть он другим.

Кто сам владеет собой, пусть подчиняет других; трудно себя укротить;

Кто, безрассудство оставив, трезвый взгляд приобрел,

Мир освещает, подобно луне, из-за туч выглянувшей.

На всякое способен зло, кто хоть один закон нарушил

И лжет и будущую жизнь вышучивает безрассудно.

Будем же счастливо жить без вражды к ненавидящим нас;

Среди ненавидящих мы без ненависти проживем.

Будем же счастливо жить, меж хворающих пользуясь здоровьем,

Будем жить без скорбей средь страдающих сердцем людей.

Будем же счастливо жить, без забот меж людей суетливых,

Без вожделений среди тревожных волнений толпы.

Будем же счастливо жить, хоть своим ничего не зовем мы;

Станем подобны богам, пища которых — блаженство.

Современные нам буддисты имеют ту же неделю, как и мы, и дни их, подобно нашим, получили название по солнцу, луне и пяти издревле

известным планетам, что было заимствовано, несомненно, у ромейско-византийских астрономов, не раньше шестого века нашей эры. Но ведь астрология тогда была неразрывно связана с теологией, а потому влияние средневекового апокалиптического христианства на буддизм есть исторический факт.

Воздержание от пляски, музыки, пения, театральных представлений для буддийского духовенства тоже взято с христианских правил, как и соблюдение постов.

Соответственно десяти заповедям христиан и у них имеются запрещения:

Трех телесных:

- лишение жизни (не убий у Моисея)
- воровство (не укради)
- незаконное половое сношение (не прелюбодействуй)

Четырех словесных:

- ложь
- клевета (девятая заповедь Моисея)
- божба (третья заповедь Моисея)
- пустой разговор

Трех духовных:

- алчность (десятая заповедь Моисея)
- злоба
- сомнение.

Мы видим, что число и характер заповедей те же самые, но здесь они более систематизированы.

С точки зрения исторического рационализма идеология буддизма, в котором нет даже определенного имени для бога-отца, кроме бурхана, т.е. самого же вочеловечившегося Будды-Христа, ни в каком случае не может быть очень древней. Но в ней нет ничего странного. Ведь и в Евангелиях Христос говорит: «Я и отец — одно и то же». И кроме того, нельзя не отметить поразительного факта: у восточных христиан есть храмы, посвященные и Христу (под именем Спаса), и богородице, и архангелу Михаилу, и всем святым, но нет ни одного храма, посвященного богу-отцу. Простая ли это забывчивость? И вот она же повторяется и у буддистов. Так можно ли по этой одной причине не назвать их религию атеистической? Конечно, ни в каком случае. Тем более, что рационалистический буддизм, как мы видели, носит характер только новейшего апокрифизма. Непосредственное исследование (помимо подозрительных трактатов, вывозимых с Востока) показывает, что буддисты постоянно поклонялись силам природы, занимались астрологией, верили в дьявола, волшебство, заклинания и чары.

Глава XV

РОЖДЕНИЕ БУДДЫ-ХРИСТА ПОД ИМЕНЕМ ГАУТАМЫ

Долго не знали индусы, где у них родился буддийский Христос, но наконец, с помощью приехавших туда европейских буддологов определили.

Это было под 27° 37' северной широты и 83° 11' восточной долготы от Гринвичского меридиана, и в 130 милях к северу от Бенареса, на берегу речки Рохини на отрогах могучего Гималайского хребта, исполнинские вершины которого виднелись вдали на прозрачном фоне индийского голубого неба.

Там жило небольшое, но могучее племя Сакьи, питавшееся продуктами своего скотоводства и рисовых полей, а воду оно получало из Рохини, на другой стороне которого жили Колияне, родственные им.

«С ними у Сакьев, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 29), — иногда происходили ссоры из-за обладания драгоценною влагою речки, но как раз в это время (воды, очевидно, в речке было много) они жили в мире и две дочери одного из предводителей Колиянов были женами Суддходаны, одного из предводителей Сакьев. История повествует, что обе были бездетны — обстоятельство достаточно печальное в другие времена и у других народов, но в особенности тяжкое у арийцев, полагававших, что состояние человека после смерти зависит от обрядов, совершаемых его наследниками. Поэтому велика была радость, когда старшая из сестер, Майя (т.е. Марья) на сорок пятом году подарила своего супруга надеждою на рождение сына. По обычаю, она в надлежащее время отправилась для разрешения от бремени в отчий дом; но сын ее, будущий Будда, неожиданно появился на свет во время путешествия под тенью нескольких высоких деревьев, в роще, называвшейся Лумбини. Мать и ребенок были перенесены в дом Суддходаны, где спустя семь дней мать умерла; но мальчик нашел заботливую воспитательницу в лице сестры своей матери, второй жены отца (что уже похоже на детство Магомета).

Ему дали имя Сиддхарта, что значит «достигший своей цели», и вот его родословная.

Прозвище его было Гаутама (созвучно с еврейским Га-Адам), т.е. вочеловечившийся, и такая фамилия по Рис-Дэвидсу существует и сей-

час в деревне Нагаре, ошибочно отождествляемой Коннингэмом с мифической Капила-Васту, родиной Будды).

Другие названия, даваемые основателю буддизма, тоже не имена, а титулы. Благочестивому буддисту кажется непочтительным называть Гаутаму его обиходным человеческим именем, и поэтому он выбирает одно из многочисленных его прозваний. Таковы: Сакья-синха — «лев племени»; Сакья-муни — «могучий мудрец»; Сугата — «счастливый»; Саттха — «учитель»; Джина — «завоеватель»; Багава — «божественный»; Лока-натха — «владыка миров»; Сарваржья — «всеведущий»; Дхурма-раджа — «царь справедливости» и многие другие.

Нет, кажется, оснований, — говорит Рис-Дэвид, — сомневаться в весьма ранней женитьбе Гаутамы на двоюродной сестре, дочери Колиянского раджи. И вот, вскоре после его женитьбы его родственники коллективно пожаловались радже Суддходане на то, что его сын, сидя у ног жены, пренебрегает упражнениями, необходимыми человеку, на которого может впоследствии лечь обязанность предводительствовать своими сородичами на войне. Гаутама же, услышав об этом, оповестил барабанным боем о дне, когда он докажет свою ловкость каждому желающему. Превзойдя в этот день самых метких стрелков, он вновь приобрел расположение племени.

Но вдруг, на 29-м году, верховное божество явилось ему в четырех видениях: в виде мужа, согбенного под бременем лет, в виде больного человека, в виде гниющего мертвого тела и, наконец, в виде почтенного затворника. Это было почти спустя десять лет после женитьбы, когда его жена родила их единственного сына, по имени Рахула. Известие о рождении сына застало Гаутаму в саду, на берегу реки, куда он отправился после четвертого видения — в виде затворника. Поселяне были в восторге от рождения ребенка, единственного внука их раджи. Возвращение Гаутамы подало повод к бурному выражению чувств, и молодая девушка, его двоюродная сестра, пела: «Счастлив отец, счастлива мать, счастлива жена такого мужа и сына». Он снял свое жемчужное ожерелье и послал его ей, а она начала строить воздушные замки, думая: «Молодой Сиддхарта влюбился в меня и прислал мне подарок», а он послал своего возницу Чханну, около полуночи, за своей лошадей, и во время его отсутствия отправился к дверям покоя своей жены, которую увидел, при мерцающем свете лампы, спящую среди цветов, с рукою, положенной на голову младенца. Он желал в последний раз перед разлукой обнять младенца, но увидел, что не может сделать этого, не разбудив матери. Он нерешительно оторвался от сына, и, сопровождаемый только Чханною, оставил свой отчий дом, богатства, молодую

жену и единственного сына, чтобы стать нищим и бездомным скитальцем.

Так говорит «Сутра Великого Отречения», а далее рассказывается то же самое, как и в евангельском искушении Христа сатаной.

Мара — дух зла, является на небе и уговаривает Гаутаму остановиться, обещая ему через семь дней всемирное владычество над четырьмя великими материками, если он откажется от своего предприятия. Но и потерпев неудачу в этом предложении, искушитель утешает себя надеждой на то, что он все-таки когда-нибудь одолеет своего врага, и говорит:

«Рано или поздно в душе его должна возникнуть какая-либо вредная или злая мысль; в такой момент я и стану его повелителем». И с этого часа, — добавляет летописец Джатаки, — Мара следовал за ним, выжидая какой-либо ошибки, приросши к нему, подобно тени, идущей за предметом. Гаутаму в эту ночь проехал большое расстояние и остановился, лишь достигнув берега мифической реки Аномы, за пределами Колийской области. Там, сняв свои украшения, он отдал их и лошадь своему возничему, обрезал свои длинные волосы и, обменявшись платьем с бедным прохожим, отослал удрученного и опечаленного Чханну домой, а сам поспешил по направлению к Раджагрихе, чтобы начать жизнь бездомного нищенствующего отшельника.

Раджагриха, главный город Магадхи, была столицей Бимбисары, одного из могущественнейших государей восточной долины Ганга. Она была расположена в веселой долине, тесно ограниченной пятью холмами, самыми северными отрогами Виндийских гор¹.

Стараясь показать, что брамаизм с его троицей и Кришной существовал еще ранее буддизма, нам внушают, что еще задолго до рождения Гаутамы брамины обращали большое внимание на глубочайшие вопросы бытия и этики и распадались на различные школы, из которых в той или другой уже излагалась большая часть будущих метафизических учений Гаутамы.

Одним из наиболее настойчиво проповедуемых учений браминов, — говорят нам, — была даже и в то время вера в действительность самоистязания как средства достижения сверхчеловеческой силы (т.е. силы гипнотического внушения себе и другим) и вместе с тем сверхчеловеческого познания; и Гаутаму, изучив системы Алары и Удраки, удалился в леса Урувелы, вблизи нынешнего храма Будда Гайи, и там в течение шести лет в присутствии пяти верных учеников предался стро-

¹ Современный Раджгир.

жайшему покаянию, пока постом и самоизнурением не довел себя до тени прежнего Гаутамы. И слава его распространилась, подобно звуку большого колокола, привешенного к небесному своду. Наконец, однажды он внезапно пошатнулся и упал на землю. Некоторые из учеников думали, что он умер; но он вновь пришел в себя и, отчаявшись в пользу такого способа, отказался от самоизнурения.

Все ученики покинули его и отравились в Бенарес. Для них было аксиомою, что духовная победа могла быть достигнута лишь умерщвлением плоти. Тогда в душе Гаутамы опять возникли сомнения, и искуситель воспользовался ими. Вот как говорит об этом рукопись¹:

«Когда началась борьба между Спасителем мира и Князем зла, стали падать тысячи белеющих метеоров; тучи и тьма окружили его. Даже земля, с ее океанами и горами, была потрясена, подобно сознательному существу, подобно нежной невесте, насильственно оторванной от жениха, подобно виноградной лозе в ураган. Океан поднялся от колебаний землетрясения; реки потекли обратно к своим источникам; вершины высоких гор, на которых в течение столетий росли бесчисленные деревья, рухнули на землю, превращаясь в песок. Все это было охвачено порывом урагана; треск становился ужасным; даже солнце окуталось в страшную мглу; и толпа безголовых духов наполнила воздух».

Совсем как будто выписано из Мильтонова «Возвращенного Рая», вышедшего около 1670 года: «... с одного конца неба до другого загрел гром; тучи, страшно разрываясь, с неистовством изливали потоки дождя, смешанного с молниями; вода с огнем мирились для разрушения. Не спали и ветры в каменных пещерах: со всех четырех сторон света налетали они и ворвались в истерзанную пустыню; высочайшие сосны, хотя корни их были так же глубоки, как и высоки вершины, крепчайшие дубы склонили свои тугие выи под тяжестью их бурного дыхания или вырывались с корнями. Дурно был ты защищен, о многотерпеливый сын божий, но остался непоколебим. Ужасы ночи еще не кончились этим: духи тьмы, адские фурии окружили тебя; они рычали, выли, визжали, направляя в тебя огненные стрелы; но ты оставался неустрашим среди них, ничто не нарушало твоего святого мира»².

Любопытная черта сходства между повествованием Мильтона и буддийским мифом заключается в том, что и по нему Рай возвращается сыну божьему в пустыне совершенно так же, как Гаутаме под деревом Бо, на которое буддисты смотрят, как христиане на крест, причем

¹ Матхуратха Виласина по Торнеру.

² Возвращенный Рай, песнь IV, перевод Шульговской.

мы не должны забывать, что и по-славянски крест называется столп и древо, а по-гречески прямо ставрос, т.е. ствол дерева. У буддистов древо Бо играло такую же роль, как крест у христиан. Оно стало предметом поклонения, и отросток его, — говорят нам, — еще растет в том месте, где его нашли буддийские паломники и где, по их мнению, росло первоначальное дерево в древнем храме в Бодх Гайе, близ Раджгира, который, — говорят нам, — был построен около 500 года после Р.Х. знаменитым Амара Синхою. Ветка же от него, посаженная в Анурадхапуре на Цейлоне, все еще растет там — как древнейшее историческое дерево мира.

Когда этот день склонился уже к концу, он одержал победу; его сомнения рассеялись; он стал Буддою, т.е. пробужденцем. Но победа досталась ему не без потерь. Самоизнурение, которому он так долго и решительно предавался, не выдержало испытания. С этого времени он не только перестал ценить его, но пользовался всяким случаем указывать на то, что от такого покаяния никакой пользы быть не может. Спасение может быть исключительно путем самовоспитания и любви. Так говорят нам некоторые буддийские рукописи, но все они единичны и как будто и в самом деле кое-что заимствовали из Мильтона. Но посмотрим и далее.

Прежде всего, — говорят нам, — он возвратился к своим старым учителям Аларе и Удраке, но узнав, что они умерли, отправился прямо в Бенарес, где тогда жили его бывшие ученики. По дороге он встретил знакомого по имени Упака. Браман спрашивает его:

«Чем объясняется, что твоя осанка так совершенна, твое лицо так приятно, наружность так мирна? Какая религиозная система наполнила тебя такою радостью и таким миром?»

Гаутама отвечает ему стихами, что это потому, что он превозмог все мирские влечения, невежества и заблуждения.

Брамин спрашивает, куда он идет, и «Почитаемый миром» отвечает стихами:

«Теперь прекрасного закона колесо вращать желаю.

И с этой целью я иду в тот город Бенарес,

Чтоб светом озарить во мраке погруженных,

Чтоб людям отворить бессмертия врата».

Не будучи в силах долее выносить столь высокопарные притязания, брамин коротко произносит:

«Достопочтенный Гаутама, иди туда». А сам удаляется в противоположном направлении.

Новый пророк продолжает путь в Бенарес и в вечернюю прохладу вступает в Олений парк, где тогда жили пять его бывших учеников.

Они, увидя его приближение, решили не признавать его учителем, так как он нарушил свои обеты, и называть его просто по имени; но вместе с тем, так как он происходил из высокой касты, предложить ему для сидения циновку. А он изложил им «Основания Царства Праведности».

При звуке его голоса боги летят, чтобы услышать его речь, и небеса пустеют; шум при их приближении подобен реву бури, но вот по звуку небесной трубы они утихают, подобно морю во время штиля. Вся природа встрепелась; вечные холмы, на которых построен мир, прыгают от радости и склоняются перед учителем, в то время как властители воздуха приводят все в порядок; дуют легкие ветерки, и восхитительные цветы наполняют воздух своим благоуханием. Этот вечер был подобен миловидной девушке: звезды были жемчужины на ее шее, темные тучи — ее сплетенные волосы, уходящее в бесконечность пространство — ее развевающееся платье. Короною ей служили небеса, где живут ангелы; эти три мира были подобны ее телу; глаза ее были белые цветы лотоса, раскрывающиеся перед восходящею луною, а ее голос был как жужжание пчел.

Все пришли, чтобы поклоняться Будде и услышать первую проповедь слова. Хотя Гаутама говорил по-палийски, но каждая из собранных здесь групп полагала, что он обращается к ней на ее родном языке, и то же самое полагали разного рода животные, большие и малые. Но лишь китайское жизнеописание и Лалита Вистара содержат до некоторой степени подробный рассказ о вышеизложенном, но и они почти совершенно расходятся, как и можно было ожидать, в описании чудес и относительно поэтических частности.

Гаутама особенно настаивает на необходимости следовать «среднему пути», т. е. с одной стороны, быть свободным от «преданности расширяющим нервы чувственным удовольствиям», а с другой стороны, «от всякой веры в действительность самоизнурений», бывших в обычае у индусских отшельников.

Гаутама некоторое время оставался в Оленьем лесу, проповедуя свое новое учение. И Каннингэм говорит: «Мригадаву, или Олений парк, составляет прекрасную рощу, занимающую еще ныне (!!!) поверхность приблизительно в полмили и простирающуюся от большой Дхамекско башни на севере до Чхаукундийского холма на юге.

Первые его ученики были простые миряне и двое из самых ранних были женщины. Первым новообращенным был богатый молодой человек, по имени Яза, присоединившийся к немногочисленной толпе личных приверженцев; следующими затем были отец Язы, его мать и жена, которые, однако, оставались светскими учениками. Светский ученик,

хотя и не был еще в состоянии сбросить узы отечества или отказаться от деловой жизни, все-таки мог «вступить на путь» и праведной жизнью и милосердием обеспечить себе в будущем существовании более благоприятные условия для самосовершенствования.

Спустя пять месяцев после кризиса под священным деревом и три месяца после прихода Гаутамы в Олений лес он созвал всех своих учеников, число которых доходило уже до шестидесяти, и послал их, как Христос своих 70 учеников, в разные стороны проповедовать и учить, говоря:

«Идите и проповедуйте превосходнейший закон, истолковывая каждую его букву и старательно и внимательно раскрывая его смысл и особенности. Объясняйте начало, середину и конец закона всем, без исключения, людям: пусть все относящееся к нему станет общеизвестным и будет освещено ярким внешним светом. Покажите людям и богам путь, ведущий к совершению чистых и добрых дел. Вы, без сомнения, встретите большое число людей, еще не преданных безвозвратно своим страстям, которые воспользуются вашей проповедью, чтобы вновь завоевать потерянную свободу и сбросить с себя иго страстей. Что касается меня, то я направляюсь в деревню Сену, расположенную вблизи Урувельской пустыни».

В течение всей своей деятельности Гаутама имел обыкновение странствовать в продолжение большей части лучшего времени года, проповедуя народу и поучая его; но в течение четырех дождливых месяцев, от июня до октября, он оставался на одном месте, посвящая это время более всесторонним поучениям, обращенным к его объявленным ученикам. Но теперь вместо странствующих монахов мы видим оседлое безбрачное приходское духовенство. Но и оно в течение нескольких месяцев оставляет свои постоянные жилища и поселяется во временных хижинах, возведенных поселянами, приглашающими их. Там они совершают ряд публичных служб, во время которых читают и объясняют палийские Питакы всем желающим слушать, какого бы возраста или пола они ни были, или к какой бы касте ни принадлежали. Этот период является на Цейлоне лучшим временем года, и так как в другое время не бывает правильных религиозных служб, то поселяне считают чтение Баны (т.е. Слова, как у христиан Слова Божия) великим религиозным празднеством. Они устанавливают под пальмовыми деревьями помост с крышею, открытый по сторонам и украшенный великолепными платками и цветами. При лунном сиянии садятся они вокруг этого помоста на землю и в течение ночи внимают с большим удовольствием, хотя и не с особым

пониманием, священным словом, повторяемым несколькими сме-
нами остриженных монахов.

Любимую книгою их является «Джатака», содержащая много сказок
и рассказов, общих всем арийским народам. Простодушные поселяне,
наряженные в свои лучшие платья, слушают эти чудесные рассказы в
течение всей ночи с неподдельным восторгом, хотя время от времени
перебрасываясь с соседями шутивными замечаниями и все время жуя
производящие слабое наркотическое действие листья бетеля. Запасы этих
листьев (и постоянных спутников их — белой извести и арековых оре-
хов) дают постоянные случаи к актам вежливости, свойственных добро-
му товариществу.

Но возвратимся снова к жизнеописанию Будды Гаутама.

Дальнейшими его учениками стали огнепоклонники и первый из них
Касьяпа. Когда они отправились по направлению к Раджагрихе, быв-
шей в то время столицей могущественнейшего предводителя в долине
Ганга, царство которого простиралось приблизительно до 100 миль к
востоку от реки Соны. Как Гаутама, так и Касьяпа были хорошо извест-
ны в городе, и когда раджа вышел, чтобы приветствовать учителей, то
толпа находилась в сомнении, кто из них учитель, и кто ученик. Поэто-
му Гаутама нарочно сам спросил Касьяпу, почему он отказался прино-
сить жертву Агни? Последний понял цвет вопроса и ответил, что неко-
торые находят удовольствие в зрелищах и звуках, во вкусе и чувстви-
тельной любви, а некоторые в жертвоприношении; он жене заметил, что все
это одинаково не имеет ценности, и отказался от жертв, великих и ма-
лых. Говорят, что затем Гаутама рассказал народу джатакское повество-
вание о добродетели Касьяпы при прежнем рождении, и, видя, какое
впечатление рассказ произвел на народ, перешел к объяснению ему че-
тырех Благородных Истин. К концу этой проповеди раджа признал себя
последователем нового учения, а на следующий день все горожане стали
стекаться, чтобы посмотреть на него и услышать, что нового он имеет
рассказать. Когда же Гаутама около полудня отправился в город в дом
раджи, чтобы получить ежедневную пищу, он был окружен восторжен-
ною толпою. Раджа принял его с большим почетом, назначил для его
пребывания близлежащую бамбуковую рощу, ставшую знаменитой, как
место, где Гаутама провел много дождливых периодов и произнес мно-
гие из самых законченных своих проповедей.

Потом Гаутама отправился в Капилавасту на свою родину и, при-
быв туда, по своему обычаю, остановился в роще вне города. Туда при-
шли его отец, дяди и другие родственники, чтобы повидаться с ним, но
вовсе не были обрадованы своему бедствующему родичу. Вскоре до

сведения раджи дошло, что его сын ходит по улицам, прося подаяния. Испуганный этой вестью, он принялся и, придерживая верхнее платье, быстро пошел к месту, где находился Гаутама.

«Зачем, учитель, — сказал он, — ты позоришь нас? Зачем ты ходишь выпрашивать пищу? Разве ты считаешь невозможным доставить пищу стольким нищенствующим?»

«О, махараджа, — был ответ, — таков обычай нашего рода».

«Но мы приходим из славного рода воинов, и ни один из нас никогда не добывал пищу нищенством».

«Ты и твоя семья, — ответил Гаутама, — можете производить свой род от царей; я происхожу от древних пророков, а они, выпрашивая свою пищу, всегда жили подаянием».

Сказав это, он обратился к своему отцу с разъяснением содержания своего учения, в форме двух стихов, воспроизведенных в Дхамма-Паде:

«Воспрянь! Не медли!

И мудрость в жизни вложи, и право.

Кто добродетель избрал, избрал блаженство

И в сем и в будущих мирах.

Вложи же мудрость в жизнь

И зло отвергни!

Кто добродетель избрал, избрал блаженство

И в сем и в будущих мирах».

На это Суддходана ничего не возразил, но, взяв чашу своего сына, повел его в свой дом, где все члены семьи и домашние слуги вышли отдать ему честь, но жена его Ясодхара не вышла.

«Если я в его глазах чего-нибудь стою, — сказала она, — то он сам придет».

Гаутама заметил ее отсутствие и в сопровождении двух учеников пошел к ней, предупредив их, чтобы они не препятствовали ей, если она пожелает обнять его, хотя ни один член их ордена не мог прикасаться к женщине, и женщина не могла прикасаться к нему. Когда она увидела его входящим в дом в образе монаха, в желтой одежде, с остриженными волосами и бородой, то, хотя она и ожидала увидеть его таким, она не могла удержаться и, упав на землю, обняла его колена и разрыдалась. Затем, вспомнив об отделяющей их непреодолимой бездне, она поднялась и стала в стороне.

Она стала серьезной слушательницей нового учения, и когда впоследствии Гаутама, хотя и с большою неохотой, установил орден нищенствующих монахинь, то его овдовевшая жена Ясодхара стала одною из первых буддийских монахинь.

Приблизительно через неделю Ясодхара одела Рахулу, своего сына от Гаутамы, в лучшее платье и сказала ему, чтобы он пошел к отцу и потребовал своей наследственной доли.

«Я не знаю своего отца, кроме раджи», — сказал мальчик.

Ясодхара, подняв его к окну, указала ему Будду, говоря:

«Этот монах с столь величественной осанкой твой отец; он обладает большим богатством, которое мы не видали с того дня, когда он покинул нас; ступай к нему и потребуй то, что принадлежит тебе по праву; скажи: я твой сын и буду главою рода и мне понадобится мое наследие; дай его мне».

Рахула отправился к Гаутаме и безбоязненно, с большой сердечностью сказал:

«Отец, как я счастлив быть около тебя».

Рахула был принят в орден. После нескольких других свиданий со своим отцом Гаутама возвратился в Раджагриху.

По пути он остановился на некоторое время в Ануписе на берегу Аномы, в манновой роще, близ того места, в котором он отослал обратно Чханну в знаменательную ночь «Великого Отречения», и пока он оставался там, их общество получило несколько важных приращений. Из них особого упоминания заслуживают Ананда, Девадатта, Упали и Анурудда. Первый стал самым интимным другом своего двоюродного брата Гаутамы. Второй, также его двоюродный брат, стал впоследствии его противником, и поэтому изображается как чрезвычайно дурной и развратный человек. Третий, Упали, был по профессии цирюльником, но благодаря глубокому религиозному чувству и большим умственным способностям впоследствии стал одним из главных руководителей. Последний, Анрудда, стал величайшим представителем буддийской метафизики.

Затем Гаутама посетил Оравасту на берегу реки Рапти, который Винсент Смит отождествляет с развалинами, лежащими в Непале на 28,7° северной широты и 81,50° восточной долготы. Но нам говорят, что это был один из важнейших городов в долине Ганга, столица царя косальского. Гаутама посетил его по приглашению одного купца, слышавшего его проповедь и предложившего обществу рощу под названием Джетавана. Впоследствии Гаутама часто имел там пребывание, и говорят, что много речей и джатакских рассказов впервые были произнесены здесь.

На этом оканчиваются связные рассказы о жизни Будды Гаутамы (по имени созвучного с Адамом, что значит просто человек по-еврейски) в палийской книге «Джатаке», так и в санскритской «Лалите Вистаре».

Скажите сами, читатель, не напоминает ли вам все это странствование евангельского Христа по Иудее, Самарии и Галилее. Но, подобно тому, как народное воображение, работая вплоть до начала книгопечатания, пополнило Евангелия множеством местных легенд, так и о Будде накопилось немало отдельных несвязных рассказов. Так, говорят, что однажды вознесся на небо поучать закону свою мать Майю (т.е. Марию), умершую через семь дней после дня его рождения. Потом он сходит с неба в Санкиссе и идет в Сравасти. Во время его пребывания здесь враждебные ему учителя, вроде фарисеев, побуждают женщину по имени Чхинчха обвинить его в нарушении целомудрия, но их обман тотчас же обнаруживается. В деревне, близ Раджагрихи, он обращает брамина Бхараваджу с помощью притчи о сеятеле, которая, впрочем, значительно отличается от евангельской:

«Богатый брамин, по имени Бхараваджа, был занят жатвою, когда учитель пришел и стал со своею чашею. Некоторые подошли и выразили ему свое уважение, но брамин рассердился и сказал:

— Нищий! Я пашу и сею и, вспахав и посеяв, ем; было бы лучше, если бы ты таким же образом пахал и сеял, тогда ты имел бы пищу.

— О, брамин! — был ответ. — И я пашу и сею и, вспахав и посеяв, ем.

— Но мы не видим никаких признаков этого, — сказал брамин. — Где твои воды и семена, и плуг?

— Вера, — ответил учитель, — то семя, которое я сею, и добрые дела подобны дождю, оплодотворяющему его; мудрость мои плуги, а дух мой правит вожами. Рука моя держит дышло закона; трезвый взгляд есть бич, которым я пользуюсь, а прилежание — мой вол. Таким образом пашется моя пашня и искореняются плевелы заблуждений. Жатва, доставляемая ею, есть плод, подобный амброзии, а паханье мое полагает конец всякой скорби.

Тогда и брамин-фарисей обратился в его веру».

Затем, когда отец его жены Ямад-Хар проклял его за то, что он ушел от нее, земля поглотила дерзкого. Потом он обращает в свою веру мифическое чудовище, поедавшее детей.

Подобно спорам о чистом и не чистом в пище, приводимым в Евангелиях, и у буддистов мы видим то же в легендах о Гаутаме, который повелел: пусть члены моей церкви едят обычную пищу той страны, в которой они находятся, пока они едят без потворства своим прихотям. Можно стать чистым как под деревом, так и в дому; как в выброшенных одеяниях, так и в одеждах, данных мирянами; воздерживаясь от мяса или употребляя таковое. Установить один однообразный закон

значило бы ставить препятствия ищущим царства Небесного, но людям следует указывать туда путь, что составляет единственную цель.

Но даже и в настоящее время, как в Сиаме, так и на Цейлоне, возникают новые секты и появляются реформаторы. Как Христос не чуждался блудных, так и Будда-Гаутама раз, где-то в Амбапали, к великому соблазну аристократов, был гостем главной местной куртизанки. Отсюда он отправился в Белу-гамаку, где провел 45-й дождливый период, во время которого был поражен тяжелою и мучительной болезнью и объявил, что не может долго жить. Он стал медленно ходить по весалийским деревьям, всюду собирая членов ордена и увещевая их оставаться верными его учению.

«О, апостолы мои! Основательно изучайте и исполняйте, и совершенствуйте, и распространяйте закон, возвешенный мною, для того, чтобы эта моя религия существовала долго и была увековечена во благо и счастье народов, из сострадания к миру, к выгоде и благополучию богов и людей... Увы, я удаляюсь. Через три месяца от сего дня Достигший истины умрет. Мой век исполнился, моя жизнь прожита. Оставляя вас, я удаляюсь, предоставленный самому себе. Будьте ревностны, вдумчивы и чисты. Твердые в решимости, охраняйте свои собственные сердца! Кто бы ни был неутомимый последователь этого закона и учения, он переплывет океан жизни и положит конец страданию!»

По приходе в Паву, он был принят местным золотых дел мастером, принадлежащим к одной из низших каст, который приготовляет для него обед из риса и поросенка, и отправился в Кусинагару выкупаться на пути в реке Кукуште и, отдохнув несколько часов, достиг рощи около Кусинагары, где долго и серьезно беседовал со своим любимым учеником, соответствующим евангелисту Иоанну, Анандою, о своем погребении. Ананда упал духом и, плача, отошел в сторону: «Я еще не достиг совершенства, а мой учитель умирает, он, который так добр». Но Гаутама, послав за ним, утешил его надеждою на царствие небесное (Нирвану). «О, Ананда! Не поддавайся смущению, не плачь. Разве я не говорил тебе, что мы должны расстаться со всем, что мы считаем наиболее дорогим и милым? Ни одно существо, рожденное или составленное из частей, не может преодолеть присущее ему разрушение; такого состояния не может быть, Ананда, ты был весьма близок мне добрым словом и мыслями. Ты всегда поступал хорошо; продолжай, и ты также совершенно освободишься от этой жажды жизни, от этих цепей невежества». Затем, обратившись к другим ученикам, он подробно беседовал с ними.

Ночью браминский философ пришел и предложил Будде несколько вопросов. «Теперь не время для таких бесед, — ответил Будда, — слушай, я буду проповедовать тебе мой закон». И Гаутама начал объяснять, что спасение не может быть обретено ни в одном из учений, не обращавшем внимания на добродетельную жизнь, на восемь ступеней пути святости, который начинается чистотой и кончается любовью. Эта речь обратила Субхадру.

Вскоре после этого умирающий учитель говорит Ананде: «Вы, может быть, думаете: теперь слово кончено, наш учитель умер; но вы не должны так думать. После моей смерти пусть закон и правила церкви, которые я вам дал, будут вашими учителями».

Через некоторое время он сказал: «Апостолы мои! Разрушение при-
суще всем составным вещам; трудитесь старательно над своим спасением!» Это были последние слова учителя. Вскоре за тем он впал в беспамятство и в этом состоянии скончался.

Еще за три года до его смерти его родной город Капила-Васту был разрушен, и его племя Сакии было избито Видудабхою, сыном и наследником Косальского царя, и о нем более ничего не было слышно¹, и только в конце XIX века английские буддологи стали его искать в непальских ущельях Гималаев, под 27° 37' северной широты и 83° 11' восточной долготы от Гринвичского меридиана с таким усердием, что наконец (как и следовало ожидать при таком страстном желании) напали: в виде развалин, о великом значении которых даже и не подозревали местные жители.

¹ Рис-Дэвидс. С. 76

Глава XVI

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОСНОВАТЕЛЯ РЕЛИГИИ ПРОБУЖДЕНСТВА

Предполагаемая неподвижность учреждений и верований Востока вошла почти в пословицу; но, с расширением наших сведений о Востоке, пословицу эту придется оставить, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 189).

В палийских и санскритских текстах слово Будда всегда употреблялось как титул, а не как имя. Будда-Гаутама (имя которого созвучно с еврейским А-Адам), т.е. вочеловечившийся, о котором мы говорим, как передают, учил, что он лишь один из длинной серии Будд, которые время от времени появляются в свете и которые учат одной и той же системе. После смерти каждого Будды его вероучение процветает в течение некоторого времени и затем приходит в упадок, пока, наконец, не забывается совершенно и на земле не наступает царство зла и насилия. После этого мир постепенно улучшается, пока, наконец, не появится новый Будда, который снова проповедует утраченную Истину. До нас дошли названия двадцати четырех Будд, предшествовавших вочеловечившемуся Гаутаме, и когда, через 5 000 лет после открытия им вновь истины под деревом Во, религия его забудется, новый Будда вновь откроет людям двери Нирваны, и имя его будет Майтрея Будда, Будда Доброты. В Буддавансе (Истории Будд), последней книге Кхуддака Никайи во второй Питаке, до рассказа о жизни самого Гаутамы, приведены жизнеописания всех предшествующих Будд; а палийский комментарий на Джатаки дает некоторые подробности относительно каждого из двадцати четырех.

Достаточно ясно, что почти все эти подробности являются лишь подражанием существующих подробностей в легенде о Гаутаме. В отдельных местах второй Питаки мы имеем некоторые изречения, приписываемые Касьяпе Будде, последнему из двадцати четырех. В ней объясняется, что не употребление нечистой пищи сквернит человека, но скорее злые дела и привычки, причем рассуждения имеют поразительное сходство с хорошо известными местами в Евангелиях, касающихся того же начала¹.

¹ Проф. Фаусбелль. Сутта Нипата. С. 40; Евангелие от Матфея, XV, 10—21 и Марка, VII, 12—14.

Самого Гаутаму уже с весьма ранних времен считали вездесущим и абсолютно безгрешным. Совершенство его мудрости обозначается эпитетом «Совершенно Просветленный», встречающимся в начале каждого палийского текста; а в настоящее время на острове Цейлоне обыкновенное название Гаутамы — Сарваджньян Вахансе, «Почтенный Всеведущий».

Как вывод из этого учения вскоре появилось верование, что он не мог быть рожден, что он не родился, как рождаются обыкновенные люди; что он не имел земного отца; что он по собственному решению сошел с своего небесного трона в чрево своей матери и что тотчас после своего рождения он обнаружил несомненные признаки своего будущего величия. При его рождении земля и небо соединились для поклонения ему; сами деревья, по собственному побуждению, склонились над его матерью, и ангелы и архангелы явились, неся свою помощь. Мать его (Майя, т.е. Марья) была лучшая и чистейшая из дочерей, рожденных от людей, а отец происходил из царского рода, был богатым и могущественным государем¹.

После семидневного поста и уединения чистая и святая Майя–Марья видит во сне, что она возносится архангелами к небу и что там будущий Будда проникает в ее правый бок под видом великолепного белого слона. Когда она рассказала об этом мужу, последний созвал шестьдесят четырех главных браминов для истолкования его. Они объявили, что родится сын, который будет всемирным монархом, или же, если он станет отшельником, то будет Буддою, который «снимет покрывала невежества и греха» с мира². Но белый слон, подобно белому коню Апокалипсиса, был эмблемою Зевса, всемирного монарха неба.

При зачатии Будды случилось тридцать два затмения; 10 000 миров наполнились светом, слепые прозрели, глухие слышали, немые заговорили, заключенные были освобождены и т.д.; вся природа расцвела и все существа на земле возрадовались, в то время как огни ада потухли и мучения осужденных были смягчены. В течение десятимесячного пребывания в чреве матери дитя было ясно видимо: оно сидит с сложенными накрест ногами, полное достоинства, и проповедует охраняющим его ангелам, протягивая свою руку, но не причиняя этим вреда своей матери.

¹ Чома Кореси указывает на веру монгольских буддистов, что Майя была девственница, а св. Иероним говорит: «У индийских софистов существует предание, что Будда, основатель их системы, родился из бока девственницы».

² Джатака, стр. 50. В «Лалите Вистаре» (Фуко, 61) этот сон превращается в действительность, и Будда спускается с неба в указанном месте.

После своего рождения дитя выступает на семь шагов вперед и восклицает львиным голосом: «Я глава мира, это мое последнее рождение», и снова на земле и на небе появляются тридцать два знамения радости.

Святой старик, уединившийся для размышления в Гималайские горы, увидя эти затмения, направляется, как в евангельской легенде маги, в Капилавасту, и дитя выносятся к нему для поклонения. Мудрец объясняет изумленному отцу, что дитя станет Буддою, и плачет, что ему самому не придется дожить до этого дня.

На пятый день происходило празднество «избрания имени», когда 108 браминов, сведущих в трех Ведах, а из них восемь специально искусных в предсказаниях, угощаются во «дворце». Семь из восьми, рассмотрев приметы на теле ребенка, поднимают два пальца и пророчествуют, что он сделается или всемирным монархом, или Буддою; но один, Конданыя, впоследствии первый ученик Гаутамы, поднимает один палец и пророчествует, что он несомненно станет Буддою, который снимет покрывало невежества и греха с мира. Четверо из первообращенных были сыновьями четырех из этих пророков.

Этого эпизода недостает в «Лалите Вистаре», но вместо него (глава VIII) имеются стихи, описывающие, как дитя было принесено в храм и как все боги поднялись и преклонились перед ним.

«Великий царь» Суддходана выехал, чтобы отпраздновать начало паханья, взяв с собой принца. Его посадили под дерево и вот, хотя тень от всех остальных деревьев обратилась уже в противоположную сторону, дерево, под которым сидел Гаутама, все еще продолжало осенять его. «Лалита Вистара», которая расходится во всех частностях этого мифа, добавляет, что пять ангелов, пролетающих по воздуху, были чудом остановлены, когда пролетали над младенцем. Они поют гимн в его честь:

«Ты — Вода среди огней греха, пожирающего мир,
Ты — Свет во мраке невежества мира,
Ты — Корабль среди опасностей океана человеческих бедствий,
Ты — Освободитель закованных в цепи греха,
Ты — Врач страждущих от разрушения и болезни,
Благодаря тебе будет достигнута истина,
Которая явится спасением всех одаренных чувствами существ».

Здесь все сходно с Евангелиями, кроме рассказа о его превосходстве над всеми другими в юношеской храбрости и описании его обстановки, слуг, гаремов и трех дворцов, а также коня Катхака, на котором он, наконец, уезжает из дома своего отца. Но, как и в Евангелиях, он еще в детстве учит своих учителей искусствам и наукам и испугается сатаною Марою.

Временное очищение реки, из которой он пожелал напиться, напояет легенду о крещении Иисуса. Эпизод с преображением сближает тоже рассказ с преображением Иисуса.

Однако в индусской практике сожжения умерших вместо погребения проводы «учителя» на небо естественно облеклись в национальный костер. Костер, на который его положили, сам собою загорается, и когда все, за исключением костей, унеслось в высоту, то ливни с неба тушат его.

Я не могу не остановиться здесь на попытке подвести легенду о Будде, как это делали и относительно Христа, под солнечный миф.

Сенар, разделив предание на двенадцать частей, следующим образом резюмирует историю Будды в кругообороте солнца, снабдив своими замечаниями в скобках.

1. Решение покинуть небо. Будда до своего рождения — глава богов. Он не рожден, но хочет воплотить себя среди людей ради их блага и спасения (солнце входит из Овна в Тельца, сгорающего в огне черной зари).

2. Зачатие. Оно чудесно. Он не имеет смертного отца, его сошествие с неба сопровождается символами бога света, скрывшегося за тучею, — чревом его матери. Его присутствие обнаруживается его первыми лучами, которые сзывают всех богов на молитву и пробуждают их к жизни (Солнце входит из Тельца в Близнецов).

3. Рождение. Он рождается, как герой света и огня, из светопроизводящего дерева, с помощью Майи (Марьи). Эта дева-матерь, Заря, — представительница всеобъемлющей производительной силы и в то же время полутемная богиня утренних испарений, как бы умирает с первого же часа в ослепительном сиянии своего сына. А в действительности она продолжает жить под именем создательницы, кормилицы вселенной и его бога. Ее сын, могучий, непреодолимый с самого рождения, проникает в пространство, освещая мир и возвещая свое верховное владычество, которому подчиняются и преклоняются все боги. (Солнце входит из Близнецов в Ясли Христа в Раке).

4. Испытания. Он растет, окруженный «молодыми дочерьми» воздуха, среди которых его сила и его блеск скрыты и неизвестны, или только изредка проявляются, пока не наступает день, когда он открывается, испытывает себя в первых битвах против своих темных врагов и сверкает, не имея соперников. (Солнце переходит из Рака во Льва).

5. Женильба и удовольствия гарема. Вместе с ним выросли молодые нимфы, теперь подруги его детства становятся его женами и возлюбленными; бог пребывает в бездеятельности и забывается в своих небесных

дворцах, среди удовольствий своего облачного гарема. (Солнце переходит из Льва в Деву. Довольно удачно!).

6. Удаление из отцовского дома. Но час его настал. Он насильно, чудесным образом, отрывается от своей великолепной темницы; небесный конь перескакивает через стены дьявольских крепостей и несется по воздушным струям. (Солнце переходит из Девы в Весы).

7. Подвижничество. С этого момента начинается борьба. Герой сперва подвергается искушениям и ослаблен странствованиями в пространстве. Вскоре он снова приобретает свое могущество на небесных пастбищах, где он пьет амброзию и купается в воде бессмертия. (Солнце переходит из Весов в Скорпиона).

8. Поражение Демона. Он созрел для предначертанной ему задачи, завоевания амброзии и колеса (орбиты), делающего дождь и свет плодотворными. Он овладевает божественным деревом; Демон Бри устремляется, чтобы вступить с ним в борьбу из-за этого дерева, но темная сила Мары развита, разорвана и рассеяна: дочери Демона Апсары, последние легкие испарения, несущиеся по небу, напрасно стараются охватить и удержать победителя; он освобождается из их объятий, отталкивает их; они извиваются, теряют свою форму и исчезают. (Солнце переходит в Стрельца).

9. Совершенное просветление. Тогда он появляется во всей своей славе и в полном блеске; бог достиг вершины своего пути; это момент торжества (Солнце переходит в Козерога — совсем неудачно).

10. Приведение в движение колеса. Не встречая препятствий и противников, отомстив своему вечному врагу, он двигает в пространстве свой сияющий тысячью лучами диск (Солнце переходит из Козерога в Водолея, начинается новый его подъем на лето).

11. Нирвана. Через некоторое время он достигает конца своего пути; он накануне смерти, став в свою очередь жертвою демона, мрачного, дикого кабана. Но сперва он видит весь свой род, всю свою светлую свиту исчезающими в кровавых громадах вечерних туч. (Солнце переходит в созвездие Рыб на скрещении небесного экватора и эклиптики).

12. Погребальные обряды. Он сам исчезает на западе, пылая своими последними лучами, подобно громадному костру и только молочные облака в состоянии потушить на горизонте последние отблески этих божественных похорон. (Солнце вступает в Овна).

Такова попытка Сенара астрономизировать миф о Будде, но она, как читатель видит из моих примечаний в скобках, совсем не выдержана, а потому и зародыш этого мифа приходится искать не самостоятельно, а только как дальнейшее развитие евангельских легенд о Христе,

действительно имеющих чисто астральный характер. И не трудно видеть, что все эти Питаки, Лалиты и прочие индийские книги являются сборниками современных нам легенд, возникших уже при широком распространении Евангелий путем печати. Это все фольклор, дающий интересный этнографический материал, но не имеющий никакого исторического значения.

Поклонение местным святыням, конечно, вызвало также и местные добавления. Так, поклонники одного находящегося на Цейлоне человеческого зуба, по преданию принадлежащего Будде, добавили к рассказу о его смерти подробности, что Арахат Кшема взял этот зуб из пепла погребального костра. Бирманцы передают, что брамин, делавший его мощи, похитил и еще зуб, а сингалезцы, которые утверждают, что мощи от шеи Будды до настоящего времени хранятся под Махиянганской Дагабой, добавляют, что церковный староста, по имени Сарабху, при том же случае взял и эти мощи, откуда видно, что поклонение мощам уже процветало в то время, когда была написана означенная книга.

Любопытную главу в истории буддийской легенды, — говорит Рис-Дэвидс, — составляет придание ей христианской формы одним из отцов христианской церкви, причем герой этой легенды был принят в число святых римско-католического календаря, и память его празднуется 27 ноября под именем св. Иосафата, о чем я уже говорил в III томе Христа (часть 1, гл. V). А как это случилось, рассказано Рис-Дэвидсом. В числе сочинений, приписываемых Иоанну Дамаскину, находится религиозный роман «Жизнь Варлаама и Иосафа», повествовательная часть которого является прототипом истории Будды, как она изложена в джатакском комментарии или Лалите Вистаре. Греческий текст этого романа, с латинским переводом, находится в патрологии Мина. Главное содержание сочинения заключается в длинных теологических и нравственных наставлениях принцу Иосафу со стороны его учителя Варлаама (т.е. сына Ламы), причем в тексте его есть несколько буддийских рассказов.

Убежденный в глубокой древности буддизма, Рис-Дэвидс, конечно, нимало не сомневается, что переписали у буддистов европейцы, а не буддисты у европейцев. Но с эволюционной и даже с просто научной, а не фантастично-исторической точки зрения выходит совершенно обратное. Не буддисты посылали своих миссионеров в Европу, а наоборот. В этом никто не сомневается, а следовательно, не может быть сомнения и в том, что все выдержки на санскритском языке (который и сам, как я показывал уже во II томе Христа, пришел в Индию с Балканского по-

луострова) из истории о сыне Ламы (Вар-Лааме) и его ученике царевиче Иосафе — он же Будда — пришли на азиатский Восток из РOMEИ уже позднее VIII века нашей эры.

Развитие буддийского учения в Пенджабе, Непале и Тибете, — говорит тот же Рис-Дэвидс, — чрезвычайно интересно и ценно, вследствие сходства с развитием христианства в римско-католических странах. Оно завершилось полным утверждением ламаизма — религии, во многом отличающейся от индийского буддизма.

Развитие исходит из теории, как таковая изложена в начале последней главы. Дух доброты, из которого истекают все добродетели и силу которого буддистская церковь еще раз восторжествует над миром и победит всякий грех и неверие, олицетворен ламаизмом в Майтрея Будде, будущем Будде доброты. Это учение составляет часть системы Малого Экипажа — имя, даваемое позднейшею школою учению Питак, в отличие от Большого Экипажа (Махайяна), как позднейшая школа называет саму себя. Малый Экипаж также говорит уже о личных Буддах; и о Бодисатвах, избранных Буддах, т.е. как бы уподобившихся Христу. К числу личных Будд принадлежат те, которые обладают достаточною мудростью и святостью не только для постижения Nirваны, т.е. царствия небесного, но и буддства для самих себя, не будучи, однако, способны объяснять истину другим. А Бодисатва, т.е. избранный Будда, есть титул, даваемый между прочим и всякому человеку, ангелу и животному, которое производит другие существа в непрерывно-восходящей степени доброты, пока не обратятся в Будду. Но определение Бодисатв неясно, и притом их совсем нет в Бирме, Сиаме и на Цейлоне. Из этих уподобившихся Христу Милослав (Манджусри) есть средоточие Мудрости и, в особенности, мистического религиозного познания, а Всевышний Господь (Авалокитесвара) есть милосердный покровитель и хранитель мира и людей. И тот, и другой часто упоминаются в «Лотосе доброго Закона» (мистическое название мира), переведенном Бюрнуфом. И Милослав считается даже мистическим автором «Книги пун-дарики», где целая глава посвящена восхвалению характера, могущества и выгод, которые приобретаются поклонением Всевышнему Господу.

А кроме них есть еще и третий Бодисатва «Носитель Грома» (Ваджрадхара или Ваджрапани), «Громоручный» — два эпитета, прежде относимые и к богу Индре. Это древнейшая троица северного буддизма. В этой троице Громоручный-Ваджрапани есть Юпитер-Громовержец, Милослав (Манджусри) — обоготворенный учитель и Всевышний Господь (Авалокитесвара) — святой дух Будд, присутствующий в церк-

ви. Эти существа стали практическими богами, хотя и носят имена избранных Будд.

В десятом веке нашей эры, — говорят нам, — было одно бесконечное, самобытное и всеведущее существо, названное Ади-Буддою, Первоначальным Буддою. Потом пришли к заключению, что он выделил из себя пять Диани (Божественных) Будд путем пяти размышлений; а они выделили из себя путем мудрости и созерцания соответствующих Бодисатв, и каждый из них, в свою очередь, выделил из своего нематериального существа Космос, материальный мир. Теперь предполагают, что наш нынешний мир есть создание четвертого из них.

Следует заметить, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 193), — что эти выделения имеют отдаленное сходство с зонами (выделениями) гностических школ, и представляется возможным, что такие буддийские боги обязаны своим происхождением влиянию персидского христианства.

Но все это, по-видимому, индивидуальные размышления отдельных лиц нового времени, так как они находятся лишь в рукописях, известных только в одном экземпляре. А в массовой жизни буддистов совсем другое.

В монастырях и храмах и теперь господствуют уродливые изображения богов со множеством глаз, голов и рук. Они нарисованы в книгах и на стенах и выставлены по сторонам дорог. Вера в мистические чары и фразы и теперь беспредельна и предполагаемая польза от бесконечных повторений той же самой молитвы составляет одну из выдающихся черт современной религии Тибета. Каждый тибетец имеет четки, состоящие из 108 шариков, на которых он отсчитывает свои просьбы. Как в публичных, так и в частных религиозных актах величайшее значение придается количеству слов.

Хотя мы и в более близком от нас расстоянии слышим о подобных же, до некоторой степени, учениях, но тибетцы выставляют их с неустрашимой логикой, поражающей нас. Удивительнейшим, быть может, изобретением, сделанным ими с целью получения благоденствия от тех предполагаемых существ, которыми их детское воображение наполнило небо, представляются хорошо известные молитвенные колеса, эти своеобразные приборы, наполненные молитвами, заклинаниями и местами из священных книг и всюду стоящие в городах на открытых местах, помещенные по сторонам тропинок и дорог, вертящиеся в каждой реке и даже (при помощи особых парусов) вращаемые каждым ветерком, веющим над священными долинами Тибета. Так во время публичных богослужений гимны поются то в унисон, то в виде антифонов — один стих одним хором, другой стих — другим. Но это отнимает много

времени, и вот в случае длинных песнопений время сокращается весьма оригинальным способом: каждый монах поет особую строку, так что клир может пропеть целую главу в одну минуту. Точно так же любят буддисты воздвигать так называемые «Деревья Закона», т.е. высокие шесты с шелковыми флагами, которым присуща особая чародейственная власть, благодаря мистической силе написанных на ней священных слов «Ом Мани падме хум» (драгоценный камень находится в Лотосе). Каждый раз, когда флаги раздуваются ветром, и шесть «святых слов» обращаются к небу, это считается равносильным произнесению одной молитвы, приносящей благословение не только модельщику, за чей счет знамя было воздвигнуто, но и всей местности, и повсюду в Тибете глаз видит эти молитвенные знамена.

И вот, читатель, видя все это, как же вы сможете примирить свидетельство собственных глаз с рассказами о той сложной буддийской мудрости и теософии, в которой будто бы еще за 2000 лет до этого была предвосхищена вся европейская философия XIX века, от Канта до Бюхнера?

Глава XVII

ПОПЫТКА КРАТКОГО ЭСКИЗА РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ БУДДИЗМА И ОБЩИЙ ВЫВОД О ЕГО РАЗВИТИИ ИЗ УЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ ХРИСТИАН ВОЗВРАЩЕНЦЕВ (НЕСТОРИАН) V ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Наши первоисточники.

Говоря о неестественности ортодоксального и резкого разграничения земных религий, Т.В. Рис-Дэвидс в своей книге «Буддизм» справедливо говорит:

«Каждый китаец признает себя последователем философии Конфуция, в то время как он обыкновенно молится так же в храмах буддистов. Одинаково невозможно выразить в числах влияние буддизма и в Индии. А мы прибавим от себя, что даже и в Восточной Европе ортодоксальное православие есть достояние лишь нескольких тысяч теологов, а остальные миллионы населения лишь механически читают символ веры и помнят несколько легенд о «Христе», что совершенно тонет в море суеверных фантазий об ангелах, демонах, привидениях, домашних, русалках и т. д.»

В этом освещении надо читать и приводимые здесь таблицы, которые по возможности точно указывают число современных буддистов, около 1900 г., сравнительно с числом последователей других религий.

Таблица I

Численность буддистов в разных странах к 1900 году:

На Цейлоне	2.000.000
В Бирме	7.000.000
В других частях Индии	300.000
В Сиаме (лишь мужчин)	10.000.000
В Аннаме (лишь мужчин)	12.000.000
В голландских южноазиатских владениях и Бали	50.000
В английских южноазиатских владениях	500.000
В русских азиатских владениях	600.000
На островах Лиу-Киу	1.000.000

В Корее	8.000.000
В Бутане и Сиккиме	1.000.000
В Кашмире	200.000
В Тибете	6.000.000
В Монголии	2.000.000
В Манчжурии	3.000.000
В Японии	41.000.000
В Непале	500.000
В собственно Китае (18 провинций)	415.000.000
Общая сумма	511.000.000

Таблица 2

Численность буддистов по сравнению с другими религиями к 1900 году:

Парсы	150.000	
Сейхи	1.894.723	
Евреи	7.000.000	0,5 %
Вост. правосл.	75.000.000	6 %
Римско-катол.	152.000.000	2 %
Остал. христиане	100.000.000	8 %
Индусы	200.000.000	6 %
Магометан	155.000.000	12,5 %
Буддисты	511.000.000	0 %
Не вошедшие в перечисленные категории	100.000.000	8 %
	1.311.000.000	

А вот и диаграмма этих чисел (рис.).

Все это рисует не действительное сознательное отношение людей к религии, а лишь то, каких учителей они считают, по доверию, правыми. Но и в этом случае нельзя подвести религию каждого человека под определенную рубрику. Так, например, многие из цейлонских буддистов присягают на суде как христиане, и огромное большинство их веруют в дьявола и могущество звезд. Многие из присущих им понятий стоят совершенно вне буддизма. Но приведенные тут статистические данные очень ценны, так как дают нам возможность до некоторой степени уяснить себе громадное число родившихся, живущих и умирающих без всякого представления о современном европейском естествознании, действительно творящем чудеса в жизни человечества. В то время, как наша современная наука международная и едина, как едина всякая ис-

тина, религиозные учения национальны и разнообразны, как и все заблуждения. Действительно, попасть в цель можно только стреляя по одному направлению, а промахнуться по многим. Можно прямо сказать, что ни один из пятисот миллионов, которые от времени до времени приносят в жертву цветы на буддистских алтарях, не является ортодоксальным буддистом, первичный первоисточник буддизма, обрабатываемый вплоть до наших дней и дикими ордами холодных плоскогорий Непала, Туркестана и Тибета, и культурными китайцами и японцами в умеренных странах, и сингалезами и сиамцами под пальмовыми рощами юга — настолько видоизменен теперь национальными особенностями своих последователей, что развился в своеобразно нелепые и даже противоречивые исповедания. Но, несмотря на это, каждое из таких исповеданий проникнуто более или менее духом какого-то первичного исповедания, очень близкого к христианскому, и особенно секта христиан возвращенцев (несториян) распространенных как раз в этих странах в начале средних веков.

Даже и сам Джон Дэвид, признающий действительное существование Будды под именем Гаутамы в глубокой древности, говорит: «Развитие буддизма шло замечательно параллельно с развитием христианства»¹.

Подобно тому, как наши сведения о жизни Христа почерпнуты из четырех Евангелий, так и сведения о Будде из трех Питак, т.е. «Собраний», как называются канонические книги южных буддистов. И как у христиан Евангелия дополняются толкованиями апостолов и теологов, так и у буддистов есть комментарии на Питаки и священные книги, не получившие общего названия. «Отсюда видно, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 12), — что Гаутама-Будда не оставил письменных произведений, да и представляется сомнительным, употреблялось ли письмо в его время в долине Ганга, хотя буддисты верят, что он писал сочинения, которые его ближайшие ученики, при его жизни, выучили наизусть и которые в их первоначальном виде передавались устно от поколения к поколению, пока они не были записаны».

Читатель видит сам, что это то же самое, что говорится и о Магомете, и о Христе. Нам говорят, что точно так же и «Книги Ведения (Веды)» индусских браминов в течение многих столетий передавались таким же образом. Мы не будем оспаривать громадного развития памяти у индийских жрецов и монахов. «Но уже из содержания ясно, — говорит тот же Рис-Дэвидс (стр. 13), — что это не могло иметь места относительно какой-либо из известных нам буддистских книг, написанных на

¹ Рис-Дэвидс. Буддизм. С. 12 (русский перевод М.Ц.Гинсбурга), 1901 г.

санскритском языке, или относительно тех частей «Питак», которые касаются жизни Гаутамы. Таким образом, эта уверенность правоверных буддистов падает, и мы предоставлены собственным исследованиям, если хотим установить время составления священных книг».

А каковы же материалы для этих исследований? Оказывается, что совершенно такие же, как и у христиан! Оказывается, что аналогично семи вселенским соборам православной церкви, и у буддистов были такие же соборы, только время их вычислено старинными астрологами другое.

«После смерти Будды-Гаутамы, — говорит тот же автор (стр. 198), — буддистское общество (как и христианское) не сразу распалось на многочисленные секты. После смерти Учителя старшие ученики решили созвать собор для установлений правил и учений церкви».

Первый собор, аналогичный Никейскому, — состоялся вблизи Раджагрихи, под председательством престарелого Маха Касьяпы (вроде Афанасия Великого), одного из первых членов общины, с которым Будда некогда обменялся платьями в знак единства чувствований между ними. Собор этот состоял из 500 членов. Заседали в пещере Саттапанни, существующей и поныне в горе Вайхаре, близ Раджагрихи, и приспособленной для этого случая царем Аджатаасатру Магадхским (аналогичный Константину Великому). Там, по преданию, весь собор пропел сообща слова почитаемого Учителя, сохраненные в Тхера Ваде (учениях Старших), и правоверные буддисты верят, что эта Тхера Вада была тождественна с Тремя Питаками, будто бы существовавшими на Цейлоне, в начале XX века, но не опубликованными еще и тогда. Содержание первых двух было:

1. Сутта, Речи.
2. Гейя, Смесь прозы и стихов.
3. Вейякарана, Объяснение.
4. Гатха, Стихи.
5. Удана — Песни восторга.
6. Итивуттака — 110 отрывков, начинающихся библейскими обычными словами у пророков: «Так говорит Благословенный».
7. Джатака — 350 сказок и притч фольклорного характера.
8. Аббхута, Мистерии.
9. Ведалла, обширные рассуждения.

Обе цейлонские хроники говорят, что первый собор длился семь месяцев.

Затем мы не имеем никаких документов до описания второго Вайсалийского собора, открытого, будто бы, приблизительно через 100 лет

после первого. Собран он был по чрезвычайно важному делу. Некоторые монахи поддерживали так называемые Десять Снисхождений, против которых восставали другие. Важнейшим из них было то, что посвящение и исповедание веры и теперь могут совершаться в частных домах, а не только при монастырях, и кроме того дозволительно пить перебродившие напитки, если они выглядят как вода.

После сильной борьбы собор осудил эти снисхождения и вслед за тем, в течение 8 месяцев, в Вайсали заседал второй собор из 700 членов, вновь подтвердивший правила и учения Веры. Но постановления этого собора не были признаны всеми. Другая партия также собрала собор, гораздо более многочисленный, и потому названный Великим Собором, который признал снисхождение. Это было вполне аналогично «разбойничьему собору» христианских теологов, и о нем «Дипаванса» говорит:

«Монахи Великого Собора перевернули религию,
Древние разрушив писания и новые устроив.
Не знали они, о чем говорится подробно и вкратце,
В чем простой и в чем высший смысл —
Они придали словам Будды новый смысл
И разрушили их дух, держась тени букв.
Сутту, Винайо глубокие частью отвергнув....
И много они устранили, заменив другим».

Это был (как и в преданиях об европейских соборах) первый открытый раскол. Обе цейлонские хроники перечисляют названия 18 сект, на которые распалась потом буддийская церковь; но оба перечисления отличаются как один от другого, так и от перечисления восемнадцати сект в тибетском перечне. Мы почти ничего не знаем относительно разногласий, разделявших эти секты, но все они принадлежали к Малому Экипажу, а не к Большому Экипажу, как назывались две главные буддийские церкви, аналогично православной и католической. Некоторые из них должны были отличаться весьма мало от остальных, и хотя спор между двумя великими партиями — партией более слабой и партией более строгой дисциплины — мог быть обесточен, но обе они признавали, что и их противники могли достигнуть того же спасения, как они сами. «Обе философские школы, — говорит китайский буддист Хиуен Танг, — находятся постоянно в споре, и шум от их страстных пререканий поднимается подобно морским волнам». Еретики различных сект присоединяются к особым учителям, но и они различными путями идут к той же цели.

Интересно, что быстрое размножение буддийских сект объясняется историками теми же причинами, как и в Европе. Влияние жречества, — говорит Рис-Дэвидс (стр. 203), — становилось более духовным, по мере того как светская власть усиливалась. Некоторые вожди стали царями, и олигархии все более приближались к деспотиям. Вскоре после смерти Гаутамы Аджатасатру, царь Магадхи, — говорят нам, — разрушил союз вадджийских кланов на противоположной стороне Ганга. За этим последовал ряд войн между Магадхой и соседними царствами. Менее значительные предводители того должны были стать на сторону того или другого из могущественных противников, в то время как каждая из стран стала ареною интриг из-за горячей жажды владения тронном.

И вот явился Чхакраварти, «всемирный монарх» индусов. Подобно грекам, присоединившим блеск солнечного мифа к славе Александра Великого, индийцы перенесли на этот свой идеал царя черты ведических героев.

Так произвольно историки буддизма соединяют своего «всемирного монарха» с Александром Македонским греческих сказаний, относя дело в ту же эпоху.

«В 325 г. до Р.Х., — говорит Рис-Дэвидс (стр. 205), — Александр остановил свое победное шествие на берегах Гифазии. Там разбитый мятежник, убежавший из рук царя Магадхи, посетил его лагерь. Затем через 10 лет под именем Чхандра-гупты он выгнал греков из Индии, разбив Селевка, греческого начальника индийских провинций. Возможно ли, что это и был Асока, к царствованию которого как палийские, так и санскритские книги относят Вайсалийские соборы.

Пусть будет так, — согласимся мы, — пусть начало буддизма будет одновременно с Александром Македонским. Но только завоеватель, давший повод к этому мифу, действительно ли ходил на Индию в 325 году до начала нашей эры? Стратегически, — как я уже показывал не раз, — это было совершенно немислимо при отсутствии всяких путей сообщения до начала нашей эры и при отсутствии в тогдашних войсках топографов и интендантской части. Я уже показывал, что некоторые детали сближают миф об Александре Македонском с легендой об Александре Севере (относимом к 222—235 г. нашей эры), но и этот «герой», мы видели далее, апокрифичен. И вот из всех завоевателей древности Александра Великого скорее всего можно отождествить с тем, кого первоисточники наши называют персидским завоевателем Хозроем Справедливым (531—579) или с его сыном Хозроем II (591—628), распространившим свою (не иначе как теократичес-

кую!) власть как раз в тех пределах, как и в мифе об Александре Великом: от Египта и Средиземного моря, через всю Персию и Афганистан до Индии.

А в это время и был как раз разгар вселенских христианских соборов, из которых второй — Константинопольский — был в 533 г., в царствование Хозроя Справедливого, причем этот Хозрой хронологически является изотопом Юстиниана, имя которого в переводе тоже значит Справедливый¹.

И это опять показывает, что легенды о буддийских «соборах» списаны с христианских соборов.

Ни Чхандрагупта, ни его сын Биндусара не были еще буддистами; но третий в их роде, известный по имени Асоки, открыто принял народную веру.

Имя его почитается всюду, куда проникло учение Будды, от берегов Волги до Японии, от Цейлона и Сиамы до границ Монголии и Сибири. «Если, — говорит Кеппен, — слава человека может быть измеряема числом губ, с уважением произносивших его имя, то Асока более значит, чем Карл Великий или Цезарь».

Подобно своему христианскому ровне Константину, — прибавляет к этому Рис-Дэвидс (стр.206), невольно делая новое сближение, — он был обращен чудом, — так высоко буддистские писатели ставят его присоединение к их вере. И тем не менее, нельзя сомневаться в том, что это был первый шаг к изгнанию буддизма из Индии. Не то чтобы обращение это, само по себе, повредило церкви, но буддистские писатели могут без значительных изменений применить к себе слова Данее:

«Ах, Константин, какое зло для церкви причинило
Не обращение твое, а те поместья,
Которыми ты церковь одарил».

После своего обращения, случившегося на 10-м году его царствования, Асока построил много монастырей и снабжал монахов всем необходимым для жизни, к чему он поощрял и своих придворных. Он учредил также сады и больницы для людей и животных и обнародовал указы, обязывающие всех его подданных к нравственной жизни и справедливости.

В последние 50 лет было сделано интересное открытие нескольких таких указов от имени Асоки, высеченных на различных пракритских наречиях на столбах в Дели и Аллахабаде, на скалах вблизи Пешавара

¹ Юстиниан Справедливый (в Великой Риме), сын его Юстин от 527 по 578 год, а Хозрой Справедливый (в Персии) от 531 по 579 год.

и на дороге, ведущей в юго-западном направлении от Дели в Джайяпуру. В них повелевается повиновение родителям, доброжелательство в отношении друзей, милосердие к животным, снисхождение к низшим, почтение к браминам и буддистским священникам, подавление гнева, жесткости или распутства, великодушие и терпимость, и человеколюбие, но очень возможно, что эти надписи того же рода, как и христианские чудотворные иконы.

После закрытия собора в Патне, — опять как у христиан в средние века, — были посланы миссионеры в различные страны, среди них упоминаются Цейлон и страна греческого царя Антиоха. В другом указе Асока утверждает, что он послал посольства к четырем греческим царям и «одержал победу не мечом, а религиею».

Цейлонским царем в это время был Тисса, называемый в хрониках «Тиссою, отрадою богов». К нему был послан тотчас же по закрытии собора собственный сын Асоки Махинда, который «короновал его».

Вслед за тем некоторые из родственниц царя выразили желание стать монахинями, и Махинда послал для них за своею сестрою Сангхамитгою. Она простилась со своим отцом, взяла с собою несколько монахинь и начала наставлять новых учениц в правилах буддизма. Занятия их, главным образом, заключались в слушании и повторении священных книг.

Сангхамитта принесла с собою также ветку священного дерева Бо, росшего в то время в Будда Гайе на месте теперешнего храма. Под этим деревом Будда-Гаутама, будто бы, испытывал духовную борьбу, называемую достижением буддства. Оно было посажено в Анурадхапуре, немного южнее Руванвельской Дагабы и, как это ни кажется невероятным, — говорит наивно Рис-Дэвидс (стр. 241), — оно до сих пор растет там. А сэр Эммерсон Теннет даже прибавляет о нем: «Анурадхапурское дерево Бо, по всему вероятно, есть древнейшее историческое дерево мира. Оно было посажено за 288 лет до Р.Х. и, следовательно, ему в настоящее время (в 1899 г.) 2147 лет¹».

Баобадам Сенегала, эвкалиптовым деревьям Тасмании, Драконо-вому дереву Оротавы, Веллингтонии Калифорнии и Ореховому дереву горы Этны, — прибавлял он, — приписывали возраст, колеблющийся между одной и четырьмя тысячами лет. Но все это лишь предположения, и подобные вычисления, как они ни остроумны, приводят лишь к искусственным выводам, в то время как возраст дерева Бо устанавливается историческими источниками, и история постигших его преврат-

¹ А в довершение курьеза, Рис-Дэвидс даже поправляет его на три года; ему, — говорит он, — в 1899 году было 2144 года.

ностей сохранена в целом ряде последовательных хроник, принадлежащих к числу наиболее достоверных, которыми люди обладают. В сравнении с ним, эллерийский дуб есть лишь росток, а дуб Завоевателя в Виндзорском лесу едва насчитывает половину его лет. Полагают, что кактусы Фаунтенского аббатства цвели там 1200 лет тому назад; маслины в Гефсиманском саду достигли полного роста, когда сарацины были изгнаны из Иерусалима, а сорнский кипарис в Ломбардии, говорят, уже был деревом во времена Юлия Цезаря. Но дерево Бо старше самого старшего из этих деревьев на столетие и, по видимому, стремится оправдать пророчество, сделанное при его посадке, что оно будет «цвести и зеленеть вечно». Оно принадлежит к породе фиговых. Весь вид дерева и его ограды носят несомненные следы глубокой древности; но мы не могли бы быть уверены в его тождестве без той цепи документальных доказательств, которые столь удачно соединены сэром Эммерсоном Теннером.

Вот до чего, читатель, можно прийти, руководясь историческими доказательствами!

Перейдем теперь и к другому, на этот раз не материальному дереву. Когда-то Пушкин написал о своих стихах и прозе:

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа.
То не тирана памятник позорный,
К которому идет бессмысленно толпа.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык:
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык».

Но сочинения Пушкина были напечатаны вскоре после его смерти, а те, которые не подходили по цензурным условиям, быстро размножались в рукописях, пока не были изданы за границей. А что же мы знаем о Собраниях-Питаках?

Нам говорят, что в царствование Ватты Гамини на Цейлоне, соответствующего по времени как раз Юлию Цезарю (-100—44 г.), т.е. в минус 88 году, через 330 лет после смерти Будды-Гаутама были впервые изложены письменно воспоминания о нем. Махаванса передает об этом важном событии в следующих стихах, приводимых ею из Дипавансы:

«Монахи мудрые передавали устно
Текст трех Питак и комментарий к ним,
Но видя, что идет забвенье их в народе,
Чтоб Веру предохранить, внесли, собравшись, в книги».

Но разве можно сохранить в памяти не только самому, но и заставить задолбить своего ученика целые тома прозы?

Нам, европейским ученым, — отвечают, — конечно, невозможно. Но индусские ученые — другое дело.

«Но это нежелание переписать текст, — говорит наивно Рис-Дэвидс, — именно и ценный вследствие своей наивности, — не должно вести к сомнению относительно тождества существующего изложения текста с принесенным им когда-то на Цейлон. Он сохранялся таким же образом, как и классические произведения, относительно подлинности которых не существует сомнений (стр. 218)».

А вот в предшествовавших томах мы получали апокрифами Эпохи Возрождения и все классические произведения. Так почему же не сделать того же и относительно индийской классической литературы, не смотря на то, что «в 1875 году в Ратнапуре, под председательством главного жреца Сумангалы, собралась ревизионная комиссия, состоявшая из учнейших монахов, и старательно просмотрела все Питаки?»

Но возвратимся к псевдо-исторической части, перескочив через четырехсотлетний исторический промежуток и становясь менее экстравагантным, историки буддизма говорят, что Бирма перешла к нему уже только в 450 году нашей эры, Сиам в 632 году, а Ява получила первых миссионеров буддизма одновременно с возникновением агарянства в VII столетии: «Но несомненно, — прибавляет Рис-Дэвидс, — что буддизм был господствующей религией в тринадцатом столетии нашей эры, к которому относят постройку храма в Боро-Будоре (стр. 220)».

Вот с этим можно и не спорить. Но хуже становится дело, когда переходим к Китаю.

«Буддизм, — говорят нам, — проник в Китай по пути, огибающему северо-западный Гималайский склон и идущему через восточный Туркестан». Уже во 2 году после Р.Х. посольство, отправленное, может быть, Хувишкою, доставило буддистские книги (об отрицании которых буддистами Индии мы только что говорили) тогдашнему китайскому императору А-или, и говорят, что император Минг-Ти, в 62 г. после Р.Х., побуждаемый виденным им сном, послал в Татарию и центральную Индию и ввел буддистские книги в Китае. Монахи из центральной и северо-западной Индии часто совершали путешествия в Китай, и сами китайцы совершили много путешествий в более древние буддистские страны для собирания священных сочинений, старательно переводимых ими на китайский язык. В четвертом столетии буддизм стал государственною религиею в Китае, где существовали и существуют монахи, принадлежащие к большинству различных школ позднейшего непальского буддизма.

Пропущен лист.

Во время своего пребывания в этой стране Хиуен Тзанг присутствовал на великом Канойском (Канъякубжинском) соборе, созванном при Силадитийе в 634 г. (и почти одновременно с Ш. Константинопольским, 680—691), на котором учения Малого Экипажа были положительно осуждены.

Нам говорят, что вскоре после оставления Хиуен Тзангом Индии буддисты подверглись жестоким гонениям и притеснениям со стороны индусов, подстерегаемых учеными браминами, но даже в одиннадцатом столетии цари Кашмирский и Орисский все еще поддерживали религию Гаутамы. В двенадцатом столетии, когда Кашмир был завоеван мусульманами, в Индии не оставалось буддистов за исключением немногих, которые сохранили жалкое существование, усвоив индусские верования относительно кастовых учреждений и ритуала.

Время появления в Тибете первых миссионеров буддизма в точности не известно. Первый буддистский царь Тибета послал в Индию за священными писаниями в 632 г. нашей эры, но спустя столетие последователь местного идолопоклонства, — говорят нам, — изгнал монахов, разрушил монастыри и сжег священные книги. Но церковь возвратилась торжествующею после смерти своего гонителя и быстро стала приобретать богатства и влияние, благодаря духу Будд, присутствующих в ней. Этот дух присутствует в хутуктах, занимающих почти подобное же положение, как кардиналы в римской церкви, и он в особенности воплощен в Далай Ламе, непогрешимом главе церкви, земном представителе Адибудды, в буддистском папе. Но Далай Лама стал лишь в 1419 г. единственным светским властителем Тибета.

Следующее описание высокой службы в Лхасском главном храме даст читателю понятие о степени развития, которого теперь достиг ламаизм.

В главный храм священного города входят через широкий притвор, где продаются святая вода и четки и в котором стоят 4 статуи архангелов. Стены покрыты грубыми рисунками, изображающими сцены из легенд о Будде, а крыша поддерживается шестью массивными столбами, покрытыми лепною работою с яркою окраскою и позолотою. Сама церковь состоит из длинного среднего пространства, отделенного рядами столбов от двух боковых пространств и сквозными серебряными решетками в виде занавесей — от двух больших алтарей. На боковое пространство с каждой стороны выходят 14 приделов. В конце находится святое место, в котором помещаются 15 украшенных драгоценными камнями табличек с мистическими символами и другими выводами буддистской метафизики, а в наиболее отдаленной нише, представляю-

щей род апсиды, находится великолепная золотая статуя обоготворенного Гаутамы Будды. Слева — трон Далай Ламы, справа — трон Панчен Ламы, а с обеих сторон в нисходящем порядке, как по величине, так и по великолепию, — сиденья хутукт, аббатов и 14 степеней низшего духовенства. Против статуи Будды находится главный, жертвенный алтарь, поднятый на несколько ступеней над полом. На верхних ступенях стоят статуи из золота, серебра и глины, на нижних — колокольчики, лампы, кадила и другие предметы, употребляемые при священнодействии. По звуку рожка или трубы духовенство собирается в притворе в мантиях и шапочках. При третьем сигнале процессия, имея впереди себя живого Будду, шествует по боковому крылу. Когда Далай-Лама опустил на свой трон, каждый Лама отвешивает перед ним по три поклона и в определенном порядке садится на диван, скрестив ноги. Тогда звонят в колокол, и все бормочут Три Убежища, Десять Предписаний и другие формулы. По наступлении молчания, снова звонят в колокол, и жрецы храма начинают петь более длинные отрывки из священных книг. В праздничные дни наиболее торжественным моментом службы является молитва об освящении, когда благословляются приношения. Звонят в колокол, и все монахи начинают петь молитвенный гимн, в котором просят о присутствии Духа всех Будд. Один из монахов держит над собою зеркало, — смысл, по-видимому, тот, чтобы запечатлеть изображение духа при его появлении; другой монах поднимает кружку; третий — мистический символ мира; четвертый — чашу; другие — разную священную посуду и мистические символы. Голоса поющих, звук колоколов, барабанов и труб становится все громче, и храм наполняется ладаном из священных кадил. Монах, держащий кружку, несколько раз обливает водою, смешанною с сахаром и шафраном, зеркало, которое другой монах каждый раз вытирает шелковым полотенцем. Вода стекает с зеркала над символом мира и стекает в стоящую внизу чашу. Из нее святая смесь выливается в другую кружку. Одна или две капли ее могут быть накапаны на руки каждого из участвующих в службе монахов, которые мажут священною жидкостью макушку своей выбритой головы, свой лоб и свою грудь. Затем они проглатывают остальные капли, веря, что они проглатывают часть божественного существа, изображение которого было запечатлено в зеркале, по которому протекла вода.

«Действительно, — заканчивает Рис-Дэвидс свою книгу, — ламаизм со своими бритыми жрецами, колокольчиками и четками, своими статуями, святою водою и пышными облачениями, своею службою с двойными хорами и процессиями, своими мистическими церемониями и

каждением, причем миряне играют лишь роль зрителя; своими аббатами, поклонением двойной деве, святым и ангелам, своими постами, исповедями и чистилищем, своими великолепными монастырями и пышными храмами, своею могущественною иерархией, своими кардиналами и своим папою, — с внешней, по крайней мере, стороны, весьма походят на римский католицизм».

Глава 18
Все дороги из Царь-Града
нет

Еще раз о психологии лживости и обмана

ЭПИЛОГ БУДДИЗМА

Я много раз говорил, что вся философия индусов изобретена европейцами нашего времени и только навязана индусам. А как это произошло, я покажу на истории «Теософического общества».

«Основные мысли современной теософии, — говорит д-р Леманн в своей иллюстрированной «Истории суеверий и волшебства» (стр. 355), — заимствованы особенно из буддизма. Этим в развитие европейского духа был внесен новый момент, который мы также не должны обходить молчанием, как не можем оставить без внимания и высокодаровитую, во многих отношениях замечательную родоначальницу всего этого учения».

Вполне соглашаясь с этими словами историка суеверий и волшебства, мы и начнем.

Елена Петровна фон Ган-Роттенштерн, дочь русского полковника графа Петра фон Ган-Роттенштерна и писательницы Ган, родилась в 1831 году в южнорусском городе Екатеринославе. С самого раннего детства она была предоставлена на попечение прислуги и ее фантазия получила себе первую пищу в нянькиных сказках о всевозможных духах; сверх того, ей рано привили веру в то, что она, в качестве «воскресного дитяти» (так как родилась в воскресенье), должна быть особенно способна видеть духов и иметь с ними общение. Она была очень нервным сомнамбулом-ребенком, сны которого доходили до яркости галлюцинаций. В результате она воображала себя постоянно окруженной существами, которые, хотя и были невидимы для других, но в обществе которых и в мечтательном уединении она чувствовала себя особенно хорошо. В детстве, говорят, она была, с одной стороны, в высшей степени своевольна и упряма, а с другой — обнаруживала склонность к мистическим книгам и умствованиям. Легко понять, что из таких задатков, в связи с ее неукротимой энергией, должно было развиться нечто особенное.

В 1848 году, еще 17 лет от роду, Елена Петровна вышла замуж за генерала Блаватского, но спустя три года, когда ей минуло только 20 лет, они разошлись, и Елена Петровна в течение двенадцати лет путешествовала на свой счет по Европе, Америке, Египту и Индии, сохранив фа-

милию своего мужа и развивая свои воображаемые способности как медиума. По ее никем не проверенным словам, она провела семь лет — от 1863 до 1870 года — у великих махатм в Гималаях. Эти махатмы, честь отыскания которых принадлежит самой Елене Петровне, представляют, по ее словам, общество чрезвычайно мудрых мужей, которые скрываются в самых недоступных местностях Тибета и своей святой жизнью и прилежным исследованием тайн природы достигли почти божественной прозорливости и мощи. Махатма, — говорила она, — как и его адепты, обладает способностью читать мысли людей и оказывать внушение на каком угодно отдаленном расстоянии. Он может разнимать или разлагать материальные предметы на их составные части; с помощью тайных сил он в состоянии «устремлять» эти части в любое место, где он снова собирает их в первоначальную форму. Таким путем какой-нибудь предмет может внезапно появиться в замкнутом пространстве. Далее адепт может вызывать звуки, приводить тела в движение, не касаясь их, и с помощью невидимой силы препятствовать перемещению предметов. Он может на всяком расстоянии без материального посредства делать сообщения другим адептам и наконец, на некоторое время отделять душу от тела, так что она получает возможность по собственной инициативе предпринимать экскурсии независимо от времени и пространства.

При этом-то гималайском братстве мудрых мужей, которое там существует многие тысячелетия, Елена Петровна будто бы провела семь лет, была посвящена в его тайны и сама сделалась адепткой. До сих пор махатмы, — говорила она, — хранили свою мудрость при себе, как глубокую тайну, но теперь по их вычислению настало время выступить с нею перед людьми. Для этого они и отправили ее, ученицу, чтобы она возвестила миру «знание посвященных». Приехав из Индии в Египет в 1870 году, она сначала основала там в Каире спиритическое общество, которое, однако, скоро распалось, а затем, по приказанию своего учителя, махатмы Кута Хуми, уже в сорокалетнем возрасте, проехала через Европу в Нью-Йорк. Здесь она сошлась с ревностным спиритом полковником Генри Олькоттом и в 1875 году, когда ей было уже 44 года, она совместно с ним учредила теософическое общество, которое имело своей целью:

- 1) положить основание всеобщему братству, которое обнимало бы все человечество без различия народности, цвета и вероисповедания;
- 2) содействовать изучению арийских и других сочинений по религии и науке и отстаивать значение древней азиатской литературы, особенно же браманской, буддийской и зороастровой философии;

3) исследовать сокровенные тайны природы, особенно психические силы, дремлющие в человеке».

Полковник Олькотт был первым президентом этого общества и перевел его на «главную квартиру» в Индию в предместье Адьяр около Мадрасы.

Ее литературная деятельность началась в консервативных изданиях «Русском вестнике» и «Московских ведомостях», где она описывала свои индийские приключения под псевдонимом Радда-Бай, а затем, несколько лет спустя, в 1877 г., Елена Петровна, сохранившая и после расхождения фамилию мужа — Блаватская, — издала в Бостоне, когда ей было уже 46 лет, свое большое главное произведение «Раскрытая Изида». Здесь она старается доказать, что так называемая ею теософия есть лишь тайная, внутренняя сущность, содержащаяся в религиозных и философских системах древних времен, в магии, спиритизме и т.д. Предлагаемое ею учение представляет собой экстракт из самых разнообразных систем, причем она обнаруживает большую начитанность в редких магических произведениях. Однако, по словам составительницы, книга ее возникла не чисто естественным путем, а совершенно напротив; большая часть ее исходит от махатм, души которых посещали автора ночью в его рабочем кабинете: на следующее утро она всегда находила множество исписанных листков, далеко превышавшее то, что она сама могла бы написать за то же время.

И вот Блаватская и полковник Олькотт стали разъезжать по Индии и всюду проповедовать там будто бы исходящую от нее же новую религию, теософию. Они приобрели там множество приверженцев, которые распространяли затем это учение далее, так что в последующие годы теософические общества стали образовываться повсюду, в особенности же в странах с английской речью. То обстоятельство, что теософия нашла себе немало последователей, объясняется, в сущности, теми же причинами, как и распространение спиритизма. Прежде всего религиозные догматы теософии, имеющие якобы буддийское происхождение, обладают для христиан своеобразной прелестью в своем мистико-фантастическом отпечатке, да и одно то, что теософия не знает учения о вечном осуждении, создало для него немало сторонников, а Блаватская, кроме того, засвидетельствовала истину своего учения и доказала свою собственную принадлежность к адептам с помощью ряда чудесных деяний. Так, с потолка комнаты, где она находилась, падали письма от ее друзей, махатм, в особенности от ее учителя Кута Хуми, и в письмах этих содержались длинные, подробные обсуждения глубокомысленных проблем, о которых только что шли прения. Предметы, которые она сейчас

держала в руке, исчезали и оказывались в других домах, где она совсем не была. Брошка, потерянная одной, совершенно неизвестной ей особой в совсем другом месте Индии, явилась, по ее желанию, у нее и оказалась в подушке, которая совершенно произвольно была выбрана среди других имеющихся у нее подушек. Особенно часто случались эти чудесные вещи на главной ее квартире в Адьяре в Индии, близ Мадраса. Здесь показал себя впервые в астральном образе Кут Хуми, т.е. явилась его душа, снабженная лишь тонкой материальной оболочкой, чтобы его могли видеть смертные. Здесь же находился «ковчег», священный шкаф, к которому туземцы относились с религиозным благоговением. Разбитые предметы, положенные в него, исчезали и заменялись новыми того же рода. Точно так же в нем исчезали письма с вопросами к махатмам, а спустя несколько минут оказывались пространные ответы на них и т.д.

Все эти чудеса возбудили, конечно, большое внимание, но настоящим образом они стали известны в Европе благодаря маленькой, мастерски написанной книжке Синнета «Сокровенный мир», 1881 г., которая была переведена на большинство европейских языков. Автор обнаружил здесь большую практичность. Он не довольствовался простой передачей происшествий и утверждением, что все это случилось вполне естественным путем, благодаря высшему разумению махатм и их учеников. Он везде показывает в то же время, что эти кажущиеся чудеса вполне согласуются с известными теперь законами природы, так что западные естествоиспытатели нуждаются лишь в более глубоком знании естественных сил, чтобы получить возможность производить то же самое.

«Книжка эта, — продолжает д-р Леманн (стр. 359), — действительно написана так хорошо и получает через то такую кажущуюся достоверность, что прямо не решаешься отрицать заранее возможности рассказываемых здесь «чудес». И все-таки, как оказывается, — дополняет он, — они были лишь утонченным обманом. Некто г-н и г-жа Кулом, долгое время проживавшие на главной квартире Блаватской в Адьяре, рассорились с Блаватской и стали всюду рассказывать, что они вместе с двумя индийскими плутами-факирами были соучастниками Блаватской в совершении ею обманов. Это возбудило такое большое внимание, что лондонское «Общество психических изысканий» послало одного из самых выдающихся своих членов, м-ра Ходгсона, в Индию, чтоб он расследовал дело на месте. Он устроил перекрестные допросы обеих сторон и добыл несколько писем Блаватской, которой тогда уже было около 53 лет, и таких, которые якобы принадлежали махатмам. Письма

эти были подвергнуты сравнению лондонскими графологами, причем оказалось, что письма махатм были написаны самой Блаватской. Затем Ходгсон установил, что большинство рассказов о различных чудесах противоречат друг другу, а «Ковчег» оказался просто-напросто фокусническим прибором с выдвигной задней стенкой, так что в него можно было проникнуть через потаенную дверь, находившуюся в стене спальни Блаватской. В своем обширном отчете, напечатанном в 9-й части «протоколов» общества за 1885 год, Ходгсон приходит к тому выводу, что Блаватская самая образованная, остроумная и интересная обманщица, какую только знает история, так что ее имя заслуживает по этой причине быть переданным потомству».

Отчет Ходгсона нанес удар теософии. Многие из теософических обществ распались, и дело нисколько не выиграло от того, что в 1886 году Синнет написал «Случаи из жизни Блаватской», где он старается очистить ее от всех обвинений. Теософические общества отпали от главной квартиры в Индии, и та, которая подняла всю эту бурю, умерла в 1891 году в Лондоне, забытая, оставленная большинством своих бывших приверженцев в шестидесятилетнем возрасте.

Посмотрим теперь ее философию.

«Религиозная система теософии» была изложена впервые в ее «Раскрытой Изиде». Это громадное произведение появилось в 1887 году, когда Блаватской было 56 лет, в совершенно переработанном виде под заглавием «Тайное учение». Впоследствии она дала краткое изложение главных пунктов своей системы и в «Ключе к теософии». Но лучшее, наиболее наглядное и талантливое выражение эта система нашла себе у Синнета в его «Тайном Буддизме», 1883. В противоположность большинству других положительных религий, теософия является в этих произведениях как самый чистый пантеизм. В «Ключе к теософии» говорится:

«Мы отвергаем представление о личном, вне мира стоящем, человекообразном боге, который есть лишь исполинская тень человека и даже не лучшего человека. Мы веруем во всеобъемлющее, божественное начало, из которого все выходит и к которому все возвращается в великом круговороте жизни». Для этого учения характеристичны также две мысли, позаимствованные у буддизма, а именно — о деятельности (карме) и о перевоплощении.

Деятельность, как будто отождествляемая с действительностью (побуддийски карма), есть, — говорит он, — «закон неизбежных следствий». «Все, что случается с человеком здесь, на земле, не только его внешние отношения, но и развитие его личности, есть строгое последствие его прежней жизни в этом или в прежних существованиях. Когда

человек умирает, его душа отправляется в Девахан (разновидность рая — нирваны), где она вкушает совершенное блаженство, утрачивая всякое воспоминание или знание о бедствиях земной жизни. Такое состояние блаженства служит наградой за добро, которое душа совершила во время своего пребывания на земле; оно продолжается до тех пор, пока не будут вознаграждены эти заслуги. Тогда душа опять рождается, снова входит в человеческое тело, и как внешние отношения, так и внутреннее развитие, начинающиеся теперь для души, являются прямыми следствиями ее прежней земной жизни. В чем душа тогда погрешила, то отмщается ей рано или поздно, приводя за собой свои естественные последствия. Таким образом, душа попеременно пребывает то в раю-девахане, то на земле, пока не будет искуплена вся ее вина и вместе с тем не отпадет необходимость возрождения. Тогда душа сливается со всеобщим божественным началом, т.е. творческой силой природы — нирваной, где рай и бог сливаются вместе.

Такова теория, выработанная окончательно только в 1885 году для европейских и американских теософов Синнетом под видом обновленного буддизма. Но всякая теория нуждается в подтверждениях. И вот, подобно тому, как спириты находят подтверждения своего учения в сообщениях духов, теософическое общество ссылалось на махатм. Теософия, по их утверждению, до сих пор содержащееся в тайне учение этих последних, а так как они и в других областях далеко превосходят остальных смертных своим разумением, то их учение о мировом порядке и о судьбе человеческой души должно стоять выше всякой критики. Сверх того, они получили непосредственные наставления от Гаутамы Будды во время его последнего воплощения, и так как Будда при своем пребывании на земле успел уже настолько очиститься, что мог приступить к вечному блаженству рая-нирваны, и только добровольно отрекся от него, чтобы еще раз родиться среди людей в качестве учителя, — то знание махатм имеет божественное происхождение. А тем, кто спрашивал, какое же можно получить удостоверение в существовании и сверхчеловеческом знании махатм, указывали на чудесные деяния, которые способны совершать Елена Петровна и другие адепты. Таким образом и Блаватская для оправдания своей миссии должна была, как и другие основатели религий, прибегнуть к чудесам. Но, как дочь XIX столетия, она сама не верила в чудеса в смысле нарушения естественного порядка вещей; она видела в них скорее лишь результаты высшего уразумения законов природы и держалась того взгляда, что западная наука тоже постепенно дойдет до них. А в чем состояло «высшее разумение» Блаватской и чем доказывается существование ее учителей, махатм, это

можно считать достаточно выясненным после расследования английского научного общества. Вместе с тем теософия низвелась до степени простого продукта фантазии.

Со стороны Блаватской, — говорит далее д-р Леманн, — было решительно гениальной мыслью отнестись местопребывание махатм в Тибет, т.е. недоступную область, лежащую на границе Индии. Ведь индийские факиры, особенно же высшая их группа или секта, так называемые йоги, уже давно пользуются в Европе великой славой как волшебники. Теософы видели в этих йогах род несовершенных махатм: хотя они и могут совершать много чудесных вещей, но не достигают, однако, степени высоты адептов и пользуются лишь гипнозом, чему выучился от них португальский аббат Фариа еще в начале XIX века. Также несомненно, что факиры умеют приводить себя в состояние искусственного сна, подобного тому, который представляет собой естественное явление у многих животных, так что могут жить без пищи и почти без дыхания довольно долгое время, целые недели, даже месяцы. Но все эти явления до сих пор не более осмысленны у факиров Индии, чем в Европе в средние века у христианского духовенства, где гипнотическое внушение подводилось под сношения с дьяволом (слово того же корня, как и халдей и даже культ).

Древнейшие описания явлений внушений мы видим, например, в описаниях чудес Моисея или чудес Христа, причем их легендарность нисколько не компрометирует их реального существования в древности, но, наоборот, подтверждает ее: учителям этим приписывались только такие дела, которые совершались повсеместно отдельными жрецами, у из алтарей. А временное исчезновение этой профессии в Европе после крестовых походов обязано своим происхождением, по-видимому, именно необыкновенному развитию самогипноза, причем, по-видимому, большинство нервных женщин брачного возраста под влиянием слышимых ими с церковных алтарей внушений получали галлюцинации о своих половых сношениях с нечистой силой, и, разболтав об этом своим приятельницам, признавались за ведьм и сжигались инквизицией, что только увеличивало нервность и направляло воображение женщин при возникновении у них полового инстинкта в эту сторону. Первые попытки естественного объединения явлений гипноза мы видим в конце XVIII века у Месмера (1734—1815), который приписал производимые усыпителем действия переходом с него на усыпляемого особой присущей человеку магнетической силы, и применял это к лечению болезней. Потом английский врач Брэд в сороковых годах XIX века, отвергая теорию «животного магнетизма» как чего-то сходного с обычной

магнитной силой, перешел на чисто экспериментальный путь, сводя дело усыпления на простое утомление от однообразных манипуляций усыпителя, но не объяснив этим механизма внушения. Эпоху в этом отношении создали только опыты Шарко в 1875 году в Парижской больнице нервных болезней, и с тех пор началась серьезная разработка этого предмета, которая еще ждет окончательного решения и очень возможно, что механизм беспроводного телеграфирования разрешит нам и эту психологическую проблему.

А что касается до Азии, то там явления гипноза и способы внушения стоят и в начале XX века на той же мистической ступени, на какой были и в Европе в XVIII веке до появления Месмера. Вся разница лишь в том, что действующие тут силы считаются еще божественными, а не демоническими, а потому и самое искусство не только не истребляется, а наоборот, культивируется, оставаясь на религиозно-мистических представлениях.

Особенно преувеличенные представления об искусстве индийских факиров распространил в Европе современник Блаватской Луи Жакольо, издавший в 1875 году «Спиритизм в разных местах света. Сокровенные науки в Индии» и «Посвящение», где он описывает фокусы факиров, виденные им лично. Тяжелые бронзовые предметы в Индии движутся по одному знаку волшебника; палочки пишут на песке ответы на задуманные вопросы; семечки, выбранные самим Жакольо, вырастают в несколько часов в большие растения и т.д. Все это происходит, по-видимому, без непосредственной связи с факиром, который спокойно и полуобнаженный сидит при этом на полу, имея при себе лишь свою бамбуковую палку с семью узлами, как знак своего достоинства. Здесь, по-видимому, совершенно исключено всякое фокусничество, и потому Жакольо и приходит к заключению, что тут участвуют неизвестные еще силы.

Однако наблюдения Жакольо имеют тот недостаток, что он всегда виделся с факиром совершенно наедине. Этим, по его словам, он хотел помешать волшебнику найти себе сообщников в своих служителях-туземцах. А так как он признается, что не мог выдерживать пронзительных глаз факира, пристально смотревшего на него иногда по целым часам, прежде чем что-нибудь случится, то нет ничего невозможного, что последний прямо гипнотизировал его. А во время гипноза факир мог внушить ему все то, что, по его воображению, он видел своими закрытыми глазами.

На деле же факиры выполняют множество чудесных вещей лишь благодаря своей изумительной ловкости в фокуснических проделках.

М-р Ходгсон воспользовался своим вышеупомянутым пребыванием в Индии, чтобы поступить в учение к факирам. По его словам, он знает уловки, необходимые для большинства указанных фокусов и, сверх того, приводит поразительные примеры, как даже искусные наблюдатели оказываются не в состоянии давать надежные сведения о том, что они видели при таких представлениях. Факты оказываются при передаче гораздо чудеснее, чем они были в действительности.

Расскажем об одном таком фокусе, так как он имеет свою историю. Известие о нем мы находим в «Раскрытой Изиде» Блаватской. Факир входит на открытое место, — говорит Елена Петровна, — где его тотчас окружает толпа зрителей. Он расстилает на земле кусок ковра и топчет его кругом ногами. Ковер скоро начинает двигаться и вскоре затем из-под него выползает мальчик. Тогда волшебник берет свиток каната и бросает его в воздух. Свиток распускается и поднимается все выше и выше, пока один конец каната исчезнет в воздухе, а другой спустится до земли. Мальчик взлезает по канату и скрывается вверху из глаз зрителей. Тогда между факиром и мальчиком завязывается разговор, оканчивающийся тем, что факир в гневе схватывает нож и тоже взбирается по канату. Он проводит наверху некоторое время, и вскоре оттуда падают окровавленные члены мальчика вместе с головой и туловищем; потом опять появляется факир, спускаясь по канату. Волшебник кладет разрубленное тело мальчика в мешок и встряхивает последний: из мешка снова выскакивает живой мальчик и убегает. Так рассказывает дело Блаватская.

И вот, в конце 1890 года, один молодой американец, м-р С. Эльмор, описал такой же случай в «Чикагской трибуне», прибавив тут же, что он сам присутствовал с одним своим другом при этом представлении в Индии. Друг этот, художник, сделал тогда, — говорит он, — несколько набросков, а Эльмор сделал ряд моментальных снимков. На набросках художника оказалось все, о чем говорилось в сообщении, а на фотографических карточках был лишь факир, оживленно жестикулировавший, и зрители, смотревшие по ходу действия то вверх, то вниз. Ни каната, ни мальчика, ни окровавленных членов и т.д. на снимках не было ни малейшего следа. Отсюда автор выводил заключение, что факир загипнотизировал своих зрителей и внушал им все явления в виде галлюцинаций.

История эта обошла все газеты, а также попала в научные периодические издания.

Но так как, по нашим теперешним сведениям о гипнотизме, совершенно непонятно, каким образом отдельный человек мог загипнотизи-

ровать целый круг зрителей и вызвать одну и ту же галлюцинацию у всех, притом также и у иностранцев, незнакомых с его языком, то это дело возбудило огромное внимание. М-р Ходгсон написал издателю упомянутой газеты, сообщая им, что во время своего пребывания в Индии он тщетно старался увидеть этот фокус; ему даже не удалось отыскать человека, который когда-либо видел его, или хотя бы только знал кого-нибудь, кто был свидетелем такого представления. Поэтому ему очень хотелось бы узнать, где м-р Эльмор присутствовал при этом редком зрелище. А м-р Эльмор чистосердечно признался, что вся эта история вымышлена: у него уже заранее составилось мнение, что фокусы факиров основаны просто на гипнозе, и что это можно доказать с помощью моментальной фотографии. На основании этой своей гипотезы он и выдумал весь свой рассказ и употребил псевдоним С. Эльмор («обманывай больше»), с целью намекнуть догадливому читателю, что все это мистификация. Таким образом, весь фокус оказался просто продуктом фантазии изобретательного янки.

Но откуда же взяла эту историю Блаватская? Это объясняет нам Кизеветтер в «Психических этюдах» (стр. 419). Известно, что эта дама или, скорее, кто-нибудь из ее ближайших сообщников, были очень сведущи в старинной европейской литературе, касающейся магии. И вот как раз совершенно такая же история рассказывается в книге Иоганна Бейера «О чарах демонов». Отсюда ясно, что Блаватская свободно обработала этот рассказ и отнесла сцену действия в Индию, чтобы воспользоваться им в качестве доказательства высоких способностей, какими обладают факиры. Таким образом, весь этот фокус факиров представлял из себя вымысел от начала и до конца. Мораль же этой истории очевидна: к подобным сообщениям надо относиться с большой осторожностью, даже если моментальные снимки и иные научные данные сообщают им некоторую кажущуюся достоверность».

Так говорит д-р Леманн в своей «Истории суеверий и волшебства» (стр. 365). Никогда никакой факир не производит этого общеизвестного в Европе, но (до сообщения их туда европейцами) неизвестного в Индии чуда. А в доказательство курьера я сам могу прибавить, что слышал это чудо от одного моряка, проезжавшего через Индию из Одессы во Владивосток, как виденное его собственными глазами. Таковы «чудеса Индии», так чему же удивляться после того, что там же главное место появления и чудесных рукописей-уников, по которым мы узнаем волшебные сказки о древнем золотом веке азиатских народов?

Конец семидесятых годов был временем высшего процветания физических медиумов. То, что совершил Слад в Лейпциге, едва ли когда-

нибудь было достигнуто или превзойдено раньше или после. Можно было подумать, что медиумические проявления лишь для того достигли такой головокружительной высоты, чтобы тем глубже было последующее падение.

В шестом томе «Христа» у меня была глава под названием: «Психология лживости и обмана», где я пытался объединить проявления лживости у людей с мимикрией, почти повсюду проявляющейся в мире животных и даже растений. А здесь мне снова необходимо возвратиться к этому же предмету по поводу только что приведенной биографии Е.П. Блаватской, этой, по выражению Ходгсона, «интереснейшей обманщицы, какую только знает история и которой имя по одной этой причине заслуживает быть переданным потомству».

Нельзя же наконец не видеть того, что все наши истории чрезвычайно похожи на зоологические музеи с чучелами. Как в этих музеях вы видите только внешние облики всех представленных там животных, но не получаете представления об их внутренних органах и тем более о психических силах, приводивших их в движение, так и в современных нам псевдо-научных историях государств вы видите, да и то апперцепционно, лишь внешние контуры фигурирующих там деятелей, но не получаете никакого представления о внутренних рычагах их деятельности, и недостает вам в этих деятелях самого главного — человеческой души.

Попробуем же поправить этот недочет хоть для Елены Петровны. Подобно палеонтологу, который по одному скелету исчезнувшего давно с лица земли животного восстанавливает его внешний вид и образ жизни, постараемся восстановить естественное развитие ее психики по той канве, какую мы имеем в этом кратком эскизе ее жизни.

Еще в детстве ее воображение наполняется фантастическими рассказами и романами в домашней библиотеке ее матери, и, живя наполовину воображением, она, как актриса во время исполнения роли, уже переставала отличать воображаемое от действительного и то, чем она в действительности была, от того, чем ей хотелось быть. В такой роли вечно живут люди с сильно развитым воображением, не только женщины, но и мужчины, особенно в своей молодости. Не видя вокруг ничего чудесного, они наполняют чудесами и отдаленное прошлое, и отдаленные, мало известные в их время страны, своей богатой внутренней жизнью. Они обыкновенно производят при первых встречах на окружающих чарующее впечатление, особенно мужчины на женщин и женщины на мужчин. Но это очарование постепенно исчезает при долгой совместной жизни: человек, живущий в мире призраков и строящий воздуш-

ные замки, начинает казаться другому, особенно обыденному сожителю, просто пустым мечтателем, не способным к общечеловеческим привязанностям. Нечто подобное должно было случиться и с Еленой Петровной, когда она еще в семнадцатилетнем возрасте очаровала генерала Блаватского, вышла за него замуж, очевидно, в ожидании изъездить с ним всю Европу, а затем попасть и в малодоступные места волшебной Индии, чтобы увидеть все ее чудеса. Но генерал оказался прозаичен, прошли три года скучной для нее семейной и светской жизни, и она бежит от него путешествовать на какие-то имевшиеся у нее средства по свету, в погоне за его чудесами. Но чудеса повсюду бегут от нее, спиритические сеансы нигде не дают ей новых откровений, и вот после многих лет погони, она уже на 33-м году своей жизни достигает последнего убежища — Индии. Там, по ее словам, она пробыла семь лет, почувствовала, как ушла ее молодость в вечной погоне за необыкновенным, а расстаться со своими грезами для нее стало теперь то же самое, что расстаться с жизнью, которая в продолжение сорока лет была переплетена с ними.

Привившаяся с детства привычка изображать из себя нечто необычное и выработавшаяся вместе с этим привычка самогипнотизировать себя, причем ее руки, без участия ее ясного сознания, писали своеобразные компанаты из всех прочитанных ею книг, постепенно сделали из нее вечную актрису, а непреодолимое желание убедить других в своей правоте заставило ее, уже утратившую энтузиазм и очарование молодости, пополнять эти бреши и шарлатанствовать.

Шарлатанство ее, как и всегда бывает, привело ее к разоблачениям, о которых я уже упоминал. А теперь я только приведу один образчик ее самоусыпленного бессознательного творчества.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Святая вестъ созерцателя звезд

Глава I

ЛИНГВИСТИКА КАК СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЗЕМНЫХ НАРОДОВ

Для того чтобы решить, сколько различных перестановок можно сделать из различных звуков человеческого голоса, нам нет нужды, да и практически невозможно прибегать к алгебраической теории соединений, дающей абсолютно точные результаты. Практически здесь это невозможно потому, что некоторые из сочетаний оказываются неупотребительными в том или другом данном языке (например: ЖЯ по-русски). А нужды нам нет, потому что в данном случае нам нужен лишь средний приближенный результат, и его мы добудем путем простой таблицы умножения.

Как в нашей десятичной системе девять простых чисел дают для всех своих перемножений $9^2 = 81$ размещений по два, так и звуки человеческой речи, если бы все слова ее состояли в среднем только из двух согласных звуков (не считая прибавки какой-нибудь гласной при наличии двух согласных), дали бы нам, считая даже за единое гулкую и шепотную вариации¹ или твердое и мягкое произношение², целых 14 совершенно различных звуков³. Давая им различные размещения, получаем $14^2 = 196$ различных согласных комбинаций, даже и не считая места и произношения соединяющего их гласного звука. Но, даже считая односложные говоры, вроде китайского, нет такого языка, в значащих словах которого в среднем было бы только два согласных звука. В еврейских и арабских словах считается в среднем три согласных звука, да и в других литературных языках не меньше, даже больше.

Значит, минимальное среднее число их размещения, даже не считая разнo соединяющих их гласных звуков (и добавочных комбинаций в словах с одним, двумя, четырьмя или даже пятью согласными), мы получаем 2744 комбинаций, а с прибавочными много более 3000.

¹ То есть б=п, в=ф, ж=ш и т.д.

² То есть б=бь, п=пь, и т.д.

³ То есть б=п, в=ф, г=к, <.>=х, чж=ч, ж=ш, цз=ц, з=с, <.>=й, <.>т=д, <.>г=т, п, р, <.>л.

Что же это выходит? Очень важный для нас результат. Вот, например, два слова, одинаковые по смыслу — санскритское *чатур* и славянское *четыре*, в то время как в промежуточных языках для слова *четыре* совсем другие звуки, например, по-еврейски.

За случайное совпадение всех согласных звуков речи в двух отдаленных языках для одного смыслового понятия здесь, по предшествовавшим выводам, менее одного шанса удачи из трех тысяч шансов для неудач, а потому практически совершенно невероятно. Такое совпадение могло бы быть принято за остаток от доисторического первочеловеческого языка, вроде того, как русское *нос*, английское — *<...>*, немецкое — *<...>*, французское — *<...>*, но все такие первочеловеческие остатки, во-первых, принадлежат целой группе разнородных языков, а во-вторых — касаются немногих самых обычных предметов, всегда находящихся при человеке, вроде этого носа. Кроме того, все их корни обыкновенно односложны, как и следует быть для первочеловеческого языка. Слово *четыре*, как мы видим, не первичное, хотя ему и соответствует итальянское *<...>*, если звук *<...>* первоначально читался как русское *ч*, но и тогда это был не остаток доисторического первоязыка, а того же самого славянского происхождения из средневековой Балканской Великой Ромеи, вроде, например, имени Венеции, от славянского *венец*, со значением *венчанная*.

Отсюда мы выводим следующее правило: если в языках двух разноязычных народов мы находим одинаковые по звукам, но разные по смыслу слова, вроде, например, французского *<...>* и русского *<мерзи>*, то этим доказывается лишь независимость друг от друга обоих языков. А если мы находим какое-нибудь хоть одно созвучное и сосмысленное слово, то по теории вероятностей за случайное совпадение тут менее одного шанса из трех тысяч таких созвучно-сосмысленных отождествлений, мы не рискуем ошибиться более чем в одном случае.

Все это выведено мною для случая нахождения в двух отдаленных и по внешности независимых языков только одного созвучного сосмысленного слова. Если это слово не может быть прослежено путем сравнительной лингвистики, вплоть до первочеловеческого доисторического элементарного звукоподражательного языка, вроде только что указанного мною *носа*, первоисточником имени которого есть носовой звук *н-н-н*, который вы произносите, закрыв рот, то созвучность и сосмысленность являются достаточным доказательством его переноса из одной отдаленной страны в другую уже в такое время, когда установились между ними прочные сношения.

При этом если сношения были только торговые, мы имеем вероятность отыскать такие слова в области торговли в мерах, весах, и средствах обмена. Таковы, например, созвучно-сосмысленные слова в ромейско-византийском монета рупия и славянское рупь, ассимилировавшееся лишь в народном произношении с привычным словом рубль, что вызвало у недавних русских филологов неправильное представление, что у московских великих князей были какие-то рубленные куски серебра, служившие монетами. С только что выясненной мною точкой зрения о созвучии и сосмысленности, тут менее одного шанса из трех тысяч за возможность ошибки в моем толковании, и, пожалуй, более трех тысяч шансов против одного за ошибку обычных толкований, так как никому и в голову не пришло бы называть деньги обрубками неизвестно чего, а не серебром, как, например, во французском языке <...>. Таким же образом слово мера произошло от греческого мерос <...> — часть или доля и т. д.

Если же сношения были и административные, то мы неизбежно найдем ряд административных названий. Так, после появления у нас голштейн-готторнской династии, принесшей в прежнюю Русь западноевропейскую культуру, появились у нас <вместо губернатора, генералы, адмиралы и т.д.> А при завоевании обязательно приходят в приобретенную страну и названия предметов культа.

Так, наше слово церковь созвучно-сосмысленно с латинским цирк, и потому мы смело можем сказать, что она есть трансформация древнего цирка и пришла на Балканский полуостров исключительно через греков, а также и через Рим. На это же указывает и название религии верой от латинского <...>, то есть истинная, и даже слово крест, первоначально крыж, более похоже на итальянское <...> и латинское <...>, чем на греческое евангелическое <...> — кол, или столп, как называется в Евангелиях орудие казни Христа.

У меня не было времени проследить подробно филологически это латинское влияние в деле христианизации Балканского полуострова, а через него и России. Но уже наличность католической Польши и униатских славян достаточно показывает на влияние Рима в этом деле. И можно быть уверенным, что филологическая обработка этого предмета вполне установит тот путь, которым христианство шло через Балканский полуостров в восточную Европу.

И эта же филологическая обработка показывает, что через Балканский же полуостров и в качестве средневекового христианства возникли и во многом сохранили первоначальный характер (а в других частях под местными влияниями отклонились от него), и великие азиатские

религии. Каста браминов, с этой точки зрения, только правнуки первоначальных ромейско-византийских миссионеров и, сохранившие его первоначальную форму, много лучше, чем сильно усложнившие и изменившие этот культ европейские ученые-теологи, начиная от папы Григория Гильденбранта и константинопольских теологов после-иконоборческого периода.

Еще в III томе «Христа» я показал, что санскритский язык индусского богослужения и индусской классической литературы так же чужд местным языкам Индостана, как и латинский был чужд германским народам, когда они на нем писали и богослужили, и как так называемый арабский язык, — это простое наречие еврейского, — чужд западноазиатским и североафриканским народам, пользующимся этим языком в литературе и богослужении исключительно, как в Западной Европе когда-то пользовались латинским.

И я уже показал в III томе, что коренной состав множества слов санскрита показывает, что его родина средневековый Балканский полуостров и не в древности, а уже в развитую христианскую эпоху средневековья.

Вот я уже говорил, что бог Вишну браманской троицы созвучен и сосмыслен со славянским Вышний бог. И мы здесь видели, что тут не менее трех тысяч шансов за то, что я прав, и менее одного шанса, что я ошибся.

Вот я уже говорил, что браманская троица Три-Мурти созвучна и сосмыслена со славянским три-морды, и как это ни смешно для нашего уха, но и здесь по только что разработанным мною выводам из теории вероятностей более трех тысяч шансов за то, что этот перевод правилен, и менее одного шанса из трех тысяч, что я ошибся.

Но таких же лингвистических сопоставлений мы находим без конца в великих религиях Азии и этнографические, и географические, и сами исторические условия земной жизни показывают нам единогласно, что все эти религии только ответвления первичного христианства, зародившегося в Великой Ромее в IV веке нашей эры и более чем они отклонившегося от первоначального состояния у нас, чем у них.

Глава II

ДВА ОСНОВНЫХ ЗАКОНА РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ НОВОВВЕДЕНИЙ

(Это простые открытия, которые делаются индивидуально, случайно, и сложные, которые появляются эволюционно на базе существующего знания)

При археологических исследованиях, относящихся к истории человеческой культуры, мы всегда должны иметь в виду, что человеческие открытия бывают двух родов. 1. Элементарные, не требующие предварительной высокой умственной подготовки, которые неизбежно были сделаны независимо друг от друга в разных странах. 2. Сложные, требующие наивысшей по своему времени образованности, которые, появившись как результат единоличного мышления изобретателя в центре наивысшей культуры своего времени, распространялись от него, как волны к периферии.

Как образчик первого мы можем привести изобретение кремневого топора, как острого камня, привязанного к концу дубины, или изобретение колеса, как результат того, что на катящемся обручке бревна легче перетаскивать тяжести, чем волоком по земле, и в результате изобретения повозки.

Оба без сомнения были сделаны во многих странах многими людьми, и не подозревавшими друг о друге.

Как результат второго рода изобретений, вы и сами можете привести, например, изобретение паровой машины Уаттом, изобретения парохода Фултоном, телефона Эдисоном, беспроводного телеграфа Маркони, и т.д.

Все они, сделанные единолично в Западной Европе или Северной Америке, как центрах наивысшей технической культуры XIX, а затем и начала XX веков, распространялись затем как потоки дождевой воды во все пригодные для них места земного шара.

Такого рода разделение открытий и изобретений на два рода мы обязательно должны всегда иметь в виду при исследовании древней культуры, в которой обязательно должны преобладать элементарные, возникшие независимо много раз во многих странах, не исключаются и такие, которые могут распространяться от центра к периферии.

Вот, например, дольмены, т.е. так называемые «каменные столбы» в виде трех или четырех поставленных стоймя каменных глыб, на которых как крыша покоится четвертая плита. Их много в Западной Европе, особенно в Британии и северо-западной Франции, но они встречаются и в Северной Африке, и в Западной Азии, есть даже и в Северной Америке, а относительно времени их возникновения можно сказать лишь одно: они там с незапамятных времен. Служило это доказательством общности древней культуры всех этих стран? Ведь если в большинстве других стран их нет, то это может объясняться отсутствием в них пригодных для этого каменных глыб, а в отдаленных друг от друга местах они могут быть и независимого происхождения, так как такого рода постройки сами навязываются на ум. Мне вспоминается, как и сам я в детстве, ничего еще не зная о дольменах, сделал такую же постройку. Взяв несколько кирпичей, я отнес их в глухое место нашего усадебного парка, поставил два на ребро, прикрыл третьим, наподобие ворот, и, увидев, что можно сделать из этого нечто вроде пещерки, заслонил задний выход четвертым кирпичом. И все это сооружение осталось у меня в памяти, потому что к вечеру того же дня к нам в комнату залетел воробей и, поймав его, я придумал поместить его на ночь в своем домике, заслонив переднюю часть пятым кирпичом. Придя утром, я открыл его, опустив голову к самому отверстию, но в тот же момент воробей вылетел вон и, ударив крылышком мне по лицу, с радостным криком умчался в высоту. Вспоминая теперь этот случай, я не могу не видеть, что эта моя детская постройка была типичным миниатюрным дольменом. Значит, такого рода сооружения сами собой приходят в голову везде, где есть для этого валяющиеся на земле подходящие каменные глыбы. А целью их скорее всего могло быть помещение там идола, подобно тому как и в IX веке строились для этого часовенки в католических и православных странах. Конечно, первая же наличность такого сооружения в какой-либо стране неизбежно вызывала подражание и такого рода постройки распространялись по всей местности, где имелся для них материал, так что мы можем в данных пределах заключить о распространении их из одного центра. Но вот материал для них на далекое расстояние исчезает, благодаря равнинному строению земной поверхности, где на сотни километров во все стороны вы не найдете ни одного большого камня, а потом как на другом берегу моря, камни на земной поверхности появляются опять, а с ними, хотя и несравненно меньшей степени, появляются и дольмены. Какое право имели бы мы сказать, что они перекинулись сюда из далеких стран, а не возникли самостоятельно? С таким

же правом можно было бы сказать, что и свой домик для воробья я устроил по образцу уже известных дольменов.

То же самое мы можем сказать и о пирамидальных постройках. Прототипом их является всякая могильная насыпь, превращающаяся в курган, если умерший был широко популярен и много людей спешили почтить его память. Обычай делать могильные курганы мог тоже независимо возникнуть в разных странах, а в тех местах, где был достаточный каменный материал, взамен земельных курганов, естественно, могли возникнуть и каменные, сначала циклопические, постройки, как и первичные каменные стены из необработанного камня, а затем, при возникновении способов обработки мягкого камня, вроде известняка или песчаника...

[...]

Посмотрим немного кругом и поразмыслим.

И в недавнее время совершились открытия и изобретения, создававшие эпоху в человеческой умственной и экономической жизни. А как они совершались? Всегда как будто взрывом какого-то откровения в чьей-нибудь отдельной голове, и он нее на крыльях слова распространялись по всем другим, способным к их восприятию.

Вот, например, зоология. Ее создал Линней (1707—1778), шведский естествоиспытатель, закончивший свое образование в Голландии, а потом занявший кафедру профессора на своей родине в Упсальском университете. В своей «Системе природы», вышедшей первым изданием в 1735 году, он положил фундамент современной зоологии, которая без естественной классификации животных была до него то же, что география без географической карты, иначе говоря, простой сумбур. Но раз естественная зоология откристаллизовалась в его голове, хотя бы и с многими частными недочетами и ошибками, она быстро передалась на крыльях печатного слова в другие головы, ошибки были исправлены, а недочеты легко пополнены, и вот теперь систематическая наука о животных распространилась из Упсалы в Швеции по всему земному шару и знакомство с ее основами стало обязательным для всякого общепрообразованного человека.

Вот еще ботаника. Она настолько близка к зоологии, что основы ее систематизации пытался положить тот же Линней, но в своей книге «Роды растений», стремясь упростить их распределение, придал слишком большое значение числу тычинок в цветке, и его систему исправил Декандоль (1778—1841), сначала профессор в Монпелье во Франции, а с 1811 года в Женевском университете. Мы видим здесь уже осложнение; ботаника как систематическая наука (а не бессвязный хаос расти-

тельных форм) возникла как бы двумя взрывами. Сначала в голове Линнея в полустественной форме, затем в голове Декандоля, приведшего систематику растений (без которой немислимо их теоретическое изучение) во вполне естественный вид, в котором ботаника и распространилась на крыльях снова по всему земному шару, лишь дополняясь вновь находимыми в нем бесчисленными видами растений, всегда укладываемыми в уже найденные для них кадры.

Возьмем теперь палеонтологию и связанную неразрывно с ней геологию. Учение о вымерших теперь животных и растениях, от которых в недрах земли всегда остались лишь окаменелые части, не могло, конечно, даже и возникнуть до Линнея и Декандоля, но и эта наука, как необходимое дополнение к зоологии и ботанике в общей науке о развитии органического мира на земле, возникла тоже как бы взрывом в отдельных человеческих головах. Современник Декандоля Кювье (1769—1832), профессор в ботаническом саду в Париже, расширяя фундамент, заложенный Линнеем, кладет начало сразу и сравнительной анатомии, и сравнительной палеонтологии и этим почти заканчивает всю естественную биологическую науку, к которой пришлось впоследствии делать лишь пристройки, вроде, например, микробиологии, тоже возникавшие как бы взрывами в отдельных головах и потом распространявшиеся на крыльях печатного слова повсюду из одного из культурных центров на земном шаре.

То же самое мы видим и в других областях нашего знания... Кому не известно, что учение об обращении Земли вокруг Солнца возникло в голове Коперника (1473—1543), разрабатывалось им в бытность его профессором в Краковском университете и обнародовано в год его смерти, когда он, ударившись в частную жизнь, жил каноником костела в Фрауэнбурге?

Кому не известно, что установителем небесной механики был Ньютон (1640—1727) в Кембридже, установителем теории происхождения видов был Дарвин (1809—1882), установителем научной экономики сначала Адам Смит (1723—1790) в Эдинбурге, а потом Карл Маркс (1818—1883), два раза изгнанный за политические убеждения сначала из Германии, а затем из Франции и окончивший жизнь в Лондоне?

Читатель видит, что все крупное в естественной области возникало как бы взрывами в какой-нибудь отдельной образованной мыслящей голове и притом в Европе (вплоть до культурного приобщения к ней Северной Америки), так почему же историки все еще пытаются нам внушить, что в развитии религиозных учений, которые представляют только вариацию одного и того же мистического мировоззрения и культа,

дело шло совершенно иначе, и что они не только или наоборот современному распространению наук от культурных центров в малокультурные, но что и возникли независимо друг от друга в нескольких пунктах земного шара и притом исключительно в малодоступных по своей некультурности и отрезанности от остального мира — в палестинском Эль-Кудсе в окрестностях Мертвого моря, где даже рыбы дохнут (мессианство и христианство), в аравийских пустынях Мекки и Медины, куда можно было (до современной постройки дорог и авиации) добраться только на верблюдах, рискуя умереть по дороге от голода и жажды (магометанство) или в малодоступных ущельях Гималайских гор, где даже Камила-Вагта — место рождения Будды, давно провалилось куда-то под землю, так что ее до сих пор не могут найти, несмотря на все усиленные поиски современных нам историков буддизма?

Конечно, многие открытия действительно могли быть сделаны независимо в разных местах земного шара. Таково, например, было, без сомнения, изобретение колеса как средства передвижения грузов, но ведь оно делалось не путем напряжения мысли, а просто случайным образом, когда что-нибудь тащили, положенное перед тем на бревно. Таково было и разноместное, независимое изобретение челнока, после того как прибрежные жители, сначала плававшие на бревнах, попробовали их выдолбить для более удобного сидения... А как только потребовалось сильное напряжение мысли, например, в применении к судам парового двигателя, так опять понадобился единичный ум — Франклин — и единичный центр распространения от наиболее культурной народности к менее культурной.

Само собой понятно, что и первичный фетишизм мистических представлений возник, как первые челноки, независимо в разных местностях на почве страха перед грозой, ураганом и другими таинственными для первобытного человека силами природы, осложнившись общей способностью к сновидениям, но от этого до представления о творце неба и земли и о его всевидении, милосердии, любви к своим творениям и вечной правоте такая же пропасть, как от челнока до парохода. А потому, на основании только что выведенного нами общего положения, мы априорно должны ожидать и первого толчка для распространения всех философских вероучений из одного не иначе как культурнейшего центра того времени, каким вплоть до основания Карлом Великим (ок. 800 г. нашей эры) Западной Римской империи, могла быть только Великая Ромея, с ее культурным центром в Царь-Граде, в котором мы напрасно стали бы искать тогда греческой гегемонии. В предшествовавшем томе я уже показал, что там была всегда лишь смесь живых славянских наре-

чий Балканского полуострова, на которых говорили, легко понимая друг друга, обитатели с традиционным еврейским языком официального богослужения, родиной которого была долина Нила и с присоединившимся к нему регионом итальянского, известного нам под именем латинского, родиной которого были окрестности Везувия и Этны, как первых естественных алтарей, воскуривающих жертвенный дым всемогущему богу Громовержцу и потрясателю земли.

Таким образом, первая идея о боге богов и зиждителе всей вселенной тоже должна была зародиться в уме отдельного человека. И если мы отбросим все мифическое, чем завалена история Европы до Константины и все такое же, чем загромождена вся история азиатских стран, вплоть до времени крестовых походов, и бесстрастно сопоставим все наши сведения, то единственное имя, которое доходит до нас из глубины веков как годное для такого человека, это Арий, и не как воображаемый противник не существовавшего еще до него христианства, а как первый реальный учитель о боге богов, с которого списан и мифический образ библейского Арона. Нам говорят, что он умер в 336 году нашей эры в Египетской Александрии в престарелом возрасте, как первосвященник основателя Великой Ромейской империи Богопризванного царя (Диоклетиана) и что учение его широко распространилось потом по Азии и у германских племен. Имя это первоначально значило Лев¹, но, сделавшись нарицательным для последователей его учения ариан, приобрело в тех странах, где не был известен еврейский язык, но куда пришло арианство, смысл чисто моральный. Слово ариане (или, по современному произношению, арийцы) по-санскритски значит «удостоенные» и этим самым показывает, что это не название расы, как сделали европейские ученые XIX века, а название религии, распространившейся в средние века независимо от племенного состава — от Германии до Индии. Тот факт, что христианские историки позднего времени считают их противниками христиан, признававшими Христа только «богоподобным человеком», сближает их с агарянами средневековых греческих и латинских писателей, переименованными во время крестовых походов в магометан, от которых христианская церковь отлучила себя только в 1180 году при ромейском императоре Мануиле².

Только с Ария и можно считать достоверною обязательность фонетической грамотности для посвящения в епископский сан, а вместе с тем должно было возникнуть в феодально-безграмотном населении пред-

¹ Еврейское АРИЕ — Лев.

² Христос. Кн. VI. Ч. III. Гл. IX.

ставление о священнике как о маге. Способность узнавать все, что говорил отсутствующий человек, при виде исцарапанного листа папируса (как греки переделали его первоначальное название бибилос, откуда и слово библия), должна была, конечно, казаться первобытному человеку несомненным сношением читавшего с каким-то сверхъестественным невидимым существом, нашептывающим ему содержание речи.

Является вопрос: не был ли Арий и тем первым человеком, который сообщил, что слова человеческой речи состоят из небольшого числа отдельных звуков и что, изобразив их рисунками предметов, имена которых начинаются с данного звука, можно слагать из их последовательности любую фразу речи.

Мне кажется, что это очень вероятно, и подтверждается моей астрономической проверкой всех древних греческих и латинских сообщений о солнечных и лунных затмениях, приведенных в IV томе «Христа». Там я указывал уже, что почти все начинающиеся с 400 года нашей эры события оправдываются астрономическим вычислением, а все описываемые до этого времени или фантастичны, или показывают принадлежность содержащих их документов, а с ними и событий много более позднему времени, чем 400 год нашей эры. От деятельности Ария до 400 года нашей эры прошло уже около 100 лет, и при усердном содействии ромейских императоров-теократов и обильных жертвоприношениях их магнатов могла накопиться не одна сотня читающих и пишущих людей, а с ними стало возможным возникновение и сборников, вроде библейских книг Левитов, Чисел и Второзакония в их первичном виде и хроник императорских дворов и деяний самих императоров, и религиозных гимнов, и драматических пьес, вплоть до литургии.

И этот, обусловленный легкостью изучения звуковой азбуки, гигантский по тому времени скачок умственной культуры должен был, как и наши современные открытия, передаваться, как заряд электричества по проволокам, по всем тогдашним путям сообщения, какими были тогда лишь реки да морские берега. Случившийся в египетском городе Библиосе (откуда и бибилос-папирус, и Библия) взрыв впервые открывшейся для человеческого ума литературной и научной деятельности перебрался, конечно, сначала в другие крупные центры торгово-административной жизни Великой Ромеи и более всего в Антиохию и Константинополь. Из Антиохии по реке Оронто грамотность, вместе с арианством, хлынула на берега Евфрата, оттуда по реке Тигр в Багдад, Моссул (считающийся за древнюю Ниневию) и Диарбекир, а по берегам Персидского залива, через Басру, недаром считавшуюся одним из центров мессианской учености средних веков, по берегу Персидского залива

через гавани Абушер, Бендер-Аббаа, Чаубир Пассани и Карачи в устья Инда и прежде всего вверх по этой реке и ее притокам в Гайдарабад и Лагор. Оттуда через перевал открылись пути по притокам Инда в Дели и Калькутту и по Морокскому берегу в Индокитай, по рекам Иравади и Салуину и в долину Янцекианга, а оттуда по побережью Желтого моря в Корею и Японию и на запад по Тоанго и Амуру в Тибет и Монголию. И еще ранее этого, поток грамотной веры должен был идти из Инда по притоку в Кабул в Афганистане и через перевалы по реке Аму-Дарье в Бухару и Туркестан.

Мы видим, что путь арианской культуры был не так прямолинеен, как хотелось бы с первого взгляда, но ведь и электричество идет по проводам не во все стороны, а только туда, куда они ее ведут. А ведь реки, даже и в XIX веке, являлись единственными путями для проникновения европейских путешественников во внутреннюю Африку. Припомните только путешествия Стэнли, Ливингстона и других. А ведь в средние века и вся внутренняя Азия была для европейских путешественников, миссионеров и даже завоевателей то же самое, что для нас была Африка в XIX веке. Ведь и в Америку, и в Австралию европейская раса и культура ворвались исключительно по берегам морей и рек, а потому то же самое должно было произойти и для Азии, когда впервые ворвалась в нее арианская культура. Походы мифического Александра Македонского, как их до сих пор рисуют¹, годны только для детей. А Ласса лишь позднейший пилигримский путь буддистов, возникший благодаря каким-нибудь явлениям природы, возбуждившим суеверия.

Точно так же и в Европу арианство могло прийти из Царь-Града только по притокам Дуная.

И лингвистические следы вполне подтверждают наш вывод о возникновении всех культов с претензией на философию и космографию из одной и той же головы Ария-Арона, египтянина, получившего свои первые откровения у подошвы Везувия и перенесшего их затем в Царь-Град вместе с открытой им или его неведомым учителем звуковой азбукой, делавшей его в глазах безграмотного императора и его безграмотного двора действительным магом и волшебником.

Не говоря уже о названии всего индоевропейского населения арийцами (то же самое слово, как и ариане).

Мы видим в Малой Азии и Персии Коран, эту первичную Библию, у индусов и троицу-Тримурти, и Кришну-Христа, а затем и его отражение в мифе о Будде и Заратустре, да и о самом Конфуции, и все это

¹ См. Христос. Т. V. С. 568.

показывает на то, что все эти религии только местные отголоски местного христианства IV и V веков, от которого уже далеко ушла современная православная теология, а азиатские отпрыски уклонились в другие стороны. Сравнительное изучение их историко религии на земле особенно важно потому, что только таким способом — отдирая все явно последующие уклонения и оставляя первоначальное (определенное таким по разным его признакам), мы из сравнения этих остатков сумеем восстановить и действительное состояние арианства и христианства в начале их возникновения, и причины, по которым они так широко распространились ко времени крестовых походов и даже потом.

Глава III

ЗЕНДА-ВЕСТА — СВЯТЫЕ ВЕСТИ. ИСТОРИЯ ИХ ОТКРЫТИЯ И ОБРАЗЧИКИ ИХ СКАЗАНИЙ

В 1762 году Западная Европа озарилась необыкновенным светом. В этом году была привезена в нее Анкетиль-дю-Перроном, как жемчужина со дна моря, как птица Додо с острова Мадагаскара, «древняя книга иранцев» — Зенда-Веста, содержащая учение мудреца Зоро-Астра (имя которого на балканской смеси языков значит Зритель Звезд¹).

Найдена была эта книга в Индии, у парсов, называемых иначе гебрами. Первое их имя созвучно с персами, с которыми их и постарались отождествить, а второе созвучно с библейским словом гебер-еврей, с которыми их, однако, не отождествили.

Их теперь немного.

В начале XX века их было только около 80 000 человек, главным образом в Бомбее, где они занимаются и теперь торговлей и банкирскими операциями, составляя зажиточную группу населения. Говорят они на языке гузерати и очень склонны к европейской образованности. Кроме Индии, они имеются, конечно, в менее культурном виде, только кое-где в Персии в городах Иезде (около 4 000) и в Кермане (около 5 000), а в начале XIX столетия они еще существовали в незначительном числе и около «вечных огней» близ города Баку до тех пор, пока пришедшие туда русские не потушили их огни, приспособив святые газы к промышленным целям добывания нефти.

Из всего этого видно, что они не нация, а одна из религиозных сект. Откуда же явились эти сектанты или, по крайней мере, их учителя в Индию? Сопоставление их религии, в основе которой лежат храмовые жертвенники, где вечно поддерживаются священные огни, с бакинскими «вечными огнями», а также и некоторые другие указания, привели к заключению, что они переселились из Закавказья. Все это очень правдоподобно; из Балканского полуострова в Закавказье, а оттуда через

¹ От славянского зоркий, откуда взор, озираться и т.д., и от международного астра — звезда. Виндишман переводит золотая звезда, первично золот-астрa, но это не дает ясного смысла.

Персию в Индию. Но почему же они не остались по всему этому пути до сих пор?

Они были вытеснены магометанами — отвечают нам. И это довольно правдоподобно, особенно если допустить, как мы сделали в VI томе, что истинным распространителем магометанства был не арабийский провожатый караванов между Меккой и Мединой, а Махмуд Гони, завоевавший под знаменем Корана к 1030 году нашей эры весь Иран. Все это явно указывает на средневековое происхождение Зороастрова учения.

Но не так взглянули на это в Европе. Тексту этих Святых Вестей приписали глубокую древность и вывели из него поразительные подробности о существовании чрезвычайно высокой науки и философии в Персии еще в VIII веке до нашей эры. Еще тогда, — говорили востоковеды, — персидский философ Зороастр приравнял противоположность света и мрака к противоположности доброго и злого начала и показал, что над миром владеют бог Света и Добра — Ормузд¹, со своими светлыми духами, и Сатана — Ариман², властитель тьмы и мрака со своими дьяволами (дивами), ведя между собой постоянную борьбу. Еще тогда — в VIII веке до Рождества Христова провозгласили, что каждый должен способствовать Богу Света. Узнали также каким-то таинственным путем, что еще тогда были запрещены в Персии изображения богов, а огонь, игравший такую важную роль и у христиан с их лампадами, считался средством очищения — проявлением «святого духа».

И все верили, что такое учение могло существовать и быть распространенным еще за две с половиною тысячи лет до его обнаружения Анкетьиль-дю-Перроном в 1762 году в единственном экземпляре, который он и привез во Францию.

При дальнейшем размышлении оказалось сверх того, что религия эта господствовала в Персии даже два раза, перед тем как была вытеснена магометанами.

С психологической точки зрения это вполне понятно: всем тогдашним востоковедам искренно хотелось как можно дальше заглянуть в глубину веков. Но мы здесь отнесемся к находке как к факту, наличность которого датируется лишь 1762 годом, а потому будем исходить из предпосылки, что древность передаваемых в ней молитв, законов и литургических воззваний к разным богам (употребляемых гебрами-парсами и теперь) требует еще убедительных доказательств.

¹ Созвучно с еврейским АУР — свет и МЗД — в словаре нет.

² Созвучно с АРИЕ — лев и МН — дар.

Воспользуемся сначала исследованием К. Коссовича «Четыре сатиры из Зенда-Весты», в издании 1861 года, так как первые впечатления открытой литературы и ее языка тогда были еще свежи, а потому и описания более колоритны.

«В исходе XVIII столетия, в одно почти время с обнаружением в Индии санскритской литературы, были открыты, — говорит К. Коссович, — памятники зендского языка, сохраненные парсами. Анкетильдю-Перрон достал от них священные книги¹. Его (уже заранее!) одушевляла мысль, что в этих книгах содержится подлинный язык и учение Зороастра, мудреца-законодателя, которого имя столь было прославлено классическою древностью, знавшею его, притом только по отдаленным и посредствующим преданиям. Парсы (иначе гебры, играющие роль европейских евреев в Индии) сообщили наконец Анкетильдю (в Бомбее, принадлежавшем тогда португальцам) свои сокровища, и между ними нашлись даже старавшиеся посвятить его в тайны своего священного языка. Плодом пятилетних поисков Анкетилья и было обширное его сочинение в трех частях под заглавием «Зенд-Авеста, творение Зоро-Астра, содержащее богословские, физические и моральные идеи этого законодателя, церемонии установленного им религиозного культа и многие важные детали относительно древней истории персов. Переведено на французский язык с зендского оригинала Анкетилем-дю-Перроном, с примечаниями и с приложением многих рассуждений, способных осветить данный предмет».

Эта книга была напечатана в 1771 году по возвращении Анкетилья из Индии: в первой части он обстоятельно описывает свое собственное путешествие и пребывание в Индии, а в двух последних частях дает перевод на французский язык сочинений, принадлежащих, — как он думал, — Зоро-Астру. Рукопись на языках зендском и пеглевинском (язык современных индийских гебров), приобретенные Анкетилем дорогою ценою у парсов, к которым, после поисков, повторенных через несколько десятков лет, как в Индии, так и в Персии, Раск и Вестергард могли прибавить только очень немногое, были поднесены Анкетилем, по окончании его труда, в дар Парижской публичной библиотеке.

Так написал К. Коссович в 1861 году, и из этого отрывка читатель видит, что от 1771 до 1861 года у парсов не было найдено второй рукописи этого знаменитого произведения, хотя за такие рукописи европейские искатели предлагали, по примеру Анкетилья, большие деньги. Но

¹ Это был французский авантюрист, поступивший солдатом-волонтером во французскую колониальную армию, отправляемую в Индию.

как же могло это быть, если Зенда-Веста была издревле священной книгою у парсов? Ведь не состояли же все парсы только из одного семейства? Вот почему находка Анкетилия сразу же вызвала вполне законные сомнения.

«Труд Анкетилия, — продолжал Коссович, — встречен был, с одной стороны, необычайным энтузиазмом, с другой — самыми язвительными и горькими нападениями. Известный сэр Джонс старался доказать, что Анкетиль обманут был жрецами парсов, научившими его их искусственному жаргону, не бывшему никогда в устах народа и никогда не служившему органом для идей Зороастра. Анкетиль и его защитники стояли за подлинность переведенных сочинений, видимая же несвязность понятий, обнаруженных в этих книгах, была ими относима к давности времени. Кончилось тем, что ученая Европа, за исключением Англии, приняла сторону Анкетилия. Историографы находили в книгах, им переведенных, живую картину древнеперсидской цивилизации, философы — новые философские взгляды; те и другие строили на них новые системы, объяснявшие из прямого, как они думали, источника явления гражданской жизни древних персов».

«Книга Анкетилия, — продолжает Коссович, — долгое время оставалась таким образом, безусловным авторитетом для изучавших религию и гражданственность древней Персии, ибо проверить его, несмотря на то, что материалы для подобной работы представлялись в распоряжение всем и каждому, было делом необычайной трудности. Во-первых, единственный подлинник оставался ненапечатанным и пользоваться им была возможность только в Париже (неужели читатель сам не чувствует комичности этого положения? Единственную книгу, где излагалось учение современных нам индийских парсов, существовавшее 2000 лет, даже и в начале XIX века можно было найти только в Париже, а не в Индии! Но ведь это значит, что заключающиеся в ней мифы и сказания были впервые записаны для Анкетилия, обещавшего за них крупное вознаграждение, ради которого стоило поработать!); во-вторых, Анкетиль не был филологом и потому только что поименованная нами книга его представляла очень шаткие грамматические и лексические пособия для ученого, который пожелал бы читать приведенные им рукописи в подлиннике».

«Но вот, — продолжал далее Коссович, — появилось сочинение датчанина Раска в немецком переводе под заглавием «О древности и подлинности зендского языка и Зендавесты». В нем автор (посетивший те же места, где некогда был Анкетиль 60 лет назад и привезший отсюда уже более значительное, чем у Анкетилия, собрание зендских и пегле-

вийских рукописей¹, определил близкие отношения Зенда-Весты к языку Вед, и это ободрило молодого еще тогда Эжена Бюрнуфа предаться изучению Зенда по рукописям Анкетилея. Перевод этот вначале был для Бюрнуфа единственным и главным пособием. Но на первых же порах он увидел, что между Анкетилевым зендским подлинником и Анкетилевым переводом нет ничего общего, кроме отдельных слов. К счастью, в числе рукописей коллекции Анкетилея, находился и санскритский перевод некоторых частей зендских текстов, сделанный парсом Нарисенгом, хотя плохо знавшим санскритский классический язык и перелавшим не с подлинника, а с так называемого пеглевийского перевода (который, вероятно, был на самом деле подлинником), и его перевод помог Бюрнуфу.

В 1833 году Бюрнуф издал первый том своего обширного неоконченного сочинения «Комментарий на Ясну», в котором раскрыл основные законы конструкции зендского языка, и в этом же году вышла в свет 1-я часть сравнительной грамматики Бонна, где формы Зенда идут рука об руку с формами всех индоевропейских языков, в особенности же с формами языка санскритского. С тех пор занятия Зендом уже не прекращались в Европе.

Затем обнаружили и другие сближения.

В тридцатых годах XIX века другой авантюрист, английский офицер Роулинсон, находясь в Персии по делам службы, посетил знаменитую Бизутунскую скалу. На ней, еще по сказаниям Диодора Сицилийского и Стефана Византийского, было изображено торжество Семирамиды над покоренными ею народами. И вот, один обтесанный бок величавой скалы оказался весь усеян клинообразными надписями, с которыми Роулинсон, по словам Коссовича, не ознакомился в Европе. Он нашел, действительно, на этой скале изображения отлично сохранившиеся, но на первом их плане стояло гордое лицо царя в короне, а не женщины, и перед ним стояли его пленники. Принявшись за дешифровку писем, Роулинсон разобрал там имена Дария и Истаспа и ему стало ясно, что скала описывала подвиги не ассириян, а победу Дария сына Истаспа над лже-Смердисом и возмущившимися областями империи, основанной Киром, о которой рассказано с такими подробностями у Геродота.

Затем он получил из Европы от Бюрнуфа его «Комментарий на Ясну» и принялся за его изучение, надеясь найти в установленных Бюрнуфом

¹ Зендским языком называется язык богослужбных книг, а пеглевийским — обычный язык индустанских гебров, все равно как у нас церковнославянский, употребляющийся в церкви, и русский, на котором говорят дома.

грамматических формах Зенда объяснение формам языка надписи, еще не приведенным в то время в ясность, вследствие чего новооткрытая надпись скорее была им разгадана, чем разобрана. И вдруг лексическая часть и грамматические формы этих персидских надписей, принадлежащих (по мнению тогдашних ассириологов) Ахеменидам, оказались почти тождественными с открытиями Зенда!»

«Издание Бизутунской надписи, которую можно назвать целым сочинением, подарил, — продолжает Коссович, — истории и филологии один из языков, присутствия которого в продолжение тысячелетий никто даже и не подозревал! Всем известно дальнейшее приложение Зенд к разъяснению языков древней Ассирии и Вавилона, сделанное Роулинсоном, а затем Лаярдом и другими. Издание всех древнеперсидских надписей было повторено с дополнениями Венфеем в Германии и Юлием Оппертом во Франции. В стороне остались лишь выводы Петрашевского и Гауга, из которых первый нашел в Ведидаде кодекс «Древне-Кольского Уложения» а другой в санскритской Ригведе — подлинник зендских песнопений Зороастра».

Священные книги парсов в первой половине XIX века состояли отчасти из зендских текстов и отчасти из переводов, парафраз и толкований их на языках пеглевийском и парси (хотя скептики, как я уже сказал, и могут считать именно эти переводы за подлинники). К последней категории относятся и санскритские переводы некоторых отдельных частей зендского подлинника (если, добавим опять, не зендские являются переводами санскритских). Кроме того, к разряду подлинных священных зендских текстов относят одно сочинение, существующее только на языке пеглевийском (Бундегеш) и одно на языках пеглевийском и парси (Минохиред). На последнем языке имеется также несколько коротеньких, по содержанию зендских, молитв, а на языке пеглевийском несколько якобы переводных статей с Зенда, которых подлинника тоже нет.

Язык парси, называемый иначе парси Зенд, представляет образец арийского наречия, среднего между Зендом и новоперсидским языком. Не то язык, который Анкетиль назвал пеглевийским, хотя по исследованиям Шпигеля он должен был называться гузварешским. Он грамматическими формами почти не отличается от парси Зенда, лексическая же его часть заимствована в большом количестве у семитического языка, близкого по своему составу к библейскому. Последнее обстоятельство заставило некоторых без основания снова думать, что язык комментаторов Зенда-Весты никогда не был живым языком, и что он сочинен священниками парсов с целью закрыть его чуждыми словами и условными знаками понимание таинств их религии для людей, не посвященных в

эти таинства (скорее всего просто потому, что они были сирийские миссионеры, перемешавшие свой язык с местными, менее культурными, как это и бывает всегда).

Но самый «Зенд», был ли он когда-нибудь языком не одних индусских парсов, а и иранских персов? Где первоначальная его родина? Откуда получил он это название? — спрашивает Коссович и отвечает:

— Слов Зенд и Зенда-Веста нигде нет в сочинениях, называемых нами зендскими. Язык этих книг, так же как язык туземных переводов их и комментариев, обязан своим названием Анкетилу. Слово зенд там значит объяснение (если не просто святой), а веста же (по-русски известия или вести), иначе апаста — значит знание в смысле религиозном, то же, что санскритское веда (русское ведание).

И вот выходит, что язык священных книг, известных под именем Зенда-Весты, не есть язык древних парсов. Даже и самого слова «парса», которым именуют себя на надписях цари так называемой «древней Персии», не встречается ни разу. Арийские индусы тоже едва ли когда-нибудь носили название парсов. Называли они себя просто людьми (мартья) и охотно величали себя эпитетом «арья», значащим как на зендском, так и на санскритском языке: благовоспитанный, благородный, достопочтенный, а в языке Вед это слово значит: преданный, верный родным постановлениям и т.д.

«Край их, — говорит Коссович, — имел уже тогда дома, селения (виси, т.е. веси), общины, города (занту) и области (дахью), очень часто упоминаемые в ней с прибавкой слова арианские (айрья), точно так же, как иноплеменные (и без сомнения, иноверные) области определяются в ней самой анайрья, т.е. называются областями людей не-арианских. Так, на надгробной своей надписи Дарий сын Истаспа называет себя: Парса Парса-путра, и Арья, Арья-Читра, что значит Перс сын Перса и Арья из (племени) Арьев, причем присутствие слов «парс сын парса» здесь очень странно, потому что персами называют персов только европейцы, а сами они именуют себя иранцами (ирани), а свою страну называют только Ираном.

Являются и другие недоумения.

То, что язык Зенд-Авесты не был общим языком ариев, делается очевидным, если сравнить его с языком надписей, который назван современными учеными древнеперсидским. Роулинсон и некоторые его последователи полагают вследствие этого, что зендский язык процветал позднее их древнеперсидского.

Ссылаясь на «восточное предание», нам говорят, будто царь Арда-Шир (III век нашей эры)¹ велел собрать со всех концов Ирана рассеян-

ных священников Заратустры, что он их собрал до 40 000 человек и что с их слов был, по повелению царя, списан кодекс священных книг этого древнего учителя, жившего по одним авторам во время библейского Моисея, ходившего по Аравийской пустыне будто бы между 1491 и 1451 годами «до рождества Христова», а по другим даже около сотворения мира, в земном раю Мидии.

Благодаря Ардаширову «вселенскому собору» и было возобновлено, — говорят нам, — давно прекращенное служение Ормузду (т.е. Творцу Света). «Сходства начертания письмен Зенда с начертаниями надписей, уцелевших от времени первых Сассанидов (III—VII век), — говорят нам в дополнение к предшествовавшему, — подтверждает истинность этого (нелепого) предания». Алфавит, который употребляли Сассаниды в III веке, был семитический, сходный с библейским; в семитическом же алфавите переданы и зендские «памятники».

Отсюда ясно, что и рукописи Зенда не древнее семитического алфавита. «Но из того, что зендские письмена не восходят далее эпохи Сассанидов, — говорит Коссович², — возникает вопрос: сохранились ли зендские памятники от древнейших времен до эпохи Сассанидов (т.е. до III—VII века нашей эры) с помощью письма, или только с помощью одной памяти священников, передавших их письму при Сассанидах?»

И он же отвечает с наивностью, заслуживающей лучшей участи:

«Пример того, что памятники большого объема могут переходить из поколения в поколение (на тысячи лет!) путем одной памяти, мы имеем в песнопениях Гомера. Но еще более поразительные примеры устной передачи больших памятников представляет нам санскритская литература. Известно (!?), что Рамайана сохранилась (много тысячелетий!) в трех изустных редакциях, и огромное собрание Вед было записано только тогда, когда язык их сделался совершенно непонятным (!!) для сохранявших их ариев Индии, и когда потребовались комментарии для самих повторителей этих священных (бессмысленно голосимых!) памятников (т.е. почти бесконечного механически задолбленного набора непонимаемых звуков, начав который, можно было окончить лишь через несколько месяцев)! Как вам это нравится, читатель? А ведь другого выхода нет, раз вы заупрямились до того, что уже ни за что не хотите отказаться от заранее внушенного вам убеждения в глубокой древности зендских книг.

¹ Он же Арта-Ксеркс от греческого Орто-Кесарикос, т.е. Прямоцарственный.

² К. Коссович. Четыре статьи из Зендавесты с присовокуплением транскрипции русского и латинского переводов, объяснений, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб., 1861. С. XXV.

«Особый класс людей (т.е. браминов), — продолжает Коссович, — был также (устным) обладателем и хранителем Вед после их возникновения в Индии. В расчет этих людей входило не делать общедоступною мудрости, обладаемой ими, даже и при развитии письменности. Древнейшее индийское уложение — законы Ману — выставляет уже браманов в главе человечества: народ должен был видеть в них голову самого Брами. Но вот, совершенно напротив, никакой апофеоз жрецов в кодексе Зенды (в Вендидате¹) мы не видим. Класс жрецов Зендавесты не более как класс трудящихся граждан, а не властительная каста, как в Индии, и потому нельзя предполагать, чтобы у них когда-нибудь было стремление скрывать перед народом, из среды которого они выходили, смысл молений, способных скорее привлечь к ним население, чем уронить их перед ним. К тому же язык Зенда так близок к (воображаемому) древнеперсидскому, что и без письмен он был понятен всякому парсу». — А отсюда вывод такой: тем более вся зендская литература должна была сохраниться неизменной и без письменности до скончания века.

«Но как же объяснить перемену алфавита священных персидских книг, в то время как для обладателя их каждая буква текста должна была почитаться священной? — спрашивает снова Коссович. — Ведь подобная перемена письмен, — говорит американский ученый Витней, — возможна только при совершенном преобразовании древнего учения, которое, по-видимому, и имело место во время редакции священного кодекса при Сассанидах. А между тем памятники Зенда имеют характер неподдельной ценности и явно обнаруживают дословную их передачу в том виде, в каком они были, без всякого сомнения, произнесены (тысяча лет назад) в первый раз между Арьями. Реформа подвела бы непременно все их содержимое под один уровень и наложила бы на них свою печать. А мы не видим ни малейших следов подобных попыток на этих памятниках».

Как ответить на такой почти роковой вопрос? Оказывается, что очень просто.

Отвергая всякое предположение касательно произведенных при Сассанидах изменений в Зендавесте, — говорит Коссович, — я совсем не считаю невозможным того, что иранские жрецы, при тогдашнем обращении Ирана к народным верованиям, охотно переложили эти книги с их алфавита, преданного забвению (зачем и почему?), на алфавит, бывший в то время, по всем вероятностям (!!), общедоступным для всей

¹ Т.е. книга, «данная против демонов».

Персии, хотя и навязанным ей иноплеменниками, и что сделали они это с целью дать более хода распространению своих книг и своего древнего учения.

Наивная фантастика такого объяснения настолько бросается в глаза, что как-то стыдно даже и возражать. Ведь вся начальная письменность была вплоть до эпохи гуманизма в руках духовенства, и во в время перемены религий новая всегда жестоко боролась со старой, а не переписывала бережно ее произведения, с которыми она боролась...

А далее выходит еще хуже.

Сличение всех найденных рукописей, — говорит Коссович, — не представило почти ни одного варианта в словах и их последовательном расположении. Единственные различия их состоят:

1) в небольшом различии произношения некоторых слов (например, в замене звука Ш через С, как если бы по-русски было написано «швиданье» вместо «свиданье»);

2) в различии транскрипции составных слов (например, в одной рукописи два слова слиты, в другой разделены, вроде как по-русски в одной написано «низкопробный», а в другой — «низко пробный», в одной суффикс присоединен к слову, а в другой отделен, вроде как по-русски «чтобы» и «что бы»);

3) в явных описках.

И такое основное согласие всех зендских текстов показывает, конечно, что все они переписаны с одной рукописи, а нередко одинаковое во всех их отсутствие законченности объясняется тем, что и первоначальная рукопись была настолько недавней и спешно составленной, что ни автор, ни передатчики не успели ее закончить.

Таково объяснение по здравому смыслу. Но вот объяснение и спецов.

«Очевидно, — говорит Коссович, — что при Сассанидах не было уже возможности восстановить эти произведения в более полном виде, и в то же время это окончательно доказывает (?!), что восстановители древнего учения парсов, составившие эти документы, были далеки от всякой мысли делать в них какие бы то ни было изменения».

На деле же все вышеприведенные факты указывают только одно: первое начало зендской письменности было никак не ранее сассанидской династии, продолжавшейся и по самым ортодоксальным историкам уже от 226 по 638 год нашей эры, а не до нее. А если мы обратимся к беспристрастному критическому разбору ее содержания, то убедимся, что ее творчество продолжается и теперь.

Памятники Зенда, в том виде, в каком мы их теперь имеем, группируются в четыре отдела: первый отдел составляют законодательные ле-

генды (книга против демонов Вендидат), находящиеся в крайне отрывочном положении; второй — литургическое служение и молебствия (Ясны и Виспареды); третий — молебствия в честь отдельных божеств (Яшти), аналогичные гомерическим гимнам, и четвертый — религиозные лирические стихотворения (Гаты). В состав каждого отдела, кроме лирических стихотворений, нить которых не прерывается ничем посторонним, часто входят беседы Творца Света (по-зендски Аура-Мазды) с Созерцателем Звезд (Заратустрою). Созерцатель Звезд спрашивает Творца Света обо всем, что для него не совсем ясно, касательно обязанностей людей друг к другу и к божеству, а Творец Света разрешает эти вопросы. Книга законов изложена вся в виде подобных бесед.

«В Зенда-Весте, — говорит Коссович, — над всеми явлениями природы возносится один бог, действующий неизменно и постоянно, охраняющий человека, чистый душою и праведный, грозный одному только злу, и при всем том не имеющий никаких материальных атрибутов».

Этот бог именуется по-зендски Аура-Мазда¹, бог жизни и света: памятники Зенда не ищут его ни в каком явлении природы и не знают верховного божества с другим именем.

Это же божество находится и в индусских Ведах. И там есть бог-податель жизни. Его эпитет «Медас» выражает божественную мудрость. Скорее это испорченное мегас — великий, тогда Асура-Мегас будет значит Великий Господь. Но в Ведах бог этот, как всеобъемлющее и всеовершенное существо, не является одиноким: таким же богом жизни, но гораздо блистательнее выступает в них Агни, т.е. Огонь (Святой дух и в то же время Агнец, сжигаемый как жертва за грехи мира), и Индра (от греческого Андрос, т.е. Богочеловек), и еще блистательнее и полнее — Варуна (т.е. Верный, Истинный бог), другое имя Творца Света.

То, что религия Заратустры есть резкая реформа ведической (или наоборот), а не следствие постепенного развития одной из них, доказывается изменением смысла самого слова «бог». Вместо названия «дэва», и теперь употребляемого как название божества, у арийских племен мы имеем в Зендавесте «майню», что значит дух (от корня «мнить»). А слово «дэва» сделалось у парсов наименованием злых духов, состоящих в ведении Сатаны, называющегося в Зенда-Весте Анромайню, т.е. Злым Духом (Ари-маном).

Только три ведических бога присутствуют в религии Созерцателя Звезд (Заратустры): первый из них бог Сома, т.е. Воплотившийся

¹ От библейского Аур — свет и Мозад, — а не от порчи санскритского Асура-Медас, т.е. Живой-Мудрый, как тенденциозно переводили.

(от греческого слова Сомы — плоть), или иначе бог Гаома, т.е. Вочеловечившийся (от латинского Гомо — человек), а соответствующий также ведическому Сыну человеческого Индре (от греческого корня Андр — человек). Вторые два общие с Ведами бога, это Митра Солнечный бог и Агни, т.е. Огонь-святой дух, исходящий, по учению греческой церкви, только от Бога-Отца, а в Зенда-Весте постоянно именуемый сыном (путра) Творца Света. Еще есть второстепенное божество или другое прозвище одного из предшествовавших Наресана, божество, покровительствующее людям. В опьяняющем соке растения Сомы, как христиане в причастном вине, видели присутствие источника жизни, божества, дарящего самого себя людям, для того чтобы возвысить их до себя. И это явный отголосок христианского причастия, когда хор поет «Тела (т.е. сомы по-гречески) христова примите, источника бессмертия вкусите!» В служении светилам небесным мы видим в Зенда-Весте остатки старого многобожия. Ясно, что эта религия (Созерцателя Звезд — Заратустры), хотя и утверждала между арьями служение единому богу, не была однако же довольно сильна, чтобы оторвать их окончательно от поклонения явлениям природы, как и христианская в Европе. В реформированной религии Заратустры осталось даже поклонение деревьям и водам, в особенности баснословному источнику Ардви-сура, от которого исходит всякое изобилие и счастье на земле. Творца Света, как и бога-отца у христиан, окружает бесчисленное множество бессмертных живых существ, среди которых главные архангелы и ангелы (Амеша спента), называемые всехвалителями (Язатами).

Из ангелов-восхвалителей (Язатов) замечательнее других Всеслышащий Сраоша (от корня сру, искаженное слушать), существо, сопровождаемое постоянным эпитетом аши, т.е. чистый, неподкупный. От его слуха ничто не укрывается. Он все знает, охраняет чистые существа во время тьмы.

Поклонение Творцу Света (Аура-Мазде) не составляет, по учению Зенда-Весты, исключительного достояния людей одного племени. Творец Сета — творец и всех людей, и все люди должны к нему обратиться. Теперь еще силен Сатана, который называется Анромайнью, по-гречески Ариман, от еврейского Ари-Мон, т.е. истинный лев¹. Но это впоследствии еще нескорю. Придет время, когда низойдет на землю Спаси-

¹ Арие-Амон — истинный лев.

² Савошяд, иначе Савошянто от корня Сава — спасенье.

тель², который утвердит учение Созерцателя Звезд во всем человеческом роде и род человеческий не будет тогда чувствовать силы Сатаны — злого духа (Анро-Майнья) и зло окончательно исчезнет на земле.

Законодательная часть «Святой Вести» (Зенда-Весты), существующая лишь в отрывках, и то большей частью относящихся до религиозных обрядов, носит характер чрезвычайного милосердия не только к людям, но и к животным, особенно если сравнить ее с законодательством действительно древних народов. В «книге, данной против демонов» (Вендидате) не видно и следов того изысканного разнообразия наказания, которыми так обильны древние юридические кодексы рода человеческого. Смертная казнь назначалась только за отступничество. За другие преступления определялись главным образом штрафы, но не деньгами, которых даже в средние века в Европе не было у всякого, а лошадьми, баранами и другим домашним скотом, иногда, впрочем, и золотом, количество которого оценивалось не весом и не счетом, но определенным количеством лошадей или вообще домашнего скота, которого на него обменивали.

Священникам за молебствия и врачам за лечение по зендским законам определенное возмездие, сообразно с состоянием приглашающего к себе. Но врач имел право лечить арьев, только излечивши предварительно не менее трех иноплеменников (ан-айрьев).

Но тут же мы видим и противоречия. При духе кротости, которым вообще отличаются эти законы, невольно поражает нас то, что телесные наказания, состоявшие обыкновенно в ударах плетью, доводятся иногда до тысячи.

В хозяйственном отношении «Книга, данная против демонов» (Вендидат) склоняет людей к земледелию:

«Только посредством земледелия, — говорится там, — человек может устроить для себя прочную и неотъемлемую собственность: не став земледельцем, ты всегда будешь зависеть от имущества других».

Трудно составить ясное понятие о положении женщины старинных ариев, если сообразить, что нигде в «Святой Вести» не упоминается о многоженстве и что большую часть ангелов представляет она в образах прекрасных женщин (как и у христиан), то из этого можно, мне кажется, вывести определенное заключение, что роль женщин в воображении авторов «Святой Вести» далеко была не та, которую суждено им играть теперь на Востоке, и что, следовательно, религия эта сформировалась первоначально в средневековой Европе, одновременно с Евангелиями.

В языке Зенда есть два наречия: на одном написаны лирические религиозные стихотворения (гаты) и несколько кратких молитв в сти-

хотворной форме, на другом — все остальные зендские памятники. Наречие зендских стихотворений считается древнейшим, и против всего этого не было бы возможности сделать никакого возражения, если бы история и даже современная литература не представляли нам примеров поэтического языка, в такой же степени отличающегося от современной ему прозы. Возьмем, например, хотя бы французскую поэзию.

Вот эти три образчика рассказов Зенда-Весты, по которым вы сможете судить и об остальных. Беру их из книги К. Коссовича «Четыре статьи из Зенда-Весты», 1861.

*Два повествования из «Книги, данной против демонов
(Вендидата, сокращение Ви-дэва-дата)»*

1. Испытание Созерцателя Звезд (Заратустры), гл. XIX, ст. 1—10.

От страны севера, от северных стран, примчался Сатана (Анро-манья по-зендски), полный гибели, как демонов демон. Вот что вещал он, зломудрый, полный гибели, этот Сатана:

«Черт! Ступай, умори непорочного Созерцателя звезд (Заратустру)!»

Помчался черт; это был демон Бунти, демон тленья, от которого идет всякая порча на теле людей. Созерцатель Звезд повторял в ту пору «Сущность веры». Вот слова его песни:

«Достославен тот, кому и природа, и движение ее подвластны; ибо святость его наполняет и пространство, и время. От него исходят помыслы для благих деяний в этом мире. Творцу Света принадлежит власть: он податель пищи неимущему. Славьте его благие воды, славьте воды благого создания, будьте верны закону, чтущему Творца».

Пораженный словами песнопения, умчался назад черт, черт Бунти, демон тленья, от которого идет всякая порча на людей. Этот черт сказал своему господину:

«Мучитель Сатана! Не нахожу я для него гибели, для этого праведника Созерцателя Звезд. Он полон величия и блеска, этот непорочный».

А Созерцатель Звезд узрел в своей душе:

«Вредоносные, зломудрые демоны совещаются о том, как погубить меня».

Встал Созерцатель Звезд, двинулся с места Созерцатель Звезд, нисколько не уязвленный злым духом и жестоким, вражеским умыслом его. У него, у непорочного, были в руке камни — каждый камень величиною с кату: за ним было признание, признание Творца Света.

«Куда, — спросил его Сатана, — снарядился ты на этой земле, где столько путей, на этой земле, которая кругла, пределы которой неблизки, вооружась в высоком доме Богатого Конями?»

Созерцатель Звезд объявил злему Сатане:

«Иду истребить творения, сотворенные демонами; иду истребить смерть, сотворенную демонами; иду истребить истребительницу, ибо сражена она будет Спасителем, который родится от воды Кансаунской, от восточной стороны, от стран Востока».

Зломудрый Сатана обратился к Созерцателю Звезд с речью:

«Не истребляй моих созданий, непорочный Созерцатель Звезд. Ведь ты Сын Богатого Конями, ведь жизнью своею ты обязан матери смертной. Лучше отрекись от доброй веры, чтущей Творца, и обрети счастье, какос обретено было царем Вадаганом».

На эту речь сказал ему Созерцатель Звезд, праведный:

«Не отрекись я от доброй веры, чтущей Творца; не отрекись, если бы даже мои кости, и жизнь, и душа пошли врозь!»

Зломудрый Сатана сказал тогда Созерцателю Звезд:

«Чье слово сразит меня? Чье слово лишит нас блеска и силы? Где оружие, перед которым рушатся мои прочные создания и с ними Сатана?»

Ответил ему праведный Созерцатель Звезд:

«Святая ступа, святая чаша, аума и слова, изреченные Творцом — вот мое несокрушимое оружие! Вот то слово, которым я буду истреблять, вот то слово, которым лишу я тебя блеска и силы, вот мое оружие против всех твоих прочных созданий, Сатана! Оружие это сотворил дух чистый, сотворил и беспредельные времена; сотворили его неумирающие беспорочные, добро властвующие, благомыслящие».

И сказав это, Заратстра произнес слова песни «Сущность веры»:

«Достославен тот, кому подвластны и природа и ее движенье. Его святость одинаково покрывает и пространство, и время. От него происходят помыслы для благих деяний в это мире. Ему принадлежит власть. Он податель пищи неимущему. Славьте его, благие воды! Славьте его, воды доброго создателя! Будьте верны закону, чтущему Творца!»

2. О первом времени души человека после смерти.

(Книга, данная против демонов, гл. XIX, ст. 27—34)

«Творец мира и всего, что существует в нем! — спросил Созерцатель Звезд Творца Света. — Где совершается отчет души умершего, где представляется он, где собираются для него сведения, где оказываются налицо все сведения для того отчета, который дает смертный о душе своей, когда она оставляет этот мир?»

Творец Света отвечал ему:

«После того как скончается человек, после того как отойдет он, после того как злые, зломудрые демоны подойдут к нему, когда расцветет и засияет заря, когда на горы с чистым блеском взойдет побе-

доносный Митра (Феб) и блестящее солнце станет подниматься, тогда, праведный Созерцатель Звезд, демон по имени Бизареш овладевает связанною душою дурного человека, человека, поклонявшегося демонам, жившего мерзко. Тогда тот, кого увлекало зло, и тот, кто руководился правдою, оба вступают тогда на свои пути, изготовленные для них временем. У моста, созданного Творцом, у чистого <...> место, где разбирают, как чья душа, как чья совесть действовала в мире, кто что совершил, обитавши посреди живых существ. Сюда приходит прекрасная, статная, бодрая, высокая девица: сопутствуют ей святость, правда, власть, могущество. Эта девица низвергает зловредные души дурных людей во тьму; души же людей чистых переходят под ее власть на ту сторону недосягаемых гор Гара-березайти. Эта девица проводит праведников через мост Чинвад, приобщая их к сонмам небесных ангелов (йазатов). Там встает навстречу праведнику со своего златозданного престола благой дух и говорит ему:

«Наконец-то, непорочный, пришел ты сюда к нам, из преходящего мира в мир, не знающий глена!»

Исполненные покоя души праведных подходят к Творцу Света, подходят к бессмертным святым, к златозданным престолом их. Идут они в Гаро-нман, в обиталище Творца Света, в обиталище бессмертных святых, в обиталище других непорочных.

Когда праведник подлежит очищению после своей кончины, злые, зломыслящие демоны трепещут от самого их присутствия, подобно тому, как овца, обреченная волку, трепещет перед волком. Праведник не перестает быть в сообществе непорочных: при нем они, при нем Найрьо-саньо, один из приближенных к Творцу Света ангелов Найрьо-саньо.

Образчик из «Книги гимнов» (Ясна)

III. Прославление творца Света (гл. XXX, стр. 1—11)

1. Речь моя для внимающих: о том, что творит Творец. Она будет вещать о делах его, которые доступны разумению мыслящих. Речь моя будет славить Свет. Ее предмет — предмет благоговения для неискаженного ума, предмет высоких святых размышлений. Исполнено прелести, блеска и добра то, о чем я буду говорить.

2. Итак, внимай, о, человек, с напряжением слуха, превосходному смыслу моего слова. Оно укажет тебе, что лучше избрать — каждому укажет оно. Это касается твоей плоти и тебя. Пока не настало великое время, нас учат те, которые обладают премудростью.

3. Два духа, два близнеца в начале возгласили: один чистое, а другой нечистое в мыслях, речах и поступках. Благомудрые знают разли-

цу между возгласителями, не знают ее зломудрые. Суд благомыслящих безошибочен и верен, как о том, так и о другом духе.

4. В первый раз, когда они пошли создавать жизнь и смерть, и все, чем держится мир, тогда там, где было дурное, виден был и нечистый дух, а благой дух всегда пребывал неразлучен со святостью.

5. Из этих духов злой избрал для себя нечистое дело, а Дух непорочный, обитающий в непоколебимом небе, избрал себе чистоту. Чистоте последовали чтущие свет делами правды, веруя Творцу.

6. Не избрали правды сонмы демонов и кто ими обманут. Как только нечистый дух решил свой выбор, он предался сомнению и немедленно бросились удовлетворять свои страсти все желающие безобразия этому миру.

7. А к Свету прибегли имеющие власть над благою мудростью и чистотою; прочность и неослабную крепость телам их даровала природа. Да пребудут они всегда таковыми, как когда впервые приступил ты, боже, к творению!

8. Когда настает время казни злодеям, пред тобою, Творец, предстадут власть и благая мудрость. Свет властвует над тою и другою. Злодея предадут они в руки непорочного.

9. Да пребудем мы твоими, мы, стремящиеся к преуспеянию мира. Творец Света да укрепит нас, да укрепит в нас святость. Кто благомудр здесь, тому предстоит вечное пребывание там, где обитает премудрость.

10. Вот, на злого, на губителя падает уже гибель разрушения, но сходятся в одно мгновение невредимыми в прекрасной обители Благого духа, в обители Творца и Непорочности, те, для кого было сладостно прославление Благого.

11. Итак, поучайте всех о двух властелинах. Их действия открыты Творцом человеку. Поучайте об них с наслаждением и постоянно. Это учение давно уже разит нечестивых. В нем сила тому, кто праведен душою, в нем прославление Творца.

Я нарочно привел эти два образчика из парсской «Книги против демонов» и один из «Песнопений» (Ясн), имея в виду, что критическое изложение литературных произведений без приведения тут же иллюстрирующих документов — то же самое, как описание никогда не виданных вами растений и животных без рисунков. Оно никогда не даст вам ясного представления. Я нарочно перевел также и собственные имена парсских духов и богов на свой язык. Ведь не говорим же мы, что немцы поклоняются Готу, французы — Дью, а англичане, наоборот, считают Дьюса врагом человеческого рода. Так почему же в востоковедении

до сих пор оставляют непереуведенными восточные названия тех же самых представлений. Только для того, чтобы отмежеваться от них, тогда как при переводе все указывает на общее происхождение или даже на тождество их с европейскими.

Возьмем, для примера, хоть следующий отрывок:

«Поэт Тютчи, — говорят нам, — не оставил после себя, подобно Пуши, дон-Жуановского списка, но преданье повествует нам, что он любил любовь... Правда, в издании его сочинений под редакцией Бикки, со вступительной статьей мистера Брюсоу упоминается глухо, без инициалов некая мисс Дениз, как особа, внушавшая Тютчи его лучшие лирические произведения, но это упоминание не дает нам никакого представления о личности поэта».

— О ком тут говорится? — спрошу я вас.

— О каком-то малоизвестном английском поэте, — ответите вы без колебаний. — Здесь колорит сообщения английский.

— Неправда! — отвечу я вам. — Я только что взял первую попавшуюся мне на глаза книжку: «Последняя любовь Тютчева», биографический рассказ Георгия Чулкова. Я выписал из нее первые строчки предисловия, переделав имя Тютчева в Тютчи, Пушкина в Пуши, издателя Быкова в Бикки, Брюсова в Брюсоу и Денисову в мисс Дениз, и вот, вместо чисто русского колорита, получился совсем английский, и вы не узнаете родного.

Но не то ли же самое происходит, когда в каком-либо переводе оставляют непереуведенными прозвища действующих лиц, особенно мифологические, которые на том языке имеют аллегорический смысл?

И вот сам собою навязывается вопрос: если б вам заранее не внушили, утвердив это внушение еще чуждой фонетикой имен действующих лиц, что приведенные мною несколько страниц назад три отрывка из «Зенда-Весты» принадлежат совершенно чуждой европейцам религиозной культуре и притом умершей своей смертью более чем за две тысячи лет до нашего времени, то догадались бы вы сами об этом? Вы, несомненно, сказали бы, что это того же рода и времени произведения, как и библейские псалмы и евангельские сказания, и сомнамбулистические произведения современных нам спиритов.

А если на это нам ответят, что приведенные мною здесь три произведения написаны на языке, сохранившемся теперь лишь в религиозной литературе индостанских парсов, то какая же причина приписывать ему допотопную древность, если он в употреблении у парсов в качестве литературного жаргона и теперь? Ведь вот до самого Петра I у нас писали исключительно на церковно-славянском даже и светские

произведения, каковы летописи, хотя говорили между собой по-русски, а у немцев даже и в XIX веке некоторые ученые ухитрились писать свои сочинения по-латыни, говоря между собою по-немецки. Причиной этого была, конечно, в юности подражательность старшим, а в старости консерватизм, и нет ни малейшего сомнения, что если б какой-нибудь священник, слишком начитавшись своих богослужбных славянских притчей, пророчеств и псалмов, сам почувствовал в себе прилив поэтического творчества, то начал бы изливать его именно на церковно-славянском языке, а католический священник по-латыни. Писать иначе показалось бы ему прямо профанацией.

Вот почему и сами церковные гимны не переводятся на национальные языки, так как становятся на них прямо смешными.

Вот хоть песнопение при обряде причащения:

«Приидите, пиво писем новое,
Не от камени неплодна чудодеемое,
Но спасенья источник!»

При переводе на русский язык это выходит:

«Приходите! Выпьем нового пива!
Не из камня бесплодного чудом сделанное,
Но все же источник спасения!»

По той же причине и индусские брамины и священники парсов XIX века, единственные грамотеи того времени в своей стране, неизбежно должны были писать и свои собственные произведения, особенно религиозно-поэтического рода, на его обычном, созданном на местной почве иностранными учителями и никогда нигде не употреблявшемся в домашней жизни жаргоне. Это не первичные вымершие народные языки, а нечто вроде мулов, происшедших от скрещенных пришлых миссионских жеребцов с местными национальными ослицами.

Наглядным образчиком их возникновения и развития служит современный нам язык польско-немецких евреев, который, несмотря на недавность своего возникновения, успел уже развить свою самостоятельную литературу и который никто, конечно, не сочтет за древненемецкий язык, сохраненный с незапамятных времен еврейской частью польско-немецкого населения.

А ведь парсы в Индии находятся в совершенно таком же положении, как и евреи в Польше, да и называют себя не только парсами, а и гебрами, т.е. евреями, и я не знаю, какое из этих двух имен было их собственное и какое дано окружающими иноверцами и как давно дано. Мне кажется, что имя гебры у них первоначальное.

Глава IV

ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО СЛОВ ЯВНО СЛАВЯНСКОГО ИЛИ ОТЧАСТИ ГРЕЧЕСКОГО, ЛАТИНСКОГО И ДАЖЕ НЕМЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ЗАКЛЮЧАЮЩИХСЯ В ЗЕНДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Я не рассчитываю, конечно, на то, чтобы чтение приложенного алфавитного списка было очень занимательно для обычного читателя, но он здесь совершенно необходим, так как лучше, чем что-либо другое, доказывает справедливость моего вывода, что язык Зенда-Весты не какой-нибудь самостоятельный язык, а конгломератный из языков Балканского полуострова, занесенный внутрь Азии христианскими миссионерами не ранее «просветителей Руси» Кирилла и Мефодия. Перейдя от учителей к местным ученикам, для которых совершенно чужда была его грамматика и коренной состав слов, он и преобразовался в удобный для их слуха жаргон, который и закрепился в таком виде, как его нашел Анкель-дю-Перрон в конце XVIII века.

Само собой понятно, что претендовать на воспроизведение тонких нюансов местного произношения, при современном отсутствии рациональной общенародной систематической азбуки, о необходимости введения которой в общее употребление я уже достаточно говорил в III томе Христа. Это все равно как вместо французского <...> писать по-русски демон, вместо английского <...> писать Джемс, вместо латинского <...> — Гермес. Но и из этих самых примеров читатель видит, что разница нюансов произношения не затемняет основную сущность дела.

С такой точки зрения пусть читатель и перелистает приложенный здесь список, имея в виду, что это не полный словарь славянских, греческих и латинских слов, вошедших в язык Зенда, а только те, которые вошли в переведенные здесь коротенькие образчики. Ведь это более половины всего их словаря в исследовании Коссовича «Четыре статьи из Зенда-Весты»!

Вот они с моими пояснениями:

А — приставка перед словом соответствует греческому отрицанию, например, в слове А-гностик, т.е. который не знает.

Ава — славянское «овый», у русских это стало в восклицании эва, эво.

Агура — отождествляется обычно с санскритским Асура и переводится словом «живой», как и греческое имя Зевс, и библейский Иегова. А слово Мазда отождествляется с санскритским Медас — Мудрый. Но это просто увлечение Бенфея и Бюрнуфа, настолько сосредоточивших свои мысли на азиатском востоке, откуда думали вывести все религии, что они не заметили запада Азии. Первое слово имени Аура-Мазды или Ор-Музды несомненно происходит от библейского АУР — свет и от МАСД — творец, и значит Творец Света, а санскритское Асура есть тоже еврейское имя Ассур, которое значит — господь, властелин. Потому слово Ормузд я и перевожу везде — Отец Света.

Азем — славянское Аз, русское Я.

Айрья — ариец, почтенный.

Айрьяна — арианин, но уже не считается теперь человеком арианской религии, а целым племенем, как, например, и евреи. Ан-айрья значит не ариец, вроде русского нехристь (аналогично ан-архист).

Ама — греческое слово омос — мощный.

Амеша-спента (вместо амерша-спента) — думают, что это значит бессмертные святые. Здесь спента похожа на польское <...>, а амеша — равносильно а-мерша, бессмертный. Но нельзя ли это сблизить с французским амес — души, а переводить — святые души?

Ана — искаженное оный. Служит также суффиксом, как и у нас, например, в слове америк-анский.

Анра (искаженное ангра?) — злой, английское angry — злость.

Апа — греческий предлог «над».

Апара — попарный.

Апаска — опаска, зависть.

Асан — ясн-ость, день.

Асту — (вместо есту) — естество.

Атар — лагинское <...> — эфир, приняло смысл огня.

Ачиста — нечистый.

Б

Бага — бог, санскритский бага.

Баврис (вместо бабрис) — бобр, санскритское бабру.

Банд — немецкое <...> — вязать.

Бера — сродно с беру.

Бу — быть, малорусское бути.

В

Ваз (первично вазь?) — везти, откуда русское воз.

Вон — немецкое <...> — обитать.

Вакш, санскритское вакш, немецкое <...> — расти.

Вата — ветер.

Вач — вещать, санскритское ва.

Вачан — вече, речь, вещанье.

Вере — верю, беру, приемлю.

Вэрка (вместо вэлка, так как Л в Зенде заменяется звуком Р) — волк.

Вид (первично видь?) — ведать, санскритское вид.

Виду — и видуще, ведающий.

Вмнд — немецкое находить.

Вира — латинское <...> — мужчина.

Вис (первичное вись?) — славянское весь, селение.

Виш — немецкое <...> — знаю, знать.

Г

Гао — санскритское ГО, греческое Гео, земля.

Гара и Гайра — гора, санскритское гири.

Гара березайти — гора высокая

Гаомо — латинское homo — человек, санскритское сома от греческого сома — человеческое тело. Но здесь этот Гаома, т.е. человек, мистически превратился после смерти в растение, опьяняющий сок которого употреблялся в глубине Азии как причащение при богослужениях Творцу Света — богу-отцу, причем, как и у христиан, считалось, что этот сок и есть истинная кровь некоего святого человека. Сближая с евангельским я и перевозжу этого «человека» — сын человеческий.

Гена — греческое Гинэ, жена, санскритское чжана.

Гу — немецкое gut — хорошо, но употребляется исключительно как префикс. Например, Гу-шиту — хорошее жительство.

Д

Давой (или давай) — русское давай.

Дазди — славянское «даждь» — дай.

Дат — дать.

Датар — латинское data — датель.

Дайтъя — добрые творения.

Дасан — десять, польское.

Двара — дверь и двор, санскритское двара.

Дева (дьева) — дьявол.

Дрва (вместо здрва) — здоровый, санскритское друва (вместо здрува).

Дрвайна (вместо деревайна) — деревянный.

Дру — славянское древо, по-английски three, греческое дрюс.

Друч (вместо удруч) — удручающий, откуда и название удручающего.

Е

Ере — латинское <...> идти.

Ж

Жап (вместо шепть) — шептать.

Жи и Жу — жить. Также зу и зи.

Жити — житье.

З

Зара (вместо зала, так как Л перешел в Р) — золото.

Зара-г-уфра — Созерцающий созвездия от славянского зара — зреть и греческого астра.

Зафана — испорченное Зевана — зев.

Зема — славянское земь — земля.

Зима — холод, зима, санскритское хеймон.

И

Иава — латинское <...> юноша.

Иада (яда) — еда.

Иазата (язата) — у современных парсов изеды — архангелы и херувимы, окружающие творца света.

Иаре — немецкое jare — год.

Иасан (ясан) — ясность, блеск, молитвы.

Иасна (ясна) — откровения, т.е. уяснения религиозных обрядов.

Иима — санскритское Ияма, персидское чжемшид, название первого царя Ирена, а иногда и первого человека.

Йувар — латинское <...>, русское юный.

Иу — латинское <...> — соединять.

Иуж — латинское <...>, первично славянское иго, в первичном смысле уния, от <...> соединять.

К

Камере — латинское camera.

Кан'сой — неизвестная местность.

Карана — искаженное Грань, граница.

Катара — который (из двух).

Кла? — латинское где.

Кшатра — кесарь?

Л

Отсутствует, заменяется на Р.

М

Маноя — моя, мой.

Мага — могучий, греческое мегос, санскритское ман'х.

Меду — мед, питье и вино.

Майдия — латинское *media*, средний.

Ман (первично мань?) — русское мню, думаю, санскритское ман.

Мара — мараю.

Мере — русское мор, мру, умираю.

Мереч — умерщвление.

Мерета (вместо смерета) — смерть.

Мерезу жити — мерзко жить.

Мизда — мзда, воздаяние.

Митра — бог солнца, Феб.

Н

На — русское не, санскритское *Ma* от греческого *Me*, то же отрицание не.

Нова — новый.

Найрья сан'о — славимый людьми, имя одного из Иазатов (архангелов).

Наман — латинское *nane* — имя.

Нере и Наре (испорченное Анаре) — от греческого *анер* — мужчина.

Нмана (испорченное мана) от латинского <...>/

П

Па — пить.

Пайри (вернее пери) — от греческого *пери* — около, вокруг, например в слове периферия.

Пайрика (пярка?) — испорченное греческое название зловредного существа парка.

Панчан — от греческого *пенте* — пять, откуда и название пентан в химии.

Пара — греческое *пара*, предлог при.

Паса — пояс и вообще веревка, санскритское *паса*.

Пасу — пасомый скот.

Патин — русское путина, путь, санскритское *пан'тан*.

Патни — испорченное польское слово *пани* — госпожа.

Парвя — первый.

Пач — печь и варить.

Пересад — испорченное просить.

Питер — греко-латинское *патер* — отец, сохранившееся и у латинян в слове Ю-питер.

Питум — питание.

Путра — испорченное латинское <...>, отрок, сын.

Р

Раша — испорченное разя, разящий.

Риш — рушить.

Ру — рот.

С

Саванг — французское спасать.

Сиш — французское знайте.

Скенди — латинское...

Сома — растение, от греческого Сома — человеческое тело.

Спар, немецкое и русское спрыгнуть.

Спайята (испорченное свията) — по-санскритски прямо — светасветлый.

Спнета (испорченное свента) — польское святой.

Сраван (испорченное славан) — слава.

Сру (испорченное слу) — слышать.

Ста (испорченное вста).

Стере — русское простереть.

Стэр (вместо астер) — греческое астер — звезда.

Сту (испорченное усту) — устить, т.е. прославлять устами.

Т

Тад — тот, санскритское тат.

Иайбе — тебе.

Тан — тянуть, санскритское тан, греческое тейно.

Тап — топят (печку).

Тарас (вместо чараз) — через.

Таш — тесать.

Тач — течь.

Тверась (испорченное твереть) — творить.

Теман — тьма, темень, санскритское тамас.

Т-история или т-уэтра — греческое тотерон — созвездие, причем сохранился даже греческий определенный член, также как и в имени Зарат-уэтра, Зрящий Звезды.

Три — русское три, греческое трей.

Три-зафана (вместо три-зевана) — тризвенный.

Трити или Трайтана — троичный, указывающий мифического трехголового змея, имя мифического героя.

Тритья — третья, третий, греческое тритос.

Трас — трястись, греческое тарас.

У

Уба — оба.

Удра (вместо вудра) — выдра.

Урбага (испорченное урабара) — латинское <...> дерево.

Ус (испорченное вуз) — славянское воз, такая же приставка, как в словах воз-главляю, воз-ьмусь.

Уста — устный, славимый.

Устана — дыхание устами, душа (от дышать).

Ф, Х, Ц

Фра (вместо пра) — пред, греческое про, например, в слове пролог.

Ч

Чатваре — четыре.

Чатваро — четверо.

Чи — славянское что, чей, санскритское чи.

Чад — славянское чей.

Ш

Шити, также жити — жительство, дом, санскритское кшити.

Шойстра — почти греческое сатрап.

Шус — искаженное существовать.

Я

См. выше под буквой Й (слог Йа).

Глава V

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ О ПОЗДНЕМ ПРОИСХОЖДЕНИИ «СВЯТОЙ ВЕСТИ» И ПАРСИЗМА

При изучении влияния друг на друга двух разноязычных культур нам прежде всего должно руководиться такими двумя эмпирическими, т.е. выводимыми из наблюдения законами.

1-й закон: «Язык руководящей культуры внедряет в руководимую главным образом корни своих слов, оголяя их совсем от их первоначального флексического одеяния, т. е. усекая их концы и отчасти одеваю их во флексическое одеяние руководимого языка.

Как пример потери флексического одеяния, приведу несклоняемость по-русски многих вошедших в него иностранных слов, например: бюро, пальто, а затем и всех женских собственных имен, оканчивающихся на И, например: Мэри, Люси, Дженни и фамилий на И и О, например Гарибальди, Фуко и т.д., в применении к женщинам вообще иностранных фамилий: так миссис и мисс Дарвин останутся неизменными во всех падежах, тогда как самого Дарвина мы склоняем.

А примеры оголения чистого корня посредством от него флексивных фонем у нас настолько многочисленны, что и не пересчитать: латинский у нас дом, латинский у нас иго, Титос-Тит, Макус-Мар, Петрос-Петр, телефонос-телефон, телеграфос-телеграф. И присутствие этих усеченных или несклоняемых слов ясно показывает, что и наша современная русская культура когда-то росла под гегемонией латинского и греческого языков, как культуртрегерские вследствие усеченных греческих и латинских слов во все европейские языки для обозначения новоизобретенных предметов, сохранилось по инерции и теперь.

Все это и понятно. Для человека даже знающего не только свой родной язык, но и несколько иностранных, несравненно легче перейти к новому имени для какого-нибудь предмета, например, комнату называют камерой, съезд — конгрессом, паровоз — локомотивом, начать склонять какое-нибудь свое слово в своем национальном обиходе по-иностранному и говорить по-русски вместо телеграф, телеграфа, телеграф — летелеграф, дютелеграф, отелеграф, а француз на своем языке именно так и скажет. Причина этого в том, что флексивные формы, которых немного с детства внедри-

лись в нашем сознании, а корни имен многочисленных и пополняются у каждого новыми вместе с накоплением знания.

Значит, всякая местная культура, в язык которой вошло много усеченных и искаженных слов».

2-й закон: «Корни слов культурно руководящего языка принимают основные оттенки дикции культурно руководимого и ассимилируются с ближайшими по произношению местными словами, а когда содержат чуждые для данного языка звуки или необычные для него сочетания уже употребляющихся звуков, то принимают трудно выговариваемые произношения, кажущиеся особенно уродливыми особенно в транскрипции. Образчики последнего каждый из нас слышал в произношении не получившими школьного обучения инородцами русских слов, что вошло даже в юмористические рассказы. К такому роду относится переход слова в церкву или церковь. Особенно же характеристична замена разных гласных в непривычных словах через А, как первоначальный звук человеческой речи, впервые произносимый ребенком всех наций (насколько мне известно).

Приложим же эти законы к рассмотрению вендского языка.

Вот я взял и посмотрел глоссарий Коссовича к четырем небольшим рассказикам, три из которых уже привел, а четвертый приведу далее, они всего на восьми страничек, и что же сказалось? Не менее половины коренного состава слов в этом глоссарии испорченного славянского и отчасти греческо-латинского, а к удивлению иногда и германского и франкского происхождения, как видно из приведенного здесь списка, который еще далеко не исчерпывает всего.

И все признаки того, что не эти — европейцы — заимствовали корни отсюда, как будто бы первичного языка их, а наоборот, тут налицо в свете только что выведенного мною эмпирического закона лингвистических явлений при смешении руководящей культуры с руководимою. Закон оголения корней слов от прежней их флексической одежды при их внедрении из руководящей культуры в руководимую здесь на каждом шагу и притом часто с переходом разных гласных в первичное детское а-а.

Так, в только что приведенном списке, сразу же вместо везти мы видим воз, т. е. оголенный корень от слов везу, воз; вместо новый — нова; вместо печь (и варить) — пач; вместо тот — тад (санскритское тат), вместо топ-ить (печку) — тап, откуда и русское топ-ка; вместо трястись — трас, откуда и русское тряс, вместо славянского не — на, который — в катара и т.д.

Как пример искажений, подобных переходу латинского цирка в русскую церкву или сокращения цезаря в царь, мы имеем в превращениях слов: даждь (дай) в дазды, мзда и мизда, мерзко жить — в мерезу жити.

А затем мы видим и чисто русские слова без всяких изменений: давай — русское давай, зима — русская зима, в обобщении холод, чатваро — четверо, бага — бог.

А если мы примем во внимание, что в Зенде русское Л перешло целиком в Р, то и в массе слов, звучащих по внешности чуждо, узнаем родное. Так волк вместо велка произносится верка; слава (славность), вместо славень произносится сравань; а корень слова слушать «слу» произносится «сру».

Не бывши никогда у парсов Индии, я, конечно, не претендую на тонкость произношения всех этих слов, а руковожусь Коссовичем, который в свою очередь руководился Бонном, но если вы примете во внимание, что Бонн не умел произносить мягких согласных (пь, ть и т.д.), то и мое предположение, что звуковой состав зендского языка на самом деле еще ближе к славянским и греческим, чем тут указано, не покажется вам излишним.

Тогда греческое слово парка (злое чувство) должно будет читаться не пайрика, как в транскрипции Бонна, а пярька, что много ближе к парке; слово дайтъя — добрые творения — сблизится с русским дети, что напомнит нам херувимов; слово дрвайна — деревянный будет произноситься дрвяна, что еще ближе к славянскому.

Но даже и не прибегая к этим поправкам, а довольствуясь элементарной фонетикой, нетрудно прийти к безусловному выводу, что зендский язык есть язык балканских христианских миссионеров, занесенный в средние века не только в Россию, как церковно-славянский и быстро закрепившийся письменностью, но и во внутреннюю Азию, где благодаря отсутствию преемственной и распространенной письменности потерял свою первичную флексию, приспособившись к местной, подобно тому как и в русском языке все иностранные слова приспособились к русской флексии и, восприняв много местных слов, обратился в тот жаргон, который и сохранили нам парсы.

С этой точки зрения чрезвычайно интересно и четвертый рассказ, приведенный Коссовичем: Гасмо и Заратустро. Ведь в нем типическая основная христианская идеология!

Все мы, бывавшие на христианских богослужениях, знаем, как при обряде причащения хлебом и вином поется:

Тела Христова примите,
Источника бессмертия вкусите!

причем православная церковь с первых веков своего существования была убеждена, что это не символ, а действительное тело и кровь евангельского Христа. Как могло возникнуть такое странное отождествление? А

разве не помните вы рассказ, как в классическом предании юноша Нарцисс, сын потока Кафисса и нимфы Лейрионы, был обращен Зевсом в цветок Нарцисс за то, что слишком любовался собою, смотрясь в реку, как в зеркало? Скажите сами, не выходит ли отсюда, что всякий, кто съест и этот цветок, съест и самого мифического юношу Нарцисса, если допустить, что этот миф — правда?

Нам теперь не говорят, что тело евангельского Христа, по-гречески его Сома¹, после его вознесения на небо превратилось в виноградную лозу за то, что он любил пить перебродивший винный сок, но вот в Индии взамен виноградного вина употребляется при религиозных служениях в смысле причастия тоже опьяняющий сок растения, которое ботаники называют Асклепией, а причащающиеся санскритцы так и называют Сомой, т.е. по-гречески человеческим телом. А причащающиеся зендцы называют это же растение Гаомой, т.е. человеком по-латыни, как и евангельский Христос называл себя «Сыном Человеческим».

«В упоющем соке растения Сомы, — говорил Коссович², — видели источник жизни, божество, дарящее само себя людям, чтобы возвысить их до себя. Отсюда это растение в верованиях Арьев (т.е. ариан) было и растением, и богом. Выжиманье из этого растения сока и его вкушанье сопровождалось, как в (брамаических) Ведах, так и Зенда-Весте, особыми обрядами и молитвами к Богу, в нем присутствовавшему. Но в Зенда-Весте Гаома (т.е. — Сын Человеческий) не более как один из гениев (т.е. как Христос у европейских после Златоустовских ариан), охраняющий и исцеляющий людей, которые пьют его благоговейно в виде сока, пребывая верными Аура-Мазде, в Ведах же (как и в христианских Евангелиях) этот Сома, и в то же время Агни (где с понятием Сома-Тело слились фонетически понятия Огонь и Агнец, т.е. Огнец) — отождествляется с Творцом Неба и Земли».

Таковы собственные слова Коссовича, хотя ему и в голову не приходило сделать бросающееся в глаза сближение, т.к. иначе ему пришлось бы отказаться от внушенного ему представления о глубокой древности Зенда-Весты.

Но освободившийся от этого гипноза не может не видеть, что сущность обряда и здесь, у христиан, та же самая: достигается состояние опьянения, которое считалось присутствием самого божества внутри человека, а переход от виноградного сока к соку асклепии легко объясним тем, что в Индии не росло тогда винограда.

¹ По-гречески Сома значит тело, плоть, и притом исключительно человеческое.

² К. Коссович. Четыре статьи из Зендавесты. С. XXXII.

И вот, скажите сами: если при зендском причащении, как и вытекает из самого обряда, пели: Сомы-Гаомы примите, источника бессмертия вкусите, то в переводе имен на русский язык это и вышло бы: тела Сына Человеческого примите, источника бессмертия вкусите.

И при толковании всего этого по образцу приведенного в цветок Нарцисса это и были бы истинное, а не аллегорическое тело и кровь Сына Человеческого, превратившегося после смерти в растение с опьяняющим соком.

И вот смотрите сами, как поучителен с этой точки зрения рассказик из книги Откровений (Ясна, гл. IX, ст. 1—18), который я привожу по Коссовичу, но с переводом части собственных имен (смысла остальных не знаю).

Сын Человеческий и созерцатель звезд
(из зендской книги «Ясны» стр. 1—18)

Однажды на рассвете дня Сын Человеческий (он же растение Сомы-Гаома) предстал Созерцателю Звезд, снаряжавшему огонь для жертвоприношений и певшему в то же время святые песни. Созерцатель Звезд, увидя его, спросил:

— Кто ты, прекраснейший из людей, каких не видал я во всем мире, по твоему достоинству и по наружности, свойственной только существам бессмертным.

На вопрос мой отвечал мне Сын Человеческий, беспорочный бессмертный.

— Созерцатель Звезд, ты видишь во мне Сына Человеческого, беспорочного бессмертного. Обрати ко мне все помышления твои, праведник! Изготовь меня в причащение (в еду), славь меня своим песнопеньем, как другие предназначенные для пользы людей меня славили.

— Хвала Сыну Человеческому, — сказал Созерцатель Звезд. — Кто же первый из людей изготовил тебя (в причащение)? Какого благословения достиг он этим? Какую пользу получил?

Беспорочный бессмертный Сын Человеческий ответил мне следующее.

— Первый, кто изготовил меня для причащения (еды), был Вивонао. Он достиг того благословения, получена им была та польза, что у него родился сын Йима, многославный безукоризненный вождь племен, знаменитейший из всех рожденных людей, каких только видело когда-либо солнце, потому что он сделал так, что в его царствование не было смерти ни людям, ни скоту и не было засухи ни воде, ни деревьям и нигде не переводилась пища.

— В обширных владениях его не было слышно ни про холод, ни про жару, ни про старость, ни про смерть, ни про зависть, созданную

дьяволом. Все расхаживали пятнадцатилетними юношами, как отец, так и сын, пока на земле царствовал Йима, безукоризненный вождь народа, Вивонао.

— Кто второй изготовил тебя на земле для причастия (еды), Сын Человеческий? Какого достиг он благословения? Какую получил он от этого пользу?

Беспорочный, бессмертный Сын Человеческий ответил мне:

— Второй человек изготовивший меня в этом мире, был Атве¹. Он достигнул такого блаженства, получена им была та польза, что родился у него сын Третоно², обитавший в селениях богатырей и убивший Змея Дохаку, имевшего три пасти, три головы, шесть глаз, тысячу сил, врага чистоты, этого черта из племени дьяволов, вредившего живым существам злого, в лице которого сатана произвел в этом мире черта самого зло-вредного всему непорочному, на смерть непорочности в мире.

— Кто третий изготовил тебя, Сын Человеческий, на земле для причастия (еды)? Какого благословения он этим достигнул? Какую пользу получил?

На эти слова ответил мне Сын Человеческий беспорочный, бессмертный.

— Третий человек, изготовивший меня на земле для причастия (еды), был Трито. Им было достигнуто то благословение, получил он ту пользу, что у него родились два сына: Урва-Кшайя и Керес-Аспа³, из которых первый был блюстителем веры и правды, а второй был гайсу, высокий, ростом бодрый, вооружавшийся палицею. Он убил змея, сразу глотавшего лошадей, глотавшего людей, ядовитого, земного, по длине которого зеленый яд протекал толщиной в большой палец. Керес-Аспа около полудня готовил себе в котле пищу на этом змее: змей загорелся и взвился. Он выскочил из-под котла, утонул в протекавшей поблизости воде. Потрясенный его движением, отшатнулся назад сам мужественный Керес-Аспа.

— Кто четвертый человек изготовлял тебя на земле для причастия (еды)? Какое благословение им было достигнуто? Какую пользу получил он от этого?

На вопрос мой ответил мне Сын Человеческий беспорочный, бессмертный:

— Четвертый человек Поурушаспо изготовил меня на земле для причастия (еды). То благословение было им достигнуто, ту пользу по-

¹ По транскрипции Коссовича смысл мне не известен, как и Вивонао и Йимы.

² Траетаоно по транскрипции Коссовича.

³ Урвакшайо и Кересаспасча по транскрипции Коссовича.

лучил он, что от него родился ты, праведный Созерцатель Звезд в доме Поурошаспы, враг дьяволов, поклонник света, досто­с­лавно известный в Арийской земле. Ты первый, Созерцатель Звезд, дал людям слышать слова молитвы: «Досто­сла­вен тот»¹ без напева, вслух, и ее же в звучном песнопении. Ты, Созерцатель Звезд, заставил всех дьяволов, рыскавших прежде по земле в человеческих образах, укрыться под землю, ты, могущественнее которого, тверже, деятельнее, быстрее, победоноснее не было между разумными созданиями.

Услышав это, Созерцатель Звезд сказал:

— Хвала Сыну Человеческому! Бла­г, Человеческий Сын!

Искать здесь аллегорического смысла в именах двух убитых змеев, Дахак и Сварары, мне кажется, так же трудно, как и в имени русского сказочного Змея Горыныча. Но все же нельзя не отметить в этих четырех, причастившихся Сыном Человеческим, аллегорического описания четырех сезонов года, как это астрологически представлено в Апокалипсисе четырьмя созвездными животными: Тельцом — символом питающего лета, Львом — символом пожирающей осени, Центавром-стрельцом — символом все убирающей зимы и крылатым конем Пегасом — символом взлетающей к небу весны. И здесь, как только ты вдумаешься в смысл имен и в характеристику четырех причастников — оказывается то же самое.

Первый, причастившийся Сыном Человеческим, назван Вивонатом вероятно, от — живу, соответствует оживляющей весне, аллегорически представляемой первым апокалиптическим животным созвездием Тельца, поднимающего Солнце на своих рогах, от него как бы родится следующее от него созвездие — Близнецы, и вот сыном Вивоната и называется Йима, что значит близнец, а в Ведах говорится даже и о двух близнецах Йиме и Йоме. И все были юны в их царствование, как и близнецы на небесных картах рисуются юношами.

Второй, причастившийся Сыном Человеческим, был Атвя или Аптя — это соответствует созвездию Льва, второму апокалиптическому животному. У него родился сын Трайтона, символизирующий по­видимому, Волопаса, заменяющий созвездие Девы и убивший змия Дахаку с тремя головами, т.е. Гидру, находящуюся под созвездием Девы и Волопаса.

¹ Т.е. досто­сла­вен тот, кому подвластна природа и ее движения и святость его в такой же степени наполняет пространство и время. От него исходят бла­гие помыслы для деяний в этом мире. Творцу света принадлежит власть. Он податель пищи неимущему. Славьте его благие воды, славьте воды благого создания. Будьте верны закону, чтущему творца.

Третий, причастившийся Сыном Человеческим, выходит созвездие осени Весы (вместо апокалиптического Центавра-Стрельца.) Тогда первым из его двух сыновей как раз и будет попирающий скорпиона Змиедержец — Урва-Кшайя, т.е. царь (небесного) города¹, блюститель веры, как выходит и по апокалиптическому смыслу. А второй сын — Керес-Аспа, т.е. Легкий Конь, соответствует как раз следующему созвездию — Центавра-Стрельца. Он, — говорится в рассказе, — варил пищу под Змеем Срварою, т.е. на созвездии жертвенника, а змей «загорелся от этого, взвился», как и видно на астрологической карте, и утонул в протекающей поблизости воде, т.е. Млечном Пути.

Четвертый, причастившийся Сыном Человеческим, был Поурош-Аспа, т.е. Огромный Конь, т.е. четвертое сезонное животное Апокалипсиса — созвездие весны крылатый конь Пегас, действительно огромное созвездие, заменявшее и созвездие Рыб. От него и родился сам Созерцатель Звезд — Заратустра, т.е. следующее созвездие Агнец-Овен, символ евангельского Христа.

Отсюда и входит, что Зара-Тустра — Созерцатель Звезд — только новое прозвище «Великого царя», основателя христианского богослужения, который у нас отождествляется с императором Юлианом — Любомудром.

Но мне нет даже надобности настаивать на астральном происхождении исследуемого рассказа. Нам важна только основная его сущность, а она явно относится к области мифов о возникновении таинства христианского причащения, поводом к чему послужила легенда о тайной вечери евангельского Сына Человеческого, где он подал ученикам своим чашу с опьяняющим виноградным соком, сказавши: «Пейте из нее все, это моя кровь», а хлеб для закуски этой крови он назвал своим телом, по-гречески «сома», так же как и в санскритском называется и опьяняющее растение Асклепия, носящее, кроме того, и имя Человек или, что тоже самое, но легче для приспособления к растению, — «Сын Человеческий».

Да и самая Чаша евангельской тайной вечери фигурирует здесь как важная принадлежность культа. Когда в вышеприведенном рассказе из «книги, данной против демонов (Вендидата)» Сатана спросил Созерцателя Звезд: «Где у тебя оружие, которым ты сразишь меня и моих созданий?», Созерцатель Звезд отвечал: «Святая ступа (где толкли зерно для хлеба до изобретения жерновов), святая Чаша, Сын Человеческий (превратившийся, как мифический Нарцисс, в одноименное растение, ина-

¹ Урва — город, а Кшайя — царствующий.

че называемое Сомой, т.е. человеческий телом), и слова, изреченные Творцом, — вот мое несокрушимое оружие!»

Мы видим, что в этом культе фигурируют все отличительные черты первичной христианской идеологии средних веков и притом сохранившиеся вдали от европейской, ушедшей далеко вперед культуры в более первичном состоянии, так что изучение азиатских ответвлений первичного христианства может нам осветить обратным путем его состояние в Европе в первое время его возникновения.

Вот почему продолжение такого рода исследований, как начатое здесь, имеет не меньшее значение для научного освещения первых стадий эволюции европейского христианского мировоззрения, чем изучение низших типов растений и животных для восстановления эволюции высших биологических организмов.

А в основном выводе из всего сказанного мною, мне кажется, нельзя сомневаться: Зенда-Веста — Святая Весть — это перифраз имени, причем слово Евангелие и значит по-гречески Добрая Весть. Зара Тустра или Зоро-Астр, т.е. Созерцатель Звезд, будто бы автор этой Святой Вести — одна из вариаций легенд об императоре Юлиане-Любомудрце, истинном основателе христианства (361—363 г.), — но это еще не значит, что в настоящем своем состоянии она и была выработана им, а не его последователями вплоть до наших дней.

Относить ее в VIII веке до начала нашей эры вместо VIII века после него значит предаваться историческому авантюризму. Против того, что она господствовала в Персии до вытеснения ее исламом — как местное занесенное балканскими славянскими миссионерами христианство, вытесненное магометанством, — возражать нет причин, особенно если допустить, что сделал это Магомет Газни, умерший в 1030 году. Но думать, что это однажды сделал еще ранее его мифический Александр Македонский после своей женитьбы на персидской царевне Роксане около 832 года до начала нашей эры, и что потом через 661 год небытия религия эта была восстановлена в первоначальной чистоте персидским царем Ардгишром Вабегатом в 229 году нашей эры, — это то же самое, как попытаться восстановить теперь в СССР поклонение древнему славянскому богу Перуну, после его тысячелетнего забвения.

Несравненно проще допустить, считая пророка Магомета из Аравии за миф, — что религия Созерцателя Звезд была первоначальным ответвлением охристианившегося арианства (агарянства) до перехода его в магометанство при Магомете Газни в начале XI века, тогда все и уляжется в логическую связь, какой совершенно недостает при обычных представлениях, как они развиты, например, у Шпигеля.

Глава VI

ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА ОБ АВТОРЕ СВЯТОЙ ВЕСТИ (ЗЕНДА-ВЕСТЫ, ПО-ГРЕЧЕСКИ ЕВАНГЕЛИЯ)

Не успели индийские племена, — говорит д-р Леманн в Копенгагене¹, — еще освободиться от своей кочевой, первобытной жизни, как уже их первая религия оказывается достигшею полного развития и изложенной в учебной литературе.

Как вам это нравится, читатель? По-моему, ведь это смертный приговор всей древнеиндусской ученой литературе. Великие судьбы, выпавшие на долю индских народов, мало изменили внутренний строй их жизни, и спустя целые тысячелетия мы находим у этих непоколебимых народов те же самые политические условия, те же нравы и жизненные воззрения.

А это, читатель, не кажется ли вам смертным приговором всей индусской истории? Но вот, переходя к персам, автор становится еще наивнее. «Резко развертывается, — говорит он, — жизненная драма персидского народа. Из первобытного периода, совершенно скрытого во мраке, персы внезапно выступают на полный свет истории. Владея удивительными военными способностями, они под председательством вождей, одаренных блестящим политическим талантом, распространяют свое владычество над древними государствами западной Азии и в течение немногих поколений создают мировое государство от Турана до Абиссинии, от Инда до Эгейского моря. Благоразумною терпимостью и введением цивилизующих порядков еще более, чем силою и умом своих деспотических правителей, это громадное государство достигает прочной организации и цветущая культура растет на новой почве до тех пор, пока не разрушается вследствие собственной величины, вместе с внезапным падением государства через двести лет».

Такой, читатель, исторический закон и полезный вывод для правителей: не давайте культуре своего народа сильно развиваться, чтоб не упала от собственной величины и не раздавила вас самих, но пойдем и далее.

Возвысившееся на развалинах древнеперсидского Парфянского царство унаследовало воинственную силу древних персов, но не культуру,

¹ Иллюстрированная история религий. Т. II. С. 161.

и именно поэтому (какое противоречие) не могло утвердиться на продолжительное время. Но должны были пройти целые столетия опустошительных войн, прежде чем уничтожилась навсегда самостоятельность этого народа, и только после его слияния с магометанами мы видим, что язык его и религия постепенно угасает.

От иранских народов, живущих оседло между Каспийским морем и Персидским заливом, следует прежде всего отделить жителей Сузианы. Их нельзя считать ни за иранцев, ни, как думали иные, за сумерийцев древней Южной Месопотамии. Они, как доказывает их язык, — эламиты; но более точное этнологическое определение сузиан до дальнейших исследований невозможно.

Что касается мидян, самого западного из иранских народов и притом ранее всех появившегося на исторической сцене, то нужно прежде всего заметить, что скифы древних писателей по всей видимости находились с ними в племенном родстве. Таким образом, цветущая и даже утонченная культура мидян выросла из недр кочевой скифской жизни. Слияние обоих народных элементов было так тесно, что после Кира и Дария, можно, конечно, говорить лишь только о мидо-персидском народе, так же как и греки упорно называли персов «мидянами».

Остается нерешенным вопрос, действительно ли Кир, основатель Персидского царства, соблюдал мидийские обычаи. Совершенно иное дело с Дарием. В надписях он деятельный почитатель Ормузда и уже это имя ручается за то, что вера имела своим основанием определенно развитое учение Заратустры, так как имя Агура Мазд, или Гоуса Мазд, носит по преимуществу абстрактно-догматический характер этой теологии и без нее немислимо.

Но ведь Заратустру современные историки религии считают за мифический образ. Дело находится в том же положении, как относительно легенды о Будде. Если рассматривать поздние и плохие рассказы о Будде, то можно, пожалуй, думать, что имеешь дело с мифами и сказками; если же обратиться к действительно древним (и хорошим) источникам, то дело явится в совершенно другом свете.

Но почему же, спросите вы, хорошие рассказы более древние, чем плохие? Чем это доказывается? Ничем! Одним желанием историков.

«Сведения о Заратустре, взятые из позднейшей Авесты или из еще более сказочной новоперсидской Заратустровой книги, в значительной мере легендарны, но не таковы древние гимны (Гата): здесь мы видим перед собой человека, облеченного духом и верою пророка, мужа, который жил и страдал, надеялся и боролся, и которого личность и мысли действительно дали религии свой отпечаток»¹. Но

каким же образом определили, — спросите вы, — что «хорошие» гимны древнее «плохой» Авесты, а не наоборот? Опять тут полный произвол. «Гимны, — продолжает автор, — не сама собою выросшая народная религия, представления и обычаи которой насквозь проникнуты суевери-ем и чародейством, как в Ведах. Здесь мы видим строго продуманную и систематически и практически последовательно проведенную теологию, занимающую по отношению к народному верованию, на почве которого она возникла, вполне определенное положение и строго осуждающую в нем все то, что не уживается с системой. Но подобная система указывает на действие одной личности, чем на случайное самообразование идей. Если бы даже Авеста не давала таких богатых доказательств существования Заратустры, каких и следовало ожидать от такой книги, то о существовании подобного ему человека следовало бы заключить уже на основании характера его произведения».

И вот, значит, Заратустра, — говорят нам, — несомненно существовал. Отечество его всеми восточными источниками относится к западному Ирану и «самые лучшие из них определяют его в северо-западной окраине Мидийского царства. Именно здесь нужно искать область Ариана-Бэджа (т.е. арианское ведение), на которую Авеста всегда указывает как на страну пророка; также и Бундехеш упоминает, что он там жил». Так можно ли в этом сомневаться? По другим известиям он даже родился в Гецне, в самой Атропатене, и проживал в городе Раге.

В Авесте он часто называется по имени своего предка Спитама; если же судить по имени пророка (которое, вероятно, значит «богатый верблюдами») и его отца Пурушаспа («богатый лошадьми»), то он принадлежал к богатому роду. При дворе царя Гистаспа он имел влиятельные связи. С Ямаспой, министром царя, он находился в дружественных отношениях и даже женился на его племяннице Хвови, и с тремя его сыновьями связывается сказание, что от них происходят три иранские сословия: жрецы, воины и земледельцы.

Но вокруг этих исторических (?) данных, — говорит д-р Леманн, — которые и сами по себе довольно скудны, а за совершенной неопределенностью их хронологии висят как бы в воздухе, создался с течением времени цикл более или менее баснословных легенд. Черти и змеи угрожают во сне уже матери будущего пророка, но она видит также, как он, окруженный лучами света, разгоняет силы мрака; рассказывалось еще, что он засмеялся при своем рождении и с победоносным превосходством преодолел все напасти и затруднения, которые готовятся ему еще в детстве царем злых духов (Дурансаруном). От угрожающих ему тай-

¹ Шантепи-де-ля-Соссей. Т. II. С. 167.

ным убийством, огнем и дикими зверями, Заратустра спасается чудесным образом, благодаря божественной силе; взрослым юношей он высказывает открыто свое отвращение от волшебства и вскоре после этого призывается к пророчеству могучими сновидениями. Откровение, сообщившее ему всю мудрость, воспринимается им в разговоре с самим Ормуздом на небе, куда он был отнесен ангелами.

Здесь опять встречаем мы отголосок сказаний о Христе (Ведидад XIX). По приказанию дьявола один из демонов бросается на Заратустру, чтоб уничтожить его, но пророк отражает его святыми молитвами и затем сам нападает на демонов, бросая в них большими камнями (метеоритами). Дьяволу становится страшно, и он старается уловить обещанием земного господства. Но Заратустра определенно отказывается, говоря: «Лопни мое тело и моя душа, но я никогда не оставлю закона поклонников Тора Мазды».

О дальнейшей жизни Заратустры легенда рассказывает еще целый ряд чудес, имеющих обычный легендарный характер. Многие полагают, что Заратустра, в качестве пророка, выступил в Бактрии. Однако установлено, что древний Гистасп не был бактрийским царем; ни одно слово в Авесте не указывает на это, а греческие известия показывают, что он царствовал в Западном Иране, в Мидии. Таким образом, чудесное путешествие Заратустры в Бактрию является совершенно излишним. Заратустра, как равно и его жрецы, называют себя постоянно и исключительно атраванами, жрецами огня.

Прежде чем мы попытаемся представить главные черты этой религии, нам нужно вкратце рассмотреть ее литературу. Прежде всего обращает на себя внимание Авеста персов. Авеста значит «знание» (русское весть), и пророк получил его в беседах с богом, чтобы возвестить его людям. Название «Зенд-Авеста», которое часто приходится читать, значит приблизительно предание вести, соответственно Ведам — ведению.

Первоначальная Авеста, — говорят нам, — вероятно, представляла обширную литературу, которая обнимала собою также всю область науки. Но наибольшая часть ее давно погибла; согласно маловероятному преданию, она была уничтожена Александром; скорее в этом виноваты были арабы. То, что имеется в нашем распоряжении, состоит, к сожалению, из отрывков, притом в плохой редакции и на языке, который, особенно в самых важных частях книги, очень трудно понимать. Первые рукописи ее были принесены в Европу французом Анкетилем, который в качестве колониального солдата жил в Индии в течение семи лет. Затем датский лингвист Раск (который впервые правильно определил историческое значение языка Авесты) нашел в Индии другие важ-

ные манускрипты ее. Объяснение текстов было научно обосновано Бюрнуфом (1801—1852), критические издания дали Вестергард и Гельднер, словарь — Юсти, комментированные переводы — Шпигель и Дармстаттер. Но преимущественная заслуга исследования Авесты принадлежит Виндишманну.

Наша Авеста распадается на различные части, из которых Книга Жертв (Ясна) содержит гимны, которые произносятся при жертвенных действиях. Часть этих гимнов, так называемые гаты, или песнопения, вследствие своей более широкой формы языка, древнеарийского размера и темного, сжатого способа выражения, признаются за самую древнюю часть этой литературы. Часто они цитируются в поздней Авесте почти так же, как мы приводим библейские тексты; делались даже попытки, подражая диалекту гат, сообщить позднейшим поэтическим произведениям старинный оттенок.

Жертвенные песни — яшты — более новы. Форма языка их легче, изложение пространное и менее искусное, часто вполне тривиальное. Как гаты являются важнейшим источником нашего знания об учении Заратустры, так яшты важны в качестве источника сведений относительно образов авестийских богов; много мифов и сказаний о богах и героях древности рассказываются в них вполне обстоятельно и наглядно. Вендидат, книга закона, как уже можно видеть из самого названия «Данный против демонов», есть по преимуществу книга очищений; тут мы видим этику и право мидо-персов. Для иранской археологии Вендидат является главным источником, так как в нем мы встречаемся с нравами, обычаями и суеверными представлениями, но изображение их вполне в духе Заратустры и редакция всей книги очевидно очень нова: географический обзор мира, которым начинается эта книга, помимо святой земли Ариана-Вэджи, упоминает только провинции «Западного государства». Это единственная книга из Авесты времен Сассанидов, которая дошла до нас в целом виде; она начинается космогоническими объяснениями и заканчивается концом мира. Ясны и Вендидат образуют в обычном делении, вместе с небольшим жертвенным молитвенником Висперед, собственно Авесту, а яшты перечисляются в сокращенной Авесте, небольшой молитвенной книге, в которой помещаются также молитвы, читаемые мирянами и предназначенные для различных времен дня и года.

Знание авестийской религии, которое дают нам эти фрагменты священного писания, очень отрывочно; но пополняется другими сочинениями. Прежде всего обращает на себя внимание Бундегеш и другие произведения, относимые ко времени Сассанидов и написанные на пехле-

вийском диалекте, которые содержат в себе позднейшую, создавшуюся на почве Авесты, теологию парсизма. Греки, имевшие с персами такие оживленные сношения, посвящали персидской истории много интереса. Известия Геродота часто подтверждаются надписями, так же как и известия Бероза, и, напротив того, Ктезий, якобы живший при персидском дворе, совершенно ненадежный свидетель. Киропедий Ксенофонта отличается романтическим характером, но можно пользоваться сочинениями Страбона и Плутарха, считая их, конечно, не ранее крестовых походов. Латинские источники еще более скудные.

Из арабских и армянских известий средних веков Арабская хроника Табери переведена Нольдеке (1879), но она не важна для знания персидской религии. Больше дает сочинение Шарастани «Религиозные партии», переведенное Хаарбрюкеном (1850—51). А армянские известия о древнеперсидской религии переведены Ланглуа (1868—69).

Нельзя не заметить, что Авеста не содержит в себе одно лишь чистое учение Заратустры, но что изложенная в ней религия часто является конгломератом из различных верований. Уже первый гимн Ясны, призывав господствующих богов и ангелов Заратустрова учения, продолжается:

«Я приношу в жертву звездам, созданиям святого духа, звезде Тиштрии (Сириусу), блестящей чудной звезде; луне, которая обладает семем тельца и блестящему солнцу с мчащимися конями, оку Ормузда; я приношу жертву духам — покровителям праведных и тебе, огонь сын Мазды, вместе со всяким другим огнем; доброй воде и всяким созданным богом водам; и сякому богом созданному злаку».

Здесь за немногими исключениями являются те же самые объекты почитания, как и во всякой еще первобытной религии.

Почитание стихий, играющее важную роль в системе Заратустры, так же как и связь между высшими духами этой веры и стихиями, указывает с разных сторон на первоначальный культ природы.

Есть также и анимистический пережиток в Авесте: духи-покровители, число которых бесконечно, по собственному признанию Авесты, суть души умерших, имеющие характер древних семейных и местных духов, каких можно встретить повсюду на свете. Злые духи и черти прямо кишат в Авесте.

Сказания и обычаи скотоводства обнаруживаются на каждом шагу. Святость коровы и собаки для парса стоит столь же незыблемо, как и святость самого Ормузда, и с этими животными связаны такие мифы и обычаи, из которых достаточно ярко выясняется вера в их сверхъестественную силу. Создание растительного и животного мира из убитой первокоровы принадлежит у иранцев, как и у многих других народов, к

числу первых космологических представлений. Давать обильную пищу коровам составляет не только само по себе священную обязанность, но и обыденный образ выражения для исполнения обязанностей вообще. Как у индусов и многих других народов, так и в Авесте бычачья моча составляет самое священное очистительное средство, несмотря на то, что по авестийской этике моча в высшей степени нечиста и воняет. Собаке в «Вендидад» посвящаются одна за другой целые главы; она прогоняет чертей и убить ее опасно. Она, как творение Ормузда, вполне равног достоинства с людьми. Большая часть практической этики Авесты может быть понята лишь с пасторальной точки зрения, не говоря уже о представлении рая в виде картин из пастушеской жизни со старым пастухом Йима в роли охранителя блаженных.

Но наряду или над этими отголосками скотоводства мы находим в Авесте небольшой ряд индогерманских мифов и сказаний.

Так, в сказании Авесты о Йиме-царе мертвых оказывается, что конец мира будет чем-то вроде зимы, полной холода и мрака, из которой затем должно было произойти состояние блаженства в виде вечной весны в раю у Йимы. Это представление не соответствует системе Заратустры, на основании которой мир должен погибнуть через огонь, и только праведные спасутся от этой катастрофы. Но авторы Вендидада не сознают противоречия и сказание это приводится в числе многих других, как один эпизод общего хода мировых событий. В иранском сказании о борьбе героя Трэтаона со змеем Ази-Дахака мы находим черты, напоминающие даже германские мифы, а также и апокалиптическое пророчество. Так Дахака, побежденный героем, не убит, но привязан к скале Демавенда и должен находиться там до последних дней, производя своими конвульсиями землетрясения. Так и у германцев змий Локи был привязан Тором; и если дракон перед решительной битвой вырывается из своих оков и в рядах злых выступает против богов, то это сказание опять напоминает миф о волке Фенрисе.

Гораздо чаще встречаются в Авесте совпадения с индусами. Связь между иранцами и индусами в древности признается такой тесной, что круг сказаний Авесты многие считали почти однозначим с кругом ведийских преданий и обе религии выводили из одного общего корня. Так, бог Митра является и в Ведах, и в Авесте, где он функционирует в качестве судии мертвых. Но и он, и Сома, божественный, жертвенный напиток, общий обоим народам, странным образом не упоминается в гатах.

Более прочную опору представляет родство между индийским названием богов асура и иранским словом агура, которое не только обра-

зует главную составную часть в имени высшего бога Агура-Мазда, но, как нарицательное имя, обозначает и весь подчиненный ему мир духов. Здесь мы находим действительную общность, полную значения; поклонение Асурам (от еврейского Ассур — вождь), неоспоримо бывшее основным культом в арийское время, сохранилось в Иране и развилось там в официальную теологию, между тем как в Индии оно все более и более уступало место почитанию Дев. Но боги-Девы в иранской религии должны были отдать свое имя для дьяволов, совершенно подобно тому, как и в Индии Асуры сделались злыми существами. Девы были божествами древних арийцев, от которых отреклась жреческая теология и на которых она мало-помалу стала смотреть как на дьяволов.

Как у индусов есть Яма, так и у иранцев бог Йима (по-еврейски Эло-Им), и можно доказать, что первоначально это было одно и то же божество, хотя в обоих религиях они имеют далеко не один и тот же образ. Индийский Яма есть прежде всего бог мертвых, царь преисподней, а персидского Йиму в этом звании мы встречаем лишь в исключительных случаях. Йима у иранцев является отцом-покровителем первобытного человечества и авестийская теология делает даже попытку согласовать древнее почитание Йимы с позднейшим почитанием Заратустры. Ормузд (говорится в Вендидат) сначала избрал Йиму для того, чтобы открывать на земле небесную истину. Но он отказался, предоставляя это будущему Заратустре, и удовлетворился добрыми делами: охранять творение, помогать ему и делать его счастливым. В его время был золотой век, так Йима был блестящий, богатейший, великолепнейший из рожденных, которого освещало солнце. Все живущее так размножалось, что Йима должен был до трех раз расширять землю, чтобы дать место. Во время его не было ни холода, ни жара, ни старости, ни смерти; ни вода, ни растения не сохли, а люди и животные были бессмертны и вечно юны.

Для выяснения соотношения между Ведами и Зендавестой отметим, что авестийское слово для обозначения понятия «победоносный» — Веретрагна (т.е. убийца Вритры) доказывает, что иранцы также имели этот миф. Слово удержалось в имени бога победы Веретрагни. Имя Индра имеется также в Авесте, но лишь как название второстепенного бога. Предполагалось, что Ормузд есть то же, как и Варуна, что Тратаона — есть индийский Тратана и т.д.

Но наибольшая часть авестийской религии возникла на иранской почве. В Авесте предполагается, что для помещения мертвых устраивается особенное здание (дакма), но вместе с тем упоминается и о первобытном способе выставления в горах и других пустынных местностях,

и о сожигании трупов, ибо Авеста энергично восстает против этого нечестивого обряда; но уже отмеченное нами название погребального места Дакмой (что значит костер) выдает, что сожжение ранее было обычным способом погребения среди иранцев.

«Здесь, — говорит д-р Леманн, — был истинный культ огня, а не только признание его в качестве священной стихии; в этом заключается различие от индийского почитания Агни; уже одно то, что название огня у двух соседних и родственных народов различно: у индусов агни, а в Авесте атар — в высшей степени замечательно». В борьбе со злым началом мы встречаем огонь в сказании о битве между Атаром и драконом за царскую славу. Ормузд посылает свой огонь, а Ариман — дракона, чтобы овладеть ею. Они преследуют один другого, дракон одерживает перевес и царская слава спасается бегством в озеро Вурукаша, где Сын воды принимает ее под свою защиту. Один злой туранец голым бросается в озеро, чтобы похитить ее, но озеро вздымается и дает возможность славе уплыть подальше. Трижды повторяется одно и то же, и туранец при всей своей ловкости не может ее схватить. Она приплывает к царю Ирана и приносит ему плодородие, богатство и уважение, остается у него, и он уничтожает все неарийские народы.

Боги в Авесте называются Язатами («достойные почитания»), а в клинообразных надписях употребляется слово бага — русское «бог», откуда богатырь. Затем идет еще ряд духов, полубогов и героев, а всему этому миру богов противостоит царство демонов с дьяволом Ариманом во главе.

Аура-Мазда (в клинообразных надписях Аурмазд, позднее Ормузд) значит мудрый дух или «господь». Это древнее божество иранских племен. В одной хвалебной песне он чувствует так:

«Я назначаю эту жертву творцу Агура-Мазда, лучезарному, величайшему, высочайшему, непоколебимому, мудрейшему, великолепнейшему по телу, высшему по чистоте, который создал нас и дал нам образ, святейший дух, который нас питает».

В другом месте он называется «познанием и мудростью, всевидящим, совершенной святостью, высшей благодетельностью, непобедимым защитником хранителей».

Он представляется в виде царя с тиарой, с кольцом и со скипетром, а также с крыльями птицы. Его святость, чистота и справедливость — образуют в Авесте троичное единство. Он сотворил этот мир и часто называется творцом всех вещей, хоть теологи и говорят, что лишь вещи, принадлежащие к царству добра, берут от него свое начало. Благочестивым, которые веруют в него и поступают по его справедливости, он

обнаруживает себя как благодетельный хранитель и помощник. Вся природа охраняется им, и когда нужно, поддерживается его добрыми духами, чтоб не портилась, не увядала и не разрушалась.

Но хотя Аура-Мазда есть самый непреодолимый и великолепный, однако его могущество, как и христианского бога, имеет свои границы. В течение этого мирового периода он лишь с помощью чистых сил, и прежде всего благодаря участию людей, верующих в него, одержит окончательную победу над противником Ариманом. Весь культ Заратустры более или менее относится к участию человечества в поражении злого Аримана.

Вокруг Аура-Мазды стоит его небесная свита слуг, семь «бессмертных святых», которые все семеро имеют одну и ту же мысль, говорят одно и то же слово, совершают одни и те же деяния, «помня благие мысли, слова и деяния и созерцая рай; пути их светлы; они помогают приносящему жертву» (Яшты 17).

Двое величайших из них — дух Благомыслия и дух Справедливости. Далее следуют дух Вожделенного Царства и дух Святого Смирения, дух Совершенства, дух Бессмертия и дух Послушания. Абстрактный характер их имен навел Дармстетера на мысль, что здесь являются идеи позднейшей и чужой философии. Он вспоминает о неоплатонизме, в особенности в его философской форме, и делает предположение, что теперешняя Авеста представляет собой отчасти обратный ее перевод с греческого языка. Это смелое по его времени предположение он распространяет и далее, доходя до утверждения, что гимны, в которых Амеша-Спенты играют значительную роль, как в силу этого обстоятельства, так равно и в лексическом отношении, составляют самую новую часть Авесты.

«Столь странные выводы, — восклицает Шантепи-де-ля-Соссей (II, 186), — понадобились для того, чтоб объяснить поразительный идеализм и абстрактность семи бессмертных святых! Тем не менее их идейный и в то же время личный характер является прочно установленным, как первоначальное, основное определение Заратустры. Таким образом, Дух Справедливости является и покровителем огня, дух Святого Смирения покровителем земли, дух Вожделенного царства — металлов, дух Благомыслия — скота, дух Совершенства — покровитель растений и дух Бессмертия — воды.

Все в мире, по Зенд-Авесте, распределено в системе классов, из которых каждый поставлен под наблюдение какого-либо определенного существа. Этот надзиратель называется ратуном; он есть типический представитель своего класса (как, например, есть ратун четвероногих)

и в то же время начальник, которым управляется и охраняется этот класс. И во главе всей этой правительственной системы стоят Бессмертные Святые, как ратуны самого высшего порядка, которые, подобно министрам, управляют миром от имени Ормузда и осуществляют его волю. Эти деятельные духи в религиозном сознании часто выдвигаются на первый план и на них смотрят не только как на наблюдателей и покровителей, но и как на создателей и руководителей мира; однако же права Аура-Мазды остаются при этом нерушимыми, потому что все то, что создали семь бессмертных, остается все-таки творением Мазды, всегда ему принадлежащим миром, в котором они только управляют, содействуют и поддерживают порядок. Даже и они сами суть его творения.

Внешний образ семи бессмертных святых так же разнообразен, как разнообразны и те религиозные функции, которые они выполняют. Все они вообще представляются личными существами. Так дух Святого Смирения есть женское существо и как богиня земли, жена и дочь Аура-Мазды, она же и мать первого человека (Гайомаретана) и через него всех людей. Дух Благомыслия, наоборот, мужчина; чрез него, как через христианский Логос, Ормузд сотворил землю и этот дух не только величайший, но и прежде всех сотворенный из семи; через него дано было откровение закона; он привратник неба, который в своем золотом седалище встречает освободившуюся душу. Духу Справедливости (Аша-Вагисту) присвоена вся законоспособность. В загробной жизни он заведует исполнением наказаний. В особенно же абстрактном виде представляется дух Божьего Царства, т.е. грядущего, ожидаемого царства, которое мы стремимся приобрести сами и распространять среди других людей. Совершенные же абстракции представляют собой и духи Совершенства и Бессмертия. А дух Послушания представляется, напротив, в живом пластическом виде; он изображается как жреческий бог и напоминает Агни. В природе это бог утренней зари; ему посвящен петух, который призывает людей к деятельности и труду. А ночью он стержет дом и очаг; в особенности же оказывает помощь бедным и с поднятым оружием защищает творения Мазды против нападения демонов. У него всегда есть дело; он не может спать. Перед ним преклоняются все демоны и с ужасом бегут от него в ад. Он самый крепкий, самый храбрый, самый быстрый из юношей; он едет в виде вооруженного копьем воина на четырех белых конях, блестящих, быстрых, золотокопытных; его славные палаты, поддерживаемые тысячью колонн, построены на Эль-Урзе; внутренность их сверкает собственным светом, внешняя сторона подобна блеску звезд. Охранительная деятельность духа Послушания простирается также и на будущую жизнь человека; он проводник

душ, сопровождающий их на исполненном опасностей пути мертвых. Он же судья над умершими. Он готовится будущую жизнь также и борьбой, которую он ведет против демонов в последние времена мира заодно с Ормуздом. Возникнет борьба между ним и Эшма — дьяволом, соответствующим апокалиптическому «Зверю с семью головами», и только после того, как он победит его, Ормузд сможет даровать рай блаженным. Как вполне разившееся божество, он находится в связи с Мифрой, который чужд учению Заратустры.

«Происхождение персидского Мифры, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (II, 189), — для нас неизвестно; он появляется только в более поздней (?) Авесте, уже с пышным могуществом и с правами бога, получившего полное право гражданства. Говорится, что Агура-Мазда создал его столь же великим и достойным жертв, как и он сам».

Слово Митра означает в Авесте «верность» (как в санскритском митрам — друг, обманывающий Мифру и клятвопреступник однозначные слова). Но это еще не значит, чтоб такое значение не пришло сюда из Великой Ромеи, где Митра — значит по-гречески коронованный.

Кто нарушает ему клятву, тот оскверняет страну так, как сто еретиков, и его поразит Мифра, имеющий тысячу ушей и тысячу глаз, бдительный и проворный, коней которого никто не может догнать. В гневе он разрушает тот дом, деревню, город, страну, где кто-либо поступает против него. Но кто сохраняет ему верность и чтит его жертвами, тому он ниспосылает благословение и победу. Если сам он не бог солнца, то его предвестник, «который, как первый бессмертный святой, восходит над Эльбрусом», впереди солнца, первый достигает золотистых прекрасных его вершин и обозревает все арийские (т.е. арианские) владения. Но уже самое восхождение его над Эльбрусским хребтом на южном берегу Каспийского моря показывает нам, что миф о нем пришел с запада через христианскую Армению, история которой вплоть до Багратидов (859—1046) должна считаться мифом, в который могли войти путем смешения сходных имен детали даже из германской жизни.

Юношеский образ, в котором Митра является в Яштах и впоследствии побеждает полмира, невольно сближает его с императором Юлианом, уничтожившим арианский культ созвездия Тельца и заменившим его почитанием созвездия Овна, сгорающего в огне вечерней зари при наступлении весеннего равноденствия.

Богиня Анагита, упоминаемая вместе с Митрою в надписи Артаксеркса Мнемона, несомненно, пришла от ариан. Характер и ее культ указывают прямо на семитическое происхождение. Сильная и непорочная, она заставляет все потоки и моря разливаться по семи частям све-

та и сама называется великим потоком, который стекает с гор в океан. Она в мужчину вкладывает семя, в женщину зародыш, дает благополучные роды и производит своевременно молоко в грудях матери.

Анагита изображается в образе женщины сильной, лучезарной и прекрасной, с полными белыми руками. Культ ее, как сообщает Страбон, отправлялся среди многих церемоний, около рек и озер. И в ее храмах, которые в позднейшее время находились в глубине Армении, молодые девушки должны были проституироваться в честь богини; греческий повествователь рассказывает, что дочери лучших фамилий предавались этому служению и что это не считалось для них позором. Эта черта показывает нам, что мы имеем здесь одну из форм культа Милитты, или Астарты, который распространился по всей передней Азии¹. А ее изображения прямо напоминают христианскую деву Марию. (рис.)

Очень часто упоминаются в Авесте ангелы-хранители Фравашы (новоперсидское Фервер); целый длинный гимн (Яшт 13) посвящен им одним. «Они более величественны, сильны и победоносны, чем можно выразить на словах; где есть люди, охотно приносящие жертвы, они являются туда 10 000 раз; в битвах они сражаются каждый за свое собственное жилище и свою родину, подобно тому, как обороняется герой или храбрый воин, на колеснице, опоясанный колчаном. Если они благоволят к людям, то приходят к ним подобно прекрасно окрыленным птицам; являются для них мечом и щитом, наступлением и обороной против злых духов и неверных насильников и против все умерщвляющего, неверующего Аримана, подобно тому, как сильный человек защищает слабого. Но эти ангелы изображались в виде египетских сфинксов, чем и обнаруживают, что их культ пришел из Ромейского Египта.

Естественный по самой своей природе религиозно-философский дуализм, так неудачно затушевываемый в новейшем христианском учении позднейшей идеей о всемогуществе творца миров, который на деле все же не может до сих пор справиться с сатаной, обнаруживается в Зендавесте еще в полной мере.

«И в начале были два духа, подобные близнецам, и каждый из них был сам по себе». Когда они встретились, то создали прежде всего жизнь и смерть и назначили, чтобы преисподняя служила для злых, а небо для праведных». Злой дух избрал себе злое дело, а святой дух праведное, и избрал себе тех, которые чистыми поступками угождают Аура-Мазде.

Вся мировая жизнь представляет непрерывно продолжающуюся борьбу между этими двумя силами, и мировая задача состоит в пре-

¹ Яшт 5, а также Виндишманн: Персидская Анагита, 1956.

одоления зла и восстановления единой державы Ормузда и его верных. Ариман (в Авесте Ангро-Майнью) значит дух муки. Подобно Ормузду, он действует не как персональный дьявол, а скорее как дух противоречия; точно так же и Ормузд в противоположность ему понимается всегда как спента майнью — святой дух. Но как Ормузд окружен своими бессмертными святыми, так и Ариман повелевает бесконечным сонмом бесов, ведьм и чудовищ, которые выполняют в мировой жизни его злые намерения. Общее название для этих демонов дэва (новоперсидское дев) было в более раннюю религиозную эпоху именем богов. Они представляются как принципиально лживые духи, выдают зло за добро и считают его таковым, и Ариман не только думает, что он может помочь злу одержать победу, но он тем самым делает счастливыми своих духов. Из них друджи представляют демонов-женщин, из которых одна называется специально Друдж (обманщица). Она водится с нечистыми людьми и участвует с ними в разного рода преступлениях; у нее четыре любовника: тот, кто не дает верующему милостыни; тот, кто оскверняет свою ногу собственной мочой; тот, кто теряет свое семя; и тот, кто не носит священного пояса. Но если кто искупляет эти грехи, тогда он как «волк» вырывается из ее объятий.

Весь мир наполнен мужскими и женскими чертями, во всех углах они ведут свою игру; ни один дом, ни один человек не застрахован от них, и нужно совершать ежедневные очищения, жертвы, молитвы и заклинания, чтобы удалить их от себя. Всякое зло и порок есть дело определенного черта и к ним прибавляется еще бесчисленное количество чудовищ: колдуны (Яты), действующие посредством коварных фокусов. Пайрики (греческие парки) — злые феи и ведьмы, более известные под новоперсидским названием Пери; и после смерти всякий неверный становится злым привидением.

Склонность персов считать дьявольским все им враждебное обнаруживается в том, что греки и римляне, турки и арабы выступают в качестве военных сил Аримана.

Злые духи могут стать и видимы, и невидимы, и осязаемы, и неосязаемы. Главное жилище их находится на севере, так как им приятен холод и мрак; но они живут и во всяких глухих местах, на могилах, в пустынях и городах; так же и внутри земли, как и во всех мифологиях, существует преисподняя для дьяволов. А первоначальное жилище Аримана переносится в морскую бездну.

Эта война злых и добрых духов ведется во всех сферах. Уже при сотворении мира Ариман, в противоположность каждой доброй земле, созданной Ариманом, тотчас создавал другую землю; в противность хо-

рошему климату — дурной; в противность хорошим животным — ядовитых и т.д. Все, что обнажено и пустынно: болото и топь, скала и степь, являются его излюбленными местами.

9999 болезней разослал Ариман по земле и Ормузд должен был идти к старому Арияману, своему родственнику из рода Асур, и великими обещаниями побудить его к тому, чтобы он удалил их. С демоническим происхождением болезней согласуется то, что говорится о врачебной науке: что из трех целебных средств — ножа, питья и заговора — всегда предпочтителен последний. Но понятия о болезни в Авесте распространяется и на недостатки человека, а боги рассматриваются как врачеватели, обладающие лекарствами. Самое будущее совершенство представляется в виде восстановления первоначального здоровья и непорочности.

Ариман старается содействовать смерти верующих, и чем благополучнее был умерший, тем больше триумф Диавола. Но если умирает один из неверных, то эта потеря для демонского царства сопровождается жалобными воплями бесов.

Священники Авесты, несмотря на их наименование атраваны, удержали и свое первоначальное название магов, т.е. могучих, как называли их и греки. Это имя встречается также и в священной литературе и даже до сих пор в наименовании Мобед <...>. Каждый мог сделаться священником, но, как и у христиан, исполнение ритуала строжайше воспрещалось всякому, кроме посвященного, так что всякий, кто совершал жертвоприношения или очищения, не будучи призван, считался за смертного грешника и подвергался тяжелым наказаниям до обезглавливания, сдирания кожи и смерти на колу.

Занятия священников состояли не только в отправлении церковной службы, но также и в совершении домашних служб, и в обоих случаях их деятельность имела механический характер. Персидский доисламский ритуал был не так обременителен и сложен, как индийский, и в нем не было места для разнообразной веселости, которая часто была связана с ведийскими жертвенными праздниками. Зажигание священного огня, возлияние спиртной сомы, простираание вверх жертвенных ветвей совершались с педантической тщательностью; чтение гимнов и молитв, которые отчасти читались громко и отчасти бормотались про себя, с повторениями и одним и тем же припевом, были монотонны и бессодержательны. Заклинания, как можно видеть из Яшт, часто представляют собой бесконечные повторения пустых именных списков, хотя в одном месте Зендавесты и говорится:

«Бывают многие люди, досточтимый Заратустра, — сказал Аура-Мазда, — которые носят повязки на рту, но которые не препоясывают чресл

своих законом. Если такой человек говорит: «Я — священник», тогда он лжет; я не называю его священником, досточтимый Заратустра. Ты должен называть священником, досточтимый Заратустра, того, кто всю ночь напролет сидит, бодрствуя, и стремится к святой мудрости, позволяющей человеку стоять без страха на мосту смерти, той мудрости, благодаря которой они достигают святого, великолепного райского мира».

Культ огня, который образует составную часть авестийского служения богам, не был, по-видимому, связан с храмом; прежние священники, так же, как в настоящее время мобеда, носили с собой переносные алтари с пылающим в нем огнем, чтобы в любом месте иметь возможность отправлять службу; однако служба в храмах была самой важной и храмы уже в раннее время были в Персии значительными зданиями.

О них можно составить понятие частью по развалинам, частью по устройству современных храмов. Священным местом их является комната, где горит на жертвеннике огонь; она находится внутри здания и хорошо защищена со всех сторон, в особенности против проникновения внешнего света. Там, на квадратном камне, в металлическом сосуде, наполненном пеплом, и горит священный огонь (рис.).

От этого очага и берется всякий новый огонь, который должен гореть в домах. Отсюда мы видим, что в те времена, когда не были еще распространены огнива и спички, храмы монополизировали себе снабжение населения пламенем, ставшим уже необходимым для людей, привыкших к вареной пище. В жертвенном помещении находились для этого всегда многочисленные связки дров и хвороста. В других помещениях отправлялись литургические служения, а возле храмовых колодцев совершались священные омовения, соответствующие крещению христиан. Наконец, к храму принадлежал сад с деревьями, за которыми тщательно ухаживали.

Особенное значение имели в культе Зенд-Авесты жертвенные ветки, называемые баресман и находящиеся, может быть, в связи с ведийской баррис, жертвенной травой. Но они не рассыпались в виде подстилки для сидения богов, а их брали в руки и торжественно поднимали вверх. Их следовало срезать с деревьев при чтении известных текстов и при соблюдении церемоний, в определенное время, обративши лицо к солнцу. Затем они доставлялись в храм в качестве средства для искупления ритуальных проступков. Соответствующий причастному вину христиан спиртной напиток Гаома (очевидно, тот же, что и индийский сома) в Авесте не возводится еще на степень божества, как в Ведах. При всех восхвалениях его божественности, он все так же остается жертвенным напитком; но в высоте своего

значения Гаома не уступает никакому богу; даже боги и герои приносили жертвы исходящему от него опьяняющему святому духу и просили у него себе милостей. Хвала в честь его проходит через всю Авесту; прославляется земля, облака и дождь, которые дают рост производящим его растениям. На самых высоких вершинах Эльбруса опускается с неба, полный небесных сил и спасительных свойств, все может доставить божественный дух, получаемый из брожения гаомы, и все исцелить. Он дает мудрость и блаженство, делает сердце нищего одинаковым с сердцем богача, все дьяволы исчезают в один миг из того дома, куда приносится спасительный святой дух спирта и где его чествуют. Поистине он сильный, мудрый, святой дух.

Не только говорится, что самое незначительное выжимание священного спирта служит для изгнания 1000 дьяволов, но даже и приборы для приготовления его почитаются за великие святыни и им молятся в хвалебных песнях:

«О премудрый, мы почитаем нижнюю часть пресса, которая содержит стебли спиртоносной гаомы; о премудрый, мы почитаем и верхнюю часть этого пресса, которую я надавливаю сильною мужественною рукою», и когда дьявол спрашивает Заратустру, каким оружием он будет уничтожать зло, тот отвечает: «Священные ступы, священные чаши, священный спирт Гаомы и слова, которым научил Мазда, вот мое оружие!»

Так отразился обряд причащения виноградным вином и хлебом в церквах восточно-христианской церкви на религиях внутренней Азии!

При всех этих церемониях религии Зенд-Авесты играют большую роль жертвенные песни, заклинания, молитвы и исповедания веры. После слов: «Я отрекаюсь Сатаны», — следует постоянно: «Верую в Мазду», и это признание имеет свою определенную и освященную формулу, как и второй пункт исповедания: «Блажен муж, справедливость которого совершенна».

В Ясне говорится: если только знать символ веры наизусть и безошибочно произносить его, то можно благополучно перейти через смерть к высшему блаженству, но если забыть треть или четверть его, то можно удалиться от неба столь далеко, как широка и длинна земля.

Множество очищений, обрядов и искуплений сопровождали культ Зенд-Авесты. За сожжение трупа во всякой форме определяется смертная казнь и даются точные указания, каким способом следует снова очистить оскверненный таким позорным делом огонь. Если верующий в Мазду находит в воде падаль, он должен удалить ее из святого элемента, а оскверненная вода должна быть отведена, прежде чем кто-

либо может напиться из этого ручья или пруда. Если корова ела оскверненную падалью траву, то ее молоко в течение известного времени несъедобно, в него вселяются дьяволы.

В течение целого года поле, на котором найден мертвый человек или собака, должно лежать под паром, и если кто-либо умышленно выбросит их на поле, то он должен подвергнуться строгому покаянию.

Насколько женщинам приходилось страдать от этой страсти к очищениям, видно из того, что должна была терпеть роженица после выкидыша. На сухом, свободном от воды месте, вдали от огня, вдали от скота, от верующих, должен быть выстроен деревянный загон, в котором она сидит три дня и три ночи; затем она пьет бычачью мочу, смешанную с золой, чтобы очистить в себе место смерти; потом она может принимать незначительными порциями вареную пищу, а воду может пить лишь по выполнении известных церемоний, так как святой элемент не должен без них входить в ее нечистое тело. Подобным же образом поступают с женщиной и при обыкновенном случае менструаций, и характерно то, что она тогда принуждается к чрезвычайно строгой диете, чтобы дьявол в ней умер с голоду. Обычными же средствами очищения служили разного рода заклинания, из которых некоторые сохранились в Авесте.

«Я отрицаю власть чертей злых, дурных, ложных, злонамеренных; я отрекаюсь от чертей и их поклонников, волшебников и их приверженцев, в помышлениях, в словах и действиях и во внешних знаках», а далее говорится об их изгнании “из этого дома, из этой деревни, из этого округа, из этой страны”. Омования совершались в больших размерах, как в храмах, так и в домах. Самым действенным было омовение бычачьей мочой, которое обыкновенно предпринималось с самого начала, что сближает персов и с другими народами. У индусов вода священной коровы также издавна считалась очистительным средством, а питье мочи роженицами можно еще констатировать в числе недавних суеверий Европы. За омовением мочой следовали омовения водой, которая уже сама по себе обладает освячительной силой; через окропление ею изгоняется дьявол, вошедший в человека, например, от соприкосновения с трупом собаки. Лишь только святые капли достигают тела, он бежит в нем из темени в ухо, оттуда вскакивает в правое плечо, потом в левое, потом в грудь, в спину и наконец выходит наружу из пальцев левой ноги.

Наклонность к культурной жизни уже повсюду обнаруживается в Авесте. Не только пастушеская жизнь, которая является прообразом райской славы, но и земледелие описывается как благополучие и со-

вершенство. На вопрос, где земля чувствует себя всего счастливее, Агура Мазда отвечает: прежде всего там, где больше всего приносятся жертв, где повинуются закону и возносится хвала богам, а затем следует и второй пункт: там, где верующий человек устраивает дом со жрецами и со скотом, с женой и детьми; там, где благоденствует скот и преуспевает святость, и корм, и собака, и женщина, и дети, и огонь, и всякое благополучие. А в третьем пункте: «Там, где верующий больше всего возделывает хлеба, и травы, и плоды, где он орошает сухую почву и отводит воду из сырой», «ибо несчастлива та почва, которая долго лежит необработанной, в ожидании хозяина, подобно взрослой девушке, которая ходит бездетной в поисках мужа; но кто обоими руками приносит работу к земле, тому она приносит богатство, как возлюбленная супруга приносит мужу свое дитя».

Читатель видит сам, что эти строки писаны уже в то время, когда не только было земледелие, но и оросительная система. А в Персии все это совершенно невозможно без всеобщего употребления железных орудий производства.

«Кто сеет хлеб, тот сеет святость», — говорится в Ведидаде, — «когда всходит ячмень, трепещут черти; когда хлеб растет хорошо, у чертей <...>, они не могут оставаться в доме, где собрано много хлеба. Для них это все равно, как если вставить им в глотку раскаленное железо».

А в моральном отношении мы видим тут нечто совершенно обратное евангельскому учению о блаженстве нищих духом: «Домохозяин лучше, чем бездомный; имеющий собственность лучше, чем не имеющий ее; отец семейства лучше, чем бездетный человек; бедность — позор, если она вызвана нерадением». «Кто обоими руками не возделывает земли, то, воистину, должен стоять возле двери и выпрашивать в виде милостыни объедки тех, кто живет в богатстве».

Обилие детей не только почитается в качестве желанного дара (как это видим у мессианцев-евреев) богов, но устанавливаются строгие правила для половых сношений с заботой о том, чтобы не пропали даром ни сила, ни зародыш; кто сделает женщину беременной, тот должен содержать ее; кто в ненадлежащее время имеет с ней сношения или губит зародыш — повинен смерти. Все формы половой противоестественности наказываются самым суровым образом; они составляют неискупимые смертельные грехи и делают человека при жизни дьяволом, а по смерти опасным привидением.

Точно так же мы находим в Зендавесте и такие требования, которые указывают на вполне определенные формы нравственности, сближающие эту книгу с евангельским учением.

Вот, например, обет: «Проклинаю дьяволов, признаю себя поклонником Мазды, последователем Заратустры, ненавистником чертей, перевозчиком семи бессмертных святых. Клятвенно отрекаюсь от воровства и похищения скота; клятвенно отрекаюсь от грабежа и опустошения деревень, верующих в Мазду. Домохозяевам обещаю свободное передвижение и свободное жительство, где бы они ни жили здесь на земле со своими стадами. С искренней покорностью, с поднятой вверх рукой клянусь: впредь не буду грабить и опустошать верующие в Мазду общины, не буду никому мстить на теле, ни на крови». А вот и домашнее приветствие: «Да превозможет в сем доме покорность над неповиновением, правда над ложью, мир над раздором, щедрость над скупостью, справедливость над несправедливостью».

Но еще более сближают с христианством такие места, как «царство небесное предназначено для тех, кто помогает бедным». Соответственно этому в число пособников чертей зачисляется всякий человек, который отказывает в милостыне просящему. Зендавеста говорит нам, что во время поминовения мертвых бедным членам общины давалась одежда и другие дары и торжественно объявлялось, сколько умерший завещал от своего имущества в пользу бедных, и этот обычай удержался у парсов в Индии и в настоящее время и при их богатстве.

Понятно, что там, где предписания морали понимаются в смысле заповедей божества, нарушение их признается грехом. Это до такой степени проводится в Зендавесте, что на весь Вендидад можно смотреть как на кодекс грехов: если человек совершил то-то и то-то, какое наказание полагается за это и какое искупление? Каждый грех обуславливает двойное наказание, одно на земле, и другое на небе. Первое искупается посредством очищений, небесное же наказание можно искупить лишь религиозными действиями. Но существуют и неискупимые грехи, которые не прощаются ни здесь, ни в загробной жизни, здесь они наказываются смертью, а на том свете адскими мучениями; это сожжение трупов, поедание падали и противоестественные пороки. Исповедание грехов и обещание не делать их опять при многих случаях откладывается, но оно играет важную роль на смертном одре и в молениях при поминовении умерших, хотя в Авесте вовсе нет речи об оправдании верою.

Глава VII

*Зенд-Авеста в характеристике ее современных апологетов
нет*

Глава VIII

ДРЕВНЯЯ ЛИ ЭТО ИСТОРИЯ ИЛИ ПРОСТО СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ГЕБРОВ-ПАРСОВ, ВЫРАБОТАННАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ АПОКАЛИПСИСА?

Если судить по суеверным обычаям, и до сих пор существующим у немногочисленных и почти уже оевропеившихся гебров (или парсов) Индии, то момент смерти представляет для верующего в Мазду особенную опасность, так как тотчас же являются дьяволы и нужно употребить все усилия, чтобы освободить от них и умершего, и самих себя. Вот почему заклинания и очищения, молитвы и жертвы сопровождают мертвого до тех пор, пока еще возможно нападение на него со стороны злых духов.

Умиравший омывается и одевается в чистую одежду; затем приглашается священник, который прочитывает исповедание грехов, повторяемое умирающим, и вливает ему в рот или ухо напиток святого винного духа — гаому, питье бессмертия, приготовлявшее его к вечности. Когда же наступила смерть, и труп еще раз подвергся очищению и положен на носилки, уже к нему не может прикасаться никто, кроме людей, обряжающих его, и носильщиков, потому что уже в момент смерти Ариман посылает к смертному одру трупного черта Назу (от греческого <...>) в виде трупной мухи, и с этого времени труп попадает под власть черта. Чтобы отогнать его, в комнату вводят четырехглазую собаку, то есть собаку с двумя клоками шерсти на лбу, потому что взгляд собаки с такими признаками уничтожает дьяволов. Комната освящается, дезинфицируется, для чего сжигают ароматическое дерево, вроде сандалового. Около сосуда с огнем, но не ближе трех шагов от мертвеца, сидит приглашенный священник и не переставая читает из Авесты похоронные молитвы. Вблизи трупа должны находиться, по крайней мере, два человека, чтобы отгонять демонов. Вскоре являются носильщики, которые тоже постоянно должны быть по двое; они одеты в белую одежду и тщательно охраняют себя от всякого загрязнения. Труп несется ими к месту погребения на носилках, сделанных из железа, а не из скважистого дерева, и сопровождается родственниками, друзьями и жрецами. Перенесение не должно совершаться ночью, и лишь в виде исключения в

дождливую погоду, чтобы демоны не были слишком сильны и чтобы священная вода не подвергалась осквернению.

Место погребения, куда относится труп, есть и до сих пор употребляющаяся дакма, то есть башня трупов, нечистое место, находящееся вдали от города. В некотором определенном расстоянии от него траурная процессия должна проститься с умершим, что сопровождается молитвами и очистительными обрядами. Дакма есть обширное цилиндрическое здание, около двенадцати футов вышины, крыша которого приспособлена к принятию трупов. Начиная от краев здания, она косо опускается к середине, где находится отверстие, вроде колодца, закрываемое крышкой. Трупы кладутся на крышу концентрическими рядами, причем с них должна быть снята вся одежда; затем они предоставляются действию стихии и трупоядных животных, которые держатся около дакмы, в особенности воронов и коршунов, летающих стаями вокруг всех мест погребения.

Когда труп съеден или высох, то кости сваливаются носильщиками в колодезь, где и остаются до тех пор, пока существует дакма. По прошествии ряда лет, по заповеди Авесты, дакма должна быть разрушена; такое дело вменяется в большую заслугу и имеет последствие отпущение многих грехов; однако в действительности оно и прежде исполнялось редко, а теперь и вовсе не исполняется.

Цель дакмы состоит в том, чтобы погребение совершалось с возможно меньшим соприкосновением со священными стихиями. Огонь при этом вовсе не применяется; вода посредством тщательно устроенной в стенах дакмы системы дренажа и фильтрования отводится от наискось лежащих трупов возможно скорее и в возможно чистом виде. Соприкосновение с землей избегается символически тем, что четыре деревянные столба, служащие основанием дакмы, обвязываются золотым или шерстяным шнурком, что должно означать, что все здание находится собственно на воздухе. Относительно последней стихии, разумеется, невозможна никакая охрана, но при этом рассчитывается преимущественно на уничтожение трупа нечистыми животными и птицами.

В парсийских общинах Индии еще и теперь существует несколько дакм; в настоящее время они называются «башнями тишины», потому что находятся в безлюдных местах, только носильщики трупов бывают возле них. Что возле дакм водятся черти, которые каждую ночь, со всеми своими болезнями и нечистотой, бегают вокруг них, пляшут, пируют, пьют и совокупаются — все это разумеется само собой, и об этом в избытке и подробно рассказывается в Авесте.

В первый день после похорон начинается праздник в честь умершего. Он продолжается три дня, потому что три дня должно пройти, прежде чем душа умершего совершенно отделится от земной сферы и путь ее в далекую страну загробного мира будет окончен.

Праздник в честь умершего совершается частью в родном доме, частью в ближайшем храме огня. Невдалеке от дома умершего, в том месте, где тело его лежало перед тем, как его унесли, зажигается огонь, который горит три дня, и лампа, горящая девять дней; тут же ставится кружка с водой, в которую родственники умершего каждое утро и каждый вечер приносят свежие цветы. В течение этих трех дней ближайшие родственники умершего должны воздерживаться от всякой мясной пищи и вообще в доме не готовить пищи. В нем ежедневные молитвы справляются с особой торжественностью. Но высший пункт домашнего праздника состоит в церемонии, происходящей вечером с того времени, когда появятся звезды, до полуночи. Она называется «праздник благодати». Оба священника сидят друг против друга и держат в руках цветы, читая в то же время молитвы; в этот праздник поется гимн «благословение праведного».

Празднование в храме, начинающийся на следующий день, носит характер заупокойной службы; священнодействие его часть заключается в принесении хлеба в жертву Духу Послушания. Эта плоская лепешка раздается потом всем участникам жертвоприношения; затем следует жертва Винного Духа (гаомы) и чтения из Ясны или из Вендидада. На третий день священники, родственники и друзья собираются на общий праздник, раздаются подавания бедным и сообщаются документальные сведения о пожертвованиях, сделанных умершим в пользу общины, сопровождаемые, если они велики, благодарственными чествованиями умершего со стороны общины.

На четвертый день с рассвета празднование достигает своего высшего развития; в этот самый момент определенно решается судьба души; поэтому надо быть неутомимым в молитвах и щедрым на жертвы; еще раз Духу Послушания приносятся в дар лепешки и «жертва праведных». Этим заканчивается религиозная часть праздника, и участники его могут пировать. В числе подарков, раздаваемых во время пира, находятся новые одежды для священников и для бедных, а если не давать их священникам, то на страшном суде умерший явится нагим и должен будет стыдиться.

Лишенная тела душа в эти дни бывает так чувствительна и нежна, как новорожденное дитя, которое не может само найти дорогу; нужно, чтобы Дух Послушания принял ее, как добрая повивальная бабка, кор-

мил и заботился о ней, чтобы она окрепла для трудного и страшного пути; надо также, чтобы на земле горело много огней, чтобы отгонять демонов, так как Дух Послушания, поддерживаемый богом победы, поднимается вместе с душой, их сильно преследуют в воздухе демоны, старающиеся похитить душу.

В воздушном верхнем слое возвышается сияющий мост ветра от горы, находящейся в середине мира, до вершины Эльбурза. До него долетает Дух Послушания с освобожденными душами, если их добрые дела были достаточны для того, чтобы спасти их от нападений демонов. Здесь, на мировой горе, при начале моста, происходит первый суд над душой. Судей трое: Митра — бог справедливости, Дух послушания и Рашну с Весами, заседают в этом суде. Митра, в качестве председательствующего, управляет совещанием и объявляет решение; рядом с ним находится Рашну с «весами духов, которые не уклоняются ни на волос в угоду какому-нибудь человеку и одинаково взвешивают как царей и властителей, так и бедных и жалких людей». Здесь взвешиваются дела людей, и добрые сравниваются со злыми на основании самой строгой справедливости. Помогают только спасительные исповедания: как исповедь грехов самой души и ее друзей, так и исповедание веры. Они присоединяют свой вес к той чаше весов, на которой лежат добрые дела, и могут заставить ее опуститься. Но даже в том случае, когда добрые дела перевешивают злые, суд еще долго не считает последние искупленными; они караются одно за другим разными наказаниями, исполняемыми тут же на месте, и только после этого душа может идти на небо через мост. Для праведного он широк, как улица, для осужденного он узок, как волос, и он падает с него в пропасть ада, страшно зияющую под мостом.

А когда праведный, сопровождаемый Духом Послушания, перейдет через мост, он уже издали чувствует, как навстречу ему веет ароматом рая, и в этом благоуханном воздухе у дверей неба душу ласково встречает высокая лучезарная девица. Душа спрашивает:

— Кто ты, девушка, прекраснейшая из виденных мною женщин?

— Муж благих мыслей, слов и дел! Я твоя благая вера, твое собственное исповедание. Ты был всеми любим за твое величие, доброту и красоту, за твое благоухание и победную силу, ибо и ты меня любил за мое величие, мою благость и красоту. Когда ты видел человека живущего в легкомыслии, безбожии и ненависти, скрывающего свой хлеб, то ты садился возле него и пел гимны и приносил жертвы огню Аура-Мазды, а праведного ты ободрял, откуда бы он ни приходил: из близких мест или издали.

С такими словами она ведет душу в помещение блаженных. Первый шаг приводит ее к добрым мыслям, второй – к добрым словам, третий – к добрым делам и через эти три преддверия рая душа достигает его и входит в вечный свет (Яшт 22).

Однако же суд над отдельными лицами не составляет последнего слова Зенд-Авесты. В ней речь идет и о более важных предметах: об окончательном уничтожении зла, об установлении безусловного владычества Аура-Мазды, при котором блаженные праведные будут жить с ним вечно. К этому окончанию всемирной истории, уже с самого начала входившему в предначертания Ормузда, стремятся взоры всех верных. Как и в христианских пророчествах, мы встречаем здесь упоминание о «пришествии царства» в ближайшем будущем.

«Последние времена» — это три последние из девяти тысячелетий великой мировой истории, в которых сила зла представляется преобладающею, но в которые входит и милосердие.

При наступлении этого времени появятся знамения на солнце и на луне; произойдут многочисленные землетрясения, ветер превратится в бурю; в мире умножится скорбь и страдание, и враги явятся сотнями и тысячами: греки, арабы и турки бросятся на Иран и опустошат его области. Если кто-нибудь еще может спасти свою жизнь, то уже не имеет времени спасти свою жену, ребенка или имущество. Когда же демоны с распущенными волосами приблизятся с Востока, тогда появится черное знамение и Гушедар (т.е. Государь), сын Заратустры, родится на озере Фраздан. Он герой первого тысячелетия. Он собирает бесчисленных воинов из всех арийских стран и три раза разбивает дьяволов с кожаными поясами так, что Эшма и все демоны должны идти к ним на помощь. Тогда Аура-Мазда посылает Духа Послушания и его ангелов, и он возбуждает в борьбе сына Вистассты (Гипаспа), чтобы он снова восстановил владычество веры. Они выходят, разбивают и рассеивают демонские войска и опустошают языческие храмы. Тогда время волка прошло и на земле наступает владычество агнца. Другой сын пророка, Гушедар-мах (Государь-мир) есть властитель второго тысячелетия. Ему также приходится сражаться со злыми и демонами, но затем он приносит время мира, в течение которого люди делают такие успехи во врачебном искусстве, что человека уже нельзя будет убить ни ножом, ни мечом, а потребность их в пище будет так мала, что они мало-помалу могут и вовсе отвыкнуть от нее. Но именно в это счастливое время происходит отпадение от веры, через это Ариман приобретает такую силу, что может восстать опять. Он освобождает от оков дракона, связанного Третаоной, и дракон свирепо преследует верующих: он истребляет тре-

тью часть живущих людей, портит огонь и воду, губит растения и совершает ужасные зверства. Тогда творение обращается с мольбой к Аура-Мазде, чтобы он воздвиг героя, который бы мог его спасти. Таким человеком является храбрый Керезаспа; он убивает злого дракона; раздор и опустошение удаляются с земли, и наступает тысячелетнее царство.

Тогда одна девица будет купаться в озере Касаве и зачнет от семени Заратустры, которое упало в озеро, и родит сына по имени Спаситель (Саошиант). Авеста рассказывает о нем, как о Мессии, который должен явиться в последние времена для спасения мира. Из некоторых мест можно даже вывести заключение, что Спаситель не только сын Заратустры, но что сам пророк воплощается в нем, чтобы в этом возрожденном виде способствовать окончательной мировой победе. Великое событие, совершаемое Спасителем, называется в Авесте «творение будущего», т.е. нового мира, причем прежде всего состоится воскрешение мертвых. Когда душа после решения суда на мосту Цинват идет на небо или в ад, тело в это время остается еще на земле, где отдельные его части переходят в различные стихии: кости — в землю, кровь — в воду, жизнь — в огонь, волосы — в растения; и все эти телесные части душа соберет в последний день и тогда всякий человек, злой или добрый, восстанет в полной телесности, со всеми своими индивидуальными особенностями, на том месте, где он умер.

Первый, поднимающий свои кости из могилы, будет Гайомард (библейский Адам) — первый человек; за ним последует первая человеческая пара и за ними остальное человечество, каждый в том виде, какой он был. Все они соберутся вместе, и каждый будет видеть перед собой свои добрые и злые дела, и злого человека можно будет так же легко отличить, как черную овцу между белыми. Тогда праведный будет разлучен со злым: один пойдет на небо, а другой в ад, где он в течение трех дней будет терпеть наказание на своем теле, как раньше терпел его на своей душе. Тогда поднимется плач во всем свете, потому что муж будет разлучен с женою, брат с братом, друг с другом; все будут плакать: добрые о злых, а злые о самих себе; и скорбь земли будет как скорбь овцы, схваченной волком.

Тогда все горы и холмы расплавятся и прольются на землю, и все люди должны будут идти через поток расплавленного металла. Здесь произойдет последний суд над людьми, как бы великое испытание огнем, ибо для праведных расплавленный металл будет как теплое молоко, для грешников же, как пожирающий огонь. Но, перейдя через это огненное испытание, все люди соединятся в теснейшей любви

друг к другу, и будут спрашивать один у другого: где был ты столько лет, и какая участь назначена была твоей душе? Был ли ты оправдан, или подвергался наказанию? И все люди единогласно будут восхвалять Аура-Мазду.

Затем остается еще борьба между небесными и адскими духами. Все семь вечных духов (вроде христианских архангелов) сражаются с соответствующими им дьявольскими существами и совершенно уничтожают их. Связать самого Аримана и змея будет делом Мазды и Духа Послушания. Оба бога, с помощью молитв и четок, одолевают злых и бросают их в горящий поток. Мир становится вполне чистым, вся вселенная наполнена только творениями Мазды и все живущее получает бессмертие и небесное совершенство (Бахман-Ягит 43; Бундегеш 30).

Но, читатель! Ведь это же все переписано прямо из Апокалипсиса, почти фраза в фразу! Случайное совпадение тут совершенно немислимо! Но автор Апокалипсиса не мог взять этого из Зенд-Авесты, потому что, как я уже хорошо показал, он взял все это с природы, вывел из положения планет, по созвездиям и по фигурам облаков во время грозы на Патмосе 30 сентября 395 года нашей эры. Значит, все, что тут написано Иоанном Златоустом и предание об авторе Зенд-Авесты — есть предание о нем или о самом «Великом Царе», основателе христианского богослужения, оформившееся своеобразно на индийской почве, вероятно, уже при европейцах в Индии.

Глава IX

ПЕРСЫ, ПАРСЫ И ПАРИЖАНЕ

Нам говорят, что от 226 по 651 год в Персии царствовала династия Сассанидов, основанная Ардаширом-Бегегатом, царствовавшим от 226 по 140 год, которая стремилась к восстановлению древнеперсидского быта и религии Заратустры, затерянных будто бы несколько тысяч лет тому назад.

Из них Сапор I, — говорят нам, — царствовал от 241 по 271 год нашей эры и взял в плен римского императора Валериана; Сапор II (309—380) был современником Юлиана и Феодосия I. Он покорил Армению и Месопотамию и был жестокий гонитель христиан, т.е. не иначе как в качестве арианина. Хозрой Акуширван (т.е. Справедливый, 531—578), завоевавший Месопотамию, Колхиду и Сирию, был первый с правами на историчность, а сын его Хозрой Парвез (578—628) был будто бы так благочестив, что увез к себе из Иерусалима (Эль-Кудса) даже крест Христа. А последний из них Ездегерд III (632—651) был будто разбит арабийцами, потерял Персию и удержался лишь на берегах Аму-Дарьи, благодаря чему «рассудку вопреки, наперекор стихиям» возникла Ездегердова эра летоисчисления, датирующаяся годом его неудачного воцарения с 16 июля 632 года у каких-то азиатских пораженцев. В это же время агарянство, — говорят нам, — сменило религию Зороастра в Персии.

А кто же повествует нам обо всем этом?

Прежде всего Аммиан Марсельский, апокрифичность которого я уже показал в IV книге Христа (стр. 354) отсутствием указываемого им солнечного затмения в 360 году. Затем апокрифическая книга от имени Прокопия и ряд других авторов очень сомнительной достоверности (например, Табари).

Сассаниды, — говорят нам, — возвысили Зороастрову веру на степень государственной религии и основали свой трон на ее алтаре. Иерархически организованное жречество составляло главную силу в государстве и награждало царей, следовавших его указаниям, ореолом святости. За это Сассаниды строили храмы, среди которых в особенности был знаменит большой храм огня в главном городе Истархе. Они и заботились о правильной редакции Авесты, т.е. попросту создавали ее.

Нам говорят, что Ездегерд II (438), преследовавший как христиан, так и иудеев, действовал не только силой, но и приводил доказательств против христиан, упрекая их за то, что они приписывали богу как хорошее, так и худое, что они допускали рождение бога от женщины и распятие его, что их учение восстает против брака, прославляет нищету и бездетность и таким образом угрожает дальнейшему существованию мира. Но это ведь могло быть только не ранее появления Евангелий, т.е. позднее VII века, а не в IV, когда еще не было ни одного Евангелия. Император Ираклий нанес, — говорят нам, — страшные удары персидскому могуществу и снова воздвиг крест в Иерусалиме (14 сентября 629 года). И в это время приближалось арабское могущество, которое положило конец царству Сассанидов.

О религиозных учениях того времени говорят разнообразно и даже толкуют их различно. Так, манихизм при Сассанидах в Персии понимали и как форму христианского гностицизма (Басобр и большинство историков церкви), и как буддизм (Ф.К. Баур). Другие ученые этого времени называют Маздакизм, созвучно с именем Ормузда, состоящим из Аур — Свет и Мазда — Его основатель. Маздак провозглашал, — говорят нам, — коммунистическое учение, и вначале даже проводил разделение имущества и женщин между всеми мужами. Но дворянство и жречество свергли с престола царя Ковада I, который следовал таким советникам, и когда он снова воцарился, то сам осознал опасность, которая угрожала обществу со стороны коммунистов, и он их разгромил, а его сын Хозрой Ануширван покончил с оставшимся от отца. Однако еще и в позднейшие столетия, во времена Ислама, — говорят нам, — мы встречаем тайных последователей теорий Маздака.

Оригинальная литература Сассанидского периода написана на пехлевийском языке, состоящем из смешения персидских и библейских слов. С одной стороны, в ней переведены и комментированы зендские тексты, с другой — написаны многие самостоятельные произведения. Но она получила свое завершение лишь уже после времен Сассанидов. Имеющиеся в нашем распоряжении рукописи восходят не далее XIV века, большинство же пехлевийских сочинений заключают в самих себе указание на то, что они появились уже после падения Сассанидов; а относительно некоторых историки сами устанавливали время около конца X века. А между тем она содержит предания и теологические рассуждения, относимые к Сассанидам, а не позднее, когда по мнению ортодоксальных историков было уже магометанское влияние.

Из ее произведений книга «Первоначальное творение» (Бундегеш) есть интереснейший теологический трактат из всех вообще имеющих-

ся у нас относительно персидской религии. В ее тридцати четырех главах (у Юсти 35) излагается космогония, космология и эсхатология, описывается борьба между двумя духами, одним — добрым, светлым, всеведущим, и другим — злым, темным, ограниченным. Злой дух лишь по временам получает перевес, а в конце концов побеждается. Но много глав дают в ней просто перечень различных стран, гор, морей, земных существ или генеалогию царей и священников.

Бундегеш сравнивали уже с книгой Бытия, да и другие произведения пехлевийской литературы напоминают собою библейские и христианские апокалипсисы. Так книга Бахман Яшт дает подробный обзор будущего хода мировой истории с точки зрения Зороастровой религии. А нем рассказывается об откровениях, в которых божество показало пророку будущность религии. Автор предсказывал здесь и турок, и даже распространение европейского могущества в Азии. То, говорят, что истинная религия отодвинута ими лишь на некоторое время; в промежуток 1000 лет появляются три пророка, которые продолжают дело Заратустры и доведут его до конца.

Скажите сами: возможно ли считать такую книгу не только древней, но даже и средневековой?

Совершенно в ином роде трактат под названием «Прилично — неприлично» (Шайаст — ла шайаст), содержащий заповеди относительно чистоты и различных грехов, вместе с правилами для религиозных церемоний и обрядов.

Имеются еще сочинения Манушигара, персидского первосвященника, жившего, — говорят, — в конце IX века, которые представляют письма к его единоверцам и обширное сочинение Дадистан-и-диник, т.е. религиозные решения, касающиеся разнообразных вопросов. Книга написана без систематического порядка, но, несмотря на это, признается учеными ценной для изучения религии.

Точно так же в книге Минохиред без всякой связи перечисляются 62 вопроса, на которые отвечает дух Мудрости. Они касаются отношений между добрым и злым духами, состояния души после смерти, а также этические правила и перечни грехов и добрых дел.

Кроме этих сочинений, в состав пехлевийской литературы входят еще несколько других произведений, полезных для познания религии, и еще одна книга, которая написана на новоперсидском языке, но по своему содержанию относится сюда же. Это «100 глав» (Сад-дар), в которых говорится о религиозных обязанностях и обрядах. Книга эта относится к XVI веку и представляет собой прозаическое произведение, которое признается очень древним и было переложено в стихи.

«Очевидно, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (II, 224), — во времена Сассанидов древние тексты получали окончательную редакцию, и в то же время собирались древние предания и делались попытки ответить на разнообразные религиозные вопросы, которые с ними были связаны. Но, по видимому, оказалось невозможным создать законченную систему».

Мы не имеем отдельных сведений о судьбах персидского культа в течение столетий после арабского завоевания. Но что там не было запрета парсизма, видно из того, что как манускрипты Авесты, так и пехлевийские писания, все относятся к этому периоду. Даже на новоперсидском языке писали сочинения, с целью разъяснения темных пунктов в персидской религии, вплоть до новейшего времени. Другие сочинения также свидетельствуют о духовной деятельности этого времени, между прочим интересное сочинение Улемай-Ислам, в котором персидский вероучитель излагает свое верование перед несколькими мусульманами. Высоким уважением пользуется у парсов еще одна книга, которая содержит откровения, данные 15-ти древним пророкам, на новоперсидском языке. Произведение это называется Дезатир и опубликовано европейцем туземцем Индии муллою Фирузом бен Каусом в 1818 году. «Но уже и в то время, когда эта книга только что сделалась известна европейским ученым, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей, — она возбудила сомнения; теперь же, конечно, никто уже не станет принимать ее за действительно древний и достоверный источник». А между тем автор «Дабистана», относимый к XVII веку, составил свое изложение персидской религии на основании этой самой книги.

Лишь при династии Газневидов получили свою окончательную форму древнеперсидские героические предания. Абуль-казим, по прозванию Фирдуси (ум. 1020) и (по соображениям, высказанным в VI книге Христа) современник или преемник Абул-казима же, по прозванию Достославный (Магомет), написавший Коран, передал нам героические сказания в своей «царской книге» (Шах-Наме по-персидски). Они имеют одинаковую ценность и для науки и для литературы. Первая часть его книги излагает мифическую первобытную историю, в которую включено много интересных эпизодов; эта часть доходит до появления пророка при Гистаспе. Вторая половина царской книги содержит легенды об Александре Великом (Искандере), очень короткую историю Арсакидов (Ашканидов) и более подробную историю Сассанидов. Она представляет целый ряд геройских сцен и многих царей, к деяниям и приключениям которых автор возбуждает интерес с их чисто психологической мотивировкой. Главный мотив составляет борьба иранских героев против темной силы Турана (турок).

А в религиозном отношении поэт не всегда верен сам себе. Мы находим у него смесь древнеперсидских и магометанских идей, но последним принадлежит львиная доля. У Фирдуси уже древние мифические цари сооружали большие храмы огню и понятие о божестве имеет более магометанский, чем парсийский характер. Существует лишь один единственный бог, от которого исходит как добро, так и зло, и герои постоянно чувствуют свою зависимость от могущества коварной и неизбежной судьбы.

«Теперешние парсы в Западной Индии, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (II, 228), — достигают лишь 85 000 душ, из которых почти 50 000 живут в Бомбее. Их обычные занятия составляют торговля и промышленность; между ними очень мало земледельцев и совсем нет солдат. Вообще же они пользуются благосостоянием и занимают почетное положение. Их руководители придают образованности большое значение, но знание древнего зендского языка среди них незначительно и потому их традиции непрочны и только в их правах и обычаях продолжает жить многое, что считают за древнее...»

Из этого-то источника и получены те сведения, которые дают европейские путешественники со времени Анкетиль-дю-Перрона, или образованные парсы, как Дособхай Фрамхи, относительно жизни и занятий парсов, об их праздниках и погребальных обрядах, или об устройстве их дакм, согласно с якобы древними предписаниями. Их религиозное учение в том виде, как оно, например, излагается в катехизисе Гузарати, в высшей степени просто: исповедание единого бога и его пророка Зороастра, исполнение нравственных заповедей, вера в награду и наказание в загробной жизни. Здесь парсизм сильно приближается к исламу, хотя действительного знания собственной религии и понимания ее источников у парсов не существует, — повторяет автор этой главы в книге Шантепи-де-ля-Соссей (II, 229), предвосхищая мой вывод, что все восточные народы узнали историю своих собственных религий от современных нам европейских ориенталистов; произносимые ими зендские молитвы совершенно для них непонятны; даже образованные парсы, как Дособхай Фрамхи, в знании Авесты являются учениками европейских исследований.

А мы только прибавим к этому от себя: «Не в одном знании Авесты, но и в буддизме, и в магометанстве, и в конфуцианстве, и в брамаизме. Вся псевдо-древняя история Азии создана в новейшее время лондонскими, парижскими и берлинскими ориенталистами и преподнесена в готовом виде изумленным туземцам, которые даже и не подозревали, что у них такие длинные хвосты в глубине веков!

Читатель уже знает, что главнейшие наши сведения о древних «парсах» мы имеем не из Персии, а из Индии, в которую они будто бы переселились из той страны, которую европейцы окрестили Персией, хотя у самих обитателей этой страны имя Персия совсем не известно, они называют себя Ирани, а созвучное с Персией имя впервые встречается в Библии, где упоминается народ Паризи, более созвучный с древним названием французов — парижанами.

Откуда же мы знаем, что эти индийские парижане приехали из ...

«О переселении парсов в Индию, — говорит К. Иностранцев¹, — мы имеем известия в Киссе-и-Санджан (Повествовании о Санджане). Сочинение это, впрочем, не может считаться историческим памятником парсийской письменности в точном смысле этого слова: по форме оно вполне примыкает к обычному типу парсийского поэтического творчества (оно написано стихами), содержанием же своим обязано, несомненно, почти исключительно устному преданию парсийской общины. Содержащиеся в нем исторические данные были в недавнее время подробно разобраны ученым парсом Моди². Нужно отметить, что Кисса-и-Санджан написано весьма поздно — на рубеже XVI—XVII веков нашего летоисчисления (древнейшая рукопись его, известная Д.Д. Моди, относится к концу XVII века) и автор его, Бахман-бен-Кейкобад-бен-Хормаздийр, неоднократно указывает на то, что основывает свои повествования на древних преданиях.

Так говорит сам К. Иностранцев. Но какую же историческую ценность, — спросим мы, — имеет повествование, основанное на ничем не проверенных и притом одиночных случаях, так как только в необузданном воображении старинных беллетристов допускается до сих пор, что целые народы говорят в унисон, как в балетах хоры?

А в данном случае это всенародный хор пел — уж не ежедневно ли? — в течение девяти веков, не умолкая, следующую арию:

«Когда последний представитель Сассанидской династии шах Издегард лишился власти, все преданные вере Зороастра миряне и духовные покинули свои жилища. Сто лет прожили они в Кухистане (т.е. в Нагорье), а затем вследствие страха перед иноверцами перешли в Хурмуз, в области которого провели пятнадцать лет; по истечении этого срока они, вследствие притеснений со стороны иноверцев, сели вместе с женами и детьми на корабли и, переправившись морем, высадились в

¹ К. Иностранцев. Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII века, 1915.

² Моди доказывает ошибочность датировки.

Диу. И здесь, однако, они не оставались долго — руководясь астрологическими предсказаниями, они через девятнадцать лет высадились на материк Индии, на Гуджератский полуостров и поселились в Санджане. Через несколько времени они соорудили здесь храм огня». И вот на основании этой всенародной арии, от которой после выхода рукописи Хормаздияра не осталось ни малейшего эха, Модии отмечает как будто бы исторический факт четыре даты: 1) переселение в Кухистан и пребывание там сто лет; 2) переход оттуда в Ормуз и пребывание там в течение пятнадцати лет; 3) переселение в Индию, в Диу, и пребывание там девятнадцать лет; 4) переход на материк, на Гуджератский полуостров и поселение в Санджане. Считая прекращением власти Иездегерда его смерть, Д. Модии и начинает свой расчет с этой даты, причем самое событие он относит к 651 году по Р.Х. — с этого времени парсы и поселяются в Кухистане. Чтобы получить дату выхода из этой области в Ормуз, надо прибавить сто лет — $651+100=751$ г. по Р.Х. С этого времени они пятнадцать лет живут в Ормузе — $751+15=766$ г. по Р.Х. Этим годом датируется их переселение в Индию. В Диу они пребывают девятнадцать лет — $766+19=785$ г. по Р.Х., год их поселения в Санджане.

Так просто и точно решаются «на основании народных преданий» хронологические вопросы! А по какому же календарю, — спросите вы, — пел парсийский народ эту свою арию? Ну, конечно, по современному нам парсийскому солнечному календарю!

Ведь это же говорят и другие, открытые европейцами восточные писатели, писавшие через тысячу или более лет после описываемых событий, и объевропеившиеся индийские историки, вроде самого Ивана Джемса Модии. Ведь сам Динавери, относимый к IX веку, при рассказе об убийстве Иездегерда говорит: «Это случилось в 6 году халифата Османа, т.е. в 30 году Хиджры; тогда-то и было прекращение самостоятельного персидского государства и до сего времени персы ведут от этого события свое летосчисление».

Но какие же доказательства имеем мы, что это говорилось в IX веке? Ведь это тоже слух, основанный на «некоей рукописи нашего времени»!

Мы видим, что относительно появления парсов в Индии существуют лишь ничем не проверенные слухи. А потому мы и должны оставить этот вопрос подлежащим дальнейшей разработке.

Глава X

ЕЩЕ О ПАРСАХ В ИНДИИ И О ГОДЕ ОСЛА

Странное прозвище Стойкого Осла, данное последнему Омайяду Марвану II, так старавшемуся спасти потерянное дело династии, вызвало различные толкования арабских писателей и писавших об этой эпохе европейских ученых, — говорит К. Иностранцев в своей статье «Переселение парсов в Индию и мусульманский мир в половине VIII века»¹. За исключением приведенного Велльхаузенем мнения сирийских хроник, согласно которому Марван был прозван так потому, что любил пионы, называвшиеся «ослиными головами», приводятся два толкования. Одно из них заключается в том, что слово «осел» должно было означать энергию и упорство, с которыми Марван сопротивлялся своим врагам. Другое состоит в том, что он был прозван так по году «Осла».

Какое же из этих двух объяснений можно считать приемлемым?

Уже Мжик обратил внимание на то, что «осел» в мусульманских литературах не может считаться ласкательным словом, а употребляется, наоборот, в бранном значении. Так, рассказывая о выступлении сторонников известного аббасидского эmissара Абу-Муслима в Хорасане, Динавери говорит: «Выступили они верхом на лошадях и ослах, а также пешими; кричали они на ослов и понукали их: ну, ну, ну, Марван! Называя их так в поношение Марвана-ибн-Мухаммеда», а потому К. Иностранцев особое внимание обращает на «год Осла».

Но год смерти Марвана-Стойкого Осла не соответствует началу столетия ни по юлианскому счету, ни по счету Хиджры. Сотый год Хиджры равен 718—719 году юлианского счета, а Марван стал калифом только с 745 года, что не соответствует началу столетия и по той, и по другой дате.

Но может быть, тут имеется начало нового столетия по какой-нибудь другой эре? И это не выходит.

Отнесение прозвища Марвана к столетию Омайядской династии, — говорит К. Иностранцев, — не соответствует точным историческим дан-

¹ Например, в IX веке у Ибн-ал-Факиха, о.с. 315, якобы со слов Абу-Мухаммеда-ибн-Муслима-ибн-Кутайбы о нем говорится: «Хорасанцы победили Омайяда, самого старшего по возрасту, самого мудрого, самого стойкого, самого знаменитого в организации войска, самого умного в управлении государством».

ным: в год смерти Марвана прошел со времени основания этой династии 91 год (самое большее 97 лет), если считать с года смерти Османа. Правда, «письмо Гурека», написанное будто бы в 100 году Хиджры, указывает именно на этот год, как на время прекращения арабского господства. Но это ошибочно, потому что в 100 году Хиджры Омайядская династия благополучно управляла халифатом, а Марван II был убит лишь через 32 года и к столетию Хиджры еще не управлял халифатом. В первом случае мы не имеем полных ста лет, во втором — прозвище Марвана остается необъясненным, а оно ставится арабскими авторами в связь с истечением столетия. Этим и должны, — как соглашается и К. Иностранцев, — окончиться раз навсегда попытки отождествления года «Осла» с годом Марвана-Осла. Необходимо искать другого объяснения, как и делает автор. Прежде всего он доказывает, что ожидание конца мира, связанные с сотым годом Хиджры, подтверждаются арабскими известиями.

Так, по Динавери, в 101 году Хиджры (719—720 гг. нашей эры) в сирийское местечко Хумайму, местопребывание имама аббасида Мухаммеда-ибн-али, явились представители шиитов с просьбой принять их клятву верности, говоря:

«Наступили такое время и такой момент, который мы находим в пророческих преданиях, передаваемых вашими учеными». А имам ответил им:

«Это момент наших ожиданий и надежд, ибо прошло сто лет летоисчисления, а всегда по истечении ста лет веры бог обнаруживает истину праведных и уничтожает зло дурных». Ссылаясь далее на 261 стих II суры Корана, имам послал их вести скрытую пропаганду конца мира.

Но в данном случае Мухаммед-ибн-Али повторил здесь только то, что сказал ему за четыре года перед этим Абдуллах-ибн-Мухаммед, внук халифа Али, передавая свои права и завещая ему начать проповедь конца мира в «год Осла». Мухаммед-ибн-Али спрашивал его — что такое «год Осла», а он отвечал:

«По истечении этого века обязательно исполнится пророчество. Как только окончится век, необходимо послать эмиссаров для проповеди конца мира». Историческая достоверность рассказа, разумеется, сомнительна, но интересно, что и в нем, как и в рассказе Динавери, ясно выражаются определенные ожидания, связанные с наступлением нового столетия агарянской эры. Стих Корана об Эздре и его воскресшем осле привлечен несомненно, для доказательства достоверности предания. Вот этот стих» ?????

Основанием как самого пророчества, так и цитаты Корана служили, по-видимому, предания, которые в письменной форме могут быть воз-

ведены, как уж догадывался Велльхаузен, к так называемым «книгам предвещаний» (кутуб ал-йалахим), пророческим сочинениям полемико-политического содержания, которые мы отождествляем с библейскими пророчествами: Исаией (442 г. нашей эры по нашей хронологии), Иеремией (451 г.), Иезекиилом (453 г.), Даниилом (568 г.), Малыми пророками (V—VI век нашей эры), в том числе и Валаамом и его Ослицей, вошедшим в библейскую книгу «Числа» (710 г. нашей эры), и самим Ездрой. Здесь мои хронологические выводы замечательным образом сходятся с агарянскими сказаниями.

Уже с первого века Хиджры (т.е. с VII века нашей эры) появляются апокрифические пророческие книги относительно грядущих судеб ислама и мусульманского государства, имеющие также отношение к далекому прошлому Персии. Позже число подобных книг еще увеличивается¹. По мусульманскому преданию, восходящему к подобного рода книгам, воскрешаемый осел Ездры связывается при объяснении 261 стиха II суры Корана с пленением иудеев вавилонским повелителем Навуходоносором и освобождением их персидским шахом², причём исчезновение пророка продолжается сто лет.

Здесь восточное предание опять подтверждает мои выводы, основанные на астрономических данных, что Ездра и пленение Вавилонское было не за 500 лет до начала нашей эры, а почти через столько же лет после нее, так как Сассаниды, владевшие Персией, возникли одновременно с ромейскими царями. Они считаются с 226 года нашей эры, куда относим Александра Севера, и сошли со сцены вместе с потерей Гераклием этих же стран при Ездегерде III (632—651), соответствующем ромейскому царю Гераклию.

Ведь сами наши первоисточники говорят, что агаряне отняли у Ездегерда III Персию в 636 году, а у Гераклия они же отняли Сирию, Месопотамию и Египет в 632—641 годах. И об этих же Сассанидах говорится, что они возродили древнюю религию Зороастра, т.е. на самом деле установили ее, что сближает — с одной стороны — Зороастра с библейским Зоробабелем³, а с другой — переносит обоих ко времени

¹ Интересно опять-таки отметить соотношение с сассанидской традицией — псевдо-Балхи (текст 165, пер. 150) рассказывает, что в сокровищнице полководца Иездегерда Хурмузана арабы нашли арабскую книгу с предсказаниями относительно всего, что свершится до страшного суда.

² Называемым Ануширван, что связывает этот рассказ с сассанидской традицией.

³ Зороастр значит Зрящий Звезды, а Зоробабель — Зрящий Врата Господни. Здесь Зоро есть отголосок славянского слова зоркий, а не арабского <...> чуждый, как думают закрывающие глаза на многочисленные славянизмы в Библии.

багдадского калифата. В связи с этими идеями, — говорит К. Иностранцев (стр. 15), — находится отождествление Али с «земным зверем», известным в мусульманской эсхатологии (т.е. апокалиптике) и подробно описываемым: «Зверь этот, — говорится там, — косматый, в перьях, пестрый, с четырьмя ногами, с головой быка, с ушами слона, с рогами оленя, с шеей страуса, с грудью льва, с ногами верблюда, с Моисеевым жезлом и Соломоновой печатью». А в выражении «едущий на осле»¹ усматривалось указание на мессианическое значение Мухаммеда.

А в иранской мифологии мы находим фантастическое животное, именуемое ослом. В Авесте он встречается лишь один раз: «Осел, стоящий посреди моря Борукаша». В Минохиреде (LXII, 26—7) он именуется «трехногим», пребывающим в море Варкаш и очищающим падающую на него дождевую воду. Подробное же описание этого создания мы находим в Бундахише (XIX, 1—13). Он также именуется «трехногим», стоящим среди безбрежного моря; у него шесть глаз, девять ртов, два уха, один рог; два его глаза расположены там, где и следует быть глазам, два других на макушке головы, два третьих на горбу; острым взглядом этих глаз он побеждает и разрушает; у него три рта на голове, три на горбу, три — на боках; каждый рот величиной с дом; сам он величиной с гору Альванд (в пазендских рукописях Хунаванд); ноги его громадных размеров; двумя ушами он может обхватить Мазандеран; своим рогом он побеждает и уничтожает вредные деяния дурных существ; когда он погрузит свою шею по уши в море, вся вода придет в волнение, а гора Ганавад сотрясется в основании; его пребывание очищает воду; с его помощью собирает воду звезда Тишар (Сириус), которая, как враг демона сухости, тучей собирает воду и крупными каплями посылает ее на землю².

Этот сложный мифологический образ представляет до нашего времени затруднение для исследователей, хотя на самом деле это простое подражание апокалиптическому зверю, которого Иоанн видел в тучах.

И недаром Дармстеттер еще ранее меня видел в нем метеорологический миф — олицетворение туч и бури. Объяснение это находит подтверждение в арабских источниках.

Ввиду того, что иранская мифология относит пребывание этого мифического существа к морю Воурукаша, которое обыкновенно отождествляется с Каспийским морем (а на деле это Средиземное море близ острова Патмоса), мы должны обратить внимание на известия араб-

¹ Псевдо-Балхи, о.с. II, текст 198—203, пер. 173 — 176.

² Бундахиш, VII, 11.

ских писателей об этом море, называемом ими, как известно, Хазарским, Джурджанским, Табаристанским. Так, мы находим у Ибн-ал-Факиха следующий рассказ, который цитируется им якобы из персидских источников:

«Когда Сасанидский шах Ануширван, — говорит К. Иностранцев, — овладел Каспийскими воротами (Дербент) и провел заграждавшую их стену и мол в море, он восхвалил бога, предрекшего ему проведение стены и покорение врага, и, помолившись о возвращении на родину, лег отдыхать. Тогда поднялся из моря водяной смерч, закрывший весь горизонт, а с ним туча, скрывшая свет. Он направился к стене, поднялся над молотом и сказал шаху, что он, давнишний обитатель этого моря, видел, как семь раз сооружалась эта стена и как она семь раз разрушалась, но все обитатели этого моря знают, что властитель, подобный Ануширвану, проведет эту стену навсегда. Затем смерч скрылся в море».

Но точно ли это сказание подтверждает, что миф об апокалиптическом звере зародился на берегах Каспийского моря? К. Иностранцев думает — да, я думаю — нет. К. Иностранцев говорит (стр.17): «Книга Бундахиш (относимая им же самим уже к X веку нашей эры) упоминает и некоторые другие местности, позволяющие отождествлять местопребывание этого существа с Каспийским морем. Так ее гора Альванд не должна, — по К. Иностранцеву, — отождествляться в современной горой Эль-Венд, близ Хамадана (как то думал Уэст), а должна отождествляться с персидским словом бенд — «застава», упомянутым у Ибн-ал-Факиха; это толкование подтверждается по автору и пазендскими переводами Бундахиша, где Хунаванд значит Гунская застава, и этим же именем издавна обозначалась местность, называвшаяся персами Дербенд, а гора Гунавид — это Хоросанские горы¹, с которыми связывается почитание священного огня, и по форме это слово есть арабское множественное от перс. Гумбед — «купол». А описанный смерч появляется по Ибн-ал-Факиху вместе с тучей, сопровождающей звезду Сириус, и по арабской версии отождествляется с одним из обитателей моря. Уничтожая по парсийскому преданию вредные деяния дурных существ, он подчинен вместе с тем знаменитому шаху Сасанидской династии, покровительствовавшей зороастризму. Казвини отождествляет это явление с морским драконом, который (как объясняет сам Казвини), по мнению одних — морской ураган, несущий тучи и тьму и рождающийся на дне моря, а по мнению других — животное, живущее на морском дне и имеющее вид большого черного змия,

¹ См. Бундахиш, XII, 34.

«как рассказывают со слов Ибн-Аббаса, т.е. дяди самого пророка Магомета, к которому возводится, между прочим, и предание об Эздере и его осле»¹. Все это, конечно, очень интересно, но какое же отношение имеет рассказанное к «году осла», как начальному году некоего столетия исламитского счета? До сих пор мы не видим ничего подобного, а лишь чувствуем нечто совсем постороннее.

Составление Бундахиша, в котором все это рассказывается, относится, по мнению всех арабистов, к X веку нашей эры, а между тем этот зверь известен и в Авесте, да и новейшие парсийские предания, описывая рождение Александра Великого от Аримана, явившегося в виде вихря, приводят к тому же. Как же отделить их более чем полутора тысячами лет друг от друга? Ведь выходит, как будто Зенд-Авеста не древнее Бундахиша (т.е. X века нашей эры). А возвратившись к предмету, мы видим и в нем еще осложнение. К. Иностранцев указывает, что и в самом выражении «год осла» <...> осел и <...> покрывало раздваиваются в арабском языке лишь более мягким или более твердым произношением начального <...>, так что тут возможна игра слов.

Тут рушится, как мне кажется, последняя подпора для отождествления имени «год осла» со всеми апокалиптическими зверями, хотя его ожидания и должны быть связаны с апокалиптическими видениями Иоанна на Патмосе.

Выходит даже совершенно наоборот. «Год осла» (Гимара) — это лишь созвучное искажение первичного названия «год покрытия» (Гымара). Но что же такое «год покрытия»? Тут мне кажется не может быть никакого сомнения... В то время существовали два счета лет: по солнечному году — юлианский счет и по лунному году — агарянский счет. При обоих счетах начала столетий расходились, но мог быть в исторический период времени и такой счет, когда начальный год лунного столетия покрывал первый год юлианского столетия, и этот год одинаково мог называться и просто годом покрытия, и фигурально годом осла, так как лунный год садился на солнечный, как всадник на осла, тем более что христиане, считавшие по-юлиански, и носили у агарян имя ослов. Эту кличку отметил еще Дози, да и самая поговорка исламитов «более неверующий, чем осел» сблизает и тех и других, я не говорю уже об оставшихся от древности изображениях «и сын распятого на кресте» (Христос, кн. Рис.), вероятно, принадлежащих руке агарянских художников.

Но когда я с этой точки зрения вычислил 14 случаев налегания агарянских вековых годов на христианские, то получил лишь один случай и притом случай замечательный — налегания 700 года Хиджры на 1300

¹ См. например, Дамири, о.с., текст 212, пер. 552.

год христианского летосчисления и 701 год Хиджры на 1301 год христианской эры (табл. I и табл. II). Считая, что «бегство Магомета», относимое к началу первого года Хиджры, произошло 16 июля 622 года юлианского счета, я пришел к заключению, что нулевые года (0, 100, 200 и т.д.) должны считаться конечными годами предшествовавших им веков; первые (1, 101, 201 и т.д.) — начальными годами следующих столетий, и читатель сам может видеть замечательные результаты. Совпадение последних вековых годов было только в конце VII века, в 700 году Хиджры, налегшем на 1300 год христиан в сентябре (т.е. месяце, с которого ромейско-византийская церковь и считала начало своего года) и окончился он в сентябре же 1301 юлианского года, служившего окончанием и 1300 ромейского года, но в этом последнем году обоих столетий еще не было чего-нибудь особенно замечательного, кроме солнечного затмения, да довольно вещего расположения планет¹, но в первом году нового века, в самом его начале — месяце Мохарреми агарянского счета и в сентябре византийского появился на небе огромный огненный меч — знаменитая в исторических летописях комета Галлея.

Вот как описывают ее в летописи (Ше-Ке, ма-тан-лин), открытой в Китае в XVII веке католическими миссионерами, при переводе их летосчисления и небесной топографии на наши европейские.

«Около 16 сентября 1301 года (т.е. перед самым началом 701 года Хиджры) при Солнце в созвездии Девы явилась комета в ногах Близнецов. Она смела северный Венец, причем длина ее доходила до 10 локтей, и прошла в область Змея и Змеедержца. Ее видели 46 дней».

Расположение планет в это время тоже было зловещее: Сатурн перешел во Льва, Юпитер в Тельца, Марс в сентябре и октябре, т.е. во все время пребывания кометы на небе, шел по Скорпиону, куда спешило и Солнце из Девы, вместе с Венерой и Меркурием.

Все эти, соединившиеся вместе обстоятельства, неизбежно должны были вызвать большую тревогу как в христианском, так и в исла-

¹ Сатурн ходил весь год взад и вперед около Ослов, созвездия Рака и Яслей Христа, что напоминает год Осла; Марс тоже проходил в сентябре мимо Ослов в этом году, а благодетельный Юпитер в 1300 все время ходил по Овну — символу закланного Агнца, что должно было вызвать ожидания и у христиан. А 15 августа 1300 года, за месяц до начала 700 года Хиджры, было солнечное затмение в самой середине созвездия Льва со серединой в 10 часов 43 минуты от Гринвичской полуночи и около полудня в Египту. Полоса полного затмения шла из Атлантического океана, через Марокко, Сахару и верхний Египет к югу от Баб-эль-Мандебского пролива в Индийский океан. В частном виде оно было хорошо наблюдаемо в Испании, всей Северной Африке и Аравии.

мит-ском мире и ряд зловещих пророчеств и беспокойных ожиданий конца мира. Такое предположение сразу объясняет и сказание о «годе покрытий» и о переходе этого имени в созвучный с ним на языке Корана «год осла». Но, остановившись на этом выводе, мы опять приходим к тому же выводу, как приходили и ранее разными путями: почти все восточные предания и книги, которым придается очень древнее происхождение, возникли не ранее XIV века нашей эры и большею частью под европейским влиянием.

А кроме того, мы получаем и другие интересные указания.

Неисполнение всеобщих ожиданий и предсказаний всегда приводило к разочарованию людей в своих старых верованиях и переход их к какой-нибудь другой вариации той же самой религии. Так должно было произойти и в этом случае. И вот мы видим, что через восемь лет, когда страхи окончательно улеглись и налегания агарянских годов на христианские прекратились, новый монгольский иль-хан Персии Ульчжейту (1304—1316 г.) открыто перешел к шиитству, получив от правоверных прозвище «Слуга Осла (Хербенде)». Отсюда можно заключить, что и шиитство в Персии возникло только с «года Осла», как протест против не оправдавшего себя в 1301 году суннитства, т.е. правоверного магометанства, водворенного по нашим выводам только Магометом Газни (ум. 1030 г.).

Мы видим, что ситуация получается почти та же самая, только вместо Мервана Стойкого Осла, — не подходящего хронологически к 700 году нашей эры, у нас получается «Слуга Осла» Ульчжейт.

Эта вычисленная мною таблица наглядно показывает, что со времени начала агарянской эры начальные годы ее столетий только один раз налегали на начальные годы христианских веков. Это был 701 год Хиджры, целиком налегший на 1301 год византийского счета с 1 сентября. Он начался лишь на неделю позднее (7 сентября) и окончился на 3 дня ранее (28 августа). То обстоятельство, что он сел на христианский год, как всадник на осла, да еще с бичом-кометой, вероятно, и дало импульс к мусульманскому преданию о «годе Осла» и к названию таким именем вообще начальных годов каждого века.

Таблица I

Налегания начальных годов каждого столетия Хиджры на юлианские годы (вычислено с точностью до 1 суток, так как в разных счетах они начинались то с полуночи, то с полудня, а у астрономов, чтобы не перебивать ночь, то с вечера, то с утра)

Год	Начало	Конец	Достопримечательности
1	622-VII-16	623-VII-6	Ничего замечательного на небе
101	719-VII-24	720-VII-14	Лунное затмение 719-VII-24; 2 ч. 42 мин.
201	816-VIII-1	817-VII-22	Сомнительная кометка в Тельце, при солнце в Козероге
301	913-VIII-9	914-VII-30	Ничего замечательного на небе
401	1010-VIII-10	1011-VIII-5	Ничего замечательного на небе
501	1107-VIII-23	1108-VIII-13	Лунное затмение 1107-VIII-23; 23 ч. 29 мин.
601	1204-VIII-30	1205-VIII-20	Лунное затмение 1204-VIII-30; 17 ч. 38 мин.
701	1301-IX-7	1302-VIII-28	Замечательная комета Галлея в начале этого замечательного года
801	1398-IX-14	1399-IX-4	Ничего замечательного на небе
901	1495-IX-22	1496-IX-12	В августе была небольшая комета
1001	1592-IX-29	1593-IX-19	Ничего замечательного на небе
1101	1689-X-7	1690-IX-27	Была небольшая комета
1201	1786-X-14	1787-X-4	Ничего замечательного на небе
1301	1883-X-21	1884-X-11	Ничего замечательного на небе

Таблица II

Налегание нулевых годов Хиджры на нулевые годы юлианского счета

Год	Начала	Конца
0	621-VII-26	622-VII-16
100	718-VIII-3	719-VII-4
200	815-VIII-11	816-VIII-1
300	912-VIII-19	913-VIII-9
400	1009-VIII-25	1010-VIII-15
500	1106-IX-2	1107-VIII-23
600	1203-IX-10	1204-VIII-30
700	1300-IX-17	1301-IX-7
800	1397-IX-24	1398-IX-14
900	1494-X-2	1495-IX-22
1000	1591-X-9	1592-IX-29
1100	1688-X-17	1689-X-7
1200	1785-X-24	1786-X-14
1300	1882-X-31	1883-X-21

Глава XI

ОБЩЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВСЕХ ТЕОСОФИЙ СТАРОГО СВЕТА

Когда освободишься от рабства разноязычным именам, прикрывающих различием звуков одинаковые по своей сущности понятия и представления, то быстро убеждаешься, что первичные мифологии разных народов не более различаются друг от друга, чем разноместные березовые рощи с их подрастительностью. И подобно тому как они, охватившие теперь всю северную часть умеренного пояса земного шара, не возникли во всех его местах самостоятельно, а последовательно распространились из области первоначального зарождения березы и только осложнились своею подрастительностью, распространившеюся тоже из разных нередко чрезвычайно отдаленных стран, так и в религиозных верованиях лингвистические корни имен мифологических существ или общность представлений под разными звуками имен, дают нам часто полную возможность определить страну, в которой первоначально возникло данное фантастическое или мистическое представление.

Вот, например, хотя бы слово нимфа, вошедшее в поэзию почти всех европейских языков. Только на греческом языке она имеет реальный смысл и значит просто «невеста». Совершенно ясно, что представление о нимфах распространилось из области греческого языка, где им обозначалось существо вроде русалки, заманивающей своими улыбками одиноких путников. Вот слово сильфида, тоже вошедшее во все европейские литературные языки и обозначающее прекрасное воздушное существо, и несомненно, что оно пришло к нам из Италии. Особенно заметно это в христианских представлениях, где самое слово «Христос» пришло к нам никак не из Палестины, где оно не имеет никакого смысла, а из греческой части Великой Ромеи — Византии, где оно просто значит: помазанный священным маслом в знак мистического получения прав учительства, нечто вроде магистра — в эпоху возрождения в западных университетах, еще мало отличавшегося от мага в народных представлениях.

Я мог бы здесь наполнить несколько страниц такими лингвистическими сопоставлениями и сделать соответствующие выводы о

месте первоначального возникновения почти любого мифологического или религиозного представления, но это в большинстве случаев так просто, что знающий несколько основных языков и сам легко может сообразить, и потому закончу эти соображения только одним последним выводом, к которому я и подготавливал читателя. Вот, я только что сказал, что представление о Христе возникло не в Палестине, а в Греции, потому что слово Христос имеет самостоятельный смысл только на греческом языке, но вот аналог его в Монголии, Тибете и Индии — Буда или, вернее, Будда¹, имя которого несомненно происходит от славянского слова будить, а книга, в которой впервые появляется этот воскресавший по их представлениям уже несколько раз богочеловек, называется Ведами, опять от славянского слова ведать, чужого для тех стран, в которых распространился буддизм. И если мы посмотрим в довершение на санскритский язык, которым написаны священные книги, в которых начинаются первые ростки буддизма, развившегося уже впоследствии, то увидим, что он весь переполнен словами явно славянского происхождения и так же чужд местным языкам всего восточного азиатского континента, в том числе и Индии, как был когда-то чужд латинский язык христианско-католического богослужения для немецкого, датского, скандинавского и великобританского населения, но существовавший вплоть до начавшейся там реформации как единственный и обязательный язык религиозных и даже — хотя и не обязательно — научных книг.

Аналогия санскрита в Индии и в соседних с нею странах «ведской» умственной культуры с латинской в средней и северной Европе в средние века и в эпоху возрождения так велика, что для свободомыслящего филолога не остается другого выхода, как сказать: все внушенные нам представления о самостоятельном возникновении брамаизма и буддизма в Индии и Тибете (и притом еще в глубокой древности) находятся в непримиримом противоречии с существующими до сих пор и доступными для непосредственной проверки филологическими фактами. Буддизм и брамаизм такие же наносные в своих местах религии, какими был и католицизм в западной Европе, и занесены они туда из одного и того же центра своего возникновения — из Великой Ромеи, которая, заключая в себе Египет, Сирию, Балканский полуостров и Италию, дала начало четырем стадиям культуры: раввинской, с обязательным европейско-библейским языком, представляющим искажение критско-арабского, славянской с искажением его церковно-славянским, греческой с

¹ По-санскритски.

искажением его в церковно-греческом, а затем эволюционно в классической эпохе возрождения; латинской (с искажениями сначала в церковно-латинский и последующей эволюцией в классический латинский той же эпохи возрождения).

О латинской и греческой гегемонии я уже говорил в первых томах, а здесь скажу лишь о последних.

Теология коптско-арабской библейской гегемонии двинулась на Восток в мало сопротивляющиеся страны, пошла до Индии и Монголии и перешла в существующее теперь магометанство накануне крестовых походов.

Теология славянской христианской гегемонии перекинулась через плохо поддававшиеся ей ближайшие страны Азии, где уже окрепла библейская интеллектуальная культура, как при Колумбе испанская литература перекинулась через Атлантический океан, и осела в лесах языческой еще тогда Индии, а оттуда, значительно изменившись по пути, перешла в Индокитай, Китай, Тибет и Монголию. И все это было уже после начала средних веков, так как брамская троица три-мурти (русское три морды) носит все признаки христианской и сам многовоскресавший индульский богочеловек Кришна есть не что иное, как усовершенствованный греческий Христос. Здесь мы имеем уже и философское определение бога по Евангелию Иоанна: в начале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было — бог, и без него не было ничего, что было (гл. 1), так как имя бога отца индулов Брама и значит в переводе «Слово». Такое учение известно в философии под именем Логоса — откуда теперь наука логика (учение о слове), зоология (животнословие), геология (землесловие), филология (любословие) и т.д. — развилось только в средние века, а потому и появление его в индульской троице Три-Мурти могло произойти никак не за две тысячи лет до возникновения учения о логосе, а с ним и всяческих логик, а только вслед за этим временем. А буддизм, как согласны все ученые, возник уже из брамаизма, как протестанство из католицизма, а потому явился уже позднее.

Само учение восточноазиатских браминов и буддистов о переселении душ не так уж отличается от учения европейских теологов, как может показаться с первого взгляда. Ведь и по христианскому учению отцу и матери принадлежит только тело ребенка, а на душу его оно смотрит не так, как современные ученые-естествоиспытатели. В глазах этих вольнодумцев душа человека и животных есть только комплекс различных свойств их тела, причем сознание своего состояния принадлежит только их мозгу. Руководясь законом вечно и непрерывно совершающегося эквивалентного превращения физических сил друг в друга,

света в теплоту, теплоты в электричество, электричества в химическое сродство, химическое сродство в притяжение, а также и обратно во всевозможных комбинациях, они рассматривают и деятельность человеческого ума и воли, как постоянно возникающую из света теплоту, электричества химического сродства окружающей природы и, отработав обратно, превращаются в них в эквивалентном количестве, никогда не уменьшающейся в общем своем количестве. Человеческий мозг и тело служат только как бы временными фокусами, в которых сосредоточивается эта игра всех физических сил, причем индивидуальность характера данного человека или животного и особенности его психической деятельности, т.е. всего его поведения в отношении к себе и ко всем окружающим, обусловлены комплексом всех его прежних впечатлений от окружающего мира. Те из них, которые приобретены им после рождения, называются приобретенными условными рефлексами, они могут легко подавляться или заменяться новыми путем специального упражнения, другие, переданные по наследству, как, например, пенье петуха, любопытство человека, половой инстинкт, всех высших животных и т.д., неуничтожимы по его воле и при насильственных препятствиях приводят к уродливым последствиям или к гибели самого тела. Ощущение своего сознательного индивидуального существования имеет у нас своей основой только память о прошлых переживаниях, доставляемую ему (по моим представлениям) в мозжечок, невидимыми отпечатками в сером веществе его большого мозга. Этот же процесс дает ему представление и о времени. Без памяти нет времени, а без времени нет и представления о каком-либо существовании, т.е. происходит субъективное как бы погружение в нирвану буддистских учителей.

Но разница с буддистскими учеными-философами (так как общая масса представляет свою нирвану просто вроде христианского рая на высшем небе) у современных естествоиспытателей в том, что погружение индивидуума после смерти в бессознательное состояние только субъективно для него, а на самом деле силы, которые обуславливали его индивидуальное представление о себе, лишь переходят в те же свет, теплоту, электричество, магнетизм и электрическое сродство, которые его и создали, и новые комбинации, которые опять возродятся, сосредоточившись, как в фокусе вогнутого зеркала, в новом индивидууме того или другого видоизменения органической жизни, и так без конца по тем же самым эволюционным законам, пока данная планета не окончит свое существование, а в глубине мирового пространства не возникнет новая, развитие которой пойдет по тем же вечным законам эволюции небесных светил.

В отличие от этого реалистического представления о теле и душе, как лишь о взаимоотношениях двух процессов, совершающихся во времени и пространстве наподобие волн в безбрежном океане, буддийская психология, как и христианская, резко разделяют душу и тело живых существ и приписывают им независимое существование, в чем и заключается основная ошибка:

Представление о независимой душе с оттенком христианского мировоззрения прекрасно выражено в стихотворении Лермонтова «Ангел».

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел.

И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,

О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Но новую душу в объятиях нес
Для мира печали и слез.

И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием тайным полна.

И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

С такой точки зрения только тело человеческого зародыша принадлежит его матери и отцу, а душа приносится в момент его зачатия извне от бога и руководит после рождения своим телом, как рулевой паролотом. И это же дуалистическое представление мы видим у буддистов, но только понятие о странствованиях души после оставления его тела, которое немедленно попадает во власть нечистых духов и начинает гнить, если его сразу не превратят в газы путем сожжения на костре, — уже значительно усложнились, чем и доказывает снова, что восточноазиатские религии были лишь дальнейшим развитием занесенного туда из Великой Ромеи христианства.

Как и христиане, они считают все на свете сотворенным богом-отцом, считая его, как и христиане в своей позднейшей теологии, духом всеведующим, всеблагим, неизменяемым, всемогущим, вездесущим, безначальным, вседовольным и всеблаженным.

С этой точки зрения следовало бы ему творить и посылать на землю для человеческих зародышей все души вполне совершенными и безгрешными, но потому ли, что материал для их производства на небе был плох, или по другой какой причине этого не вышло. Души оказываются часто своевольными, капризными и даже часто не признающими своего творца за творца. Богу не оставалось ничего, как их наказывать разными пытками в аду, что и допустили христианские учителя, но это так противоречило понятию о доброте творящего их бога-отца, который всегда мог бы сделать их хорошими, что невольно отталкивало идею о жестоких наказаниях. Притом же постоянное творение новой души для каждого нового человеческого или животного зародыша явно приводило к такому выводу; при огромном количестве земного населения, причем каждую секунду зачинается, может быть, по тысяче всевозможных зародышей, богу ни для чего другого не оставалось бы времени, да и число душ уходящих из почивших тел в ад или рай возрастало бы до бесконечности. И вот буддизм исправил этот логический недостаток, признав, что души не творятся все новые и новые, а сами ждут образования подходящих зародышей, чтобы немедленно вселиться в них по тому принципу: ведшие себя в данном биологическом виде плохо воплощаются в зародыши низких родов и видов, а ведшие себя хорошо — в зародыши высших, с которыми и связывают свою судьбу. Таким образом своевольные души могут своим упорством дойти до самых низших и противных, и наконец попасть в ад под землю, а послушные законам своего творца до его собственного дворца в раю на небесах, где уже и остаться навсегда. Это и есть царство успокоения.

Мы видим здесь и ад и рай наподобие христианских, но детали уже более развиты, что опять приводит к выводу о более позднем возникновении религий восточной и южной Азии сравнительно с европейским христианством. А заимствования из него отдельных деталей настолько подавляющи, что исследователям нашего времени ничего не оставалось делать, как признать, что христианство деградировало из восточных религий или они развились из него. Но, к сожалению, до сих пор они держались первого решения, отчего и не могли перейти на эволюционную точку зрения.

Глава XII
О Сассанидах, Ахменидах,
Селевкидах в связи с религией Зороастра
Нет

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Индуистская божественная семья как пережиток средневекового классического христианства

Глава I

СЛАВЯНЕ И ХРИСТОС

Чем более вдумываться в распространение христианства по старому свету в средние века с филологической точки зрения, тем более убеждаемся в громадной роли ромейско-византийских славян в этом деле. Европейским историкам, в детстве получившим почти гипнотическое по своей силе внушение, что христианство распространилось с берегов Мертвого моря в Палестине («стране кочевников», по-библейски) через греков и римлян, еще простительно было бы недосмотреть этот факт, благодаря их недостаточному знанию или неполному знанию славянских языков. Но как до сих пор недоглядели этого наши славянофилы?

Мне скажут: лингвистическими сопоставлениями можно доказать, что угодно... Но ведь это только до тех пор, пока вы сопоставляете слова бессмысленно, вроде, например, немецкого слова *Gott* — бог с русским словом «год». Или еврейского названия того же бога с русским словом «ель».

А если вы, наоборот, сопоставляете их не только по звукам, но и со смыслом — созвучно и сосмысленно — и притом не одиночно, а целыми сродными группами, то этот метод по математической теории вероятностей должен считаться одним из самых надежных и прочных способов историко-археологических изысканий.

По отношению к затронутому мною вопросу об огромной роли славян в деле распространения средневековой теологии, филологический метод дает поразительные результаты, представляющие культурную роль Великой Ромеи в совершенно новом свете, но вполне согласные с тем, что и теперь мы видим на Балканском полуострове и особенно в его столице Царь-Граде.

И в XIX веке нашей эры там живут в тесной смеси и турки с их Кораном — этой легкой вариацией библейского пятикнижия и библейских псалмов, как по языку, так и по смыслу, и славяне с их славянской библией и Евангелием, и единоверческие с ними греки и латины —

итальянцы, с их римско-католической культурой, а если вы возьмете не один Царь-Град, а всю наиболее культурную европейскую часть прежней Великой Ромеи — Балканский полуостров, то увидите, что даже и в XIX веке славянское население было в ней преобладающим, а ранее славяне и еще более преобладали, как показывают славянские названия мест, где уже почти вытеснено славянское население. Таковы, например, название Венеция, т.е. Венчанная, полуостров Морея, т.е. Морская Земля, не говоря уже о многих местечках в современной Греции, сохранивших прежние славянские имена, указанные Фальмеранером. Да и самое слово грек — есть славянское горяк или горец, так как оно неизвестно на греческом языке, потому что сами греки называют себя всегда ромеями, т.е. римлянами, или эллинами, т.е. народом Божиим, от еврейского корня Эл — бог. Кроме того, и выступили на историческую сцену лишь в V веке нашей эры, как религиозные бунтовщики против семитического арианства под влиянием Апокалипсиса, может быть, первой книги, написанной по-гречески и гениальным греком-астрологом Иоанном, получившим за нее название Златоустого. Лишь на несколько столетий позднее появились на греческом языке и Евангелия, упрочившие грекам религиозную гегемонию на востоке Европы и в Азии, хотя авторами их могли быть и славяне, для которых греческий язык, как богослужебный со времени Иоанна Златоустого, был тем же, чем латинский для Западной Европы. И те, и другие учили первоначально на своем, узком и тесном, богослужебном языке, а потом разработали его в соответствующий классический, уже много более просторный и сложный, и по словарю и по грамматическим формам. Но точно ли славяне на Балканском полуострове, составлявшие большую часть населения, настолько раболепствовали перед своим богослужебным языком, чтобы не пытаться создать сейчас же и свою национальную литературу? Сами наши исторические первоисточники показывают обратное. Балканские славяне пошли даже далее западных родов, так как уже в середине IX века двое славянских ученых Кирилл (ум. 885 г.) и Мефодий (ум. 869 г.) перевели, несмотря на сопротивление Великих Римских понтификсов, и сами Евангелие и Библию на славянский язык, и в таком виде стали распространять христианскую литературу и далее. А если вы припомните мой вывод в I томе «Христа», что важнейшее по своей поэтической силе и таланту Евангелие Иоанна, почти наверное написанное Иоанном Дамаскиным (ум. в 777 г.) не в Дамаске, а в Дар-Мешке, т.е. городе Наследственной Власти, как Дамаск везде называется в библейской книге Паралипоменон, и что Евангелие Луки вместе с Деяниями апостолов писано Лукою Элладским (850—946) уже после Ки-

рилла и Мефодия, то вы придете к заключению, что славянские тексты этих книг были одновременно с греческими и что славянская богослужбная литература вовсе не дочь греческой, а сестра и греческой и латинской, и может считаться дочерью только раввинско-мессианской литературы, как она отразилась в Апокалипсисе и библейских пророчествах, и даже кажется, что в распространении христианства на Азиатском континенте она играла не меньшую роль, чем и раввинское мессианство.

Исследуем же этот предмет филологически, руководясь нашим методом созвучия-сосмыслия целых групп слов.

Я не буду повторять того, что уже детально развивал в III томе этого исследования, о том, что огромное количество основных слов в богослужбном языке индусов чисто славянские. Весь этот язык, такой же чуждый местному населению Индии, как и латинский был для жителей Европы, имеет по своему лексикону характер смеси славянских и еврейских слов, лишь с незначительной примесью местных, и в таком виде мог быть перенесен туда только балканскими славянскими проповедниками одновременно с Кириллом и Мефодием.

Не возвращаясь уже к сказанному ранее о нем, я приведу только несколько чрезвычайно показательных случаев.

Вот Буда (или Будда) буддистов, имя его значит будитель и пробужденный, от славянского корня будить, и созвучно и сосмысленно.

Вот бог-спаситель индусов по имени Кришна. И без меня уже указывали, что это двойник Христа. Но двойниками от рождения до смерти были только Сиамские близнецы, да и те, проехавшись по Европе и заработав своим визитом много денег, попросили, говорят, наконец их разрезать.

Кришна явно сам Христос, уже с международным своим именем пришедший из Европы в Индию не иначе, как через Босфор и Царь-Град.

Вот индусская троица Три-Мурти... И созвучно и сосмысленно это славянское выражение Три-Морды, причем слово морда первоначально не имела, конечно, современного русского насмешливого смысла и Три-Мурти значило три лица святой христианской троицы.

Посмотрим теперь на каждое из трех лиц: Брама, Вишну и Шива.

Бог Вишну созвучно со славянским бог Вышний или превосходной степени Всевышний бог. Здесь тоже и созвучное и сосмысленное тождество. Он, спустившись с неба, обошел весь мир тремя шагами, совсем как Юлий Двух Концов Земли (Джюль Карнайн в Коране), отождествляющийся у нас и с Александром Македонским и с императором Юлианом, совершившим поход и в Галлию, и в Индию, а сам Юлиан и был Великим Царем (Василием Великим по-гречески), основателем христи-

анского богослужения, давшим начало мифу о Христе. Ведь христианская литература впервые введена в его царствование и не могла быть против его воли. Он был отступником только от семитического арианства. Бог Вышний (Вишну), как и Христос по учению православной церкви, есть источник существования всех существ. Его супругой вместо Марии Магдалины является местная индусская Венера (Лакшми), богиня красоты и счастья. Его изображают с диском солнца (иеро-глиф Элисса-Юлия), с жезлом и (местное прибавление!) с четырьмя руками, тогда как у христиан в Европе не хватило для этого фантазии: единственный случай, который мне приходилось видеть — это икона Богородицы-троеручицы (рис.), но и у нее еще не хватает четвертой руки.

Бог Шива, по-славянски, очевидно, бог Живый, причем Ж превратилось в Ш по неумению произносить этот звук в промежуточных странах. Он в латинском произношении переходит также и в С (так что Шива обратился даже и в Сиву). Особенно же интересно, что и греческое слово Зевс тоже значит Живущий. К имени его постоянно прибавляется Мага-Дева — Великий Бог, но он не считается творцом мира, а соответствует более святому духу христианства, хотя и изображается не в виде голубя, а в виде человека с тремя глазами. Кроме того, этого святого духа, который все очищает и разрушает (как огонь) вдобавок еще и женили в Индии на местной богине Марвайт.

И, наконец, первое лицо этой индусской троицы — Триморди — бог Брама, что значит бог Слово, совсем как в Евангелии Иоанна, начинающемся словами: вначале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог. Это показывает, что брамины, как называются все его служители, являются потомками христианских проповедников, пришедших не иначе как с Балканского полуострова через Царь-Град, на что указывает и более белый цвет кожи этих браминов. Но можно ли и имя Браммы произвести от какого-нибудь славянского корня? Мы знаем только одно созвучное славянское слово «бормотать», причем могло существовать и первичное существительное «борома», т.е. говор, от которого, с одной стороны, могло возникнуть слово Брама, а с другой — бормот, подобно тому как греческое логос — слово отразилось в русском лгать.

Я не настаиваю, конечно, на последнем словопроизводстве. Дальнейшие исследования, возможно, обнаружат лучшее словопроизводство имени Браммы-Слова, а хочу только показать, что соответствие его Богу-Отцу христианской троицы несомненно. Как у русских и греческих христиан вы найдете храмы с именами: храм Святой Троицы, храм Спаса, Храм Святого Духа, храм Пресвятой Богородицы, храм Архангела Михаила, храм Николая Чудотворца, но не найдете нигде «храма богу

Отцу, вседержителю, творцу неба и земли, видимых всех и невидимых», так и у браминов есть храмы кому угодно, но нет ни одного верховному богу — Бrame. Обычное объяснение, что первое лицо пресвятой троицы вообще «выше всякого почитания», годно только для того, кто запоминает слова, как попугай, не сопоставляя их смысла с окружающей действительностью. Ведь существует же у христиан молитва «Отче наш» — со всякими просьбами к богу-отцу, так почему бы не построить ему и алтаря? То же самое и о Бrame. Объяснение тут может заключаться лишь в том, что первоначально храмы ставили ему у подножия Везувия и Этны, а затем и в областях Средиземного моря, подверженных частым землетрясениям, считая его богом-потрясателем земли, и то обстоятельство, что он сам же и разрушал время от времени воздвигаемые ему алтари, и могло привести к заключению, что он не желает себе жертвенников, оскверняемых приходом недостойных.

И здесь мы видим указание на сходство христианского культа с брамаизмом, но уже в позднейшей стадии, как у современных теологов, отказавшихся от прежней привычки представлять его могучим стариком, летающим над облаками, с развевающейся по ветру седою бородой, и объявивших бога-отца вездесущим и бесконечным творческим началом. Так и у индусов Брама стал теперь пантеистической сущностью, источником всего живого, возвращающегося к нему же. Мы видим, что и здесь теософия брамаизма следовала за теософией в Европе и едва ли могла быть самостоятельной, а первичное представление бога-Слова и у индусов было личным, ему в Индии дали даже и супругу с именем Сара-Свати, иначе Царя Святи, т.е. Святая Царица.

Таковы первостепенные славянизмы в ведийской религии, где и самое название священных книг Веды славянское и значит «ведение», что сохранилось и у нас в названиях землеведение, мироведение и т.д., а слово санскрит созвучно и сосмысленно с италийским <...>

А вот, например, еще и Зендавеста, и мифический ее автор Зороастр.

Зендавеста и созвучна и сосмысленна со словом Санта-Весты, т.е. Святая Весть, по-гречески Евангелие. Случайно ли это сосмыслие и созвучие? Автор ее — Зороастр — созвучно со Зрящим Звезды, т.е. с астрономом, если считать, что первая часть происходит от славянского «взор», а вторая часть от ромейского «астра» — звезда, чему не мешает и клинописное начертание Зарат-уштра, так как слово Астра созвучно с уштра при обычном переходе С в Ш и обратно и выходит: Зрит Звезды.

Все это, мне кажется, не оставляет ни малейшего сомнения в том, что все азиатские религии пришли туда с Балканского полуострова и глав-

ным образом через славянских миссионеров. Но и на западе мы видим их влияние.

Вот, например, бог Один. Это верховный бог скандинавской мифологии, творец мира и его законодатель. В тех местах, где его чтили, это имя не имеет никакого значения, а у славян это Единый Бог. Опять и созвучно и сосмысленно, а потому является надежным указателем, что этот Единый Бог пришел опять с того же Балканского полуострова, когда там уже было введено единобожие, т.е. в средние века, не ранее возникновения оживившейся сейсмической деятельности.

Так теологическое сопоставление религиозной терминологии может служить нам надежным компасом при исторических исследованиях, и этот метод заслуживает несравненно большего применения, чем делается до сих пор.

Глава II

ВСЯКОЕ ПРОЗАИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ НЕ ДРЕВНЕЕ ТОГО ВРЕМЕНИ, КОГДА ОНО ВПЕРВЫЕ ЗАПИСАНО

О ком они рассказы пишут?
Где разговоры эти слышат?

Таковыми словами охарактеризовал в первой половине XIX века ту часть нашей тогдашней беллетристики, которая, не считаясь с психологическим состоянием тогдашнего общества, выводила на сцену небывалые типы и влагала им в уста небывалые речи.

Теперь нам, привыкшим к реалистическому роману, эти произведения кажутся просто неумелыми, по-детски наивными, а наши дети, еще не имевшие другой изящной литературы, кроме еще более детских фантастических сказок, еще зачитывались ими.

Но реализм, давно проникший в европейскую беллетристику, все еще почти отсутствует в европейской истористике, если можно так выразиться.

Наши истории государств или даже так называемые «всемирные истории» все еще во многом похожи на те романы, где авторы, забывши, что их героям и героиням по их физической природе необходимо было хотя бы через сутки пить и есть, ставили их в такие сочетания приключений, при которых им абсолютно нельзя было этого сделать по целым месяцам.

Правда, что в них нет уже таких первосозданных богатырей, о которых в русских сказках говорится, как при встрече с несметным полчищем врагов:

Махнет мечом направо – улица,
Махнет налево – переулочек,

но все же приписывают людям прошлого такие качества, которые не уступают этим богатырям меча.

Главнейшее из этих необычайных качеств наших предков – это, поистине, богатырская их память.

Чтобы иметь здесь реалистическую основу, я предлагаю опыт, который не раз производился в мое время для иллюстрации точности расска-

зов, передаваемых через несколько человек. Вокруг стола садилось с десяток человек, из которых первый, выписав на бумажке какой-нибудь коротенький рассказ, хотя бы в десяток строк, передавал его на ухо своему соседу, тот делал то же самое соседу и так далее, вплоть до последнего, который его записывал со слов предпоследнего рассказчика. Затем обе бумажки прочитывались вслух, и всегда оказывалось, что содержание обеих записей настолько разнилось, что его нельзя было узнать, особенно если в нем встречались какие-нибудь иностранные имена. Выходили два совершенно разных рассказа на основании того психологического закона, что представления слушающего никогда не бывают тождественны с представлениями рассказывающего.

Таков основной закон всякой традиции, в том числе и исторической, так как слово традиция и значит передача словами какого-либо ряда событий. Через десять поколений она должна сделать всякий рассказ неузнаваемым и так перепутать имена чужих мест и деятелей, что их придется восстанавливать по косвенным соображениям, установив общие психологические законы эволюции мифов, и сравнивать между собою их варианты.

— Но это, — скажут нам, — и делает уже историческая критика.

— Да, — отвечу я. — Но только как?

Вот, например, в двух найденных в разных местах в разное время списках каких-нибудь повествований о давно минувших событиях, кроме вариантов, время от времени попадают места, буквально повторяющие друг друга. Если бы такие буквальные совпадения, хотя бы несколько фраз, произошли в сочинениях двух учеников средней школы, сделанных по заданию учителя в классе, то он объявил бы, что один просто списывал у другого, а в исторической критике делается вывод, что один документ подтверждает другой, или, в крайнем случае, говорится, что оба пользовались третьим затерявшимся теперь документом. Пусть так, но стал ли этот более древний документ достовернее оттого, что его списывали два человека? Поскольку же Евангелие Марка с его чудесами стало достовернее оттого, что его почти целиком переписали евангелисты Лука и Матвей, дополнив лишь новыми прибавками невероятного.

Историческая критика XIX века, когда с ней познакомишься по подлинным произведениям ее основоположников, так детски наивна, что часто нельзя ее читать без улыбки. А подкрепления исторических предположений другими науками нередко ставят понимающего эти науки читателя прямо в тупик. Вот, например, один египтолог вычислил «астрономически», что пирамида Хеопса построена за столько-то тысяч

лет до начала нашей эры, потому что найденный в ней канал от гробницы, который был направлен, конечно, на небесный полюс, отступил от него на столько-то градусов. А так как это движение небесного полюса вокруг созвездия Дракона ровно на $1^{\circ}39'$ в столетие, то, разделив на это число полную величину отступления, мы найдем, за сколько столетий до нас была построена эта пирамида. Как все это кажется просто и ясно. Но оно просто и ясно только для представляющего себе сущность процессии.

Ведь небесный полюс есть та точка неба, на которую направлена земная ось. Значит, для того чтобы канал пирамиды показывал на небесный полюс, надо только одно, чтобы он был сделан параллельно земной оси и больше ничего. И если он теперь оказывается непараллельным земной оси, то и никогда не был параллельным, а если был, то был бы и теперь. Он мог бы сделаться параллельным лишь от перемещения земной оси на самой земной поверхности, а не на небе. А раз никакого систематического перемещения земного полюса на земной поверхности, кроме легких шатаний, не установлено, то и вопрос о канале решается лишь в том смысле, что строители пирамиды немного ошиблись в его направлении и больше ничего.

Но и без таких наивных ляпсусов, ярко показывающих на односторонность образования прежних историков, прошлая историческая критика не дает никаких поводов для удивления себе, разве только в отрицательном смысле.

Вот, например, хотя бы индусская литература. Ведь письменность занесена в Индию не так уж давно, в арабские времена. (Сравнить санскритскую азбуку с арабской).

— А как же передавались индийские сказания до этого времени?

— Передачей из уст в продолжении тысячелетий неизменно, — отвечают нам.

— Но ведь в природе нет ничего неизменного, — ответим мы.

Все-таки говорит классический...

Глава III

КОГДА НАПИСАНЫ ВЕДЫ

Древнейший известный нам период индийской религии называется ведическим по имени священных писаний этого времени.

Слово «Веда» означает «ведение», что вошло в русский язык, например, в словах «землеведение», «мироведение». Священное учение, изложенное в этих книгах, считается возникшим путем откровения, и потому является несокрушимым авторитетом для веры и жизни. Ведийская литература включает в себя не только священные песнопения, но также руководства к совершению богослужбных обрядов и к практической теологии, а также начатки философского умозрения. Собрание песнопений, составляющих главную часть вед на индийском языке носит название «мантрас». Они распадаются на четыре сборника: Риг-Веда — книга, содержащая религиозные гимны; Сама-Веда — тексты; Яджур-Веда — молитвенные формулы, употребляемые при жертвоприношениях, и Атарва-Веда — книга магических песен и заклинаний.

Из этих книг для изучения религии важны только Риг и Атарва, а два другие сборника носят более технический характер. В них излагаются вообще всякие обряды при жертвоприношениях, но при этом приводится также много мифологического, теологического и даже грамматического материала.

За ведами следуют «сутры» (иначе вегандас — «члены ведения»), которые впрочем, принадлежат отчасти к той же области литературы. Они служат «руководством» для школьного обучения и поэтому изложены в значительно более сжатой форме, чем веды, которые пространны и многоречивы. Они трактуют, между прочим, о домашних обычаях и о законоведении. Знаменитое собрание законов Ману возникло из этой литературы.

Касательно древности ведических песен существуют только смутные предположения, но время возникновения этих песен не может быть глубоко потому, что на них лежит современный чисто индийский отпечаток.

Легкомысленно основываясь на астрономических данных, имеющихся в ведической картине мироздания и допускающих сколько угодно решений, Якоби определил время за 2000 лет «до Р.Х.»; он даже

думал, что нашел следы более древнего летосчисления, относящегося к минус 4000 году.

К такому же легкомысленному результату одновременно пришел и индийский астроном Тиллак. Но даже самые пристрастные к древности санскритологи не убедились их вычислениями, не имеющими под собой достаточно твердого фундамента.

Если мы и находим в ведах следы юношеской фантазии и примитивных воззрений, которые свидетельствуют о молодости народа, то эти же черты характеризовали индусский фольклор и теперь. А схоластико-философские мудрствования, состоящие из многословия, есть тоже первобытный признак, обуславливаемый скудостью знаний. Большая часть столь высоко прославленных ведийских стихотворений религиозного или нравоучительного характера, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей в своей иллюстрированной истории религии, — имеет формальный и безжизненный характер, отличается бедностью мысли, и даже для самих индусов они являются темными. Но не все стихи Риг-Веды духовного содержания, да и собраны они вовсе не в литургических целях; многие из этих песнопений носят вполне мирскую окраску, как, например, жалобная песня игрока, песнь о лягушках, где высказываются насмешки над браманскими школами. Встречаются в Риг-Веде басни о зверях и поэтические сказки, не говоря уже о песнях, относящихся к конским богам, и о непристойных стихах. Побудительной причиной для сочинения таких песнопений были большие жертвенные праздники, устраиваемые по распоряжению какого-нибудь князя или богатого господина. В таких случаях браман, наученный стихосложению, должен был представить песню, и авторы самым недостойным образом приравнивали свои сочинения к данному положению. Многие песни веды носят не только подобострастный характер, изобилующий лестью господину, в честь которого приносится жертва, и его страстям, но в них вполне откровенно выражается желание получить богатый гонорар. Все это могло существовать даже и после приезда англичан в Индию.

При большей части ведийских песен приводится имя сочинителя, но эти показания не имеют никакого значения, так как приписывать фольклорные сказания какому-нибудь знаменитому баяну очень обычно. Самым знаменитым из всех мифических авторов был Васишта, фамилии которого приписывается вся седьмая книга Риг-Веды. Подобно тому, как все другие повествования об авторах в ведийской литературе легендарного характера, так и история Васишты тесно связана с мифом о боге Индре и ему приписывается божественное происхождение. Он представляется нам в таком же виде, как Орфей и другие певцы отда-

ленной древности, которые не могли существовать в том виде, в котором их рисуют. И вот вместо того, чтоб смотреть на веды как на недавно составленные сборники индийского фольклора, имеющие только этнографическое, а не историческое значение, получившие их европейские ученые стали с чисто детской наивностью определять их время по фамилиям мифических авторов. Это распределение песен было так тщательно выполнено и по чисто произвольным правилам, что француз <...> даже нашел в них применение арифметической системы (число и длина песен и строф). Другие в поисках хронологии стали распределять песни по авторам, затем по божеству. Раньше всех стоит Агни, после него — Индра, и т.д. Стали хронологировать и по размеру, обращая внимание на строфы и держась точности, доходящей до педантизма. Десятая книга Вед, содержащая особенно большое количество заклинательных и философских песен, обыкновенно считается более позднего происхождения, чем прочие книги. А на самом деле о их «древности» проще всего судить лишь по времени открытия их европейцами, для удовлетворения поискам которых, вероятно, и записан весь этот фольклор вперемежку с браминскими преданиями недавнего времени. С этим согласны и сами ориенталисты. «Прежде всего следует заметить, что Веды в течение столетий были передаваемы устно, а не письменно, — говорит, например, Шантепи-де-ля-Соссей (стр.12). — Апофеоз их авторов достигает в них самих уже полного развития. Их отождествляют даже с богами (и прежде всего с Агни); они были одарены божескою проницательностью, были сотрапезниками богов и своими песнями и заговорами произвели гениев, а жертва их сообщила солнцу его сияние. В Пурушазукте (X, 90) приводится, что из жертвы первобытного человека произошли три веды, рядом с которыми хотя и не называется Атарва-Веда, но упоминаются заклинательные песни, а в Сатапати-Брамане повествуется, что Праджа-Пати, который первоначально существовал один, вследствие своего благочестия произвел из себя три мира (землю, воздух, небо), откуда в свою очередь произошли три бога Агни, Вайя, Сурия, а от них три Веды, как необходимое условие жертвоприношения. Из этого и подобных мест выясняется как божественное происхождение, так и мировое значение Вед: все миры собраны в тех Ведах и покоятся на них; таким образом, последние являются как эссенцией, так и основанием мироздания. Изучение Вед принадлежит к пяти ежедневным обязанностям: 1) принесение дара животным (кормление птиц); 2) людям (гостеприимство, до подания глотка воды); 3) предкам; 4) богам (до связки прутьев); 5) изучение Вед. Кто занимается этим изучением, тот уже приносит таким образом жертву богам: песни Риг-Веды — все

равно что дар молока, песни Яджур-Веды — масла, Сама-Веды — сомы, Атарвы-Веды — жира. За исполнение этой обязанности награждаются тем, что получают вечную жизнь и соединяются с Брамой. Но все это, читатель, говорится только в самих уже Ведах или в проповедях браминов. А действительно ли эти Веды постоянно читаются и изучаются даже браминами? Но ведь, если бы так, то экземпляры их должны были бы даже и в XVII веке иметься в каждой индийской пагоде? Ведь это не иголки в маленькой коробочке, которые можно утаить. Кроме того, для постоянного их пополнения должны были иметься в Индии во всех важнейших городах специальные цехи переписчиков, занятые только этим делом, как было в Европе до изобретения печатного станка. А для распространения их должны бы существовать и книжные лавочки... Где все это? Почему об этом никто не пишет? И если Веды в рукописях так распространены по Индии, что все брамины их имеют в своих домашних библиотеках, то как же скрылось все это от европейцев?

«Систематическое учение о Веде излагается, — говорят нам, — комментатором Саяна-Мадгава (14 столетие после Рождества Христова). Положение, занимаемое философскими школами относительно веды, было, — говорят нам, — чрезвычайно противоречиво, тем не менее все школы чувствовали необходимость изъяснить для себя это священное слово и подкрепить им свое учение. Также нужно было обсудить всевозможные сомнения и недоразумения и определить отношение предания к веде. К преданиям, кроме сутры, причисляли еще законодательные книги, философские афоризмы, и они признавались вытекающими из веды, или предназначенными для судров и женщин, чтобы и они могли найти путь к спасению, между тем как изучение веды было привилегией мужчин трех чистых каст».

Но ведь опять, читатель, для того чтобы поверить этим спорам, надо допустить, что у всех спорящих имелись эти книги, иначе это был бы не спор, а простые вопли. И вот, пока европейские ученые не объяснят нам, почему рукописи таких распространенных, по их словам, книг не были вывезены ими хотя бы в нескольких сотнях одноименных экземпляров в Европу и не хранятся во всех музеях, хотя бы по одному экземпляру, мой скептицизм по поводу общеизвестности их содержания в Индии остается в полной силе.

Относительно того, что слово Веда существовало там со времени средних веков, и того, что с этим именем соединялось представление о каком-то таинственном божьем писании, я, конечно, нимало не сомневаюсь. Но ведь номены не есть еще феномены.

Глава V

БРАМИНСКАЯ ТЕОЛОГИЯ ПО ЕВРОПЕЙСКИМ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ

Самым общим термином для обозначения бога на санскритском языке является дева, то же что латинское деус, от латинского корня диес — день, т.е. свет, а вместе с ним и голубое сияющее небо, по-санскритски диу или див. Но, наряду с общим названием бога, слово дева в то же время обозначает определенную группу сверхъестественных существ, называемых «девами», которые во многих гимнах противопоставляются другому семейству божеств — «азурам» (от азу — жизнь), показывая тем самым, что они являются живыми существами.

Число всех божеств в ведийской теологии обыкновенно считается 33, причем их еще разделяют по трем местопребываниям — небо, воздух и земля — на вазус, рудрас и адамиес. Однако же число 33 далеко не достаточно для фактического счета божеств; в одной песне веды говорится, что «3339 божеств воздавали поклонения Агни». Однако каждая ведийская песнь обыкновенно относится к одному или к двум божествам (хотя встречаются и песнопения, обращенные ко «всем богам»), и избранное божество часто прославляется как единое и высочайшее существо, причем без всякой критики влагают в его образ черты, функции и события из жизни этих последних. Происходящее отсюда смешение божеских свойств чрезвычайно затрудняет возможность составить определенное представление об индивидуальности отдельных божеств. Нельзя представить себе, чтобы подобное своеобразное направление могло служить преддверием монотеизма; оно скорее за-ключает в своих недрах зачатки более позднего пантеизма.

Ведийские божества чаще всего признаются «богами природы», причем их обыкновенно представляют себе или непосредственно, как естественные силы природы, или как представителей этих сил. Индра не есть молния, но он бросает молнию; Индра не дождь и солнце, но он есть тот, кто посылает дождь и солнечный свет. Агни есть огонь и не представляет ничего более, как эту стихию в ее различных формах, а такое божество, как Сурия, совсем тождественно с солнцем.

Нельзя в кратких словах охарактеризовать богов веды. Религия эта складывалась в течение долгого промежутка времени и явилась продуктом жизни многих поколений и народностей, поэтому не следует поражаться тем различием в представлении божеств, которое замечается в ведах. Это различие выступает еще яснее, если мы станем наблюдать пестрый мир низшей религиозной жизни, свойственный современной народной массе. Здесь, вместе с рядом светлых чистых божеств, существует в воздухе и на земле целый рой духов и демонов: черти, нечистые, эльфы, ведьмы и привидения, от которых человек должен стараться или защитить себя, или снискать их расположение. Эти божества второго разряда, как более удовлетворяющие религиозным потребностям народной массы, нежели установленные жрецами святые существа высшего класса, пользуются в ней не менее серьезным почитанием и так часто являются действующими лицами в мифическом кругу официальных богов, что трудно даже провести границу между миром богов и демонов. Если мы еще присоединим к этому первобытное почитание всевозможных предметов и явлений природы, каковы горы, реки, животные и растения, — одним словом, самый грубый фетишизм, с прибавлением к нему культа мертвых и почитания предков, то мы получим чрезвычайно смешанную и не всегда возвышенную картину ведийской религиозности, которая, однако, имеет то преимущество, что она дает нам всестороннюю и неподдельную ее характеристику. Считать этих демонов остатком первобытных туземных культов нет никакого основания и она настолько же совместного происхождения, как и сами божества и как совершенно подобный же мир духов, встречаемых нами и теперь в Европе.

Но все эти божества представляются обыкновенно обладающими вполне человеческими свойствами: они едят и пьют, чувствуют любовь и ненависть; кроме того, они не лишены способности к употреблению ловкой хитрости и грубой шутки. Они часто изображаются в виде воинов и еще чаще, а в более поздний период даже по преимуществу — в виде священнослужителей, отправляющих жертвенные обряды.

А там, где образы божеств не сливаются в нечто неопределенное, они теряются в чудовищном и сверхъестественном. Полуживотные, или вполне животные изображения, запутанные символы и всякие необычайные творения почитаются и теперь у индусов за божество. Не следует однако забывать (при часто делаемом сравнении с греческой религией), что подобные же грубые представления о божествах господствовали и в народной фантазии эллинов, и европейцев средних веков, и что

пластическая красота олимпийцев была созданием новейшего искусства, а не религии.

Духовная жизнь высших богов обладает обыкновенными качествами вполне развитого божественного типа — бессмертием, всемогуществом, всеведением и т.д. Однако это бессмертие сообщается им божественным напитком. Всемогущество есть нередко чисто физическая сила, а их всеведение в мифологии часто заключено в очень узкие пределы.

В числе индийских богов первое место принадлежит древнему «Диаус-Питару», т.е. Деусу Юпитеру латинов и Диосу-о-Патэру греков. Но нельзя решить, считался ли он в ведах отцом богов, или равным им богом; мы не имеем также никаких сведений о его характере, деятельности и культе, и в настоящее время нет, как у православных, храмов, посвященных богу-отцу. Представление о Диаусе тесно связывается с представлением о Притиви (земля), и у индусов, как и почти везде, земля признается богиней.

Так же высоко почитаемая Адити, согласно учению индийской теологии, является богиней земли. Она тоже часто, на основании чрезвычайно свободного и крайне сомнительного объяснения ее имени («несвязанная»), и ее сыновья Адитиим охраняют все: они суть небесные защитники всего мира; «далеко смотрят святые и, охраняя высшее владычество, карают всякое злодеяние», — говорят веды. Этическая сторона их деятельности везде выступает на первый план.

Митра, культ которого был так характерен для Византии в IV и V веке нашей эры, тоже принадлежит к числу божеств, которые в ведийский период мало заметны. Только одна песня посвящена ему исключительно; в других случаях он обыкновенно призывается вместе с Варуной, созвучным со славянским Перуном и греческим Ураном. Раньше Митра был, как кажется, могущественный бог западных арийцев, на что по крайней мере указывает его имя (по-санскритски «друг»). Из вед мы знаем, что его почитали как благосклонного бога-покровителя, который освобождает от нужды и бедствий, охраняет своих поклонников от болезней, смерти и гибели, умножает богатство и посылает людям здоровье, но, несмотря на все это, следует опасаться его гнева: «мы не хотим подвергнуться гневу Митры, любимейшего из мужей».

Варуна в представлении индусов рисуется обыкновенно в образе человека; его обитель находится высоко в небесах, он разъезжает туда и сюда на своей колеснице и носит пышное одеяние. Его часто величают «царем Варуна»; он господствует над всем миром и управляет им, следуя строгим законам. Везде, где есть воды, там Варуна проявляет

свое могущество; он распределяет небесные потоки и посылает их на землю. Варуна вездесущ, однако преимущественно пребывает на западе. Ему все известно, даже внутренние помышления сердец, а то, что он не может сам исследовать, то ему доносят тысячи духов. «Кто идет или стоит, кто тайно крадется, кто ищет себе убежище, или спешит от него, о чем говорят двое сидя вместе, то знает царь Варуна, присутствующий в качестве третьего. И если б я перешел за пределы неба, то все же я не ушел бы от царя Варуны; с небес спешат сюда его соглядатаи, обзирающие мир тысячью глаз». Так сходно звучит песнь Варуны с библейскими словами.

В качестве владыки мира Варуна прежде всего создал порядок природы. Он разделил небо от земли и основал подпоры, поддерживающие небо; он проложил широкий путь солнцу и распростер под ним землю, как кожу; он правит днями, как кучер своими лошадьми.

Варуна-судия в большинстве случаев является мстителем, но часто он представляется и богом милосердным, прощающим и забывающим вину, который в то же время вразумляет людей и кротко руководит ими в течение их жизни.

При обращении к нему молитва играет наибольшую роль и несколько отодвигает на задний план религиозную коммерческую сделку с богом — жертвы, в ведийских песнях, особенно в тех из них, которые приписываются певцу Васиште, слышится нередко искренняя, прочувственная молитва, и не без жалобного вопля: «Прости нам, Варуна, то, чем когда-то согрешили наши отцы; прости и то, что совершили мы собственной рукой; отними от меня мои собственные злодеяния и не допусти меня, о владыка, нести искупление за чужие грехи». Тут скорее всего можно бы допустить сравнение с библейским благочестием.

Имя Варуны обыкновенно производится от слова вар — окружать, покрывать. Но недавно Ольденберг и Гарди хотели доказать, что он был богом луны, а первый приписал ему даже семитическое происхождение, для чего историческим основанием служило некоторое сходство его с вавилонским представлением о богах.

Но деятельную жизнь постоянно воинственных индусов не удовлетворяли одни эти таинственные боги — азуры. Требовались смелые и отважные божества, которые могли бы помогать в войне и на работе и принимать участие в жизненных радостях; такими божествами, опять, по-видимому, с запада, явились девы, от деус — бог, которым и приносились преимущественно жертвы. Во многих ведийских песнях говорится, что девы похищают у азур божественный напиток и приманивают к себе жертвенный огонь Агни. Варуне предлагают подчиниться

господству дев, и победа последних, как победа христианских богов над языческими в Европе, была настолько полна, что слово дева стало служить для обозначения божества, а азуры — для обозначения демонов, и его стали понимать в смысле а-зуры — нечистых.

Характер дев наиболее отчетливо раскрывается в образе главного представителя этой божественной семьи, Индры, имя которого, согласно новейшему разъяснению Якоби, значит «муж», как и греческое Андрей. Этот «Андрей Первозванный» есть любимец индусов; он самый национальный и самый популярный из ведийских небесных святых; он чаще всех призывается и чаще всех прославляется. Его могущественная мужская сила достаточно характеризуется прозвищем: «истекающий бык». В битве он является непобедимым богатырем и страшным сокрушителем врагов.

Светло-русый, а не темный сын юга, мчится он — индусский Илия — на своей колеснице, которую везут по воздуху блестящие кони: с громовой палицей в руке мечет он молнию на все стороны. Небо и земля повинуются его воле. Землю он покрывает одним пальцем ноги, а в сжатом кулаке держит весь мир — доходит до абсурда прославляющая его фантазия.

Его врагами являются все демоны, вредящие природе и притесняющие людей; между ними особенно часто упоминаются чернокожие дазиусы, которых будто бы вытеснили индусы; но в мифических сказаниях они продолжают жить и теперь в стране, в качестве демонов, и в виде страшных привидений; в воздушном пространстве они тоже ведут свои козни и пытаются даже проникнуть в небеса. Кроме них на Андрея-Индру восстают ночные духи, ияты, таинственные существа, и наконец, пани — волшебные скряги, которые не хотят выдать сокровищ дождя. Они похитили облачных коров, из которых струился дождь, и скрыли их в скалистой пещере; только с помощью Враспати, бога молитвы, удастся Индре проникнуть в их скалу и освободить коров.

Но самым злейшим врагом для Индры является Вритра, воздушное чудовище, которое стережет воды и по своей злобе держит их взаперти. И вот, «стоя высоко в воздухе, бросил Индра свое метательное копьё в Вритру. А Вритра, окутавшись туманом, внезапно низвергнулся на него, но Индра своим острым оружием одолел врага». Борьба их и теперь так страшна, что небо и земля и все творения дрожат; пораженные дыханием Вритры, все боги бегут, небо освещается молниями Индры, и даже Твастар, который сковал громовой молот, падает без чувств при виде его сокрушительных действий. Имя Вритра означает «препятствие», задержку дождя во время засухи. Часто он обозначается прозвищем Аги — змея.

Обычной деятельностью Индры является победа над демонами засухи; в качестве бога ветров проносится он по небу и с ревом бегут облачные коровы. Горы содрогаются, когда он сокрушает деревья и вихрем высоко поднимает пыль. После дождя Индра действует тоже как благодетельное божество: если люди уже удовлетворились количеством влаги и чувствуют необходимость в солнце, то он снова порождает солнце, вливает его свет в свет дня и позволяет земле взирать на небо. И в человеческой жизни он является постоянно в виде помогающей силы. Друг его никогда не бывает побежден и без него никогда не может быть удачной битвы. Он дает обоим рукам, и правой и левой; дает не мало, а много, и ничего никогда не оставляет для себя.

Однако он не достигает высочайшей мудрости, свойственной Крану — Варуне. Он обладает как добродетелями, так и слабостями воина; он груб, склонен к чувственности, невоздержан в пище и питье и поглощает «целые пруды опьяняющей сомы», а после этого он кружится в воздушном пространстве и не знает, что находится внизу, что наверху. Святость брака тоже не совсем ясна в его нравственном сознании, и жена его Индрани, эта греческая Андромеда, должна всячески стараться ему понравиться. Однако нет жестокости в характере Индры; он вспыльчив, но его легко укротить; он добродушен и не отличается практическим благоразумием. Поэтому, несмотря на всю свою силу, он часто подвергается серьезным опасностям, которых избегает только благодаря хитрости своих помощников. Вообще же Индра изображается с большим юмором и в этом отношении он также напоминает германского Тора.

Служителями и спутниками Индры являются бурные Маруты, многочисленный рой диких и неукротимых ветров. Они называются распространителями дождя; дождь — это их пот, который течет на землю, когда они со свистом и воем вместе с Индрой носятся по воздуху; подобно последнему, они суть отважные бойцы на колесницах и в бою находятся рядом с ним, хотя в храбрости и энергии далеко уступают великому богу. Это видно из одной песни (1, 165), в которой Индра, под предлогом путешествия для принесения богатой жертвы, вовлек их нечаянно в битву; как только Маруты завидели Вртру, так и обратились в бегство, и потом с презрением были осмеяны богом.

В тесной и даже родственной связи с Марутами находится Рудра, злой бог Вед. В ведийской монографии наряду с Адитиями существует целая группа «Рудр»; он вместе с тем принадлежит к числу немногих ведийских божеств, которые сохранились до настоящего времени. Предание гласит, что когда бог Праджапати совершил кровосмешение со своей дочерью, то боги, желая создать такое существо, которое было

бы достаточно жестоко, чтобы наказать эту вину, снесли в одну кучу самые страшные вещества, бывшие в них, и из них произошел Рудра — дикий охотник, который со своей стаей устремляется на землю и поражает стрелами из лука ненавистных ему людей; «живот его черно-синий, а спина красного цвета»; темно-синим он покрывает врага, а красным поражает того, кто его ненавидит. В особенности он стоит в близких отношениях к скоту, над которым властвует и на который, будучи в дурном расположении духа, насылает всевозможные болезни. Но так как, будучи умиротворен жертвой, он может и снять болезнь, то поэтому он считается также за врачующего бога. И над людьми он тоже проявляет свою силу посылать болезни и исцеления, благодаря чему над болящим произносится заклинание: «Стрелу, которою Рудра пронзил тебе члены и сердце, мы вытаскиваем теперь у тебя со всех сторон». Ольденберг (Религия Веды № 223) доказал, что он существо, подобное многочисленным фавнам и сильванам индогерманской мифологии, которых боятся как враждебных сил и которые проявляют свою божественную мощь то в качестве хранителей стад, то в качестве духов бури.

«Пробудился огонь на земле, взошло солнце; величественная, блестящая заря являет свое великолепие и вы, о братья Асвины, уже снарядили свою колесницу; бог-спаситель Санитар повсюду широко разливает жизнь». Так один гимн рисует нам картину ведийского утра. Асвины, которым посвящена эта песнь, были два брата. Имя их производится от асва — лошадь, характеризует их как правящих лошадьми. Несомненно, что по своему мифологическому образу они тождественны с Близнецами, но более чем сомнительно, чтобы здесь они имели какую-либо связь с этим созвездием. Скорее здесь они находятся в связи со световыми явлениями раннего утра: сумерками или первыми лучами солнца, с утренней и вечерней звездой. Асвины описываются как божеества сильные, смелые, постоянно приветливые, всем помогающие и всех охраняющие; они не только приносят свет и утреннюю росу, он и оказывают помощь человеку во всякого рода нужде и опасности и сопутствуют ему в качестве благодетельных сил во всех важных моментах жизни. Они охраняют праведного во время битвы; являются во время бури и при опасности на море погибающему и возвращают его счастливо домой. К ним тоже обращаются как к врачам, и они преимущественно исцеляют глазные болезни и даже могут вернуть слепому зрение. Людям, которые от старости сделались дряхлыми, они дают молодость, отцветшим женщинам возвращают свежесть и красоту; бесплодным дают детей, и кто хочет заключить счастливый брак, тому

должны сопутствовать Асвины. Эти же светящие братья, податели росы, дают всему успех и посылают плодородие земле.

Розовая девушка, богиня утренней зари — Ушас, сопровождает своих братьев Асвин; она их обоих избрала себе в мужа и каждое утро аккуратно спешит к месту свидания, отыскивая себе суженого, подобно девушке, лишенной родных, которая поэтому принуждена сама заботиться о своем замужестве; она не стыдится показывать всему свету свою юную красоту или украшает себя, как женщина, желающая нравиться мужчине. Появление зари Ушас служит сигналом для наступления дня: она разгоняет по небу облачных красных коров и катясь в своей лучезарной колеснице, прокладывает путь к солнцу. И вот наступает пробуждение жизни на земле: птицы вылетают из гнезд, огонь вспыхивает на очаге и на алтаре; люди идут искать себе пропитание; жрецы возносят хвалебную песнь и надеются с помощью жертвы его приобрести себе богатство. Подобно греческим богиням Эос и Авроре, с которыми она тождественна по имени (гореть), богиня Ушас, есть настолько же поэтический, насколько и религиозный образ.

Бог Вишну, т.е. Вышний, судя по своему имени, пришел с Балканского полуострова от славян, как второе лицо Троицы (Тримурти — Три морды), и о нем в Ведах говорится только то, что он все небо проходит тремя шагами, и ведийская теология отождествляет это с утром, полднем и вечером. Но из браман мы узнаем вдруг, что Вишну считался карликом, сопровождавшим царя богов Индру в его полетах и, благодаря своей хитрости, оказывавшим ему помощь в критические моменты. Это ему удавалось тем легче, что он знал всевозможные волшебства и посредством чудесных превращений мог принимать такой вид, какой требовался при данных обстоятельствах. Такое превращение, впрочем, не редко в теологической мифологии.

Параллельно этому Вышнему Богу мы имеем и другое отражение славянизма в индийской теологии в виде бога Агни, называемого Агни, что созвучно тоже со славянским именем огня и с латинским огонь.

Подобно тому, как повсюду на земле огонь почитается священным сокровищем очагов и покровителем дома, так и в жреческой религии вед поклоняются Агни как жертвенному пламени; агни общеупотребительное индийское слово для обозначения огня, служит также и наименованием божества. Обитая в дереве, он как будто дремлет в нем, но как только жертвоприноситец помещает дрова в огонь, так он снова зарождается; он живет на солнце и даже заменяет его, когда, загоревшись до солнечного восхода, пламенем зари, он поднимается к небу.

Существует там даже сказание, что божество это было похищено с неба и индийский Прометей называется Матарисван.

В тесной связи с культом Агнца-Огня находится Сома — напиток, приготавливаемый из стеблей растения <...>. Его светло-желтый сок, приведенный в брожение и смешиваемый обыкновенно с молоком, употребляется как вино для священного употребления, и потому заменил в Индии и Персии христианское причастное виноградное вино, для привлечения богов, в особенности Индры, владыки и царя сомы, чтобы они, сошедши на землю, приносили с собой свои дары, в особенности дождь. Что сома, как и Винный Дух, почитался как божество — это было совершенно согласно с воззрениями не одних индусов; но могущественным божеством он является потому, что боги не могут обойтись без этого «святого духа» и, следовательно, как только услышат его запах, они немедленно являются на место жертвоприношения.

Вопрос о том, каким образом божество Сома превратилось в бога Луны или по крайней мере поставлено было в тесную связь с нею (слово Сома по-санскритски есть название Луны), остается еще предметом спора. Часто святой дух Сома связывается с Агни или приравнивается к нему. Молния-огонь производит дождь, дождь в свою очередь создает огонь, так как он, производя рост деревьев, влагает в них огонь; Сома — это огонь в жидком состоянии. Таким образом древний хорошо известный миф о низведении Сомы следует объяснять связью, существующей между Агни и Сомой.

«Своим постоянно возрастающим значением божества Агни и Сома обязаны их связи с жертвоприношениями, так как религия веды с начала до конца есть жертвенная религия», — что и вполне естественно. Ведь без жертв в период натурального хозяйства не могло существовать и служителей культа, а потому понятно, что они и прославляли ее. «Жертва — это сердцевина мира». Сами божества в сравнении с жертвой имеют второстепенное значение, представляя из себя как бы нечто дополнительное. Они сами приносят жертвы, и только благодаря силе жертвы получают возможность проявлять свое могущество. Самый мир сотворен божественной жертвой, и сами боги произошли из жертвы. Место происхождения жертвы есть небо.

Жертва освящает и благословляет не только повседневную жизнь человека и все важнейшие ее моменты, но также охраняет его в течение всего его существования и оберегает во всех обстоятельствах даже чисто физического характера.

В первобытном своем образе ведийская жертва есть, как и христианская священная оргия, веселое пиршество, — говорит Шантепи-де-

ля-Соссей, — Святой дух вина, приготовленная для общей еды жертва и песнопения заставляют богов сойти на землю; им предлагают занять место на священной траве, разбросанной перед алтарем, и тогда в изобилии приносится невидимым бессмертным все, что может доставить им удовольствие: блины, клецки из хлеба и риса, молоко и масло, жир и мясо жертвенных животных, но прежде всего сома, драгоценнейший из напитков. Благоухание, музыка и танцы тоже услаждают этих высоких гостей, не говоря уже о прославляющих их песнопениях.

Всеми силами стараются вымолить милостивое пребывание божественных сил; однако усиленная любезность, выражающаяся в этом гостеприимстве, истекает отчасти из эгоистических целей. Я тебе — а ты мне. Такова короткая формула ведийской жертвы, как и нашей, и совершенно как при какой-нибудь торговой сделке мечтается при этом, сколько даров должны отдать боги в уплату за жертву.

Совершенно подобный же характер носят молитвы, сопровождающие ведийские жертвоприношения. Алчная жажда награды выражается во всех песнопениях. «Если бы я, о Индра, был так же могуществен, как ты, то, о всещедрый, я богато одарил бы певца; я не допустил бы его до бедствия и пришел бы на помощь тому, кто изо дня в день меня превозносит» (VII, 32). А в частных случаях жертва имела и искупительный характер.

Жертвоприношения совершались в домах или под открытым небом; о храмах веды ничего не говорят. По своему частному или официальному характеру они разделялись на жертвы с одним или тремя огнями. Наиболее употребительным и первобытным из них был огонь домохозяина, священный огонь очага; другие два были «жертвенный огонь» в честь богов и «южный огонь» в честь душ умерших и демонов. Добывание огня обыкновенно совершалось трением дерева о дерево, причем огонь очага, торжественно возжигаемый домохозяином при основании дома, снабжал обыкновенно огнем алтари, на нем же готовилась священная жертвенная пища.

Особенно торжественную часть приготовлений к жертве составляло выжимание сока. Жрецы обязаны были вымыться, натереться благовонными мазями, одеться и препоясаться и соблюдать бесчисленные предписания относительно церемонии и ритуала, ходить мерным шагом, обращая внимание на страны света и на соблюдение определенной очереди различных обрядовых возгласов и таинственного молчания; к этому еще присоединялась обязанность произносить песнопения и изречения без малейшей ошибки, соединяя их с соответствующими действиями.

Мы видим здесь уже настоящую литургию первичного средневекового христианства, сохранившуюся в далекой Индии, как старофранцузский язык в далекой Канаде.

Приносящий жертву тоже вовсе не оставался в покое; вместе со своей женой он приготавливался к этому священнодействию, тщательно исполняя над собой очистительный обряд освящения, который состоял в омовении — первобытном крещении, повторявшемся сколько угодно раз, в посте и воздержании от супружеских сношений, что начиналось уже за день раньше; при этом стригли также бороду и волосы. При больших общественных жертвоприношениях это «посвящение себя» становилось продолжительным актом, исполнявшимся с чрезвычайною строгостью, как и прочие христианские посты. Через каждые четырнадцать дней приносились жертвы в новолуние и полнолуние (церемонии, совершаемые при этом, носили тот же типический характер, который свойствен большим жертвоприношениям). Приносили обыкновенно блины или лепешки, лили много масла в огонь и устраивали общую трапезу для приносящего жертву и жрецов.

Огромной пышностью отличались очередные большие жертвоприношения при начале трех времен года: весны, дождливого времени и осени. Добывание и возжигание нового огня при начале этих новых периодов имело символическое значение. Во время праздника по случаю периодических дождей приготавливали из теста и шерсти Агнца, символа Агни-огня. Подобные символизации, или образные представления очень часто употреблялись в жертвоприношениях; на последнем празднике особенно благодетельными выставлялись боги ветра и бог воды, Варуна.

Жертвы из первого сбора приносились во время жатвы ячменя и риса (как и у мессиянцев). Во время обоих солнцестояний и при начале дождливого времени (осенью) не довольствовались принесением растительных жертв, а обыкновенно закалывали козла, варили и разделяли между богами и людьми; лишь жирный сальник и здесь, как и в остальных культах, сжигался богам. Из годовых праздников самым большим был праздник «прославления Агнца-огня» в весеннее время, на который люди стекались со всех сторон. «Церемонии начинаются с самого раннего утра. То идет приготовление и принесение жертвенных лепешек и молока, то одиннадцать козлов закалываются для жертвы 11 знакам Зодиака, сопутствующим Агни-Овну, то занимаются выжиманием святого духа из сомы, очищением добытого напитка, соединением его с различными примесями и переливанием в различные сосуды. В течение целого дня совершаются церемонии и приношения,

соответствующие трем последовательным процессам выжимания, именно — утреннему, полдневному и вечернему; все они сопровождаются обрядами как нового, так и древнего происхождения, воззваниями к божествам и колдовствами дикого, первобытного времени» (Ольденберг, стр. 460).

Особое и редкое жертвоприношение называлось «царь жертв». Оно устраивалось для защиты страны только по повелению царя и при участии всего народа и сопровождалось пышными церемониями, приготовление к которым продолжалось целый год. Освященный купаньем конь должен был в это время обходить всю страну, охраняемый 400 юношами. Непосредственно за убиением коня царица должна была лечь как его супруга рядом с еще теплым животным (что подавало повод ко всевозможным непристойностям со стороны жрецов¹). Время жертвоприношения коня — даже и ранее трех настоящих жертвенных дней — было временем народного праздника, сопровождавшегося разгулом на манер нашей масленицы, где что может быть названо общественным весельем, проявлялось с полной свободой. Состязание в конских бегах и игра в кости, которым индусы предавались со страстью и которым давался религиозный оттенок, игра и пение фокусников и танцовщиц, рассказывание сказок и задавание загадок, пение песен — все это соединялось в пестрой народной жизни, носившей преимущественно светский характер.

Между жертвами, описываемыми в Ведах, есть и жертва теньям умерших. Вся церемония носит характер примитивного обряда и состоит в простом кормлении живущих в земле предков, которые вызываются заклинаниями, причем в то же время и демоны изгоняются из домов. Жертвоприношение лепешек предкам начинается вечером, после того, как проведены борозды для предохранения от демонов. Пол окропляется освященной водой, устилается сорванной травой и на нем предлагается занять место отцам, дедам и прадедам. «Да посетят нас теперь наши быстроумные отцы» — таково изречение, которое произносит при этом чтец. Собственно жертвоприношение совершается самим хозяином жертвы: он становится на левое колено и поливает выкопанную борозду, а также траву, тремя пригоршнями воды для омовения отцов; затем протянутой вниз рукой он кладет три лепешки на места, политые водой: «Это тебе, отец мой, и тем, которые вместе с тобой!». Затем он тотчас поворачивается и произносит: «Здесь, отцы, пусть каждый из вас пользуется своей долей». Затем высказываются желания получить через принесение этих даров долгую жизнь. Потом снова изливается вода для того, чтобы отцы могли омыться водой после принятия пищи;

кроме того, они получают благовонные мази, платья или овечью шерсть. «Вот, отцы, мы даем вам платье; не берите от нас больше ничего!» Только после этого начинают произносить настоящие молитвы, посвященные отцам: «Да прославятся ваши силы, ваша жизнь, ваш гнев и страх; да будете вы крепче всех из живущих в том мире, а из живущих в этом мире да буду я самый крепкий!» После этого следует торжественное отпущение отцов: «Восстаньте, отцы, и шествуйте вашим прежним таинственным путем, подайте нам богатство и славу и прославляйте перед богами ваши дары». За собственно жертвоприношением следует прославление огня очага и просьба, обращенная к Агни, об уничтожении грехов. Лепешки собираются: одну из них приносящий жертву дает съесть своей жене, для того чтоб она через это получила мужской плод, а две остальных бросает в огонь или в воду или отдает их брамину.

Да и вообще ведийское жертвоприношение имеет в значительной степени характер чародейства. Так и в церемонии ежегодного жертвоприношения перед дождливым временем года, заклинательный отпечаток придается ей не только бросанием в огонь орехов карира для получения дождя, но и вообще вся эта церемония есть не что иное, как колдовство, посредством которого вызывается дождь, и это не единственный пример.

Волшебство, которое часто просвечивает в Риг-Веде и совершенно преобладает в Атарве, является практическим выражением настоящей индийской народной религии. Зачатки его, бесспорно, коренятся в верованиях самого древнего, первобытного времени и отчасти сохранились до нашего времени в низших слоях индийского населения. Таким образом, брахман — священнослужитель Атарвы, самое важное и популярное лицо из духовенства, является жрецом-чародеем в Ведах, да и теперь таков его характер. Даже в официальной жизни брахман должен был играть роль чародея-гадателя. На войне он должен был удалять дурные предзнаменования и пользоваться хорошими и поэтому он всегда находился при царе.

Отсюда ясно, что Веды и другие индусские книги рисуют совсем не глубокую древность, а не ранее чем конец средних веков и даже настоящее время. Это сборники современного нам фольклора Индии, о чем свидетельствует и сама унитарность их экземпляров.

«Пестрый волшебный мир Вед для нас еще почти совсем скрыт, — восклицает верящий в их древность ординарный профессор теологии в Амстердаме Шантепи-де-ля-Соссей (т. II, стр. 36). — Те немногие части Атарвы, которые до сих пор были разъяснены, производят впечатление суеверия, или культа демонов, многочисленные таинственные обря-

ды которого подобно сети опутывают всю жизнь, проникая и в официальный культ. Все, к чему человек питает страх, или от чего стремится освободиться: злые духи, враги и соперники, несчастья, болезни и неудачи, — все это устраняется заклинаниями, точно так же, как и все то, чего он хочет достигнуть, получается с помощью тех же средств. То надо изгнать ведьму из хлева или со двора, то сорвать растение, с помощью которого можно видеть все злые существа. Сядет ли демон в виде нарыва на затылке у человека, или нападет на него проказа, понос или умопомешательство, немедленно прибегают для отвращения беды к разным заклинаниям и напиткам. Рог быстрой антилопы способствует ускорению выздоровления от всякой болезни; сома и камни, которыми его растирают, вместе с Агни и Варуной изгоняют желтуху. Всякое проклятие не только может быть уничтожено заговорами, но даже и перейти на самого чародея и, при умении пользоваться надлежащими волшебными средствами, можно даже есть яды как кашу.

Для любви существовали чудодейственные средства: влюбленная, но не любимая девушка клала под подушку юноши известные травы, или обмакивала волшебную ветвь в меде, чтобы дать ему почувствовать сладость ее губ. Обманутая жена силой заговоров убивает свою соперницу, а незамужняя девушка скоро приобретает себе мужа благодаря чарам своих родителей.

Волшебство получает и религиозное значение. Амулеты из бессмертного золота обеспечивают долгую жизнь и даруют бодрые силы: даже умирающий может быть снова возвращен к жизни. Чародейства делают природу благосклонной, а многозначительные слова по окончании работы дают богатство и счастье. Злоба и вина человека может быть смыта святой водой, сожжена огнем и уничтожена растениями и заговорами: тот факт, что «южный огонь» употреблялся для отвращения демонов, тогда как происхождение его связано с древним культом демонов и указывает на то, что последний так близко стоял к служению богам, что уже с давних времен они слились вместе друг с другом.

Фактическую часть всего этого изложения я главным образом беру из иллюстрированной Истории религий Шантепи-де-ля-Соссея. По ней же продолжу и несколько далее, так как наша цель не есть открытие новых фактов, а только их новая классификация.

Недавность составления Вед характеризуется и идеализацией ими «доброе старое времени». Они говорят, например, будто бы семейная жизнь индусов была еще до начала нашей эры «установлена религией на прочных, нравственных началах; на брак смотрели как на божественное уч-

реждение; нарушение его вело за собой наказание, а после добровольного признания виноватой женщины, должно было быть искуплено. Целомудрие девушек заботливо охранялось и не нарушалось, как потом, обычаями культа; если у нее не было родственников, то она вверялась попечению общины и оскорбление ее почиталось тяжелым преступлением. Трагическая судьба многих индийских женщин, а именно сожжение вдов, не было всеобщим обычаем и заменялось часто соответствующим символическим действием».

Так хорошо, читатель, было в Индии «до Рождества Христова». И однако же следы первоначальной культуры, когда все приносилось в жертву ради благоденствия и охраны племени, еще продолжают выступать наружу; так, например, выходило, что в ведийские времена существовали человеческие жертвоприношения...

Посвящение царя, как и у христиан, рассматривается в Ведах как одно из наиболее важных религиозных торжеств и установление самих богов, и где рука права не может достигнуть злодея, там бодрствует божеское правосудие, так что он ни в каком случае, как и у христиан, не может избежать наказания. Это мы видим в образе Варуны (созвучно с русским словом Верный), от которого ничто не ускользает и который везде отправляет правосудие. «Сотворил ли я преступление бодрствуя, или был преступником во сне, сделано ли оно, или может быть сделано, от всего этого избавьте меня, как от пыточного столба», — говорится в Атарве (VI, 15).

Как и у христиан, исповеди придается огромное искупляющее значение. Все твердо верили, что если, например, нарушительница брака не исповедовала бы своей вины перед алтарем, то она непременно подверглась бы большому несчастью. «Сознание смягчает вину, так как правда всегда торжествует».

Похороны по Ведам сначала состояли или в зарытии в землю, или в сожжении. Но эти два обряда не совпадали друг с другом: погребение было, по-видимому, более первобытным и уже в недавнее время благодаря огнепоклонству было заменено сожжением; следы погребения продолжали существовать и в более позднем ритуале.

Само собой понятно, что при отождествлении, благодаря созвучию имен, бога Агнца с богом Огнем, сожжение трупа было однозначно с преданием его апокалиптическому богу Агнцу в созвездии Овна, и потому в ритуале сожжения к Агни обращаются с просьбой не наносить вреда душе покойника, а землю, в которую раньше зарывали, молили не давить на покойника, а дать ему просторное и удобное убежище. Таким образом, жизнь умершего в известном смысле продолжалась и в

пепле, точно так же, как для первобытного воззрения казалось вполне естественным продолжение ее в погребенном трупе.

Двойственной форме этих обрядов соответствуют также и различные представления о существовании после смерти. В недрах земли царь мертвых Яма (опять от славянского слова Яма, т.е. место, куда можно упасть) основал свое царство. Он первый из мертвецов отправился в то место, куда ведут глубокие ямы, чтобы приготовить смертным обитель, и там возникли жилища отцов, откуда они следят за жизнью своих детей и посылают им помощь, утешение и совет.

Но подобное представление о боге Яме существенно изменяется, как только ведийское верование достигает полного развития. Одновременно с возникновением обычая трупосожжения, принесенного первичным христианством, начинают проникать в религию другие представления о загробной жизни. «Туда, где свет никогда не гаснет, где самая внутренность неба и где струятся вечные воды, туда, где обитают радость и веселие, дружба и счастье, где желание хотящего находит себе исполнение, — туда, в вечное бессмертие, отведет меня дух вина сома!» В этом светлом мире возвышается царство Ямы, уже потерявшего связь с ямами, где он вместе с Верным (Варуной) господствует в блеске и великолелии; сюда же спутник душ Агни (Агнец-Овен) отводит мертвецов, и тут они встречаются со своими предками.

Мы видим, что предание трупа огню было только поручением ему отнести умершего на небо, а не в землю, как было по старому завету Библии: «Земля еси и в землю отыдешь», а при обряде сожжения человек только получал новое тело, в котором не остается ничего болезненного или изуродованного. Ум его тоже обновляется от огня и уже более не является стесненным какими-либо земными ограничениями. Там, на небесах родители свидятся со своими детьми, и свободные от грехов будут лицезреть Верного (Варуну) и Адити (Гадеса?). Конечно, для того чтобы приобрести блаженство, надо было жить хорошо и справедливо, а прежде всего следовало оказывать послушание богам, прилежно совершать жертвоприношения и быть щедрым относительно жрецов. Кто оказывается дурным, злым или скупым в жертвоприношениях, тот попадает в ад; это место предназначается для тех, кто соблазнит девушку, у которой нет братьев, также для неверных жен или для тех, кто соблазняет жен браманов. А кто не почитает брамана или бесчестит его как-нибудь, тот будет погружен в кровавый поток и будет пожирать волосы. Представления об аде в Ведах вообще скудны и неясны, они скорее имеют характер случайной угрозы, а не составляют необходимой части в системе религиозных догматов. О прекращении существования

всех вещей в ведах вовсе не говорится, в них не упоминается ни о восстановлении мира, ни о страшном суде, ни о разрушении мира и обновлении его. Вероятно, компиляторы их тенденциозно не собирали этой части индусского фольклора.

Время возникновения новейших Вед и первых произведений послеведийского периода, называемое обыкновенно браманским, является для нас во всех отношениях более ясным, чем собственно ведийская эпоха; указания об этом мы можем найти в книгах закона и в обширной философской и научной литературе.

Если в Риг-Веде индусское распадение народа по происхождению на различные общественные степени мало отмечается, то это вовсе еще не значит, что она писана до возникновения каст. Скорее всего это происходит от того, что компиляторы их уже не считали это божественным установлением или смотрели как на общеизвестный факт, который нет нужды подчеркивать. Но в так называемом новом ведийском периоде, который с нашей точки зрения является более старым, разделение общества на касты проводится с неумолимой последовательностью. Браманы обучаются священному знанию, совершают жертвоприношения и погружаются в размышления, вполне удовлетворенный чувством собственного достоинства и умственного превосходства над другими. Кшатрия, или воин, ведет свою княжескую или дворянскую жизнь среди почестей и материального благополучия, и если он не употребляет своих сил на войне или не употребляет их на какое-нибудь богоугодное время по обещанию, то он проводит время на охоте, на конских бегах и в веселых ночах. Жизнь вайсия проходит среди промышленных занятий; в качестве скотовода и земледельца, возничего и кузнеца, гончара и ткача, моряка, купца или цирюльника он находится в низшем положении относительно высших сословий и не смеет приравнивать себя к ним, но в свою очередь с пренебрежением смотрит на плебеев-слуг; при богослужении, совершаемом высшими классами, он может присутствовать только как пассивный соучастник. Брахманы произошли из головы Браманы, воины из его рук, вайсии из его бедер, а судры — из его ног. Говорилось кроме того, что все люди были сначала брахманами и только вследствие вырождения произошли другие касты. Но слово каста (варна) по-индусски значит просто цвет, из чего можно заключить, что этот термин употребляется первоначально в смысле цвета кожи и обозначал разные касты. И это вполне согласно с моими выводами, что браманы-словесники были миссионеры средневекового христианства с белым цветом лица, пришедшие с Балканского полуострова, а кшатрии — воины, какие-то завоеватели.

Узнать это из Вед нам невозможно, раз они лишь сборники современного фольклора, как не могут не согласиться все.

Вот, например, точные слова Шантепи-де-ля-Соссея (II, 45). «Изучение вед происходило исключительно устным путем и должно было быть доведено до виртуозности. Уже с семи лет ученик-браман отправлялся к какому-нибудь учителю и здесь целые дни проводил в постоянном повторении рассказываемого, усваивая таким образом по частям всю веду. В вознаграждение за это он должен был прислуживать своему учителю; вся домашняя работа и личный уход за учителем лежал на его обязанности; он делал все, начиная с топки печи и приготовления обеда и кончая вытиранием учителя после купания и подаванием ему в обеденное время полоскания для рта и зубов».

Невольно удивляешься, как автор не замечает полной несуразности такого положения, не дающего ученику свободного времени для зазубривания таких больших книг! Затем он, успокоив себя звуками этих слов, похожих на гул пустого бочонка при ударе, продолжает: «Это была первая из четырех ступеней или шагов (асрама), которые каждый движа (дважды рожденный, это было название брамана) был обязан пройти. По истечении учебного времени ученику брили голову (только на темени оставлялась одна косичка) и он покидал учителя, чтобы вступить на второе жизненное поприще и выполнить «обязанность отцов» (т.е. произведение сыновей). Одновременно с этим он начинает действовать и в качестве жертвоприносителя. А по окончании воспитания детей браман удаляется от суеты мирской жизни в лесную глушь, что обыкновенно откладывалось до старческого возраста».

Ну неужели вы сами, читатель, не видите нелепость этой попытки объяснить устную передачу целой ведийской литературы от учителя к ученику без всяких книг в продолжение двух тысячелетий? Поверить этому так же смешно, как тому, если б кто сказал, что ранее чем получить право на богослужение, каждый браман был обязан обежать сто раз вокруг земного шара. Все эти измышления — только детские попытки браманов объяснить европейским ученым, каким образом сохранилась у них вся эта литература без наличия повсюду распространенных и известных между собою копий каждого сочинения?

Сначала выдумали легенду, будто бы брамины их скрывают, а затем, когда после многовекового сожительства произошло взаимное сближение и браминские дети стали получать воспитание в европейских университетах, объяснение это стало невозможным, и потому была придумана для браманов сверхъестественная (виртуозная, по словам Шантепи) память, которая у них тоже не обнаруживается ни в одной из

европейских школ. Отсюда ясно, что вся индусская литература есть недавно составленные и потому находимые обычно униками сборники современного индийского фольклора, который составители апокрифировали в древность, чтоб придать больше значения. С этой точки зрения мы и разберем их дальнейшие особенности.

Главный бог псевдо-нововедийского периода был, — говорят нам, — Праджapati, т.е. Прежде-Патер. Он служит олицетворением творческой силы, а другой бог Висвакарман значит «Всделающий». Первый в одной из песен веды прославляется как золотое яйцо (Хираниагарба Брам), он тот, кто вначале был единственным устройтелем вселенной, — тот, который укрепил небо и землю, который дарует жизнь и силу, перед которым преклоняются все существа, даже и самые боги. Море и горы вещают о его величии, страны света — это его руки; он есть единый бог, бог всех богов.

Подобное же величие и единство присущи и демиургу Висвакарману, который произошел из вод и теперь возвышается над всем миром и всеми богами и эти последние существуют только его бытием. По своему существу он неведом и неисчерпаем, вроде Христа.

Но высочайшим божеством браманизма, первоначальным принципом бытия является Брама. Брама (т.е. слово) возведен был постепенно на степень божества. Мы можем шаг за шагом проследить процесс перехода Брам-Слова в высшее божество. Сначала ему поклоняются в образе солнца; потом он возводится в сан бога и приравнивается к богу-отцу Праджа-пути, затем снова возвращается уже выше его и становится абсолютным, самодовлеющим мировым принципом. Как бог, Брама является в мужском образе и находится в супружестве с богиней Сарасвати (Св. царица). Проявляясь же в форме высшего метафизического принципа, он переходит за пределы личности и опять становится вполне абстрактным понятием «Творческим Словом».

Полное изложение этих мыслей мы находим в философских сочинениях Веды Упанишадах, т.е. в «тайных заседаниях». Из множества упанишад, которые, несмотря на свое множество, как будто почти все открыты в одном экземпляре, заслуживают особенно быть названными: Ката, Чандогия и Брахарианиака. Все они, в том виде, в каком мы их имеем, относятся к довольно позднему периоду. Нет никакого сомнения в том, что философия, изложенная в этих сочинениях, не исключительное создание браминов; многие данные свидетельствуют о том, что она также результат теоретической деятельности и военной касты. Цари Индии, по-видимому, оказали немалые заслуги в деле развития ведийской мудрости; часто они изображаются спорщиками, которые приводят

брамана в замешательство, но еще охотнее дают ему тысячу коров за удачное разрешение вопроса. Ставится, например, вопрос: «Что такое «Он», который был сначала и который есть все?» Есть ли он «то» или «это». Ответ гласит: «Он» есть дух (атман по-санскритски, то же, что и дыхание, воздух), но этот «воздух» или дух следует разуметь не в смысле психической души, а в смысле внутреннего, жизненного принципа. Атем этот бесконечен, вечен и неизменяем, не имеет никаких определяющих качеств, стоит выше всякого определения и непостижим. Одним словом, «он не есть ни то и ни это». Он не говорит словами, не думает мыслями, не смотрит глазами, не слушает ушами и не дышит дыханием. «Это — начало», удалившее от себя всякое зло, никогда не стареющееся и не умирающее, никогда не чувствующее ни печали, ни голода, ни жажды, его-то и надо стремиться познать; подобно тому как кусок соли есть только сплоченная вкусовая масса, так же и эта сущность является сплоченной массой познания. Но как бы усиленно ни старались представить Атем совершенно абстрактным, тем не менее нередко встречается и чисто материалистическое определение — образный язык упанишад часто тождественен с атомистическим учением, может быть, благодаря созвучию слов «атман» и «атомный»? Так, — говорят нам, — семена в смокке состоят из мельчайших невидимых его зернышек. Часто описывается он также в виде эфира, или вода является космическим принципом. Подобно тому как вода проникает во все вещи и властвует над всем, из него произошел весь свет; но кроме того, происхождение вещей часто приписывают первобытному «Ничто» — утверждение, которое многие считают не имеющим смысла. Это первобытное несуществующее стремится получить бытие и становится или духовным, или тонким материальным принципом, как, например, вода, из которого через продолжающееся стремление или через искупление и жертвоприношение происходит все большее число существ, часто путем совокупления с созданным самим же Атемом женским принципом. Создание мира постоянно представляется как эманация Атема; оно истекает из него, как паутина из паука, как искра из огня; и так как все вещи произошли от него, то все они в нем и, так сказать, им и существуют. Из этого следует, что человек по своей сущности тождествен Атману. Если мировая душа есть Атман, в таком случае и человек носит в себе Атмана, так как в нем есть самосознание. Если мировая душа — личность, то она живет в сердце человека в образе маленького духа, ростом с мизинец, или в глазу, в виде маленького человечка. Если это эфир, в таком случае он вездесущ и невидимо при-

существует в сердце, величиной меньше рисового зерна, или даже самого маленького зернышка, но больше земли, неба и всех миров.

Задача человека заключается в стремлении познать эту тождественность: «Я есмь Брами!». Кто познал это, тот преодолеет смерть, — смерть над ним не властна; он достигает полного возраста жизни и становится одним из этих божеств. Сверх того, познание это дает высшее блаженство: «Тот, кто это нашел и познал, тот участвует всюду и во всех наслаждениях, так что благоденствие самих богов не может быть приравнено к блаженству высшего познания». Для достижения этого состояния надо до такой степени погрузиться в созерцание, чтобы все сознание слилось в одну идею. Оно есть сновидение, или скорее такой сон, во время которого человек чужд всяких желаний и не видит никаких грез. Погруженный в это временное угасание сознания, человек ближе всего приближается к абсолютному.

Так изображает Шантепи (стр. 51) философию брамаизма... Но точно ли она его общая философия, если он извлек все это из рукописей, находимых в одном экземпляре и не получивших распространения на своей родине?

Одним из самых любимых размышлений этих отдельных авторов были те, которые касались вопросов космогонии. Так уже в Риг-Веде мы находим много гимнов космогонического содержания, с окраской то искусственно выдуманной школьной мудрости, то жреческого кастового духа. Самая знаменитая из этих песен есть Ригведа X, 129.

«Тогда не было ничего существующего и ничего несуществующего; не было ни воздушного круга, ни неба вверху. Что же двигалось? Где? Под чьим покровом? Была ли вода бездонной?»

«Не было тогда ни смерти, ни бессмертия, ни смены дня и ночи. Единое дышало, неколебленное ветром, по своей собственной силе, и кроме этого ничего другого не существовало».

«Была тьма, окутанная тьмою; и вначале вся масса вод была неразличима. Только громадное единое, заключенное в пустом пространстве, было создано силой искупления».

«Прежде всего пробудилась в нем воля; и это было первое проявление духа; мудрецы, воспросившие о нем свои сердца, проницательно нашли сродство существующего и несуществующего».

«Кто знает наверное, кто может разъяснить, откуда произошло творение? Через эманацию (вселенной) произошли все божества, как ее следствие; кто же знает, откуда она сама пристекла?»

«То, из чего они произошли, было ли создано или нет?»

«Это известно только живущему на высшем небе хранителю вселенной, или, может быть, и ему неизвестно?»

Утонченный скептицизм последней строфы обнаруживает рефлексивную точку зрения, а следовательно, и позднее происхождение песни. Наряду с философской, с которой описан тут хаос, в этом изображении встречается специфически христианская черта, заключающаяся в том, что искупление считается творческой силой. Самым позитивным и в то же время самым первоначальным элементом этой космогонии является, по-видимому, идея о первобытной воде, как о некой хаотической массе, которая существует собственной силой без постороннего воздействия. Во всяком случае тут замечательно то обстоятельство, что путем эманации происходят и сами боги. Да и в других песнях, касающихся космогонии, тоже описывается «рождение богов».

Библейское изречение «вначале была вода» многократно повторяется в ведийских текстах, или же о воде говорится, как о перевозданном элементе. Большинство текстов сходятся между собой в описании того, каким образом зародыш, возникший в воде, вследствие ее вожделения, или аскеза, или вложенный в нее непосредственно «Словом», развивается в мир: небо, землю и человечество. Так повествуется, например, в начале книги законов Ману.

«Непостижимый, неисповедимый, предвечный, побуждаемый своим стремлением, возжелал произвести из себя различные существа; прежде всего он создал воду и положил в нее зародыш. Семя это превратилось в золотое яйцо, сиявшее подобно солнцу, в котором он сам, отец всех миров, родился в образе Браммы».

Созданный этой первою причиной, непостижимый и предвечный, одновременно существующий и несуществующий, зародыш (Пуруша) сделался в мире известным под именем Браммы. Он, высочайший, провел целый год в золотом яйце и затем разделил его одною своею мыслью на две части. Из двух половин скорлупы образовал он небо и землю, а между ними поместил воздушное пространство, восемь стран света и постоянное вместилище для воды.

Наряду с таким рассказом о возникновении вселенной из воды существует и другой, повествующий о происхождении всех живых существ. Это особенно подробно изложено в Брад-Аранака-Упанишад (1, 4).

«Вначале существовало «это нечто» (Пуруша). Оглядевшись, оно не нашло ничего другого, кроме себя; первое, что им было высказано, было «Я есмь», но оно не было этим удовлетворено и желало иметь другого. Тогда это нечто разделилось на две части и вследствие этого возникли муж и жена. . . Муж соединился с женою и таким образом произошли люди. Но жена стала думать: «Как же может он, создавши меня из себя, соединиться со мной? Попробую я скрыться от него».

Тогда она обращается в корову, а он в быка. Бык в свою очередь совокупляется с коровой и производит рогатый скот. Она превращается в кобылу, а он в жеребца; снова совокупляются они между собою и производят непарнокопытных животных и т.д. Таким образом «нечто» создало все, что существует попарно, даже до муравьев. После этого оно вызывает огонь и сому и наконец заканчивает высшими созданиями — богами. Это «нечто» есть самое высочайшее существо, так как им, хотя смертным, было создано бессмертное».

А вот и другой рассказ о том же.

«Когда боги, желая сделать жертвенное возлияние, приготовили жертву из Пуруши (человеческой сущности), жертвенным маслом была весна, дровами — лето, жертвенным возлиянием — осень. Из этой всеподающей жертвы произошли песни Риг и Оама, из нее же возникли метры поэзии; из нее же произошли лошади и все животные, снабженные двумя рядами зубов; из нее же возник рогатый скот, овцы и козы. Когда боги разрезали Пурушу, — на сколько частей разделили они его? Во что превратился его рот, как стали называться его руки, бедра и ноги? Рот его сделался Браманом, из рук его произошли Раджани, из бедер Вайсии, а из ног — Судра. Месяц возник из ума, солнце из глаза, изо рта произошли Индра и Агни, из дыхания — Вайу. Из пупа сделалось воздушное пространство, из головы образовалось небо, из ног — земля, из ушей — страны света, так были сотворены миры» (V, X, 90).

Но как бы ни были в начале разнообразны мифологические элементы этой космогонии, тем не менее все они, вследствие последующей переработки, сделались составными частями одного последовательно ряда мыслей.

В Каушитаки-брамана — в Упанишадах встречается одно чрезвычайно интересное место, которое гласит так: «Все покрывающие этот мир имеют свое местопребывание на луне, которая в первую половину месяца постоянно увеличивается от их жизненного дыхания; во вторую половину месяца она подготавливает их к возрождению. Луна есть дверь, ведущая в небесные обитатели; кто ей отвечает на ее вопрос, того она пропускает, а тот, кто не дает ей ответа, — низвергается вниз, превращаясь в дождь. Такие люди, соответственно их делам и их знанию, вновь рождаются здесь в виде червя, моли, рыбы, птицы, льва, кабана, дикого осла, тигра, человека или другого какого-либо существа в том или ином состоянии».

Разработка теории переселения душ, сделавшаяся непоколебимой основой всего индусского мышления, едва ли началась ранее средних веков.

Выписка из вопросов теософии (стр. 67):

Следы представлений о переселении душ заметны и у кельтов, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (стр. 57) — и особенно ясно выступает в философии и мистериях греков. В воззрениях Пифагора, Эмпедокла, Платона и Пиндара и уже в Каушитаки-упанишад слилось с христианским учением о возмездии, хотя и сильно усложнило его наивную идею. Здесь уже признавалось, что высокое и низменное положение, благоденствие или неприятность каждого существования суть следствие его поведения в прошлом, а нравственными достоинствами или недостатками настоящего бытия обуславливается его судьба в будущем. Полнейшее развитие этой системы переселения душ мы находим в 12-й главе книги законов Ману. Все грехи разделяются в ней на классы, соответственно которым распределяются рождения: телесные грехи ведут за собою неодушевленное бытие в разных предметах, словесные — превращают грешника в птицу или животное, мысленные — делают его членом низшей касты. Каждая из этих форм бытия в свою очередь состоит из целого ряда различных степеней, начиная с камней, насекомых и рыб и переходя через все классы животных, до слонов, лошадей и членов касты судра (которые причисляются к животным) и далее до различных демонских существований, которые также служат наказанием за чувственные наслаждения и грехи. Далее этот ряд продолжается вверх через все классы человеческих существ, от игроков и пьяниц до царей и рыцарей, а от них опять в различные виды духов (каковы гандарвы и апсаразы), и только потом уже и в вершины человечества: пустынников, аскетов и браманов, которые представляют собою как бы последнюю ступень к божеским существованиям все высшего и высшего достоинства; доходя наконец до Браммы и до Непостижимого. После всех этих определений приводятся частные указания: так. Например, убийца обращается в хищное животное, вор зерен — в крысу, вор мяса — в ястреба, убивший брамана — в собаку или осла, браман, который пьянствует или ворует, обращается в моль или в ужа. Все это в сущности то же самое, что мы уже видели у буддистов.

Таким образом, учение самсары разрешает для индусов все вопросы, касающиеся жизненных отношений, и задачи, представлявшие для западной мысли большие трудности, вроде вопросов: где был ты до твоего рождения? Что будет с твоей душой после смерти? Для чего мне быть добрым, если через это я не буду счастливым? Как может в том мире, где существует правда, злой быть счастливым, а благочестивый несчастным? Все они разрешались одним ответом: ты уже существовал в бес-

численно многих формах, и постоянно будешь являться в новых телах; жребий твой есть плод твоих прежних дел, твои же теперешние поступки — семя твоей будущей судьбы.

И нельзя не признать, что в этом отношении буддизм и брамаизм последовательнее христианства и магометанства, чем и доказываются их более позднее происхождение.

Философия упанишад, развившаяся в недрах религии, никогда не могла освободиться от влияния последней. Совершенно иное видим мы в учении Веданты, которое может быть названо философским изображением собственно индийского мышления. Школа веданты признает существование связи между нею и ведами, на что указывает, между прочим, ее название: конец веды; но очевидно, что действительная связь у нее существует только с идеями новейших вед, имеющих мало общего с религиозными представлениями древних гимнов. Система этой философии нам знакома преимущественно из сутр веданты, известных под именем бадараян, и из произведений великого комментатора Санкара, относимого напрасно к IX веку нашей эры, так как тут идеи новейшей европейской теософии.

Основная мысль веданты — есть отождествление Брами и души, выражающее то, что браман, т.е. сила, которая созидает все миры, охраняет и снова поглощает их в себе, тождествен с Атманом, т.е. с душой. Эта — душа, принадлежащая каждому из нас, не есть часть Брамана или нечто от него исходящее, но она есть вечный, неделимый Браман во всей его полноте и целостности.

Задача спасения заключается в освобождении Атмана от индивидуального существования, которое его стесняет и поэтому доставляет ему страдание. Однако освобождение Атмана не может быть достигнуто путем деяний, так как последние, хорошие или дурные, требуют своего возмездия, и таким образом ведут человека в новые существования, в которых может осуществиться это возмездие; следовательно, деяния обуславливают собой лишь переселение душ. Следовательно, освобождение никак не может состоять в том, чтобы что-нибудь делать, а лишь в познании того, что уже существует. Только знание сожигает семена дел и таким образом для дальнейших возрождений не остается более никакого содержания. Но в то время, когда браминская Веданта еще не успела сложиться в учение школы, философия Перечисления (Санкия), возникшая в среде воинской касты, вооружилась уже критикой против всего этого образа мышления. Антижреческий характер, отличавший учение Перечисления, происхождение которого возводится к мифическому Капиле, обнаруживается в том, что она

32*

отрицает всякую связь с ведами, не придает никакого значения священным произведениям и не хочет знать ни о каком божестве.

На то, что философия эта рассматривает мир как множественность, указывает уже самое название этой школы: Санкия, что значит «перечисление», — и именно перечисление двадцати пяти основных начал, из которых произошел мир. Первым из этих начал была материя (или природа), последним же, двадцать пятым началом является дух. Материя считается «созидающей», а дух, или душа, как и в упанишадах, считается за личность. Материя состоит из трех составных частей: сущности, как начала легкого и светящегося; страстности, как начала возбуждающего и подвижного, и тьмы, как начала тяжелого и противодействующего, и они входят в состав состояний человеческой индивидуальности.

Таким образом, между материей и духом существует абсолютное различие в их сущности. Тем не менее они связаны между собой и это необходимо, так как без руководства мыслящей души движение материи оказалось бы бесцельным, а без движения материи душа лишена была бы возможности проявлять свою деятельность. Но так как душа сама по себе не имеет объекта и не может проявлять самостоятельных действий, то вследствие этого, чтобы создать что-нибудь, они обе должны соединить свои силы. Но посредством познания, достичь которого, впрочем, очень трудно, так как человек имеет прирожденную склонность к «неразличению», получается полное отделение души от тела и от телесной души. Душа не погибает при этом, так как она неделима и вместе с тем неразрушима; она не делается и богом, так как никакого бога не существует.

По учению «перечисления» не может быть и речи о том, чтобы какие-нибудь религиозные или этические действия становились в заслугу или имели какое-нибудь значение; они только могут препятствовать достижению освобождения. Аскетические упражнения тогда лишь имеют силу, если они исключительно направлены на то, чтобы усилить освобождающую силу различения, но для этой цели они не бесполезны.

Нельзя не признать за этой школой некоторого рода гуманности. Прежде всего она, хотя бы из-за полемики против жрецов, совершенно уничтожила кастовое разделение и, в противоположность Веданте, открывает как судрам, так и женщинам доступ к спасению. Кроме этого, каждый достигший освобождения может выступить в качестве учителя истины. Но последователи Санкии устранились от деятельного проявления любви к человечеству, благодаря их учению о вреде всякой деятельности.

Мы несколько остановимся на еще одном своеобразном явлении браманского периода, на так называемых йоганах. Йога в переводе значит соединение, именно соединение души с высочайшим началом.

Упражнение йога состояло в самогипнотизировании, которое совершалось по известным правилам. Состояние экстаза, во время которого человек чувствовал себя отождествленным с высочайшим, достигалось посредством неподвижного сидения на корточках, смотрения в одну точку, задерживания дыхания и постоянного держания в уме знаменитого слова «ом», служащего мистической формулой для Браммы. Йогом (того же корня, как и Иегова) назывался тот, кто подвергался экстазу, считал себя владеющим божеским всемогуществом. Известно всем, с какой дикой жестокостью браманские жрецы выполняли умерщвление плоти: теперь еще рассказывают о таких действиях, как связывание рук, отчего они отсыхали, смотрение на солнце до слепоты, неподвижное стояние между четырьмя огнями, стояние в продолжение целых часов на голове, опасное качание на головокружительной высоте, пост, при котором количество пищи прибавляется или убавляется соответственно возрастанию или уменьшению месяца, и т.п. . .

Глава VI

СЕКТА ДЖАНОВ

Священное знание, изучение Вед, с самого начала было присвоено себе брамской кастой; но, как мы видели, это не всегда было так: воинская каста принимала также горячее участие в теологических занятиях; она достигла даже вольнодумства, перейдя через веру и божественность этих книг, и могла несколько свысока смотреть на браманов, твердо державшихся писания.

Секта Джана получила название от слова «победитель». Из числа многих (24) победителей, которые согласно преданию являлись провозвестниками религии Победы, особенно выделяется Вардамана.

Прозванный Магавира (т.е. великий герой), Вардамана был сын мелкого князя в стране Магада. До тридцати лет ему пришлось вести вполне светский образ жизни, но к этому времени, после смерти своих родителей, он проникся строгим воззрением на жизнь, оставил жену и родных и стал странствовать по миру как бесприютный аскет. Двенадцать лет он провел в самых тяжелых изнурительных испытаниях и в глубоком размышлении. Тогда свет его сознания осенил его, и он уверовал, что достиг степени святого. Он выступил в качестве учителя и после того, как приобрел много приверженцев в окрестных странах, организовал религиозную общину. Он действовал, как говорят нам, в качестве пророка в течение 30 лет и умер около 72 лет от роду.

Мировоззрение его было вполне атеистическое. Только началом всех вещей оказываются здесь не материальные атомы, но души, и эти души, которые суть реальные независимые существования, проникают своей деятельностью все, что есть, даже материю. Они прикованы к телу, потому что стремление к деятельности, которое присуще душам, побуждает их держаться чувственности и телесности. Продуктом этой деятельности душ в теле является действие. Оно бывает или заслуга, или грех, и род его определяет судьбу человека, должен ли он идти к новому лучшему или худшему возрождению, или же совсем освободиться от переселения душ. Только полное уничтожение действия в какой бы то ни было форме освобождает душу от рабства телесного существования и странствования. Это освобождение и есть Нирвана; но Нирвана в этой

системе не есть прекращение сознания: душа остается, потому что сущность ее неразрушима; ее абсолютное состояние определяется только как независимость от действия и телесности.

Не все приверженцы этой секты живут аскетами. Большая часть ее — миряне, которые должны нести более легкие обязанности, но которые зато и могут ожидать меньшей награды. Между тем как аскеты должны вполне посвящать себя исполнению священных обязанностей, мирянин может продолжать свою мирскую жизнь, так что пять обетов святых: «не обижать, не говорить неправды, ничего не брать без позволения, сохранять целомудрие и упражняться в отречении», — исполнение которых в самой крайней строгости предписывается аскету, для мирянина имеют значение легких этических правил, в которых, например, целомудрие означает супружескую верность.

Идя навстречу религиозной потребности народа, культ Победы (Джана) носит характер настоящего богопочитания, с храмами и изображениями, с праздниками, с приношением цветов и фимиама. А аскеты, чтобы иметь возможность заботиться о духовном наставлении оседлой общины, переменили свое бесприютное скитание по стране на оседлую жизнь. Это повело к учреждению монастырей, и деятельность монахов джанской секты распространилась на такие предметы, на которые первоначально не обращалось внимания. Таким образом, в монастырях развилась весьма замечательная литература, которая имеет не только религиозное и философское содержание, но дает и изящные статьи, и даже занимается реальными науками. Эта литература написана большей частью на народном диалекте — пракрите. В искусстве, особенно в архитектуре, секта джанов достигла также значительных успехов, как это видно преимущественно на храмах.

В настоящее время приверженцы учения джана находятся в большинстве индийских городов. Своею спокойною жизнью они приобрели прочное положение в обществе и часто даже отличаются своим благосостоянием. Так как земледелие, ввиду связанного с ним нарушения прав живых существ, им запрещено, то они живут большей частью торговлей; в провинциях запада и северо-запада они играют даже выдающуюся роль. С браманистами они уживаются очень хорошо.

Глава VII

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНДУССКИХ КУЛЬТОВ

Религия индуизма в той самой форме, в какой мы имеем ее проявление в Ведах, существует почти неизменно и в наше время, в виде культа духов, или демонов, которые связываются в представлении с деревней и полем, с лесом и горой или имеют значение для отдельных случаев жизни: рождение, болезни, смерти; при этом нет недостатка в почитании деревьев и камней, змей и других животных и в разного рода фетишизме, и весь культ носит характер колдовства, с которым мы знакомимся в Атарве. Но к этому дикому стволу прививаются теперь идеи, которые развились внутри высших каст. Ведийские элементы в этой передаче остаются еще заметными не только в названиях богов, но в легендах и поучениях, которые связываются с ними, и даже в обычаях ведийского происхождения. Но еще яснее заметно влияние браманизма и философских школ. Что браманы принимали деятельное участие при создании первоначального «индуизма», это видно из всего характера древних сект. Веды еще и теперь постоянно признаются основным источником священной мудрости, и на почве Упанишад создается религиозный образ мыслей. Можно в тоже время заметить и направления школы Сакиа-Муни, что и понятно, так как мы знаем, что среди первых значительных личностей, от которых исходил индуизм, были и кшатрии. Притом с течением времени воззрения школ не сохранились в чистоте; от главных течений отделились ветви, развивавшие собственные взгляды и образовавшие особенные самостоятельные учения.

Соответственно этому и спасение достигается различными путями. Оба старинные пути: путь дел, который в особенности обозначал ведийскую практику жертвоприношений, и путь познаний, под которым понималось размышление, еще и поныне остаются первыми путями системы, но к ним, в качестве третьего, присоединяется еще новый, который является в высшей степени характерным для индуизма. Это путь полной преданности богу и его милосердию.

Хотя разные секты и были основаны преимущественно людьми из высших каст, мысли которых были положены в основание их теории, мифические представления и формы культа оказываются имеющими

народное происхождение. Правда, что великие боги индуизма имеют иногда имя, а иногда и те или иные характерные черты, общие им с богами Веды: но фактическую форму, под которой они боготворились сектами, они большею частью унаследовали от духов и мелких божеств местных и случайных культов. Еще и теперь мы можем наблюдать тот процесс, посредством которого местный бог постепенно вступает в пантеон, то возвращается на степень самостоятельного божества, то рассматривается как одна из сторон или форм проявления признанных богов; таким образом, не подлежит сомнению, что великие боги теперешнего индуизма приобрели свой характер благодаря такому слиянию. Бог земли Бумия, культ которого совершенно примитивен, отождествляется с Вишну. Ваба, дух племен-аборигенов, во многих местах сделался новым проявлением Сивы, и таким образом всюду в культах и мифах, в формах и отличительных знаках богов можно узнать или переживание прежних местных религий, или зарождение новых.

В связи с этим находится и то характерное для индуизма обстоятельство, что образы эпической поэзии играют в нем главную роль; Рама, герой великого эпоса Рамайаны, в то же время и национальный герой, и отождествлен с Вишну, точно так же, как и Кришна и бог.

Об историческом начале индуизма, — говорит историк религий Шантепи-де-ля-Соссей (II, 125), — известно очень мало, и в особенности недостоверны первые хронологические данные. Бюлер пытается приписать самым старинным индийским сектам довольно глубокую древность. По его мнению, они должны были существовать значительно раньше буддизма, даже ранее джайнизма, потому что в сочинениях последних сект о них говорится, как об издавна существующих. Во всяком случае, относительно так называемых Адживаков (созвучно со славянским Оживаки, т.е. воскресенцы, или отживаки — отживающие) признается, что они существовали до появления Будды и враждебно относились к новому движению. Они, — говорят нам, — составляли монашеский орден и как Джаин (созвучно с Иоаннитами, благодаря обычному переходу И в ДЖ, например Иоанн-Джон и т.д.) они возвели в правило отречение от земной жизни (отсюда и название их: адживака — «до жизни») и через аскетизм стремились достичь блаженства. Они, — говорят нам, — ревностно почитали Нарайану, Вишну. Но не оставили после себя никакой литературы, так что мы знаем о них лишь из отдельных надписей (например, в пещерах, которыми они пользовались) и из упоминания о них в буддийских и джайнистических (иоаннистических) сочинениях.

Керн и Бюлер отождествляли Отживаков со знаменитой сектой Багаватов (созвучно со славянским бого-веды), которые также почитали Вишну (Вышнего) и Кришну (Христа), но характерное для них имя божества есть Вазу-дева, т.е. бог Уазу, созвучно с Йязу. Жили ли Багаваты подобно Адживакам монахами, мы не знаем; но их теология и философская система изложены в Панкаратре и занимает самостоятельное положение, проникнута духом эпической поэзии.

И совершенно такую же теорию, как в Панкаратра, мы находим у последователей Рама-нуджи, брамана из южной Индии, жившего в XII веке, который будто бы обновил философию Багаватов (существовавшую следовательно и в XII веке). Секта Рама-Нуджа выше всего почитает Раму (бога Рама) и имеет действительно новейшее представление о божестве.

Из главнейших вождей, около имен которых группировались секты в Индии и которые пользовались большим почтением, мы назовем прежде всего южного реформатора Рама-нанда (около 1400 года нашей эры. Он проповедовал суетность всех внешних религиозных обрядов и употреблял народный язык) для выражения своего учения. На нем он написал много поучительных стихотворений. Два самых влиятельных человека новейшего индуизма, реформатор Кабир (в XV веке) и поэт Тулсидас (около 1600) обязаны ему своим направлением.

Эти секты распространялись на все классы народа, но секта Мадва, члены которой следовали знаменитому философу Анандатирту, все еще стремилась сохранить браманистический характер, и все ее члены должны были принадлежать к этой касте, а кришнаитская секта Валлаба вела вполне мирскую жизнь и даже в значительной степени передавала светскости.

Сиваитские секты не могут предъявить столь славных имен. Все эти секты отдают предпочтение Вышнему богу (Вишну), почему и называются вишнуитские, но есть еще остатки и Живаитских, где Живой бог (Жива, Шива, Сива, Зива, Зевс) — обожается более других, причем и Зевс у классиков тоже значит Живы. В средние века шиваизм, по видимому, более могуществен из всех сект и только реформаторские движения XV столетия придали вишнуизму его силу. Впрочем, соперничество их никогда не приводило к борьбе и боги вишнуитов без всякого колебания призывались поклонниками Шивы и наоборот.

Как мало было жреческого характера в этом индуизме, видно уже из того, что эпические произведения играют важную роль в его священной литературе. Магабхарата — это Илиада индусов, которая с течением времени выросла из героической поэмы в целую литературу с сагами и легендами, философскими и религиозными умозрениями, даже и самого

нового времени. Но когда это началось? Уже в VII веке, говорят нам, творение Вьяза, мифического поэта, почиталась как книга правды, кодекс нравственности и путеводитель к блаженству, и уже тогда, как и теперь, предполагалась, как Евангелие у христиан, для чтения в храмах, в качестве священной книги и для назидания. Но я уже показывал, что имя Вьязу происходит от имени Йезу, получившего столько вариаций (Йешуа, Йесус, Иисус, Йезус, Джизес, Жезю и т.д.), а потому и время появления книги боговатов (т.е. боговедов) как первоисточника Магабараты, должно относиться ко времени Кирилла и Мефодия у славян, и действительно, санкара сообщает около 800 г., что Магабарата предназначалась для религиозного поучения тех, кому недоступно было изучение Вед и Веданты.

В современной нам редакции этой книги выступают все основные религиозные направления нашего времени: почитание Вишну, Кришны и Шивы, рассказываются их легенды, развиваются их теологические взгляды. Магабарата в современном нам виде состоит из 18 книг, содержащих около 220 000 стихов, и ее основная тема — борьба двух родов Куру (созвучно со словом Кир (господин)) и Туру (созвучно даже с Париом), нечто вроде Илиады со вставными эпизодами вроде «Наль и Дамаянти», переведенного у нас Жуковским. Аналогичное можно сказать и о великом южном эпосе, Рамайане, состоящей из 24 000 двустихий, по объему составлявшей лишь одну четверть Магабхараты. Ее имя значит судьба Рамы, т.е. Роменца, который есть не что иное как Вышний бог (Вишну), воплотившийся в человеческом теле; составителем ее (из народных сказаний) называют индусского поэта Вальмики и впервые напечатана она в Калькутте в 1859 году, а по-латыни первые две ее книги изданы Шлегелем еще в 1838 году, за 21 год до издания оригинала.

Во время бегства изгнанного царского сына Рамы к югу, — говорится в ней, — и в его битвах, к которым принадлежат также попытки его возвратить свою украденную жену Ситу (аналогичную жене Менелая Елене), появляются медведи и обезьяны в образе человекоподобных существ и помогают ему всевозможными чудесами. Да и вообще все это произведение является плодом смелой романтической фантазии и сильно возвышается не только над грубой народной фантазией южной Индии, но и над ее художественной поэзией, не всегда безупречной в моральном отношении.

Индийские древние книги, называемые пуранами, на санскритском языке имеют космологический характер, вроде библейской книги Бытие, еврейское название которой Борошит значит «вначале». И тут, как в Библии, пураны по своей задаче должны обнимать собою все развитие

существования, начиная от космологии, мировых переворотов и генеалогии богов доисторических периодов человеческого рода и династий царей, но фактически они представляют довольно беспорядочные собрания теологических и философских рассуждений, легенд, сказочных преданий, обрядовых и аскетических наставлений и т.п. И все они оказываются продуктами средневековья позднейшего происхождения, нежели Магабарата, к которой они часто примыкают, как теологические продолжения.

Из них самая большая, переведенная и изданная Бюрнуфом, — Багавата-пурана признается Бюлером за подделку XII столетия.

Как на дополнения к пуранам следует смотреть на Тантры, считающиеся уже всеми за произведения последних веков. Это ритуалистические сочинения, состоящие довольно часто лишь из массы имен и формул, но они имеют особенный интерес благодаря тому, что содержат в себе правила тайного культа, который играет такую важную роль в современной Индии. И кроме того, религиозная литература индуизма содержит значительное количество хвалебных песен (Стотр), которые до сих пор постоянно сочиняются и собрания которых играют такую же роль, как книга церковных песнопений в христианской церковной жизни.

Мифологический элемент в индуизме, вообще говоря, отступает на задний план и распознавать его секты приходится по внешним формам жизни, а в теориях основные философские воззрения часто играют гораздо более важную роль, чем представления о богах. Могуущественнейшее божество Вед, царя богов Индру величают именем «сын Индри» в Магабарате. Главный бог браманского времени, Брама часто называется просто Праджапати (Прежний патер), но часто упоминается и как бог-Слово (Брама). В современных изображениях он стоит на цветке; его кожа темно-желтая; у него четыре лица или головы; пятую у него отрубил Шива за то, что он утверждал, будто сотворил и самого Шиву; в локонах его вплетены нитки жемчуга. Две руки воздеты для молитвы, а две другие держат чашу и четки. Однако это изображение, говорит Цигенбальг, не считается предметом почитания, как изображения Вишну и Сивы. Брама, как и у христиан бог-отец, не имеет ни своих пагод, ни праздничных дней и постов, ни жертв; ему поется жрецами лишь несколько хвалебных песен; он бог, живущий только в изображении.

Но как у христиан царица небесная, так и в индуизме очень большое значение имеет Сара-свати (Свята царица), его жена, которая, как богиня красноречия и учености, имеет свое определенное место в индусском пантеоне.

Культ Вишну, как высшего (т.е. вышнего) бога возник, — говорит историк религии Шантепи-де-ля-Соссей (II, 133), — по-видимому, одновременно с возникновением индуизма, т.к. Нараяна, которого почитают уже Отживаки (Адживаки), есть не кто иной, как Вишну, и Вазудева, высший бог Багаватов, отождествляется также с Вишну. В качестве верховного божества Вышний (Вишну) занимает сразу место и Браммы, и Индры. Он прежде всего представляет собою абсолют, т.е. атмосферу (Атма). Прямо говорится: «Нет ничего выше Вишну, Вишну больше, чем Брами». В то же время Вишну, подобно Индре, есть живой, деятельный бог, который является помощником людей и в своем телесном образе отличается определенными признаками, из которых некоторые унаследованы им от Индры. Он носит диск (солнце), боевую раковину и булаву, и на четвертой руке у него кольцо, если только обе верхние руки не представлены распростертыми «для утешения и дарения». Цвет тела часто зеленый или темно-синий; он пышно одет, увешан цветами и стоит на цветке лотоса. Или изображается спокойно лежащим на извилах мировой змеи Ананты; у его ног восседает его супруга Лакшми (Венера — богиня красоты и счастья) и из его пупа на длинном стебле растет цветок лотоса, на котором помещается совсем маленькая фигура Браммы. А иногда Вишну представляется сидящим на птице Гаруда, убивающей змей, которой тоже оказывается почитание, в особенности на юге и которой в таком случае придается смешанный вид человека и птицы.

Всевышний-Вишну, как и Христос, — всегда благосклонный бог, постоянное стремление которого состоит в том, чтобы приносить людям всякого рода помощь, сообщать им истину, охранять в опасности, избавлять от зла и принимать к себе на небо, которое представляется в виде рая. Но высшее блаженство верных заключается в том, чтобы сделаться тождественным с Вишну (как у христиан — уподобиться Христу). Участие Вишну в судьбе людей осуществилось им посредством его Аватар, т.е. авантюры, воплощений, или «нисхождений», через которые он приближается к людям, становится им подобным. Эти воплощения Христа, которых в Индии было уже несколько, вместо одного случая в Европе, понимаются в смысле глубокого таинства. «Это не преходящее проявление божества, но полное существование бога в живом теле: он есть истинно бог и истинно человек в теснейшем их единении».

И, как у христиан, первое воплощение Христа символизировано рыбой, что могло прийти лишь из Великой Ромеи с Балкан, так как там рыба служила анаграммой Христа — IX TYC — Иисус Христос Теу,

Иоос Сотер, т.е. Иисус Христос Бога Сын Спаситель (рис.). Но тут первичный символ получил уже новое толкование.

Первое воплощение относится к легенде о потопе, в том виде, как она содержится в Сатаната-Брамане: Вишну возвещает Ману-Менессу всеобъемлющий потоп и приказывает ему построить ковчег; под видом рыбы он сам направляет его, пока ковчег не причаливает к одной горе в Кашемире. Вторая Аватара (т.е. авантюра) Вышнего бога-Вишну — есть его превращение в черепаху, поддерживающую землю (рис.), что объясняется двумя рассказами, которые содержат ведийские элементы. Первый рассказ заключается в том, что боги захотели размешать молочное море (Млечный путь) город — Мандарагири, чтобы приготовить себе божественный напиток Амрита — бессмертный; но так как они не могли оторвать горы от земли, то Вишну спустился в виде черепахи в подземную пустоту и оторвал у горы корень. А другой рассказ сообщает, что однажды мир начал падать; чтобы удержать его, Вишну сделался черепахой и в этом виде подпер землю. Третья авантюра есть превращение в медведя, т.е. в созвездие Большой Медведицы, причем он победил одного демона и вытащил из воды землю, что также напоминает ведийскую легенду о Праджарати. Четвертая авантюра есть превращение Вышнего в человека-льва, разорвавшего хулителя бога. Это, по-видимому, навеяно его предполагаемым воплощением в Ария, имя которого значит по-еврейски Лев, и может быть символизировано в созвездии Льва (рис.). Пятая авантюра есть его воплощение в ребенка, и отражает, может быть, евангельское сказание о младенце Христе, уже учащем взрослых, что может быть символизировано Яслями Христа в созвездии Рака (или одним из Близнецов). Шестая авантюра (аватара) есть его воплощение в Парнеу-Раме, т.е. Парисе-Ромейце, вероятно, авторе Апокалипсиса Иоанне Златоусте, где он изображался с цветком в одной руке в награду верным и секирою в другой, для надменных царей земли, как это пророчествуется в самом Апокалипсисе (рис.). Седьмая авантюра, по-видимому, должна быть хронологически отодвинута уже снова вспять: это воплощение Вышнего бога Вишну в виде Рамы, что напоминает Аб-Рама, т.е. Отца-Рима — может быть, Римского Великого Понтифекса. Восьмая авантюра есть воплощение его в Кришне-Христе и представляет пятый вариант авантюры. Девятая авантюра-воплощение есть воплощение Вышнего-Вишну в теле будды Гаутамы, что, может быть, является отголоском литературного творчества Иоанна псевдо-Дамаского, автора Евангелия от Иоанна, или опять скорее вариацией шестой авантюры, т.е. воплощение в авторе Апокалипсиса. И, наконец,

десятая авантюра Вышнего бога — последняя из обычно признаваемых его «аватар», тождественно с ожидаемым «вторым пришествием Христа» у христиан: он придет, как сказано в Апокалипсисе, на Белом Коне, со сверкающим мечом и после поражения неверных и злых утвердит царство благочестивых.

Критически мыслящий и знакомый с Апокалипсисом, Евангелиями, библейскими пророками и основными представлениями греко-русских христианских теологов, с конца средних веков и до начала XX века, видит сам, что это только дальнейшее фантастическое усложнение европейской теологии. Кто у кого тут взял? Христиане ли сократили индусские девять бывших в Индии воплощений Вышнего бога до одного у себя в Европе, или, наоборот, христианство, дойдя до Индии, сделало по дороге девять авантур из одной?

Но это похоже на то, как если бы вы спросили: индусы ли умножили две руки европейского основателя христианского богослужения до числа четырех рук (рис.) или европейцы сократили четыре руки, бывшие у Кришны в Индии, до числа двух.

Ответ тут может быть лишь один: основные законы развития мифов показывают нам, что они всегда осложняются с течением веков и на пути в дальние страны, а потому и увеличение числа рук у Кришны-Христа, и увеличение числа его воплощений в Индии безусловно показывают, что богословие в том виде, в каком мы его наблюдаем в Индии, да вообще в срединной и южной Азии, пришло туда от балканских ромейцев, славян и едва ли ранее появления у них Кирилла и Мефодия.

Как у христиан «Великий царь» — основатель богослужения — сделался из человека богом, так и у индусов Кришна из героя сделался божеством. В исторических частях Магабхараты он является еще возничим Арджуны, и своей отважностью и хитростью содействует победе Пандуидов над Куруидами. И судьба его здесь тоже трагична: в возмездие за жестокость, с которой он ранее умертвил свой собственный род, он превращается позднее в газель и убивается стрелой охотника. Да и рождение напоминает Христа. Рассказывается, что Кришна был сыном Васу-девы (т.е. Василия-бога, царя-бога) и Деваки (т.е. девицы). Его злой дядя Камса (как Ирод) хотел умертвить ребенка, поэтому он должен был бежать в землю Гокула (вроде Египта), где был принят пастухом Нандой и его женой Язойдой. Здесь юный бог провел веселое детство, лелеемый девушками-пастушками, осчастливленный со стороны богов дарами из игрушек и драгоценностей. Кришна-дитя (бала-Кришна), как и Христос-младенец у христиан, — излюбленное представление индусов; в виде маленьких фигурок изображается, как он ползет кругом,

играя шаром и пр. Но он скоро обнаружил свое божественное могущество. Когда бог-отец Индра, рассердившись за почитание Кришны больше, чем его, послал на него и его товарищей в играх сильную грозу, семилетний мальчик поднял громадную гору Говардхану и держал ее в течение семи дней в виде защиты над уstraшенными пастухами. Рассказывают также, что однажды он победил царя змей (вроде христианского сатаны), в пруд которого он прыгнул, и с триумфом раздавил его голову; Кришна-змееубийца, в танцующем положении, играющий на флейте, представляет, как и Христос в катакомбных изображениях (рис.), другой любимый божеский образ индусов.

Но вот тут и противоречие, в котором не знаешь, на какую сторону встать: у христиан его рисуют сопровождаемым всегда девицами легкого поведения, но его склонность к ним объясняется жалостью, да и сами они представляются раскаявшимися, благодаря его увещаниям. А у индусов, наоборот, с девушками-пастушками, тысячи которых были к его услугам, но он предается шумной любовной резвости; в особенности рассказывается о его любви к некоей Радхе, соответствующей Марии Магдалине; их взаимная склонность, их ссора и примирение изображаются в лирической драме Гитаговинде. Это стихотворение, с его изменяющимися напевами и его пламенным эротизмом, — говорит Шантепиде-ля-Соссей (II, 136) — можно назвать Песнью Песней индусов, и подобно последней, его можно понимать также в смысле аллегорического изображения отношения бога к душе. Эта юношеская жизнь Кришны дала повод в национальных культурах к разного рода увеселениям и послужила предлогом к большому распутству, которое существовало и у христиан во все средние века. А дидактические части текста Магабхараты дают нам уже совершенно иной, возвышенный образ Кришны. В них он, как и у христиан нового времени, вполне отождествляется с Вышним богом (Вишну) и сам представляется как верховное божество.

В сказании о Раме, т.е. о седьмой аванюре Вышнего бога, Якоби пытался найти продолжение мифа об Индре. Его борьба со Раваной (Равином), похитившим его жену Ситу, в существенных чертах, — говорит он, — сходна с борьбою Индры с Вритрой (ветром?), демоном засухи; Сита есть олицетворенная уже в Риг-Веде полевая борозда, опустошение которой играло ту же самую роль у земледельческого населения позднейшей Индии, какую облачная змея у занимавшихся главным образом скотоводством племен ведийского времени.

Но в этой аналогии, однако, мало убедительности, и рассказ напоминает скорее борьбу Юлия Цезаря с Антонием за Клеопатру, причем по нашим представлениям в жизнеописание мифического Юлия Цезаря

вошло многое из жизни императора Юлиана, который по многим сообщениям и был Великим Царем, основателем христианской литургии, давшим повод к легенде т л Христе. Но тут фантазия превратила уже помогавших Раме инородцев (может быть, мавров) в обезьян.

«В тесной связи с Рамой, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (II, 138) упоминается начальник обезьян Гануман (великочелюстной). В борьбе против Раваны (Раввина) он сильно помогает Раме и, подобно собаке Индры Сааме при поисках украденных коров, перепрыгивает через воду на Цейлон и там находит жену своего господина». В настоящее время этот полководец индусского Христа одно из наиболее почитаемых божеств Индии, в качестве деятельного защитника от злых духов. «Его неуклюжее изображение в виде обезьяны, намазанное маслом и красной охрой, встречается каждому, кто посетит индийскую деревню». Сиваиты так же почитают Ганумана, как и вишнуиты; в храмах часто можно видеть его в качестве бога-привратника, с поклонения которому начинается ежедневное богослужение.

Культ Шивы (Живого бога-Зевса по-гречески) по всем признакам проник в Индию одновременно с культом Вышнего бога. В Магабахарате одновременно встречаются оба и гора Каиласа в Гималаях упоминается как местожительство Шивы. Он называется «господином гор» и его супруга Парвати «дочерью гор». Это приводит его в связь с Зевсом Громовержцем на Огнедышащей горе и с индусским Рудрой, так как последний обитает тоже в горах. Он представляет собой разрушающую силу землетрясения. Ужасна его сила и многочисленны толпы его слуг. У него, по индусам, три глаза, вокруг тела — змеи молний, на шее — черепа. А между тем слово Сива или Шива, вдруг, значит: Милостивый! Вот почему мне и кажется, что это слово славянское и является лишь индусской ассимиляцией славянского слова Живой бог.

Под этим именем он считается своими поклонниками за высшего из богов и называется Магадева — великий бог, или Исвара, т.е. господь и друг. И он не только разрушитель, но также и обновитель, и для того, кто его умоляет, он может выказать себя милостивым избавителем и спасителем, который награждает счастьем и отклоняет скорбь; он может явиться даже веселым спутником, который, охотясь, бродит по горам, сопровождаемый развратной пьяной толпой, сам предаваясь вину и пляске с женщинами. Вообще он есть всеобъемлющий и всепроникающий бог, и вследствие этого по индийскому обычаю ему приписываются все возможные свойства. Несомненно, что этот многосторонний образ возник через смешение многих культов, и народные

прибавки обнаруживаются в нем гораздо сильнее и значительно грубее, чем в культе Вишны. Фаллус сделался главным его символом и под этим символом Шива почитается преимущественно, а во многих областях даже исключительно.

Индусы признают его также богом письменного искусства и учености, и он имеет своих поклонников во всех слоях общества. Суровые аскеты и распутные сборища ссылаются на его имер; в числе его служителей находятся ученые брахмы и секта лингаитов на юге Индии, учрежденная в XII веке Базебой, которые получили свое название от обычая их носить всегда при себе маленький фаллус в качестве предохранительного средства.

Обе стороны характера Шивы, суровая и милостивая, отражаются в его супруге, почитаемой всегда вместе с ним. Имена ее различны: Парвати (созвучно со славянским Первата — первая) и Дурга (недоступная). Именем Дева она обозначается как богиня, именем Кали — как черная, именем Шакти — как магическая сила. Эта Дева — Кали богиня дикая и жестокая, богиня истребления, а под именем Шакти ее чувствуют тайными магическими церемониями. А с другой стороны, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей (II, 141), — она также является милостивой защитницей верующего и в позднейших учениях играет роль католической Мадонны; хотя она и жена Инсавры и имеет несколько детей, но она все же непорочная девственница и ее брак с богом только мистический; милостивым оком она стережет все творение и является предстательницей перед своим мужем за всех людей, чтобы он снисходительно управлял ими, охранял и спасал их; как добрая и сострадательная мать, она старается помогать всем и спасать всех. Сообразно с обоими этими функциями, она изображается то в форме отвратительной женщины с дикими чертами и жестами, то как грациозная девушка, украшенная венком и цветами, только с зеленым цветом тела. В умозрении она представляется то как женское начало бытия, от которого происходят все боги и женщины, то как таинственная сила Исавры, при помощи которой он управляет землею».

С культом Шивы обыкновенно соединяется почитание его сына Ганеса. Подобно Гануману, он полуживотное божество и изображается со слоновой головой, в сидячем положении с толстым животом, ожерельем из жемчужин или мертвых голов вокруг шей, «Предводитель полчищ», он же и бог мудрости, тогда как слон для индуса — умнейшее животное, поэтому Ганеса со слоновой головою призывается перед началом всякого предприятия как бог письменности и учености и в начале многих книг с благоговением упоминается его имя.

Как и у христиан в Эпоху Возрождения, так и в Индии, вероятно, со времени открытия туда пути европейцев через Мыс Доброй Надежды, первоначальная религия стала принимать философский характер, но, по-видимому, тоже не без апокризма.

Так, у Рамануджи, которого относят еще к XII веку, как и в ортодоксальной Веданте, мир всегда рассматривается с монистической точки зрения; нет ничего другого, кроме всеобъемлющего бытия, но его существование и его мысль лишь свойства; абсолют не состоит из существования и мысли, но он есть бытие, которое и существует, и мыслит, и которое обладает всеми свойствами в столь совершенном виде, что они сообщают ему абсолютную силу и абсолютное достоинство. Таким образом, Брама — бог-Слово представляется все проникающим, всемогущим, всеведущим, всеосстрадательным существом, как бог в новейшем христианском катехизисе, который, вероятно, и есть оригинал, а не подражание Раманудже. Сообразно с этим бог не есть также безразличное единство — весь многообразный мир реальностей заключается в нем; душа и вещества образуют его тело, но не его существо; они подчинены ему, как тело духу, но существуют в нем с относительной самостоятельностью. Таким образом, делается возможной индивидуальность души, и самостоятельность душ простирается так далеко, что, как и говорится, не они заключаются в Бrame, но Брама обитает в них, как начало, входящее в их состав; при этом они, как от вечности существующие, не вполне растворяются в нем. Но так как все вещи первоначально произошли из Бrame, то они должны находиться в двояком отношении к нему: сперва вещи существовали в Бrame как зародыши и произошли из него согласно волевому акту Бrame, который и есть творение; вторых, после творения, они по существу своему все-таки продолжают оставаться в нем. Все живущее понимается как находящееся в состоянии переселения душ, от которого душа может освободиться познанием Бrame, но не делами; после этого она восходит в мир Бrame для вечной блаженной жизни и получает участие в его божественных свойствах за исключением, впрочем, его силы выделять из себя мир, управлять им и снова воспринимать его в себя. — Мы видим, как много в этой системе оставлено места реальности вещей; но еще важнее в ней та роль, которую играет в ней личность; потому что, с одной стороны, бог по своей сущности есть личное начало, с другой стороны, душа имеет также действительную и постоянную индивидуальность, которая освобождается от странствования не тем, что она собственным усилием познает свое единство с Бrameй и переходит в Бramу, но тем, что, с милостивою помощью Бrame, она научается познавать и созерцать его сущность,

благодаря чему приобретает высшее состояние вечной свободы и блаженства на его небе.

Но самостоятельность, которую таким образом установил Рамануджа для реальности вещей и индивидуальности души, — продолжает далее, — не всех удовлетворяла. Основной характер и этой системы все еще был монистический и вещи существовали лишь как атрибуты бога. Не удовлетворенный этим Ананда-гирта, или Мадва, основал свою дуалистическую систему, в которой было проведено резкое различие между: 1 — богом и душами, 2 — богом и вещами, 3 — душой и вещью, 4 — между различными душами, 5 — между различными вещами. Здесь, как видно, исчезает уже последнее отражение мыслей Веданты; однако новый образ жизни не привел к новой религии, и характер религии Багавата сохранился и в секте Мадва.

Напротив, у секты Валлаба нельзя не видеть полного преобразования религиозного характера; вместе со спиритуалистическим пониманием мира здесь утратилось также и духовное мировоззрение, и идеи о боге и человеке, о жизни и блаженстве, выработавшиеся в религии Вишну, получили грубый чувственный характер в культе Кришны. Небо называется здесь Голока — «мир коров»; в нем живут Кришна и Голы, с которыми блаженные целую вечность продолжают юношеские похождения бога.

Философские системы Сиваитов опираются на философию Санкиа, как системы Вишнуитов на Веданту, но все дальше отдаляются от первоначальной школы, принимая решительно теистический характер. Мир состоит из трех сущностей: бога, душ и материальных веществ; они по своему существу от века различны друг от друга. Правда, бог сотворил мир, но лишь как действующая причина, а не как материальная причина у последователей Веданты, потому что он по существу различен от всякой материи. Он создает мир, как гончар делает горшок, т.е. не доставляя сам вещества, или как зеркало дает изображение, т.е. будучи мало затронутым этим процессом. Этот бог есть Шива, который господствует над миром также в качестве провидения.

Таким образом, природа должна быть рассматриваема как действие и бог как причина; но, с другой стороны, природа (пракрити) имеет свое материальное начало в самой себе, потому что она одарена пластической силой; она может до известной степени конструироваться независимо, но все-таки управляется Шивой, т.е. охраняется и уничтожается им. В сфере мирового движения находятся души, среди которых существует много разнообразных видов, но все они заключены в материю и поэтому удалены от бога. Задача заключается в том, чтобы осво-

бодить душу от уз материи и возратить ее богу, подобно животному, освобождаемому от цепи, чтобы оно возвратилось к своему владельцу (пати). По имени Шивы как хозяина скота (пасу-пати) получила свое название важнейшая сивитская секта. Это освобождение совершается или в силу божественного предопределения, или по свободной инициативе человека. Путь к спасению состоит частью в размышлении (йога), частью в следовании предписаниям ритуала. Целью спасения, по взгляду этого учения, не может быть выступление в божество; спасшийся не становится самим Шивой, но лишь подобен Шиве.

Такова современная теология образованных индусов. Она не дошла до современного диалектического материализма, но уже включает в себе и Канта, и Гегеля, и Гартмана, и Ницше, а потому и не может считаться возникшей за сотни лет до них. Отношение к богам в индуизме столь же разнообразно, как и представления о богах; различные виды благочестия соответствуют трем степеням понимания божества, существующим в этой религии: пантеизму, теизму и фетишизму. Высшим путем к спасению все еще постоянно признается размышление, которое в практическом применении тотчас же заменяется аскетизмом.

Большую роль играют священники, не в качестве приносителей жертв, как в Ведах, но как учителя (гуру) и руководители религиозной жизни. Священник является посредником между человеком и богом; даже более того, он есть живой представитель божества, которое превратилось в нем и в его лице требует себе поклонения. И среди образованных классов священник является необходимым руководителем и советником, а для низших классов, у которых нет ни денег, ни образования для того, чтобы на самом деле принимать участие в религиозной жизни, достаточно, как и у христиан, чисто наружного почитания бога и священника или простого присоединения к культуре.

Культы более значительных индусских сект сосредотачиваются вокруг храмов, которых в Индии громадное количество (джайнисты и буддисты имеют также свои собственные храмы); часто это очень обширные здания со множеством дворов, зал и часовен и притом выстроенные с большим искусством и роскошью. Характерным здесь является то, что центр тяжести богослужения лежит не в жертвоприношении, но в многообразном чествовании изображений богов и идолов, в котором, конечно, и жертва занимает свое определенное место. Каждое божество имеет не только свое изображение в посвященном ему храме или в своей маленькой пагоде, но также много образов и символов (рис. 10), под которыми его почитают. Так, окаменелый аммонит и растение туласи связаны с культом Вишну, а фаллус (линга) с культом

Шивы; даже собственно он и есть та внешняя форма, под которой почитается Шива. Хотя этот культ фаллуса, который существовал и в Европе, включает также соответствующий женский символ (йоне), но с этими образами не связано собственно никаких непристойных представлений. Культ фаллуса не имеет соответствующего примера в ведийское время, но вообще признается туземными и пользуется необычайным распространением в Индии, где повсюду, особенно в священных местах, можно видеть каменные фаллусы.

И вот я спрашиваю, каким же образом соединить с таким культом ту шопенгауэрову философию, о которой мы только что говорили, если вся она не апокриф?

Таким образом фетишизм прочно утвердился в храмовом служении индусов. Индуистские хвалебные песни (стотры) в их честь, которых существует бесчисленное множество, составляют вообще отличительную черту этой религии в Азии и по своему религиозному достоинству стоят несравненно выше, чем столь прославляемые гимны Веды. Вот, например, два по Вильсону, — напоминающие и библейско-христианские псалмы:

«Ты — мой владыка, да восхвалят тебя все. Вся жизнь моя у тебя. Ты — мои родители, я — твое дитя; вечное счастье исходит от твоей щедрости. Никто не знает твоего конца. Высший владыка среди высших, ты управляешь всем сущим, и все, что берет начало от тебя, повинуется твоей воле. Что тебя трогает, что тебя радует, то знаешь ты один. Твой раб с чистым сердцем приносит тебе себя в жертву». Или другой гимн: «Люби бога и верь ему все твое сердце! Мир связан с тобой лишь счастьем и благоденствием. Пока у тебя есть богатство, многие придут и сядут около тебя; покинет оно тебя — и они убегут и никого не останется кругом. Жена, которая тебя любит и всегда на твоей груди, с ужасом убежит от мертвеца, когда душа твоя оставит тебя. Так происходит на свете со всем, чему мы преданы. В последний твой час надейся лишь на бога».

Противоположность между мирским путем и путем спасения является, как и у христиан, постоянной темой в религиозных гимнах и благочестивых созерцаниях.

Наружный характер храмового служения выражается в пестром разнообразии церемоний, в форме которых совершаются священнодействия. Они имеют часто, в особенности в сиваитском культе, очень примитивный характер и состоят не только в омовениях, жертвоприношении, произнесении молитв и торжественных процессиях, но также в схиме, пении, танцах, подражании храпению, дрожанию и шатанию, во влюб-

ленных телодвижениях, в бормотании бессмысленных речей и вообще во всех возможных проявлениях болезненного экстаза. Сцену из храмового культа изобразил Бургес в своем рассказе о храме на острове Рамисварам, где главную роль играет культ бога Аммона.

Рано утром, при первом рассвете, трубят и барабанят перед пагодой Ганумана; музыканты, танцовщицы, слуги с барабанным боем и шумом идут и отворяют дверь храма, зажигают лампы, готовят пищу для служителей культа, и т.д. Вот священник с громадной свечой отправляется в главную капеллу, где бог лежит в потели, зажигает для него камфорный светильник, предлагает ему плоды и орехи и в то же время с изысканной вежливостью будит его от сна. Золотое изображение бога сажают в паланкин и торжественно приносят в храмовую залу при музыке и танцующих девушках, при свете факелов и блеске серебряных покрывал. Затем служители храма начинают мыть пол и сосуды, многократно обливая их водой; очищается кокосовый орех и манговые листья, происходит поклонение фаллусу, который тщательно вымывается, умащается сандаловой мазью. Приготавливается обед, состоящий из рису, хлеба и курри, и со смиренными поклонами ставится перед богом, между тем как лампы и светильники возжигаются и раскачиваются взад и вперед. Так происходит в течение целого дня; постоянно идут новые процессии со слонами и баядерками в галереях храма, снова происходят приветствия богам и поклонения фаллусам, подношение цветов, плодов и риса, пение гимнов, изображения богов проносят кругом, как в христианском крестном ходе, пока наконец бог Аммон, отражение Зевса-Юпитера, не получит своего ужина и со светильниками, музыкой и танцами не будет отнесен в постель. Только около полуночи оканчивается празднество и храм запирается.

И вот является вопрос: не представляет ли этот ритуал точно сохранившегося первичного арианского или даже христианского богослужения в средние века?

Култ индусов, как и христиан, не ограничивается храмами и почитанием одной великой Троицы. В деревенских местностях, где нельзя принимать участия в храмовом культе городов, повсюду имеются свои священные места. «Нет такой малой деревни, нет места так уединенного, чтобы нельзя было найти там священных символов. На вершинах холмов, в рощах, даже почти под каждой скалой или почитаемым деревом, можно увидеть, как и у католиков, маленькие часовенки открытых идолов, или простые кучи камня или дерева, обозначенные чертами краски, в качестве местопребывания какого-либо божества».

Смоковница, туласси и многие другие растения считаются священными, как у христиан кипарис. У сиваитов особенно часто встречается еще пережиточный культ змей; обезьяны, которые были верными сподвижниками Рамы на войне, считаются во многих областях самыми священными животными; убивать или изгонять их — тщательно избегают, хотя бы и в ущерб земледельцу и садоводу. Корова еще и теперь, как во времена Веды и Авесты, священна, и маленькие изображения приносящих благополучие коров можно купить повсюду. Но это же мы встречаем и у египтян. Да и Аргон сделал изображения тельцов для поклонения. И в самом деле, если Зевс-Юпитер принимал форму быка, то почему бы и супруге его не принять вид коровы?

Особое положение занимает культ воды. Священные озера и ручьи можно найти повсюду, и всякий речной берег считается священной почвой. Прежде всего, за святыню признается река Ганг: «Нет такого страшного греха, нет такой черной души, которой вода Ганга не возвратила бы чистоты». И это напоминает предание, как Иоанн Креститель купал народ в Иордане, да и Владимир Святой, кажется, также окрестил Русь в Днепре. Еще в предшествующем столетии был обычай ежегодно приносить в жертву этому божееству перворожденного ребенка, и паломничества, которые играют важную роль в Индии, направляются преимущественно к этой реке, как и в Палестину к Иордану. Странствование от источников Ганга вдоль по течению до устья и затем обратно по другому берегу, продолжающееся шесть лет, является одним из священнейших деяний, какое только может себе представить индус. На этой реке лежит и Бенарес, теперешняя столица браманов, этот Иерусалим Индии. Побывать там составляет страстное желание каждого набожного индуса, и бесчисленные толпы пилигримов стекаются сюда, чтобы искупаться в священных волнах и походить под сводами тысячи храмов и пагод. Но в Индии существуют, впрочем, и другие города, которые пользуются славой великой святыни, как, например, Аллагабад и Гайа.

Праздников в Индии очень много и большинство их обусловлено астрономическими явлениями: день рождения Кришны (рождество Христова), конечно, величайший праздник индусов, но и праздники в честь Ганесы, Рамакандры и Шивы считаются священными. Большинство их носит веселый характер; скот украшается цветами и водится по улицам; представляется в драматическом виде какое-нибудь мифологическое происшествие, например похищение Ситы, жены Рамы. С расточительной пышностью чествуется праздник лампад в честь Лакшми, но самым веселым временем индусов является праздник Голи, в весеннее

полнолуние, как у евреев пасха; мальчики пляшут тогда на улицах, все обсыпают друг друга желтым и красным порошком, зажигаются огни и повсюду происходят игры и шутки в виде радостного воспоминания о юности Кришны. Только праздник Шивы в феврале проводится свято, среди строгого поста и бдения, да бенгальский праздник аскетов Харатш-Муджа сопровождается безумным самобичеванием, как, впрочем, было и у христиан-флагеллатов.

В большинстве сект проводится резкое различие между клиром и мирянами; религия удаляет мирян от храмовой жизни. Последователи Рамануджи украшают свои жилища изображениями и знаками Вишну и поклоняются им. В остальном они не отличаются никакими особенностями; они носят подобно членам всех других сект священные знаки на лбу — в данном случае две вертикальные белые черты, соединенные одной красной над бровями; иногда у них вытатуированы на руке оружия Вишну. У них есть свое особенное приветствие: дасо сми, «я твой раб», и когда они едят, не должны быть одеты в бумажную ткань, а только в шерстяную или шелковую, и ни один иностранец не должен присутствовать при их обеде или даже при его изготовлении.

Нравственные обязанности мирян в высших сектах вытекают из браманской морали и почти одинаковы с тем, которые мы встречаем в джайнистских и буддистских общинах; эти обязанности: не лгать, не злословить, не клеветать, не обходиться грубо, не говорить лишнего, не красть, не нарушать супружеской верности, не делать насилия, не думать дурно, не обнаруживать самомнения и надменности. Любовь к людям есть высшая добродетель и пролитие крови величайший грех. Другое великое требование — правдивость, потому что все зло в мире происходит от заблуждения и лжи, бежать от мира с его страстями и страданиями всегда является желательным, если кто хочет сохранить чистоту своей души и обрести бога; почитание священника в мысли, слове и деле и убеждение в его абсолютной мудрости составляет последнюю великую обязанность благочестивых. Но ведь это же и у христиан!

Немало сект, которые отрешились от гражданской жизни и ушли в аскетическую жизнь. Так последователи Вайраги — «бесстрастные» — странствуют, как удалившиеся от мира аскеты.

Еще далее идет секта Нага, которая оставила даже одежду и ведет дикую жизнь. Они вполне основательно внушают страх населению, потому что нищенство их часто принимает разбойничий характер.

Среди сиваитов находятся профессиональные йогины, жизнь которых посвящена безумным покаянным упражнениям, потому что этим путем они думают вполне победить материю. При этом они занимают-

ся также разного рода таинственными искусствами и в течение своей бродячей нищенской жизни пробавляются предсказаниями и колдовством, танцами и пением, и дают представление с дрессированными козами или обезьянами, вроде того, как у нас недавно цыгане.

Самая низменная сторона религиозной жизни в Индии — это тайная деятельность почитателей Сакти, супруги Шивы. Как женское начало, мистическая сила, посредством которой Шива всем управляет, эта дева Сакти уже в пуранах дала повод ко множеству пространных рассуждений; но чего не дали в этом отношении космологи (пураны), о том тем более позаботились многочисленные ритуальные сочинения нового времени (тантры). Мистическая сила девы Сакти в этих произведениях превращается в загадочное чувственное существо. Культ ее разделяется на официальный, который в существенных чертах не отличается от культа Шивы, и на тайный, культ «левой руки», в котором распутства первобытных культов в скрытом состоянии продолжали существовать еще и в XIX веке. В лице избранной нагой женщины, при ночных огнях ей преподносится вино и мясо и также распределяется для угощения участников; песни, которые при этом поются, имеют бесстыдный характер, и весь праздник заканчивается диким развратом. Эти церемонии, — говорят нам, — содержатся в самой строгой тайне и по словам Вильсона всякий вишнуит или сиваит потерял бы свою репутацию, если бы эта скрытая сторона его религиозности сделалась известной непосвященным. Почитание силы Черной богини (Кали), отождествляющееся обычно с девой Сакти, по словам Крука, несомненно было связано с человеческими жертвами, и в Нагпуре есть часовни, где еще в последнем поколении совершались такие эксцессы. Усилия английского правительства прекратить культ Кали, по-видимому, еще не вполне привели к удовлетворительному результату.

Является ли это пережитком прежнего фетишизма, который сменила религия Вышнего бога? И если да, то не доказывает ли это самое обстоятельство, что смена эта была не так уж давно.

Глава VIII

РАЗВИТИЕ ГОРНОАЗИАТСКИХ РЕЛИГИЙ ПОД ВЛИЯНИЕМ ИСЛАМА И СОВРЕМЕННОГО ХРИСТИАНСТВА

Прежде всего посмотрим, что повествуют нам ортодоксальные источники конца XIX века и начала XX века.

Уже в VIII столетии, — говорит Шантепи-де-ля-Соссей¹, — агаряне появились в Синде, но не могли основать там прочного господства. Нам говорят, что это узбеки, составляющие и теперь господствующий класс в Бухаре, Хиве, Фергане, на Аму-Дарье и в афганском Туркестане. Они являются в то же время и прадедами современных малоазиатских турок, т.е. пришли в глубину Азии из Великой Ромеи, как малоазиатские агаряне в период иконоборства IX века или даже, может быть, они хлынули на восток вследствие своего отлучения от установившегося в Европе православия. Первым предводителем их был, — как говорят, — Альн-Тегин (960—975 гг.), затем Себук Тегин (975—998 гг.), присоединивший Кабул, Пешавар и Хорасан и, наконец, появился там и сам Махмуд-Газни (998—1030 гг.), которого, как я уже показывал в VI томе Христа, и можно считать если не творцом, то первым распространителем коранического магометанства, вызвавшего затем крестовые походы, начиная с 1098 года.

Затем, после мало известного промежутка времени, явился тюркский же вождь Султан Бабур, завладевший Индией в 1505 году, европейское прозвище которого Великий Могол не имеет никакого отношения к его национальности, потому что в нем и во всей его династии не было ни капли монгольской крови. Но и при нем в Индии, по-видимому, не выкристаллизовались еще отдельные религии.

Кабир, живший в начале XV столетия, в своем учении (Кабир-Пантия) отвергал уже всякое различие каст и религий. Все любящие бога и делающие добро, — говорил он, — братья, будь они индусы или мусульмане. Идолопоклонство и все, что связано с ним, он строго осуждает, храм должен быть только домом молитвы и ничем другим. Он не хочет знать ни о каких внешних знаках, обозначающих принадлеж-

¹ Шантепи-де-ля-Соссей. Т. II. С. 154.

ность к какой-либо секте, потому что они разобщают людей друг от друга, проповедует отречение и созерцательную жизнь, но прежде всего требует нравственной чистоты, не ограничивая ее каким-либо особенным образом жизни.

Легко понять, что инициатор таких воззрений может быть одинаково причислен и к индусам и вишнаитам, и к мусульманам; последователи обеих религий стараются присвоить его себе. Да он и вообще дал сильный толчок к религиозным новообразованиям в Индии, и самая религия сикхов отчасти возникла под его влиянием. Нанак, их основатель, родился в 1469 году; он учил единству бога, которого должно почитать праведной жизнью, и считал различие каст несущественным, хотя прямо и не восставал против них. Его теология в том виде, как она выражена в Ади-Грант, включает самые несовместимые мысли, причем взгляды индийского происхождения преобладают. Не рай или небо составляет конечную цель, но освобождение от переселения души, прекращение индивидуального существования. Не человек, который действует под влиянием доброты, страсти или темноты, подвергается новым рождениям; последние прекращаются через полное растворение в божестве. Но сикхи не делают из этого учения того вывода, который в сфере буддизма и вне ее привел к монашеской жизни, так как они вовсе не признают аскетической жизни. Высшее существо, которое они называют Гари-Говинд или другими именами, описывается то как абсолютное бытие, языком и образами пантеизма, то как в полном смысле самостоятельная личность. Относительно почитания своих учителей и наставников, сикхи сходятся со многими другими религиозными обществами; но едва ли где авторитет учителя ставится так высоко, как авторитет Нанака и его преемников. Они являются не только воплощениями Нанака, но и прямо обоготворяются. Но только Арджун (1581—1616) скомпилировал Ади-Грант и оставил поэтические сочинения. При нем сикхи впервые достигли политического значения и вступили в борьбу с магометанами. Но высшего своего пункта эта борьба достигла лишь при десятом учителе, Говинд-Сингхе, современнике царя Аурангзеба. Когда он в 1708 году умер, то не назначил себе преемника, так что с ним закончился ряд учителей, но он стал истинным основателем национальности сикхов, объединив их в одно общественное целое, связанное простой церемонией посвящения, и тем установив их полный разрыв как с магометанами, так и с индуистами. Поэтому, когда в XVIII веке царство моголов (т.е. турков) распалось, то сикхи в Пенджабе, подобно мараттам в Докане, сделались наследниками их могущества. Царство Ранджит-Сингха (1780—1831) в Лагоре было покорено только после 1849

года, но и в настоящее время в Пенджабе насчитывается еще около двух миллионов последователей религии сикхов.

Но здесь мы забежали уже вперед, а возвратившись к концу XVI века, мы не можем не отметить там религиозной деятельности великого Акбара, причем Акбар в переводе значит тоже «великий», а обычное его имя было Джелал-Эддин Магомет (1556—1605). Этот царь особенно интересовался различными религиями. Воспитанный в вере ислама, он окружал себя индусскими учеными и поэтами и выбирал большинство своих министров из числа своих индусов. Парсистская община также сильно привлекала его, он выписал себе одного жреца, чтобы преподавать ему учение маздеизма. Он также обратил особенное внимание и на христианство, и португальские миссионеры достигли при его дворе большого значения. На Акбара смотрят как на предшественника в деле изучения сравнительного богословия. Каждая из главных религий оказывала на него свою притягательную силу. Его привлекали и монотеизм ислама, и таинственные символы индуизма, и культ огня и солнца парсов, и нравственное учение Иисуса, и он подчинялся религиозным обычаям, заимствованным из различных религий. Стремясь соединить все вместе и поддерживаемый своим министром Абуль-Фацлем, он основал «божественную религию (Дин-Илагит)», в которой единство бога, развитие жизни в мире и переселение душ составили основные догматы. Культ был посвящен главным образом солнцу, при чем богослужения отправлял сам царь; так что вера Илагиев нашла свое выражение в формуле: «Нет бога, кроме Аллаха, и Акбар калиф Аллаха». Эта новая религия едва пережила своего основателя, но в ней мы находим признаки многих, более распространенных индийских форм верования. А потому и можем судить о их сравнительной недавности.

Интересным свидетельством эклектического и синкретического духа этого периода является сочинение много путешествовавшего Мохсан-Фани, жившего в XVII веке, который сообщает обстоятельные сведения о различных религиях в Дабистане, причем называет главными: религию парсов, христианство и силам. А свидетельством того, что и они не застывали там на тысячелетия, служит то, что и в XVIII веке число учителей, которые основывали какую-нибудь школу, секту или религию, было так велико, что часто их создание существовало лишь в течение одного поколения, а затем оно снова разрешалось в другие формы.

Даже в XIX веке Индия имела своих великих учителей религий. Их ряд открывает Раммогун-Рой (1774—1833), основатель учения Брами-Самаджи. Он был ревностным борцом против идолопоклонства и держался единобожия даже раньше, чем научился Библии и Корану. Он

уже начал заводить дружественные отношения с европейской культурой, но умер во время одного из посещений Англии. Его преемник Дебендранат-Тагор отказался в своих Брахма-Дарма от авторитета Вед еще определеннее, чем его предшественник. За ним следовал Кешуб-Шундер-Сен (1838—1884), который сделал попытку провести реформы также и в социальных отношениях. На кастовые различия он совершенно не обращал внимания и выступил против брака детей и языческих обрядов индуистской религии, хотя и подчинился тому и другому, когда, отдавая свою дочь за магараджу, рассчитал, что это будет способствовать дальнейшему распространению его религий. Как индийскую, так и христианскую философию и религию он стремился совместить в высшем единстве и постоянно устремлял свои взгляды на Европу, где его встречали с чрезвычайным почетом в высших кругах. Он был в оживленной переписке с Максом Мюллером, Христу отводил первое место среди пророков, так что многие подумали, что он желает перейти в христианство. Он хотел только все соединить в своей новой, космополитической, унитарной, мистической религии и в 1880 году он опубликовал свое вселенское послание (Нава Бидхан), в котором гармония религий выражается всего более в символах, заимствованных из индуизма. Но оно получило приверженцев только среди образованных людей, в городах, и вызвало реакцию под главенством ученого Динанады-Сарасвати (1827—1889), который в защите авторитета Вед доходит до утверждения, будто бы ведийские певцы обладали даже всем знанием нашего времени.

Я нарочно привожу эти сведения, рисующие современное состояние индусской культуры. Мы видим, что она уже объевропеилась и потому уже смешно продолжать разговоры, что брамины скрывают от европейцев. И пусть Динананда-Сарасвати сколько угодно возвеличивает Веды и относит их хоть за миллионы лет до нашей эры, мы все же будем утверждать, что если б это было так, то манускрипты их были бы не менее распространены по Индии, чем недавние манускрипты Корана магометан или Евангелия у христиан XV века.

Вот почему прежде всего другого надо сделать систематическую статистику всего рукописного материала, открытого в Индии Еленой Петровной Блаватской и ей подобными, хотя по внешности и более солидными искателями индийской древней мудрости, и все сочинения, имеющиеся только в одном рукописном экземпляре, признать не имеющими распространения апокрифами, хотя бы с них и оказались тоже одноэкземплярные переводы на тибетский или палийский или какой другой языки. Ведь всякому понятно, что искателям восточных манускриптов

было интереснее представить ученому миру что-нибудь совершенно новое, а не буквальное повторение в новой рукописи уже опубликованного кем-нибудь другим. А потому и искусство апокрифистов направлялось не на утверждение только одной чужой славы, а на создание собственной, в результате чего и получилось, что почти все их «псевдо-открытые» рукописи оказались «униками» и их больше никто не находил.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Последняя вспышка догорающего огня окультистических течений нового времени

Глава I

СУЕВЕРИЯ И ФОКУСНИЧЕСТВА В РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТАХ

Нет ни малейшего сомнения, что всякая религия начиналась с суеверия, но вслед за тем неизбежно должна была наступить и следующая стадия ее развития — фокусничество и шарлатанство. Как только появлялось, благодаря особым явлениям природы, вроде извержения вулканов, падения метеоритов и других поражающих явлений природы, в каком-либо месте святилище и живущий при нем штат священников, а удивительные явления, вызвавшие к существованию их учреждение — прекратились, для них не оставалось ничего другого, как или прекратить свое занятие, объявив, что сверхъестественные силы их оставили, или взамен естественных чудес придумать другие искусственные.

Но бросать уже наладившееся привычное занятие и сменить репутацию своего высокого в глазах всех близкого знакомства с богами на унижительное положение покинутого ими за что-то человека было прямо невозможно для человека, уже привыкшего ко всеобщему поклонению, и даже небезопасно: так как первобытная толпа, освободившись от своего слепого обожания, немедленно после его прекращения переходит к слепой ненависти и ее расправа бывает ужасна. По этой причине всякий мистический культ, начавшись с суеверия его основателя, кончался шарлатанством его последователей.

«Мы теперь несомненно знаем, — говорит д-р Леманн (стр. 608), — что фокусы применялись во все времена с намерением обмануть толпу, чтобы укрепить ее веру в справедливость известных взглядов». Конечно, вначале приемы были грубы и просты, так как более тонкие способы были неизвестны. Таковы, например, были средства, употреблявшиеся греческими (т.е. ромейскими, византийскими) чародеями времен упадка, для того, чтобы вызвать светящуюся фигуру Гекаты. В северных сказаниях говорится, что некоторые статуи богов оживали и из рассказа для нас ясно, что в этих деревянных идолах сидели люди, бравшие на себя в нужный момент роль богов. Христианские священники также не всегда чуждались таких приемов, хотя и в более тонченной форме.

Говорными трубками и тому подобными приспособлениями, они умели строить так, что бог непосредственно говорил с толпой, собранною в церкви. Нам кажется теперь невероятною возможность таких фокусов в церкви, но припомним только огонь, самовозгорающийся и теперь в Иерусалимском храме и Неаполитанское чудо с кровью Св. Януария. Средневековые магики пускали в ход все известные им сведения о природе, чтобы импонировать народу. Для этого, по-видимому, рисовалась на стене фосфором человеческая фигура, невидимая при свете, но сейчас же появляющаяся, как только окна храма закрывались занавесками, или же пускались в темноте летать по храму птицы, тоже намазанные самосветящимся веществом. По мере роста естественнонаучных сведений они не упускали случая расширить и область волшебных приемов.

Самая ценная часть первого издания «.....» Иоганна делла Порта (1538—1615) состоит в указании способов применения имевшихся тогда знаний для целей практической магии.

Первый, обработавший натуральную магию как самостоятельную науку, был Джианбеттиста-делла-Порта (Иоганн Батиста Порта).

Родился он в 1538 году в Неаполе и принадлежал к богатой и уважаемой семье, так что мог свободно предаться изучению своих любимых наук. Уже в 1553 году, имея от роду всего 15 лет, он издал свое главное сочинение, возбудившее всеобщее удивление. После долгих путешествий он основал в 1560 году в Неаполе «Общество для исследования тайн природы», которое, однако, было закрыто по приказанию папы. Тем не менее он продолжал свои физические опыты, и в 1589 году выпустил новое издание своей магии, весьма дополненное. В то время как первое издание содержит 4 части, второе есть уже очень обширное сочинение из 20 книг. Умер он в 1615 году. Всего более, по-видимому, читалось первое издание из 4 книг, вероятно, потому, что оно вмещает в себя наибольшее число суеверных воззрений тогдашнего времени. Порта утверждает, что он лично проделал все опыты, им описанные; если это так, то он, очевидно, не обращал ни малейшего внимания на удачу и неудачу опыта, так как приводит множество невозможных опытов. Может быть, однако, именно им книга и обязана своим огромным успехом, согласуясь вполне с тогдашним вкусом к необычайному.

Первая книга содержит изложение теории натуральной магии, т.е. изложение магической системы Агриппы, даже с его примерами, в том же порядке и с теми же толкованиями. Остальные три содержат, напротив, практические советы, хорошие вперемежку с нелепыми. Они, в сущности, не имеют никакого отношения к первой книге, так как тео-

рия нисколько не применяется для разъяснения опытов. 2-я книга есть нечто вроде трактата по садоводству; в ней содержатся указания способов изменять внешний вид плодов, окрашивать цветы, что можно придать черный цвет глазам ребенка, намазав ему затылок маслом, смешанным с пеплом или сожженного креста, и что можно сделать так, что все присутствующие в комнате будут иметь по внешности ослиные головы. Для этой цели стоит только кипятить ослиную голову 3 дня в масле, пока не обнажатся кости. Их толкут, смешивают порошок с маслом и наливают им лампы, и как только их зажгут, так и увидят все друг друга в таком виде. Он рассказывает также и о своих опытах над волшебными мазиями, действием которых было то, что ведьмы впадали в глубокий сон и переживали в грезах различные чудесные приключения, что уже опять похоже на гипноз.

Еще во времена Галилея многие исследователи работали скорее на пользу магии и фокусничества, чем для действительно серьезной науки. Такие люди, как Афанасий Кирхер (1601—1689) и Каспер Шотт (1608—1656) имели особую любовь к чудесному и ко всему, что может импонировать и провести человечество.

Даже и в наше время различные формы фокусничества применяются с целью укрепления веры людей в легкомысленные выводы фантазеров. Материализующие духов медиумы — все фокусники и только при помощи фокусов теософская система Блаватской могла превратиться в религиозную доктрину, привлечшую к себе немало интеллигентных сторонников.

Английский физик Брюстер впервые дал серьезное описание физических и химических вспомогательных средств, которые несомненно применялись древними магами, а современное фокусничество, имеющее более скромную задачу развлекать публику, было впервые систематически описано Гофманом. Он дает подробные указания относительно множества фокусов. Теорию этого искусства разобрал и психолог Дессуар в книге «Психологические эскизы». Обе эти работы имеют для нас значение в том отношении, что очень облегчают понимание специальных методов, применяемых спиритическими медиумами. А еще более подробно у Трюсдела, Бильманна и в отчетах Годжсона.

Трудно сказать, в какой мере древние маги пользовались тем, что современные называют «проворством рук», но искусство, известное под названием чревовещания, было им известно и применялось во все времена. Очень обстоятельное изложение истории и теории чревовещания мы имеем в работе Флатау и Гуцмана «.....» (Лейпциг, 1893), но только авторы немного увлеклись, утверждая, что все чародеи и предсказатели древних времен обязаны своею славой этому средству.

Глава II

МАГИЯ В ВЕЛИКОЙ РОМЕЕ

Начнем несколько издали, чтобы пояснить настоящее не так уже далеким прошлым, как это кажется.

«Греческая магия» считается особым отделом всенародной магии древних народов и ее разделяют на первобытную «до персидских войн», считая их время по Геродоту от минус 490 по минус 450 год и на последующие за ними. Но я уже показывал, что «Персидские войны» того времени — очень поздний миф, имеющий своим первоисточником крестовые походы, во время которых турки назывались персами. Значит, то, что называют греческой магией, есть на самом деле магия византийская, или точнее, магия Великой Ромеи, включающей в себя все культурные страны Средиземноморского этнического бассейна, особенно же Египет и побережья Мраморного моря.

С этой точки зрения главным источником для изображения Ромейской истории перед крестовыми походами служили эпические произведения, скомпилированные от имени Гомера и возникшие не ранее расцвета генуэзского и венецианского мореплавания.

И интересно то, что, читая Одиссею, мы не находим в ней ни одного подробного сказания о демонах или злых духах. Кроме настоящих олимпийских божеств (причем первоисточником сказаний о горе Олимпа была, конечно, не та группа невинных холмов между Македонией и Яниной на северо-востоке Греции, которую жители называют Элибом, а какая-то огнедышащая гора вроде Этны или Везувия), мы там находим только появление нимф (по-гречески невест), представляющих собою хорошеньких полувоздушных, хотя и вполне материализованных существ, средних между женщинами и богинями.

«Кажется, девичий громкий вблизи
мне послышался голос.
Или здесь нимфы, владелицы гор
круглоглавых, душистых,
Влажных лугов и истоков речных
погаенных, играют».

(Одиссея, VI, 122)

И то обстоятельство, что Одиссей вслед за тем выходит к людям из своего убежища, показывает нам, что по мнению авторов этой эпопеи, человеку нечего было бояться нимф. Они были добрые духи, которые, подобно богам, лишь в том случае относились враждебно к людям, когда последние оскорбляли их каким-нибудь поступком.

О злых духах там говорится лишь вскользь, как о причине болезней:

«Сколь несказанной радостью детям бывает спасенье
Жизни отца, пораженного тяжким недугом, все силы
В нем истребившим (понеже злой демон к нему прикоснулся),
После ж на радость им всем исцеленного волей бессмертных».

(Одиссея, V, 394)

Но подобные упоминания в этой книге представляют лишь исключительное явление. Всякие напасти, постигающие человека, служат выражением гнева не злых духов, а богов. Десятилетнее странствование Одиссея и все его злоключения вызваны лишь мщением Посейдона за то, что герой ослепил его сына циклопа Полифема (Одиссея, I, 19):

«Преисполнились жалостью боги

Все; Посейдон лишь единый упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны».

Одиссей беспрестанно призывает на помощь Афины-Палладу:

«Дочь непорочная Зевса, эгидодержавца, Паллада,
Ныне вонми ты молитве, тобою невнятой, когда я
Гибнул в волнах, сокрушенный земли колебателя гневом;
Дай мне найти и покров и приязнь у людей феакийских,
— Так говорил он, моляся, и был он Палладой услышан;
Но перед ним не явилась богиня сама, опасаясь
Мощного дяди, который упорствовал гнать Одиссея,
Богopodobного мужа, пока не достиг он отчизны».

У Гомера встречается также немало мест, из которых видно, что ромейцы верили в возможность волшебства, и притом не только в искусство прорицания, но и в оперативную магию, т.е. в магические действия, могущие изменить ход событий. Мы видим у него нечто вроде святых, одаренных большим могуществом. Когда Менелай на Фаросе хочет поймать «правдиво вещающего морского старца Протея, одаренного божественной силой, взор которого проникает через морские глубины» (Одиссея, IV, 384), то это не легко ему удастся, как видно из его рассказа (Одиссея, IV, 454):

«Кинувшись с криком на сонного, сильной рукою все вместе
Мы обхватили его; но старик не забыл чародейства;

Вдруг он в свирепого с гривой огромного льва обратился,
После предстал нам драконом, пантерою, вепрем великим,
Быстротекучей водою и деревом густовершинным;
Мы, не робея, тем крепче его, тем упорней держали».

Но и люди подвержены таким метаморфозам. Так, Цирцея, дочь богов, превратила товарищей Одиссея в свиней. А когда Одиссей возвращается на родину, Афина придает ему вид нищего старика для того, чтобы весть о его прибытии не распространилась слишком рано. В таком превращении увидит его в первый раз его сын Телемак, а когда оно встречается во второй раз и Афина уже возвратила Одиссею его прежний мужественный вид, Телемак ему говорит:

«Нет, не отец, Одиссей, ты, но демон, своим чародейством
Очи мои ослепивший, чтоб после я горестней плакал;
Смертному мужу подобных чудес совершить невозможно
Собственным разумом; может лишь бог превращать во мгновенье
Волей своей старика в молодого и юношу в старца.
Был ты сначала старик, неопрятно одетый, теперь же
Вижу, что свой ты богам, беспредельного неба владыкам».

(Одиссея, XVI, 194)

Известно только одно место, на которое часто ссылаются как на доказательство того, что магия была в ходу у ромейцев; это рассказ о том, как Елена привела в веселое настроение гостей, когда они опечалились под влиянием воспоминаний о Трое (Одисс., IV, 219):

«Умная мысль пробудилась тогда в благородной Елене:
В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего; тот, кто вина выпивал, с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы заплакать,
Если б нечаянно брата лишился, иль милого сына,
Вдруг пред очами его пораженного бранною медью.
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Оона,
Им наделила; земля там богатообильная много
Злаков рождает — и добрых целебных, и злых ядовитых».

Но дело здесь, конечно, идет о гашише, добываемом из индийской конопли, и еще в наше время повсюду употребляемом на Востоке как опьяняющее средство. А в других местах мы действительно имеем упоминание о волшебстве. Так, в Одиссее рассказывается (Одиссея, VIII, 557):

«Кормщик не правит в морях кораблем феакийским; руля мы,
Нужного каждому судну, на наших судах не имеем;
Сами они понимают своих корабельщиков мысли».

Подобное же представление находим мы у северных народов, которые признавали за некоторыми нациями особый дар, заключающийся в том, что когда они распускали паруса своих кораблей, сейчас же поднялся попутный ветер, направлявший их куда нужно.

«Из многих мест Илиады видно, — говорит д-р Леманн, из которого я реферирую эти выдержки, — что под Троей с греками (т.е. ромейцами) были врачи, которые при врачевании ран поступали вполне традиционно: обмывали их и прикладывали к ним целебные травы. Лишь в одном месте встречаемся мы с указанием на лечение посредством заговора. Когда Одиссей на охоте был ранен вепрем, рассказывается, что врачи

«...Одиссееву рану
Перевязали заботливо; кровь же, бежавшую сильно,
Остановили волшебною песнью».

(Одиссея, XIX, 457)

Как видит читатель, здесь как будто обнаруживается уже учение о логосе. Авторы Одиссеи признавали, что произносимое слово само по себе обладает способностью влиять на естественное течение событий. Это воззрение лежит в основе как Евангелия Иоанна, так и средневековых волшебств, да и вообще на нем основывалась религия всех европейских народов. Мы только что видели, как они при лечении ран прибегали к заклинаниям и потому естественно предположить, что то же делалось и при внутренних болезнях, правильное лечение которых требовало, конечно, гораздо более глубокого понимания дела, и мы знаем, что оно действительно было связано с храмами, главным образом, Аполлона и Эскулапа, самое название которого стало синонимом врача. Что там при этом происходило, составляло тайну жрецов; но и того немногого, что нам известно, достаточно, чтоб убедиться в применении там религиозной магии. Больные, желавшие быть приняты в храм для лечения, должны были сначала поклясться в том, что строго будут соблюдать все предписания. Затем они должны были несколько дней поститься, потом священники водили их по храму и показывали им изображения и посвященные богам таблицы, служившие воспоминаниям о чудесах, совершенных божественной милостью. При этом произносили молитвы и пели священные песни, которые больные должны были повторять вслед за священником. Пение часто сопровождалось музыкой. Затем совершали жертвоприношение, большею частью, как в библии, ба-

рана, но иногда и других животных, преимущественно птиц. Больных заставляли омываться, затем помазывали их и возлагали на них руки. Они должны были вдыхать каждения, ложились спать на освященных местах во внутренности храма, и во сне получали откровение от бога, возвещавшего им смерть или исцеление; на этих указаниях основывалось дальнейшее лечение.

Таково было первичное священническое лечение, и в этом же роде было священническое предсказание событий. Непосредственные откровения давались в храмах, из которых в Великой Ромее наиболее почитаемыми были храм Аполлона (Христа) в Дельфах, в Бастии, и оракул Зевса (Иеговы) близ города Додоны в Эпире.

Священница Аполлона называлась Пифия (т.е. Вонючка), а Зевса — Пелиада. Но они не могли возвещать слова богов при обыкновенных условиях: им необходима была особая подготовка для перехода в состояние экстаза. В Дельфах для этого служили пары, выходявшие из расселины в скале, над которой построен был храм. Вонючка всходила на треножник, поставленный над расселиной, и под влиянием паров проникалась внушением бога, прорицала его ответ, который обыкновенно был так неясен, что его должны были сначала истолковать жрецы.

А в Додоне священница Пелиада пила воду из протекавшего там одуряющего источника и благодаря этому становилась способной к восприятию сообщений богов.

Были точно так же и частные прорицатели, не нуждавшиеся ни в каких особенных приемах. Они неоднократно упоминаются у Гомера (Одисс., X, 492; VI, 75; XI, 329).

А другие смертные могли предсказывать события путем истолкования разных знамений, посредством которых боги возвещали свою волю. К числу наиболее распространенных из таких знамений принадлежал полет птиц; о нем не раз говорится у Гомера (Одисс., I, 200; II, 158; Илиада II, 585; X, 274; XII, 199).

Подобно тому, как теперь считается хорошим признаком увидеть новорожденную луну с правой стороны, так во время крестовых походов считалось увидеть всякую птицу справа.

«Доброе знаменье храбрым не медля послала Афина,
Цаплю на правой руке от дороги; они не видали
Птицы сквозь сумраки ночи, но слышали звонкие крики.
Птицей обрадован был Одиссей и взмолился Афине».

Подобно тому как в эпоху Возрождения метеориты считались за знаменье, так мы находим и в Илиаде, где упоминается о кровавом дожде, как о предвестии грозящего бедствия (Илиада, XI, 63).

Ромейцы прибегали и к некромантии, т.е. к заклинанию мертвых с целью узнать от них будущее. Это магическое действие совершает Одиссей, по совету Цирцеи приплывший через Океан ко входу в Гадес (Одисс., XI, 23):

«Я меч обнажил медноострый и, им ископавши
Яму глубокую в локоть один шириной и длиной,
Три свершил возлияния мертвым, мной призванным вместе;
Первое смесью медвяной, второе вином благовонным,
Третье водой, и мукою ячменной все пересыпав,
Дал обещанье безжизненно веющим теням усопших:
В дом возвратяся, корову, тельцов не имевшую, в жертву
Им принести и в зажженный костер драгоценностей много
Бросить; Тирезия ж более прочих уважить особо,
Черного, лучшего в стаде барана ему посвятивши.
Дав обещанье такое и сделав воззвание к мертвым,
Сам я барана и овцу над ямой глубокой зарезал;
Черная кровь полилась, в нее слетелись толпою
Души усопших, из темныя бездны Эреба поднявшись:
Души невест, малоопытных юношей, опытных старцев,
Дев молодых, об утрате недолгия жизни скорбящих,
Бранных мужей, медноострым копьем пораженных смертельно
В битве, и брони, обрызганной кровью, еще не сложивших.
Все они, вылетев вместе бесчисленным роем из ямы,
Подняли крик несказанный; был схвачен я ужасом бледным».

Здесь мы видим опять средневековое поверье, что кровь как жизненный сок на короткое время возвращает жизнь мертвецам. И это снова подтверждает мои выводы, что Одиссея есть поэма времен развития генуэзского и венецианского мореплавания, а Илиада, т.е. взятие Илиона за похищение гречанки (Элены по-гречески) Персом, т.е. Турком — Парисом по-ромейски, есть поэма из времен крестовых походов, причем Илион есть город Илии, современный Эль-Кудсу, латинский Элиа-Капитолина.

Посмотрим теперь, что было после этого в расцвет Латинской Федерации крестоносных государств (1204—1463).

«Многие фессалийские женщины, — говорят нам, — были совершенно такие же, как и западноевропейские ведьмы времен инквизиции. Они могли при помощи особых мазей превращать людей в животных и в камни, а ночью они по воздуху отправлялись на любовные похождения. Вот где начало средневекового верования в путешествия ведьм», — восклицает д-р Леманн, отмечая, что по старой хронологии они разде-

лены промежутком в 2000 лет друг от друга¹. Богиня Луны, Геката, первоначально являвшаяся божеством благодетельным, ограждавшим от зла, постепенно превратилась в покровительницу ведьм и властительницу всего мира волшебства. Это была уже не Луна, а ее персонификация, которая по греческим классическим апокрифам приказывает вызывать себя так²:

«Сделайте статую из гладко отполированного дерева сообразно с моими более подробными указаниями, которые я сейчас дам. Сделайте туловище этой статуи из корня дикой руты и украсьте его маленькими домовыми ящерицами; потом замесите мирру, стираксу и ладан вместе с этими животными и выставьте смесь на воздух при нарождающейся луне. Произнесите затем ваше призывание в следующих словах:

«Приди, подземная, земная и небесная Бомбо, богиня дорог и перекрестков, приносящая воздух, ходящая ночью, враждебная свету, благосклонная к ночи и сопутствующая ей, радующаяся лаю собак и пролитой крови, бродящая во мраке блуждающим огнем среди могил, жаждущая крови и наводящая ужас на мертвых. Горго, Мормо, Луна с 1000 обликов, услышь благосклонно нашу жертву».

Вы должны употребить столько ящериц, сколько я принимаю различных видов; исполните все тщательно, сделайте мне жилище из опавших лавровых ветвей и после того, как вы обратите горячие молитвы к моему изображению, я явлюсь вам во сне».

Но она являлась и не во сне, и скептики эпохи Возрождения говорили, что для этого нужна была совершенно темная комната; там кудесник заранее рисовал на стене каким-то горючим веществом человекоподобную фигуру, и когда лицо, обращавшееся к богине, достаточно было подготовлено к ее появлению заклинаниями и другими церемониями, кудесник подносил огонь к нарисованному им изображению, которое сейчас же вспыхивало. Иногда же эти чародеи вместо того выпускали птицу, к ногам которой было привязано легко воспламеняющееся вещество; перепуганная птица металась, конечно, по комнате, а не менее перепуганный посетитель падал ниц на землю и покрывал себе от страха голову.

Спутницы Гекаты назывались эмпузами или ламиями. Некоторые авторы изображают их как ведьм, сопровождающих богиню в ее ночных странствованиях и пользующихся каждым случаем пуститься в любовные приключения. Другие представляют их себе в виде демонов,

¹ Д-р Леманн. С. 63.

² Д-р Леманн. С. 64.

которые, правда, вступают в сношения с мужчинами, но лишь для того, чтобы высосать из них соки, служащие им для питания. Так как по отношению к такого рода фантастическим образам воображению был открыт неограниченный простор, не стесненный никакими определенными представлениями, то нас не должно удивлять большое разнообразие в описании их.

Смешивая мифического Ксеркса и не менее мифического Александра Великого с деятелями крестовых походов, автор апокрифа, называющий себя Плинием, говорит, что распространение магии в Греции (т.е. Ромее) ведет свое начало от некоего Остана, придворного предсказателя Ксеркса, сопровождавшего его во время похода в Грецию и написавшего обширное сочинение о магии и что особенно развилось колдовство после того, как Александр Великий (в данном случае не иначе, как граф Болдуин Фландрский) завоевал Персию (т.е. Сирию) и Египет. Тогда Греция положительно была переполнена персидскими и египетскими прорицателями, которых называли «халдеями, мамами и математиками».

Благодаря им греки познакомились с чужими религиями, боги которых носили варварские имена, а так как Гомер и Гесиод не оставили для этих богов места на Олимпе, то греки отнесли их к разряду демонов. Народ стал питать к этим типам демонов страх, которого уже не внушали им старые олимпийские боги, постепенно лишившиеся всякого уважения, вследствие своих чересчур человеческих, неоднократно воспетых слабостей. О новых богах не было известно таких слабостей, и греки стали оказывать им чисто восточное почитание, выражавшееся в призываниях и заклинаниях на персидском, ассирийском и египетском языке, которых греки не понимали и которые они поэтому исказили, так что в конце концов заклинания эти превратились в совершенно бессмысленные формулы.

Относительно развития суеверия в Риме в средневековую эпоху мы имеем сравнительно лишь очень скудные сведения; но, насколько можно судить, средневековые итальянцы стояли на той же ступени развития, что и ромейцы гомеровской эпохи. Они верили в привидения, в души злых людей, осужденные за свои грехи после смерти блуждать по земле. Кроме того, римские писатели упоминают также о ведьмах, соответствующих греческим эмпузам или ламиям, летающих в образе птиц.

О преемнике мифического Ромула, мифическом Нуме Помпилии, рассказывают, что он занимался теургическим искусством, т.е. различными действиями, при помощи которых он мог даже заставлять богов появляться в видимом образе. Его преемник мифический Тулл Гости-

лий был даже поражен молнией за то, что при одном таком случае обманул богов. Верили также, что при помощи магии можно переманить хлеб с чужого поля на свое, и древнейшие римские законы, законы двенадцати таблиц. Но ведь мы уже знаем, что эти древнеримские императоры списаны с ромейских наследников Диоклетиана, а потому дело идет о Царь-Граде.

Действительно итальянским изобретением возможно считать только учение авгуров, которое опиралось на наблюдения над полетом птиц. Самое слово авгур значит птичий человек. У воронов, ворон, сов, петухов — знаменем для них служил крик, у других, например, у орла и коршуна — полет справа налево или слева направо.

А позднее, когда вера в старинные способы прорицания скомпрометировалась неудачами, был выдуман новый способ. Авгуры держали в клетке молодых кур, и когда кто-нибудь нуждался в знаменнии, то их выпускали. Если они жадно набрасывались на корм — это был отличный знак, если же они не обращали на него внимания, то толковали это как предвестие беды. Такой способ был, конечно, очень удобен, так как легко можно было заранее обеспечить себе желанный знак, заставив кур поголодать или предварительно накормив их.

Сходство между среднеитальянскими (этрусскими) и халдейскими произведениями искусств, — говорит д-р Леманн (стр. 67), — настолько велико, что не оставляет сомнения относительно единства своего происхождения, да и между приемами этрусского и халдейского и римского прорицателя наблюдается такое полное сходство, что его странно было бы объяснять делом случая. Почти все те виды мантики у халдеев существовали, по свидетельству разных авторов, и у этрусков. Сюда принадлежали: толкование чудесных событий, наблюдение над молнией, над внутренностями жертвенных животных, над полетом и криком птиц, над новорожденными уродами и т. п. А жители Рима приглашали к себе этруских <...>, т. е. исследователей внутренностей жертвенных животных и посылали знатных юношей в Этрурию для обучения различным видам мантики. Но из этих видов получили распространение в Риме главным образом наблюдения над внутренностями животных и над молнией.

А знаменитые Сивиллины книги с нашей точки зрения приходится отнести (вместе с Тарквинием) ко времени Апокалипсиса и вместо Рима в Царь-Град.

«Царю Тарквинию Гордому (а не Древнему?) было предложено сначала купить девять таких книг, но он нашел цену их слишком высокой; тогда продавец сжег сначала три книги, потом еще три, наконец, царь

купил оставшиеся три за ту же цену, в какую были оценены все девять книг. Они были написаны греческими гекзаметрами на пальмовых листьях. Их положили на хранение в храме Юпитера Капитолийского и для толкования их была учреждена коллегия из пятнадцати человек, которые должны были сохранять в глубокой тайне их содержание. Какой-то апокрифист от имени Цицерона говорит по этому поводу:

«Автор изложил их так искусно, что все происходящее можно считать предсказанным в них, так как в этих изречениях нет никаких указаний на определенных людей или определенную эпоху. Кроме того, он нарочно выражается так темно, что одни и те же стихи в различные эпохи могут быть отнесены к совершенно различным событиям. Строение стихов показывает, однако, что они написаны не сумасшедшим; в них виден скорее результат искусства и прилежания, чем плод внутреннего возбуждения и волнения». Это сочинение, — говорят нам, — погибло во время пожара около 400 года после Р.Х.»

Год это как раз служит датой низложения Иоанна Золотые Уста и неудачи его Апокалипсиса, предсказывающего на этот срок возвращение «Христа». Но передвинувши сцену действия мифа о древнем Великом Риме на берега Босфора и уменьшив время его возникновения на 1000 лет¹, — мы этим самым приближаем псевдоримскую магию к ромейской.

И вот нам приходится решать вопрос: халдейская ли магия пришла из Азии в Европу или наоборот, пришла в Азию из Европы через Царь-Град?

Прежде всего, что значит слово халдей? Никакой страны, называвшейся Халдеей, не существует и не существовало. Слово халдей происходит от корня КЛД, откуда и наше — колдун. По-еврейски халдей произносится хазды, а халдейским языком в XVI веке назывался послехристианский месопотамский диалект. Современные наши сведения о религиозных представлениях месопотамских священников почерпнуты главным образом из многочисленных плиток, сваленных в кучу около Моссуда, куда относят мифическую Ниневию, и лишь в конце XIX века прочитанных европейскими исследователями. Материалом, на котором сделаны эти записи, служила глина; письменные знаки выдавливались на ней, когда глина была сыра; затем пластинки плиты обжигались или высушивались. По магии там открыто объемистое произведение, первоначально занимавшее не меньше 200 плит. Экземпляр его сохраняется в лондонском музее и, если верить надписи, был восстановлен с более

¹ Воцарение Нума Помпилия -716, а воцарение Диоклетиана (и эра Диоклетиана) с +284 года. Сдвиг ровно на 1000 лет.

древнего оригинала по повелению царя Ассурбанипала в VII веке до начала нашей эры. Текст написан на двух языках: на ассирийском, который, говорят, был разговорным во время Ассурбанипала, и на аккадском, языке древних халдеев, хотя он ко времени Ассурбанипала был уже мертвым языком и непонятно, зачем его «воспроизвел» Ассурбанипал, у которого едва ли была классическая магия.

Теология здесь тоже слишком высока, и в ней, как и у христиан, фигурирует троица, разумная, исполненная всемогущества и повелевающая на небе, в водах и на земле. Бог неба — бог-отец — назывался Ану (Он), повелитель земли бог-сын назывался Бел, т.е. Господь, а дух святой назван Эа — средне с Иевис-Иегова. Они называются в «халдейской» теологии великой троицей. Каждый из них имеет свою семью, своих слуг, каждый из которых был местным богом одного из крупных городов или местностей. Но с течением времени произошла путаница. Бог важнейшего города «Врата Господни» (Вавилон), Мардук (т.е. Умерщвленный, аналогичный Христу) стал называться «сыном Эа», а с Господом (Белом) он отождествлялся до такой степени, что Бел Врат Господних, которому был сооружен храм, был на деле Мардук, которого чтили теперь как высочайшего повелителя, как Бела (Господа). Бога Небо (т.е. Пророка), аналогичного Иоанну Златоусту, считали сыном Мардука, и он вместе с умерщвленным Господом, Мардук-Белом, и с народным богом Асуром (т.е. Вождем) были главными богами того периода, который таким образом не мог быть ранее конца средних веков.

Святой дух Эа был бог пророчества, и волшебства, и воды, которая, испаряясь, превращается в духа (т.е. в газ), почему и была главным элементом при врачебном волшебстве и при заклинаниях. Особенно ценились чудодейственные воды из Эриду (т.е. из Эрида на Иордане), города Эа (Святого Духа), бывшего при устье великой реки. Это третье лицо святой троицы становится богом мудрости, который знает все искусства и ремесла и учит им; он также тот божественный художник, который вылепил из глины человека и дал ему жизнь; да и весь мир, все, что в нем есть, создано им, а так как мир представлялся возникшим из воды (мифического океана), то Эа очень часто отождествлялся с <...>, и до какой-то степени можно сказать, что все бытие возникло из самого Эа.

Мы видим, что это прямо взято из теологии христиан и даже не очень древнего периода. Да и учение о злых духах совершенно христианское средневековое. Его источником служит попытка объяснения бурь, наводнений, гроз, затмений солнца и луны и человеческих бедствий.

Так, например, в заклинании о несчастьи бога луны (Сина) и его избавлении (от затмения).

«Нечистая сила, вихрем крутящая злые духи, беспощадные демоны, рожденные у небесного края (т.е. на горизонте), злодеи и изверги, со злом каждый день выступавшие, — вперед все несутся они, чтобы бедствия всюду творить. Из них первый есть буря, второй же дракон, и пасти его ядовитой никто не избегнет, третий пантера и все семеро — ангелы Ану (Она) царя. Один за другим в темноту погружают они город. Ураганы, которые злобно бушуют в небе, что тьму нагоняют на небо, вихри, которые ясные дни в мрачные превращают; они несут дождевые потоки Раммана (бога грома) вместе со злыми ураганами и ветрами, а на окраинах неба сверкают они яркой молнией. Несутся они по широкому небу, чтобы убивать; они стоят враждебно к жилищу Ану и не имеют равных себе.

А каковы же вообще эти духи? На одной пластинке говорится:

«Они суть исчадия ада; тому, что высоко, падением угрожают, внизу же великие смуты творят; они яд в желчи богов, они похищают себя у неба, великие умы, они падают с неба, как дождь; они чада, землю возвращенные; вкруг башен высоких, зданий просторных тесняся, кружатся они; они проникают из одного дома в другой и удержать их дверями нельзя, нельзя запереть и замками; они проползают сквозь двери, как змеи; мешают жене от мужа зачать; из рук человека воруют детей, из отчих домов изгоняют владельцев. Они — тот голос зловещий, который, людей проклиная, преследует всюду».

Они мучат не только людей, но и животных, которые не могут найти себе покоя от них:

«Они нападают на страны, одну за другою; они мешают рабыне стать матерью; они изгоняют владельцев из отчего дома. Даже голубок они принуждают покинуть их гнезда, всех птиц заставляют на крыльях своих подыматься, а ласточек даже из гнезд выгоняют скитаться в пространстве; они преследуют быка, гоняют ягненка; они суть великие Умы, злые, гонители-демоны».

Они причины всевозможных болезней, которые понимаются то как проявление злобы враждебных демонов, то как духи, овладевшие человеком. Это относится главным образом к двум ужасным болезням Халдеи: к чуме и лихорадке; здесь демоны выступают всегда в виде двух существ, отличающихся от всех остальных демонов и известных по имени Намтар и Идра. Остальные демоны соединяются в различные группы и каждая из таких групп нападает только на свою особую часть тела; это видно между прочим из следующего:

«На голову человека устремляет свою силу проклятый Идпа (дух лихорадки), на жизнь человека устремляется свирепый Намтар (дух чумы), на горло презренный Утук, на грудь человека губительный Алал, во внутренности проникает злой Гигим, на руки ужасный Телал».

Имеются на этих плитках и гномы и кобольды, обитающие вблизи человеческого жилья, между тем как другие демоны, подобно христианским, обычно живут в безлюдных местах, в пустынях или на вершинах гор. Приписываются появлениям духов и сонные видения и детализируются демоны мужского и женского пола, называемые «ночными насильниками», «объятий которых не могут избегнуть во сне ни мужчина, ни женщина» (объяснение эротических снов).

Духи оживляют все в мире, управляют путями планет; вызывают регулярную смену времен года, дождь и грозу. Они дают земле плодородие, растениям рост, но они же приносят смерть и болезни. Они находятся везде: на небесах, на земле, в воздухе и в воде. Каждая вещь имеет своего собственного духа. Некоторые из них добрые существа, другие — злые; между ними происходит непрерывная и повсеместная борьба, причем победы сменяются поражениями, и это становится причиной, почему за спокойным состоянием природы следуют беспокойные периоды.

При таком представлении бытия, магия стала, конечно, необходимостью. Как скоро человек воображает себя окруженным злыми духами, которые преследуют его и силы которых далеко превосходят его собственные, то он заклинает их именем добрых духов. Но не всякий желающий может производить магические операции, а только человек, посвятивший всю свою жизнь изучению духов и таким образом близко знакомый с тем, что надо делать в каждом отдельном случае. Таким образом, искусство заклинания переходит к священникам, которые скоро разделились по специальностям. Произошли священники-заклинатели, священники-врачи и священники-чародеи, а из них астрологи и предсказатели грядущих событий.

Как образчик заклинаний я приведу из д-ра Леманна (стр. 27), только относительно находки которого он, к сожалению, не приводит подробностей.

«Семь их, семь! Семь их в глубочайших пучинах моря. Семь смутителей небес, восстают они из глубочайших недр океана, из сокровенных тайников. Не мужчины они и не женщины. Они — распространяются как сеть. Нет у них женщин, не рождаются дети; честь и благость их неизвестны; молитв и просьб они не слушают. Нечисть, рожденная в горах, враги бога Эа (т.е. Иеговы, святого духа) они суть орудия гнева богов. Чтобы испортить дорогу, падают они на землю.

Враги! Враги! Семь их, семь их, дважды семь их! Да заклянет их бог неба! Да заклянет бог земли!»

А вот откуда же и заклинание болезни, данное одной женщине-знахарке на специальный случай.

«Возьми шкуру от самки верблюда, не знавшей ни разу самца. Волшебница пусть станет справа больного, снаряды свои пусть положит налево, а шкуру разделит на дважды семь кусков и передаст им то волшебство, что исходит прямо от Эриду (Эридиана-Иордана). Оберни голову больного одеждой, закутай и шею больного, закутай седалище его жизни, закутай и руки и ноги его. Больного вели посадить на кровать и впрысни волшебной водой. Чтоб исчезла в небесном пространстве болезнь головы, подобно бушующей буре, чтобы исчезла она с земли, подобно тому, как вода исчезает, поднявшись на время над берегами! Чтобы заклинание Эа его исцелило! Чтобы Давкина его излечила! Чтобы Мардук, этот первенец моря, ему возвратил бы силу здоровья!»

А почему нужны были именно те средства, было и для употреблявших их так же таинственно, как и для нас. Более понятно употребление маленьких пугал, для того чтобы, увидев их, дух болезни с ужасом обратился в бегство. Такие пугалы (рис.) прикладывали к больному месту, думая, что этим можно изгнать болезнь. На Цейлоне и до сих пор еще употребляется такое целебное средство.

Вот и месопотамский рассказ об излечении чумы, олицетворяемой в злом духе Намтаре.

«На помощь поспешил Мардук; он вступил в обитель Эа (святого духа) отца своего и обратился к нему со словами:

«Отец мой, злобный Намтар опустошает страну подобно огню».

Вторично обратился к нему со словами:

«Что этот человек должен сделать, неизвестно; чем излечить его можно?»

Эа возразил своему сыну Мардуку:

«Сын мой, что тебе неизвестно, чему я должен тебя научить? Все, что знаю я, знаешь и ты; иди же, сын мой Мардук, перемешай ил океана и вылепи из него изображение, подобное Намтару. Прикажи положить человека, сотвори над ним очищение и положи ему на распухший живот (изображение, подобное Намтару); волшебство ему сообщи, что прямо из Эриду исходит. Взор его обрати на запад. Чтобы злобный Намтар, который в теле его обитает, тотчас бы вышел оттуда!» Аминь. То изображение, которое подымает его главу, великой силой исполнено».

«При раскопах около Моссуда, — говорит д-р Леманн, — находили множество глиняных статуэток крайне странного вида, голова,

шея, корпус и члены которых относились к разным животным. Едва ли подлежит сомнению, что эти глиняные статуэтки изображали демонов различных болезней и что они употреблялись при известных нам заклинаниях».

Но в этом мы можем и усомниться. Ведь их наделать специально для приехавших искателей-гяуров было много легче, чем приготовить плитки с клинописью.

Как и в наши дни, кроме лечения уже начавшихся болезней, были и предупредительные средства — талисманы и амулеты. Талисманы в виде изображения богов (рис.) ставили и перед домом и в доме; амулетами для ношения на шее были небольшие глиняные или каменные плитки, лоскутки холста и тому подобные предметы, на которых было написано сильное заклинание.

О талисманах д-р Леманн приводит такую надпись:

«Поставь у ограды дома образ бога Унгал-нирра, который равного себе не имеет, поставь образ бога, который сияет блеском храбрости, который равного себе не имеет... и образ бога Наруди, владыки могучих богов, поставь его на пол под кроватью. Чтоб удержать всякое близкое зло, поставь бога (имя стерто) и бога Латарака у двери. Чтоб отвлечь всякое зло, поставь ... (имя стерто) в виде пугала, к двери. Поставь образы Мардука у порога; поставь их вправо и влево».

А как пример амулетов тот же автор дает один, который, вероятно, носила женщина во время беременности, и на нем написано:

«О, Битнур, прогони болезни далеко-далеко; укрепи зародыш; доведи голову человека до полного развития».

А в другом говорится:

«Злобный демон, злая чума, дух земли изгнал себя из тела. Да соединятся все вместе ангел-хранитель, защитник-колосс и демон-хранитель с духом земли. Заклинание великого, великого, великого бога. Аминь».

А вот рисунок одного (стр.).

Но ведь вся эта литература, читатель, существует в Месопотамии и других малокультурных странах и теперь! Так почему же относить все это за 5000 лет до нашего времени?

Скажу более. У современных арабских каббалистов о Великом, всемогущем имени бога, которое знает лишь он один. А вот рассказ о нем у д-ра Леманна:

«Была одна власть, пред которой (в Месопотамии) преклонялось все в мире, как добрые, так и злые духи: это было сокровенное божественное имя, высочайшее имя, всемогущее божеское имя, которое

знал только Эа (св. дух). Даже боги подчинялись ему. Имя это никогда не произносилось в заклинаниях, потому что всякий, кто узнал бы его, получил бы власть, равную власти богов. Если даже сам Эа дает приказание Мардуку совершить заклинание от его высочайшего имени, то предупреждает не называть его вслух. Так в рассказе о том, как Сфинкс Асузу-Намир был послан к богине ада Аллате, чтоб потребовать от нее возвращения утренней звезды Истар, говорится:

«Эа скрыл приказание в сокровенном тайнике своего сердца; он создал Асузу-намира, сфинкса с четырьмя головами.

«Ступай туда, Асузу-намир; у ворот той страны, откуда никто не приходит обратно, покажешь свой облик! Да увидит тебя Аллата (супруга Аллаха) и да почувствует радость при виде твоем! Успокоится глубина ее сердца, ее гнев исчезнет. Закляни ее именем всемогущего бога».

Само собой понятно, что представление о возможности исцелять болезни заклинаниями злых духов тотчас же вызвало представление о возможности и призывать их, чтоб навести болезни на нелюбимого человека. Такие призывы, конечно, не публиковались, но о существовании их повсюду имелись указания и они носят название чародейства или черной магии. В период господства мистики все были убеждены, что едва ли существует такое зло, которого нельзя было бы вызвать при помощи чар. Как далеко простирается власть злых демонов, так же далеко простирается и власть служащего им чародея, так как чародей все исполняет от их имени.

Поэтому и против чародеев появились заклинания:

«Того, кто околдовывает чье-нибудь изготовленное изображение, злой лик, злой взгляд, злой рот, злой язык, злые губы, вредный яд, о, дух неба, заклини их! Дух земли, заклини их!»

А вот еще и другое:

«Тот, кто сделал изображение, совершенно похожее на мой вид, тот околдовал весь мой вид, он взял приготовленный для меня волшебный напиток и осквернил мое платье».

Но только, читатель, как же относить это в глубокую древность? Ведь мы знаем, что первое запрещение делать портреты и вообще человеческие изображения появилось только в Коране, т. е. по нашей хронологии накануне крестовых походов, а по обычной хронологии не ранее VII века нашей эры! Ведь даже и в самих месопотамских памятниках древности мы видим не только изображения всяких «ассиро-вавилонских» царей, но даже и самого Дария, который по общепринятому счету жил много позднее этого времени! Нигде, кроме Корана, мы не имеем такого запрещения, а отсюда ясен вывод: эти глиняные плитки принад-

лежат эпохе распространения Корана в Месопотамии, в котором, между прочим, не отвергаются и богини, что подало повод новейшим правоверным утверждать, что Магомет написал это место в припадке умопомешательства. Но возвратимся к предмету.

После этого невозможно сомневаться, — говорит д-р Леманн (стр.42), — что «халдейские» волшебники применяли те же приемы, как и знахари-врачеватели дикарей теперь; они изготовляли изображение того, на жизнь которого покушались, и так или иначе портили это изображение; после этого, как полагали, несчастье должно было постигнуть изображенное лицо. Здесь же имеется вполне определенное указание и на применение волшебного напитка: («вредный яд»). Но волшебник мог портить людей и одним взглядом. Но вера в «недобрый взгляд» или в «нехороший глаз» еще и теперь очень распространена не только по всей Азии, но и в Южной и Восточной Европе. Даже и анафема христиан нашла свой отголосок в клинописи.

«Гнусное проклятие действует на людей подобно злему демону; приговор проклятия тяготеет над человеком; приговор гибели тяготеет над ним; гнусное проклятие есть волшебство, которое вызывает безумие. Гнусное проклятие, оно душит человека как ягненка; его бог удалился из его тела; богиня его рассердилась и перешла в другое место».

Еще более сильное доказательство однородности, а следовательно и одновременности месопотамской культуры со средневековою, южно-европейскою, мы имеем в астрологии на берегах Тигра и Евфрата.

Нам говорят, что «еще во времена царя Саргона II, т.е. приблизительно за 700 лет до нашей эры, были переписаны с копий, относящихся к XII веку до Р.Х., астрологические книги еще более глубокой (!) древности, часть которых чудом дошла до нас. Наиболее замечательные из этих книг, это большое сочинение по астрологии на 70—80 таблицах и большое авгуральное произведение приблизительно на 100 таблицах; кроме них имеется еще на 25 таблицах оглавление небольшого астрологического сочинения, разделенного на 25 глав, но от его текста кажется, ничего уже не сохранилось.

«Основная религиозная мысль, выступающая в астрологических сочинениях, есть вера в то, что небесные тела являются настоящей причиной всего происходящего на земле. А так как они уже заметили, что данное положение небесных тел периодически появляется вновь, то отсюда следовало, что все явления в природе и человеческой жизни также неизменно должны повторяться по истечении такого периода.

Значит, для предсказания событий вперед или установления истории человечества вспять достаточно сопоставления астрономических и

исторических записей, обнимающих только один период времени. Такой труд, — внушают нам, — был исполнен еще при Саргоне I и с того времени при всевозможных случаях обращались за советом к возникшим таким образом астрологическим таблицам.

Но месопотамские мудрецы, подобно современным нам загималайским махатмам Елены Петровны Блаватской, имели в своем распоряжении еще и земное средство для предсказания хода вещей. Если все, что происходит на земле, имеет свою причину в движениях небесных тел, и следовательно, повторяется периодически, то, отмечая все замечательные события в пределах довольно продолжительного периода времени, можно с помощью этих записей предсказывать будущее и не обращаясь к небесным светилам. Если вновь наступает известная группа одновременно бывших когда-то событий, то за ними должны последовать те же события, которые выступали после них и прежде; ибо ничего не происходит случайно, но все зависит от небесных тел и все периодически, все повторяется вновь, потому что повторяется само движение небесных тел. Из этих наблюдений возникла мантика, учение о предсказаниях грядущих явлений посредством земных событий, а также и восстановления древней истории.

Астрономические наблюдения, на которых халдеи основывали свою астрологию, простираются, — внушают нам, — далеко вглубь веков. Гиппарх, например, утверждает, что халдеи наблюдали звездное небо за 270 000 лет до того, когда Александр Великий вступил в Персию. Плиний же (переставив 7 на место 2) говорит уже о 720 000 годах. Они знали уже за 720 000 лет до нас, что солнечный год имеет 365,75 суток, их год уже тогда разделялся на 12 месяцев, а каждый месяц — на 30 дней; но так как солнечный год оказывался длиннее на 5 дней, то в каждые 12 лет разница достигала двух месяцев. При этом не принимались в расчет те три четверти дня, на которые солнечный год оказывался больше 365 дней, и эти ежегодные остатки вырастали в 124 года до 30 дней, т.е. целого месяца, который тогда и засчитывался.

Они, — говорят нам, — уже знали о саростических периодах, — периодах в 18 солнечных лет или 223 лунных оборотов, за которыми повторялись (будто бы!) солнечные и лунные затмения. Благодаря этому они могли вычислить наступление затмения; но их определения не всегда бывали абсолютно точными, ибо солнце как-то раз пренебрегло их вычислениями и вычисленного затмения не было. Об этом, — говорит д-р Леманн, из книги которого я черпаю эти сведения, — имеется в высшей степени интересный документ, посланный царю Ассурбанипалу его обер-астрологом Абель-Истаром; начало этого послания гласит так:

«Царю моему повелителю от твоего слуги Абил-Истара. Да будет мир моему царю, моему повелителю. Да даруют великие боги долгие годы, здоровье тела и радость сердца царю моему повелителю. В 27-й день исчезла луна. В 28, 29 и 30 день мы ожидали солнечного затмения. Но солнце не вступило в затмение. В первый день луна наблюдалась в дневные часы».

«Смысл этого послания, — продолжает автор, — достаточно ясен. Астрономы ожидали солнечного затмения, но оно не произошло. Если бы это случалось довольно часто, то едва ли они находили бы нужным извещать о том царя. Отсюда мы заключаем, что их астрономические сведения стояли очень высоко и они могли вычислять затмения почти с совершенной точностью»¹.

А вот я, в качестве астронома, могу сообщить, что посредством саросского цикла вы из 2000 предсказаний ошибетесь 1995 раз, а попадете только 5 раз. И если приводимый в документе астролог с удивлением пишет, что его предсказание не оправдалось, то, значит, и письмо его относится не ранее как к XVI веку нашей эры (см. Христос, кн. IV. Стр. 415).

А как же этот детерминизм исторических событий, который, прибавлю, был присущ и европейскому средневековью после появления Апокалипсиса — древнейшей астрологической книги в 395 году, увязывался с влиянием демонов и богов? Объяснить это можно лишь односторонностью древнего ума: когда он думал о демонах, он забывал об астрологии, и наоборот. Вот опять одна из астрологических выписок д-ра Леманна (стр. 47).

«Когда возвращается звезда судьбы — в стране чума. Если возвращается звезда Ирби — страна благоденствует. Если возвращается звезда сверкающего тела — в стране сила и жизнь. Если возвращается звезда страшного дня — стране угрожают бедствия. Если возвращается звезда Дильме — счастье ожидает страну. Если возвращается звезда камня Абзии — предостережение стране. Если возвращается звезда Алабастера — благоденствие в стране.

На таблице, — говорит д-р Леманн, не указывая в русском переводе, где она находится теперь, — это перечисление идет дальше; на ней отмечено около 30 звезд с объяснением обстоятельств, которыми они будут сопровождаться на земле при своем появлении, но приведенного отрывка, однако, достаточно, чтобы дать понятие о таких предсказаниях.

¹ Д-р Леманн. «История суеверий и волшебства». С. 45 русского перевода.

Точнее приводятся данные о явлениях, которыми сопровождаются затмения. Вот отрывок из месяца Таммуз, из большой таблицы: здесь солнце стоит в знаке Рака, т.е. в четвертом по халдейскому счислению времени:

«В первый день (Таммуза), если случится затмение, и если оно начнется на юге и будет светло, умрет великий царь.

В месяце Таммуз, во второй день, если наступит затмение и начнется с севера и будет светло — царь будет воевать с царем.

Таммуза в третий день, если наступит затмение и начнется с востока и будет светло — польются дожди и будет наводнение.

Таммуза, четвертого дня, если наступит затмение и начнется с запада и будет светло — в Финикии уродится хлеб.

Таммуза, пятого дня, если наступит затмение и взойдет великая звезда — будет голод в стране»... и т.д.

Но ведь это же, читатель, как две капли воды похоже на астрологические сборники XVII века в Европе. И сам д-р Леманн прибавляет: «В средние века это искусство достигло в Европе высокого развития».

Перейдем теперь к мантике, т.е. учению об истинном значении земных явлений. Как уже замечено выше, она имела свои корни в астрологии и по этой причине стояла с нею в теснейшей связи. «Но из большого сочинения Соргона, — говорит д-р Леманн, — до сих пор переведено так мало, что можно получить лишь крайне поверхностное понятие о том, по каким правилам излагались земные явления. Все сочинение распадается на 14 глав, которые трактуют, как и римские авгуральные книги, о наблюдении за полетом птиц и внутренностями жертвенных животных, описывают различные явления природы и дают толкование снов. Однако этим мантика далеко не исчерпывается; из других источников мы знаем, что «халдеи» занимались также и геомантией, т.е. предсказаниями с помощью геометрических фигур; кроме того, они часто бросали жребий, чтобы в известных случаях узнавать волю богов.

Из 14 глав большого мантического произведения, апокрифического Саргону, трактуют об этом, но из этих трех глав почти ничего не исследовано. Несколько лучше обстоит дело с объяснением наблюдения внутренностей жертвенного животного. Некоторые отделы, трактующие об этом, имеются в переводе. Они заключают в себе целый ряд фантастических толкований в совершенно такой же форме, как и астрологические.

«Если в желудке осла имеются с правой стороны впадины, то последуют наводнения. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и черны, то бог дарует изобилие всего в стране царя. Если внут-

ренности осла завернуты на левую сторону и черны, то бог не даст изобилия стране царя. Если внутренности осла завернуты на правую сторону и синеваты, то будет печаль и горе в стране царя. Если внутренности осла завернуты на левую сторону и синеваты, то не будет ни печали, ни горя в стране царя».

Отсюда видно, что то, что на одной стороне тела признается за благоприятный признак, на другой — приносит несчастье; счастье и несчастье одинаково распределяются направо и налево.

Подобно этому служили приметами ветер и погода, дождь, облака, молния и другие явления природы, например, шелест деревьев. Из диких зверей особое значение для халдеев имела змея, как и для большинства современных дикарей. Змея была символом сверхъестественных знаний; она была атрибутом божественной мудрости. Возможно, что змей даже держали в некоторых храмах и пользовались ими, как оракулами. Также и драгоценные камни имели свое значение в мантике. В одном доисторическом документе из «ниневийской библиотеки» (т.е. из груды плиток близ Моссула) рассказывается, что когда хотели узнать, будет ли счастлив поход, то с этой целью рассматривали сверху и снизу сверкающие лучи, которые разбрасывал направо и налево «бриллиант на пальце».

Особенное значение имели собаки и их поведение. Одна таблица объясняет, что должно означать, если бы чужая собака забежала в храм или во дворец царя:

«Если серая собака забежит во дворец, то он погибнет в пламени. Если желтоватая собака забежит во дворец, то его ожидает насильственный конец. Если рыжая собака забежит во дворец, то с врагами будет заключен мир» и т.п.

Это перечисление продолжается в таблице в том же духе и становится положительно комичным, благодаря той основательности, с какой приводятся всевозможные цвета собак, а также и все довольно неопрятные отправления, какие только может совершать собачий организм!

«Если вырвет собаку в доме — умрет хозяин дома. Если собака обмочит во дворце трон, то умрет царь и враги поделят между собой его царство. Если собака помочится в храме, то с неба польются потоки дождя, на улицах будет потоп, голод и мор в стране».

Рождения уродов, — совершенно как у Тита Ливия, — тотчас же записывались самым точным образом вместе с их значением. Сны играют чрезвычайно важную роль в героической поэме «вавилонян», в эпосе Нимрода или Гильгамеша; герой Гильгамеш и его друг Эбани предугадывают, благодаря сновидениям, все выдающиеся события своей

жизни и умеют объяснять их друг другу. Пророк Даниил делается по Библии могущественным человеком в государстве, сообщив царю Навуходоносору сон, который тот видел, и растолковавши его. «Тогда возвысил царь Даниила, и дал ему много больших подарков, и поставил его над всею областью Вавилонскою и главным начальником над всеми мудрецами Вавилонскими (II, гл. 48). В летописях царя Ассурбанипала имеется целый ряд сновидений, которые царь видел незадолго перед выдающимися событиями и т.д., и по этим сновидениям каждый раз предсказывался исход, какой действительно имели последующие события.

Греческие историки признают Зороастра, основателя персидской религии, за изобретателя всей магии, а современные ассириологи утверждают, что ничего подобного и быть не могло. Магия была халдейского и мидийского происхождения. А с точки зрения новой хронологии выходит, что и та и другая пришли из средневековой Ромеи, или даже из Западной Европы, когда там началась уже точная астрономия с действительной возможностью предсказывать затмение солнца и луны.

Нам остается только сказать здесь несколько слов об отношении авторов Библии к магии. В законе Моисея волшебство сопоставляется с идолопоклонством.

Так, в 5-й книге Моисея (X, 12) говорится: «НЕ должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою через огонь, прорицатель, гадатель, ворожей, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых: ибо мерзок пред господом всякий, делающий это, а за сии-то мерзости господь, бог твой, изгоняет их от лица твоего».

А далее определяется и наказание (III Моисея, XX, 27):

«Мужчина ли или женщина, если будут они вызывать мертвых или волхвовать, да будут преданы смерти; камнями должно побить их, кровь их на них».

А как же сопоставить это с тем, что многие еврейские цари, а с ними и весь народ, часто преступали упомянутые пункты закона? Саул, хотя изгнал прорицательниц, однако сам же обращался к волшебнице эндорской, а о Манассии сказано (2, Парал., XXXIII, 6): «Он проводил сыновей своих через огонь в долине сына Енномова, и гадал, и ворожил, и чародействовал, и учредил вызывателей мертвецов и волшебников: много делал он неугодного в очах господя, и прогневал его».

Конечно, только одним способом: в Библию попало немало вставок из очень позднего европейского средневековья раньше, чем ее современный текст был закреплен печатным станком. А наши сопоставления Моисея, списанные с Юстиниана, показывают, что колдовство действительно процветало и в Великой Ромее IV века нашей эры.

Глава III

СХЕМАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ СПИРИТИЗМА И ОККУЛЬТИЗМА В ХРИСТИАНСКОЙ ЕВРОПЕ XIX ВЕКА

Первобытное человечество, — говорит д-р Леманн, — всегда верило в возможность магических операций, по средствам которых добывались познания фактов, не объяснимых обычными способами, и пытались получить власть над внешним миром, недостижимую обыкновенными средствами. Во все средние века в Европе, а в Азии и теперь, мы видим упорное стремление поднять завесу будущего при помощи гаданий и страстное желание получить власть сверхъестественную для достижения своих различных практических целей. А во все эпохи прежней человеческой истории мы встречаемся с твердою уверенностью, что все это может быть достигнуто посредством магического искусства. А теперь эта вера изгоняется уже в среду малообразованных классов.

Первоначальный тип магии может быть назван «спиритическим», так как все магические явления объясняются им вмешательством высших разумных существ, а последующий тип может быть назван философско-оккультистическим, так как истинною причиной еще не объясненных современным естествознанием явлений он считает какую-то неизвестную высшую силу природы. Понятно, что философский оккультизм ни в каком случае не уничтожал спиритизма и обратно. Так, д-р Леманн в своей «Истории суеверий и Волшебства» (стр. 375) указывает нам, что сам основатель оккультной философии Корнелий Агриппа (1456—1535) признавал, что господство ученых магов над тайными силами природы достигает высшей степени в тех случаях, когда им удастся заручиться содействием небесных «разумов» или демонов, от которых эти тайные силы исходят.

Хорошим образчиком этого служит средневековая астрология. Пока небесная механика не подвела движения небесных светил под общий закон тяготения, апокалиптический взгляд на тесное соотношение между движениями на небе и событиями на земле господствовал над умами ученых от возникновения Апокалипсиса в 395 году нашей эры и до Ньютона. То же повторилось позднее и с алхимией, возникновение которой было связано с открытием изменений в наружном виде металлов

при различных манипуляциях над ними, что дало повод думать, что манипуляции имеют мистическую силу даже и без участия «духов», благодаря таинственной силе, исходящей из самого человека. Но эта сила не одинакова у всех, как и талант и все другие качества, которые притом же совершенствуются обучением.

И вот, магическое искусство поставило определенные требования тем, кто хотел им обладать. Ведьмы, колдуны, магики и медиумы прежде всего должны были обладать определенными «предрасположением», которое в свою очередь должно было подвернуться некоторой обработке и развитию.

Только что упомянутый Корнелий Агриппа, живший в период наивысшего развития европейской магии, говорит в своем письме к Аврелию Аквапенденте: «Внутри нас живет деятельное существо, могущее без оскорбления божества и религии выполнить все, что обещают астрологи, магики, алхимики и некроманты. Я утверждаю: в нас самих живет начало, творящее чудеса.

Живут в нас не адские силы и не светила небесные, а бодрствующий дух, и все это совершающий».

Также мы находим такое место:

«Многое может сделать наш дух при помощи веры, состоящей из глубокого убеждения и напряженного внимания, и сообщает силу предприятию, которое мы думаем совершить... для магических действий нужна поэтому твердая вера и непоколебимое доверие к себе. Нельзя иметь ни малейшего сомнения в успехе и даже допускать подобной мысли. Твердая вера творит чудеса даже иногда будучи неправильно направлена, а малейшее сомнение и оговорка рассеивает духовную силу магии».

Читатель видит из этого, как уже в конце XV и начале XVI века Корнелий Агриппа начал приходить к выводу, что не от одного присутствия духов, а также и от душевного состояния самого мага зависит успех или неуспех его дела. Но только уже в XIX веке в книге врача Бруно Шиндлера: «Магические стороны духовной жизни» (1857 г.) мы находим систематически проведенное объяснение магических явлений на почве психологии.

«Во сне, — говорит он, — раскрывается внутреннее сознание. Индивидуум оградил себя от всех жизненных явлений внешней природы, в нем отражаются бесчисленные лучи космических и теллурических сил и в то же время в нем идет низшая, вещественная жизнь. От того в сновидениях и проявляются оба эти направления душевной деятельности: с одной стороны, возникает мутная игра фантазии, возбуждаемая

низшими ощущениями плоти, запятнанная телесными страстями, обремененная впечатлениями греховной дневной жизни, а с другой стороны, восстает голос природы, изъясняющий, подобно оракулу, прошедшее, прозревающий настоящее, возвещающий будущее, и достигает порога сознания в форме предчувствия, вдохновения и пророчества». Более высокую степень магического состояния мы наблюдаем в «предчувствии», возникающем в тех случаях, когда ночное, т.е. сонное состояние начинает проявлять себя в «дневном (т.е. бодрствующем) сознании». Если представления в это время принимают определенные образы, то мы имеем временное «ясновидение». А если «ночное сознание» делается преобладающим, то мы имеем «пророчество», которое проявляется только при полном экстазе, выраженном с внешней стороны судорожными движениями. Это последнее обстоятельство ясно указывает, что власть воли над телом утрачена и «дневное сознание» оттеснено окончательно, так как во всех этих состояниях человек сам не знает, откуда у него взялись его представления, то и приписывает их либо откровению, либо бесовскому наваждению.

Все искусственные средства, употребляемые для вызывания экстатического состояния: натирания, курения, заклинания, воздержания, гипнотизирующие средства и т.д., действительны, по мнению Шиндлера, лишь потому, что способствуют усилению ночного сознания за счет дневного. Впечатления, дремлющие в ночном сознании, выступают на первый план и получают яркость действительных явлений. Субъект видит лишь то, что ему желательно видеть, поэтому все вызывания духов приводят только к галлюцинациям. Истинную ценность имеет только ясновидение прошедшего и будущего, овладевающее индивидуумом при экстатическом состоянии, потому что эти явления порождаются воздействием «всего сущего» на наше ночное сознание (которое Шиндлеру представляется подобием образного полюса того же самого магнита), хотя точный путь такого воздействия — нам неизвестен. Вся практическая магия основана на действии на расстоянии некоторой силы, исходящей из «ночного полюса» человека и могущей вызывать движения неодушевленных вещей и разнообразные изменения в других людях.

Само собой понятно, что разделение человеческого сознания на бодрствующее и сонное, с их уподоблением двум полюсам магнита, было настолько ненаучно с физиологической точки зрения, что увлечение им быстро прекратилось. Уже в 1861 году профессор зоологии в Берне Максимилиан Перти в своем сочинении: «Мистические явления человеческой природы» объясняет большую часть мистических явлений (сны, лу-

натизм, беснование, вызывание духов, чудесные исцеления) без всякого магического вмешательства, подводя их под физиологические и психологические рубрики.

Но, к сожалению, он остановился на полпути и вместо рационализма бросился в мистицизм. В своей позднейшей работе «Современный спиритизм» он выражается очень определенно: «Если принять в расчет, какое значительное число выдающихся и здравомыслящих людей Европы и Америки подтверждают действительность спиритуалистических явлений, то можно объяснить только невежеством смелость некоторых писателей, называющих всю область этих явлений бредом, суеверием и шарлатанством. Свидетельство органов чувств здоровых людей признается достаточным в торжественных судебных заседаниях всех народов, следовательно, должно быть признано достаточным и относительно проявлений спиритизма. То обстоятельство, что эти явления носят характер необыкновенного и противоречат, по-видимому, известным до сих пор законам природы, не может считаться достаточным основанием к их отрицанию. Спиритизм, очевидно, может повести к проникновению человеческого взора за пределы сферы механических явлений».

«Переход Петри в ряды спиритов, — говорит д-р Леманн, по которому я реферировать большинство приводимых мною здесь фактов, — может служить прекрасным примером, куда может завести слепая вера в достоверность показаний». Автор совершенно правильно отмечает то, «огромное значение, какое имеют вторжения бессознательного в область нашей сознательной жизни», благодаря чему наблюдательная способность человека очень несовершенна.

«Достоверностью своих выводов, — говорит он, — естественные науки обязаны именно тому, что они ставят свои наблюдения в самые благоприятные условия, при которых возможность ошибок делается минимальною. В музеях, лабораториях и обсерваториях исследователь находится в полном покое и ничто не мешает его работе; он может произвольное число раз повторять свои наблюдения, чтобы по возможности исключить случайные ошибки. Чего он не заметил сегодня, то он увидит завтра. Техника предоставляет в его распоряжение множество средств для увеличения восприимчивости органов чувств и т.д. Но главное — это возможность немедленно записать результаты и отсутствие необходимости полагаться на свою память; каждый наблюдатель отлично понимает, что уже через короткое время он упустит из виду много мелочей, если они не будут отмечены тотчас же. Только при таких условиях могут быть произведены достоверные — конечно, в пределах человеческой возможности — наблюдения. Известная доля упущения так-

же необходима наблюдателю. Каждый учитель естественной истории знает по опыту, что даже способные дети старшего возраста, когда им показывают животное или растение и направляют их внимание на определенную часть предмета, все-таки не могут рассказать о том, что они должны были заметить: они как будто его не видят. Для наблюдения, как и для всего прочего, нужна привычка. Поэтому только тогда можно положиться на верность наблюдения, когда опытный наблюдатель работал при благоприятных условиях.

А наблюдения мистических событий большей частью произведены людьми совершенно неопытными в деле наблюдения и притом в самых неблагоприятных условиях. Это редкие явления, которые не находятся в нашей власти, а возникают и исчезают неожиданно и внезапно, большей частью в темноте; поэтому наблюдение над ними, даже в лабораториях, очень затруднительно.

Огромное значение фантазии можно видеть из таких примеров:

Вот, например, животное «Морской монах». Самое древнее его описание встречается у немецкого натуралиста Конрада Мегенберга, написавшего в 1349 году первую немецкую естественную историю.

«Морским монахом называется чудовище во образе рыбы, верх как у человека; оно имеет голову как у вновь постриженного монаха. На голове у него чешуя, а вокруг головы черный обруч выше ушей; обруч состоит из волос, как у настоящего монаха. Чудовище имеет обычай приманивать людей к морскому берегу, делая разные прыжки, и когда видит, что люди радуются, глядя на его игру, то он еще веселее бросается в разные стороны; когда же может схватить человека, то тащит его в воду и пожирает. Оно имеет лицо не совсем сходное с человеком: рыбий нос и рот очень близко возле носа».

А вот и другое независимое описание.

Датский историк Арильд Хвитфельд сообщает в «Хронике Датского королевства»:

«В 1550 году поймана возле Орезунда и послана королю в Копенгаген необыкновенная рыба. У нее была человеческая голова, а на голове монашеская тонзура. Одет она чешуями и как бы монашеским капюшоном. Король велел эту рыбу похоронить. С рыбы было сделано несколько рисунков, которые были посланы разным коронованным лицам и натуралистам Европы».

Известный врач и натуралист Конрд Геснер в Цюрихе (1616—1665) пишет по поводу этого чудовища:

«Этот морской монах, говорят, пойман был в Балтийском море, возле города Эльбье в 4 милях от Копенгагена, столицы Датского королев-

ства. Длина рыбы четыре локтя; она была прислана королю и считается за чудо. Говорят, она была поймана в сети вместе с селедками. Альбертус пишет, что такие же рыбы неоднократно бывали пойманы в Бриганском море».

А вот и его рисунок

Казалось бы, сомнения нет: такое странное животное существует. Оно и оказалось существующим: это десятищупальцевая каракатица (рис.). Если представить себе это животное лежащим на берегу, брюшной поверхностью вниз, при участии воображения можно усмотреть в ней некоторое сходство с монахом, снабженным рыбьим хвостом. А остальное добавлено. Но почему же все сообщения о монахе говорят о чешуях, которых нет на каракатице? Очевидно рассуждали так: морской монах — рыба, рыба одета чешуями, следовательно, у морского монаха есть и чешуи. Сходство было преувеличено. Преувеличена и величина.

А вот, например, изображения кометы и метеоритов, падавших на землю с неба, где фантазия наблюдателя скинула всякую узду. Это изображение должно воспроизвести вид кометы, появившейся в 1527 году, т.е. при жизни самого Ликотенеса. Об этой удивительной комете он пишет следующее: «В 1527 году 11 октября рано утром, в 4 часа, появилась видная почти во всей Европе огромная звезда-метла, горевшая на небосклоне около 1,25 часа и имевшая поразительную длину и кровавый, красный цвет. Верхняя часть ее имела вид согнутой руки, державшей в кулаке обнаженную шпагу, как бы готовую разить. У острия шпаги и по обоим сторонам клинка было три больших звезды, причем первая превосходила обе другие по величине и блеску. От нее во все стороны в виде хвоста расходились темные лучи, имевшие вид копий алебард, сабель, кинжалов, окруженных множеством человеческих голов с бородами и волосами. Все это имело кровавый блеск, так что многие ужасались и заболели. Затем последовали времена скорби и плача: турки вторглись в Европу, и Рим был взят Бурбоном. Папа едва удержался в замке св. Ангела, но 40 000 дукатов освободили его, и император водворил его на престоле».

Что это такое — спросите вы? Зачем было так лгать? Но эта ложь есть факт, и из него вы видите, что даже профессиональные ученые прежних лет не прочь были прибегать к ней, чтобы сделать свои рассказы эффектнее. Так чему же удивляться, если и охотники за рукописями, возвращаясь из дальних стран, привозили с собой аналогичные произведения своей собственной фантазии?

Глава IV

«ГОЛОС БЕЗМОЛВИЯ» КАК ВЫСШИЙ ОБРАЗЧИК ПСЕВДО-ИНДУССКОЙ АПОКРИФИЧЕСКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В противность всем традиционным правилам, я оставлю здесь сначала в покое наших авторитетов по Индии и начну свое повествование ни с кого иного, как с известной основательницы теософического общества в Лондоне Елены Петровны Блаватской и не без причин.

На нее, вечно окруженную, как цветок бабочками и пчелками, всевозможными звенящими и стучащими духами, легче нападать, чем на патентованных ученых-индологов, прикрытых, как стальными панцирями и щитами, докторскими дипломами, хотя бы в деле открывания новых документов они и были более доверчивы и простодушны, чем Елена Петровна¹.

Мне скажут, конечно, что приводимый мною документ выдумала сама Елена Петровна, но я на это отвечаю. А чем же он отличается от тех, которые другие, менее экспансивные и литературно гонимые путешественники в Индии предлагают нам, как подлинные документы? Абсолютно ничем! Так почему же мы им верим, а не верим Блаватской, которая тоже, несомненно, провела несколько лет в Индии?

Предлагаемый отрывок из книги «Голос безмолвия» можно рассматривать как образец воображаемой европейцам индусской мистики. Книга эта выдержала много изданий в Англии, переведена на все европейские языки и состоит из трех частей: Голос безмолвия, Два пути и Семь врат. Для нас, русских читателей, книга эта должна представлять особенный интерес, так как была передана западной Европе русской женщиной, имеющей, — как говорят ее почитатели теософы, — «почетную известность во всем мире, кроме своей родины, где имя ее до сих пор еще вызывает предубеждение, а истинное значение еще вполне не оценено, даже и в Европе».

¹ Описавшая сначала свои похождения в Индии под именем Радда-Бай (Русский Вестник от 1881 по 1891 годы).

«Елена Петровна Блаватская, — говорят нам они, — была, несомненно, ученицей одной из эзотерических (тайных) школ востока, иначе она не могла бы изложить сокровенные учения Востока в той оригинальной форме, в которой они вылились в Голосе безмолвия. Эта форма ясно указывает на знание его первоисточника; текст его не встречается ни в одной из санскритских книг, доступных ученым-ориентологам, и впервые появился в 1889 г. на английском языке в изложении Е.П. Блаватской.

Эти поучения даются тем, кому не ведомы опасности (низшей психической силы).

«Кто хочет услышать голос безмолвия (Наду) «Беззвучный звук» и понять его, тот должен достигнуть совершенного сосредоточения (в самом себе).

Достигнув равнодушия к внешнему миру, ученик должен найти Повелителя своих чувств, Творца мысли, Того, Который зарождает иллюзии.

Ум есть великий убийца реального.

Ученик должен одолеть убийцу.

Ибо когда его собственный образ станет для него нереальным, как не реальны для него все образы его сновидений, когда он перестанет слышать множество, тогда он различит Единое, внутренний звук, убивающий внешний.

Тогда только — не раньше, — покинет он область ложного и вступит в царство истинного.

Прежде чем душа увидит, гармония внутри должна быть достигнута и телесные очи должны закрыться навсегда для всякой иллюзии.

Прежде чем душа услышит, человек должен стать одинаково глухим как к громам, так и к шептаниям, как к крикам ревущих слонов, так и к серебристому жужжанию золотого светляка.

Прежде чем душа сможет разуместь и вспоминать, она должна с Безмолвным Голосом соединиться так же, как с умом ваятеля соединена была модель, по которой формовалась глина.

Ибо только тогда душа услышит и вспомнит.

И только тогда к внутреннему ее слуху обратится Голос Безмолвия и скажет:

Если твоя душа улыбается, купаясь в солнечном сиянии твоей жизни; если она поет внутри своей оболочки из плоти и материи; если она рыдает в своей крепости, построенной иллюзиями; если душа твоя силится оборвать серебряную нить, которая привязывает ее к Учителю¹, — знай, ученик, душа твоя из праха.

¹ Высшее Я.

Если прислушивается к тревогам сего мира распускающаяся душа твоя, если на гремящий голос Великой Иллюзии¹ она дает ответ; если, уstraшенная при виде жарких слез страдания, если, оглушенная воплями скорбей, она отступит, подобно пугливой черепахе, под защиту своей личности; узнай: душа твоя — недостойный ковчег безмолвного бога своего.

Когда, приходя в возраст, твоя душа выступит из своего верного убежища и, вырвавшись из защищавшего ее ковчега, протянет свою серебряную нить и устремится вперед; если, узрев свое отражение на волнах пространства, она шепнет: «это я», узнай: душа твоя захвачена в паутину обольщения.

Земля эта, ученик, есть Чертог скорби, где по всему Пути тяжелых испытаний расставлены западни, чтобы изловить твое Я обольщениями, имя которым «Великая Ересь»¹. Эта Земля, о неведущий ученик, только печальное преддверие, ведущее в сумерки, за которыми расстилается долина света, того Света, что неугасим никакими бурями, что горит без светильника и без масла.

Говорит Великий Закон: «Чтобы познать Мировое Я, ты должен познать свое собственное Я». Для этого должен ты отдать свое Я тому, что называется «не Я», свое Бытие — Небытию, и тогда только можешь ты почитать между крылами Великой Птицы². Воистину сладостно успокоиться в крылах того, что не подлежит рождению и смерти, что есть АУМ³ на протяжении бесконечных веков.

Взберись на птицу Жизни, если хочешь познать⁵.

Отдай свою жизнь, если хочешь жить.

¹ Иначе — объективный мир.

² Ложная вера в отделимость каждой человеческой души от единой Мировой Души.

³ «Лебедь в Пространстве и Времени», символ Браммы, символическая птица, роняющая яйцо в хаос, яйцо, превращающееся во Вселенную.

⁴ По Блаватской это священное слово древнего Востока, имеющее несколько значений, произносимое благоговейно йогами во время молитвы и созерцания: «Слог А есть правое крыло птицы, У — ее левое крыло, М — ее хвост». А по-моему, это взято с еврейского бог — ОИМ (полностью ЭЛ ОИМ). Это было первоначально просто множественное число от ЭЛ — бог, и значившее боги, так как приставка Им в еврейском языке есть знак множественного числа. АВ потом, при переходе к единобожию, оно было истолковано как Бог-Оис или, по другому произношению еврейских неустойчивых Гласных бог АУМ или Ом.

⁵ Три состояния сознания: бодрствование, дремота, глубокий сон, ведут в четвертое состояние сознания — сверхсознание.

Три Чертога, о усталый странник, предстоит пройти тебе до конца многотрудного пути. Три Чертога, о победитель Смерти (Мары), проведут тебя через три состояния¹ в четвертое, а оттуда в семь Миров, в Миры Вечного Покоя.

Если захочешь узнать их имена, слушай и запоминай.

Имя первого Чертога — Неведенье.

Это — тот Чертог, в котором ты увидел Свет, в котором живешь и умрешь.

Имя второго — Чертог Познания.

В нем душа твоя найдет расцветание жизни, но под каждым цветком свернулась змея².

Имя третьего Чертога — Мудрость; за ним расстилаются безграничные воды, неиссякаемый родник Всеведения.

Если захочешь пройти первый Чертог безопасно, не позволяй душе своей принимать огни вожделения, горящие в нем, за солнечный свет Жизни. Если хочешь безопасно перейти второй, не замедляй шагов своих, дабы вдохнуть в себя благоухание его опьяняющих цветов. Если хочешь освободить себя от цепей представления о причинах и следствиях (Кармы), не ищи своего духовного руководителя в этой призрачной стране.

Мудрый не медлит в обители чувственных утех.

Мудрый не внимает сладковатым голосам иллюзий.

Ищи того, кто даст тебе жизнь в Чертоге Мудрости, который находится за пределами, где не ведомы тени и где свет Истины сияет в неугасаемой славе.

Несотворенное живет в тебе, ученик, как оно живет и в Чертоге Мудрости. Если ты захочешь достигнуть его и сочетать оба света воедино, ты должен совлечь с себя темные покровы иллюзий. Заглуши голос плоти, не позволяй чувственному образу становиться между твоим светом и светом мудрости, дабы оба могли слиться в единый свет. Когда же познаешь ты свое собственное неведение³, беги из Чертога Познания.

¹ Некоторые восточные мистики признают 7 духовных сфер в теле ... Лебеде вне времени и пространства, преобразующегося в Лебеда во времени и пространстве, когда непроявленный ... становится проявленным. (Прим. Блаватской).

² Чертог Обучения — это и есть «астральная сфера», психический мир сверхчувственных восприятий и обманчивых явлений, мир медиумов. Ни один цветок, сорванный в этой области иллюзий, не был перенесен на землю без змеи, притаившейся в его лепестках.

³ Область полного духовного сознания, поднявшись до которой, человек достигает полной безопасности от всех иллюзий (прим. Блаватской).

Опасна его коварная красота и нужен он только для твоего испытания. Берегись, чтобы душа твоя, ослепленная его обманчивым сиянием, не замедлила и не попала в во власть его призрачного света.

Этот свет исходит из драгоценного венца великого соблазнителя Мары. Чувства, очарованные им, ослепляют душу и неразумного приводят к крушению.

Моль, привлеченная мерцанием твоей ночной лампы, обречена погибнуть в ее пламени. Беспечная душа, что слабеет в борьбе с издевающимся демоном иллюзии, вернется на землю раба Мары.

Взирай на сонмы крылатых душ. Наблюдай, как они мечутся над бурным морем человеческой жизни, как, обессиленные, истекающие кровью, с разбитыми крыльями, они падают одна за другой в вздымающиеся волны. Бросаемые свирепыми порывами ветра, гонимые бурей, они тонут в водоворотах и исчезают в первой разверзающейся пучине.

Если пройден будет тобою Чертог Мудрости и ты захочешь достигнуть Долины Блаженства, замкни крепко чувства твои, дабы не проникла в них губящая ересь разобщения, которая отторгнет тебя от целого.

Не позволяй «рожденному в Небесах», погруженному в волны ... ¹, отрываться от единого Отца², но добивайся, чтобы огненная сила³ отступила в сокровеннейший покой твоего сердца, в свою истинную обитель.

И тогда поднимется эта сила из твоего сердца в шестую область, среднюю, в средостение твоих очей, где станет она дыханием Единой Души, голосом Учителя, наполняющим все.

Тогда только можешь ты стать «Небесным странником»⁴, тем, который попирает ветры, несущиеся над волнами, и ступнями своими не касается волн.

Прежде чем ты встанешь на верхнюю ступень лестницы мистических звуков, ты должен услышать голос бога, сущего внутри тебя, в семи различиях.

Первый голос подобен сладостным звукам соловья, поющего прощальную песнь своей подруге.

Второй голос звучит как серебряный кимвал неземного Духа, пробуждающий мерцание звезд.

¹ Иллюзия, мир видимых форм, преходящих и подлежащих уничтожению, в противоположность Вечному и Неизменному.

² Мировая Душа.

³ Одна из мистических Сил Йога (достигшего единения с мировой Душой).

⁴ «Идущий по небесам». Говорится, что тело йога становится как «облако, из которого члены выступают как побеги», после чего йог «видит по ту сторону звезд; он слышит язык богов и понимает его, и читает в мыслях муравья» (прим. Блаватской).

Третий подобен мелодической жалобе духа Океанов, плененного в своей раковине.

Четвертый — как пение лютни¹.

Пятый проникнет в тебя подобно звону бамбуковой флейты. И перейдет в трубный звук.

А он, шестой, пронесется подобно глухому раскату громовой тучи.

И седьмой поглотит все остальные звуки. Они умрут и не будет более слышно их.

Когда вся личность твоя² побеждена и повергнута к ногам Учителя, тогда ученик сливается с Единым, отождествляется с Единым и пребывает в нем.

Прежде чем вступить на Путь, ты должен уничтожить свое «тело желаний», очистить свое «тело мыслей», сделать сердце свое непорочным.

Чистые воды вечной жизни, ясные и кристальные, не могут смешаться с загрязненными, гонимыми бурным ветром. Капли небесной росы, сверкающие в первых лучах утреннего солнца, на груди священного лотоса, падая на землю, превращаются в прах... Смотри! — чистая жемчужина стала пятном грязи.

Борись с нечистыми своими мыслями ранее, чем они одолеют тебя. Не щади их, как они не щадят тебя, ибо если уступишь ты им и они укрепятся и начнут расти, знай воистину: мысли твои одолеют и убьют тебя. Берегись, ученик, не допускай даже тени от них приближаться к тебе. Ибо эта тень начнет расти, увеличиваться в объеме и силе, и порождение мрака поглотит твое существо прежде, чем ты успеешь заметить присутствие темной силы.

Ранее, чем твоя сокровенная сила³ сделает тебя божественным, воля твоя должна стать победителем над телом желаний.

Твой прах и твой дух не могут встретиться никогда. Один из двух должен исчезнуть, ибо не могут они пребывать вместе.

Прежде чем разум твоей души прозреет, зародыш личности должен быть разрушен, червь чувственности уничтожен без возврата к жизни.

Ты не можешь идти по Пути, не сделавшись сам этим Путем⁴.

¹ Индусский старинный инструмент, схожий с лютней.

² В подлиннике «все шесть», т.е. шесть принципов человека.

³ Она называется змеевидной или кольцеобразной силой, ввиду ее спирально-го движения в теле йога, когда развивается в нем внутренняя сила. Это электрическая оккультная сила, первичная сила, лежащая в основе всякой органической и неорганической материи (прим. Блаватской).

⁴ «Путь» упоминается во всех мистических книгах.

Да внимает душа твоя каждому крику страдания подобно тому, как священный лотос обнажает сердце свое, чтобы упиться лучами утреннего солнца.

Не допускай, чтобы палящее солнце осушило хотя единую слезу страдания, прежде чем ты сам сотрешь ее с очей скорбящего.

И да ниспадет каждая жгучая слеза человеческая в глубину твоего сердца и да пребывает она там; не удаляй ее, пока не устранился печаль, ее родившая.

О ты, сердце которого полно милосердия, — знай, что эти слезы — струи, орошающие поля бессмертного сострадания. Только на орошенной почве расцветает полуночный цветок Будды, самый редкий из всех цветов. Это зерно освобождения от рождения и смерти.

Оно уединяет Архата¹ и от духа распрей, и от вожделения, и ведет его через долины бытия к миру и блаженству, доступному только в стране Безмолвия и Небытия².

Убей желание, но убивая его, берегись, чтобы оно не воскресло вновь.

Убей любовь к жизни, но если убьешь ты любовь к жизни, да будет это не из жажды вечной жизни, но дабы заменить конечное пребывающим.

Не жалея ничего. Не распалай сердца своего против Кармы³ и не негодуй на неизменные законы природы.

Борись с личным, преходящим, колеблющимся, подлежащим уничтожению.

Помогай природе и работой заодно с ней; и тогда природа признает в тебе одного из своих творцов и станет покорна тебе. Она откроет перед тобой широко вход в свои сокровенные недра, обнажит перед твоими взорами сокровища, заключенные в глубинах ее непорочной девственной груди. Незапятнанная плотским прикосновением, она раскрывает свои сокровища только духовным очам, никогда не смыкающимся, для которых нет покровов на протяжении всех ее царств.

Тогда она укажет тебе и средства и направления, первый вход, и второй, и третий, вплоть до седьмого. И за ними цель, за пределами

¹ Адепта, владеющего сверхсознанием.

² Нирвана есть небытие только с точки зрения нашего конечного сознания; в действительности Нирвана равносильна абсолютному бытию; так же, как абсолютное сознание, с точки зрения ограниченного сознания, равносильно бессознанию, но соединяет воедино познающего, познаваемое и познание (прим. переводчика на русский язык).

³ Здесь Карма упоминается в смысле своей судьбы, созданной самим человеком.

которой, купаясь в лучах духовного Света, обретается несказанная Слава, невидимая иному взору, кроме взора души.

Лишь одна стезя ведет на Путь; лишь на самом конце его может быть услышан Голос Безмолвия. Лестница, по которой стремящийся поднимается, построена из ступеней страдания и скорби; утишить их может лишь голос святости. Горе же тебе, ученик, если перенесешь ты с собой хотя единый порок, не покинув его внизу; ибо тогда лестница подломится и низвергнет тебя. Подножие ее стоит в глубокой тине заблуждений и грехов твоих, и, прежде чем дерзнешь перейти через широкую пропасть телесности, ты должен омыть ноги свои в водах Отречения. Горе тому, кто осмелится нечистыми ногами осквернить хотя бы единую ступень. Темная и вязкая грязь затвердеет, прильнет к стопам и пригвоздит дерзновенного на месте; и, подобно птице, пойманной в коварные силки птицелова, не будет для него дальнейшего движения вперед. Пороки его оденутся в образы и повлекут его вниз. Его грехи поднимут голоса свои, подобно шакалам, рыдающим и хохочущим на закате солнца; мысли его станут ратью, которая захватит его и уведет плененным рабом.

Убей свои желания, ученик, обессиль свои пороки ранее, чем вступишь на верховный Путь.

Истреби свои грехи, сделав их навеки безгласными, прежде, чем начнешь свое восхождение.

Утишь свои мысли и устреми все свое внимание на твоего Учителя, которого ты еще не видишь, но которого уже предчувствуешь.

Сочетай все свои чувства в единое чувство, если хочешь быть в безопасности от врага. Иначе не откроется для твоих темных очей крутая стезя, ведущая к Учителю.

Долга и утомительна дорога, расстилающаяся перед тобой.

Единое сожаление о прошлом, оставленном позади, потянет тебя вниз и сызнова придется тебе начинать тяжелый подъем.

Не оглядывайся назад, или ты погиб. Не верь, что вожделение можно уничтожить, питая и удовлетворяя его: это ложь, внушенная Марою. Питанием порок ширится и разрастается в силу, как червь, тучнеющий в сердце цветка.

Роза должна снова превратиться в почку, рожденную от родного стебля, ранее, чем червь подточил его сердцевину и выпил из него жизненный сок.

Золотое древо (Древо Жизни) выпускает драгоценные побеги прежде, чем ствол его увянет от бурь.

Ученик должен стать как дитя ранее, чем первый звук коснется его слуха.

Свет от Единого Учителя — неугасимый золотой Свет Духа бросает на ученика свои светозарные лучи с самого начала Пути. Они пронизывают густые, темные облака телесности. То здесь, то там лучи эти озаряют ее подобно солнечному свету, который пронизывает густые заросли джунглей и отражается светлыми пятнами на земле. Но помни, ученик: до тех пор, пока плоть не перестанет желать, голова не остынет и душа не станет твердой и чистой как алмаз, Сияние не проникнет в сокровенный покой твоей души, оно не согреет сердце, и мистические звуки¹ с духовных высот не достигнут твоего слуха, как бы ревностно ты ни слушал на первой ступени.

Пока не услышишь, не можешь ты видеть,
Пока не начнешь видеть, ты не можешь слышать.
Видеть и слышать — вот вторая ступень.

Когда ученик, закрыв органы зрения и слуха и приостановив дыхание, недоступный для внешнего мира, видит и слышит, обоняет и вкушает, когда его четыре чувства сливаются и готовы перейти в пятое — внутреннее осознание², тогда ученик вступил на четвертую ступень.

А на пятой, о победитель своих мыслей, все чувства должны быть снова убиты и без возврата к жизни³.

Удерживай ум свой от всех внешних предметов, от всех видимостей. Удерживайся от внутренних образов, дабы не набросили они темные силы на свет души твоей.

Отныне ты достиг совершенного Сосредоточения — ступени шестой. А когда перейдешь в седьмую, ты не будешь более зреть Священное Три⁴, ибо сам станешь Тринединым. Ты сам и твой ум уподобятся рядом пребывающим близнецам, а над ними загорится Звезда — цель твоих исканий.

«Три», пребывающие в славе и блаженстве неизреченном, не имеют более наименования. Они слились в единую Звезду, в огонь, горящий, но не опаляющий, в тот огонь, который облекает Пламя.

¹ Мистические звуки — звуки или мелодия, которая слышна йогу при начале его погружения во внутреннее созерцание.

² Эзотерическое (т.е. таинственное) учение о человеческом организме утверждает, что внутри человека есть зачатки новых органов чувств, не известных нам, которые разовьются в далеком будущем у всех людей естественным образом; йоги в состоянии ускорить свою эволюцию и развить в себе эти органы сознательно, применяя известные им методы строгой внутренней дисциплины (прим. переводчика на русский язык).

³ Должны перейти в седьмое чувство, наиболее духовное.

⁴ Развивает скрытые силы преимущественно механическим путем, тогда как ... развивает их духовной дисциплиной (прим. Блаватской).

Ты достиг, о, йог победоносный, того, что люди именуют...¹ — предпоследней ступени, за которой следует последняя ступень — ...²

Отныне твое «Я» погрузилось в Единое Я, слилось с тем Я, из которого излучалось твое бытие.

Где же твоя индивидуальность, ученик, где сам ученик? То — искра, исчезнувшая в пламени, капля в недрах океана, непреходящий луч, ставший «Всем» и вечным сиянием.

Отныне ты — и делатель, и свидетель, и световой центр, и изливание лучей, Свет в Звуке и Звук в Свете.

Все пять преград ведомы тебе, о, благословенный. Ты победил их, ты — властелин над шестой преградой, ты — хранитель четырех видов Истины. Свет, на них ниспадающий, исходит из тебя самого, о ты, который был учеником, отныне же стал Учителем.

Из четырех видов Истины:

Не прошел ли ты через познание страдания — истину первую?

Не победил ли ты властителя Мару в преддверии, ведущем в царство соблазнов — истину вторую?

Не поборол ли ты в третьих вратах грех и не достигнул ли тем третьей истины?

И не вступил ли ты на Путь³, ведущий к познанию — истину четвертую?

Пробывай же отныне под деревом ... которое есть совершенство всякого познания, ибо, знай, ты овладел последней ступенью, твое зрение безошибочно и совершенно.

Взирай! Ты сам стал Свет, ты сам стал Звук, отныне ты для себя и Бог, и Учитель, и предмет своего собственного искания: непрерывающийся Голос, который звучит на протяжении вечностей, не подлежа-

¹ Последняя ступень на земле перед достижением всех свойств высокого Адепта. На этой ступени йог еще сохраняет духовное самосознание и деятельность своих высших принципов, но еще один шаг вперед, и его сознание перейдет на высший план духовного развития. Три состояния йога — полное преодоление проявлений земного низшего разума, погружение в высшие духовные объекты, доступные человеческой душе после упомянутого преодоления.

² Состояние духа, когда йог теряет сознание всякой индивидуальности, включая и свою собственную. Он сливается с мировым Бытием и становится Всем.

³ В буддизме: Ку — страдание, Ту — соединение соблазнов, Му — разрушение греха и Тао — Путь. «Пять преград» — это сознание страдания, сознание бренности человеческой, тягостной принудительности человеческой судьбы и абсолютной необходимости освободиться от всяких уз страсти и даже от желаний. «Путь спас мир» последняя из них.

щий перемене, не доступный греху, Семь Звуков в едином ГОЛОСЕ БЕЗМОЛВИЯ»

Можете ли вы, читатель, пересказать мне собственными словами то, что тут написано? — Нет? — И я тоже не могу. Все это ряд фраз, вычитанных из разных религиозно-философских книг и прицепившихся одна к другой в голове много и беспорядочно читавшего автора без всякой системы, как в калейдоскопе, что-то вроде духовной музыки, вне какого-либо отношения к последовательности идей и характеризующее полусонное состояние автора. С психиатрической точки зрения это очень интересный документ, и еще более он интересен с точки зрения критики множества других, таким же образом вывозимых произведений из Индии, которым однако же, придается даже историческое значение.

Впервые пришлось мне познакомиться с этим видом бессознательного творчества в 1912 году, когда меня предали суду Московской судебной палаты, с участием сословных представителей, за сборник стихотворений «Звездные Песни», изданный книгоиздательством «Скорпион» по статье, грозящей многолетним заключением.

Все были страшно поражены, что правительство хочет вновь упрятать в крепость человека, уже просидевшего в ней 25 лет, не считая предварительного заключения, и притом по совершенно пустяшному поводу: инкриминируемые стихи были только перепечаткой тех, какие несколько лет назад были уже напечатаны в сборнике «Шлиссельбургские песни», невозбранно распроданном в свое время.

Когда я вскоре по получении обвинительного акта пришел к моим друзьям Неболсиным, мать хозяйки, имевшая способность впадать по собственному желанию в «транс», т.е. какое-то полусонное состояние, при котором рука ее, как говорили, сама писала, едва поздоровавшись со мной, сказала всем:

— Молчание! Сейчас я напишу, что с ним будет.

Она взяла карандаш и лист бумаги и, устремив глаза куда-то в пространство, начала писать, произнося каждое слово глухим голосом. Окончив все на листке, она как бы пришла в себя и начала читать написанное ею уже своим нормальным голосом, как что-то новое для нее, потом передала лист мне, сказав:

— Спрячьте хорошо, и прочтите, когда все сбудется.

Вот этот интересный документ.

Не правда ли, читатель, как все это сходно с только что приведенным документом, якобы переведенным Е.П. Блаватской с тайного санскритского манускрипта?

И я скажу более: оказалось, что в таком же состоянии экстаза г-жа Юркевич, которая со своей юности очень сочувствовала нашей борьбе с самодержавием и православием, и была образованной и много читавшей женщиной, написала в таком же состоянии сомнамбулизма (в который впадала по собственному желанию чуть не каждый вечер) целый том псевдонаучных откровений того же типа, какой мы имеем и у псевдо-индийских теософов. Ряд страниц из этого своего супранатуралистического дневника исследований она читала и мне, спрашивая мнения, и вы можете представить себе мое положение, читая ее откровения, по своей фантастичности далеко превосходившие романы Уэллса, но только без его планомерности. С моей точки зрения (что наша мысль то же, что повозка, которую, как пара лошадей, везут полушария головного мозга, а возниким, регулирующим их путь, является мозжечок) казалось, что ее возникши в это время засыпал, а обе лошади, почувствовав полную свободу, мчали повозку по полю, как попало — то к северу, то к югу, то к западу, то к востоку. Получилось впечатление действительной связной езды и даже с общим настроением, но только какой-то совершенно бесцельной и беспричинной!

Но именно этот же стиль мы видим и во многих мудрствованиях, приписываемых глубокой древности не только в Азии, но и в Европе. Когда читаешь их, невольно кажется, что полушария большого мозга автора вместо того, чтобы работать ассоциациями идей и воспринятых впечатлений, начали орудовать накопившимися в них рядами слышанных или прочитанных им фраз, соответствующих его настроению. И если авторы и не писали их в явно полусонном состоянии, как в только что приведенном случае, то это еще не значит, чтоб в момент своего творчества они были нормальны. Недаром же о поэтах говорится, что они, как это и действительно есть, творят в состоянии вдохновения, т.е. известного рода экстаза, хотя еще и не доходящего до того, чтобы их повествование подходило к границе с бредовыми явлениями, как мы только что видели здесь и видим, например, у библейских пророков, а также и в индусской философии. Именно такую представляют нам ее не только документы, якобы находившиеся в Индии в руках Блаватской, но и привозились оттуда другими охотниками за «тайной индийской литературой», о которых можно сказать «на ловца и зверь бежит», так как большинство этих рукописей, повторяю, более как одним человеком не находились. Блаватскую я взял здесь, повторяю, потому, что на нее удобнее нападать, как на более беззащитную, в виду отсутствия у нее официальных патентов на востоковедение, пугливости ее бестелесных духов, бегущих от всякой критики.

Но дело в том, что раз мы признали, что приведенную полубесмыслицу сочинила сама Елена Петровна в состоянии экстаза, этим самым мы устраняем обычное возражение: как и кто мог сочинить все остальное, написанное от имени индусов в том же роде. Ответ тут будет один: в лучшем случае — вся индусская метафизика возникла, как у Блаватской, а в худшем, что это предумышленные обманы с корыстными целями.

До какой степени мистика, а вместе с ней и поиски за сенсационными документами в мало доступных по данному времени странах, можно видеть особенно хорошо из истории европейского спиритизма.

До конца 70-х годов XIX века была в Европе настоящая мания спиритических сеансов. Я расскажу здесь прежде всего историю с фотографиями духов.

В начале, — говорит д-р Леманн, — удавалось получать фотографии лишь существ, которые были видны исключительно медиумам, для всех же прочих оставались незаметными. Но через 20 лет духи развили материализацию до такого совершенства, что их можно было видеть большому кругу зрителей и фотографировать при сильном электрическом свете. Их дыхание и пульс были измерены, у них отрезали локоны, сохраняя их в вечное воспоминание. Однажды на сеансе у Крусса, где объявился дух Кэти Кинг, один из участников даже прямо заявил, что если этот дух есть какая-то психическая сила, то последняя должна быть женщиной.

Самые первые фотографии духов относятся ко времени дагерротипии. В одном американском спиритическом журнале за 1856 г., редактор его сообщает, что долгое время делались тщетные попытки воспроизвести являющихся духов на дагерротипной пластинке, но что теперь имеются самые верные надежды достигнуть этого.

Один профессиональный дагерротипист, бывший в то же время медиумом, снял карточку со своего маленького сына, и на этой карточке сверху вышла широкая облакоподобная световая полоса, которая опускалась на плечи мальчика и там терялась.

В этом же году и в том же журнале сообщается второй подобный случай. Но после этих результатов дух, по-видимому, перестал проявлять себя таким путем: о подобного рода карточках ничего более не было слышно вплоть до 1862 года. В этом году начал свою деятельность Мемлер, самый, быть может, известный из всех лиц, занимавшихся фотографированием духов.

Он был первоначально гравером, но по воскресеньям он имел обыкновение посещать одного своего друга, служившего в фотографическом

заведении и постепенно научился технике фотографирования, не имея в то же время никакого представления о природе и действии химических веществ. Находясь в одно из воскресений совершенно один в мастерской своего друга, он пытался снять свой собственный портрет и получил при этом на пластинке, кроме себя, еще какую-то другую фигуру. А произвести такую двойную фотографию нет ничего проще: стоит только снять на пластинку недодержанное изображение кого-нибудь. А потом, не проявляя пластинку, употребить ее, как свежую, хотя бы для фотографирования вас, читатель, то на пластинке вы выйдете в нормальном виде, а недодержанное изображение появится около вас или за вами вроде духа (рис.).

Он стал работать в качестве фотографа медиума, но его деятельность продолжалась недолго, так как обнаружилось, что на различных его фотографиях в виде духа фигурирует изображение особы, находящейся в живых.

При этом открытии публика потеряла к нему доверие, и о нем и его карточках ничего более не было слышно, пока он не появился в 1869 году в Нью-Йорке. И здесь, однако, через несколько месяцев на него было подано обвинение в обмане. Однако судья решил, что, хотя лично он и убежден в том, что обвиняемый действовал обманным образом, но все-таки по отношению к нему нельзя постановить обвинительного приговора за неимением достаточных доказательств.

Мемлер был таким образом оправдан и еще много лет продолжал свою деятельность на радость верующим спиритам, а с профессиональными фотографиями духов, выступившими в Европе, дело обстояло значительно хуже. В 1872 году английский фотограф Гедсон начал готовить такие же изображения, какие получались у Мемлера, но они были исполнены настолько грубо, что сами спириты возымели подозрение и отrekliсь от Гедсона. Но наибольшее внимание и негодование возбудил Бюге в Париже. Рекомендованный Леймари, редактором «Спиритического обозрения» и поддерживаемый весьма известным в то время медиумом Фирманом, он начал свою деятельность в 1873 году. Но Ломбар, фотограф, состоявший на службе у сыскной полиции, возымел подозрение, что у него все основано на обмане. Он явился под вымышленным именем к Бюге, чтобы тот снял его вместе с духом. А когда Бюге намеревался вставить кассету с пластинкой в аппарат, Ломбар взял у него кассету и потребовал, чтобы пластинка была проявлена без экспозиции. Бюге стал отговариваться, что изображение духа уже заранее могло находиться на пластинке. Затем при обыске у него были найдены куклы, закутанные в саван, и сверх того,

множество голов, вырезанных из фотографических карточек и наклеенных на картон. С помощью таких приспособлений Бюге подделывал различные изображения духов.

Хотя в этом случае многие люди заявили, что они узнают в фигурах духов на карточках Бюге своих умерших друзей, однако обвиняемые все-таки были признаны виновными в обмане: Бюге и Леймари поплатились годом тюрьмы и денежным штрафом в 500 франков, Фирман же — шестью месяцами тюрьмы и штрафом в 300 франков.

Всего замечательнее в этих фотографиях духов и в возникающих по поводу их процессах быть может то обстоятельство, что они ясно показывают, насколько сильно в человеке стремление во что бы то ни стало попадать в обман. Известный спирит Аксаков долгое время относился с недоверием к Бюге. Но хотя процесс его вполне ясно доказал, что Бюге был простым обманщиком, Аксаков все-таки хватается за чрезвычайно слабую опору, намекая в одном своем письме, что среди многих тысяч фальшивых снимков, полученных Бюге якобы с духов, могли быть, однако, и подлинные («истинное смешано с ложным»). То же, по его мнению, справедливо и относительно Гедсона. Под словами «подлинные» имеют в виду снимки, на которых можно найти разного рода предметы, — особенно же части одежды, — которые были характерны для умерших. На смутных изображениях духов (т.е. на недодержанных фотографических пластинках), такой предмет, имеющий особенную форму, может быть признан гораздо легче, чем черты человеческого лица, и потому подобного рода определенный признак невольно кажется сильным доказательством подлинности изображения, конечно, если предполагают, что фотограф не знал умершего, а следовательно, и характерной для него приметы, и если дух умершего позаботился, улетая из тела, захватить с собою и дух своей одежды и дух своей шапочки; в противном случае фотограф, разумеется, с таким же удобством воспроизвел бы данное доказательство тождества, как и образ самого духа, но, конечно, нет ни одного рассказа от имени известного лица, из которого можно было видеть, в какой степени были приняты необходимые меры предосторожности. Если судить по одной из немногих историй, описанных с некоторой подробностью, то эти доказательства не особенно убедительны.

Вот одно из них, напечатанное известным спиритическим писателем Стэнтоном Мозесом под псевдонимом М.А. (Оксон).

Миссис Х. жила в деревне в пятнадцати милях от Лондона и не знала никаких других спиритов, кроме своих двух дочерей, из которых одна была медиумом. Через эту дочь она постоянно получала сообще-

ния от одного духа, который выдавал себя за ее умершего отца; дух этот очень хотел показать себя ей, но сила медиума была для этого недостаточна. Однажды вечером, когда они, по обыкновению, сидели у стучащего медиумного стола, вдруг получилось сообщение: «Иди к Гедсону, я покажу себя там». Тогда они согласились в том, что надо условиться в каком-либо определенном признаке на случай, если сходство изображения будет незначительно, и мать сказала дочерям, что она только будет думать об этом призраке, но не назовет его, чтобы его не выдать. Она так и поступила и их стол показал своими оживленными движениями, что он одобряет ее выбор.

Несколько дней спустя, мать отправилась с той дочерью, которая не была медиумом, в Лондон. Дорогой дочь попросила у матери, чтобы та сообщила ей избранный признак, так как если этот признак будет известен только матери, то скептики потом легко могут сделать все свои возражения. Мать шепнула дочери на ухо то, что она задумала. По прибытии в Лондон они расстались: дочь отправилась посещать разные лавки, а миссис Х. пошла к своей приятельнице, чтоб идти вместе с нею к Гедсону. Она никогда не была у него прежде, а он не знал ее даже по имени; но уже на самой первой пластинке вышел ее умерший отец с своими резкими чертами лица под упомянутой бархатной шапочкой, которая как раз была тем доказательством тожества, которое задумала мать.

Таково краткое содержание письма, и факт этот бесспорно показался бы убедительным, если б автор статьи умолчал о вопросе дочери и о ее уходе за покупками перед снимком. Для чего ее дочь непременно хотела знать эту приметку? Разве не естественно думать, что она, желая доставить матери радость, решилась на доброжелательный обман, сообщив тайну Гедсону? У ней было достаточно времени для этого, так как она знала, что ее мать должна сначала зайти к приятельнице, а Гедсон был заинтересован в сохранении секрета; таким образом не представлялось ни малейшей вероятности, что дело будет открыто.

Но эта история имеет еще и интересный эпилог. В одной книге относительно фотографий духов, появившейся тоже в 1894 году под заглавием «Приподнятое покрывало», находится следующий буквальный рассказ об этом же случае.

«Мать, — говорится там, — пошла к Гедсону со своей дочерью. Она не сказала фотографу, что ею задумано. Она думала и желала, чтобы показался ее отец. Она ничего не сказала ни дочери, ни кому другому о том признаке, который был ею избран. Она задумала, чтобы отец ее показался в своей особенной черной шапочке, которую он носил в последние годы своей жизни. Эту приметку она держала в секрете, пока не

была проявлена пластинка, а на ней явственно вышла шапочка, как это можно видеть и на рисунке; черты лица тоже выражены настолько ясно, что не остается никакого сомнения».

Рассказ этот служит хорошим примером того, каким образом описываются у спиритов факты. Автор без всякой церемонии опускает здесь маленькую подробность, которая, конечно, и заключает в себе объяснение всего случая, именно, что дочь выманила у матери тайну, а это-то и было нужно верящему автору.

Но если спиритические писатели допускали подобные искажения даже в тех случаях, когда им известны были подлинные обстоятельства дела, то можно составить себе приблизительное понятие о том, насколько надежны их сообщения в тех случаях, когда они излагают свои собственные наблюдения.

В то время, как все выдающиеся профессиональные фотографы позже оказывались обманщиками, несколько иначе обстоит дело с людьми, которые пытались получить фотографии духов из простого интереса к делу. Некоторые из этих лиц во всяком случае действовали с полной верой и отнюдь не могут быть подозреваемы в сознательном обмане, а между тем кое-кому из них удалось получить изображения духов. Наибольшую известность приобрел среди них англичанин Битти, человек, занимавший почтенное положение в обществе; он был фотографом, но потом оставил это занятие. Когда были обнаружены обманы Гедсона, ему пришла в голову мысль самому исследовать дело.

Для этого он соединился с несколькими своими друзьями, людьми честными и уважаемыми, и нанял мастерскую и приборы у одного специалиста-фотографа, Джостей; этот Джостей, о котором Битти нигде далее не упоминает, постоянно помогал ему то в снимке, то в проявлении, и отчасти, по-видимому, служил тоже в качестве медиума. Об этом участнике ничего более не известно, кроме того, что он предавался пьянству, сделался несостоятельным и кончил жизнь в богадельне.

Опыты Битти были произведены в 1872 и 1873 годах. Их спириты считают наиболее достойными внимания из всех тех такого рода экспериментов, которые когда-либо были сделаны. Сначала на снимках ничего постороннего не выходило, но постепенно стали появляться неправильные светлые части, которые, в конце концов, приняли вид человеческих фигур. Приложенные фотографии (рис.) представляют из себя четыре из карточек Битти, выбранные из всего их ряда, чтобы показать постепенную эволюцию этого рода фотографии, и для беспристрастного исследователя совершенно ясно, что перед снимком Джостей, дорожа заработком, пускал в дело свои пальцы, намазанные проявителем так,

чтобы свет не действовал на эти места фотографической пластинки. Но этот маленький и в то же время существенный недочет опытов стал известен лишь в 1891 году, а первоначальные известия об опытах Битти ни словом не упоминали об участии Джостея, и потому понятно, что фотографии его имели большое значение для спиритов.

Значит, заключили они, невидимые для нашего глаза духи могут являться в образах, испускающих химические лучи. Поэтому они и действуют на фотографическую пластинку, не действуя на сетчатую оболочку обыкновенных человеческих глаз. Оставалось достигнуть еще только новой ступени: побудить дух испускать видимые лучи, тогда победа спиритизма будет верная и окончательная. Эта новая ступень видимости духов и была достигнута вскоре после того, как Битти изготовил свои сделавшие эпоху фотографии. Уже года за два до этого из Америки пришло известие, что духи явственно предстали перед целым собранием в присутствии медиума м-ра Эндрью. Европейские медиумы немедленно начали устраивать сеансы с той же целью, и им тоже скоро удалось вызвать такие явления. Подозрительно было тут только одно обстоятельство: материализованные духи всегда обнаруживали странное сходство с самими медиумами не только в чертах лица, но и в голосе, и в походке, и в разговорах. Ввиду этого противники спиритизма стали говорить об обмане, и за исследование дела взялся в 1872 году знаменитый английский физик Крукс, которого никак нельзя было заподозрить в обмане. В качестве медиума он избрал пятнадцатилетнюю девочку Флоренсу Кук, от которой, благодаря ее юному возрасту, нельзя было ожидать никакого обмана. Более двух лет она находилась в исключительном распоряжении Крукса и его друзей: они все время экспериментировали с ней в различных частных квартирах и при всех возможных мерах предосторожности, чтобы исключить всякий обман. И все-таки им не удалось установить, кого представляла из себя та фигура, которая постоянно являлась вместе с ней. Они были слишком джентльмены, чтобы поступать с нею неделикатно. Сообщения об этих опытах печатал то тот, то другой из участвующих на сеансах, и эти статьи рассеяны в различных периодических изданиях. Интереснейшие отрывки их приведены Аксаковым в «Психических этюдах» (1874 г.), но описания и здесь настолько коротки, что с полным основанием можно предполагать, что в них опущены многие существенные частности. Поэтому теперь нет возможности решить, кто именно был дух, называвший себя Кэти Кинг и сопутствовавший всегда Флоренсе. Сам он сообщал, что представляет из себя материализованный образ одной придворной дамы, Энни де-Морган, из времен королевы Анны, а если не

верить его словам, то остаются лишь три возможности: или Флоренса сама изображала из себя духа, или же это была ее помощница, или временами фигурировала то та, то другая.

За то, что Флоренса Кук и Кэти Кинг были одно и то же лицо, говорит то обстоятельство, что никто не видел их обоих одновременно. Во время опытов Флоренса постоянно лежала в состоянии транса в темном пространстве, отделенном от места пребывания зрителей плотной занавеской, тогда как дух часто в течение целых часов свободно двигался между зрителями. Только поодиночке получали участники позволение входить в темное помещение медиума, но здесь, если они видели Флоренсу, то дух Кэти Кинг обыкновенно исчезал для них. На одном из последних сеансов Кэти была сфотографирована при помощи электрического света, причем занавеска была отдернута в сторону так, что можно было видеть и Флоренсу, но на карточке, воспроизведенной здесь (рис.), вышла только часть какой-то фигуры, лицо которой заслонено платьем Кэти. Поэтому можно думать, что Флоренса сама тут выступала в роли духа, причем связка набитого платья должна была представлять ее же спящую, на что, однако, мало походит полученное изображение. В других же случаях, по-видимому, фигурировали две похожие друг на друга особы, хотя и странно, что они не дали сфотографировать себя одновременно. Участники говорят, что хотя они несомненно были очень похожи друг на друга, но Кэти была на полголовы выше медиума, ее волосы были светлее и пышнее, и ее уши были лишены проколов, тогда как Флоренса обыкновенно носила серьги. Сверх того, Кэти была полнее и имела более светлый цвет кожи. Она всегда являлась в белом одеянии, с вырезом на шее, а Флоренса до начала сеанса обыкновенно была в темном, плотно закрывающем шею платье. Часто Крукс, входя в темное помещение, видел там Флоренсу всего через несколько секунд после того, как Кэти становилась видной для всех, и считал немислимым, чтобы она могла так быстро переменить свою одежду. При некоторых опытах он применял даже электрический прибор, который тотчас указывал на малейшее движение Флоренсы, и он не обнаруживал никакого изменения, в то время как Кэти Кинг расхаживала среди зрителей.

Но кто же была эта Кэти? Она была совсем как живая осязаемая девушка. Крукс шупал ее пульс и исследовал ее дыхание; он отрезал у нее локон, после того, как убедился, что у нее на голове действительно были волосы. Однажды он даже поцеловал ее, конечно, после специально испрошенного позволения. При этом, по его собственным словам, он пришел к убеждению, что она представляет собой такую же телесную

женщину, как и все. Другие присутствующие также утверждали, что они имели случай чувствовать теплоту ее тела сквозь ее легкое облачение. Они чуть ли даже не танцевали с ней. Но почему же они не осветили комнаты вполне? Но как же можно было это допустить, против воли дамы, которая, конечно, обидится, исчезнет и больше не придет? Крукс и его сотрудники не побеспокоились даже поискать, нет ли у Флоренсы земной родственницы, чем сразу были бы объяснены как их значительное сходство, так и их индивидуальные различия. Но этого заключения Крукс, однако, не вывел. Как истинный джентльмен, Крукс считал невозможным, чтобы молоденькая Флоренса в течение нескольких лет могла совершать умышленные обманы. Он скорее соглашался, что дух Кэти представлял из себя род ее лучеиспускания, действие ее психической силы. Но каким образом психическая сила может создавать самостоятельное, разумное существо с телом и кровью, у которого можно отсчитывать пульс и даже отрезать на память локон, — об этом он умолчал.

Но вот, через семь лет произошел и финал. Напрактиковавшись ходить в полумраке среди зрителей в качестве воплотившегося на время духа, Флоренса в 1879 и 1880 годах устроила в «Британской ассоциации спиритологов» и провела ряд сеансов, на которых появилась в виде Кэти. Но здесь, к сожалению, не все оказались джентльменами. Некоторые из присутствующих возымели подозрение, что она (бывшая тогда уже замужем за м-ром Корнером) сама изображает духа, облачаясь в белое одеяние. На одном сеансе, 9 января 1880 года, они внезапно вскочили и схватили духа Кэти, который, при полном освещении и исследовании, действительно оказался самой Флоренсой, только с фланелью под платьем и в корсете.

Спириты объявили этот прискорбный случай «псевдоматериализацией». Они говорили, что медиум, лежащий в трансе, легко может под влиянием самовнушения бессознательно выступить в роли духа, прежде чем начнется действительная материализация. Кроме выше приведенной круксовской карточки Кэти Кинг и Флоренсы Кук, была через десятки лет получена и еще одна достоверная фотография, изображающая одновременно и духа и медиума, изображенная на рис.81. Этот снимок сделан в 1887 году Аксаковым в одном лондонском частном кружке. Медиумом тогда служил известный и неоднократно уличенный в обмане Эглингтон, дух же, который не был телесно исследован присутствующими, довольно похож на куклу, образованную из маски, сюртука и простыни. А сама фотография, даже и в оригинале, настолько неясственна, что сначала надо ее спросить, не есть ли «дух» — медиум, а медиум — кукла. Да и сделанное Аксаковым описание того, что про-

исходило на сеансе, нисколько не исключает возможности предполагать, что Эглингтон играл обе роли, являясь попеременно, смотря по надобности, то в своем собственном платье, то в одеянии «духа».

Мы видим, что со времени привоза духов в Европу из Индии Еленой Петровной фон-Ган-Блаватской они сильно размножились в Западной Европе и Америке и даже стали принимать телесные формы, в которых их невозможно было отличить от живых людей. Они еще не удостаивали навсегда остаться между нами, но оставляли на память свои локоны и даже позволяли делать гипсовые снимки со своих рук и ног, по способу американского геолога Дентона. Ученый этот как-то сделал наблюдение, что если погружать палец в растопленный парафин, а затем в холодную воду, то на пальце получается толстая парафиновая оболочка, которую можно снять, не повредив ее. Если затем наполнить этот парафиновый футляр гипсом (или снова стеарином), то получается вполне точный отливочек пальца: каждая пора и линия кожи выражена на нем так ясно, что ни один художник не мог бы воспроизвести его с такой точностью. И вот он воспользовался этим на одном сеансе с материализацией и получил от пальцев материализовавшегося перед всеми духа отливки пальцев, не имевших никакого сходства с пальцами присутствующих. Спириты стали таким способом получать затем отливки даже целых рук и ног, считая это сильным доказательством участия духа.

В книге Аксакова «Анимизм и спиритизм» (часть I) находятся многочисленные сообщения о подобного рода сеансах. Добытые формы были то совершенно сходны с руками и ногами медиума, то нет, а в последнем случае нигде нет полной гарантии того, что медиум не имел данную форму при себе еще до начала сеанса.

Среди людей, которых нельзя, конечно, заподозрить в шарлатанстве, оказался и Фридрих Цельнер (1834—1882 гг.), профессор астрофизики в Лейпциге, занимающий сходное положение с Вильямом Круксом. Их сообщения уже нельзя было без дальних слов объявить за продукт фантазии. Научный авторитет Крукса и Цельнера имел как для спиритов, так и для их противников большее значение, чем тысяча однородных показаний, сделанных лицами, имена которых слышишь первый раз в жизни. По этой причине и при рассмотрении явлений, уже задолго до них наблюденных другими, для них особенно интересны результаты, к которым пришли эти исследователи.

Опыты Цельнера были произведены сообща с американским медиумом Генри Слэдом и касались преимущественно двоякого рода явлений: «непосредственно письма» и «проницаемости материи».

«Непосредственное» или «психическое письмо» впервые было открыто лифляндским бароном Людвигом фон-Гюльденштубе и его сестрой Юлией. Он издал отчет о своих опытах под заглавием «Позитивная и экспериментальная пневматология» <...> (Париж, 1857). Он начал, по его непроверенным словам, с того, что положил бумагу и карандаши в запертую шкатулку, ключ от которой он постоянно носил с собой. От времени до времени он осматривал бумагу. По прошествии двенадцати дней на ней впервые показались какие-то мистические знаки. При позднейшем же наблюдении, открыв шкатулку, он явственно видел, как письмо как бы зарождается на бумаге, без всякого участия карандаша. С этого времени он совершенно устранил карандаш и постепенно получил тысячи психограмм просто тем, что клал кусок белой бумаги на стол в своей комнате, или на подножие какой-нибудь статуи в общественном здании, на надгробные памятники в церквях или на кладбищах. Такого рода факты имели место в античной зале Лувра, в соборе Сэн Дени, в британском музее, в Вестминстерском аббатстве, на различных парижских кладбищах и т.д., часто (опять, прибавляем, по его же собственным словам) в присутствии многочисленных свидетелей. Письмо это постоянно принадлежало духам знаменитых умерших и, как Гюльденштубе, так и его сестра, видели их собственными глазами за работой.

Второй человек (после Гюльденштубе), наиболее преуспевший в области психографии, был американец Слэд. У себя на родине, по его словам, он добился непосредственного письма уже в 1860 г. Но знаменитость он приобрел лишь с тех пор, как прибыл в 1876 году в Лондон и здесь устроил публичные сеансы. Эти последние возбудили к себе огромное внимание, в них принимали участие многие более или менее известные люди, которые сообщали о своих наблюдениях в газетах и журналах. Члены Британской ассоциации спиритов захотели там подвергнуть вызываемые Слэдом явления точному контролю в своем собственном помещении. Слэд согласился, но с тем странным условием, чтобы при опытах всякий раз присутствовало не более двух членов. Почему же не больше, если тут не было никакого фокуса?

Но вот описание двух членов. Первый — м-р Эдемс пишет между прочим: «Слэд был проведен в назначенную для опыта комнату, где он последовательно принимал по два члена. Последними вошли туда м-р Хенна и я. Мы нашли Слэда стоящим у обыкновенного складного стола, который вместе с тремя назначенными для нашего сидения стульями был удален от остальных предметов, находившихся в комнате, на расстояние от восьми до десяти футов. Я выразил желание, чтобы что-

нибудь было написано в моей записной книжке, которую я подал Слэду вместе с кусочками синего карандаша. Слэд, взяв карманную книжку, держал ее над столом открытой и вполне у нас на глазах; затем он положил врученный ему мною кусочек карандаша на открытую страницу и закрыл книжку, насколько позволял это сделать его большой палец, которым он держал книжку за один ее угол. Через минуту мы услышали указание, что дело сделано, хотя за это время медиумом не было произведено никакого движения, так как мы вполне могли видеть как книжку, так и обе руки Слэда; в книжке действительно оказалось письменное сообщение». А какое сообщение – почему-то умалчивается.

А м-р Хенна пишет об этом же: «М-р Эдмендс выразил желание, чтобы что-нибудь было написано в его карманной книжке. На нее был положен кусочек цветного карандаша, Слэд держал ее совершенно открытой, наполовину видной для нас, наполовину спрятанной под углом стола. По прошествии минуты книжка обнаружила сотрясение при отсутствии всякого движения со стороны медиума, и мы услышали указание, что что-то написано; мы могли видеть как книжку, так и обе руки Слэда».

Итак, по одному свидетелю Слэд держал книжку закрытой над столом, а по другому выходит как раз обратное: книга была не закрыта, а открыта и не вся на виду, а отчасти находилась под столом. Но это не единственное разногласие: и в сообщениях других членов комиссии встречаются подобные, хотя и не столь значительные несогласия. Сверх того, одно сообщение упускает из виду чрезвычайно важные вещи, о которых упоминает другое. Так, например, Эдмендс в своем приведенном выше рассказе говорит, что они смотрели двойную лодку, когда та была положена на стол; между тем м-р Хенна совершенно умалчивает об этом. А самое-то важное везде и всегда оказывается, насколько мне известно, как бы умышленно выпущенным: каковы были условия освещения комнаты, где являлись духи и совершались эти чудеса. Читая, думаешь, что дело происходило если не днем, то, по крайней мере, в сумерках, или при слабом ламповом освещении, а когда мне специально приходилось расспрашивать непосредственных участников, то обнаруживалось, что их сеансы всегда происходили хотя бы отчасти в полной темноте, когда никто не мог ни видеть ничего, ни фотографировать. «Кому же теперь верить? – спрашивает д-р Леманн (стр. 344). Если различные известия относительно той же самой вещи в такой степени расходятся между собой и опускают важные обстоятельства (вроде освещения комнаты), то это, конечно, не усиливает нашего доверия к надежности наблюдателя. Ведь при этих условиях возможно, что обе стороны впали в

ошибку даже и в той части, где они согласны между собой. Потому и при исследовании «Британской ассоциацией спиритов» приходится прежде всего искать, каким способом обманывал их Слэд. А что он обманывал, это было даже удостоверено.

В сентябре 1876 года профессор зоологии Ланкастер возымел наконец подозрение, что деяния Слэда не более как ловко исполняемые фокусы, и когда Слэд опускал под стол якобы чистую доску, Ланкастер моментально выхватил ее у него и увидел, что там уже имелась «весть от духов». Он еще и раньше заметил, что вся рука Слэда совершала такие движения, как если бы он писал в темноте на доске. Ланкастер возбудил против Слэда обвинение в обмане, и тот, по английскому «закону о бродягах-шарлатанах» был присужден к трем месяцам рабочей тюрьмы, но апелляционный суд отменил это решение, хотя и не по существу, а лишь на основании нарушения формы. Слэд был выпущен на свободу и в следующем году жил попеременно в Англии и Голландии. Осенью 1877 г. прибыл он в Берлин, где его деятельность возбудила такое же внимание, как и в Лондоне. Но, несмотря на все усилия, берлинским спиритам не удалось побудить к исследованию этих явлений ни Гельмгольца, ни Вирхова и других знаменитых ученых, и только в Лейпциге этим делом решился заняться известный астрофизик Цельнер. 15 ноября 1877 г. Слэд, по его приглашению, в первый раз явился в Лейпциг, и Цельнер экспериментировал с ним до июня 1878 г. При этих опытах «сила» Слэда достигла своего высшего проявления: в присутствии Цельнера у него удачно выходили различные опыты, которых впоследствии ему никогда не удавалось воспроизвести опять. Описание их Цельнер издал, вместе со своим заключением, в трех томах своих «научных статей» (Лейпциг, 1878—1879), где самим опытам посвящается лишь незначительная часть этих томов, заключающих в себе 2000 страниц. А большая их часть представляет яростные нападки Цельнера на различных немецких ученых, за то, что они не хотели согласиться на исследование деяний Слэда, а постоянно считали его за ловкого фокусника, который все время обманывал его, Цельнера. Его горячее желание доказать подлинность медиумических явлений обратилось тут в настоящую манию, и вместо того, чтобы сообщить вполне точные сведения о своих опытах и представить их в таком изложении, которое исключало бы всякую мысль о возможности при данных условиях какого-либо обмана, он ограничивается тем, что указывает в нескольких строках результаты, опуская окружающие обстоятельства; но при этом осыпает своих противников отборнейшими грубостями.

Только в виде исключения Цельнер снисходит до изображения самого главного, именно окружающей обстановки. Об одном из своих замечательнейших опытов относительно непосредственного письма он рассказывает, например, следующее (т. 2 стр. 216, прим.):

«Две мною самим купленные, снабженные метками и тщательно вытертые аспидные доски были крепко связаны вместе крестообразно наложенным шнуром в 4 квадратных миллиметра толщиной, после того как сначала между ними был помещен отломок от нового грифеля толщиной около 5 миллиметров. Такая доска была положена у самого угла незадолго перед тем лично мною купленного ломберного стола из орехового дерева. В то время как В. Вебер, Слэд и я сидели за столом и занимались магнетическими опытами, причем все наши шесть рук лежали на столе, а руки Слэда были удалены от доски на расстоянии более двух футов, внезапно между никем не тронутыми досками начались очень громкие звуки писания. Развязав потом доски, мы нашли девять следующих строк... На доске находилась та метка, которую я заранее нанес на нее, так что здесь не может быть речи о ее подмене, или предварительном приготовлении».

Но ведь даже посредственный фокусник был бы в состоянии написать что-нибудь на паре связанных вместе досок, в то время как возле два сидящих ученых погружены в магнетические опыты: едва ли можно найти более благоприятные условия для обмана. Да сверх того и сам Цельнер ухватился за эти явления с целью во что бы то ни стало подтвердить свои размышления о том, что чистая алгебра в приложении к геометрии не ограничивает пространство пределом трех измерений — длиной, шириной и высотой. Действительно, если мы линии обозначим через a (рис.), то устроенный на ней квадрат будет aI , построенный на квадрате куб будет aI . Но ведь алгебра дает нам возможность написать и a , a , a , и т.д. Чему же пространственно будут соответствовать эти алгебраические выражения? Оказывается, что нет доступных для нашего движения пространств: все животные могут двигаться только в длину, ширину и высоту, но не могут двигаться еще по четвертому измерению, которое не есть ни длина, ни ширина, ни высота, а нечто совсем особое. И кроме того, физика показывает нам, что ни в одно из таких многомерных пространств не заходят и физические силы природы. Так можно доказать, что в двухмерном пространстве, каковым является поверхность этого листка бумаги, свет, лучистая теплота, электромагнитные волны и сама сила тяготения ослабевают бы пропорционально своему расстоянию от центра своего исхода, что и можно доказать для света, распростра-

няющегося в узком пространстве между двумя зеркальными поверхностями, в трехмерном (объемном) пространстве все эти силы природы должны ослабевать пропорционально квадрату расстояния, как это и есть. В воображаемом четырехмерном пространстве, как показывает та же математическая теория, они ослабевали бы пропорционально кубу, пятимерном пропорционально четвертой степени расстояния от точки своего исхода и т.д.. Но все естественные силы природы ослабевают в бесконечном свободном пространстве вселенной только пропорционально квадрату расстояния от своей исходной точки... И вот Цельнер пришел к заключению, что существование пространств высшей меры можно доказать тем, что в них способны залетать духи. Но тогда ясно, что они могут неожиданно появляться в совершенно замкнутых пространствах. Вообразите, например, что они могут летать не только в длину, ширину и высоту, но также и в прошлое и будущее.

Так как мы ощущаем только настоящее время, которое есть граница между прошлым и будущим, они должны, перелетев, например, в прошлое, совершенно скрыться из нашего вида, а затем, перелетев в настоящее время, вновь появиться между нами, и тогда произойдет ряд чудес.

Вот, например, закупоренная бутылка, и вот свинцовая пуля. Как ее вложить в закупоренную бутылку? Для нас это невозможно. А дух может захватить эту пулю с собой в прошлое (причем она исчезнет на наших глазах), выбрать в прошлом тот момент, когда бутылка была еще откупорена, положить пулю туда, возратить ее в наше настоящее время, когда мы снова ее увидим, а сам дух вновь возвратится в наше настоящее время к спиритическому столу.

Вы видите сами, как важно было для Цельнера, пришедшего к предварительному убеждению в существовании еще четвертого измерения нашей вселенной (которое я здесь приравнял, для ясности, ко времени ее существования), найти доказательства таких явлений.

Слэд был для него настоящий клад. Он производил чудеса, даже много интереснее, чем обычные в спиритических сеансах фокусы, когда какой-нибудь предмет, перед тем находящийся перед вами, через несколько времени оказывался в запертом вами же шкафе, ведь ключ к нему можно было и подделать. Под влиянием мистической силы Слэда (которого так неделикатно поймал в плутовстве только профессор зоологии Ланкастер в Лондоне и больше никто) в присутствии Цельнера появились узлы на шнурке, оба конца которого припечатаны собственной печатью Цельнера, что могло быть, конечно, сделано только в том случае, если дух на мгновение уносил его в

прошлое, когда концы еще не были припечатаны, и, сделав на нем узлы, вновь возвращал их в настоящее время. И этим же объяснялось и то, что если вместо шнура вырезывалось из кишки кольцо, на котором нельзя было сделать узла без его разрыва, то несмотря на все усилия Слэда их не появлялось.

Но читатель сам, конечно, понимает, что при страстном желании Цельнера получить такие результаты и при ловкости Слэда, который во время своих сеансов мог даже и гипнотизировать Цельнера, нам нет нужды прибегать к четвертому измерению вселенского пространства. Ловкость фокусников часто бывает поразительной. Я сам понимаю, как одна молодая женщина поразила и меня самого. Она вынимала свой носовой платок, мы клали в него спичку, она завертывала ее в платок, вытянув перед нами голые руки и показывая, что в них ничего нет, а затем давала нам всем переломить в платке спичку. Мы ясно чувствовали ее в платке, ломали так, что при переходе через несколько рук она превращалась в мелкие кусочки. А затем, после нескольких заклинаний, раскрывала платок и спичка оказывалась там совершенно цельной. О возможной подмене, казалось, не могло быть и речи, и мы так бы и разошлись в полном недоумении. Но на мои усиленные просьбы она показала свой секрет. Еще ранее, чем она пришла в нашу компанию, она уже приготовилась повести так разговор, чтобы мы сами вызвали ее показать нам что-нибудь. Она заранее вложила спичку в каемку своего носового платка так, что когда она вынула его из своего кармана и встряхнула перед нашими глазами, ее никак нельзя было заметить. А завернув в платок нашу спичку, она дала ломать нам не ее, а свою спичку, в каемке, подвернув ее тоже в середину. В результате получилось нечто действительно поразительное.

Читатель, вероятно, догадался уже, что я привел здесь и Крукса, и Цельнера лишь для того, что от мистификации не гарантирует нас даже и свидетельство вполне добросовестных и знаменитых ученых нового времени.

Затем наступает реакция и недоверие. На одном материализационном сеансе в Голландии, происходившем в 1878 году, в чисто спиритическом кружке, присутствовавшие схватили медиумов Вильямса и Риту и уличили их в том, что они сами фигурировали в качестве духов. 1880 год принес не менее двух сенсационных случаев такого рода, причем в одном из них дело шло, как мы видели, об Эглингтоне в Мюнхене, а в другом о Флоренсе Кук, мистифицировавшей физика Крукса. Последующие годы также были богаты разоблачениями: в 1881 г. пострадали м-р и м-рис Флетчер, в 1882 г. м-рис Вуд; особенно заме-

чателен в этом отношении 1984 г., когда известный всей Европе медиум, американец Бастиан, был уличен в обмане австрийским кронпринцем Рудольфом и эрцгерцогом Иоганном¹.

При всех таких случаях спириты, естественно, старались ослабить дурное впечатление при помощи более или менее остроумных гипотез и объяснений, как мы видели это уже относительно случая с Флоренсой. Медиумы стали боязливее, и это в свою очередь понижало их медиумическую способность, так что многие из них не осмеливались более выступать публично, прочие же обнаружения их силы продолжали быть сравнительно незначительными. В последующие годы медиум стал большою редкостью. Этому существенным образом способствовала и появившаяся в 1881 г. в Лондоне книга «Исповедь медиума» (1883, стр.191). Известный по процессу Бюге медиум Альфред Фирман имел в течение нескольких лет своим помощником некоего Чепменна, который мало-помалу был посвящен во все тайны профессионального медиума. При этом он узнал, что физические проявления — по крайней мере у медиума Фирмана — были просто фокуснические уловки. В конце концов ему стало невыносимо более постоянно обманывать легковверных и простодушных людей, и он отказался сотрудничать. За это Фирман оставил его в чужой стране, где он был лишен всяких средств к существованию и потому нарушил договор молчания и написал упомянутую книгу. В ней сеансы физических медиумов описаны с такой точностью, которая ни в ком из присутствовавших когда-либо на подобном представлении не может оставить сомнение в том, что автор целые годы вращался в этой области. Здесь же подробно описаны и все уловки для произведения данных явлений.

Редактор психических этюдов Виттинг воспользовался даже этим случаем, чтоб открыто признать несомненную подложность лучших доказательств в пользу материализации духов. Он имел в виду также и несколько парафиновых форм, снятых с рук, появившихся неожиданно на сеансах, которые устраивал в Англии с различными медиумами немец Реймерс.

Но если, таким образом, дело с доказательствами истинности спиритизма стояло довольно плохо, то тем пышнее расцвела теоретическая литература по этому вопросу. В 1885 г. появилось известное произведение Эдуарда фон Гартмана «Спиритизм», где он, исходя от медиумических явлений как фактов, старается доказать, что медиум в трансе оказывает гипнотическое воздействие на всех присутствующих, кото-

¹ Д-р Леманн. История суеверий и волшебства. С. 367.

рые приводятся в некоторого рода сомнамбулическое состояние. При этих обстоятельствах умственные представления медиума переносятся в виде галлюцинаций на окружающих, так что последние действительно верят потом, будто они пережили то, что им было лишь внушено. Но так как фотографическую пластинку или школьную доску нельзя загипнотизировать, то, веря в действительность даже и их, Гартман признал, что «психологическая сила» медиума способна вызывать даже светящиеся привидения в пространстве и приводить в движение неодушевленную материю, так что могут получаться и фотографические снимки, и писания, и парафиновые формы, и тому подобные наглядные результаты.

Если на каком-нибудь сеансе появляется фигура духа, то это, по Гартману, просто галлюцинация, воображение всех присутствующих; если же кто-нибудь внезапно нажмет пуговку фотографического аппарата (хотя и в темноте) и вдруг получит на снимке фигуру, то она образовалась из психической силы медиума привидением, т.к. иначе ее нельзя было бы сфотографировать. И Гартман часто пользуется обеими гипотезами, смотря по тому, как ему удобнее, и, сидя таким образом сразу на двух стульях, портит свою позицию. В своих статьях «Критические замечания» на книгу доктора Э. Гартмана «Спиритизм», печатавшихся в «Психических этюдах» в течение пяти лет и вышедших потом в отдельном издании под заглавием «Анимизм и спиритизм», Аксаков пункт за пунктом опровергает его, исходя из предположения, что всякое явление должно быть объяснимо одинаково, спирит вполне приводит здесь философа. «И ответ Гартмана “Спиритическая гипотеза о духах” (Лейпциг, 1891 г.) невольно подтверждает это жалкими изворотами, к которым прибегает автор, подавленный критикой своего противника», — говорит д-р Леманн (стр. 369).

Аксаков делит медиумические явления на три большие группы, в зависимости от обуславливающих их причин. К первой группе он относит элементарные медиумические явления, каковы столоверчения, сообщения через стук стола, через механическое письмо и речь. При всех этих явлениях естественным образом действует личность самого медиума; самое большее, если в некоторых случаях, особенно у пишущих и говорящих медиумов, оказывается необходимым более или менее ненормальное психическое состояние, транс. Вторую группу образуют анимические явления, где психическая сила медиума, по неизвестным пока законам, производит действия, превосходящие то, что могут произвести телесные силы. Сюда принадлежит, например, передача мыслей на более значительные расстояния, движение предметов без прикоснове-

ния и материализация. В вопросах об этих явлениях Аксаков примыкает к оккультистам. А спиритические явления, — по его мнению, — ни в чем не уклоняются от первых двух групп: они совершенно однородны с ними и отличаются от них лишь своим интеллектуальным содержанием. К ним относятся те сообщения медиумов, которые превосходят их знания. Только тогда мы имеем право предполагать участие высших разумных существ. Поэтому Аксаков лишь в очень ограниченном числе случаев видит несомненное доказательство участия духов и прямо предостерегает от признания каждого необычайного явления за обнаружение деятельности духов.

Такой же точки зрения держался и спиритический писатель Карл дю-Прель. Разработавши учение Цельнера о четырехмерных разумных существах, он пришел к выводу, что вмешательство их в людской мир не только не стоит в противоречии с законами природы, но есть естественное следствие их прогрессивного развития, а также и развития самих людей. Его оккультическое учение является даже как бы выводом из дарвиновской теории развития.

Так мистика стала искать сближения с естествознанием и этому способствовали в особенности научные исследования относительно гипноза, начавшееся около 1880 года, когда оказалось, что многие из явлений, которые до сих пор были известны лишь по спиритическим сеансам, могут быть названы искусственно у загипнотизированных лиц, особенно если последние истеричны, т.е. находятся в истеро-гипнотическом состоянии. И вот загадочные до тех пор явления получили совсем иное освещение.

Но спириты все же не прекращались. В 1891 году одна итальянская крестьянка Евсапия Палладино, подготовленная к роли медиума синьором Эрколе Киалой, была представлена для исследования некоторым ученым. Их сеансы происходили в Неаполе в 1892 году. В них принимали участие знаменитый итальянский психолог Ломброзо, астроном Скиапарелли, французский физиолог Шарль Рише, спириты Аксаков и дю-Прель и некоторые итальянские ученые. Явления были здесь те же, какие известны по другим спиритическим сеансам: движения и изменения в весе неодушевленных предметов, изменения в весе медиума, материализация, отпечатки рук духов на глине или муке и т.д. Часть ученых убедились, но Рише, изложивший свой взгляд на дело в 1893 году в «Летописи психических наук», пришел к тому выводу, что ни одно из этих явлений не происходило при безусловно доказательных обстоятельствах. Постоянно оказывалось, что когда стол должен был подняться без прикосновения, платье Евсапии оттопыривалось, так как

касалось какой-нибудь ножки стола; когда она стояла на весах и происходило изменение ее веса, то это случалось только тогда, если она до кого-нибудь дотрагивалась, «чтобы вобрать больше силы», или если ее платье касалось пола, так что под ним могла скрыться подпорка и т.д. А если хотели предотвратить эти подозрительные детали, то Евсапия или противилась этому, или ничего более не случилось. Комиссия ученых всегда должна была ограничиться лишь наблюдением явлений, которые обнаруживались при установленных ею условиях. «А как только присутствующие пытались установить свои условия, явления прекращались», — говорит Рише. А деликатность присутствующих мешала сделать какие-либо резкие поступки, не допустимые в хорошем обществе по отношению к женщине, вроде, например, неожиданно выхватить подпорку из-под ее опущенного подола, когда начала уменьшаться на весах ее тяжесть.

Однако и деликатности бывает конец, и в 1895 году, когда она, прославившись, поехала по Англии, ее разоблачили в Кэмбридже.

Один из ее обычных приемов состоял в том, что за столом образовывался круг людей, из которых всякий клал свою правую руку на левую соседа (рис.). В результате все руки были заняты, комната заперта. Кто-нибудь гасил лампу на столе и обратно клал свою руку на левую соседа. Ничего не было, кроме нервного дрожания рук медиума, которое вскоре тоже прекратилось и вдруг кто-то невидимым и неслышимым начинал ходить по комнате, прикасаясь рукою то к одному, то к другому из присутствующих. Он оставлял и отпечаток своих пальцев на приготовленном для него каком-нибудь пластическом веществе. Как было объяснить дело? И вдруг, благодаря неделикатности одного из присутствовавших, обнаружилось, в чем дело.

Во время сеанса в темноте Палладино при якобы нервных горизонтальных движениях постепенно придвигала свою левую руку, которую не выпускал из своей правой сосед, к своей правой руке. А ее левая рука, якобы нервно подпрыгивавшая вверх и вниз, под правую второго соседа, достигнув соприкосновения с правою, моментально заменялась его. Ее левому соседу казалось, что ее рука только на момент подпрыгнула над его рукою и он не придавал этому значения, а другой сосед не придавал значения тому, что ее судорожно двигавшаяся справа налево рука уже значительно передвинулась со своего прежнего места. Выходило положение, указанное на среднем и правом рисунках, и правая ее рука свободно прикасалась к головам и рукам присутствовавших, звонила в вынутый из-за корсажа колокольчик, оставляла отпечатки и так далее, а потом обратно становилась вместо правой. Удобство таких обманов

заклучалось в том, что прстидижитатор почти всегда может уклнниться от допущения на свои опыты таких лиц, которых опасается, как это я могу рассказать по собственному опыту. Я не отвергаю в принципе телепатии, т.е. передачи ряда мыслей или настроений человека по способу беспроводного телеграфа. Ведь всякая наша мысль и всякое ощущение должно сопровождаться электромагнитными колебаниями атомов нашей головной нервной системы, распространяющимися волнообразно во все стороны, и ослабевая в трехмерном пространстве нашего мира, как и волна света, пропорционально квадратам расстояния. Раз это так, то эти волны способны и даже всегда склонны воспроизвести в другом мозгу ту же самую последовательность мыслей и ощущений, как это делают и наши радиоприемники, если между мозгами различных индивидуумов нет специальных изоляторов, мешающих симпатическому отклику, или если мозговые полушария разных лиц настроены не на «одну и ту же серию волн»; как в особенности должно быть в бодрствующем состоянии людей, когда каждый мозг уже работает самостоятельно и этим самым как бы отражает чужие психические волны. Допустивши, что в гипнотическом сне изолирующие преграды или отражающая способность нашего мозга для внешних электромагнитных волн исчезает, мы легко придем к возможности такого вторжения чужих мыслей и представлений в нашу голову, которые затем закрепятся в нашей памяти, как наши собственные переживания, и будут неотличимы от следов наших собственных реальных переживаний. Это то же самое, как всякий камертон и всякая струна начинают звучать, когда до них доходит звук другого камертона или струны, настроенных с нею в унисон. А если при этом присутствуют и «усилители», то воспринятые ими колебания могут стать даже сильнее, чем у их возбудителя.

С этой точки зрения гипнотическое внушение возможно даже и помимо шепота гипнотизера на языке, понятном для загипнотизированного, а путем простого воображения им заранее намеченного ряда явлений.

С целью научного исследования таких явлений мне очень хотелось попасть на медиумические сеансы. Но те два-три медиума, с которыми мне приходилось соприкасаться, моментально отскочили от меня, хотя я и предупреждал их, что не отвергаю возможности существования таких сил природы, о которых еще ничего не известно нашим современным ученым, а потому и пойду к ним на сеансы с открытым сердцем. Первый раз моя неудача произошла с одним ученым оккультистом М. в 1913 году. У него, как мне на ухо сказал один общий знакомый, была

тайная оккультная школа, в которой практиковались адепты и происходили великие чудеса, а печатные труды его под псевдонимом О. я уже читал. Когда меня привели к нему, на квартиру, взяв обещанье не выдавать тайны, я увидел высокого сухощавого человека с неровно подергивающимся лицом и такую же женщину, его жену. Он мне сказал, что получил свои сведения в Индии, прибавив, что с удовольствием посвятит меня в оккультные тайны, но только я, прежде чем начать вызывать духов самому, должен подвергнуться испытаниям, сильно действующим на нервы. Считаю ли я себя способным на это? Я спросил его, какие, например, будут опыты.

— Вы, — ответил он, — будете прежде всего наедине посажены на стул в комнате и кругом обведена черта мелом. Потом появится слабый свет, начнутся разные звуки потом и страшные видения. Они будут на вас бросаться, а вы будете отражать их данною вам шпагой, но ни в каком случае вы не должны переступить черты, иначе дело может окончиться смертью. Готовы ли вы на такое испытание?

— Вполне готов! — ответил я

— Но ручаетесь ли, что не переступите через черту?

— Ручаюсь!

— Как вы можете говорить так спокойно! Ведь будет нечто ужасное.

— Только не для меня, — ответил я. — Сражаясь с этими духами, я прежде всего буду им говорить: вы ничего не можете со мной сделать! Ведь если б из квартир, где занимаются оккультными науками, выносились время от времени трупы, то на это давно было бы обращено внимание правительств! Что бы ни предпринимали чудовища, я буду чувствовать себя в полной безопасности.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Раз ночью, в Шлиссельбургской крепости, у меня был такой кошмар. Мне казалось, что я в Индии стою, прислонившись к утесу в чаще джунглей, совершенно безоружный. Вдруг джунгли раздвинулись и прямо передо мной явился огромный тигр. Спасенья нигде не было. Он смотрел прямо мне в лицо огненными глазами, а я прямо на него. Прошла, казалось мне, минута или две в этой неподвижности. Вдруг мне пришла в голову мысль: но ведь ничего этого быть не может, хоть все и так ярко, как в действительности, и ничем отличить нельзя. Я сразу почувствовал себя спокойным и сказал ему:

— Ты ничего со мною сделать не можешь! Ведь ты только мой сон!

Тигр зарычал страшным голосом, повернулся и ушел. А я проснулся с сердцебиением. Так я отнесусь и к тому, что у вас увижу при испытаниях.

Мой новый знакомый внимательно посмотрел на меня. Угостил чаем, рассказал кое-что о чудесах недоступных стран Индии и, когда мы расставались, сказал, что занятия в его тайной школе оккультных наук начнутся не ранее как через два месяца, а когда будет время, он сам зайдет ко мне и приведет куда нужно.

И не пришел...

Второй раз неудача была с приехавшим в Петербург через год или два знаменитым медиумом Гузиком, приехавшим из Австрии. Один из сеансов должен был происходить у хорошо знакомого мне доктора, лечившего также и внушением. Я и моя жена заявили себя первыми кандидатами... Но сеанс произошел без нас; я сам предложил Гузику через одного из членов Общества Любителей Мироведения сделать сеанс в зале его заседаний для президиума. Он обещал и назначил время. Мы все собрались, а он не явился, извинившись на другой день болезнью и отказавшись приехать. А третий раз мне пришлось встретить на балу, устроенном Максимом Ковалевским в его доме. Туда был приглашен известный спирит. Меня с ним тотчас познакомили и предложили сделать опыт. Спрятать что-нибудь где-нибудь, а потом все время думать об этом месте, а он прочтет мои мысли и найдет. Я спрятал свою гребенку за спинкой одного дивана в одной из комнат, доступных для гостей. Он взял меня двумя пальцами за кисть руки и предложил идти по комнатам. Все время он метался то вправо, то влево, увлекая меня за собою, я держал в уме место своей гребенки, но не обнаруживал ничем. Вот мы прошли мимо дивана, он метнулся к нему, я не сопротивлялся и не ослаблял руки, мы миновали место и возвратились в прежнюю комнату. Гости, следовавшие за нами, стали улыбаться. Лицо его выразило полное отчаянье, его пальцы, сжимавшие мою руку, дрожали.

— Пойдемте еще раз, — сказал он с отчаяньем. — Вы, очевидно, не все время думали о том месте и предмете.

Опять началась прежняя история. Мне стало очень его жалко, и вот, когда мы снова проходили мимо дивана, и он к нему потянулся, я нарочно ослабил свою руку. Он повалился на диван и, проведя рукой между мягкой его спинкой и сиденьем, с торжеством вынул оттуда мою гребенку!

Понятно, что я нигде не описал этого случая, как подтверждение возможности читать мои мысли.

Но не такого ли происхождения и большинство описанных очевидцами удач? Ведь действительно бывает очень жалко видеть мученья этих людей, и невольно становишься их участником и желаешь как-нибудь выйти из тяжелого положения.

А они становятся от этого знаменитостями.

Оглавление

Предисловие. Многомерная история,
или почему история ничему не учит (С.И. Валянский) 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ **Азиатские будды**

Глава I. Необходимые предупреждения.....	21
Глава II. Странные события, совершающиеся теперь на нашей земле	26
Глава III. Неправдоподобные обстоятельства, при которых найдено большинство наших важнейших древнеазиатских книг	34
Глава IV. Буддизм в Сибири	37
Глава V. Шаманство и буддизм	44
Глава VI. Житейско-религиозные обряды пробужденцев	51
Глава VII. Гипнотические средства буддийских учителей для поддержания аскетической корпорации	61
Глава VIII. Церковная иерархия пробужденцев	69
Глава IX. Первобытное религиозное чувство человека и детские сказания современных сибирских буддистов	82
Глава X. Буддизм пришел в Азию не с Гималайских, а с Карпатских гор	110
Глава XI. Суд над буддийской душой. Буддистские демоны Чой-Жил и Эрлик-Хан. Буддистский ад	121
Глава XII. Буддийские боги и их отношение друг к другу и к людям	126
Глава XIII. Монгольско-бурятская «Книга Бытия» (Ганджур-Данджур) и ее космогония	135
Глава XIV. Космологические представления современного нам тунгусского, бурятского и калмыцкого буддизма.....	144
Глава XV. Несколько мыслей по поводу классического идеизма, материалистической механизации природы и естественнонаучной энергетики	172

ЧАСТЬ ВТОРАЯ **Христы в Индии и на Цейлоне**

Глава I. Чудеса Востока	185
Глава II. Несколько общих замечаний	189

Глава III. Буддийские культы в Индии, на Цейлоне и в Индокитае	196
Глава IV. Перерождение буддизма в Индии	202
Глава V. Книга Даранаты	210
Глава VI. Индусская теософия. Брамаизм и буддизм в сравнении с христианством	226
Глава VII. Монашеские ордена буддистов и их поразительное сходство с католическими	240
Глава IX. Буддийская мораль	242
Глава X. Философия индийского буддизма, рассматриваемая в связи с поздней христианской философией	249
Глава XI. Первичные воззрения буддистов	267
Глава XII. Характеристика наших сведений о Будде	275
Глава XIII. Волшебная сказка о перевоплощенце Будителе	286
Глава XIV. Современный буддийский фольклор	299
Глава XV. Рождение Будды-Христа под именем Гаутамы	302
Глава XVI. Некоторые размышления по поводу основателя религии пробужденства	315
Глава XVII. Попытка краткого эскиза реальной истории буддизма и общий вывод о его развитии из учения европейских христиан возвращенцев (несториан) V века нашей эры	324
Еще раз о психологии лживости и обмана. Эпилог буддизма	337

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Святая весть созерцателя звезд

Глава I. Лингвистика как средство установления реальной истории земных народов	349
Глава II. Два основных закона распространения культурных нововведений	353
Глава III. Зенда-Веста — Святые Вести. История их открытия и образчики их сказаний	362
Глава IV. Огромное количество слов явно славянского или отчасти греческого, латинского и даже немецкого происхождения, заключающихся в зендской литературе	381
Глава V. Общие выводы о позднем происхождении «Святой вести» и парсизма	388
Глава VI. Волшебная сказка об авторе Святой вести (Зенда-Весты, по-гречески Евангелия)	397
Глава VIII. Древняя ли это история или просто современная литература гебров-парсов, выработанная под влиянием Апокалипсиса?	417

Глава IX. Персы, парсы и парижане	424
Глава X. Еще о парсах в Индии и о годе Осла	431
Глава XI. Общее происхождение всех теософий старого света	440

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Индуистская божественная семья как пережиток средневекового классического христианства

Глава I. Славяне и Христос	446
Глава II. Всякое прозаическое повествование не древнее того времени, когда оно впервые записано	452
Глава III. Когда написаны Веды	455
Глава V. Браминская теология по европейским представлениям	459
Глава VI. Секта Джанов	486
Глава VII. Общая характеристика индусских культов	488
Глава VIII. Развитие горноазиатских религий под влиянием ислама и современного христианства	507

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Последняя вспышка догорающего огня окультных течений нового времени

Глава I. Суеверия и фокусничества в религиозных культурах	512
Глава II. Магия в Великой Ромее	515
Глава III. Схематический очерк развития спиритизма и оккультизма в христианской Европе XIX века	537
Глава IV. «Голос безмолвия» как высший образчик псевдо-индусской апокрифической религиозно- философской литературы нашего времени	543

Вниманию оптовиков!

Издательско-книготорговая фирма

предлагает всегда

широкий ассортимент (более 5 тыс. наименований) книг по

**ИСТОРИИ, ФИЛОСОФИИ, ПСИХОЛОГИИ,
ВОСТОКОВЕДЕНИЮ, НОВОЙ ХРОНОЛОГИИ,
СОЦИОЛОГИИ, КУЛЬТУРЕ**

а также

**альбомы, иллюстрированные издания,
словари, энциклопедии,
учебно-познавательную литературу,
прозу и поэзию**

издательств:

**Республика, Аграф, Аспект-пресс, Логос,
Тропа Троянова, Голос, Сибирский хронограф,
Знание, Радуга и многих других**

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14, «Крафт+»

тел. 186-93-78, 363-68-73

в С.-Петербурге: 141-23-37

E-mail: kraft@podlipki.ru,

www.podlipki.ru/~kraft

МОРОЗОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Азиатские христы

Отв. за выпуск А.А. Румынский

ИД № 00173 от 27 сентября 1999 г.

Сдано в набор 07.05.02. Подписано в печать 27.11.02.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Объем 36,25 п.л. Тираж 2000 экз. Зак. № 254

ООО Издательство «Крафт+»

129343, г. Москва, проезд Серебрякова, 14

тел. 186-93-78, 363-68-73

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»

248640 г. Калуга, пл. Старый торг, 5.

Общество мироведения

Николай Александрович Морозов Русский ученый-энциклопедист (1854-1946)

Настоящий том - самый поздний из всех 10 томов. Работа над ним началась лишь в 1931 году. Пролог в нем не совсем связан с основным содержанием. В его основу положена книга Б. Николаева "Физические начала архитектурных форм". Полагаем, если бы издание продолжилось, эта работа могла бы стать основой самостоятельного тома. Работа в архиве Н.А. Морозова, когда он будет доступен, возможно, позволит найти какие-нибудь указания на подготовку такого тома.

В книге рассматривается хронология истории Месопотамии, Ирана, обращено значительное внимание на предания "древних" народов, легших затем в основу их эпоса.

